

Александр *Малиновский*

собрание сочинений
том VII

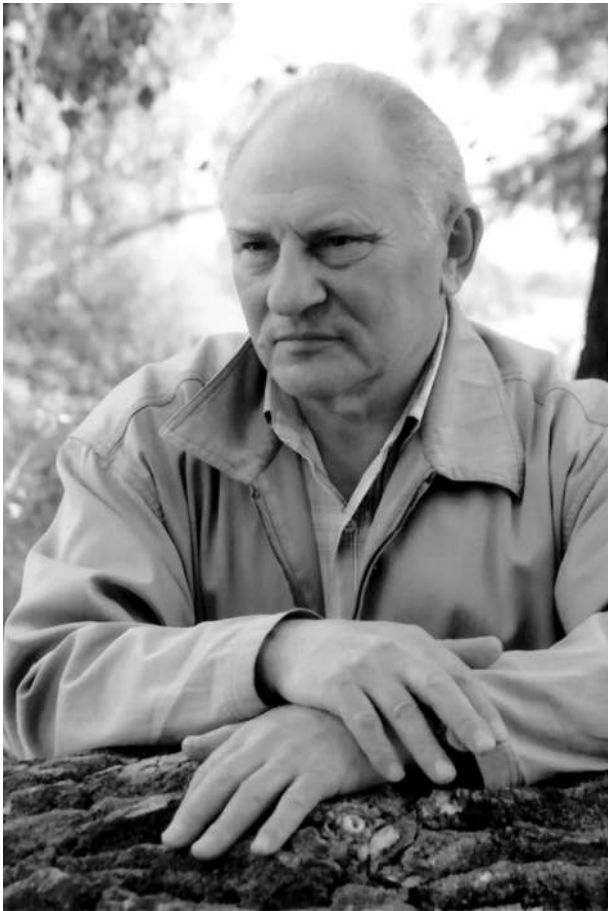

собрание
сочинений

Сага о первооткрывателях

VII

Александр Малиновский

**Собрание
сочинений
в 7-ми томах**

Том седьмой

Российский писатель

2019

Малиновский А.С.

М19 Собрание сочинений. В 7-ми т. Т. 7. — М.: Издательский дом «Российский писатель», 2019. — 508 с.

ISBN 978-5-91642-194-1

ISBN 978-5-91642-201-6 (7 том)

Настоящее собрание сочинений является наиболее полным изданием замечательного русского писателя, известного учёного, крупного производственного руководителя Александра Станиславовича Малиновского.

Александр Станиславович Малиновский родился в 1944 году в с. Утёвка Нефтегорского района Куйбышевской области. Окончил Куйбышевский политехнический институт по специальности «Инженер химик-технолог» и прошёл путь от рабочего до генерального директора крупных нефтехимических заводов.

Доктор технических наук. Заслуженный изобретатель России. Член Союза писателей России. Автор более тридцати книг прозы и поэзии.

Награждён медалями Русской Православной Церкви преподобного Сергия Радонежского и преподобного Серафима Саровского. Лауреат всероссийских литературных премий «Русская повесть», имени А. Толстого, имени П. Ершова, имени И. Шмелёва, имени Э. Володина. Лауреат Губернской премии в области культуры и искусства. Награждён Почётным знаком «За труд во благо земли Самарской».

ISBN 978-5-91642-194-1

ISBN 978-5-91642-201-6 (7 том)

© Малиновская Л.П., 2019.

Сага о первооткрывателях

ГЛАВА 1

ИСТОКИ, ИЛИ ВОЛЖСКАЯ АТЛАНТИДА

У истоков

Впервые я услышал о геологе-исследователе Северо-Востока России Валентине Александровиче Цареградском от жительницы Самары Жамили Кульчуновой. Она только что вернулась из Якутии, куда была приглашена на юбилей посёлка Усть-Нера.

Основателю посёлка исполнилось 110 лет, посёлку — семьдесят пять. 6 августа 1937 года В.А. Цареградский во главе группы геологов высадился в самом холодном месте на земле, Оймяконе, у берегов Неры и Индигирки.

Этот день высадки и стал датой основания посёлка Усть-Нера, который своим рождением обязан разведке и добыче золота.

А до этого, начиная с 1928 года, были экспедиции на Колыму.

— А вы знаете, что геолог Цареградский родился и жил в селе Никольское? — спросила меня Жамиля в нашем разговоре.

— На «тихой родине» поэта Николая Рубцова, на Вологодчине? — откликнулся я.

— Нет. У нас в Поволжье. В селе Никольское-на-Черемшане Ставропольского уезда.

Так я в один день впервые услышал и о В.А. Цареградском, и о селе Никольское-на-Черемшане Самарской губернии, ныне Ульяновской области.

— У нас в Ставрополе, теперь Тольятти, он учился в реальном училище, затем в — Самарском университете на физико-математическом факультете. И об этом практически никто не знает, — говорила Жамиля.

Мне захотелось знать о В.А. Цареградском. И как можно больше.

...Оказывается, что Жамиля уже энергично приступила к собиранию сведений о жизни нашего знаменитого земляка.

Вскоре с её помощью я составил для себя краткую справку.

В.А. Цареградский (24 июля 1902 — 5 августа 1990) — геолог, учёный, Герой Социалистического Труда (1944), генерал-майор инженерно-технической службы, лауреат Сталинской премии первой степени (1946), кавалер двух орденов Ленина (1941, 1944), двух орденов Трудового Красного Знамени (1935, 1943), орденов Красной Звезды (1945), «Знак Почёта» (1939), Почётный гражданин города Магадана (1969), Почётный разведчик недр (1987), награждён многими медалями.

Его именем названы улицы в городах и посёлках Якутии, Магаданской области, ледник в бассейне реки Буордах в горной системе Черского в Момском районе Якутии, один из видов моллюсков в юре Северо-Востока страны.

Интенсивное освоение Северо-Восточных окраин нашей страны началось с экспедиций Геолкома ВСНХ, участником и руководителем которых был В.А. Цареградский. Тогда была сформирована большая разветвлённая служба для исследований в бассейнах рек Яны, Колымы, Индигирки, Лены, на территории Чукотки. Совместно с академиком Смирновым им написан научный труд «Северо-Восток Азии, его металлогения и оловоносность». Ему принадлежат научные работы по геологии, палеонтологии, влиянии космоса на геологию Земли.

...И всё это малоизвестно теперь. В Самаре тем более.

Конечно, отчасти это объясняется тем, что вся активная трудовая и научная часть жизни В.А. Цареградского проходила за пределами Самарского края. Но всё же... Корни его родословной в нашем крае. Родился он на Волге!

...Жамиля Джумабаевна активно предпринимала попытки привлечь как можно больше внимания к изучению бесценного наследия учёного.

В её планах — организация в Самаре Русского культурно-образовательного фонда имени Валентина Александровича Цареградского, создание музея семьи Цареградских.

Цель Фонда: сохранение и передача опыта прошлых поколений, стимулирование интереса молодёжи к промышленному и научному возрождению России.

...Стоит только вдуматься: совсем небольшая группа геологов, заряженных мечтой молодых людей, открыла для нас богатейшие ресурсы территории к востоку от реки Лены.

Огромные пространства земли Северо-Восточной Азии обнаружили в своё время сибирские землепроходцы XVII века.

А потом были исследованы в этом крае не только горы, реки и моря, но и обнаружены огромные запасы руд и металлов. Всё это перед началом Великой Отечественной войны...

Прозябавшие когда-то земли, на которых вполне бы могли уместиться все государства Западной Европы, претерпели значительные преобразования. И у истоков этих свершений стояли несколько энтузиастов.

Первая Колымская экспедиция 1928-1929 годов, последующие три, с которыми связаны имена Юрия Александровича Билибина, Валентина Александровича Цареградского, Сергея Дмитриевича Раковского, Эрнеста Петровича Бертина, Дмитрия Николаевича Казанли и др., совершили небывалое.

Время освоения Колымского края явило после немало имён истинных первопроходцев, сделавших свои открытия и находки. Слава им!

Но участники Первой Колымской экспедиции под руководством Юрия Александровича Билибина, Второй, Третьей, Четвёртой, возглавляемые В.А. Цареградским, — были первыми! Первыми профессиональными геологами, включившимися в поиск золота.

О вкладе В.А. Цареградского в отечественную и мировую науку, в изучение и освоение Северо-Востока страны и Западной Якутии, в открытие нового направления в геологии в 1930-1950 годах известно по работам, написанным в разные годы. Теперь открываются неизвестные страницы его жизни, связанные с Самарским краем, убирается завеса тайны с засекреченных ранее архивных документов.

Имя В.А. Цареградского приобретает особое значение в связи с новым крупномасштабным научным исследованием и промышленным освоением территорий Якутии, Чукотки, Магадана, Камчатки научным сообществом России, проводимыми Российской Академией Наук, Правительствами России и Якутии.

Мы заразились своими поисками.

Хотелось знать: как всё начиналось?! Каким был В. Цареградский в жизни? Какими были окружавшие его люди — наши земляки? В 2018 году исполняется 90 лет начала системных поисков и разработки месторождений на Колыме. Самим

участникам было бы теперь более ста. Нет уже очевидцев тех событий. Не с кем поговорить как с участником великих, теперь это особенно очевидно, дел...

Неужто абсолютно прав наш национальный гений поэт Державин, родившийся в Казани, проведший свои детские годы в основном в принадлежавшем его родителям селе Богородское Борского района Самарской области? Истоки его рода и многие годы жизни тоже связаны с нашим Заволжьем.

*Река времён в своём стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остаётся
Через звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрётся
И общей не уйдёт судьбы.*

Уж больно безжалостно и жестоко сказал классик за два дня до своей смерти. Сколько знаю это стихотворение, столько и живёт во мне сопротивление против забвения дел человеческих. Неужто беспмятство так неотвратимо?.. Память! Она передаётся из поколения в поколение. И это живуче в народе. Потому и существуют легенды, сказания, воспоминания, что есть неистребимое желание знать и помнить! А то, что помнится, — не умирает... Захотелось как можно больше знать о наших земляках.

Моё путешествие

Наступил день, когда я удивился: было уже со мной нечто подобное! Было! Правда по несколько другому поводу... Лет десять назад мне, преподавателю кафедры «Общей химической технологии и экологии», предложили читать курс лекций по экологии. Разговор об экологии как науке особый. Экологией сейчас, чаще всего походя, занимается кто угодно. Многие «замылилось», ко многому в обширной говорильне мы уже привыкли.

Мне, проработавшему около сорока лет на предприятиях нефтехимии, совершенно очевидно, что без экологизации мышления, экологизации технологических процессов, всего нашего образа жизни мы все скопом упрёмся в тупик.

Экология — мировоззренческая наука, объединять она должна и сознание, и опыт, и знание, всю нашу деятельность! Она из тех наук, которые могут сделать многое... Спасти мир!

...Тогда, в первый год чтения мной лекций по разделу «Гидросфера», зашёл разговор о наших малых реках, в том числе и о реке Самаре. И я был поражен: мои слушатели — студенты мало что знали о реке. Жители города, название которому подарила эта река, не знали, где она берёт начало, какой длины. Какая она не в устье, при впадении её около города в Волгу, а там — в оренбургских степях? Чем река пригодилась горожанам? Не знали — и всё тут!

Несколько раз в день произносящие слово «Самара» не знают, что оно значит. Я занудливо продолжал спрашивать знакомых, домашних, коллег по работе. Познания обнаруживались более чем скудные. А сам-то я? Много ли знал я, выросший на берегу Самарки? Я рыбачил на Самарке, часто ночевал с ватгой сверстников на её берегах... Всё свободное время мы проводили на реке. Помню, как мой дед — конюх, рыбак и охотник подошёл ко мне, я тогда учился в классе пятом, и своими шершавыми пальцами, улыбаясь, потрогал меня за ухом.

— Что, деда? — спросил я.

— Да, вот боюсь, не выросли бы у тебя жабры. Три дня подряд с ночёвкой пропадал на реке, смотри...

Вспомнил эти мои золотые деньки, из детства, и... стыдно стало за своё незнание, за забывчивость... Собирался ведь несколько раз добраться до истоков реки. Да вот всё дела и дела... Будто стараясь загладить свою вину, я уговорил четырёх своих приятелей. И мы, арендовав старенький автобус, погрузили своё снаряжение и отправились в путь.

Целью нашей было: добраться до истока реки, отпустить автобус и на одноместных резиновых лодках по Самаре, проплыв её всю, добраться до устья. До Волги!

...Мы прошли от истока реки под Оренбургом до города Самары около 600 километров за 23 дня. И не пожалели! Это были лучшие дни и ночи в моей жизни. Я плыл по течению реки. И против... против своего возраста... в детство! Оно у меня было крепко связано с этой рекой. Таков был уклад жизни нашей. Природа являлась тогда существенной частью нашего сельского быта, если не главной... Мы открыли в своём

путешествии для себя родник — исток Самары под селом Кариновка, близ Большого сырта, видели белых цапель, перетерпели шторм на Сорочинском водохранилище, обнимали вчетвером и не смогли обнять в реликтовом Бузулукском бору 300-350-летние сосны... Они, эти сосны, видели А.С. Пушкина, который проезжал здесь в 1833 году, направляясь в Оренбург. Результатом этой его поездки стали «Капитанская дочка» и «История бунта Пугачёва». Наша вылазка к тихому истоку реки превратилась в путешествие в наше давнее прошлое, историю России. В крае когда-то бушевало восстание Пугачёва, родители Карамзина и Державина служили под Оренбургом. Их имения были под Бузулуком. Державин, Суворов, Пугачёв — эти имена, как оказалось, связаны одной цепочкой событий в нашем Заволжье.

В составе царской свиты был у нас Жуковский. Жил в Оренбургском крае С.Т. Аксаков. На реке Тананьк (приток Боровки) жил Л.Н. Толстой. В Оренбурге служил чиновником по особым поручениям у военного губернатора генерал-лейтенанта В.А. Перовского известный тогда уже Владимир Даль. Дед В.М. Шукшина по матери Сергей Фёдорович Попов — мордвин, приехал в село Сростки Алтайского края (где потом родился В.М. Шукшин) из села Толкаевка Оренбургской области.

Во время сплава по Самаре я вёл дневник. Он пригодился мне на занятиях со студентами. Эта поездка дала мне многое. Я был переполнен впечатлениями.

И теперь подумалось: «А что, если, оттолкнувшись от малого родничка — села Никольское-на-Черемшане, где родился В.А. Цареградский, пуститься в плавание? И проследить, насколько получится, его жизнь в общей цепочке событий разных лет! Во взаимосвязи с судьбами людей, близких его среде и занятию! Будет о чём рассказать студентам, составив что-то похожее на «Записки преподавателя».

И я решил отправиться в это своё плавание, ещё отчётливо не понимая, что из этого получится...

...Пришлось немало читать, активно общаться... И сколько было с первых же дней у меня открытий! И больших, и малых...

Начав записывать по ходу своего путешествия, обнаружил, что мои записки напоминают некий расширенный суховатый

реферат. И смирился с этим. Пусть торжествует сама действительность...

Ведь сказано давно ещё, что реальные события куда значительнее и величественнее, чем услужливое воображение потомков.

Люди пытливого ума

Издавна в российской геологии видное место занимали первопроходцы — «рудознатцы» недр, которые на свой страх и риск вели поиски, разведку новых месторождений полезных ископаемых.

Ещё царь Пётр I обратил внимание на значение труда «рудознатцев» для государства. В своём Указе от 24 августа 1700 года он утвердил «Приказ рудокопных дел». По нему надлежало вести изыскания, готовить специалистов горного дела.

Много позже, уже при Советской власти, определили, что в геологии: «Первооткрывателем является физическое лицо или юридическое лицо, или группа лиц, личным участием обнаружившие промышленное месторождение полезных ископаемых».

Потом это определение будет уточняться, дополняться, но основная суть его остаётся неизменной.

Так в геологии. Но жизнь Цареградского, Билибина и многих их современников не ограничивалась одной геологией.

При сборе информации о геологах потянулась цепочка имён и событий из их родословных, предков и потомков, которые оставили заметный след в науке, в геологии, в нефтеразведке, освоении месторождений «чёрного золота» уже в наши дни. Не все они попадают под сухое определение «первооткрыватель», но без них не было бы того, что мы имеем. Взглянем шире на это понятие. Первооткрывательство в науке, в искусстве, в отношениях людей, в повседневном обиходе... Удивимся людям пытливого ума и завидной энергии, которые двигают нашу жизнь. И украшают её...

...Круг единомышленников Жамили в Самаре и в Якутии, где Валентин Александрович Цареградский провёл значительную часть своей жизни, ширился.

В анкетах не значились...

Жамиля рассказывала:

— Запросила в архиве города Магадана копии документов, подтверждающих место рождения В.А. Цареградского, данные о близких родственниках. Но такие сведения отсутствовали.

Начались поиски родственников в Самаре, Самарской области. Областной музей имени Алабина материалов о таком человеке не имел, его имя там слышали впервые.

Вышла с просьбой к федеральному инспектору по Самарской области С.Я. Чабану оказать помощь и содействие в поисках родственников В.А. Цареградского.

До августа 2014 года информации о родственниках не было. И тут откликнулась Светлана Цареградская — внучатая племянница Валентина Цареградского. Её дед Александр был младшим его братом.

Светлана дала телефонный номер Олега Александровича Цареградского. Тот дал телефон Тамары Ивановны Цареградской — снохи Александра Александровича Цареградского — брата героя. Получила информацию от дочери В.А. Цареградского Ирины, которая жила в Санкт-Петербурге... И потянулась цепочка...

* * *

Открывались обстоятельства, порой совсем неожиданные и поразительные, вырастающие, казалось бы, из самых незначительных, на первый взгляд обыденных вещей...

Жамиля продолжала напористо:

— Сами же мне говорили. Надо по крупницам, пока ещё что-то сохранилось, собирать материал. Делать его доступным для других.

Я согласно кивал головой.

Но ей не хватало моего молчаливого согласия:

— Сегодня очень важно, что человек XXI века будет нести в мир. У каждого из нас свой потенциал. Он требует реализации. Когда человек вдохновлён великой целью или необычным замыслом, как Валентин Цареградский, появляется понимание своего места и своей роли в обществе.

И тут я не возражал. Пафосность её мне была понятна.

А она не смолкала:

— Все Цареградские меня поддержали. Было получено от дочери В. Цареградского Ирины согласие на использование имени её отца в названии нашего будущего фонда...

Так я оказался свидетелем, а отчасти и участником замечательного начинания.

Мой невольный эксперимент

Читая лекции студентам, находил время и начинал разговор в разных группах о первооткрывателе В.А. Цареградском. Оказывалось, что никто о нём не знает. Это мне было уже знакомо. Неведомо многим, что совершил этот человек в своей жизни? Как связан с Самарой? Даже не слышали, как и я совсем ещё недавно, о такой необычной и звучной фамилии.

«Ну, ладно, — думал я, — мои третьекурсники довольно молоды! Не читали...»

...Спросим у заочников, съехавшихся на весеннюю сессию едва ли не со всех концов России: они постарше.

Результат тот же. И только один тридцатилетний буровик-нефтяник неуверенно произнёс:

— У нас в Сургутском управлении буровых работ № 3 трудился Александр Юрьевич Цареградский. Откуда знаю? Его буровая бригада по итогам 2014 года в соревновании ОАО «Сургутнефтегаз» заняла первое место.

— А как связан он с Самарой? — спросил я, не удержавшись.

— Его родственники по линии отца из Самары, долго жили и работали у нас в Сургуте.

* * *

Через два-три дня после лекции мы продолжили с буровиком из Сургута, Евгением Васильевичем Конюховым, наш разговор:

— Цареградский был когда-то начальником Сургутского УБР-1. На Север его пригласил ваш В. Муравленко в 60-х годах. До этого Юрий Александрович работал буровым мастером у вас тут, в Отрадном. О его рекордах писали, — доложил-ся он.

— Откуда знаете?

— Мама моя долгое время в управлении работала. Она нефтяник по образованию. Я с ней созвонился. Оказывается, она знает немало. Их три брата из Самары было у нас в Сургуте: Юрий Александрович, Валентин Александрович, Олег Александрович, Валентин был главным энергетиком. Жена моя Надя говорит, что общий трудовой стаж династии, включая работу в Отрадном, составил около 250 лет!

Я воодушевился. Знаю по своему преподавательскому опыту, что студенты — как пчёллы: стоит целенаправленно их озадачить, они насобирают кропотливо и принесут то, что надо. Спрашиваю:

— Сможете, приехав домой, немного потрудиться и составить мне небольшую записку о Цареградских?

— Как это? — не сразу сообразив, переспросил Евгений.

— Ну, что-то вроде автореферата на тему: «Добытчики чёрного золота Цареградские». Есть же у вас там музеи, пожилые люди — ветераны нефтедобычи.

Студент мой в нерешительности молчит.

— При зачёте эта ваша работа забыта не будет. Идёт? Страниц на пятнадцать?

— Но сессия кончается, я надолго уеду.

— Ничего, через полгода привезёте! Очередная сессия от нас никуда не денется. Верно? Такая порода людей. О них должны знать! Понимаете? — настаивал я. Мой студент понял.

— А можно прислать по электронной почте? — спохватился собеседник.

— А почему нет? — отвечаю. — Только материал должен быть проверенным, надёжным.

* * *

Когда Евгений улетал, я дал ему несколько книжек об освоении Колымы, с обязательством, что он мне их вернёт с материалом о буровиках Сургута.

Он принял условие. У меня, кажется, появился, кроме Жамилы и её единомышленников, помощник в Сургуте.

Стране нужны созидатели

Выбрал время и прошёлся по этажам главного корпуса нашего университета. Постоял у стендов, посвящённых выдающимся выпускникам. Добрался до солидного тома «Знаменитые выпускники Самарского государственного технического университета», 1914-2014 годы.

Как много замечательных людей! Какие имена, и какие разные дарования! Взять хотя бы некоторых из них: Председатель Совета Министров В.С. Черномырдин; зам. министра энергетики СССР Г.А. Шашарин; Б.В. Гидаспов — член-корреспондент Академии наук СССР, лауреат Госпремии СССР; чемпион СССР по шахматам, международный гроссмейстер Л.А. Полугаевский; М.А. Губский — певец, солист Самарского академического театра оперы и балета, с 2001 года — солист Большого театра России, Заслуженный артист России.

Долго я не закрывал книгу. Столько достойных биографий, судеб отражено в небольших текстах, сопровождающих фотографии выпускников. Хотелось найти всё больше и больше знакомых и незнакомых лиц и имён. Искал, конечно, я Цареградских! Но их не было. Я всегда ценил то, что окончил Куйбышевский (Самарский) Политех, но теперь, когда прочёл эту книгу, я горжусь им!

— Где трудятся его выпускники? Это важно знать! Но их десятки тысяч, разве уследишь. Замечательно, что к 100-летию ВУЗа у главного его корпуса поставили памятник инженеру.

...Увы, и в другой раз, в других группах студентов, среди будущих нефтяников, механиков, нефтехимиков не оказалось знающих что-либо о замечательных выпускниках Цареградских.

«Ничего, — говорил я себе, — не в первый раз такое. Ведь на мои вопросы: «Кто такой Гарин-Михайловский? Что они знают о селе Гундоровке? Что знают о другом нашем земляке, известном писателе, который написал сказку «Аленький цветочек?»» — студенты отвечают чаще всего, только заглянув в компьютеры».

Подумал: вина здесь не столько их. Корни её в нас, во взрослых, больше всего. Они дети перестроечных 90-х годов. Занятые выживанием, мы не дали им того, что надо было. Сумятица

в жизни, сумятица в школьных программах... «Мы в школе это не проходили», — такой ответ звучит часто. А не «проходили» — значит, какой спрос? «Чего не знаем, того не любим».

...Скажу уже не единожды произнесённое до меня. Стране сейчас необходимы созидатели. Во всех сферах нашей жизни. Такие как В. Цареградский, И.М. Губкин, В.Г. Шухов, Н.К. Байбаков, В.И. Муравленко и другие. Инженеры своими талантами всегда крепили основы нашей страны. России нужны люди, объединяющие свой народ. И их мы должны знать!

* * *

Верю, что результаты поисков учёных, музейных работников, объединённых желанием создать Фонд, эти мои записки дойдут до учащихся, студентов, людей, начинающих свою трудовую биографию, будь то в тихих офисах, институтских лабораториях или на шумных заводах и стройках. Дойдут и тронут душу.

Село Никольское-на-Черемшане

Формирование В.А. Цареградского — человека и учёного можно проследить, знакомясь с жизнью его предков, семьи, окружения. Обратимся к истории Самарско-Симбирского Поволжья, к истории жизни провинциального духовенства. Теперь, когда появилась некоторая информация о выдающемся геологе, на его родине, в селе Никольское-на-Черемшане, решено увековечить имя Михаила Мартыновича Некрасова и его внука В.А. Цареградского.

* * *

Михаил Мартынович Некрасов — личность в истории села Никольское-на-Черемшане легендарная. Он учительствовал в земской школе села более 30 лет. Уважаемый педагог, директор школы, под его руководством было построено школьное здание. Оно прослужило более 100 лет! По инициативе Некрасова в Никольском открылась народная библиотека. К 1912 году в библиотеке было уже 600 книг.

Женат Михаил Мартынович был на дочери мещанина г. Судоки Курской губернии Ольге Гавриловне Гущиной, окончив-

шей курс в Ивановском образцовом училище в 1874 году. В Никольском помощницей учителя с 1906 года была и его дочь Мария Михайловна (по мужу Цареградская). В это время её муж Александр Михайлович Цареградский учился на юридическом факультете Казанского университета. У них уже было четверо детей: дочь Галина (1900 г.р.), сын Валентин (1902 г.р.), сын Александр (1903 г.р.) и дочь Татьяна (1906 г.р.). Когда Михаил Мартынович умер, похоронили его на Никольском кладбище. На могиле за счёт сельской общины установили большую мраморную плиту. Сейчас этого села нет. Оно оказалось на дне Куйбышевского водохранилища. Жители переселились на новое место. И здание школы перенесли с собой. Но оно не уцелело. Сгорело в 2000 году. А вот память о Михаиле Некрасове жива в сердцах жителей села. Имя же его внука Валентина Цареградского в силу определённых обстоятельств оказалось вычеркнутым из его истории. Затоплено, как село, в котором он родился.

Каким же было поселение, давшее державе учёного, государственного деятеля и ушедшее на «дно морское»? Какими были его жители?

Теперь с помощью архивных исследований, находок краеведов (С.Б. Семёнычев и другие) можно попытаться воссоздать более-менее целостную картину раннего периода жизни учёного. Перенесённое в связи со строительством водохранилища в бассейне реки Волги на другой берег реки Черемшан, Никольское продолжало жить.

Изменились административные границы Куйбышевской (теперь Самарской) области. Район и село вошли в состав Ульяновской области.

* * *

Поселенье Никольское, возникшее в начале XVIII века как укрепленный пункт на Закамской засечной линии, получило название по бывшей здесь Никольской церкви. Входило в состав Черемшанской волости. Первым владельцем его был сподвижник Петра I князь Александр Данилович Меншиков.

Ещё с конца XVIII века Никольское было известно всей России его главными богатствами — черемшанской рыбой и огромным фруктовым садом, который основал владелец села

граф Николай Алексеевич Дурасов. Это нашло отражение в воспоминаниях Сергея Тимофеевича Аксакова («Детские года Багрова-внука») и Владимира Александровича Соллогуба («Воспоминание»).

В 1773-1774 годах село временно было опорным пунктом повстанческой армии Е.И. Пугачёва. В конце XVIII — начале XIX века это — один из центров усадебной культуры. Тут прошли детские годы писателя Д.В. Григоровича. С 1900 года Никольским именем владел мелекесский купец первой гильдии, посадский голова Константин Григорьевич Марков. В 1910 году в селе — 680 дворов, 3 086 жителей, церковь, земская школа, ярмарка, овчинное заведение, винокуренный и кирпичный заводы, водяная и паровая мельницы, библиотека-читальня, земская больница, военно-конное училище, отделение крестьянского поземельного банка.

В связи с созданием Куйбышевского водохранилища село перенесли на новое место, но рыба и яблоки остались его «визитной карточкой». Славился в селе крупнейший в Ульяновской области рыболовецкой колхоз «За Родину». С 2011 года Никольское-на-Черемшане носит официальный статус плодово-ягодной столицы области.

Когда пришло время, Валентин поступил учиться во вновь построенную Никольскую начальную трёхлетнюю школу, которой заведовал его дед. В ней было три класса для занятий, учительская, вестибюль и помещение для сторожа. Бабушка Вали Цареградского работала в этой же школе учителем.

Вот что пишет краевед С.Б. Семёнычев: «Село стало крупным по тем временам населённым пунктом. Жители Никольского гордились тем, что именно в Никольском появился один из первых в Поволжье крепостных театров графа Дурасова. В селе неоднократно бывал писатель Владимир Соллогуб, семья которого владела Никольским более 60 лет. Здесь родился известный писатель — Дмитрий Григорович. Его тётя Камилла Ледантю, также часто посещавшая Никольское, в своё время отправилась вслед за декабристом Ивашёвым в Сибирь...

...Дореволюционные фотографии Никольского хорошо показывают, насколько интересным было село в архитектурном плане. Как и во всех сёлах того времени, основными достопримечательностями были барский дом и церковь. Барский дом не

отличался особой изысканностью, был вполне стандартным, но благодаря заботам владельцев, особенно семьи Дурасовых, он приобрёл интересные дополнения и поражал людей, впервые его увидевших».

С этим селом связано имя Сергея Тимофеевича Аксакова. В книге «Детские годы Багрова-внука» он пишет о своих впечатлениях:

«Каменный двухэтажный дом, соединяющийся сквозными колоннадами с флигелями, составлял одну сторону четырёхугольного двора с круглыми башнями по углам. Все надворные строения служили как бы стенами этому двору; бесконечный старый сад, с прудами и речкою, примыкал к нему с одного бока; главный фасад дома выходил на реку Черемшан. Я ничего подобного не видывал, а потому был очень поражён и сейчас приложил к действительности жившие в моей памяти описания рыцарских замков или загородных дворцов английских лордов, читанные мною в книгах. Любопытство моё возбудилось, воображение разыгралось, и я начал уже на всё смотреть с ожиданием чего-нибудь необыкновенного. Мы въехали на широкий четвероугольный двор, посреди которого был устроен мраморный фонтан и солнечные часы: они были окружены широкими красивыми цветниками с песчаными дорожками. Великолепное крыльцо с фонарями, вазами и статуями и ещё великолепнейшая лестница, посередине устланная коврами, обставленная оранжерейными деревьями и цветами, превзошли мои ожидания, и я из дворца английского лорда перелетел в очаровательный замок Шехеразады».

С.Б. Семёнычев рассказывает, что, кроме того, владельцы имения в барском доме собрали большую коллекцию картин и скульптур, огромную библиотеку с ценными книгами. Когда Валентин Цареградский жил в Никольском, дом принадлежал купцу первой гильдии, посадскому голове Мелекесса Константину Маркову, известному благотворителю. Управлял имением его сын Фёдор, постоянно проживающий в Никольском. Фёдор и его супруга Екатерина Чехрайская поддерживали с местными жителями добрые отношения, и они запросто посещали их дом. Бывал здесь со своими родственниками и Валя Цареградский. Увиденные произведения искусства не могли не произвести на него благотворное впечатление. Возможно, что, рассма-

тривая в барском доме полотна великих мастеров, он впервые испытал желание рисовать.

Никольская церковь была построена в 1791 году на средства Николая Дурасова. Возможно, автор проекта — известный архитектор, ученик В.И. Баженова и М.Ф. Казакова Иван Еготов, долгое время сотрудничавший с Дурасовым. Это он спроектировал дворец помещика в московском районе Люблино. Необычными были иконостас храма и роспись по штукатурке, деревянные иконы, иконы на тканевой (льняной) основе. В этой церкви Валентина Цареградского крестили. Очевидно, бывал в ней потом неоднократно. Внешняя и внутренняя красота церкви оказали несомненное влияние на его эстетический вкус.

С 1861 года село Никольское — центр Черемшанской волости. В нём построили волостное правление, больницу, полицейский участок и т.д. Открылись две школы: земско-общественная и церковно-приходская. Эти здания были образцами деревянного зодчества. Особой красотой отличались резные наличники на окнах. Дом, в котором жил Валентин Цареградский со своими родственниками, также был по-своему красив...

В книге «По экрану памяти» он вспоминает: «В детстве я со своими сверстниками «путешествовал» по окрестностям нашего села, располагавшегося на берегу большого притока Волги — реки Черемшан. Эти походы совершались в окружающие село леса, луга, на ближние холмы, древние террасы реки. Иногда на лодке мы поднимались вверх по реке, по её притокам и старицам или большим озёрам, куда лодка перетаскивалась волоком. Но чаще всего в эти походы я отправлялся с моим дедом, заведующим сельской школой, или со школьным сторожем. Оба они были страстными рыбаками, охотниками и грибниками».

С.Б. Семёнычев отмечает: «В семье деда сложилась благоприятная обстановка для воспитания детей. Их окружали забота, ласка и внимание. В этом особая заслуга жены Михаила Мартыновича, Ольги Гавриловны Гуциной. Отец и мать Валентина бывали в Никольском наездами, именно дедушка с бабушкой оказали наибольшее влияние на формирование будущего «первооткрывателя золота Колымы».

С особой теплотой говорил потом В. Цареградский о школьном стороже Иване Васильевиче Медвежонкове: «Мордвин по

национальности, Медвежонков обладал не только своеобразно красивым лицом и крепким телосложением, но и достаточно высокими нравственными устоями и не довольствовался лишь хлебом насущным. Он самостоятельно выучился бегло читать и писать и вообще от природы был одарённым человеком. Много длинных зимних вечеров провели мы с ним, сидя перед раскрытой дверцей одной из топящихся печей школы, как перед костром. Всматриваясь в причудливо танцующее пламя, я, затаив дыхание, часами слушал увлекательные рассказы Ивана Васильевича о его поездках на Урал, Украину, в Среднюю Азию, на Кавказ и по Волге в поисках счастья и работы по душе. Немало легенд, старинных преданий, удивительных историй знал он также. И для меня эти встречи с Медвежонковым не прошли бесследно. Уже в девяти-двенадцатилетнем возрасте я мечтал о путешествиях в далёкие неведомые края. Хотелось скорее вырасти, многому научиться, испытать на себе трудности, чтобы суметь преодолеть их, стать мужественным, выносливым, как герои Джека Лондона, моего любимого тогда писателя».

Цареградский оказался значительнее книжных героев. И во взрослой жизни вершил он огромное государственное дело... С.Б. Семёнычев называет ещё одного интересного человека, с которым Валя Цареградский общался в Никольском. Это Аким Яковлевич Сафонов, который несколько десятилетий являлся сельским старостой и по роду своей деятельности был связан с директором школы Михаилом Некрасовым. Аким Яковлевич пользовался заслуженно большим авторитетом среди земляков. Его постоянно переизбирали на новый срок. Улицу, на которой он жил, называли его именем. Так на плане села и написали: «Улица Сафонова».

В селе Кондаковка

Замечательным было и село Кондаковка, находившееся в 7 километрах от Никольского. В нём жили родственники Цареградского по отцовской линии. Дед Валентина Александровича Цареградского, Михаил Дмитриевич Цареградский служил настоятелем местной церкви, строительство которой во многом являлось его заслугой. Когда сын Александр, отец будущего

геолога, решил отказаться от сана и поступить на юридический факультет Казанского университета, то он не стал его отговаривать, хотя и понимал, что церковное начальство этого не одобрит.

В Кондаковке Валентин Цареградский общался с самобытными людьми. Среди жителей были свои писатели. Известный писатель — волжанин, автор повести «Ташкент — город хлебный» А. Неверов вспоминал: «Живя в Мелекесе, я тоже писал стихи в уголке за печкой. Я разыскал сочинителя (поэт-самоучка крестьянин Денисов из села Кондаковки), раскрыл перед ним тоскующую непонятую душу, показал свои стихи и, к огорчению своему, получил ответ: «Надо учиться, знать размер, ударения».

Крестьянин, разбиравшийся в стихотворных размерах и ударениях, печатавшийся в столичных изданиях. Такое не часто бывает».

Упоминание о Кондаковке есть в переписке великого русского писателя Льва Толстого! Кондаковский сельский учитель Иван Филиппович Тимонов писал статьи по сельскому хозяйству. В декабре 1897 года он сочинил художественное произведение и отправил на рецензию Льву Николаевичу. Толстой ответил: «Я получил ваше письмо и рукопись. Переделка ваша Робинзона мне очень понравилась. Советую вам окончить её, если она ещё не кончена, и прислать её Ивану Ивановичу Горбунову. Я ему говорил про вас, и он рад будет напечатать эту очень хорошую книгу, если вся переделка будет так выдержана». (С.Б. Семёнычев).

* * *

Михаил Дмитриевич Цареградский¹ оставил свой след в истории Кондаковки.

Он родился в 1848 году в селе Загарино. После Самарской духовной семинарии работал учителем в земской школе села Белый Яр Ставропольского уезда, затем был рукоположен в священники. Более 40 лет он служил при Казанско-Богородицкой церкви села Кондаковка Ставропольского уезда.

¹ Изучением родословной Цареградских активно в настоящее время начала заниматься самарский историк Татьяна Юрьевна Конякина.

Михаил Цареградский часто поощрялся начальством: в 1877 году ему была изъявлена благодарность «за усердное проповедание слова Божия», в 1880-м награждён набедренником за отличную службу, 1891 — фиолетовой скуфьёй, в 1896-м — фиолетовой камиллавкой, в 1900 году получил благословение от Святейшего Синода «за отлично усердную и полезную деятельность в деле народного образования» и в 1901-м награждён напёрстным крестом от Синода. В 1874-1880, 1888 и 1903-1904 годах он катехизатор, в 1878-1879 — занимал должность законоучителя земской школы с. Хрящёвка Ставропольского уезда, в 1880-1883 годах — помощник благочинного, в 1883-1886 годах был благочинным, с 1885 года состоял законоучителем земской школы Кондаковки, а с 1894-го — заведующим и законоучителем церковно-приходской школы.

...Когда сгорел Казанско-Богородский храм, в течение основного периода возведения новой церкви священником был Михаил Цареградский.

Церковь полностью была готова к освящению в 1887 году. 30 мая 1889 года местный благочинный священник Хрящёвки Леонтий Аттиков освятил Казанско-Богородицкий храм.

Кондаковцы много усилий и труда приложили для сооружения и освящения церкви, сохранившейся до 1933 года. Потом её закрыли, разобрали и нижнюю часть перевезли в Кротково-Городище для постройки начальной школы. Но и здесь останки её настигла волна, не огневая — водяная...

В первой половине 1950 года перед созданием Куйбышевского водохранилища здание перенесли в новое село Никольское. До нашего времени оно не сохранилось.

Воистину к месту слова: «Наше будущее в деяниях наших».

Наши предки умели созидать! Но «нелёгкая им досталась доля»...

И села Кондаковки не стало. Затопили и её воды искусственного моря. Жители большей частью перебрались в село Александровка. Там образовалась целая улица — Полевая. Остальных кондаковцев и их потомков разбросало по всей стране.

Тонкие нити

Примечательный факт нашего времени: казалось бы, совсем ещё недавно непозволительно было в открытую интересоваться своей родословной. Знали мы часто своих предков не далее как до дедушек и бабушек. И то не все. Вихри «былых времён» заслоняли их от нас.

В корнях родового древа Цареградских — священники и церковнослужители. Гонимое совсем недавно сословие.

...Я с интересом читаю в прессе материалы о новых именах, появляющихся в результате поисков моих земляков, соотечественников. Обнаруживаются порой такие неожиданные факты. Это пока тонкие нити, связующие разные поколения? Но они постепенно крепнут!.. Нынешние поколения не желают быть безродными.

...Восхищает жизненная всеохватность родового древа Цареградских: от дьячка, священников, церковнослужителей до геологов-первопроходцев, до участия в создании атомной бомбы, работ для космоса (Валентин Цареградский), до династии нефтяников Цареградских (Юрий, Олег, Валентин). Корни — и крона! О кроне чуть позже. Эти мои документальные записки не претендуют на широкое освещение избранной темы. Круг деятельности Цареградских так обширен, жизненные их связи так интересны, что изучение требует большого исследовательского труда. Сейчас важно хотя бы наметить его направления, последовательно соединить в одно целое периоды и сферы жизни Цареградских и их окружения в разных частях страны. Это не было ранее сделано, отчасти и в силу «закрытости» деятельности Валентина Александровича Цареградского.

* * *

У Михаила Дмитриевича Цареградского было две дочери и два сына, старший Александр, который родился 9 апреля 1878 года в с. Бокля Бугурусланского уезда. В 1899 году Александр, будущий отец геолога, женится на дочери псаломщика, учителя земской школы Михаила Некрасова — Марии Михайловне.

С 1900 по 1905 год он, как и его отец, служил в церкви, затем поступил на юридический факультет Казанского университета.

Во время учёбы давал частные уроки, чтобы платить за обучение и кормить семью. В Никольском-на-Черемшане он бывал нечасто. Окончив университет, А.М. Царегородский получил назначение на должность чиновника в землеустроительной комиссии г. Казани. Тогда полагалось проживание по месту службы. Было решено Валентина и Александра оставить для дальнейшего воспитания в доме деда по линии матери, Михаила Некрасова, в селе Никольском-на-Черемшане. Они учились в Никольской начальной трёхлетней земской школе, с 1912 года продолжали своё образование в Ставрополе-на-Волге (с 1964 г. — Тольятти), в реальном училище, которое после 1917 года преобразовали в Единую Трудовую школу второй степени.

На каникулы они возвращались в родное село. Отец их бабушки Ольги Гавриловны Некрасовой (урождённой Гуциной) построил в селе большой и красивый дом. В нём все они жили. Бесхитростные и тёплые воспоминания об этом времени оставил брат Валентина, Александр. Стихи датированы апрелем 1968 г. Он пишет о своих двух сёстрах и брате:

*Четвёркою дружною мы подрастали,
В каникулы бабке готовя дрова.
Травы косили мы, сёстры сгребали,
И сорняки в огороде пололи тогда.
Вечерами гуляли в лесу за рекой,
Азартно играли в пятнашки, лапту,
Костры разжигали с ночной темнотой.
Пели песни, домой возвращаясь к утру.
А бывало, со сторожем школьным
На выводок уток с собакой ходили.
С дедовым старым ружьишком двуствольным.
Мы сами заряды к нему мастерили.*

В 1921 году Валентин становится студентом Петроградского горного института. Брат Александр — красноармеец. Служил он в Бобруйске.

В селе Никольском-на-Черемшане часто жила потом с маленькими детьми жена Валентина Катерина. С ней приезжала на лето из города на Неве её сестра и подруга. В обеих сестёр он мило влюблялся, посвящал им свои стихи.

В начале 30-х годов младший из братьев Александр учится в Ульяновском гидромелиоративном техникуме. Он станет гидротехником-изыскателем и долго потом с семьёй будет жить в Самаре.

Проработав более 30 лет в институте «Средволгогипроводхоз», Александр Александрович заслужил за труды по развитию орошения, прудостроения и сельскохозяйственного водоснабжения в Поволжье всеобщее уважения. В одном из приветствий в его адрес, кроме прочего, говорится: «...мы уважаем Вас и за то, что Вы вместе с женой Евгенией Александровной вырастили и воспитали хороших сыновей, прославившихся в нефтяной промышленности».

Сёстры Цареградские

Младшая сестра В.А. Цареградского, Татьяна, родилась в 1906 году в селе Лебяжье Ставропольского уезда. Там же окончила школу.

В пятнадцатилетнем возрасте Татьяна оказалась свидетелем стихийного бедствия — засухи и массовой гибели людей от голода. Это послужило толчком к выбору профессии, которая помогала бы людям преодолевать подобные бедствия. Татьяна Александровна поступила в Казанский сельскохозяйственный институт. Окончив его, получила в 1931 году назначение в Узбекскую ССР на должность участкового агронома МТС. Но тут она заболела тяжёлой формой малярии и вынуждена была покинуть Узбекистан. Работала на опытных станциях в Ульяновске, Самарском округе, Курской области. С 1937 по 1940 гг. Татьяна Александровна — научный сотрудник кафедры растениеводства Темирязевской сельскохозяйственной академии в Москве. Работала под руководством известного учёного И.В. Якушкина, специалиста в сфере селекции растений. Работа в лаборатории оказалась не по душе. Манили просторы полей, где можно было приложить свои знания на земле. В 1940 году она уже в Забайкалье, где в течение шести лет последовательно возглавляла работу на Шилкинском и Акшинском госсортоучастках.

В распоряжении Татьяны Александровны Цареградской были коллектив работников, земля, лаборатория, техника и множество сортов злаковых культур из разных регионов Со-

ветского Союза и из-за рубежа. Татьяна Александровна работала с увлечением. В 1948 году с переходом на Сретенскую селекционную станцию, где стала заведующей группой пшеницы и проса, она получила возможность заняться выведением сорта пшеницы, которая при высокой урожайности отвечала бы климатическим особенностям Забайкалья. На это ушло пять лет. Шесть лет заняли испытания, которые показали высокую урожайность выведенного сорта «Читинская-1». Завершили эту её работу А.И. Халтурина, Н.П. Зырянова и Ю.Н. Баранова. В 1970 г. после районирования началось победное шествие нового сорта по забайкальским полям. Т.А. Цареградская написала две брошюры: «Просо в Забайкалье» и «Гранулированные удобрения», изданные в Чите (1952, 1956 гг.).

Старшая сестра Галина (1900 г. р.), окончив Ленинградский инженерно-строительный институт, стала строителем. Последнее время жила в Москве в Новых Черёмушках. Её муж Николай Николаевич Кулигин в это время работал главным инженером в Академии наук. У них был сын Игорь. Сейчас его нет в живых. Известно, что от трёх браков у него осталось четверо детей.

Об отце и матери известного теперь геолога в послереволюционный период известно мало.

В 1917 году А.М. Цареградский был мировым судьёй, а с 1919 по 1921 годы — секретарём завкома при Никольской государственной мельнице. В 1922 году — в АРА (Американская администрация помощи) в Мелекесе, в 1923-1924 гг. — в Ульяновском губфо, затем — делопроизводитель в губторге, кассир на Никольском винокуренном заводе. С 1930 года служил счетоводом на текстильной фабрике в Казани. С 1933 г. жил у сына Валентина в Москве. Жизнь Александра Михайловича оборвалась трагически. Он был арестован 23 июля 1937 г. за причастность якобы к нелегальной контрреволюционной эсеровской организации села Никольское-на-Черемшане. Осуждён 20 августа 1937 года тройкой при УНКВД по Куйбышевской области. Обвинён по ст. 58-8, 58-10, ч. 1 УК РСФСР. Расстрелян в Куйбышеве. Реабилитирован 1 марта 1957 года.

Жена его (мать В.А. Цареградского) Мария Михайловна после Октябрьской революции заведовала детским садом, была инструктором дошкольного воспитания, заведующей районной школой. Умерла в 1946 году.

Таковы судьбы сёл Никольское-на-Черемшане, Кондаковки и её жителей.

* * *

...Как мы, местные студенты, в шестидесятых годах восхищались вместе с куйбышевским поэтом Николаем Жоголевым!

*Морской свежак на Жигулёвском море —
Свежак не черноморскому чета.*

Поэт горделиво заявил за всех нас, грешных, о победе над Волгой:

*Но как ни была бы могуча
Стихия,
В наш сказочный,
Атомом движимый век,
В дела воплощая
Мечты вековые, —
Сильнее её человек!*

Перегородили реку десятком плотин.

...И река понурилась. Замедлила свой бег. А рождена была, чтобы течь вольно!..

Цену содеянному осознали мы гораздо позже, когда на дне оказались огромные просторы пахотных земель, сёла и деревни. Со школами и церквями, с частью нашей общей жизни. Неоглядные дали отеческой земли покрыла непомерная толща стоячей воды. Покорённая Волга стала водохранилищем с зацветающей в иной год подневольной водой...

...И наша общая жизнь без памяти о прошлом — как река, лишённая данного ей природой движения, рискует превратиться в озеро, а потом, когда родники, подпитывающие её, начнут заиливаться, и вовсе потерять себя.

Мой помощник из Сургута

Евгений Васильевич оказался неравнодушным парнем. Он прислал мне по интернету интересную информацию о нефтяниках Цареградских, а приехав на весеннюю сессию, привёз фотографию Юрия Цареградского и Виктора Ивановича Муравленко — начальника «Главтюменнефтегаза» в момент по-

сечения одной из буровых установок. Но не это меня так тронуло, другое.

— А вы читали «Кольымские рассказы» Варлама Шаламова? — спросил он.

Я невольно вздрогнул: он ткнул пальцем в большое.

— Да, — отвечаю, — читал, ещё студентом, и стихи его читал. А почему спрашиваете?

— Перечитайте теперь. Такие жертвы...

Стали бы молодые геологи-романтики открывать золотую Кольму, зная, что там потом будет? Золото столько сгубило.

— Науку не остановить, открытия — тоже. Не они, так другие бы устремились в Сибирь! Может, только чуть позже. Это закономерно, — отвечал я.

Евгений не торопился соглашаться:

— Мне после рассказов Шаламова стало неинтересно заниматься Кольмой. Страшные страницы истории.

— Вам неинтересно, а вот вице-президенту США Генри Уоллесу — было важно и интересно, — реагировал я.

— Я не понял?

— Генри Уоллес прилетал на Кольму, направляясь на плановую встречу с Чан Кайши.

— С какой целью?

— С известной. В период открытия Второго фронта американцам важно было знать о платёжеспособности СССР перед союзниками. Вопрос доверия. В том числе в рамках действующего с ними соглашения о ленд-лизе. Сможем ли мы расплачиваться с ними за закупку оборудования и прочее? О загадочной, таинственной Кольме, где добывалось золото, говорилось много за рубежом. Но надо было видеть.

— И что же?

— Почитайте доклад начальника Дальстроя Никишова Берии об этом визите, узнаете.

— Он у вас есть, этот доклад? А Дальстрой? Что это?

— Доклад напечатан в книге «Золотой слиток Победы». Это сборник материалов о работе Дальстроя в период с 1941-го по 1945 год. Там есть и фотографии, и воспоминания очевидцев этого визита. Узнаете заодно, что такое трест «Дальстрой».

— Что бы учёные ни открыли, ни изобрели — всё равно в итоге получается оружие уничтожения, — тянул Евгений.

— Вы не первый так говорите. По-вашему, лучше жить в пещере?

Наступила пауза. Евгений, очевидно, ждал, что я предложу ему книгу. Но у меня её с собой не было, это первое. А во вторых, хотелось проверить, будет ли он самостоятельно искать её. Насколько он любознателен и готов независимо мыслить до конца?

* * *

Вскоре он доложил, что нашёл книгу. И пообещал мне снять с неё копию.

Встреча в школе

В начале мая в самарской школе № 81 встречался с четвероклассниками. Помня моё обещание, они пригласили рассказать о том, как я с друзьями проплыл около 600 километров на одноместных резиновых лодках от истока реки Самары до города. Затаив дыхание, слушали ребята рассказ о судьбе реки, давшей название и городу, и области.

Вопросов после выступления, да и во время него, было много. Четыре класса, более ста учащихся! Я не видел ни одного равнодушного лица.

— Как писалась книга «В плену светоносном» о путешествии, длившемся 23 дня?

— Что видели ещё в пути? Рыбачили или нет?

— Говорят, что где-то на реке есть водохранилище размером в четыре километра шириной и пять длиной, правда это? Что за птица козодой? А пустельга?

— Что ели?

Лес поднятых рук!

Вопросы... вопросы...

Полтора часа удивительного общения.

Когда же я сказал, что у меня копится материал о путешественниках, которые на Кольме искали и нашли золото, тут же последовала дружная просьба на следующей встрече рассказать и об этом.

Остудили наш общий пыл учителя:

— Учебный год заканчивается. Надо всем отдохнуть! Вот в сентябре-октябре — пожалуйста!

На том и договорились, взяв с меня обещание непременно прибыть в школу.

* * *

Уже сентябрь. Учебный год начался. Надо быть готовым к разговору. А я ещё не насытился знаниями, которые мне теперь открываются...

ГЛАВА 2

НА ПОДСТУПАХ К ДЕЛУ ВСЕЙ ЖИЗНИ

Годы студенческие

Из всех знаменитых первооткрывателей Кольмы Цареградский и Билибин более всего притягивают внимание. Похожие во многом, они были каждый по-своему яркими личностями. Это отмечали многие из тех, кто знал их лично. О них писали. О Билибине больше, чем о В.А. Цареградском.

До недавних лет о Валентине Александровиче Цареградском говорили чаще в связи с исследованиями на Кольме и руководством геолого-разведочным управлением Дальстроя.

Сегодня круг изучения расширился до раннего периода жизни известного горного инженера. Мы знаем теперь, как В.А. Цареградский, с самого начала своей жизни тянувшийся к природе, к познанию окружающего мира, закономерно оказался студентом Петроградского горного института. Сбылась мальчишеская мечта. Как тут не вспомнить добрым словом мудрого его наставника в детстве, школьного сторожа из села Никольское Ивана Васильевича Медвежонкова, посоветовавшего поступать в Петроградский Горный институт.

...После занятий в селе Никольское-на-Черемшане Валентину предстояло учиться с 1912 года в бывшем реальном училище г. Ставрополя-на-Волге. Учился В.А. Цареградский легко. Без труда давались физика, математика. В это же время у него обнаружили способности к рисованию, что было отмечено окружающими. Он даже в кружке обучал сокурсников технике рисунка. Много лет спустя он вернётся к своему

увлечению и оставит нам замечательные рисунки, сделанные в геолого-разведочных экспедициях.

Получив среднее образование, в 1920-21 годах В. Цареградский учится на первом курсе физико-математического факультета Самарского государственного университета. В апреле 1921 года пишет заявление с просьбой допустить к приёмному испытанию на нулевой триместр в Петроградский горный институт. Мечта стать геологом не отпускала¹.

Добираться с Волги до Петрограда пришлось сначала паромом по реке до Рыбинска, потом по железной дороге. Конкурс в институт оказался большим: двадцать человек на место. В канцелярии вначале отказали, но настойчивость и упорство Валентина взяли верх. Он был допущен к экзаменам. И выдержал их блестяще. После учёбы на подготовительном нулевом семестре, в 1921 г, его зачисляют на первый курс геолого-разведочного факультета института. Из трёх отделений факультета: палеонтологического, разведочного и петрографического — он выбирает палеонтологическое, где изучались биология, зоология, ботаника, палеонтология и палеобиология. Изучение древних, давно исчезнувших животных обещало много из того, что так важно в молодости и заманчиво, — неизведанного и нового.

Поступление на нулевой триместр потребовало целого ряда документов. Кроме удостоверения и заявления, в которых приводились основные биографические сведения абитуриента (дата и место рождения, место жительства, полученное ранее образование), в канцелярии по студенческим делам необходимы были справка, подписанная управляющим делами Петроградского комитета профессионального образования, отзыв и рекомендация двух лиц — членов партии, знавших Цареградского со школьной скамьи. Виктор Клопов и Александр Пудовкин состояли в Ставропольской уездной организации РКП. Они и дали рекомендации.

Во время учёбы В.А. Цареградский несколько раз ездил домой и в другие регионы страны. Каждый раз он подавал заявление на имя инспектора института, в котором указывал

¹ К изучению студенческого периода жизни В. Цареградского в Петрограде подключился профессор Самарского государственного института культуры М.В. Курмаев. Стали дополнительно известны некоторые эпизоды из жизни студента Горного института, которые приводятся далее.

цель, адрес, сроки поездки. Заявление визирует заведующий факультетской канцелярией. Следовало сдать ликвидационный лист — аналог современного обходного листа. Царегородский посещал заведующих учебной библиотекой, химической лабораторией и геологическим кружком, библиотекой имени И.В. Мушкетова и факультетской канцелярией, собирал подписи, подтверждавшие отсутствие у него каких-либо задолженностей. Состав списка менялся. Так, в 1925 году он расширился до 11 пунктов за счёт столовой и буфета, кассы взаимопомощи, экспертно-ссудной кассы, общежития и лавочки профкома. На старших курсах в нём фигурировали лаборатории и кружки. Сбор подписей занимал много времени.

По истечении срока действия увольнительного билета студенту следовало срочно прибыть в институт. Билет имел примечание следующего содержания: «Ввиду учёта и регистрации студентов Петрогр. горного ин-та Горным Советом и обязательных занятий возвращение к указанному в отпускном свидетельстве сроку является безусловно обязательным, вследствие чего Петр. горный ин-т просит надлежащие власти оказать содействие к своевременному возвращению студента и направить его к месту обучения. За студентом имущества от Ин-та не числится». Такой билет давал право на бесплатный проезд и провоз шести пудов багажа. Царегородский получал увольнение в отпуск девять раз. 23 августа 1921 года сразу после сдачи вступительных экзаменов он уехал на месяц домой, в село. Второй раз он приезжал в Никольское-на-Черемшане в период весенних каникул — с 10 по 25 апреля 1922 года.

Для прохождения практики полагалось удостоверение. Летнюю геодезическую практику ему разрешили пройти в Никольском при условии предоставления отчёта о проведённых работах. Удостоверение, подписанное деканом геолого-разведочного факультета 8 июля 1922 года, давало право на отпуск сроком не более одного месяца. В августе В.А. Царегородский заболел. У него открылась малярия в тяжёлой форме, после которой он страдал малокровием и упадком сил. Год спустя ситуация повторилась. Он попал в Никольскую больницу непосредственно перед возвращением в Петроград — 10 сентября 1923 года. Находился на амбулаторном лечении 16 дней, поэтому часть занятий пропустил. Голодные и холодные годы. Выдававшийся паёк

состоял из 400 граммов хлеба с примесью опилок и нескольких селёдок в месяц. Чтобы как-то продержаться, Валентин в свободное от учёбы время работал в артели портовых грузчиков на разгрузке рельсов, где платили продуктами.

На втором курсе Цареградский подрабатывал уже составлением карт и чертежей. Жил вместе со студентом инженерного института на съёмной квартире, у дяди своей будущей жены Екатерины Ивановны Серпуховой. Они поженились, когда ей было 17, ему — 20 лет. Как и отец, в студенческие годы Валентин самостоятельно содержал семью: в 1925 году у него родилась старшая дочь Вероника, в 1927-м — младшая — Ирина. Связь Цареградского с Серпуховыми сохранится на долгие годы. Будет она непростой и порой драматичной...

О Серпуховых можно написать большой исторический роман: настолько в жизни этой семьи многогранно отразился образ жизни людей, связанных с геологией молодой Республики Советов, проявился сам дух того времени.

Передо мной рукопись воспоминаний Нины Ивановны Серпуховой, хорошо знавшей и Билибина, и Цареградского. Они люди одного поколения, одного круга общения. Она сестра Екатерины Серпуховой, жены Валентина Александровича Цареградского и сестра геолога Владимира Ивановича Серпухова.

В.И. Серпухов станет известным исследователем Чукотки, Дальнего Востока. В памяти Нины Ивановны сохранилось много и забавных, и драматических событий начала XX века. Другой замечательный брат Юрий Серпухов, как и большая часть, о ком она пишет, — геолог, спасёт в тайге от верной гибели выдающегося нашего отечественного учёного — академика С.С. Смирнова. Но об этом чуть позже и в соответствующем месте повествования.

* * *

Самарский край удивительным образом соединяет в себе многие и многие судьбы. В своё время, если говорить о геологах, он приютил семью Билибиных, молодого Валентина Цареградского в начале его студенческих лет. На всю жизнь — младшего брата Цареградского Александра.

Трудовой подвиг Самары (Куйбышева) во время войны велик! И завершился он с помощью всей страны. Ещё в студенческие годы

сложилось у меня стихотворение о Самаре. Многое городу довелось пережить в военные, послевоенные и в перестроечные годы. Но стоит Самара! И своего статуса не потеряла! Она достойно занимает своё место в доблестном треугольнике: Москва — Ленинград — Самара! Крепкая конструкция — этот треугольник!

*Святый старец Алексей недаром
Напророчил в лихие года,
Что быть городу в устье Самары
И стоять ему здесь навсегда.*

*Много дней и воды убежало,
Плыли барки по Волге, челны...
Зарождалась, росла и мужала
Запасная столица страны.*

*Молодецки судьба развернулась,
Есть откуда нам силушку брать.
Эта сила недаром проснулась,
Силе этой любое под стать.*

*Как светлы здесь весенние зори,
Как улыбчиво смотрят вослед.
Может, кто-то со мной и поспорит,
Но приветливей города нет.*

*Не челны, а ракета речная
На просторе на волжском летит.
Ах, столица Самарского края,
У тебя ещё всё впереди!*

* * *

Воспоминания Нины Ивановны Серпуховой (в замужестве Савченко) написаны для её детей, но они настолько насыщены подробностями и приметами жизни начала ушедшего века, так пронизаны и личным, и общественным, что их вполне можно называть свидетельством эпохи.

Жалея о том, что оставляю в стороне, несомненно, очень интересные подробности, в том числе и бытового уровня, из-за недостатка места приведу лишь то, что непосредственно связано с геологами.

Писала она уже в пожилом возрасте. В самом начале отмечает: «У папы с мамой нас было восемь человек: три брата и пять сестёр. Перечисляю по старшинству: Коля, Вера, Маруся, Володя, Лена, Катя, Нина (я), Юра...

...Начну о каждом из нас, что помню, по старшинству...»

Несколько нарушим порядок. Вначале дадим отрывки из воспоминаний, которые касаются лично её, потом — окружения. Для того чтобы было удобнее читать, я дал отдельным эпизодам названия.

Она пишет, не приукрашивая события, не лакируя их. О себе чаще всего отзывается с явной иронией. На первой же странице читаю: «Меня мама жаловала меньше других. Была я упрямая и непослушная. Совсем изменилось отношение мамы ко мне, когда я уже была замужем за вашим папой. Помню, как мама сказала, когда я приехала из Бугуруслана: «Нинка приехала, и в доме точно солнышко проглянуло: такая весёлая и жизнерадостная».

Конечно, мама всегда любила меня, и доставалось мне больше других только потому, что я была хулиганкой. Доставалось всегда за дело».

Ещё бы! Чего стоит проделка со змеей, которую она со своей подругой Соней, живя в лесничестве, подложила старой деве — бухгалтерше, ненавидевшей их, подстраивавшей всякие пакости. И постоянно на них жаловавшейся. Поэтому им часто «влетало».

Гадюка для бухгалтерши

Так вот, зная, что бухгалтерша безумно боится змей, они решили убить гадюку и подложить ей в кровать. Подруга её не боялась змей и часто убивала их в малиннике, когда они собирали ягоды.

Как назло, в этот раз в малиннике змея не попала. Тогда они выкрали одну из заспиртованных в банке химиком Орловым змей и перенесли её из лаборатории в комнату бухгалтерши. Положили на покрытую белоснежным покрывалом кровать.

Развязка событий выразилась в диких воплях вылетевшей пулей из спальни её владелицы. На крики сбежались все, кто был рядом. Проказницы давились от хохота в дальнем конце двора.

Не буду далее описывать события. Они воспроизведены непосредственно и с задором.

* * *

Нина Ивановна приводит и потом на страницах своих воспоминаний много забавного, порой хулиганского. И так заразительно, зримо, что словно находишься на месте событий сам. Будто случилось это не около ста лет назад, а только что, на твоих глазах.

Вот одна из картинок времён гражданской войны. Дело было в Гатино, куда семья Серпуховых переехала, спасаясь от голода. И откуда только что ушли «белые».

Революционный матрос и коза Катька

«Когда мы переезжали в Гатино, был уже настоящий голод. Чтобы спасти семью, папа¹ решил заняться натуральным хозяйством. Он нанял дачу (тогда дачи ещё не были конфискованы), при которой были большой сад и огород. Кроме того, там был сарай. Папа купил трёх коз — Катьку, Маньку и Мурку. Манька и Мурка были хорошие, ласковые козочки, но Катька была сущий дьявол. Это была старая сильная коза. У неё были большие рога, и она очень хитро бодалась. Подходила к человеку со спины, поднималась на задние ноги и со всего маху ударяла человека под коленки. Коз нужно было гонять на пастбище за городское кладбище, где собирали всё городское стадо два пастуха. Вечером туда же нужно было приходиться их встречать. Чтобы мы могли управляться с Катькой, папа сделал нам нагайку из электрического шнура, но ухо всё равно нужно было держать востро. Катька при каждом удобном случае бодала и нас. Мама очень боялась Катьку. Не трогала Катька только папу.

Пока у нас были козы, мы по очереди гоняли их на пастбище и с пастбища. Один день Катя и Лена, другой — я и Юра. Когда однажды утром я и Юра гнали коз, на улице, шедшей от соборного садика (не помню его название), навстречу нам попался пья-

---

¹ Иван Моисеевич Серпухов (1870-1935) — отец. Работал бухгалтером на химическом заводе братьев Хрущёвых. Мать Аделаида Ильинична (1870-1948) — домохозяйка.

ный матрос. Он был обвешан крест-накрест лентами с патронами, у пояса прицеплена кобура с наганом и граната. В руках он нёс почему-то зонтик. Поравнявшись с нами, он, видимо, желая испугать коз, внезапно раскрыл зонтик, выставил его перед собой. Но он не знал нашу Катюку. Мурка и Манька разбежались, а Катюка, обойдя его, поднялась на задние ноги и ударила его рогами под коленки. Матрос свалился. Он пытался встать, но Катюка продолжала бить его рогами. Матрос заорал на неё, начал ругаться и кричать, что если мы не уберём нашу козу, он нас перестреляет. Мы очень испугались и боялись подойти к нему и отогнать Катюку. Не знаю, чем бы всё это кончилось, но, на наше и его счастье, из садика вышли несколько женщин. Они тоже гнали на пастбище своих коз. И помогли нам отогнать Катюку, обругали матроса: «Ишь, что придумал, пьяный дурак, — пугать маленьких детей. Вот сведём тебя к коменданту». Матрос ступешивался, а мы погнались вместе со всеми своих коз домой».

Далее приведём фрагменты воспоминаний, связанные с её братьями Юрием и Владимиром и сестрой Катей, с которыми у Валентина Цареградского были тесные связи на протяжении значительной части жизни. Братья учились в Горном институте. Катя была студенткой университета.

Горный ковбой

«Юра — мой младший брат. Родился в 1910 году в Петербурге, на Лубянской улице. Учился в начальной школе, как и все мы, у Варвары Петровны¹. В какой школе учился в Гатино, не помню. В Петровском недолго ходил в школу. После Петровского, так же как и я, не учился нигде.

По возвращении в Ленинград поступил в школу у Пяти Углов, которую благополучно окончил. После школы поступил в Горный институт, который мы с ним окончили в 1932 г. По окончании института Юра был направлен работать в Якутск, где проработал до призыва в армию.

...Мы очень дружили с Юрой. Подробно напишу об этом, когда буду писать о себе, потому что детство наше неразрывно связано. Здесь напишу только то, что непосредственно со мной

---

¹ Частная школа.

не связано. Будет это очень отрывочно. Пожалуй, и вся моя писанина состоит из одних отрывков, неожиданно всплывающих в памяти.

Юра очень любил читать. Он как-то обменял две свои книжки на книжки своего одноклассника. Выменанные книги (я уже не помню, что это были за книги) оказались совсем неинтересными. Убедившись в этом, Юра с досадой воскликнул: «Какой же я идиот, что поменял свои книги, не посмотрев сперва, на что меняю». Сокрушался Юра в присутствии Мусеньки¹, и она тут же сочинила экспромт и пропела: «С книжками под мышкой, идиот мальчишка. Он идёт, идиот, идиотничает».

Это получилось очень смешно, и все мы, включая Юру, очень смеялись.

Товарищи Юры Костя и Лёня почти ежедневно бывали у нас. Лена и Катя в наших развлечениях не участвовали, а мы частенько дулись в подкидного дурака, причём обязательным условием было то, что проигравшая пара должна встать на четвереньки. Обычными партнёрами были я и Лёня, Юра и Костя. У меня в то время тоже была своя компания, и я при каждом удобном случае старалась улизнуть к своей подруге Варьке Клейн. Только в те дни, когда я оставалась дома, я проводила время в обществе друзей Юры.

Юра очень любил лошадей. Лошади его «понимали» уже тогда, когда он жил в Петровском. Я не помню, где и в качестве кого работал Онкел Базиль в последний год нашего пребывания в Петровском. Вероятно, в том же Железкоме, где и наш папа, так как других учреждений, по-моему, не было. Не знаю также, оставался ли Онкел Базиль членом «коммуны», но лошади находились в его персональном пользовании. Лошадей было три — два жеребца и кобыла. Я их очень боялась. Самый резвый и самый злой был вороной жеребец Орлик. Запрягал и выпрягал лошадь Юра всегда сам, а запрячь лошадь — дело нелёгкое. Интересно, что этот норовистый жеребец был совершенно послушен Юре.

Юра был хорошим охотником. К охоте он пристрастился через Валентина Цареградского. Валентин — страстный охотник. Он часто ездил на охоту, когда жил у нас, и брал с собой Юру.

---

¹ Мусенька (Маруся) — сестра Нины и Юры.

Брат Володя подарил Юре маленькое ружьё «Монте-Кристо».

Уже работая в Якутии, Юра добывал много ценной пушнины. Он говорил, что если бы было можно, он привёз бы меха не на одну шубу для нас. Но сделать этого было нельзя, так как меха, как и золото, нельзя было вывозить и приходилось сдавать меха в заготпушнину. Юра говорил, что стрелял он не ради денег и продуктов, которыми расплачивались за меха: «Мне и зарплаты вполне хватало», — говорил он.

Геологи, работавшие в Якутске, говорили, что ни к кому так охотно не шли работать рабочие, коллекторы и прорабы, как к Юре. Дело в том, что его партия никогда не оставалась без свежей дичины. Юра бил не только пушнину, которую добывают, как известно, зимой. Браконьером Юра никогда не был. Летом он бил дичь пернатую и четвероногую только в положенное законом время. Тогда у Юры было уже не его маленькое ружьецо, а прекрасная двустволка».

«Я — Юра!»

«Помню, что, когда мы были ещё студентами, мама как-то сокрушалась, что ей надо бы купить тёплый платок, да денег нет. И что Коля и Володя совсем не помогают. Юрик сказал: «Мамочка, как только я начну зарабатывать, ты ни в чём не будешь нуждаться!» Мама сказала, что Коля и Володя то же помогали, пока не женились. И с тобой, когда женишься, будет тоже самое. На это Юра коротко сказал: «Я не Коля и Володя, я — Юра». И вышел из комнаты. Своё слово Юра сдержал и аккуратно присылал маме из Якутии половину своей зарплаты и до, и после женитьбы. Зарплата у Юры была немаленькая, и мама ни в чём не нуждалась, и в трудную минуту помогала всем нам. Не помню, в каком году Юра женился на Анне Фёдоровне. Год её рождения и её девичью фамилию я не знаю.

Мать Нюси была «мамушка»¹ в артели старателей, поисковиков золота. Нюся рассказывала мне, как над ней, когда ей было 5 лет, «подшутил» один из старателей. Он спросил, не хочет ли Нюся кедровых орешков, и когда она протянула к нему сложенные лодочкой ладошки, он высыпал в них горсть

¹ Женщина, выполняющая бытовые работы в артели старателей (готовка, стирка и т.д.).

чёрных тараканов. Нюся говорила, что от испуга с ней сделался нервный припадок, и её еле отходили. Можно представить себе, какая обстановка царила на этих зимовках. Пьянка там шла беспрерывно. Часть намытого золота утаивали, не сдавали в контору, а выменивали у китайцев на спирт, привозимый контрабандой. То же самое проделывали с пушниной. Китайцы были искусными контрабандистами.

Я видела мать Нюси только один раз, когда она с дочерью Нюси от первого брака приезжала к нам в Ленинград. Дочь Нюси Валерия постоянно жила с бабушкой в Якутске, как до женитьбы Юры, так и после неё. Уже взрослой, замужней женщиной Лера приходила к нам в Москве на Серпуховку. Она в то время работала (а может быть, и теперь работает) врачом в одном из московских роддомов. Она-то мне и рассказала о смерти своей бабушки.

Возвращаюсь к женитьбе Юры. О том, что женился, он написал нам из Якутска. Приехал он домой, когда его старшему сыну Лёне было года два. Проведя отпуск дома, он вернулся в Якутск, а Нюся осталась в Ленинграде. Она не обладала хорошей фигурой, была маленького роста и очень толстая. Костя Мотыльков прозвал её АНТ-25. Эта кличка к ней пристала, так мы называли её между собой, а в глаза — Нюсей...

...Родился второй сын Юры, Борис. Вскоре после его рождения в очередной отпуск приехал Юра. Он говорил мне, что ему надоело скитаться и он хочет поступить в электротехнический институт. К тому времени истёк срок брони, освобождающей Юру от армии, и ему пришла повестка из военкомата. Если бы Юра не был Юрой, он не пошёл бы сразу в военкомат, а восстановил бы сначала бронь. Но Юра этого не сделал. Он явился в военкомат, и ему приказали прибыть на другой день. Словом, его призвали в армию. В это время в Якутске спохватились и вслед Юре срочно выслали бронь. Катя с ней побежала в военкомат, но там сказали, что Юра уже является военнослужащим, изменить ничего нельзя. Юра был зачислен в армию танкистом и направлен для прохождения службы в Белоруссию.

Когда у меня родилась ты, дочурка, я получила от Юры очень тёплое письмо. Он поздравлял меня и вашего папу. Просил подробнее написать ему, как ты, сколько вешишь, и какого ты роста. Спрашивал, как прошли роды, как мы с Васей ду-

маем назвать. Мне очень жаль, что я не сохранила этого письма. Последнее письмо от Юры получила уже во время войны мама. Он писал, что их полк вырвался с большими потерями из окружения, что он своими глазами видел все ужасы войны — убитых детей, стариков и женщин, сожжённые деревни, вытоптаные хлебные нивы. Писал, что не знает, на какой участок фронта их направят. Письмо он закончил фразой: «Мамочка, родная, не грусти, кончится война, и я вернусь». Но он не вернулся».

* * *

Как хорошо, что Нина Ивановна оставила свои воспоминания. Есть возможность читать записки умного, с живым характером человека. Я по-хорошему завидую братьям Серпуховым: Николаю, Владимиру, Юрию. В их жизни была такая сестра...

Средний брат Володя

«Володя¹ родился в 1899 г. С серебряной медалью окончил 10-ю мужскую гимназию. В молодости Володя был очень озорным. Папу часто вызывали для объяснений в гимназию. Сохранилась фотография (не знаю, у кого она сейчас), на которой снят класс, в котором учился Володя. В первом ряду с торжественными лицами сидят педагоги, а в заднем ряду с лихо сдвинутой набекрень фуражкой возвышается на полкорпуса выше всех Володя. Папе часто приходилось ходить и извиняться за поведение Володи. Но, несмотря на шалости, Володя и гимназию окончил с серебряной медалью. Он очень увлекался хоккеем. Ключка у него была, но не было обмоток на ноги. (Тогда играли, забинтовывая ноги толстыми шерстяными обмотками.) Володя просил маму купить ему обмотки, но безуспешно, так как мама считала хоккей баловством, мешающим заниматься. В это же время на кровати Коли и Володи были куплены два пушистых шерстяных одеяла. Володя, недолго думая, отрезал от того и другого по длинной полосе себе на обмотки. Ему тогда здорово попало. Не подумайте, что его

¹ Владимир Иванович Серпухов окажет большое влияние на становление В. Цареградского как геолога в период обучения на старших курсах и работы в экспедициях.

выдрали: нас никогда не били и не лишали за обедом сладкого. Просто мама его отчитала и запретила играть в хоккей. Но Володя по-прежнему потихоньку от мамы продолжал играть в хоккей в самодельных обмотках.

Окончив гимназию, Володя поступил в Горный институт, но, не окончив второго курса, добровольцем ушёл в Красную Армию. Прослужил он рядовым всю гражданскую войну. Воевал на разных фронтах. Помню, как он на минутку забежал домой, когда красные гнали от Ленинграда войска Юденича. На каких ещё фронтах воевал Володя, не знаю.

Помню, когда его демобилизовали, он приехал к нам в Петровское. Будучи человеком компанейским, он быстро сдружился с местной молодёжью, организовал любительскую труппу и поставил пьесу Островского «Бедность не порок», где играл роль Африкана Савича. Дядя Коля извлёк из сундука свой сюртук и дал его Володе. Спектакль прошёл успешно. Сюртук был снова убран в сундук, и Володя поехал в Петроград восстанавливаться в институте.

Но тут произошло событие, чуть не кончившееся для него трагически. В Боровичах его арестовали как дезертира. Дело в том, что Володя оставил бумажник с документами в сюртуке. Я не знаю, каким образом об этом узнали дома. Начался переполох. К счастью, дядя Коля догадался заглянуть в карман своего сюртука и обнаружил там бумажник. Не знаю, с кем бумажник переправили в Боровичи и отдали Володе, который в ожидании суда сидел на «губе». Удостоверившись, что Володя демобилизован досрочно для продолжения образования, военное начальство его с миром отпустило.

Восстановление в Горный далось Володе нелегко. В то время ректором был профессор Герман. Он же был ректором, когда учились и мы с Юрой. Когда Володя подал заявление с просьбой восстановить его в институте, Герман восстановить решительно отказался, сказав: «Раз вы добровольно бросили институт, учиться в нём вы больше не будете». Я не помню всей истории Володиного восстановления, знаю только, что он восстановился. У Володи на всю жизнь осталось на кисти левой руки пятно от ожога. Он рассказывал, что прижигал себе руку, чтоб не набить Герману во время разговора с ним морду.

Потом, когда Володя стал сначала известным геологом, почётным членом географического общества и, наконец, профессором института, у него с Германом были прекрасные отношения».

Добавим к воспоминаниям Нины Ивановны: Владимир Иванович, бросив учёбу в гимназии, в ноябре 1917 года уехал санитаром студенческого отряда Красной армии на фронт. В 1918 году окончил с серебряной медалью 10-ю Петроградскую гимназию.

И вновь служба. Теперь — в кадровой роте ВЧК по охране путей сообщения.

Он участвовал в боях под Харьковом и Одессой, под Уфой, осенью 1919 года защищал Петроград от Юденича, в 1920 году воевал против петлюровских отрядов Тютюнника и Кацуры под Кременчугом. Демобилизовался в октябре 1922 года.

В Горный институт подаёт заявление в 1919 году, но окончит его только в 1939-м экстерном и с отличием. Участие в экспедициях, открытия, которые он делал на Дальнем Востоке, Алдане, Чукотке, не оставляли времени для академических занятий в институте.

В 1926-1929 годах он возглавлял Алданскую геологопоисковую партию, в 1930-1933 годах производит геологическую съёмку и разведку в Удском районе...»

Катя

«Тётя Катя¹ родилась в 1905 г. Училась сначала в той же школе, что и все мы, потом в Екатерининской женской гимназии. В Гатино, не помню где, но не в одной со мной школе. В Петровском недолго училась. По приезде в Ленинград сначала училась в школе на Выборгской стороне, потом неделю в Лентовке и, наконец, окончила школу у Пяти Углов. В этой школе директором был Боровский — первый муж Елены Осиповны Сычёвой. Ту же школу у Пяти Углов окончил и Юрий — мой брат и ваш дядя. Высшее образование получила в университете, занималась на химическом факультете.

Катюша была очень слабым ребёнком, да и взрослой не стала крепче. Когда ей было 4 года, она перенесла очень тяжёлую

¹ Воспоминания написаны детям автора, отсюда — «тётя».

форму крупозного воспаления лёгких, её едва удалось спасти. Мама рассказывала, что мы в то время жили на даче в Парголово. Стояло прекрасное лето. Нас выкупали в ванне и спать уложили не сразу. Катенька вышла и села на крылечко. На другой день у неё поднялась температура. Из рассказов мамы я помню, что Катю лечил доктор Мартынов. Он говорил, что когда уже почти не было надежды, он, рискуя, вводил Катюше «лошадиные дозы» камфоры. В то время у нас гостила бабушка Татьяна Даниловна. Она сказала: «Что вы мучаете ребёнка, дайте ей умереть спокойно, положите её под образа. Разве вы не видите, что она отходит». Мама говорила, что у Катюши уже началась синюха: посинели ногти и нос. Мама также говорила, что папа закричал на бабушку: «Мамаша, уйдите из комнаты и не суйтесь не в своё дело!» Наконец выступил пот и температура упала — кризис миновал. Доктор вздохнул с облегчением и сказал: «Ну, теперь будет жить». Катюша поправилась, но лёгкие остались слабыми. Впоследствии у неё развился туберкулёз, который во время блокады свёл её в могилу. Подробно об этом я напишу ниже.

В детстве Катенька была очень тихой, послушной девочкой. Я не помню её подруг в школе и гимназии. Когда она окончила школу у Пяти Углов, она подружилась с Лёлей Соколовой, очень хорошенькой бойкой девушкой. В университете она дружила с Таней Ендовицкой и с Ниной (фамилию забыла). Об этих её подругах я ещё расскажу.

Во время нашего отрочества дома у нас было очень шумно. У брата Володи было много друзей однокурсников, и они постоянно бывали у нас. Володины друзья меня мало интересовали, но Лена и Катя жили полной жизнью, то есть очень весело. Впрочем я в своей компании тоже не скучала. Назову из Володиных друзей тех, кто чаще других бывал у нас.

1) Мишка Слейников (жил у нас больше года). 2) Коля Сочновский. 3) Аркадий Корольков. 4) Клёма Звонарёв. 5) Ванька (Ванька с трубкой) и 6) Валентин Цареградский.

«Ванька с трубкой» влюбился в Катю и просил её немедленно выйти за него замуж. Катя сказала, что вряд ли мама и папа позволят ей выйти сейчас замуж. Ванька стал уговаривать её зарегистрироваться потихоньку. Кате было 15 лет, и вряд ли бы их зарегистрировали.

Когда мама узнала об этом, она очень возмутилась и запретила Ване приходить к нам, а Володе — приглашать его.

Рассказывая о друзьях Володи, я не упомянула, что у Кати начался роман с Валентином Цареградским, прозванным «бледнолицым юношей». Роман кончился свадьбой. Катюша вышла замуж очень молодой. Ей ещё не исполнилось 17 лет. Было это в 1923 г. В 1925 г. родилась Вероника, а в 1927-м — Ира. Катюша ездила с детьми на лето в семью Валентина в село Никольское-на-Черемшане. По преданиям, там разыгралась трагедия, описанная Пушкиным в Дубровском. До революции земли вокруг Никольского принадлежали помещику Троекурову.

Катюша надолго оставляла девочек в Никольском у свекрови. Рина спала там на сундуке и однажды ночью упала с него и сильно ушиблась. Зимой она начала жаловаться, что у неё болит ножка. Она уже с трудом ходила. Осмотреть её был приглашён известный в Ленинграде хирург — профессор Буш. Дочь маминой приятельницы Е.В. Редько была замужем за сыном Буша. О Редько я ещё буду говорить, когда начну писать о себе. Буш осмотрел Рину, потом положил на пол коробок спичек и попросил Рину его поднять. Наклониться Рина не могла и присела на корточки. Буш сказал, что у неё туберкулёз позвоночника и попросил её раздеть. Когда Рину раздели, он показал, что один из позвонков у неё значительно увеличен, и сказал, что это начал развиваться горб, и её нужно положить в костно-туберкулёзный санаторий. Туда годами ждали очереди, но он хорошо знаком с главврачом профессором Хренниковым и даст ему письмо.

Благодаря этой протекции Рина была принята сразу же. Она пролежала там несколько лет в гипсовом корсете. Этим беда не кончилась. Рина захворала скарлатиной. Образовался натёчник, и Рину пришлось оперировать. Катя в это время училась в институте».

* * *

Это только небольшие отрывки из воспоминаний Нины Ивановны Серпуховой, достойные быть изданными пусть небольшой, но отдельной книжкой.

Гранит науки

Ещё студентом В. Цареградский начал работать с профессором Рябининым, специализируясь по древним позвоночным животным.

Первую свою самостоятельную работу студент Цареградский провёл в бассейне Северной Двины, занимаясь изучением развития древних ящеров. Об этом классе животных он напишет шесть статей.

Раздобыв умершего варана в зоологическом саду, он отпрепарировал его скелет, выварил, привёл в порядок. И получил возможность сравнить скелеты современных ящериц со скелетами мезозавров. Манила большая тема: «Эволюция костного скелета».

В характеристике, подписанной палеонтологом, профессором Анатолием Николаевичем Рябининым, В.А. Цареградский аттестован самым лучшим образом. Он хорошо занимался по его предмету, обнаружив способности к научным исследованиям. Добросовестно выполнил порученную ему работу по описанию останков мезозавров, найденных в верхнемеловых отложениях Саратовской губернии, Уральской области и Донецкого бассейна. Статья В.А. Цареградского, посвящённая данной теме, была напечатана в «Известиях Геологического комитета» за 1924 год. Профессор отмечает, что студент приступил к изучению палеонтологических окаменелостей Приморского края, настаивал, чтобы данная тема была закреплена за его подопечным. Дипломная работа, которую предстояло защитить, носила название «Мезозавры в современном научном освещении». Обоснование подписали ведущие палеонтологи СССР — профессора А.Н. Рябинин и Н.Н. Яковлев.

Для прохождения 2-й Геологической практики В.А. Цареградский отправился на Северо-Восток, в район реки Ветлуги. Одну часть маршрута (до Вологды) он проехал на поезде, другую (до Устюга) — на пароходе. В ходе практики студент успешно выполнил учебный минимум по геодезии и геологии.

Год спустя, 14 мая 1926 года, его командировали в район бассейнов рек Алдан и Тымиток Якутской ССР в составе геолого-разведочной партии В.И. Серпухова. Здесь Цареградский получил должность производителя работ. Район оказался со-

вершено диким. Выпал снег, задержавший возвращение геологов на две недели. Осложнила ситуацию болезнь В.И. Серпухова. В.А. Цареградский временно принял на себя заботы по экспедиции. В 24 года это настоящее испытание, которое он успешно выдержал. В марте 1926 года В.И. Серпухов пригласил В.А. Цареградского в качестве заведующего поисковыми работами в Южно-Алданском районе Якутской ССР.

Алданская экспедиция не помешала В.А. Цареградскому продолжить работу над дипломным исследованием. В мае 1927 года он берёт отпуск и проездные документы до станции Большой Невер Амурской железной дороги. Осенью В.И. Серпухову вновь пришлось объяснять отсутствие студента, своевременно не прошедшего регистрацию в институте. В.И. Цареградский задержался на реке Алуткан, где проводились работы по нарезке шурфов.

Наравне с активным участием в полевых работах, прохождением пяти практик (геодезической, горной и трёх геологических) студент В. Цареградский за период учёбы прослушал и выполнил практические задания по 52 курсам.

После работы на Алдане его взяли на учёт в секции золота и платины Геологического комитета как специалиста по золоту.

Специалистов в стране не хватало. Каждый студент был на строгом учёте. За год до окончания института, с четвёртого курса, они уже назначались начальниками геологических партий.

Будущий «Золотой Моцарт» и «Бледнолицый брат»¹

*Рыжая мать, белая кость,
Крепкий, на диво сработанный гвоздь.
Взгляд голубой блещет умом,
Много талантов собрано в нём.*

*Ясная логика, острая мысль,
Светлая память в одно слились.
Всё в нём в избытке, всем он богат,
Не человек — настоящий клад.*

¹ «Бледнолицый брат» — так в шутку звали в своём кругу В. Цареградского собиравшиеся у Серпуховых студенты.

Эти стихи о Ю. Билибине сложили в период его работы сразу после окончания института на Алдане его друзья геологи.

Слово «клад» в данном контексте — в устах геологов звучит особо. Шутливо-дружеское стихотворение, но всё же... Не о каждом из нас наши коллеги по работе скажут громко и с таким восторгом!..

Да ещё в суровых природных условиях, при постоянной угрозе голода, холода и бытовой неустроенности...

Я сижу за рабочим столом и перебираю скопившиеся на нём фотографии участников Алданских и Колымских экспедиций.

Невольно отмечаю, что чаще всего нахожу на них Ю. Билибина с улыбкой на лице. И там, где он заснят реалистом ещё в 1913 году, и там, где в группе геологов Н.И. Зайцева, П.М. Шумилова, где сидит один во время Первой Колымской экспедиции. Он и здесь, глядя прямо в объектив, улыбчив и доброжелателен. Полная самодостаточность и раскованность.

Я заметил, что и люди, если он оказывался рядом с ними, становились улыбчивыми, это хорошо видно по фотографиям. Такой притягательный магнетизм излучал этот человек.

Невольно ищу семейную фотографию Билибиных. Вспоминаюсь в лица отца его, матери, двух сестёр.

Билибины упоминаются в российских книгах, грамотах со времён Иоанна Грозного. В их талантливом роду — математик, известный художник, автор учебников по алгебре и геометрии, учёный-этнограф.

* * *

О своём детстве и юности сам Ю.А. Билибин оставил сведений мало.

Родился он 6 мая 1901 г. (старого стиля) в г. Ростове Ярославской губернии в семье кадрового военного. Отец — офицер-артиллерист, мать — преподаватель Ростовской прогимназии. Дома все любили искусство, рисовали, музицировали. Во время Первой мировой войны его отец, Александр Николаевич, в чине полковника командовал 56-м парковым артиллерийским дивизионом. С 1918-го по 1922 год служил в Красной армии. Мать София Степановна преподавала. Жила позже вместе с сыном в Ленинграде, встретила там войну и пережила блокаду.

...После Ростова Билибины осели было в Карачеве, уездном городишке, где на базаре приятно пахло хлебом, кожей, лошадьми. Однако отца часто переводили служить с одного места на другое. После Карачева жили в скучном Царском селе в казённых флигелях офицерской школы. Затем — в шумной Самаре, вблизи раздольных Жигулей и Волги. В купеческом городе с зазывными базарами, где манили к себе яркие игрушки, шарманки.

В 1911 году Юрий поступил в Самарское реальное училище. Из похвального листа того времени: «Педагогический совет Самарского реального училища имени императора Александра Благословенного на основании параграфа 30 Правил об испытаниях учеников реальных училищ, учреждённых г. Министерством народного просвещения 29 апреля 1895 года, наградил этим листом ученика 1-го класса Билибина Георгия за примерное поведение и отличные успехи, показанные им в истёкшем учебном году. Самара, 8 сентября 1912 года». И в последующие годы Юрий (Георгий) учился очень хорошо.

После Самары — Смоленск. В нём семья Билибиных оставалась дольше всего. Пережили две войны и две революции. Здесь Ю. Билибин оканчивает в 1918 году реальное училище. В этом же училище, где работала учительницей мама, учились сёстры Людмила и Галя.

Неистоимый на выдумки, отец делал жизнь семьи весёлой и праздничной. Дом, который они снимали, был превращён в уютный уголок.

Александр Николаевич, строгий на вид, с усами, торчащими будто пики, острой бородкой, сочинял шуточные стихи. Сам редактировал рукописный семейный журнал «Уютный уголок». Сам рисовал картинки, рамки. Подписывался — «редактор Шампиньон», «художник Пупсик». Сотрудниками журнала были все члены семьи. Они выступали под псевдонимами: Муха, Мурзилка, Кругломордик, Галка-Мокроглазик, Стрекоза, леди Зай.

В феврале 1919 года Ю.А. Билибин добровольно вступил в Красную армию, служил вместе с отцом до 1921 года в штабе 16-й армии. Из Красной армии он был направлен в Смоленский военизированный политехнический институт, в сентябре 1921 года перевёлся в Петроградский горный институт.

В начале 20-х годов институт на Неве — один из центров геологической науки. В нём работали выдающиеся представители отечественной геологии: А.А. Борисьяк, Д.И. Мушкетов, А.Н. Заварицкий, А.К. Болдырев, С.С. Смирнов и др. Здесь то и встретились два энергичных студента — Ю.А. Билибин и В.А. Цареградский. Это произошло в лаборатории количественного анализа, когда Юрий Билибин выполнял работы по химии.

У Билибина уже тогда были выражены не только задатки учёного, но и истинного философа с огромной внутренней интуицией.

Рудольф Седов пишет: «Цареградский хотел быть палеонтологом, Билибин — петрографом. Они не были похожи даже внешне: Билибин — огненно-рыжий, Цареградский, как цыган, — смуглый, чёрный; у Билибина выдавался массивный подбородок, у Цареградского — подбородок острый. И глядели они по-разному: светлоглазый Билибин — открыто и прямо, у Цареградского карие глаза смотрели как-то из-под бровей, прицеливаясь».

Дружба молодых людей объединила их энтузиазм и мечту, которые, пройдёт совсем немного времени, проложат русло их общей судьбы и в известной степени судьбы золотодобычи на Колыме.

...В институте работало студенческое научное общество, называвшееся геологическим кружком. Внутри кружка была организована Сибирская секция. Возглавил секцию Ю. Билибин. Организационное собрание секции состоялось 9 ноября 1923 года. В этот день члены секции, куда входили Е.С. Бобин, Д.В. Вознесенский, К.Г. Кригер-Войновский, А.Л. Лисовский, С.А. Музылев, В.А. Пресняков, С.А. Призанти, В.И. Серпухов, Н.А. Хрущёв, В.А. Цареградский и Ю.М. Шейнманн, дали торжественное обещание свою основную деятельность сосредоточить на изучении геологического строения и подземных богатств Сибири и Дальнего Востока.

Мозговым центром секции были В.И. Серпухов и Ю.А. Билибин. Собирались чаще всего на квартире Серпуховых, где жила молодая семья Кати и Валентина Цареградских.

Сибирская секция просуществовала несколько лет (до 1926 года), в течение которых проводились заседания, заслушива-

лись и обсуждались рефераты статей о геологическом строении различных районов Сибири, а в дальнейшем — доклады о работе как членов секции, так и приглашаемых на эти заседания геологов-сибиряков.

Ю.А. Билибин читал рефераты об Урале и Алдане. Весь Северо-Восток страны был разделён на зоны. Билибин взял себе Чукотку и Камчатку, Цареградский — Индигирку и Колыму.

Дух тесного товарищества, царивший внутри секции, для многих его членов перерос в дружбу, которую они пронесли сквозь всю жизнь, отданную изучению необъятных, труднодоступных и суровых пространств Отечества.

Все участники секции остались верны своему торжественному обещанию. Одни из них стали участниками колымских экспедиций, другие работали на приисках Якутии и Колымы. Кто-то оказался на Севере и Северо-Востоке нашей страны по собственному призванию или попал в мясорубку ГУЛАГа, а кто-то был в составе инженерной элиты дальних горных и приисковых управлений.

Десять размоченных горошин

...Студентам тех лет, когда в стране царили разруха и безработица, жить было непросто. Билибин не исключение. Квартировал он в доме напротив института. Это несколько помогало. Не требовались деньги на трамвай, меньше изнашивалась обувь. Подрабатывал, как и Цареградский, грузчиком в порту, который был рядом с институтом, расчищал снег на трамвайных путях Васильевского острова.

Как это знакомо. Нам, ребятам выпуска 60-х годов политехнического института в Куйбышеве (теперь Самара), часто приходилось разгружать баржи на Волге, вагоны на железнодорожном вокзале, лопатить земельные участки вдоль Волги на дачах и в пионерских лагерях.

Но мы получали стипендию, не платили за обучение, плюс почти бесплатное место в общежитии. Другое дело Юрий Билибин. Он дважды обращался к руководству института с единственной просьбой. Первый раз писал: «Вносить плату за обучение я не в состоянии. Не имея никакого постоянного заработка, я сейчас живу только тем, что мне удалось заработать

осенью в порту, употребив на это полтора учебных месяца. Рассчитывать на поддержку из дому не могу, так как отец, член профсоюза транспортников, получает весьма ограниченное жалование, содержит на своём иждивении мою сестру и мать». На прошение легла суровая резолюция: «Оставить в силе прежнее постановление».

В следующем заявлении студент писал: «Даже последний выход — продажа своих вещей — для меня закрыт, потому что имею только то, что на мне. Остаётся одно — уходить из института. Этот выход мне тем более обиден, что, несмотря на крайне тяжёлые условия жизни, я всё же проявил полную активность, в настоящее время мною сдан не только рождественский минимум, но даже более 100 процентов годового». Теперь на заявление легла резолюция помягче: «Снизить плату наполовину». В том же 1923 году Билибин снова ищет, где бы подработать. Найти в то время работу было непросто. Билибин просит дать ему свидетельство о том, что он стипендии не получает, для представления на биржу труда...

...В. Цареградский много позже вспоминал, что ещё в студенческую пору его восхищала самодисциплина, сила воли и целеустремлённость Билибина, который жил строго по расписанию и всё предусматривал до мелочей. В голодные годы в Ленинграде студенты существовали на скудном пайке. Билибин периодически получал от родителей из Смоленска посылки с продовольствием и распределял полученное на небольшие ежедневные добавки. Селёдку делил на мелкие кусочки и съедал в день не больше одной определённой порции, добавляя к ней десять размоченных горошин. Несмотря на постоянное ощущение голода, не нарушал установленного порядка, не наедался хотя бы раз досыта. И это при напряжённых занятиях в институте.

Юрий в это время страдал малокровием, упадком сил. Ему дважды давали месячные отпуска для поездки на поправку к родителям в Могилёв.

Голодали и профессора. Профессор Болдырев жил коммуной со Смирновым и Наливкиным, будущими академиками. Питались они впроголодь.

Юрий перебрался в общежитие рабфаковцев. Жили без печей и отопления. Чтобы варить похлёбку в армейских котелках,

они на пол клали кирпичи, на них разводили костры. Спичек не было. Для поддержания огня переносили зажжённую лучину из комнаты в комнату. Спали на голом полу по-солдатски на шинели, ей же укрывались. Под голову клали книги.

Над книгами Билибин просиживал до ломоты в костях.

— Нет такой книги, которую нельзя прочитать за одну ночь, — считал он.

Он ходил на все лекции. В классах замерзали чернила, пальцы от холода коченели. Конспекты писал чётким крупным почерком, толково и ясно. Они ценились как прекрасные учебники. Многие студенты сдавали экзамены по ним.

...И всё-таки как много и успешно работал Ю.А. Билибин в студенческие годы! Он публикует статьи по результатам исследования открытых им новых минералов: алюмогидрокальцита и алюмолимонита, о смесимости минералов группы кальция. Эти статьи актуальны и сейчас. Таков характер дарования молодого горного инженера.

Высокий, волевой студент Юрий Билибин был старше В. Цареградского на один год, по институту — на два курса.

Оба — романтики. Оба мечтали о таёжных экспедициях. Билибина больше привлекала Камчатка с её действующими вулканами, горячими источниками. Тогда геологи о них почти ничего не знали. Выступая с рефератами, слушая доклады геологов, географов, побывавших в Сибири, они рвались к конкретным практическим делам.

* * *

В завершающем году студенческой жизни Билибин уже не бедствовал. Он стал научным сотрудником Геологического комитета. Занимался обработкой летних материалов Хакасской экспедиции, в которой участвовал в должности прораба. Настала безбедная жизнь. Билибин перевёз из Могилёва в Ленинград престарелых родителей, теперь они стали жить на его иждивении.

Учёба геологов — это прежде всего производственные практики, поездки по всей стране. Юрий Билибин, кроме практики на Байкальском железорудном месторождении, летом 1923 года работал смотрителем мелких шахт на Успенском руднике в Донбассе, летом 1925 года — прорабом в партии Гео-

логического комитета по поискам и разведке редких металлов в Хакасии под руководством старшего геолога и профессора Ленинградского университета Якова Самойловича Эдельштейна.

...10 мая 1926 года Билибин выдерживает испытание Государственной квалификационной комиссии и защищает дипломную работу на тему «Алюминиевые минералы из Хакасского округа». Ему присваивается квалификация горного инженера.

Дипломную работу он выполнял под руководством преемника К.И. Богдановича — А.Н. Заварицкого. Оба — легенды отечественной геологии. Так закладывалось интеллектуальное достояние горных инженеров.

Единомышленники

...Валентина Цареградского манили скалистые горы, непроходимые леса. Он читал и приходил в восторг от описания северной природы Маминым-Сибиряком, Джеком Лондоном.

Евгений Константинович Устиев¹ — мужественный исследователь, написавший о Первой Колымской экспедиции правдивую и увлекательную книгу «У истоков золотой реки», много раз встречался с Валентином Александровичем Цареградским. Писалась она по его воспоминаниям. Потому особенно достоверна.

Нахожу у него о Цареградском: «...Он перечитал то немногое, что можно было найти в книгах о Восточной Сибири, — всё, вплоть до корявых донесений, писанных первыми землепроходцами в московские приказы «тишайшего» государя Алексея Михайловича. Теперь он ясно понимал, как мало известно о необозримых просторах к востоку от Лены. Тоненькие, теряющиеся в безмерности тайги и тундры тропки шли через Яну, Индигирку, Колыму, Анью, через каменные Анадырские горы к Студёному морю, на котором когда-то боролись с ледяными штормами корабли командора Беринга. Всё, что было в стороне от этих редких тропинок или от туманных

---

¹ Е.К. Устиев – выдающийся петролог, был репрессирован в 1937 г. и этапирован на Колыму вместе со своим названным отцом, известным геологом А.А. Флоренским.

берегов Охотского моря с их редкими рыбацкими посёлками, оставалось загадочным и волнующим своей неизвестностью.

Цареградский разыскивал в библиотеке Горного института всё новые и новые книги в старинных, под мрамор, переплётах, тренировал себя гимнастикой и спортом, тренировал глазомер в тирах, обливался ледяной водой и спал ночью с открытой форточкой. Никакие насмешки товарищей не могли поколебать в нём удивительную для его молодости целеустремлённость. Молодость всегда верит в свою звезду, а одержимая, она верит в неё стократно!..»

Попавшиеся В. Цареградскому в библиотеке записки революционера-народника, натуралиста и геолога Ивана Дементьевича Черского не оставляли в покое.

Записки касались путешествия И. Черского по дикой в то время Якутии и в низовье Колымы. В эту поездку он был послан в 1891 г. Петербургской академией наук. Ежедневные записки автора отражали поразительные картинки неведомого края: суровую его природу, характеры проводников и оленоводов. В них была их ломаная, точная речь, обычаи и нравы. Это было последнее путешествие И.Д. Черского. Заболев скоротечной чахоткой, он умер на втором году своего путешествия, когда сплавлялся на плоскодонном баркасе в низовьях Колымы.

Жена Мавра (Марфа) Павловна похоронила мужа на левом берегу Колымы, против устья Омолона. На месте упокоения был поставлен деревянный крест с выжженной надписью и деревянная ограда.

Иван Дементьевич Черский — первый геолог, достигший Колымы и составивший о ней точное описание.

Думал ли В. Цареградский о том, что их пути пересекутся?

Став после своих экспедиций на Колыму во главе геологического управления, занимающегося исследованиями всего когда-то дикого края, он организует установку на могиле И.Д. Черского каменного обелиска с надписью: «Выдающемуся исследователю Сибири, Колымы, Индигирки и Яны, геологу и географу Ивану Дементьевичу Черскому от благодарных потомков».

Это будет много позже, а пока... лекции, семинары, доклады...

Как пишет о Ю. Билибине и В. Цареградском Е.К. Устиев: «Их легко воспламенявшееся воображение было однажды по-

ражено интересным докладом Сергея Владимировича Обручева, который только что возвратился из длительного путешествия в бассейн Индигирки и привёз оттуда массу новых геологических и географических сведений. Он начал свои многолетние исследования, распространившиеся затем на бассейн Колымы и приведшие через несколько лет к открытию громадной горной цепи. Названная в честь Черского горная гряда оказалась сенсацией для географов. Протяжённостью во многие сотни километров, она уже сама по себе показывала, как много неизвестного ещё скрывается к востоку от Лены!

— Послушай, Юра, — воскликнул после обручевского доклада Валентин, — ведь это новая Америка! Там можно ждать чего угодно!»

Автор доклада, который так вдохновил молодые умы, — Сергей Владимирович Обручев — крупный специалист-геолог, сын академика В.А. Обручева. Результатом его многолетних изысканий явилось создание совершенно новой картины геологического строения Средне-Сибирского плоскогорья. Он предсказал существование огромного Тунгусского угольного бассейна.

С.В. Обручев — пионер в изучении геологического строения бассейна Индигирки и Колымы, а затем и Чукотки.

После первой своей экспедиции на Индигирку (1926-1927 гг.) установил, что полюс холода Земли находится в верховьях Индигирки — в Оймяконе.

Его отец Владимир Афанасьевич Обручев в начале XX века, проведя многолетние исследования в Сибири и Центральной Азии, создал теорию формирования золотоносных россыпей. Станет автором значительного труда в теории развития геологии «Металлогенические эпохи и области Сибири».

* * *

Профессор Владимир Афанасьевич Обручев — главный на то время консультант треста «Алданзолото», сразу же после окончания Ю. Билибиным института рекомендовал его геологом на Алдан. Будущий академик увидел в талантливом выпускнике учёного, способного подключиться к разработке научных методов поисков золотых месторождений. Алдан для этого был подходящим стартом.

При подготовке необходимых документов для поездки на Алдан произошёл случай, насколько забавный, настолько и имевший значительные для Ю. Билибина последствия. Потребовалась подпись секретаря квалификационной комиссии профессора Трушкова. В институте его не оказалось, и Ю. Билибин решил пойти к профессору домой. От стука дверь распахнулась, и на площадку с рычанием выскочила огромная, вовсе не миролюбивого вида собака. Тут же выбежала девушка, которую он несколько раз видел во дворе с этой самой собакой. Даже кланялся ей, но подойти не решился...

— Ермак! Нельзя! Фу! — крикнула она.

Однако Ермак напирал. Закрывать дверь и уйти? Непрошенный гость посчитал такой ход событий недостойным. Опустившись на четвереньки, оскалил зубы и, выпучив глаза, зарычал. Такого четвероногий Ермак никак не ожидал, благоразумно попятился, решив не связываться.

Захочетав, девушка поинтересовалась:

— Вы какой породы? Из дворян?

Визитёр поднялся с колен и невозмутимо ответил:

— Дворянин!

Так познакомился Ю. Билибин со своей будущей женой Натальей Николаевной Трушковой.

В 1931 году, не окончив последний курс Ленинградского университета, она уедет в экспедицию на Колыму в составе Второй Колымской экспедиции, которую организует неудержимый выпускник горного института Ю. Билибин.

«...Доказать усердие к услуге Отечества»

Теперь, следуя за поворотами судьбы В. Цареградского, я задумываюсь над тем, что подтолкнуло Валентина Цареградского уехать из Самары, будучи уже студентом 1-го курса физико-математического факультета Самарского государственного университета, и поступить в Горный институт.

Да, можно полагать, что причиной тому — голод в Поволжье и массовый отъезд вузовских педагогов из Самары. Возможно, так. Но в горном институте оказался и Юрий Билибин, тоже волжанин. И у него, кажется, выбран был уже свой путь: он

учился в Смоленском военизированном политехническом институте. И вдруг резкая перемена — перевод в Петроградский горный. Что это? Наверное, не случайное совпадение. Мечты молодых сердец! Мечты и... действительность, суровая жизнь начала 20-х годов. В стране и в Поволжье в это время разразился страшный голод — трагедия небывалых масштабов. Началось массовое переселение в Сибирь.

Молодые умы не могли не видеть, что Сибирь — спасительница. Не могли не сознавать, в чём в будущем заключено могущество страны. И потом: пример Нансена, учёного с мировым именем, первым откликнувшегося на страшную беду в России. А они были будущими учёными, молодыми романтиками.

Вспомним начало двадцатых годов в нашей стране и Фрицьофа Нансена, человека, которому многие из нас, волжан, обязаны, может быть, жизнью, ибо он спасал наших дедов и прадедов от смерти. Это были годы поступления Билибина и Цареградского в институт и учёбы в нём.

Известно, что голод в 1921-22 годах охватил более трёх десятков губерний и областей страны. Это Башкирия, Челябинская область, Казахстан, Саратовская, Оренбургская области, частично Приуралье, Западная Сибирь, Южная Украина, Крым и другие. Но более всего пострадала Самарская губерния.

Голодало не менее 40 миллионов человек. Пошли массовые заболевания: сыпной тиф, брюшной тиф, дизентерия, истощение, опухоли...

Истощённая революциями и гражданской войной республика не имела сил бороться самостоятельно с наступившей катастрофой.

М. Горький выступил с обращением «Ко всем честным людям», призвав мировую общественность на помощь. Оно было направлено в том числе и Фрицьофу Нансену — первому в истории верховному комиссару Лиги Наций по репатриации военнопленных. Авторитет норвежского полярного исследователя при жизни был непререкаемым. Неутомимый первооткрыватель, учёный-зоолог, основатель новой науки — физической океанографии, политический деятель, лауреат Нобелевской премии мира.

Нансен с юности был превосходным лыжником, неоднократно выигрывал чемпионаты Норвегии. Уже в 20 лет он принял

участие в четырёхмесячном плавании по Северному Ледовитому океану. В 1886 году в двадцатипятилетнем возрасте был удостоен большой золотой медали Королевской академии за результаты изучения строения клеточного аппарата нервной ткани.

Он совершил вместе с пятью своими товарищами переход через всё ледяное плато Гренландии, от восточного берега до западного! После грандиозной экспедиции Нансена на Северный полюс в 1893-1896 годах он становится национальным героем.

Нансен одним из первых откликнулся на голос М. Горького. 9 сентября 1921 года он выступил в Лиге Наций, закончив речь словами: «Я уверен, что каждый, кто осознаёт положение, скажет: «Европа не может оставаться в стороне, она должна спасти эти жизни и спасти немедленно». Он назвал трагедию в Поволжье «величайшим ужасом в истории».

...Нансен лично вносит крупную сумму денег. Отказывает себе в чём только может. Ездит в третьем классе, останавливается в самых недорогих гостиницах. Уже в сентябре были отправлены первые поезда с продовольствием для России. Было спасено множество жизней.

Голод в России в 1921-22 годах (потом он повторился в 1932-33-м, и вновь были случаи каннибализма) — крупнейшая из катастроф в европейской истории после Средневековья. Она подлежит системному научному изучению и оценке.

Дефицит населения с 1920-го по 1922 год составил около 5 миллионов человек.

В 1921 году по поручению Международного Красного Креста Нансен создал комитет «Помощь Нансена» для спасения голодающих Поволжья. Свыше 40 миллионов франков частной помощи было собрано Нансеном. В Советскую Россию поступали эшелоны с продовольствием. Помогал Международный Красный Крест, американские и другие организации помощи. Уже в начале декабря Нансен приехал в Самару, побывал в детских домах, присутствовал на заседании губисполкома. Совершил поездку в Дубово-Умётскую волость. Увиденное его потрясло.

Губернский инспектор Александр Зворыкин, побывав в одном из уездов Самарской губернии, в своём докладе от 15 февраля 1922 года писал: «...Хоронят в каждой деревне один раз в 10-14 дней по 60-80 человек. За последнее время смертность дошла до 10-12 человек в день...»

Семья моего деда по матери Рябцева Ивана Дмитриевича уехала из Утёвки в Сибирь. Из восьми детей уцелели трое: моя мама и два её брата.

Есть фотографии из архива Нансена, которые сделаны в период голода в России. Это жуткие свидетельства событий давних лет нашей истории. В 1922 году Нансен был награждён Нобелевской премией. Большую часть её Нансен отдал на помощь голодающим Поволжья. Приобрёл для крестьян России две сельскохозяйственные станции.

О своих поездках в Россию Нансен писал в книге «Россия и мир». Она была издана в 1923 году. Великий гуманист и учёный через все страдания видел достойное будущее нашего Отечества. Со страниц книги звучит его голос: «Русский народ имеет большую будущность, и в жизни Европы ему предстоит выполнить великую задачу».

Сколько великих умов верило в Россию и продолжает верить!

Многолетнее замалчивание темы голода в России (особенно в Поволжье), ещё недавняя закрытость её, приводят к тому, что целые поколения не знают о страшных событиях. Не знают и тех, кто дал руку помощи на краю гибели.

Молодые умы, будущие учёные Билибин и Цареградский, я думаю, глубоко понимали потребность не только в наличии положительных художественных образов в литературе, достойных подражания (Мамин-Сибиряк, Джек Лондон), но и присутствие в жизни реальных людей, кумиров, дела которых — наглядный пример того, к чему надо стремиться, на кого следует походить. Было-то им всего едва за 20 лет.

Таким человеком, смею предположить, мог быть для них Нансен. При их-то темпераментах!

Сама жизнь формировала идеалы молодых. Вспомним о решении сестры В. Цареградского Татьяны, видевшей в детстве голод, пойти учиться на агронома.

...Не будем забывать и о том, что институт был всемирно известной горной школой. В первом уставе института значилось: «Учащиеся не оставят показать в науках успехи и, употребляя их к общей пользе, — доказать усердие к услуге Отечества и к пользе оною любовь».

Страна изнемогала от ударов на своём пути... Билибин и Цареградский жили в ней, дышали её воздухом...

На Алдан!

...Шли занятия, чередой сдавались зачёты, экзамены...

Были успехи и на научном поприще.

Знаменитый профессор кристаллограф Анатолий Капитонович Болдырев предложил Цареградскому место ассистента, но он отказался.

...И наконец удача! В 1926 году, после того как он успел поработать на Северной Двине, предложили войти в состав геологической экспедиции (первой в его жизни) в верховья Алдана. Рекомендовал В.А. Цареградского на должность заведующего поисковыми работами в Юго-Алданском районе и дал ему положительную характеристику В.И. Серпухов. Именно он поможет ему сделать первые шаги на Алдане. К этому времени Юрий Билибин, окончив институт, уже работал в тресте «Алданзолото». Два года возглавлял съёмочно-поисковые работы в Алданском золотоносном районе. Отрабатывал методику поиска золота.

Их поездки совпали. Юрий Билибин возвращался на Алдан из командировки в Ленинград, Валентин Цареградский ехал туда же для работы в геологической экспедиции. Долгий этот путь ещё более сблизил их. Билибин был переполнен тем, к чему успел прикоснуться на Алдане. Они говорили о многом. И особенно о шлиховом¹ методе опробования рыхлых речных отложений, в которых скапливаются тяжёлые крупинки драгоценного металла вблизи разрушающейся коренной жилы золота. Россыпи образуются или на месте разрушающейся золотой жилы, или несколько ниже по течению реки. Это приводит к его накоплению. Крупинцы золота остаются вместе с другими тяжёлыми минералами при промывке на дне лотка, в «шлихе». По количеству золотинок, по их окатанности и многим другим признакам определяется наличие в русле золота, его запасы, перспективность отработки месторождения.

Совсем скоро Цареградский научится хорошо отмывать тяжёлые золотины от ненужных песчинок.

Я потому останавливаюсь на описании шлихового метода, что он позволил им впервые путём планомерной промывки

¹ Шлих — отмытый осадок на промывальном лотке (концентрат из тяжёлых металлов).

речного песка через определённые расстояния дать позже уже, на Колыме, удивительный успех.

...Намытые пробы после проходили доводку. Как во всяком деле, и здесь были выдающиеся мастера. Не обходилось и без курьёзов.

«На доводку золота артель выделяла опытного промывальщика, в совершенстве владеющего лотком. Процесс доводки состоял в том, что промывальщик, наполнив лоток концентратом, встряхивал его над водой, смывал шлихи так, чтобы золото оседало в поперечном желобке лотка.

Ловкий промывальщик при быстрых движениях лотком незаметно для присутствующих мог смыть часть золота с лотка и потом промыть его после контроля. Были и такие ловкачи, которые могли так манипулировать лотком, что самородки в 10-20 граммов оказывались у них во рту. Заметить это было невозможно. Один довольно опытный нарядчик сообщал об этом в контору: «Есть из старателей такие ловкачи-промывальщики, прямо фокусники. Бывает так: в лотке вижу самородок, вижу, как он его вывел на край лотка, а когда ссыпал золото для отжига в совок, самородка уже не было. Смотрел я, не отрываясь, на лоток в руках промывальщика, а когда он его подбросил вверх и поймал ртом — не заметил». (В.И. Оноприенко).

Было чему и где учиться начинающим инженерам-геологам. Как тут удержаться и не вспомнить мудрые слова о том, что человек, который не имеет заранее установленной цели, движется к печальному финишу.

Билибин уже работал на Алдане, Цареградскому ещё предстояло окончить институт, но и он с жадностью набирался на Алдане практических знаний и опыта. Помня об общей клятве в Сибирской секции геологов!

Выражаясь современным языком, Билибин и Цареградский моделировали варианты предстоящих возможных событий, связанных с осуществлением их мечты. И делали это сообща и целеустремлённо.

Эрозия неактивности

Размышляя о студенческих годах Цареградского и Билибина, задумываешься над тем, какие студенты сегодняшние. Кого

мы готовим в вузах? Увы, устаёшь от того, что чаще всего видишь перед собой людей, которые учатся для «галочки». Нет, изредка, вдруг возникнут на лекции один-два студента.

— А вы почему здесь? — задаёшь вопрос.

— Да вот...

— Я же вам поставил зачёт?

— Нам хочется послушать ещё...

Такие встречи — как праздники! Азарт, жажда знаний не могут оставить равнодушным. Но это бывает редко! Чаще, увы, другое. «Эрозия неактивности» — так назвал один из моих коллег, профессор, это «другое». И эта эрозия возникает от отсутствия уверенности, что получаемые студентами знания пригодятся. Нет, увы, перспективы их применения. Едва вспомнишь Алдан, Камчатку, Магадан, полностью захватившие воображение Цареградского и Билибина, становится многое понятным.

Виноваты ли нынешние студенты? Или мы всё-таки? Их отцы и деды? Наше время, погрузив молодёжь в соцсети, оторвало многих от реальной жизни. Что может захватить их воображение? Глубины науки? Вряд ли! Всё это происходит на фоне прямой связи образовательной деятельности вузов с низким уровнем школьной подготовки. Причём преподаватели гуманитарных факультетов часто живут за счёт набора студентов на коммерческой основе. Крупные технические институты пополняют свой бюджет на основе научно-исследовательской работы, грантов. Но эти источники нестабильны...

...Подвижному интеллекту выдерживать это тяжело. А выход где? Заграница?..

Советское образование не без недостатков, но было в нём и ценное. Сейчас уже со школы приучают к шаблонным работам. Этот поток докладов и других псевдонаучных текстов захватил и библиотеки, и музеи. Везде проекты, проекты!.. А дело где?

Дошло до того, что профессора наших вузов мечтают отправить своих чад на учёбу за границу. Своих же бакалавров считают недоучившимися специалистами. Сейчас при защите дипломного проекта обязательно либо председатель комиссии, либо кто-то из членов её спросит:

— Вы определились, где будете после получения диплома работать?

Чаще всего звучит ответ:

- Нет, не знаю.
- И что намерены делать?
- Надеяться...

Такой диалог в системе классического советского образования был бы диким.

Преподаватели не знают, для кого готовят специалиста, государство не знает, куда его девать, новоиспечённый выпускник не знает, кому он нужен!

В наше время (год выпуска 1967-й) уже на пятом курсе проводилось распределение на место работы, со строгой отработкой в течение трёх лет. Молодой человек адресно попадал под опеку того предприятия, куда он направлялся. Включая предоставление места работы по специальности, жилья при необходимости и прочее. Всё — при участии государства. Не страшно ехать и в Магадан. Сейчас перспектива: в свободном дрейфе лишь бы раствориться где-либо в офисном планктоне. Хотя бы на время...

«Сено-солома»

В начале лета присутствовал на защите дипломного проекта на тему, связанную с ликвидацией последствий массового разлива нефти. В процессе удаления нефти на почве и воде претендентка на получение диплома магистра уверенно докладывала о применении соломы. Что само по себе в известной мере правомерно. Но дёрнуло же меня, когда начали после доклада задавать вопросы, спросить:

— А каким требованиям должна в данном случае соответствовать солома? Есть какие-то нормы?

— Каким? — скороговоркой переспросила будущий магистр. — Солома — она и есть солома.

За спиной девочки-сокурсницы сдержанно хихикнули. Видимо, ответ им показался весьма находчивым.

Я не сразу отреагировал. Задал вопрос мой коллега, седовласый профессор:

— Тогда скажите: что же такое солома?

Наступила гробовая тишина.

Глядя в упор округлившимися, полными спокойной снисходительности глазами, будущий специалист дала пояснение:

— Солома? Ну, это же сухая трава!

И уверенно замолчала, полагая, что удовлетворила неуместную любознательность профессора.

Но не тут-то было. Профессор помолчал в общей тишине. И, будто не замечая конфузливо опущенные глаза членов комиссии, осторожненько так поинтересовался:

— Тогда ещё вопрос. У вас в процессе используется щебень. Что это такое?

— Щебёнка? Это же битый кирпич, — последовал ответ.

— Какой кирпич? — удивился простовато профессор.

И получил своё:

— Белый кирпич, — уточнила, по своим понятиям, дипломанка. — Щебёнка же, она... она белая!

Профессор то ли икнул, то ли так кашлянул, только получился придушенный, вовсе не академический какой-то звук... Потом странно замотал головой, будто ему в ухо залетела эта самая щебёнка...

После защиты — небольшой перерыв. Когда я вышел из аудитории, в коридоре за спиной в кругу кучкующихся болельщиц — её подруг услышал:

— Зачем Таньке это «сено-солома»? Пещерный век! Сидит она в своём туристическом офисе и пусть сидит...

«Действительно! Зачем это ей?» — отозвалось во мне.

А вот Билибину и Цареградскому надо было часами стоять в холодной воде с промывочным лотком, постигая азы профессии, учиться понимать тонкости, которые всегда есть даже в самом простом деле. А тут?..

* * *

Спрашиваю себя не в первый раз: зачем я, книжный червь, которому уже давно за семьдесят, перечитываю пожелтевшие дневниковые записи, научные статьи, далёкие от моей нефтехимии? Зачем ворошу воспоминания свидетелей и участников давних событий? Ответ один. Он прост: мне интересно!

Интересно порой по-мальчишески! Как это было? А это? А то? Ведь были эти события, о которых пишу, почти сто лет назад! А некоторые — более чем сто?.. И они надолго определили наше поступательное движение вперёд: в науке, в практике, в жизни...

ГЛАВА 3

ИЗ ПРЕДЫСТОРИИ КОЛЫМСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ

У истоков большого золота

Начало системной добычке золота было положено на Ближнем Востоке (в III веке до нашей эры). Оттуда золотые украшения поставлялись в Египет. Считается, что впервые золотой промысел в России возник на Урале¹. Золото здесь впервые нашёл в первой половине XVIII века Ерофей Марков. Искал горный хрусталь, а обнаружил кусок кварца с прожилками и крупинками золота.

По распоряжению казённой Горной канцелярии место, указанное Марковым, обследовали. Золота не обнаружили. Ему удалось всё же в 1747 году вместе с пробирным мастером Рюминым вновь «открыть» Берёзовское рудное месторождение, начать добычку его. Позже было найдено золото на Алтае.

В 1812 году разрешили промышленлять золото частным лицам. Оно было обнаружено в Енисейской тайге, в Кузнецком Алатау, в Забайкалье. В 1843 году богатейшие россыпи нашли у притоков Лены — Витима и Олёкмы. Возникла золотая лихорадка. После были открыты богатые россыпи по реке Бодайбо.

Вначале золото добывали мелкие промышленники. На смену пришли богатые иркутские купцы и петербургские банкиры. Но явились английские капиталисты. К 1910 году все прииски на Лене уже принадлежали английской компании «Лена голдфилдс». Иностранные золотопромышленники нещадно эксплуатировали рабочих.

Тем временем обнаружили месторождения в Баргузинской тайге, в Якутии, Казахстане, на Дальнем Востоке, в Приамурском крае, по рекам Зее, Селемдже, Бурее и Амгуни. Вскоре начали промышленлять золото в Приморье и около Охотска.

---

¹ Есть сведения, что первое открытие природных запасов золота было сделано в 1732 году в Архангельской губернии. Золотую жилу начали разрабатывать в 1745 году. Рудник с перерывами действовал до 1794 года. Он дал всего около 65 кг золота.

Страницы прошлого Колымы

До второй половины 1929 года побережье бухты Нагаева, включая сухопутное пространство за ней до Северного Ледовитого океана, так называемый Колымский край, представляло собой сплошной горно-таёжный массив, пересекаемый многочисленными реками. Ближайшие к бухте населённые пункты располагались на побережье Охотского моря: село Ола — в 30 километрах на восток, село Армань — в 40 километрах на запад. В них было по несколько десятков жителей.

А уже к концу 1933 года бухта Нагаева стала иной: «Население Нагаево-Магадан составляло около 3 тысяч человек вольнонаёмных рабочих и служащих и членов их семей, жилая площадь (без учёта палаток и бараков заключённых) — 11 122 квадратных метра. В посёлке насчитывалось 8 «стандартных комнатных домов», 8 «стандартных квартирных домов», 67 «рубленных домов», 22 барака, 104 каркасных и прочих мелких домов. «Квартал стандартных домов» был оборудован «центральной отоплением» и водопроводом. Кроме этого, вступил в эксплуатацию так называемый глинобитный городок в составе «десяти глинобитных домов площадью 3 334 кв. метра». «Всё это делает Нагаево-Магадан, — говорилось в отчёте Дальстроя за 1933 г., — населённым пунктом городского типа, почему дирекцией и возбуждено ходатайство о присвоении посёлку названия — «город Магадан» (тунгусское — «наносы моря», «Магадан» — искажённое русскими название)». (Александр Глущенко. «Колымский хронограф»).

А начиналось всё при первом из царей Романовых — Михаиле Фёдоровиче, когда произошло присоединение к России Нижнего Урала, Прибайкалья, Якутии и Чукотки и был открыт выход к Тихому океану. В 1632 году енисейский сотник Пётр Бекетов с 30 казаками покорил якутов. Обложил ясаком и заложил Якутский острог. Примерно тогда же отряд мангазейцев под начальством Васильева дошёл до Лены-реки.

Десятник Буза вместе с промышленниками в 1637 году добрался до западного устья Лены, откуда, направляясь по морю на запад, достиг устья реки Оленёк.

В 1638 году основан был Верхоянск. Тогда же атаман Максим Перфильев достиг устья реки Ципы, а неутомимый Буза

снова спустился по Лене, выйдя в океан её восточным устьем, дошёл до устья Яны. В том же 1638 году казак Постник добрался до реки Индигирки и основал зимовье. Спутники его в 1639 году на двух выстроенных ими кочах спустились по Индигирке в Северный Ледовитый океан и добрались до устья Алазеи... В 1644 году казак Михаил Стадучин достиг морем устья Колымы и заложил в 150 верстах от него Нижне-Колымское зимовье. Позже русские прошли вверх по реке и построили остроги Собачий (нынешний Средне-Колымск) и Верхне-Колымский. Мезенец Игнатьев в 1644 году пошёл по морю к востоку от устья Колымы, достигнув Чаунской губы. Там он торговал с чукчами, вернулся в том же году обратно морским путём.

...Новая открытая земля радовала немеренным богатством. Чёрным соболем, красной лисицей, песком изобиловал край. Но довольно скоро соболи были почти полностью истреблены. Необычный край стал малоинтересен. Холодная, как казалось, пустынная земля, заброшенные поселения, основанные Михаилом Стадучиным: Верхний, Средний, Нижний острожки, превратили в места ссылки. Познания о «местах весьма отдалённых» ограничивались исследованиями политических ссыльных.

Первые, как мы теперь знаем, самые общие, но ценнейшие научные сведения о неизведанном крае, преодолев маршрут от Якутска до Верхнеколымска, дал Иван Дементьевич Черский. Его записки должны были лечь в основу отчёта Петербургской академии наук, которой он был командирован в 1891 году.

На две с половиной тысячи километров протянулась многоводная Колыма. Конечно, один маршрут Черского не давал представление о бассейне этой реки, занимавшем более полумиллиона квадратных вёрст. Тем не менее... Черский обнаружил залежи каменного угля в районе Зырянки. Кто мог думать тогда, что дикий, суровый край таит такие богатства, что его назовут золотым? Для того чтобы добраться до богатых кладовых полудикого края, предстояло выполнить огромного масштаба работы. Это возможно было только специальному тресту. И такая организация была создана. Но значительно позже. До этого будут осуществлены геологические экспедиции, достигшие небывалых успехов.

...В 1926 году приступила к работе геологическая экспедиция по изучению полезных ископаемых Колымы и Индигирки под руководством С.В. Обручева. Была составлена первая схема части бассейна рек. В этом же и последующем годах проводится первая перепись населения Чукотки.

Благородный металл

Что же это за металл, который так манит, притягивает к себе людей? И который так дорого достаётся...

Об этом металле, кажется, всё уже известно.

Золото — элемент 1-й группы периодической системы химических элементов Д.И. Менделеева, с атомным весом 79. Простое вещество — благородный металл жёлтого цвета. Мягкий, ковкий. Очень тяжёлый, плотность чистого золота равна 19,32 г/см³. Сопоставимую с золотом плотность имеет вольфрам (19,25). Высокая плотность золота облегчает его добычу. Даже простая промывка на шлюзах обеспечивает достаточную степень извлечения золота из породы. Золото высокопластично. Оно может быть проковано толщиной до ~0,1 мкм (100 нм) — сусальное золото. Температура плавления — 1064,18°C, кипит при 2856°C. Золото — один из самых инертных металлов. При нормальных условиях не взаимодействует с большинством кислот и не образует оксидов, поэтому его относят к благородным металлам.

Поскольку сразу после своего возникновения Земля была в расплавленном состоянии, почти всё золото в настоящее время на Земле находится в ядре. А то, что сегодня присутствует в земной коре и мантии, согласно новой теории доставлено астероидами во время поздней тяжёлой бомбардировки.

За всю историю человечества добыто около 161 тысячи тонн золота. Если сплавить всё это золото воедино, получится куб со стороной примерно 20 м.

Россия по добыче россыпного золота занимает первое место в мире. Основная его часть добывается в семи регионах: Амурская область, Забайкальский край, Магаданская область, Республика Саха (Якутия), Иркутская область, Хабаровский край, Чукотский автономный округ.

В настоящее время около 10 % золота мира находится в промышленных изделиях, остальное приблизительно поровну — в централизованных запасах (стандартные слитки химически чистого золота) и в частной собственности в виде слитков и ювелирных изделий. Золото широко используется в стоматологии, фармакологии, микроэлектронике (золотые проводники и гальванические покрытия золотом контактных поверхностей, разъёмов, печатных плат).

Золото применяется при покрытии зеркал, золотые припои используются при пайке металлов, в технике сверхвысокого вакуума и т.д.

Широко используется золото в качестве защиты благородных металлов от коррозии.

Ювелирная промышленность — самый крупный потребитель золота. Ювелирные изделия изготавливаются не из чистого золота, а из его сплавов, превосходящих его по механической прочности и стойкости. Для этого служат сплавы Au-Ag-Cu, они могут содержать добавки цинка, никеля, кобальта, палладия. Золото в сплавах определяет стойкость к коррозии, а соотношение серебра и меди — цветовые оттенки и механические свойства.

Важнейшей характеристикой ювелирных изделий является их проба, которая напрямую связана с содержанием в них золота.

Немало написано о золотых украшениях. Но ювелирные познания особо не завораживают.

* * *

Довольно долго в истории человечества золото служило в качестве универсального средства расчётов. Только в ходе Первой мировой войны монетарные операции с золотом были прекращены.

Во время Второй мировой войны, в 1944 году, на Бреттон-Вудской международной финансовой конференции золото было окончательно исключено из денежного обращения. Роль золота определялась лишь в качестве государственного резерва на случай погашения возможных дефицитов платёжных балансов. Золото стало мерилom национального достояния, окончательным запасным активом.

В условиях конъюнктурных колебаний золото способно обеспечивать устойчивость экономики страны. Отсюда — забота о его производстве, включая геологоразведку, саму добычу металла, обработку, хранение и так далее.

Управление золотыми резервами, экспорт благородного металла, оборот золота в качестве одинакового актива — важнейший сектор экономики страны, который в силу его специфики остаётся одним из наиболее информационно закрытых её секторов.

* * *

В период царствования Екатерины II казённые заводы перешли в частные руки. Золотодобывающие предприятия превратились в акционерные общества. К концу XX века появилась опасность для национальной экономики: стратегический ресурс золота, концентрация его производства оказались в частных руках, контролируемых иностранным капиталом.

* * *

После революции 1917 года была утрачена значительная часть золотого запаса, составлявшего около 1 340 тонн.

В период Первой мировой войны большая его часть была перевезена в Великобританию в качестве залога полученных военных кредитов.

Позднее из России вывезли золото царской семьи, золото адмирала А.В. Колчака, атамана Г.М. Семёнова, немало получила Германия по Брест-Литовскому мирному договору 1918 г.

Предстояла грандиозная работа по восполнению и умножению утраченного потенциала.

Дореволюционный запас иссякал. На 1 февраля 1922 года в стране золота оставалось на 217,9 млн золотых рублей.

...Создание Торгсина и продажа за рубеж произведений искусства не увенчались успехом. Страна получила не более 232 тонн золота. Это помогло оплатить только часть импорта промышленного оборудования, но и только.

Вот почему так важны были экспедиции на дальний север — на Колыму, где открытие золота могло значительно улучшить экономику страны и ускорить её индустриализацию.

Валентин Александрович Цареградский вспоминал: «Незабываемые годы первых пятилеток. Днепрогэс, Магнитка, Кузбасс... Стройки, стройки по всей стране. Небывалый энтузиазм советских людей. И знаменательно, что именно в эти годы грандиозных преобразований, охвативших всю страну, началось интенсивное освоение северо-восточных окраин нашей Родины. В самые отдалённые районы Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера одна за другой организуются крупные геолого-разведочные экспедиции. В их числе в 1928 году — Первая Колымская геолого-разведочная экспедиция Геологического комитета ВСНХ под руководством Ю.А. Билибина, отличные результаты которой, да и последующие открытия, явились основой для развития на Северо-Востоке страны крупной современной горнодобывающей промышленности. Последующие — Вторая, Третья Колымские геологические экспедиции в 1930-м и 1933 годах и Четвёртая Индигирская в 1937 году продолжили планомерные исследования на Северо-Востоке. Они подтвердили прогноз Ю.А. Билибина и других исследователей и стали основой ускоренного промышленного освоения этого края».

Результаты колымских экспедиций под руководством Ю.А. Билибина и В.А. Цареградского позволили открыть промышленную добычу золота, помогли стабилизировать экономику всей страны в период коллективизации, в предвоенные и военные годы. Уже в середине 30-х годов прошлого столетия деятельность треста «Дальстрой», который монопольно вёл добычу на Северо-Востоке страны, приобрела многоотраслевой характер. По мере увеличения открытых месторождений шёл рост числа горнопромышленных предприятий. Если до 1935 года добыча золота не превышала 15 тонн в год, то уже в 1936 году она составила около 30 тонн в год. В последующие годы (37-й, 38-й, 39-й...) добывалось золота в год не менее 50 тонн. Рекорд был установлен в 1940 году, когда было добыто за год 80 тонн¹. Это составляло около половины всей добычи золота в стране.

Впереди была война. Великая Отечественная...

В деле коренного перелома (1943 г.) в ходе Великой Отечественной войны есть доля вклада и колымских золотодобыт-

¹ В.Г. Зеляк. «Золото для победы: горнодобывающая промышленность Дальстроя в годы войны».

чиков. В военное время золота ими добывалось не менее 70 тонн в год. Этот вклад содействовал в том числе и ускорению открытия второго фронта, обеспечив подтверждение платёжеспособности Советского Союза.

* * *

Что такое золото, возможно, я полнее пойму, когда узнаю как можно больше о его поисках и добыче, о людях, которые связали свою судьбу с этим магическим металлом, так думал я, когда держал в руках очередную с трудом добытую книгу. Не художественную. Мне по-прежнему нужны и важны воспоминания участников экспедиций, их друзей и родственников, статьи учёных, в которых на первом плане были бы не удачно придуманные сюжеты, как говорил ранее, а его величество факт — вещь в жизни часто фантастическая! Особенно когда человек сталкивается с неизведанным. Мне интересен человек не придуманный, а живой, конкретный...

Сейчас я рад каждой открывающейся мне возможности больше узнать о геологах... Сколько ещё встреч будет у меня, пока я от «истоков золотой реки», а вернее от берегов Волги, проплыву в своём путешествии по всему руслу судьбы, точнее судеб ставших близкими мне людей...

...Оттолкнувшись от истока — места рождения и детства Валентина Александровича Цареградского, я попал в многошумный, многоликий поток... Порой мне кажется, что, когда я двигаюсь по руслу огромной реки, те, кто остался на берегу, машут мне прощально рукой. И смотрят испытующе: что я скажу об их жизни? О всех. И о каждом в отдельности...

На Алдане

О наличии золота в бассейне реки Алдан было известно со времён первых экспедиций русских горных инженеров середины XIX века, затем Томмотских экспедиций 1917 года. Ещё в 1912 году партия зейского золотопромышленника Опарина обнаружила и застолбила по Орто-Сале золотоносные участки. Но Первая мировая война помешала проведению детальной разведки.

Только перед Октябрьской революцией Опарин смог послать разведочную партию. В неё входил один из первооткры-

вателей алданского золота Степан Флусов. Он вёл разработки на реке Томмот, где трудились до этого копачи.

О наличии золота на Алдане сообщил Пятой Сибирской Красной армии именно Степан Флусов. Позже нарком тяжёлой промышленности СССР Серго Орджоникидзе назначил ему за счёт Наркомата пожизненную персональную пенсию.

В марте 1921 года по направлению Зейского горного управления С.И. Флусов вместе со своим старшим сыном Сергеем и бригадой старателей отправился на Усмун. Разведка была удачной. Около устья ключа Лукового обнаружили в русле Томмота богатое рассыпное золото. За лето 1921 года артель добыла 16 фунтов золота.

С.И. Флусов являлся участником всех опаринских партий. Он бывал на Томмоте не один раз. Во главе экспедиции из 8 человек, работая в верховьях руки Орто-Салы, он составил первый глазомерный план месторождения с соответствующими на нём записями по опробированию.

Отдел снабжения 5-й армии ДРВ (в марте 1922 г.) по данным разведки Семёна Флусова послал партию на Томмот в составе 70-ти человек с целью добычи золота. Проводником пошёл Марьясов со своей семьёй (жена и пятеро детей). Экспедицию постигла трагическая участь. Близ речки Эрге (60 километров восточнее современного посёлка Хатыми) бандиты перестреляли значительную часть работников партии. Перед этим они совершили набег на Тьрканду, где велась хищническая добыча золота, в основном китайцами.

Марьясову удалось сбежать и сообщить о случившемся. Посланный отряд не догнал бандитов и вернулся назад. Бандиты потом долго бесчинствовали в тайге.

Существует распоряжение № 72146 управления золото-платиновой промышленности «Главзолото», направленное в июне 1934 года управляющему трестом «Якутзолото» Щербинину, в котором говорится: «На прииске Самодумовском проживает один из первооткрывателей Алдана т. Флусов Степан Игнатьевич. Выдайте ему единовременно 3 000 рублей, зачислите с семьёй на снабжение по категории забойщика 1-й категории, а также выдайте ежемесячное денежное пособие в размере 250 рублей в месяц. Начальник «Главзолото» Сербровский».

Тогда же С.И. Флусову был вручен знак «Стахановец золотоплатиновой промышленности», он избирается членом президиума райисполкома.

В 1937 году выдающийся организатор советской золотодобывающей, а ранее и нефтегазовой промышленности, начальник «Главзолото» Александр Павлович Серебровский, много сделавший для развития Якутии, был расстрелян. Его славное имя надолго забыли. Сказалось знакомство с Серебровским, его покровительство и на добром имени С.И. Флусова. Забыли и о нём как об одном из первооткрывателей золотого Алдана. Его лишили многих заслуг.

А он жил и работал. Вырастил восьмерых сыновей, дочку. Каждый из них получил доступное образование. Сын Сергей и внук Аркадий стали геологоразведчиками. Младший сын, Вениамин, стал одним из первых лётчиков Алдана. Он награждён за боевые заслуги орденами и медалями.

С.И. Флусов умер в возрасте 70 лет, возвращаясь из тайги. Правнуки одного из первооткрывателей золота, много пережившего и повидавшего, исследовавшего благодатный край ещё до официального открытия Алдана, и сейчас живут на алданской земле.

«Говорить о добывающей промышленности нашей — значит говорить не о самой промышленности, которой почти нет, а о причинах её отсутствия. Огромнейшая из губерний России, Якутия, занимающая площадь до трёх с половиной миллионов квадратных вёрст, до сих пор представляет собой закрытую кладовую, наполненную богатствами. Двери этой кладовой Российское государство не удосужилось открыть за три века владения краем и лишь изредка пыталось искать дорогу к этим дверям. В результате до сих пор Якутский край представляет необследованную и обособленную страну, не связанную с миром современными путями сообщения... Только добыча золота и платины может выносить наше бездорожье, да и то при высоком содержании месторождений... Добыче золота суждено играть огромную роль в жизни края... золото обнаружено во всех уездах губернии. Наиболее крупная добыча производится рядом со всемирно известным Витимским районом, входившим ранее в пределы Якутской губернии, в бассейне Олекмы. За последние годы началась добыча на большом протяжении р. Виллой. Уже

давно зародилась золотопромышленность в Якутском уезде, в верховьях Тимптона, а за последнее время начали открываться прииски по Алдану и притокам Тимптона, вблизи его устья... В уездах Колымском и Верхоянском добыча пока не производится, если не считать случайных старателей, но присутствие там золота установлено. Вообще же по размерам своим Якутский край является известным золотоносным районом в мире».

Так ещё в 1922 году писал видный деятель молодой Якутской республики Алексей Алексеевич Семёнов в первом номере журнала «Красный Север». То есть задолго до официального открытия золотого Алдана, за десять лет до открытия золота на Колыме.

Золотой Алдан ждал своих первопроходцев, которые дадут начало промышленной добыче золота.

Пробойный Вольдемар

Колоритнейшая фигура — внешне похожий на богатыря борца Ивана Поддубного, большой энтузиаст развития золотодобывающей промышленности Якутии и Сибири Вольдемар Петрович Бертин много сделал для освоения богатейшего края. Он участник Ленских событий 1912 года, октябрьских вооружённых событий в 1917 году в Москве, гражданской войны в Сибири и Якутии. Краткие очерки его жизни похожи на головокружительные, остросюжетные эпизоды приключенческой повести. С его твёрдой руки началось промышленное освоение Алдана.

Легендарный золотоискатель родился 23 января 1888 года в семье бедных латышшей Петра Петровича и Елизаветы Мартыновны Бертиных на хуторе Иллустах Курляндской губернии. Пётр Бертин работал путевым сторожем на железной дороге. Когда его уволили и работы найти не удалось, подались в Сибирь. Устроился глава семьи рабочим на строительство Транссибирской железнодорожной магистрали в Каинске Томской губернии.

В семье семеро детей, заработка едва хватало. В девять лет отец отвёл Вольдемара в церковноприходскую школу. Уже через год сын бойко читал. В пятнадцать лет он начал работать учеником слесаря на станции Ункунар Китайской Восточно-Сибирской железной дороги. В 18 лет Вольдемар — хороший

слесарь, механик на винокуренном заводе. Но хотелось знать и видеть больше, манили новые места.

Слух о Ленских золотых приисках будоражил. Вольдемар подался в Бодайбо. Далее события в его жизни чередуются, как в калейдоскопе. Три года проработал слесарем в Бодайбо, меньше года трудился в Киренске в пароходстве золотопромышленника Громова. Не выдержав невыносимых условий, ушёл. Подался в старатели на прииски, владельцем которых было английское общество «Лена Голдфилдс» (70 % акций Ленского золотопромышленного товарищества «Лензолото»). Тёмные, сырые бараки, отвратительное питание, ещё хуже отношение к рабочим. Забастовка охватила за несколько дней весь золотопромышленный район.

4 апреля около трёх тысяч рабочих пошли к конторе прииска просить об освобождении арестованных. Вместе со всеми шёл и В. Бертин. По рабочим открыли огонь. Было убито 270 и ранено 250 человек.

...Июнь 1914 года. Правительство объявляет о вступлении в войну. Получил повестку и Вольдемар. Умирать за царя-батюшку, по приказу которого расстреливают рабочих, Вольдемар не собирался.

Переходил с прииска на прииск. Трижды менял фамилию. Но выследили — просидел в Бодайбинской тюрьме семь месяцев. Вышел весной 1915 года на свободу и подался в Охотск, где открыли в то время золотоносный район.

В 1916 году его забирают в армию. Проехав через всю Россию в вагоне с новобранцами, оказывается на передовой.

Далее, после Февральской революции: участие в революционном движении, перевод в Москву. Бутырская тюрьма. Освобождение.

Бертин становится красногвардейцем, участвует в ключевых военных событиях в Москве. После Октябрьской революции — Дальний Восток. А там бушевали интервенты. Следует арест, «вагон смерти» — походная гауптвахта атамана Калмыкова.

Били в тюрьме крепко. Но освобождение пришло. Помог старый якут, охотник Иванов. Старик пообещал принести белому офицеру четыре фунта золота, если пятерых охотчан, в том числе и Бертина, выпустят на волю. Но если Бертин умрёт, то старик не принесёт ни грамма золота.

Алчный офицер согласился и часть своего обещания выполнил. Охотчан перевели из «вагона смерти» в Хабаровскую тюрьму. Когда отряды Красной армии освободили город от белогвардейцев, арестованных выпустили. Остальных узников «вагона смерти» белогвардейцы расстреляли на берегу Амура.

Белый офицер, избивавший в тюрьме В. Бертина, попал в руки партизан. Товарищи предложили В. Бертину расквитаться за его зверства. Он ответил:

— Не буду пачкать руки об эту мразь.

Партизаны расстреляли надзирателя.

В Чите в это время в застенке у белогвардейцев маялся младший брат Вольдемара — Эрнест Бертин...

...Хабаровск пришлось покинуть: в начале апреля японцы захватили Уссурийский край и Приморье. С отрядом красных партизан В. Бертин перебрался на правую сторону Амура.

О семье он ничего не знал. Не знал, кто родился у него: сын или дочь? Витали слухи, что в Охотск приходила японская канонерка и обстреляла посёлок, многих охотчан каратели убили. Жива ли семья? К счастью, встретил знакомого, который шёл с женой Татьяной Лукьяновной из Охотска в Якутск. Узнал, что жена и дети живы.

Надо пробираться в Якутск. Но через Читу дорога закрыта: там свирепствовали семёновцы. Один путь свободен — через глухую алданскую тайгу...

Появился В. Бертин в Якутске в конце апреля. Худой, измождённый, полураздетый, в раскисших коровьих торбах.

Пришедший вместе с ним эвенк говорил:

— Мужик он мировой, пробойный! Только шапчонка шибко худой на нём.

* * *

Впереди опять была напряжённая, активная работа. В том числе и личное участие весной 1921 года в боевых операциях против банды Бочкарёва.

* * *

Дома жена Татьяна в день встречи спросила:

— У тебя бельё есть? Помыться бы надо с дороги.

- Есть.
- А где?
- Да всё, что есть, на мне.

Сшила она ему гимнастёрку, шинель нашлась в больнице. Не было шапки и ремня.

Вольдемар Петрович после освобождения из тюрьмы сильно ослаб. Болела от побоев голова, болели ноги. Он «весь болел», но скрывал это от окружающих. Ноги одолевали спазмы, он прихрамывал. Подскакивала часто температура. И всё же он не мог бездействовать. Отдохнул два дня Вольдемар Петрович и направился в военкомат. Там взглянули на документы и говорят строго:

— Что же это вы, товарищ Бертин, гимнастёрку распустили, пришли без ремня?

— Если вы мне дадите ремень, тогда я буду подпоясан.

Посмеялись. Выдали ремень и шапку. Вновь приняли его в партию и поручили заведовать артиллерийскими складами и мастерской по ремонту оружия штаба войск Якутии.

Приняли в партию В.П. Бертина в 1921 году, а в марте 1922 года он уже член Президиума Якутского губернского бюро РКП(б) и депутат Якутского городского совета первого созыва.

На первой Якутской конференции В.П. Бертин убеждённо ратовал о необходимости начать разведку и добычу золота, для чего надо было наладить работу транспорта. «Только на золото, — говорил он, — заграница продаст республике машины. Значит, надо его добыть». Он настоятельно просит Якутское правительство снарядить экспедицию для разведки золота в бассейн Алдана.

Трудовая артель

...Только после марта 1923 года, когда был разгромлен отряд генерала Пепеляева, двинувшегося на Якутию, намечаются планы по восстановлению разрушенного войной народного хозяйства. В. Бертину помогали его опыт, знание людей и тайги. Обком партии поддержал инициативу В. Бертина по освоению Алдана. Много позже он вспоминал: «В конце 1922 года я встретился с Николаем Константиновичем Марьясовым, кото-

рый не раз бывал в районе Томмота. Помня рассказы эвенков, я стал расспрашивать его о золоте. Марьясов сообщил нам, что золото по Томмоту было обнаружено эвенками ещё в 1912 году. Слухи об этом дошли до золотопромышленника Опарина, который незадолго до войны направил туда поисковую партию, в состав которой входил и Марьясов. Несмотря на то, что в отдельных местах были установлены признаки золотоносности, поисковые работы в связи с начавшейся империалистической войной были прекращены. Однако отдельные группы старателей добирались до этого района и, по слухам, с успехом мыли золото. Одной из таких групп руководил Степан Флусов со своим сыном Сергеем.

В ноябре 1919 года Марьясов вторично был вместе со своим сыном Николаем и Филиппом Яковлевичем Викторовым в верховьях реки Томмот. Там они вели ковшовые разведочные работы, на косах и в русле реки Томмот взяли пробы с хорошим содержанием золота».

Надо действовать. Но для организации работ не было ни специалистов горного дела, ни средств. И тогда в 1923 году В.П. Бертин решил организовать «Первую якутскую трудовую артель по добыче золота». Получил в Наркомторгпроме ЯАССР денежную ссуду в размере десяти тысяч рублей, необходимую для комплектования артели одеждой, инвентарём, аренды транспорта, приобретения продовольствия. Все открытые золотоносные площади артель должна была заявлять на имя Наркомторгпрома.

Героическая личность, Вольдемар Бертин лично сам набирал в отряд смелых и решительных людей из бывших красноармейцев, опытных старателей, красных партизан. Со многими он воевал в Якутии против белых. Были приняты двадцать два человека разных национальностей. Среди них — русские, якуты, латыши, эстонец, татары. Получили винтовки, наганы, гранаты. Якут Марков, с которым Бертин был знаком, когда добирался с Амура, выслал в Якутск за отрядом 30 подвод, 40 оленьих нарт, подготовил необходимое к приезду отряда в Джеконду.

...На Алдан отряд прибыл в самом начале 1923 года. В. Бертин потом вспоминал: «Опасаясь бандитов, артель, начиная от Джеконды, шла походным порядком, в авангарде на порожних нартах ехала вооружённая группа, сзади, на некотором рассто-

янии, следовал основной состав артели. На ночь выставлялось сторожевое охранение.

Ехать пришлось всё время по целине. По мере удаления от Лены снег становился всё глубже и глубже. Начиная от устья Селигдара, артель была вынуждена протаптывать дорогу на лыжах, за лыжниками сначала шли олени с порожними нартами, а уже за ними — с гружёнными.

Становилось всё теплее и теплее. Олени были не в силах идти по разжиженному снегу, и 30 апреля артель была вынуждена прекратить дальнейшее продвижение. Мы остановились на берегу реки Орто-Салы в 18 километрах ниже устья ручья, впоследствии названного нами Незаметным...

...Начиная от Джеконды вплоть до места остановки на реке Орто-Сале, нами не было встречено даже признаков присутствия человека. Вокруг простиралась глухая, безжизненная тайга. Отсутствовали даже звери и птицы, вынужденные вследствие необычно глубокого снежного покрова покинуть эти места и перекочевать в район с более мелким снегом.

Первое мая мы отметили коротким митингом и салютом из винтовок. На этой стоянке построили дом, амбар, баню и небольшой ледник для хранения продуктов. Дней через десять-пятнадцать после нашего прибытия мимо нас по противоположному берегу Орто-Салы, вверх по реке, проследовала небольшая группа эвенков, среди которых, как мы узнали впоследствии, находился якут Тарабукин.

Одновременно со строительством помещений, используя последние дни санного пути, вывезли на берег Орто-Салы некоторое количество сосновых брёвен для сооружения ковшового парома. Дождавшись спада весенних вод, построили паром и начали разведочные работы в русле Орто-Салы».

...Поблизости бродили остатки банды, учинившей год назад расправу над старателями и красноармейцами. Пришлось укреплять жильё дома. Устроили в домах бойницы, возвели двойные стены. В сторону реки соорудили тайный выход. Ввели военное положение, усилили круглосуточную охрану. Не столько трудовая артель, сколько боевой отряд действовал в тайге.

Десять человек промывали пески, но золота было мало. Решено было отправляться на поисковые работы вверх по Орто-Сале.

Старатель Тарабукин

Дальнейшие события развивались причудливо. Когда разведчики вернулись на базу, появился якут Гавриил Лукин. Далее я дословно буду приводить свидетельства из очерка Л. Ермаковой «Бертин»:

«...Якут поговорил о том о сём, а потом как бы невзначай и говорит Бертину:

— Однако, золотишко есть. Много золота.

— Да, золото где-то недалеко, мы брали пробы сегодня, думаем и завтра продолжить поиски.

— Зачем искать? — удивился Гавриил. — Я знаю где, там уже Тарабукин моет.

И рассказал Лукин, что по ключу, который совсем высох, моет золото якут Тарабукин и с ним несколько эвенков. А что золото, действительно, богатое, Лукин своими глазами видел.

— Только торопитесь, а то Тарабукин уже послал за своими людьми на Тьрканду, — предупредил старый таёжник.

Не теряя времени, Бертин, Нисковских и Владимиров верхом на оленях выехали к высохшему ключу. Пробираясь сквозь чащобу, они прошли вверх по ручью километра полтора и вышли на небольшую полянку. Здесь стояла палатка, горел костёр, на котором готовилась еда. Несколько человек на берегу ручья, где в углублении сохранилось немного воды, мыли золото на «американке» (примитивное промывочное устройство). Шурфов, выработок не было, мыли золото наносное. Вольдемар Петрович и его спутники поздоровались. Бертин спросил:

— Кто Тарабукин?

Отозвался небольшого роста якут, средних лет. Бертин попросил у него разрешения произвести съёмку золота с «американки». Тарабукин разрешил. Результаты съёмки были неплохие: с 25 лотков породы 8 золотников (золотник составляет 4 грамма 220 миллиграммов). Очень довольный съёмкой, Бертин велел спутникам кипятить чай, а сам стал производить опробование лотком. Каждый лоток давал богатое золото.

Вскоре закипел ароматный чай. Вольдемар Петрович пригласил к своему костру Михаила Прокопьевича Тарабукина. Рассказал о своей артели, о том, что на поиски золота их послало Якутское правительство, сказал, что они будут работать

на этом ключе.

Бертин расспросил Тарабукина, кто он, откуда пришёл в эти места. И тут выяснилось, что пришёл он сюда почти одновременно с артелью, проходил с женой и родичами мимо стана Бертина на Орто-Сале. Ручей этот ему показали родственники жены, бугагинские эвенки. Тарабукин рассказал, что он родился в 1882 году в Таттинском районе. В 16 лет остался сиротой, ушёл из родного наслега, подался в Бодайбо, где работал старателем почти десять лет...»

Немногословен был якут, а поведал немало:

«...До вашего прихода мы уже намыли около ста сорока золотников, — сказал Тарабукин Бертину.

— Хорошо. Продолжай свою работу. И мы тоже будем перебираться на этот ручей.

После чая Бертин и его спутники прошли вверх по ручью и обнаружили, что пробы становятся всё богаче.

Вольдемар Петрович позже рассказывал:

«Наиболее богатые пробы оказались на расстоянии около километра от того места, где мыли золото Тарабукин и эвенки. Здесь мы заложили линию в несколько шурфов, которые показали хорошее промышленное золото. На этом месте было решено приступить к золотодобыче. Часть членов артели приступила к организации добычных работ, а остальные занялись транспортировкой с Ортосалинской базы продовольствия и снаряжения. Мы переносили их на себе в котомках».

На ручье Незаметном

«...23 июня 1923 года артель окончательно перебралась на новое место. Провели собрание, на котором решили назвать ручей Незаметным. На скорую руку выстроили барак на всю артель и приступили к работе, вели разрез. В ручье не было воды, стояла засуха. Артель сделала водохранилище в русле ручья и пробила бортовые канавы из тайги для притока воды. Подготовительные работы продолжались 15 дней. Затем приступили к промывке песков. Со всей вскрытой площади разведчики добыли несколько десятков фунтов золота, промывка сильно сдерживалась отсутствием воды, но это уже не беспокоило артель.

Месторождение было богатое, золота получили немало, можно было докладывать Правительству о выполнении задания.

4 августа Бертин, уполномоченный Наркомторгпрома Нисковских, член артели Сокикас и ещё два человека из группы Тарабукина выехали в Якутск. Опасаясь нападения бандитов, они взяли с собой оружие. Уже впоследствии Бертин узнал, что на их пути, возле переправы через реку Амга, была засада, но, увидев, что группа хорошо вооружена, бандиты не решились напасть на них.

Бертин и его товарищи благополучно добрались до Якутска. Их появление в городе всех обрадовало. Почти полгода от них не было никаких вестей. Ходили слухи, что всю артель перебили.

Приехал Вольдемар Петрович домой, дверь открывает, а ребяташки в рёв:

— Чужой дядя пришёл!

Жена Татьяна еле узнала Вольдемара. За это время у него выросла большая борода.

Добытое золото Бертин сдал Наркомторгпрому, был составлен документ, который гласил:

«...впредь до организации в ЯАССР горного надзора и прибытия его представителей на места разрешить 1-й трудовой артели по добыче золота, не производя установленного отвода, разработку золотоносной площади, не выходя к ключу, названному артелью «Незаметный», впадающему в речку Орто-Сала с правой её стороны... Прииск назван «Незаметный». Границы его обозначены следующими явочными знаками: починный столб толщиной в три вершка сыростойного лиственного леса поставлен в 13 шагах от речки Орто-Сала и в 10 шагах от правого берега ключа. Вверху столба вырезано: «П.П.Н.К.Т.П». Ниже написано: «Настоящая местность заявлена 1-й трудовой артелью по добыче золота в пользу Наркомторгпрома ЯАССР тысяча девятьсот двадцать третьего года июня двадцатого дня» — и дальше вырезано ножом: «19/VI — 23 года». В одной сажени выше столба выбит «приёмок». Вокруг столба редкий крупный лиственный лес. Второй столб, т.е. окончательный пункт границы прииска «Незаметный», поставлен на 4 верстах по течению».

Вольдемар Петрович был назначен на Незаметном уполномоченным Наркомторгпрома. Обговорив все дела, особенно о

снабжении продовольствием, вместе с Иваном Карловичем Сокикас стал собираться в обратный путь. На прощание сказал жене: «Приезжай, Танечка, на Незаметный. Как путь зимой установится, так и приезжай».

...А на Незаметном разворачивались свои события. Банды волчьими стаями бродили по тайге. Когда бандиты узнали, что В. Бертин уехал в Якутск, они напали ночью на вьючный транспорт якута Устинова и его спутников, доставляющих старателям мясо и муку. При этом распустили слух, что советская власть пала, обманули эвенков — угрозами и обманом перетянули их на свою сторону. Арестовали Устинова и жену старателя Жмурова и заперли их в пустом сарае около зимовья. Охрану выставили из эвенков.

Но Жмурова и Устинов стали по одному уговаривать охранников бросить разбой и заняться добрым делом. Советская власть не пала.

Война кончилась. Хватит крови. Вернётся из Якутска В. Бертин и придётся отвечать по полной мере.

Эвенки освободили пленников. Помогли захватить вожака бандитов Алексеева и его помощника.

Так и явились они на Незаметный: впереди процессии — Жмурова в красном полушубке и штанах, с наганом на поясе. За Жмуровой шли Устинов, эвенки и привязанные к хвостам лошадей главари банды.

Члены артели, бывшие партизаны и красноармейцы были за то, чтобы бандитов отправить в Якутск: пусть их судят там по закону.

— Тайга свой закон! — возражали якуты и эвенки.

Было принято требование большинства.

Бандитов судили на общем собрании всей артели, неподкупным судом тайги. Не мешкая выбрали судей: русский, якут и эвенк.

На следствии, проведённом прямо на собрании, выяснилось, что кровавых злодеяний совершено много. Алексеев и его соучастники были главарями банды. Это они убили старателей и красноармейцев 5-й армии в 1922 году. Они готовили нападение на артель В. Бертина, намеревались его убить. Грабили эвенков, издевались над ними. Решение суда: расстрелять.

Всё это внесли в протокол. Собрание единогласно поддержало решение суда. Приговор был приведён в исполнение немедленно.

* * *

«...Разведанный участок золотоносных площадей расширился. Особенно богатым был Верхне-Незаметный. Даже выдавшие виды таёжные копачи бледнели при виде верхненезаметнинского золота. Оно было видно в песках невооружённым глазом. На том участке артель добывала в день по 4-8 фунтов золота, меньше, чем по 25 золотников на человека, никто не намывал. Но золотом сыт не будешь. А обеспечение продуктами оставалось самым больным местом. Этим воспользовались спекулянты, любители наживы, контрабандисты, спиртоносы, которые потянулись на Незаметный вслед за старателями».

От забот у В. Бертина почернело лицо, продолжала сильно болеть голова от побоев в плену, стала нетвёрдой походка...

...Денег в первое время у старателей не было, их заменяло золото. Так, щука стоила 20 золотников фунт, сало — 4 золотника, масло — 40 золотников. С этим хаосом надо было кончать.

...В апреле 1924 года был организован трест «Якутзолото», его управляющим стал инженер Харитонов.

В. Бертина назначают заместителем управляющего. С 1925 по 1927 год он возглавит трест.

Михаила Прокопьевича Тарабукина не забыли. И тут скажется характер В. Бертина.

Когда Тарабукин обратится в дирекцию созданного треста «Якутзолото» с заявлением на своё право первооткрывателя ключа Незаметного, выйдет Постановление дирекции треста (протокол № 1 от 25 августа 1924 года):

«1. Считать тов. Тарабукина фактическим первооткрывателем ключа Незаметного, давшим своим открытием возможность создания прочной базы для развития предприятия «Якутзолото».

2. Ввиду того, что Тарабукин по своей неграмотности и незнанию существующих законоположений не использовал своих прав первооткрывателя, и что необходимо всячески поощрять поисковую деятельность таких пионеров-золотоискателей, назначить тов. Тарабукину вознаграждение отчислениями

в его пользу ста рублей с каждого добытого предприятием пуда золота.

3. Производить эти отчисления с начала деятельности «Якутзолото», с апреля с.г. впредь до выработки прииска Незаметного».

* * *

Ныне в центре Алдана, выросшего на месте посёлка Незаметный, стоит памятник его первооткрывателям В.П. Бертину и М.П. Тарабукину.

Слава о золотоносном районе разнеслась по всему миру.

Жизнь приисковая

Государственной добычи золота до 1925-1926 годов на Алдане не было. Действовали исключительно старатели. В это время, кроме Незаметного, работы велись на пяти-шести приисках. Всё вершилось вручную. Кайло, лопата, лоток — основные орудия.

В.П. Оноприенко пишет: «Жили старатели артелями в бязевых и ситцевых палатках, в которых обязательно стояла железная печка, грубо сколоченный стол, нары (зачастую из слегка затёсанных жердей), в лучшем случае деревянные, самодельные топчаны. Пол и невысокий сруб в 60-70 сантиметров был из тех же жердей. Только в палатках начальства можно было увидеть примитивный стул-крестовину из двух досок, с прибитым к ней сидением. Конструкцию стула предложил один из управляющих прииском Ананий Абрамович Лозовский, поэтому стул назывался его именем, только на китайский манер — лозоза. Горнослужащих, особенно инженерно-технических работников, старались поселять в бараки и в маленькие хибары.

Артель имела «мамку», женщину, обязанностью которой было приготовление пищи, поддержание в палатках чистоты и порядка, стирка белья. Мамка была полноправным членом артели, получала такой же пай золота. За штопку получала с «сынков» особую плату. Чаще всего это была жена какого-нибудь старателя.

Служащие управления обычно объединялись в «коммуны», по 15-20 человек в каждой, и нанимали себе «мамку» со сторо-

ны. Поскольку женщин на приисках было мало (членов семей из-за недостатка продовольствия завозить не разрешалось), то «мамки» обычно зарабатывали не меньше, а даже больше лютого старателя».

Даже после появления треста «Алданзолото» не было эксплуатационной разведки, необходимых кадров, горного обслуживания. Прибывших определяли в артели, им нарезали деланки. Несмотря на это, добыча золота на Алдане увеличилась через год на десятки процентов.

«...Государство получало много тысяч рублей дохода. Причём было известно, что далеко не всё добытое золото поступает в казну государства. Приостановить же утечку его, особенно через китайцев и корейцев, было невозможно.

За право золотодобычи в оплату расходов треста по содержанию горного надзора, школьной и медицинской сети, на строительство нагорных канав, подводящих воду из речек на разрабатываемые старателями «разрезы», с каждого члена артели взыскивалось три рубля в день в золотом исчислении.

Многие старатели, несмотря на высокие заработки, вынуждены были на зиму уходить в «жилое место». Уходили с небольшим запасом продуктов в семисотвёрстный путь по еле заметной тропе сквозь тайгу, через горные хребты и перевалы, безымянные ключи и речки. Неудивительно, что многие гибли в пути от голода. Много позже находили в тайге скелеты неизвестных старателей, погибших от голода, в котомках которых было золото».

И.В. Сущенко описывает приёмку золота от старателей так:

«Самая любопытная из всех процедур по приёмке золота от старателей — это отдув кассиром минеральных примесей. На стол, покрытый ворсистой тканью, кладётся металлический лист. На него кассир высыпает принимаемое золото. Вороша всё время пинцетом, начинает отдув. Золото иногда бывает очень мелкое, отдувается вместе со шлихами и «тонет» в ворсистой ткани, которая и служит этой цели.

На Алдане долго бытовал анекдот, как отдувал золото один кассир. Был он бородачом и каждый раз при отдуве как бы ненароком смахивал бородой золото. Старатель долго наблюдал эту картину, видел, что кучка золота убывает на глазах.

— Ну, паря, махни ещё раз бородой, и я уйду».

Мне интересно было знать, как оценивалось золото при приёмке от старателей. Вот как это происходило:

«Конторские помещения на всех приисках были однотипны. Рубленный в лапу четырёхстенный дом, разделённый тесовыми переборками на кабинеты управляющего, бухгалтерии, маркшейдера и нарядчиков. За деревянной решёткой — золотоприёмная касса с лабораторными весами. У стола, на его высоте, укреплена на деревянном чурбане большая чугунная ступка, в которой кассир толоч принимаемое от старателей золото, если в нём оказывались вкраплены примеси, например, кварц. Затем большим магнитом отделял железняк, азотной кислотой проверял чистоту сдаваемого золота, нет ли в нём посторонних примесей, в частности меди. Среди старателей, особенно среди китайцев и корейцев, были искусные мастера, которые умели подмешивать в золото латунь, отличить которую на глаз было невозможно, поэтому и применялась кислота. Кроме того, кассир-золотоприёмщик должен определить предполагаемую пробу сдаваемого золота. Для этого у него имеется связка металлических ключей, на конце которых напаяно золото различных проб. Проба эта выбита на ключе.

Обычно на тёмной сланцевой плитке кассир наносил черту крупинкой принесённого золота. Затем по цвету подбирал соответствующий ключ и рядом наносил вторую черту, иногда третью, четвёртую, до тех пор, пока не совпадал цвет. После этого определить предполагаемую пробу не представляло труда: она была обозначена на ключе».

Валютный цех страны

Одной из первых задач «Алданзолото» в это время было сосредоточение в одних руках снабжения приискового населения. На Незаметном открылся торговозаготовительный отдел с подчинением напрямую Москве. Руководящие кадры направляла Москва. В основном это были боевые командиры Красной армии, демобилизованные после гражданской войны.

Плохое снабжение, цингу выдерживал не всякий. Предстояло организовать на приисках устойчивую государственную добычу металла.

План на 1925/1926 гг. решено было значительно увеличить.

«Наступил новый 1926 год, который стал годом превращения Алдана в валютный цех страны. Все отдавали себе отчёт в том, что главное в подготовке к летнему промысловому сезону является обеспечение Алдана продуктами питания, промышленными товарами и техническими грузами. В целом «Алданзолото» и в частности его торгово-заготовительный отдел прилагали все усилия к выполнению плана грузоперевозок. Более трёх тысяч лошадей крестьянских комитетов взаимопомощи Ленского, Олекминского, Западно-Кангаласского, Намского, Меньшо-Кангаласского районов перевозили технические и продовольственные грузы с ленских баз. До тысячи лошадей перевозили из Вилуйского, Сунтарского и Нюрбинского районов свежемороженую рыбу, боровую дичь, ягоды, мясо и другие сельхозпродукты местных заготовок. Такое же количество лошадей, около двух тысяч верблюдов везли груз со стороны Большого Невера. День и ночь по таёжным дорогам двигались нескончаемые обозы.

Поскольку транспорт был до постройки Амура-Якутской магистрали исключительно гужевой, большой заботой была заготовка сена, которого требовалось около пятисот тысяч пудов. Не имея сена, нельзя было рассчитывать на завоз товаров, содержать собственный транспорт, без которого была бы парализована вся жизнь приисков. Совнарком своим постановлением обязал обеспечить сенокосчиков литовками, граблями, отбойными молотками, оселками и т.д., доставить к местам заготовок баржи для погрузки сена. Крестьянские комитеты этим постановлением обязаны были, помимо заготовки сена, осуществить его доставку к месту погрузки, погрузить и сопровождать до Саньяхтахской базы. Всё это требовало большой организационной работы.

В 1926 г. состоялось постановление союзного Правительства, которое выделило для «Алданзолота» в Укурейской степи триста тысяч гектаров сенокосных угодий для создания сенокосхоза. Создавать в голой степи совхоз, набрать необходимое количество рабочих, обеспечить их хотя бы временным жильём, продуктами питания, транспортом, сеноуборочной техникой — дело нештучное. Но уже в 1927 г. «Алданзолото» имело более миллиона пудов своего сена отменного качества», — отмечал П. Оноприенко.

В 1926 году председатель Совнаркома Якутской АССР М.К. Аммосов писал: «Появление нового Алданского (правильнее — Томмотского) района произвело целый переворот во всей золотопромышленности Союза».

«Позвольте представиться...»

Постепенно Алдан превращался во всесоюзную стройку. В 1926 году руководство треста «Алданзолото» пригласило Ю.А. Билибина на Алдан. От Большого Невера до Незаметного он две недели добирался на лошадях.

В техническом отделе главного приискового управления Ю.А. Билибин быстро сдружился с проходившими практику студентами-практикантами Московской горной академии Б.М. Вронским, Н.М. Зайцевым, М.Г. Котовым, П.М. Шумиловым и студентом МГА П.Я. Дрожжиным. Он организовал шесть геолого-поисковых партий, которые продолжали геологическую съёмку района, начатую В.Н. Зверевым.

Студенты знакомились здесь с азбукой разведочного дела, начиная от проходки шурфов, промывки и до первичных подсчётов запасов золота.

...Надвигалась весна, и практикантов отозвали на Незаметный. Их стали использовать на разных «подсобных работах». То они вели теодолитовую съёмку, то занимались нивелировкой, то просмотром шлихов, отдувкой и взвешиванием золота, занесением данных в шурфовочный журнал — довольно скучная работа.

Известный впоследствии геолог Б.И. Вронский напишет: «Нас манила тайга, а вместо этого приходилось томиться на прииске, занимаясь скучной работой. Да и бытовые условия были ниже всякой критики. Особенно нас донимали клопы. Они буквально кишели в пазах и трещинах барачных стен, доводя пас до неистовства. В конце концов, мы нашли выход — сшили из простыней мешки, забирались в них с головой и завязывали изнутри. От клопных укусов мы спасались, но почти нестерпимая духота была слишком дорогой компенсацией за это удовольствие. Только в субботние дни мы после работы уходили на ночь в тайгу и возвращались поздно вечером в воскресенье. Однажды — это было в конце июня или начале июля — мы сидели у себя в бараке, разрабатывая план похода

на будущую субботу, как вдруг раздался стук в дверь, и в барак вошёл рослый загорелый детина в коричневой кожаной куртке и кепке, из-под которой падал на лоб густой клок рыжих волос. Его загорелое лицо, покрытое густой россыпью веснушек, было обрамлено ярко-рыжей бородой. Из-под густых бровей весело смотрели голубые глаза.

— Позвольте представиться, — произнёс он. — Билибин Юрий Александрович, главный геолог «Алданзолота». Только что приехал, узнал, что здесь живут студенты-геологи, и зашёл познакомиться.

Мы в свою очередь представились. После обычных разговоров о том о сём он расспросил нас, чем мы занимаемся, какие у нас планы. Мы посетовали на наше положение, рассказали о желании работать и заниматься геологией. Он обнадежил нас, сказав, что постарается помочь.

Просидел он у нас часа два. Показался несколько суховатым, и мы не могли предположить, что вскоре нас с этим «суховатым» человеком свяжет крепкая искренняя дружба».

«Суховатый» человек вскоре станет центром притяжения всего Алдана...

Простым и доступным оказался рослый рыжий бородач и для местных. Спрашивали его:

— У тебя какое прошлое? Не тёмное?

— Из дворян я, — твёрдо и даже с вызовом кому-то отвечал верный себе «лобастый» Билибин.

— Ври! — не верили аборигены. — С такими лапищами, как твои, только бульги ворочать. У их благородий эдаких ручек не бывало. Весёлый и крепкий ты мужик! Свой!

Где и как искать?

Приискковое управление к моменту приезда Билибина было в незавидном положении. Если точнее — в тупике. Ещё недавно богатые россыпи Незаметный, Пролетарка, Орочен и другие теперь находились на грани выработки. Новых месторождений не было. Где и как их искать?

Ю.А. Билибин решил использовать собственный метод полевых работ. Он заключался в сочетании геологической съёмки со шлиховым опробованием. До того разведка проводилась по

сути наугад. Принимали во внимание характер долины ручья, наличие наносов, кварцевой гальки и т.п. Применение шлихового опробования с нанесением полученных полевых результатов на карту давало возможность увидеть перспективные участки.

Такой подход к поиску золота вначале вызвал в управлении недоверие. Но под руководством Ю. Билибина было создано несколько партий, работающих по новой методике. Они-то и показали эффективность нового метода.

Во главе партий он поставил студентов-третьекурсников. И не ошибся. Вронский писал: «Согласно инструкции Геологического Комитета студент пятого курса горного или геологического вуза мог занимать должность не выше старшего коллектора. Билибин не ошибся. Возможно, это назначение и определило нашу дальнейшую деятельность. Трое из нас — Котов, Шумилов и я — прочно обосновались на Колыме, внося свою посильную лепту в дело освоения её природных богатств. Зайцев установил золотоносность богатого Аллах-Юньского района и успешно работал там до начала войны. Как бывший офицер он был призван в армию и погиб на фронте. И только Пётр Дрожжин как-то незаметно отошёл в сторону и исчез с нашего горизонта».

Молодой Юрий Билибин, возглавляя разведочные работы на Алдане в должности главного геолога, заложил основы нового метода геолого-поисковых и разведочных работ. Потом этот метод широко и успешно применялся на Колыме и на всём Северо-Востоке.

Решительно выступив против принятой в «Алданзолоте» сплошной площадной разведки всех ключей и речек изучаемого района, учитывая геологическое строение и поисковые данные, он отказался от разведки почти 75 процентов объектов, доказав теоретически и практически её ненужность. Так была достигнута огромная экономия государственных средств.

А в это время носились слухи о золоте, обнаруженном «хищниками» в верховьях Колымы. Деятельный Вольдемар Бертин пытался организовать туда небольшую экспедицию и даже добился от Якутского правительства соответствующих ассигнований. Но деньги перебросили на какие-то другие нужды.

Успешно действовавший на Алдане Билибин неожиданно получил предложение от концессии «Лена Голдфилдс» занять

должность главного геолога с весьма солидным окладом. Молодой инженер отклонил это предложение. Он уже мечтал об исследованиях на Колыме.

Новые друзья

Юрий Билибин давно решил, что непременно пригласит в будущую экспедицию своих новых друзей — студентов-практикантов и уже опытных геологов С. Раковского и Э. Бертина.

Как всё-таки удачно всё складывалось: студенту Юрию Билибину случится однажды услышать поразивший его доклад С.В. Обручева об Алдане, по рекомендации В.А. Обручева его приняли геологом в трест «Алданзолото», и, наконец, уже работая главным геологом треста, он встретится на прииске Незаметный с людьми, готовыми на многие лишения ради дела, которое избрали на всю жизнь: с геологами Сергеем Дмитриевичем Раковским, Петром Михайловичем Шумиловым, Борисом Ивановичем Вронским и другими. Познакомится он и с совершенно уникальными людьми — братьями Вольдемаром и Эрнестом Бертиными.

Хотя Бертины не были дипломированными геологами, но были опытнейшими золотоискателями, самородками. С Эрнестом Юрий Билибин подружился сразу, оценив его притягательный характер.

Как писал позже В. Цареградский: «Эрнесту Петровичу Бертину было уже под сорок лет. Он рано начал трудовую жизнь. Окончив школу железнодорожников, работал машинистом на Сибирской железной дороге. В годы революции, гражданской войны Эрнест Петрович участвовал в борьбе с белогвардейцами и интервентами в Забайкалье, на Дальнем Востоке, сражался в партизанском отряде. Позже в Иркутске работал следователем в губчека, а в 1923 году перебрался к брату на Алдан. Эрнест Бертин был страстным охотником и рыболовом, любил вкусно и много поесть и посидеть в компании, послушать и рассказать остроумные анекдоты, много курил (всегда папиросы «Казбек»), не прочь был поиграть в карты, но играл обычно сдержанно. Был среднего роста, коренастый, на висках его крупной круглой головы едва наметились залысины. По мнению многих, Бертин считался красивым. У него были правиль-

ные черты лица. Выступающий подбородок и серые холодные пронизательные глаза подчёркивали мужественность, а узкие и как бы поджатые, редко улыбающиеся губы придавали его облику оттенок суровости».

Э. Бертин работал потом во многих сибирских организациях. Последние свои годы жил в Ленинграде. Не стало его в возрасте 86 лет в 1979 году.

...В кругу друзей Ю. Билибин был весёлым парнем. Все отмечали его поразительную способность быстро сходитьсь с людьми. И все знали его страсть заключать пари. Иногда в поисках подтверждения собственным мыслям о том, куда двигаться дальше в своих геологических поисках, он предлагал неожиданные состязания с жёсткими условиями.

В одном из таких состязаний предлагалось выпить чайник (!) чистого спирта. Соперниками оказались Ю. Билибин и Э. Бертин. Третьей судьёй избрали Вольдемара Бертина.

Всё действие сопровождалось составлением протокола, в котором точно фиксировали место действия, время, исполнителей и так далее.

Главный приз был определён пятым пунктом протокола: «Кто чайник выпьет, тот выиграет: Ю.А. Билибин — Чукотку, Э.П. Бертин — Кольму».

Ю. Билибин лихо первым справился с поставленной задачей. (В свой чайник он ловко налил обычную воду, третейский судья подмены не заметил, хотя потом догадался).

А Э. Бертин простодушно принял к чайнику со спиртом, но надолго его не хватило...

Уже после Вольдемар Петрович строго отчитал брата за то, что тот рискует спойть Ю. Билибина вместо того, чтобы учиться у него, как искать золото. Обещал установить контроль. Сам Вольдемар Петрович не курил и не пил.

«Вольдемара Петровича особенно привлекала в Билибине его железная самодисциплина, его собранность и принципиальность. По просьбе Бертина Юрий Александрович не раз выступал перед рабочими. Говорил он ясно, как и писал, сразу набело крупными, чёткими буквами. Старателям нравились в этом рыжебородом человеке его открытая улыбка и к месту злой сарказм в словах и в блеске его умных глаз. Билибин никогда не подлаживался под рабочих, но и не ставил себя выше

них. Любил поговорить с бывальыми, толковыми людьми. Много расспрашивал сам и охотно отвечал на бесчисленные вопросы таёжников. Вскоре после его приезда в Незаметный весь прииск знал, что главный геолог не только умница и отлично понимает своё дело, но что он и не дурак выпить, неплохо разбирается в еде, не прочь повеселиться. В общем — на работе требовательный, строгий, а после работы — компанейский человек и такой же грешный, как и все». (П.И. Мельников).

А вот впечатление от встреч с Билибиным в 1927 году женщины-геолога Варсеник Вронской, впоследствии ставшей писательницей: «Так и чудилось, что передо мной предстал один из легендарных викингов или некто из клондайских персонажей Джека Лондона, а может быть, даже и сам Фритьоф Нансен». И далее: «...Самолюбие не последняя черта в характере Билибина. Это самолюбие человека, сознающего свою внушительную силу, свой интеллект...

Он был прост, но не простоват. Слог — предельно чётко, ясен, точен. Так же, как он пишет, так и говорит. Не было у него и обращения на «ты»... Мы постоянно чувствовали возле себя его незримое присутствие. И не было более убедительного аргумента, когда мнения в коллективе почему-то расходились, как напоминание, что так ведь сказал Юрий Александрович».

Сравнение В. Вронской Ю. Билибина с Фритьофом Нансеном меня порадовало. Это сходство я отметил для себя, ещё когда начал читать статьи Ю. Билибина и почувствовал его характер.

Ю. Билибин и сам постоянно приглядывался к своим подопечным, внимательно наблюдая за их профессиональным ростом, заботливо помогая совершенствоваться. Ему нужны были помощники-профессионалы.

Вот как в те годы он характеризовал своего коллегу: «Пётр Михайлович Шумилов работал под моим руководством в Алданском золотоносном районе в 1926 и 1927 гг. в качестве начальника геолого-поисковой партии, состоя в зиму 1926-27 гг. районным геологом на разведке. Прекрасно выполняя свою работу, П.М. Шумилов обнаруживал в поле большую наблюдательность, способность быстро ориентироваться в геологическом строении местности, исключительную добросовестность и детальность в регистрации всех своих наблюдений. При камеральной обработке материала П.М. Шумилов обнаружил

уменьше полностью использовать собранный материал, делать из него правильные выводы как для геологии, так и для направления разведочных работ. При всём том П.М. Шумилов обладает достаточными организационными способностями и прекрасно распределяет свою полевую работу, благодаря чему его работа является весьма производительной.

Работа П.М. Шумилова на Алдане заставляет считать его не только вполне подготовленным, но и очень ценным работником для подобного рода геолого-поисковых работ.

Геолог Геол. разв. ин-та цв. металлов Ю. Билибин».

В этом тексте видна не только личность П.М. Шумилова, но и сам Ю.А. Билибин. Широкой его натуры на многое хватало. К нему тянулись люди.

Пётр Михайлович Шумилов — один из тех, кого Ю. Билибин заразил на Алдане Колымой. В первых Колымских экспедициях Билибина и Цареградского он не участвовал, но на Колыме как геологоразведчик появился одним из первых.

После окончания Московской горной академии в 1929 году руководство «Союззолота» направило его на должность заведующего геолого-поисковым бюро Колымского приискового управления. В 1932 году Шумилов заболел в тяжёлой форме цингой. На целых семь лет он покинул Колыму, потом, ещё до войны, вернулся. Стал начальником отдела россыпных разведок ГРУ «Дальстроя». С 1943 года работал главным геологом Западного горнопромышленного управления. В этот период в Сусуманском районе были открыты месторождения, которые вывели управление в ряд крупнейших предприятий Северо-Востока.

В 1953 году болезнь снова заставила его уехать. П.М. Шумилов, С.Ф. Раковский не занимались наукой в прямом смысле. Но они не были и кабинетными работниками, оставались на всю свою жизнь энтузиастами поисков и открытий, лично участвуя в них. Разработанные ими методики входили в инструкции и учебники. Они отдали суровому краю свои знания, силы и здоровье. На Колыме подобных им будет немало. Но они были первыми!

Трое из работавших на Алдане с Ю.А. Билибиным станут лауреатами Сталинской премии за открытие и исследование новых месторождений золота на Северо-Востоке СССР, полу-

ченной в 1946 году. Это Пётр Михайлович Шумилов, Сергей Дмитриевич Раковский, Борис Иванович Вронский.

Станет лауреатом Сталинской премии — самой на то время престижной в стране — и Ю.А. Билибин.

Дружба Ю.А. Билибина и П.М. Шумилова продолжалась всю жизнь. В 2005 году в южных отрогах горной страны Черского, в хребте Черге, на вершине высотой 2 134 м установлена памятная доска с надписью: «Гора Шумилова, геолога-исследователя Северо-Востока России».

* * *

Ю. Билибин на Чукотку не собирался, он уже «болел» Колымой. На Чукотку отправится Вольдемар Бертин. Произойдёт это в 1928 году. В том же году Ю. Билибин и Э. Бертин в составе Первой Колымской экспедиции отправятся к этой реке. Ю. Билибин был верен в дружбе.

...Ю. Билибин и Э. Бертин чудили и позже. Согласно одной из легенд, сопровождавших геологов после всех головокружительных событий, перенесённого голода, чудом оставшиеся в живых, уже во Владивостоке в ресторане «Версаль» они ребячески дали себе волю. Заказывали всю еду, обозначенную в меню сверху вниз, а затем снизу вверх, по несколько раз. Веселились ребята!

...Сдружился Ю. Билибин и с другим замечательным человеком и геологом. Общий друг и сподвижник Ю. Билибина и Э. Бертина Сергей Дмитриевич Раковский на Алдане оказался, не окончив второго курса Иркутского политехнического института. До этого он воевал на гражданской войне на обеих сторонах. Сначала попал к Колчаку, потом перешёл к «красным». В институт он так и не вернулся, вполне возможно, опасаясь «колчаковских эпизодов» биографии. В золоторазведке он достигнет удивительных результатов. Лично открыл немало крупных и малых месторождений. Отсутствие диплома о высшем образовании не мешает ему стать одной из самых ярких легенд в истории колымской золоторазведки. Его имя навечно запечатлено в названиях ручьёв, порогов, улиц в городах и в посёлках...

И самое-самое в нём: неистощимая работоспособность и выносливость при пеших переходах.

При всей схожести в главном деле своей жизни они были разные — друзья и коллеги из окружения Ю.А. Билибина. Суровый, подстриженный под бобрик, могучий Бертин-старший. И рядом молодые и красивые Эрнест Бертин-младший и Сергей Раковский.

Эрнест круглолицый, крутолобый, красавчик с усиками, то весёлый и разговорчивый, то невозмутимо сдержанный...

Сергей Раковский чаще молчаливый, с пышными волосами, зачёсанными назад, с худым удлинённым лицом и... великолепным знаменитым его носом, с обладанием которым аборигены связывали фантастическую способность его владельца «чуять», где лежит в земле золото...

Здесь, на Алдане, возникло родство душ выдающихся исследователей.

С.Д. Раковский вспоминал: «Наше уважение росло с каждым днём. Я не помню дня, чтобы, вернувшись с поля с рюкзаком минералогических образцов, Ю. Билибин не увлёк бы нас каждым принесённым камнем. О каком-нибудь обломке сионита, мы, затаив дыхание, выслушивали целые истории. Причём как-то получалось, что послушать его мы почти всегда напрашивались сами. Уж очень большой интерес он разжёг у нас к своей науке, но делал вид, будто сам он тут ни при чём. Поэтому серьёзные занятия по геологии превращались в жгуче привлекательную игру, в которую мы, взрослые дяди, бросались, как дети. Простой в общении, дружелюбный, открытый, в действительности он был соткан из благородства, которое действовало на всех заразительно. Чтение лекций по геологии об Охотско-Колымском крае и россыпях золота влилось в наше сознание, как музыка великого Моцарта».

Надёжный последователь

Именно здесь, на прииске Незаметный Вольдемар Петрович Бертин даст дополнительную опору тому, что бы Ю. Билибин утвердился в своём желании посвятить себя освоению Колымы.

В. Бертин и Ю. Билибин подолгу разговаривали друг с другом. Вольдемара Петровича удивлял академический ум главного геолога. Молодой геолог при их разговорах схватывал на ходу всё остро и быстро. Они учились друг у друга, каждый своему.

И оба чётко понимали: добыча золота только на Алдане и на Урале не решит поставленных государственных задач, связанных с обновлением промышленности, перевооружением армии, освоением новых регионов республики.

Нужны новые мощные золотоносные районы. Стране крайне необходимы были золото, олово, другие редкоземельные металлы в значительно больших объёмах.

В. Бертину удалось добыть записку Ю.Я. Розенфельда, в которой тот делал упор на открытие им кварцевых жил. Их-то он и считал чрезвычайно золотоносными. Ю.Я. Розенфельд первый громко заговорил о золоте Колымы. В этом его несомненная заслуга.

Теперь Вольдемар Бертин возлагал большие надежды на Ю. Билибина, проницательно увидев в нём надёжного продолжателя его дерзких замыслов. Недавний студент был активным сторонником научного подхода в поисках месторождений. Окружающих привлекала в нём широта кругозора и пылкий ум. Ю. Билибин считал, что золото Аляски относится к обширному золотоносному поясу, который идёт до Чукотки и в район Колымы, доходит до Индигирки. Более того, он полагал теперь, что именно на Колыме лежит «пряжка» от «золотого пояса», протянувшегося от Амура до Калифорнии, от Австралии до Китая.

Он многое уже успел, но это только начало!

Разработав свой метод, учитывающий главные черты тектонического развития района, он получил надёжный механизм поиска. Так он сумел открыть (вместе с коллегами) новое на Алдане месторождение рудного золота («Лебединское»). Составлена была первая геологическая карта исследуемого района. Алдан мало чем отличался от Колымы. Значит, надо ехать и искать!

Золото Охотского района

До колымских сокровищ в своё время пытались добраться не только через Алдан. Охотский район — непосредственный предшественник Колымского золотоносного края. Ходили слухи, что там обнаружили золото ещё в середине XIX века. Но впервые это подтвердила экспедиция геолога, профессора Петербургского горного института Карла Ивановича Богдано-

вича, которую снарядило Министерство земледелия и государственных имуществ в мае 1895 года, чтобы обследовать золотосыльные берега Охотского моря, западный берег Камчатки и Шантарские острова.

В августе 1896 года экспедиция сообщала об открытии золота на западном побережье Охотского моря, зафиксировала проявления золота в бассейнах рек Урак и Кухтуй. Эти россыпи не носили промышленный характер, но стимулировали наплыв старателей.

По материалам своей Охотско-Колымской горной экспедиции (1895-1898 гг.) Богданович и топограф Лелякин в 1901 году составили карту Охотского побережья от устья Амура до Охотска. К.И. Богданович — создатель капитальной сводки о рудных месторождениях и нефтяной геологии. Его воспитанниками были тектоник Дмитрий Мушкетов, петрограф Александр Заварицкий, нефтяной геолог Иван Губкин и другие.

Члены Сибирской секции учились на научных трудах К.И. Богдановича. Их преподаватели, профессора А.К. Болдырев, С.С. Смирнов, были учениками К.И. Богдановича. Методология исследований и поисков К.И. Богдановича нашла развитие в билибинском направлении научной металлогении.

В 1906-1907 годах в районе Охотска поисковые работы расширились. Их вела фирма «Ельцов и Левашов», чуть позже разведочная партия золотопромышленника Фризера. В 1913 году нашли золото в долинах реки Кухтуй, её притока Гусинка.

Уже в 1914 году добыли около 50 килограммов золота. А в 1916-м — 150 килограммов, в 1917-м — 230!

* * *

Все золотодобывающие предприятия и старатели работали под контролем Охотско-Камчатского горного округа. Если в 1918-1921 годах в этом районе работало до 1 000 старателей, то к 1924 году их численность сократилась до 240 человек. Старатели объединились в 46 артелей, с которыми заключались краткосрочные трудовые соглашения. Позже, в 1927 году, было добыто золота 5044,99 кг при объёме промытого песка 30,339 тысяч тонн.

В Охотском районе в то время действовали прииски «Благодатный», «Рассвет», «Петро-Ивановский», «Казённый», «Варваринский».

Золото Охотского района крупное (более 1-2 мм), с пробой от 790 до 920. Самый большой найденный самородок весил около 1 кг.

Россыпи приходилось обрабатывать только вручную, по тальым водам. В тёплое время года пески для промывки брали с глубины до 4,5 метра или из отвалов.

Льдистую породу разрабатывали ломом, киркой либо с помощью пожогов, потом доставляли в бадье воротом.

Детальное изучение района в дальнейшем показало: богатые русловые россыпи почти исчерпаны.

* * *

...Что такое охотское золото по сравнению с тем, что, возможно, кроется в недрах Колымского края? Прошлогодний снег!

Колыма — белое пятно... Белая страница... Её кто-то должен перевернуть!..

Накопленный К.И. Богдановичем и его последователями опыт подхватил Ю.А. Билибин, как эстафету поколений.

Клятва

Утверждения Ю.Я. Розенфельда о золотоносности Колымы казались вполне основательными. Несмотря на их расплывчатость.

...Идея похода на Колыму захватила не только Ю. Билибина, но и всех поисковиков, работавших с ним. В один из вечеров в «Геолкоме» они дали торжественную клятву: если будет организована экспедиция на Колыму, то все последуют за Юрием Билибиным.

* * *

Подошёл день отъезда Билибина в Москву. И затем в Петроград. Проводы были и торжественными, и грустными. Дружина молодых геологов лишалась одного из самых заразительных, энергичных и верных в дружбе своих бойцов.

Из воспоминаний Б. Вронского: «Вольдемар Бертин вручил ему на прощанье записку Розенфельда с наказом добиваться средств на Колымскую экспедицию. Последние минуты прощания, последний посошок на дорогу, и оленья упряжка умчала нашего ГеолАза (геолог «Алданзолота» — так интимно звали мы Билибина) в заснеженную даль. Мы остались одни. О наших настроениях достаточно ясно говорят строки шуточного стихотворения, посланного Билибину в одном из писем. Приведу ту часть его, которая осталась в памяти:

*Товарищ наш меднобородый,
Голубоглазый ГеолАз!
В дни зимней сумрачной погоды
Зачем уехал ты от нас?*

*Уехал ты. И солнце скрылось,
И мрак густой на землю пал!
Зачем, зачем, скажи на милость,
Алдан на Питер ты сменял?*

*Ноябрь семнадцатый отныне
Объявлен траурным у нас.
Зане в сей скорбный день покинул
Нас, одиноких, ГеолАз.*

*Отъезд твой (вяньте, вяньте, розы!
Земля, посыпь главу песком!)
Поверг в уныние и слёзы!
Осиротевший Геолком.*

*Мы скорбно-траурные тени,
Плясать пытаемся порой,
Но не сгибаются колени,
Творя коленица плясовой...*

*...В работе те же недочёты,
Всё та же черепашня прыть,
И сидя грустно над отчётом,
Не знаешь — плакать или выть.*

«Гореловские жилы» и неприкаянный Бориска

В Центре хранения современной документации Магаданской области есть «Доклад о работе Колымского золотопромышленного района за 1931 год»¹.

В этом документе говорится о предыстории открытия колымского золота. Доклад предназначался для Дальневосточного управления «Цветметзолото». Датирован он 21 ноября 1931 года. Из раздела доклада «История района»: «С 1908 г. по 1916 г. в смежном районе занимался исследованиями представитель Забайкальской фирмы Ю. Розенфельд (Норштейн), главное внимание было уделено золоту. Район исследований Розенфельда простирался по правым притокам Тал, Хурчан, Купка. Этими исследованиями было обнаружено небогатое россыпное золото и оруденённые колчеданистые кварцевые жилы. Кроме того, были обнаружены богатые жилы по одной из речек между Сеймчаном и Балыгычаном, названной им в своей рукописи вымышленно р. Гореловкой. Для опробования везлись им две больших ступы для рудного дробления, но так и оставлены недовезёнными между «Гореловскими жилами» и Тахтаюмском. Некоторое время в партии Розенфельда работали приглашённые им в Ямске Софей Гайдулин, Канов и татарин, известный под именем Бориса.

Несомненно, что Борисом в борту были получены хорошие пробы, которые заставили его бить ямы на площадке. снаряжение его было игрушечным: совершенно изработанная кайла, вместо посуды — пара жестянок из-под консервов и т.п. Борис, измученный недоеданием, опасением за свою жизнь и сизифовой работой, превратился в полусумасшедшего. Неоднократно его уговаривали проезжавшие мимо якуты вернуться в жилое место, но он отвечал, что умрёт здесь».

* * *

Имена Сафи Шафигуллина по прозвищу Бориска и Ю.Я. Розенфельда обросли легендами и домьслами. Ю. Билибину не

¹ Доклад обнаружен историком «Дальстроя» А.Г. Козловым, который считает, что документ написал Ю.А. Билибин (уже после 1-й Колымской экспедиции).

обходимы были конкретные сведения и короткие дороги к колымскому золоту.

Вернувшись с Алдана, он перечитал всё, что можно было, в библиотеках Ленинграда и Москвы. С пожелтевших страниц дохнуло на него многовековой историей, связанной с одним из самых древних металлов, который принёс немало страданий и радостей человеку. Сколько тайн связано с ним!

Но это было давно. А здесь события вершились всего-то чуть больше десятка лет тому назад.

Всё-таки есть промышленные месторождения золота на Колыме? Или его там только на одну-две артели старателей? Живы ещё старатели тех лет. Их надо искать!

Бориска был молчун, Ю.Я. Розенфельд, наоборот, написал столько всего выпренного и грандиозного. Но так всё зашифровал, упрятал!.. Сказал и не сказал... Попробуй без него найди «Гореловские жилы»!

Как же получается: с семнадцатого века открыта Колыма! А так мало о ней известно!

Но открыта ли до конца Колыма? Территория описана, а что внутри? Никто из профессионалов-геологов целенаправленно золото на Колыме ещё не искал!..

...Бориска! Неутомимый, фанатичный старатель!.. Как же он напетлял в своей жизни!

В Охотск Сафи Шафигуллин направился за фартом в компании с бродягами из России и головорезами из англо-американской Аянской корпорации. Татар из деревни Мирзан Казанской губернии Сафи Шафигуллина (Бориску), Сафея Гайнуллина и старателя Михаила Канова судьба свела на Кухтуе.

Услышав от местных жителей, что золото встречается и на Колыме, решили «поймать фарт».

Денег не хватило, и они в 1912 году в Ямске нанялись к Ю.Я. Розенфельду (эстонцу), приказчику купца И.Е. Шустова из Благовещенска. По поручению И.Е. Шустова приказчик искал дорогу между Охотским побережьем и Колымой.

Согласно молве в верховья Среднекана и Сурчана, в устье Джегдяна старатели взяли пробу и обнаружили признаки золота. То же было и в Хупкачане. Шла уже мировая война. Не желая воевать, Бориска и Канов покинули Ю. Розенфельда и дезертировали.

Замеченные кварцевые жилы («гореловские жилы» — как их назвал Ю.Я. Розенфельд) там, где остались на зимовку Бориска и Канов, возбудили приказчика, и он стал стучаться повсюду: в Геолком, к иностранным промышленникам. Но какая тут Колыма и какое золото? Бушевала мировая война.

...На зимовье приехал на оленях к Бориске Софейка. Объявил, что их снова берут в солдаты... Начальник зовёт...

Бориска ехать отказался.

Михаил Канов уехал. Мысли о золоте целиком овладели сознанием Бориски. Семьёй он не обзавёлся. Мог бы жениться на эвенке или якутке, но он одержимо в одиночку бродил от одной долины к другой, пытая своё счастье... Пробивал неглубокие шурфы, чаще всего не осиливая добраться до основания наносов, где как раз садится тяжёлое золото.

Бориска не знал закономерностей образования золотых россыпей. Он, увы, мыл не там, где надо, и не так, как надо...

Ему удавалось добыть только редкие крупинки металла, застрявшие на пути к коренному ложу реки.

Два года бродил Бориска по долинам бассейна Колымы, пока в нижнем течении Среднекана не показалось богатое золото...

* * *

Бориску нашли у трёх шурфов в 1917 году якуты М. Александров, А. Колодезников и Н. Дмитриев. Он сидел без шапки на краю шурфа, прислонившись спиной к лиственнице и, казалось, дремал. Одна нога разута и опущена в шурф. Старатель был мёртв. Никаких признаков насилия. Уснул от голода? Но на столе в срубе лежали лепёшки. Рядом кулёк муки, соль. Даже кожаный мешочек с мелким чешуйчатым золотом на месте...

...Его опустили в один из вырытых им когда-то шурфов и засыпали грунтом из отвала.

У ключа Безымянного

Золото Бориски не давало многим спокойно жить. И проявляло себя своенравно. В 1918 году Сафейка Гайнуллин вначале один, а потом в 1924 году вместе с Ф.Р. Поликарповым пошёл по

следам Бориски. Вернулись они ни с чем, едва пережив голодное колымское лето.

Но Колыма манила! Только ли их?

В 1926 году Ф.Р. Поликарпов, Канов и Бавыкин сделали ещё одну попытку добраться до золота на Среднекане. В устье всё того же ключа Безымянного, в 15-ти километрах от Колымы они добыли из двух больших ям-шурфов золотоносные пески.

Стало ясно, что золотоносность не ограничивается Среднеканом, она распространяется на всё верховье Колымы.

Но голод снова погнал старателей по Колыме до Сеймчана, а затем на попутных лошадях в Олу. Голод стоял непреодолимой преградой на пути к золоту. Было очевидным, что в одиночку на Колыме золото не поднять. Необходима помощь «Союззолота».

За десять тысяч рублей и должность горного смотрителя Ф.Р. Поликарпов передал добытые сведения о месторождении представителю АКО «Союззолото» в Охотске В.А. Лежаве-Мюрату.

Через Якутск заявка пошла в Москву в «Союззолото» к А.П. Серебровскому.

А по побережью разлетелись слухи о найденном на Среднекане золоте. И породили тем самым «золотую колымскую лихорадку».

* * *

Ф.Р. Поликарпов — первый, кто сообщил точные сведения о среднеканском золоте. Именно его заявка на золотоносную россыпь, можно думать, и послужила веским доводом в пользу организации поисковых работ в бассейне Среднекана.

Сошлись в одно и неуёмный энтузиазм Ю. Билибина, и сведения Ф. Поликарпова, и легенды о золоте Бориски...

* * *

Много лет спустя, когда Первая Колымская экспедиция подтвердит наличие на Среднекане золота, на месте Борискиных шурфов разрастётся прииск «Борискин». Придёт день, и приисковый экскаватор подцепит на глазах рабочих в вечномёрзлом грунте тело полностью сохранившегося бородатого человека. Это был всё тот же неприкаянный Бориска, один из многих, чьи

судьбы покалечил призрачный металл. Выкопанный им перед самой своей смертью шурф находился как раз на самом краю так долго разыскиваемой им золотоносной россыпи...

Неудержимый мечтатель

Записка Ю.Я. Розенфельда о «гореловских жилах» на Колыме, переданная В. Бертиным Ю. Билибину, будоражила. Заставляла не раз её перечитывать.

Ещё бы, уже сама жизнь автора, первопроходческая деятельность и трагический конец её притягивали к себе.

«Юрий Янович Розенфельд (по национальности эстонец) родился 10 июля 1874 года на хуторе Вак Везенбергского уезда Эстляндской губернии. Его родители арендовали у помещика 40 десятин земли. В семье Розенфельдов, кроме Юрия, ещё были три сестры. Сам он окончил четырёхклассное уездное училище, а затем занимался самообразованием и приступил к самостоятельной трудовой деятельности в разных фирмах и компаниях в Петербурге, но с постоянными разъездами по всей России и за рубеж. В Сибири он впервые оказался в 1898 г., занимался в основном пивоваренным делом. В 1908 г. крупный сибирский капиталист Шустов поручил Ю.Я. Розенфельду выехать на Колыму с целью изучения экономики края и отыскания путей по Охотскому побережью на Колыму для перевозки грузов. Для выполнения этой задачи он выехал через Якутск в Олу. Во время поездки Ю.Я. Розенфельд решил вести работы под псевдонимом и стал называться Георгием Ивановичем Норштейном. Добравшись до Олы, он пробыл здесь первоначально недолго, вернулся в Средне-Колымск, откуда затем зимним путём пытался доехать до Гижиги. Это оказалось невыполнимой задачей. Плутания по тайге заняли около года. В конечном итоге Ю.Я. Розенфельд вновь оказался на Оле, откуда вполне успешно доехал до Гижиги.

В 1913 г. в Ямске Ю.Я. Розенфельд познакомился со старателями: с русским М.И. Кановым, с татарином Бориской (Борисом) Шафигулиным и Софеем (Софием) Гайдулиным. Во время одной из бесед он рассказал, что ещё за пять лет до этого, проезжая по Колыме, увидел несколько золотоносных жил, которые назвал Гореловскими. Рассказ Ю.Я. Розенфель-

да заинтересовал старателей, которые уже обладали немалым опытом работы в золотоносных районах, работали на Амгуньских приисках Дальнего Востока и в Охотске. После рассказа о Гореловских жилах началась подготовка к новой совместной поездке на Колыму, которая состоялась летом 1914 г. Местом сбора всех участников экспедиции стал район Хапчакана, откуда на плоту спустились сначала по реке Буюнде, а затем по Колыме, всего проплыли около 200 км. Остановившись на ключе Дегдякан, Ю.Я. Розенфельд показал старателям рудную жилу, которая, по его словам, должна была быть золотоносной. Старатели в районе Дегдякана шурфовали на россыпное золото, но находили только знаки.

Ю.Я. Розенфельд не мог задерживаться в этом районе, поскольку тогда и ещё в течение нескольких лет занимался изысканиями различных путей сообщения на Колыме, собирая также данные о полезных ископаемых края. В сентябре 1916 г. он выехал во Владивосток, а спустя месяц уже находился в Петрограде. В то же время Бориска Шафигулин обнаружил достаточно богатое золото в нижнем течении Среднекана в 8 км ниже устья кл. Безымянного.

Добравшись до Петрограда, Ю.Я. Розенфельд связался с известным российским геологом Э.Э. Анертом, которого ознакомил с результатами своих исследований на Колыме. В капитальном труде Э.Э. Анерта «Богатства недр Дальнего Востока» (1928) эти сведения нашли отражение: «К северу от Охотского и к СЗ от Гижигинского подрайона, по ту сторону Станового хребта, находится Верхнеколымский, возможно, золотоносный край. Никаких геологических исследований, никаких поисков в этом крае ещё не было, но здесь, по-видимому, всё же существуют на обширных пространствах геологические возможности промышленной золотоносности. В подтверждение сказанного приведём следующие указания Ю. Розенфельда про этот (новый) Колымский подрайон. Он наблюдал обширные золотоносные отложения в предгорьях и тундре: Хурчанской (между р. Тал и Хурчан, двумя левыми притоками верховьев р. Буюнды) и Каркадонской тундрах — по среднему течению р. Буюнды, ниже устья Купки (Буюнда — правый приток Колымы; к северу от Олы и к северо-западу от Тахтоямска) и в других местах, в отложениях которых пока немногими (случайными) шурфами,

из которых ни один не был добыт, обнаружено было небогатое золото, рассеянное в мощной толще на широких площадях; он сообщил затем о прослеживаемых километра на три 20 оруденельных колчеданистых кварцевых жилах (мощностью в 0,71-1,78 м) на тех же покатых с признаками золотоносности, правда пока недостаточно проверенными. По сведениям, полученным мною от того же Розенфельда, видимо, богатые золоторудные месторождения золота находятся и в одном из отдельных дугообразных краях, возвышающихся среди обширной низменности по обоим берегам Колымы, ниже Сеймчана и выше устья Бальгычана. Более или менее им разведаны здесь 3 золоторудные жилы по р. Гореловке, правому притоку Колымы, а также р. Хукичан (горячий ключ), и, наконец, по двум левым притокам р. Буюнды — рч. Хурчан и Тал; в общем же пределы золотоносности здесь пока точно не определены и не исследованы; количественное содержание золота пока также слишком недостаточно исследовано. Две из указанных гореловских жил залегают параллельно в расстоянии лишь нескольких метров друг от друга; третья тоже параллельно в расстоянии 2,33 км; в совокупности мощность их 2,84-3,55 м. Жилы прослеживаются по простиранию километров на 16».

«Ю.Я. Розенфельд в Петрограде сам стал обобщать собранный материал для написания обстоятельной записки по освоению Колымского края, занимался на вечерних геологических курсах при Петроградском горном институте, встречался с видными российскими учёными, например, с президентом Географического общества Ю.М. Шокальским, которых знакомил с перспективами Колымы. В Геологическом комитете он ходатайствовал о субсидии для организации экспедиции на Колыму, но в этом ему было отказано. Поддержку он получил в министерстве путей сообщения, которое намеревалось снарядить на Колыму комплексную экспедицию. Но революция 1917 г. разрушила эти планы.

В последующие годы Ю.Я. Розенфельд работал на приисках Забайкалья, пытался привлечь к Колыме внимание властей и промышленников своей запиской «Поиски и эксплуатация горных богатств Охотско-Колымского края». Гражданская война, межвластие на Дальнем Востоке, разруха заставили его эмигрировать сначала в Китай, затем в Европу. В 1924 г. он получил

возможность вернуться в советскую Россию, работал в основном в золотопромышленности Забайкалья». (А.Г. Козлов).

До разгадки тайны «гореловских жил» оставалось совсем немного...

* * *

Золотой Алдан дал очень много Ю. Билибину. Он послужил своеобразной стартовой площадкой для дерзкого десанта по изучению и освоению удивительного края, где прежде специально золотом ещё никто из профессиональных геологов не занимался.

* * *

...Ускорение, полученное Ю. Билибиным на Алдане, скажется и на его научной работе. Потом он ещё несколько раз приедет в Якутию, будет работать в Аллах-Юне и других местах.

На основе материалов, собранных на Алдане, Ю. Билибин напишет одну из самых значительных своих работ «Петрология Ыллымахского массива». Она будет защищена в качестве докторской диссертации.

Но главным в его судьбе всё же окажется Первая Колымская...

ГЛАВА 4

ДЕРЗКИЙ ДЕСАНТ

Вернувшись с Алдана...

Прибыв в конце 1927 года с Алдана в Ленинград, Билибин поступил на работу в Геологический комитет, основной задачей которого был поиск полезных ископаемых. Работая в Геолкоме, он прочёл о Колыме всё, что можно было достать, в том числе приобретая книги в богатом киоске Геолкома.

В эту зиму он трижды ездил в Москву, пытаясь добиться организации экспедиции на Колыму, чтобы разом проверить всё: заявку Поликарпова, сведения Розенфельда и устоявшиеся слухи о золоте Бориски.

В «Союззолото» слушали энергичного, эрудированного геолога и... отказывали. Трудно было поверить, что можно, если даже на Кольме золото есть, вести в промышленном масштабе промывку, когда зимой река промерзает до дна, а холода стоят большую часть года... Один против треста?! В Ленинград молодой геолог вернулся ни с чем.

...Но время брало своё. Оно выдвигало грандиозные задачи: восстановление порушенного, индустриализация народного хозяйства. За новую технику, приобретаемую за рубежом, надо было расплачиваться золотом. Постоянно растущие потребности страны в валюте уральские, забайкальские, приамурские, алданские и другие прииски не обеспечивали.

Учитывая необходимость научных данных для определения направлений развития народного хозяйства страны, ещё в самом начале 1928 года Геологический комитет заключил с акционерным обществом «Союззолото» договор на проведение исследований в разных регионах. В плане — около трёх десятков поисковых топографических и геодезических экспедиций. Но не было в них Кольмской!

Встреча с человеком-легендой

...Не находя понимания в кабинетах Геолкома, Юрий Александрович снова едет в Москву. Добившись приёма в Главзолоте, он идёт к его начальнику. Руководил Главкомом тогда Александр Павлович Серебровский... Личность — исключительная!

До этого А.П. Серебровский был заместителем председателя ВСНХ СССР. Практически он участвовал в руководстве всей отечественной промышленностью. Став председателем «Союззолота», он возглавил работу по созданию новых фабрик, рудников, всю сферу деятельности по геологоразведке и исследованиям, связанную с добычей золота в стране. Опыт организационной работы у него был огромный.

Сын народовольца, он в царское время несколько раз был арестован за участие в революционном движении. Занимая в стране ключевые должности, был председателем ЧК по снабжению Красной Армии, Председателем Центрального управления артиллерийских заводов, заместителем наркома путей сообщений.

Жизнь Александра Павловича Серебровского, до последнего времени малоизвестная широкому читателю, похожа на легенду. Родился он 25 декабря 1884 года в Самарской губернии в семье железнодорожного рабочего.

Мать скончалась вскоре после рождения сына, оставив четырёх малолетних детей.

Отец Павел Павлович — активный участник революционно-народного движения 70-х годов XIX в. был арестован, после тюрьмы сослан на Урал на 20 лет. В 1905 г. в Уфимской тюрьме скончался брат Александра — Борис. Александру удалось, несмотря на то, что он за свои свободолюбивые мысли был отчислен из гимназии, сдать экзамены за весь курс. Александр учился очень хорошо. Всё ему давалось легко. Природные способности сочетались с запасом неистощимой энергии и настойчивости. Эти качества он сохранил на всю жизнь. Он поступает в Петербургский технологический институт. Его арестовывают (уже не первый раз) и по этапу отправляют в вятскую тюрьму. Он совершает побег и переходит на нелегальное положение.

Снова арест. Вновь побег...

После организации Петербургского Совета рабочих депутатов А.П. Серебровский избирается в его состав, потом — в исполком Совета. Назначается начальником боевой дружины за Нарвской заставой.

3 декабря 1905 года — арест. Его помещают в «Кресты».

...В 1906 году по военному призыву направляют во Владивосток в минную роту. После восстания на миноносце «Грозный» (17 октября 1907 г.) он получает 15 лет каторги.

Когда каторжные работы были заменены на службу в дисциплинарном батальоне, он совершил побег, при котором получил ранение. В Уфе ему помогают переправиться в Москву, затем — во Францию и Бельгию.

За 15 лет (1902-1917) его арестовывали девять раз, около трёх лет А.П. Серебровский пробыл в тюрьме, совершил четыре побега.

Попад в Брюссель, он овладел французским и немецким языками. Окончил Высшее технологическое училище, став инженером-механиком. В 1913 году в Брюсселе издаётся на русском и английском языках его работа «Теория и практика термоизоляции».

В 1913 году под чужим именем он прибывает в Россию. Невольно вспоминается судьба алданского самородка Вольдемара Бертина. И в который раз поражаешься всплеску человеческой активности в начале двадцатого века. Её неукратимости...

* * *

После революции, в 1920 году, Совет Труда и Оборона назначает А.П. Серебровского председателем Бакинского нефтяного комитета, с чрезвычайными полномочиями.

* * *

Председателем «Союззолота» А.П. Серебровский становится в 1927 году.

...С волнением вошёл Ю. Билибин в кабинет высокого начальства. Сможет ли А.П. Серебровский оценить ситуацию? Её уникальность? Молодой геолог только позже в полной мере оценит масштаб человека, с которым предстояло решать судьбу Первой Колымской экспедиции.

И наше поколение мало знало о А.П. Серебровском. Это сейчас его именем названа одна из улиц в городе Алдане, прииск...

К моменту назначения А.П. Серебровского председателем «Союззолота» он был уже опытным специалистом в нефтяной промышленности.

Предложение возглавить золотую промышленность А.П. Серебровскому сделал И.В. Сталин. Специалисты Госплана уже думали о первой пятилетке, о необходимости иметь ресурсы для её проведения.

А.П. Серебровскому надлежало снова ехать в Америку, но уже учиться добывать не нефть, а золото. Предстояло увеличить его добычу в стране вчетверо.

В Америке на лучших рудниках и приисках Калифорнии, Колорадо и Аляски, где немало трудилось выходцев из России, он вникал в суть дела досконально, определял то, что необходимо для отечественной золотой промышленности.

Придёт время, и А.П. Серебровский, выступая на XVII съезде партии, как о несомненном успехе доложит о работе Алданских приисков.

В начале 1935 года доклады А.П. Серебровского и Э.П. Берзина (начальник треста «Дальстрой») будут заслушаны на заседании Правительства СССР. Деятельная натура А.П. Серебровского скажется и на теоретическом осмыслении порученного ему дела. В 1936 году выйдет его книга «На золотом фронте», посвящённая в основном поиску новых месторождений золота.

Это будет чуть позже, а пока...

Выслушав напористого молодого горного инженера, Александр Павлович спросил, пожалуй, о самом главном:

— Как вы перебросите немалый груз за полтысячи километров в глубь тайги?

— Регулярные, хотя и редкие, рейсы из Владивостока беспокорства не вызывают. В Оле найдём лошадей, заранее сообщив об аренде телеграммой.

— У нас нет сведений, чтобы большая партия поисковиков с побережья Охотского моря добиралась до Колымы.

— Существующая с прошлого века ольская тропа позволяет доставку груза как зимним путём на оленях, так и вьючно на лошадях, — отвечал геолог.

...Серебровский поверил Билибину. Он распорядился, чтобы трест «Союззолото» перевёл Геолкому 650 тысяч рублей на экспедицию Билибина.

Необходимо было изначально два миллиона. Экспедиция была рассчитана на полтора года. Состояла она из двух партий. Собственноручно составленную смету расходов урезал безжалостно сам Ю.А. Билибин.

Деньги были выделены целевым назначением. После этого Геолком даже не потрудился дать экспедиции письменное задание. В Комитете к тому же не владели данными о Колыме.

От Ленинграда до Владивостока

В каких условиях финансировалась Первая Колымская экспедиция, видно из письма секретаря Далькрайкома ВКП(б) Л.И. Лаврентьева директору Дальстроя Э.П. Берзину:

«...В тяжелейших условиях безденежья посылка экспедиции тов. Билибина на Колыму и все дальнейшие поисковые работы в Охотско-Колымском крае кредитовались в тесной связи с предстоящим строительством Байкало-Амурской ма-

гистралаи, на быстрейшем сооружении которой мы настаивали чуть ли не с первых дней освобождения Дальнего Востока от интервентов и белогвардейщины. Наконец деньги нам были выделены и предоставлены в первую очередь для того, чтобы валютные средства, необходимые для заграничных закупок, связанных со строительством БАМ, мы смогли изыскать сами и у себя тоже, т.е. смогли развернуть золотодобычу на Колыме, если на золото она окажется действительно перспективной, как то обещали тов. Билибин и те, кто его поддерживал в Ленинграде и Москве».¹

Задание экспедиции сформулировал сам Ю.А. Билибин. Точного места поиска он не знал. Он предполагал на лошадях выйти на Колыму. Затем предстояло, добравшись до устья Буянды, расположенного недалеко от устья Среднекана, проверить накопившуюся информацию.

Надо было провести поиск и разведку новых золотоносных площадей, определить общее геологическое строение района и геологическую историю образования месторождений золота. Следует сказать, что ещё в 1926 году, после того как старатели С. Гайдулин и Ф. Поликарпов обнаружили богатое золото в районе Среднекана на ручье Безымянном и доставили образцы в Якутск, в управлении Якутского горного округа верно оценили значение этого открытия. Многочисленные заявки на предоставление участков под разведку отклонялись. Предполагалось эту задачу решать в государственных масштабах, послав поисковую партию под началом известного уже тогда алданского геолога Э.П. Бертина.

Но вопрос о финансировании этой экспедиции, как мы знаем, тогда так и не был решён. Ю.А. Билибину с его напористостью и азартом это удалось!

Теперь предстояло комплектовать состав экспедиции. Счастливчики! Молодые парни попадут на Колыму в ту, ещё романтическую пору освоения страны, когда грандиозность её богатств уже предугадывалась, но многие из них ещё ждали своего открытия. Это пронзительно чувствовал Юрий Билибин. Потому и возник этот дерзкий десант в будущее Колымы, которая вовсе не ждала их. Она, как бы своенравно противив-

¹ Иванченко А. Золото для БАМА/ Новый мир. — 1984. — № 4.

лась покорению, словно проверяла... И проверяя «десантников!», пыталась понять идущих им на смену — тех, кому они вручат ключи от её сокровищницы...

Кроме Ю.А. Билибина (начальник), в состав экспедиции вошли:

Цареградский Валентин Александрович, заместитель начальника экспедиции, 26 лет, выпускник Ленинградского горного института. Горный инженер.

Казанли Дмитрий Николаевич, геодезист, 24 года, студент физмата Ленинградского университета. Казанли уже поработал в Криворожье, Карелии... Сын известного в Петербурге музыканта, прекрасно играющий на скрипке, он никак внешне не походил на опытного геолога.

Раковский Сергей Дмитриевич, начальник поисковой партии, 29 лет, опытный старатель. Работал в «Алданзолото» прорабом поисковых и разведочных работ, помощником начальника геолого-поисковой партии, начальником геолого-разведочного района.

Бертин Эрнест Петрович, начальник поисковой партии, брат В.П. Бертина, работал на Алдане прорабом.

Пятнадцать опытных рабочих пригласили с прииска «Незаметный». Они должны были с Алдана выехать во Владивосток во второй половине мая. В Ленинграде начались спешные сборы. Обувь, одежду, необходимые материалы, снаряжение получали в Геолкоме. Многое закупали сами. Основное продовольствие должны были получать во Владивостоке.

Подбор состава экспедиции и её комплектование шли своеобразно, что отчасти объясняется сжатыми сроками. Только во Владивостоке в состав экспедиции был включён врач Переяслов — достаточно пожилой человек. Кроме того, Дмитрий Казанли просил взять в экспедицию Николая Корнеева, молодого художника, которому очень хотелось поехать в далёкую Сибирь. Корнеев был принят заведующим хозяйством. Раковскому, работавшему в то время на алданском прииске «Незаметный», Ю. Билибин поручил раздобыть аптекарские весы. Работа с золотом требует высокой точности взвешивания. Отправившись потом с Алдана на Восток, Раковский ни в Иркутске, ни в Хабаровске найти весы не мог. В Хабаровске старателя с Алдана любезно принял начальник правления золото-

разведки, он с интересом расспрашивал об Алдане. Раковский заметил в кабинете весы. Улучив момент, он аккуратно сложил их вместе с разновесами и был таков. Другого способа приобрести весы не было, уверял Раковский. Юрий Александрович потом смеялся от души.

Подготовка к экспедиции велась в квартире Билибиных и в Геолкоме. Снаряжена экспедиция была весьма скудно.

17 мая выехали из Ленинграда втроём, Николай Корнеев выехал раньше. Во Владивосток приехали за две недели до отплытия, но времени, чтобы решить все вопросы, было мало. Упаковкой груза руководили Корнеев, Раковский, Бертин. Цареградский с Казанли во Владивостоке в библиотеках различных организаций добывали всевозможные сведения о колымском крае. Юрий Александрович занимался оформлением всех необходимых документов. Он оббегал полдюжины организаций. Везде убеждался, что их никто не ждал. Помог в очередной раз оказавшийся во Владивостоке начальник «Главкома» Александр Павлович Серебровский, который в это время объезжал сибирские и приморские прииски.

На «Дайбоши-Мару» до Олы

После многодневной поездки на поезде до Владивостока и хлопот в городе наконец в июне 1928 года на зафрахтованном дряхлом японском пароходике «Дайбоши-Мару», который Ю. Билибин с ходу назвал «Дай, Боже, шмару!», отчалили от причала в бухте Золотой Рог, направляясь к посёлку Ола.

«Дайбоши-Мару» несколько дней простоял в японском порту Хакодате на северном острове Хоккайдо. Потом шёл до Охотска без остановок. Несколько дней шли вслепую, попав в туман. Заунывные гудки, нудная промозглость, непривычная морская качка измотали алданских старателей. Везли их, как скотину, в трюме. «За пустую баланду — плати, за кипяток — плати...» Назревал бунт. Вместе с представителем Советторгфлота Билибину удалось предотвратить международный конфликт. Плавание продолжалось.

«...Казанли разглядывал в бинокль неказистые рыжеватые, серые, чёрные обрывы и далёкие безлесые вершины. Скоро ему придётся ставить астропункты, и у каждой вершины будет

своё имя. Цареградский делал наброски отдельных участков побережья, а потом принёс на палубу свой фотоаппарат — не утерпел, заснял скалистые прижимы. Обогнули двухвершинный остров Спафарьева и вошли в Тауйскую губу. Увидели вершину, названную в лоции Арман. Бухта Нагаева пряталась за узкой клешней полуострова Старицкого. Билибин не отрывался от бинокля: он и раньше слышал от моряков об этой удивительной бухте, глубокой, закрытой от всех ветров, кроме западных». (Р. Седов).

«Как только пароход встал на якорь в Охотске, к нему быстро приблизилась большая моторная лодка. Один из прибывших, поднявшись на палубу, вручил Билибину записку от уполномоченного АКО и «Союззолота» Лежавы-Мюрата с просьбой срочно приехать для переговоров по важному делу, пока пароход будет разгружаться, Билибин, прихватив с собой Бертина, отправился на берег. К отходу парохода они вернулись и сообщили, что небольшая группа старателей заявила об открытии ими россыпного золота в ручье Безымянный — правом притоке Среднекана — и в левой вершине самой реки Среднекан. Билибин ознакомил меня с содержанием разговора, выпиской из заявки. Затем сообщил, что Лежава-Мюрат очень настаивал на проверке разведкой в первую очередь указанных к заявке ключей, чтобы определить в них запасы золота...» (Из воспоминаний В.А. Цареградского).

Так у членов экспедиции появились хоть какие-то более-менее определённые координаты поисков золота.

Последуем за скупыми и точными воспоминаниями самого Юрия Александровича Билибина (статья «К истории Колымских приисков», написанная много позже, в марте 1937 года):

«...В первых числах июля высадились в с. Ола, в 35 км к востоку от Нагаевской бухты. Последняя была тогда совершенно необитаема, и, только проплывая мимо неё на пароходе, мы узнали от команды, что это единственная бухта на Охотском побережье, где пароходы, набирая воду, могут подходить непосредственно к берегу, и что здесь Софторгфлот предполагает устроить главную базу для снабжения отсюда всего Охотского побережья каботажными судами.

Высадившись в Оле, мы тотчас столкнулись с острым недостатком транспорта. В Оле в то время радиостанции не было,

а ближайшие радиостанции находились в 700 км — с одной стороны в Няяхане, с другой — в Охотске. Правда была линия проволочного телеграфа, тянувшаяся из Якутска через Аллах-Юнь и Охотск до Тауйска, в 200 км к западу от Олы, но она в это время как раз была повреждена, и телеграмма, посланная мною из Ленинграда через Тауйск для Ольского РИКа с просьбой подготовить транспорт, затерялась где-то в дороге.

...Наше прибытие в Олу и стремление попасть на Колыму очень не улыбалось ни старателям, ни местным жителям. Они рассматривали нас как государственную организацию, которая хочет установить над ними контроль и тем лишить их значительной части доходов. РИК принял их сторону и начал чинить нам всевозможные препятствия в работе. Апеллировать было некуда, ибо, как я уже отмечал, ближайшие радиостанции находились в 700 км, а окружной центр — в Николаевскена-Амуре. Такая политика РИКа продолжалась больше года, и лишь осенью 1929 г. состав РИКа был сменён и предан суду за противодействие развитию золотого промысла и связанный с этим целый ряд контрреволюционных поступков».

В конце двадцатых годов и позднее на Колыме побывает немало исследователей. В силу неизученности края, его малоизвестности многим из них откроются неисчерпаемые богатства Колымы. Многие станут первооткрывателями. Будет найдено золото, олово, ртуть, другие редкие металлы. Кто-то обнаружит новую горную породу, кто-то разведает новые транспортные пути, которые в будущем станут основными в снабжении развивающейся промышленности края. Но члены Первой Колымской экспедиции были самыми первыми в этом ряду.

В моём детстве были фильмы «Они были первыми», «Смелые люди». Лица актёров Георгия Юматова, Сергея Гурзо перед глазами! Но — то художественное кино, а здесь реальные люди!..

На каменистом берегу Охотского моря

Ола — в то время достаточно большой районный центр, расположенный на берегу Охотского моря. Население — в основном так называемые камчадалы — метисы русско-корякского происхождения.

Золото на Среднекане тогда уже добывали. На момент прибытия экспедиции в Олу здесь были две артели старателей, стремившихся добраться до золотоносного Среднекана.

Другие группы работали на Среднекане. Золото они не сдавали. Закупая продовольствие у местных жителей, старатели расплачивались за него золотом. Оно потом перепродавалось командам японских и китайских пароходов, которые снабжали побережье охотского моря продовольствием. Участники экспедиции в посёлке Ола высадились 4 июля 1928 года. В посёлке геологов явно никто не ждал. Все воспринимали их как представителей государства, которые прибыли, чтобы положить конец «вольной жизни» старателей.

...Верховых лошадей, вьючных оленей в селе просто не было. Ещё из Ленинграда Ю. Билибин и В. Цареградский связались с заведующим Ольской торговой факторией, и тот уверял, что с транспортом всё будет в порядке.

Теперь же единственный представитель власти, милиционер, заявлял, что в Оле живут рыбаки. Ни оленей, ни лошадей у них нет. Надо ждать зимы: тогда можно будет что-то предпринять.

В.А. Цареградский позже рассказывал:

— Ждать до зимы?! Это же срыв экспедиции, срыв важного государственного задания! — бушевал Билибин. — Я буду жаловаться в Хабаровск, в Москву!

Хотя экспедиция была запланирована на полтора года, времени было не в избытке. К тому же часть старателей, раздобыв лошадей, уехала на Среднекан.

Ю.А. Билибин пытался слать срочные телеграммы в Хабаровск, в Москву, в Ленинград. Всё было безрезультатно.

Заведующий факторией вначале старался не попадаться на глаза, а потом и вовсе отбыл из Олы на оленьи стойбища.

Чтобы не терять времени даром, Цареградский начал вести геологические съёмки прибрежной полосы. На арендованной у рыбаков двухпарной лодке он с четырьмя гребцами отплыл к цели. Эта небольшая группа работала около месяца между полуостровами Старицкого и Кони. Исследование имело геологический интерес, никаких намёков на наличие золота здесь обнаружено не было. Но составленная ими в то время геологическая карта побережья была первой для этого региона. Без

транспорта добраться до Среднекана было невозможно. Ни от властей, ни от местных жителей помощи так и не было. Продавать вьючных лошадей старателям было выгоднее, ибо те расплачивались золотом. А местные жители не желали передвижения чужаков по нерестовым рекам, оленьим пастбищам...

Ю. Билибин, добившись разрешения на организацию экспедиции на самом верху столичного чиновничества, теперь в захолустной Оле безрезультатно сражался с местной рутинной...

Месяц противостояния дался непросто.

Наконец-то удалось раздобыть несколько лошадей (семь лошадей под личную клятву арендовал проводник Медов у бедняков, восьмую купили) и вьючных оленей, да и то только до притоков Колымы. На двадцать два члена экспедиции это было крайне недостаточно.

Погрузить всю экспедицию, всё снаряжение с провиантом на восемь лошадей невозможно. Олени же, которые с таким трудом были добыты, оказались слишком дикими. Они были непригодны для перевозки вьюков. Их оставили потом отряду В. Цареградского.

До Среднекана путь известен. Надо добраться тропой до реки Буюнды, а дальше по ней, довольно многоводной и спокойной, сплавиться до Колымы. Но в Колыму Буюнда впадает на 70 километров ниже заветной цели геологов — Среднекана. Чтобы достичь цели, надо потом по быстрой Колыме подниматься с грузом против течения реки. Потеря сил и времени. А если сплавиться по Бахапче? Тут явный резон!

Старожилы этот путь не признавали. Бахапча — «бешеная». Сильно порожистая, сплав по ней совершенно невозможен. К тому же тропа, ведущая к ней, не имеет вблизи кормов для лошадей. И зимой Бахапчу не покорить: нарты не пройдут меж камней. Ввиду таких особенностей реки экспедиция Сибводпути, имевшая программу по обследованию Бахапчи, не решилась это делать.

Другое дело — река Дикого Оленя. Буюнда течёт по широкой долине. И на всём водном пути один всего пережат — порог «Три камня». И путь до неё известен издавна.

А до Бахапчи и желающих проводников нет, и карты нет. Однако Раковскому удалось объяснить маяканским оленеводам свою просьбу. Макар Медов и местные эвенки на брезенте

спичками по его просьбе выложили в масштабе карту предстоящего пути от Олы. С. Раковскому оставалось только её перенести на бумагу. Это была первая карта нового пути на Среднекан. Потом оказалось, что все основные водные артерии были указаны верно.

«Из всех голосов местных жителей резко выделялся один. Это был голос старика-якута Макара Медова. Он говорил, что по Бахапче не плавают, потому что боятся, а такие люди, как в экспедиции, проплывут. Он утверждал, что старая, заброшенная тропа много короче и удобнее существующей и корма вдоль неё можно найти... Нам надо было не только самим попасть на Колыму, но и выяснить наиболее удобные пути её снабжения. А в этом отношении, если бы Бахапча оказалось сплавной, она имела бы все преимущества перед Буюндой. Ольский РИК ставил вопрос вполне определённо, что я делаю это умышленно, желая на порогах загубить экспедицию». (Ю.А. Билибин).

Опасный поединок

Надо было принимать решение. Через месяц кончалось лето, и впереди — заморозки. Перевал будет закрыт снегом. Всё шло к тому, чтобы геологи остались зимовать на побережье. Сами обстоятельства толкали к дерзкому поступку. И Ю. Билибин его совершил. Решено было разделить на две группы. И сплавляться не по Буюнде, а по перехваченной порогами, бурной Бахапче. Добираться до Среднекана на плотках по рекам Малтан, Бахапче, Колыме. По пути, которым ещё никто не ходил.

В первой половине августа 1928 года отряд, состоящий из проводника Медова, Билибина и четырёх рабочих — Дуракова, Лунеко, Алёхина, Чистякова, которых отобрал Раковский как самых лучших, вышел из Олы на Малтан. Рядом с Макаром Медовым шагал, попыхивая трубкой, высокий и красивый пермяк Дураков Степан Степанович. Караван вьючных лошадей замыкал Раковский. Отряд имел продовольствия до 1-15 декабря. Так в этот день по тропе поднялась на террасу реки Олы и потянулась цепочка первопроходцев в неведомое ещё русло золотоносной реки.

Описывать все перипетии, опасности, удачи и неудачи горстки смельчаков, значит, браться за большое сказание... О Первой Колымской экспедиции по воспоминаниям В.А. Цареградского написана Е.К. Устиевым книга «У истоков золотой реки». Писал частично потом и сам В.А. Цареградский. Писали о Колымских экспедициях В.И. Серпухов, В.Ф. Белый, Н.А. Шило, В.И. Оноприенко, В.Г. Зеляк, И. Гальченко, А.Д. Щеглов, А. Глушченко, Р. Седов и многие другие. Все они заслуживают большой благодарности.

Я коснусь самых, как мне кажется, ярких эпизодов этой экспедиции, особо запавших в мою память.

Итак, отряд под командой Ю. Билибина, взяв с собой запас продовольствия, двинулся по старой тропе на Бахапчу. Остальные участники экспедиции во главе с Цареградским остались в Оле, чтобы добыть оленей и по зимнику прибыть с продовольствием на стоянку передового отряда Ю. Билибина не позднее 1 декабря, не допустив голода в его отряде.

В лагере, разбитом при устье ключа Хиренда 28 августа, рабочие начали сооружение плотов. Было срублено нужное количество крепких сухостойных деревьев. С помощью лошадей они были доставлены вниз к затону. Из них-то и были сооружены под руководством опытного плотогона и плотника С. Дуракова два плота, на которых предстояло спуститься по течению рек. Плоты сооружали только из сухостоя деревьев, помня, что они должны быть достаточно легки на воде.

Ю. Билибин писал: «Достигнув правого притока Бахапчи — р. Малтана примерно в 250 км от Олы, мы распростились с Медовым, соорудили два больших плота 4x8 м, сложили на них весь груз и пустились в неизвестное плавание. Малтан сильно обмелел, и какие-нибудь 80 км по нему мы тащились больше трёх дней. Плоты постоянно садились на мель, приходилось слезать в воду и проталкивать их стяжками через мелкое место. Через три дня у всех нас на плечах образовались кровавые эполеты».

...Было неизвестно, где опаснее пороги — на Малтане или Бахапче.

...Ниже камня «Чёрный голец» появился опасный порог. Потом он получил название «неожиданный». Перекатываясь

через огромные камни меж скалистых берегов, Малтан буйно пенился, издавал непривычный рёв.

Встреча могла быть трагичной, но им удалось направить плоты в протоку, где они крепко сели на мель. Тащили их потом почти по пересохшей протоке весь день.

Сколько позже будет таких встреч со стихией, когда надо погружаться в ледяную воду, обрезать брёвна плота, когда будут дрожать колени, а ладони окажутся стёртыми до крови!

Люди боролись и двигались вперёд. Не выдержав таких педредряг, собака Степана Дуракова — Дёмка убежит на зимовье в Элекчан.

* * *

Когда вышли на Бахапчу, плот был почти затоплен, груз подмочен. Сушились весь день. Потом продолжили сплав. В тумане на берегу появилась одинокая юрта охотника Дмитрия Амосова. Заночевали у него.

— Впереди камни! Куда вас несёт, шайтаны, — почти причитал якут. Плоты не пройдут!

Стали советоваться ещё раз. Можно было налегке, оставив груз у Амосова, вернуться в Олу, а зимой вместе с группой В. Цареградского продолжить путь до полноводной Колымы, до которой оставалось около 150 километров. Решили двигаться дальше.

— Бедные русские. Все утонут, — приговаривал старый якут, провожая путников.

Горстка храбрецов на двух плотах продолжила сплав.

Из записей С. Раковского:

«9 сентября. Нас несёт через пороги, их видимо-невидимо. Не однажды на каменные лбы садился плот Ю.А. Билибина. Какой железной воли человек! Лезет в ледяную пену по грудь и, отпуская саркастические шуточки, помогает людям снимать плоты с мели. Пороги «крестим» именами членов отряда, наносим на жёлтую бумагу: порог Широкий, длина один километр, плыть без осмотра; порог Два медведя — держать правее; порог Ивановский — по имени Алёхина — держать правее, плыть без осмотра; порог Юрьевский — по имени Билибина — не опасно; пороги Степановский — по имени Степана Дуракова и Михайловский — по имени Луненко — плыть без осмотра. Михай-

ловский порог самый красивый. На обоих берегах — высокие скалы. Выглядит он очень эффектно.

Река, зажата в скалах, не течёт, а летит. Не нужно только теряться. Каждый удар весла определял благополучное прохождение. Не теряться!

Порог Сергеевский назван моим именем. Очень длинный, усыпан крупными камнями, с большим подъёмом воды. На нём чуть не погибли. Мой плот впервые за всё время плавания краем сел на камни. На нас несло плот Билибина. Наскочит — расшибёмся вдребезги. С необычайной быстротой проскочил мимо. Два часа просидели на камнях. Отпилили четыре бревна сбоку. Среди бушующих волн с большим трудом снялись с камней и поплыли дальше.

Следующий порог — Дмитровский назван по имени рабочего Чистякова. Оба плота минули его благополучно и поплыли вниз по реке, быстро, без задержек.

В устье Бахапчи вышли на берег, сделали на деревне затёс и оставили на нём запись».

Попытка сплавиться по Бахапче, считавшаяся всеми безрассудной, — удалась! Пороги реки устрашали не только местных жителей: опытные геологи об этом сплаве будут говорить и писать как о чуде. Слово «Бахапча» долгое время было символом неотвратимого рока.

Немногословный С. Раковский обронит: «Если говорить честно, то живы мы остались случайно...» В другой раз он писал:

«Признаюсь, более четверти века прошло с тех пор, а и по сей день помню я их каменные лбы. Как будто и не так уж быстро река течёт. Но, встретив препятствие, с такой злобной силой бросается на него, что и долго после порогов не утихает на ней пена. Сила воды страшная. Нам дважды приходилось снимать с камней плот Билибина, раздевались, входили по пояс, а то и по грудь в воду. И без всякого преувеличения — нечеловеческих усилий стоило удержаться на ногах».

Сплавившиеся по Бахапче путники выдержали азартный смертельный поединок.

Далее у С. Раковского: «10 сентября. Выплыли на Колыму. Какая красивая река! Чем-то напоминает Волгу у Жигулей. Вода прозрачна, как в Ангаре. Юрий Александрович сияет, впивается глазами в породы и как геолог определяет: «Колы-

ма — золота река! Здесь должно быть золото. Вся эта река и ручьи, впадающие в неё, — золотые!..»

...12 сентября. В Колыму впадает много притоков. Не можем определить их названий. Знаем, что где-то тут, по описаниям Макара Медова, должны быть большие реки: Таскан, Оротукан и Среднекан — место, где мы остановимся. Но какие реки встречаем, неизвестно. «Крестим» их, даём новые названия, заносим на карту. Одну переименовали Утиной: так много было на ней уток; другую приняли за Среднекан и назвали Точкой. Но точку поставить не пришлось, так как ошиблись и проплыли дальше; приток переименовали в Запятую. Следующую речку назвали Крохалиной».

Опасный маршрут от Малтана до устья Среднекана был покорён за четырнадцать дней. Никто до смельчаков отряда Ю. Билибина по нему не плывал.

На Среднекане

«12 сентября, в один день со старательскими артелями, мы прибыли на Среднекан. Здесь, при устье ключа Безымянного, в 16 км от Колымы, был хищнически ископан ямами неправильный участок примерно 50x60 м. Старая артель жаловалась, что богатое золото кончилось и дальше не прослеживается ни в одну сторону. Вновь прибывшие артели приступили к пробивке ям и постройке барачков; мы также построили барак в ключе Безымянном и приступили к разведке его долины, полагая, что вынос золота идёт отсюда. Вскоре выпал снег», — писал Ю. Билибин.

Отношения со старателями вначале не складывались. Считая геологов служащими государственного контроля, они вели себя враждебно. Но вскоре, убедившись, что у экспедиции иные задачи, связанные с поиском золота, отношения нормализовались. Тем более прибывший со старшим горным смотрителем Ф.Р. Поликарповым управляющий Среднеканской конторой «Союззолото» Ф.Д. Оглоблин приступил к наведению порядка. Два месяца они упорно пробирались из Охотска верхом на лошадях и вели десять лошадей под вьюками. И теперь были настроены на жёсткое наведение порядка. Вместе с ними прибыли ещё артели старателей. Теперь на прииске скопилось до 35 человек. Старателей перевели на легальное положение.

Оглоблин всю жизнь до этого был лесником, золотом никогда не занимался, но опыт проведения жёсткой политики имел! Свою палатку он поставил не у бараков приискателей на берегу Среднекана, а прямо на площадке, где трудились старатели, среди выкопанных ям.

На стволе тополя тут же приколотил самолично фанерку от выючного ящика, на которой чернилами совершенно чётко указывалось: «Вся территория от Буюнды до Бахапчи закрепляется за государственной организацией «Союззолото». Все старатели обязаны сдавать намытое золото по строго установленной цене за грамм в присковую контору. Копать пески только там, где укажет старший горный смотритель Ф.Р. Поликарпов по согласию с начальником КГРЭ¹ Ю.А. Билибиным».

С 9 октября 1928 г. все старатели теперь обязаны были намытое золото сдавать в контору по цене 1 рубль 13 коп. за грамм. «Вольнице» пришёл закономерный конец.

«Вечером Оглоблин возле своей палатки собрал весь присковый народ, пригласил и разведчиков. Сам сел на пенёк, распахнул чёрную кожанку, выставив напоказ ярко-кумачовую сатиновую рубашку, и, подкрутив жёсткие, пшеничного цвета усы, громко спросил:

— Объявление читали? Ну, а теперь слушайте доклад.

Начал с текущего момента и с Чемберлена, который грозит нам. Чем грозит, не пояснил, а сказал, что мы добываем золото не для Чемберлена, а своему рабоче-крестьянскому государству, и должны это золото всё до крупицы сдавать в государственную кассу, то есть — в контору, и это будет наш ответ Чемберлену.

— Кто не хочет — убирайся вон! Доклад окончен!» (Г. Волков, «Золотая Кольма»).

Вот так: коротко и вполне доходчиво.

А в это время в Оле...

В посёлке Ола ждали возвращения проводника М. Медова. Якут Медов с лошадьми наконец вернулся. Он привёз В. Цареградскому письмо от Ю. Билибина и образцы породы.

¹ КГРЭ – Кольмская геологическая разведочная экспедиция.

Советовал воспользоваться рекою и плотом, чтобы добраться до Среднекана. При осмотре присланных Ю. Билибиным образцов — красивых раковин, вросших в песчаник, В. Цареградский определил, что это иноцерамы — большие двустворчатые моллюски с толстой раковиной, жившие около 150-160 миллионов лет назад. Такие находки в своё время сделал Черский в долине Индигирки, геолог Казанский на побережье Охотского моря. Получалось, что на территории площадью около сотни тысяч квадратных километров распространялись сходные по своей природе толщи сланцев и песчаников, что имело научное значение. Таковы были первые находки экспедиции.

Но что их ждало впереди!

Ю. Билибин в своём письме торопил В. Цареградского с выездом, чтобы успеть добраться к Малтану до наступления заморозков.

* * *

Второй отряд Колымской экспедиции, возглавляемый В. Цареградским, вышел из Олы, не мешкая, через два дня после возвращения Макара Медова. В. Цареградскому не терпелось оказаться на том месте, о котором так много думалось ещё в Ленинграде.

...Уже на следующее утро, после выхода отряда, ясная осенняя погода сменилась ненастьем.

После того как караван одолел около ста километров, 20 сентября в ночь пошёл сильный снег.

Приближаясь к перевалу, путники увидели, что снежный покров с каждым километром всё выше. Лошадям грозил голод. Стало ясно, что через глубокий и рыхлый снег не пробиться. Надо возвращаться назад и ждать надёжный зимний путь. Путники спустились с Эликчанской равнины и в узком ущелье, укрывшись от свирепого ветра, разбили лагерь.

Здесь решили, что Бертин, Майоров и один рабочий останутся в этом лагере до возвращения остальных из Олы по зимнему пути. Им предстояло, пока не замёрзли реки, опробовать долины и провести геодезическую съёмку.

Цареградский и Медов ушли в Олу.

Мокрый снег залеплял глаза связанным в цепочку лошадям. Ежеминутно спотыкаясь, они тянули друг друга и падали.

Голыми руками, обледеневшие рукавицы были только помехой, Цареградский и Медов поднимали и перевьючивали лошадей. Расчищали снег для палатки, кормили лошадей.

Еле живыми через три дня они вернулись в Олу.

* * *

...Как нетерпимо томительны монотонные дни ожидания настоящей зимы.

Саднила мысль о судьбе билибинского отряда. От него не было известий с августа. Отряд, кроме того, что взял с собой мало продовольствия, не имел зимней обуви, белья и одежды.

Опасность голодной смерти была вполне возможной. Цареградский неотступно думал о доставке продуктов для отряда Билибина. А тут ещё в Олу вернулась отоцавшая и одичавшая Дёмка — собака Степана Дуракова, которая была в головном отряде. Опрос эвенков, вернувшихся с района Среднекана, не давал утешительных результатов. Геологов никто не видел. На Среднекане их как-будто нет. И поползли по тайге слухи, что Золотая борода и Длинный нос разбились о камни, да так, что и следов не осталось.

Приходилось терпеть и ждать, забываясь в обработке собранного в окрестностях шлихового материала. Признаков золота в нём не обнаруживалось.

Несмотря на то, что через несколько десятков лет тут будут найдены коренные месторождения серебра и золота!

Неимоверные залежи драгоценных металлов, будоражащие умы и сердца молодых разведчиков, были под ногами.

* * *

Наступила уже середина ноября, а каюры просили подождать ещё, так как лёд на реке был тонок. Зимняя дорога прокладывалась обычно по речному льду.

Цареградскому удалось нанять пару собачьих упряжек и отправить часть груза к Бертину на его временную стоянку. Вернувшийся от Бертина каюр привёз письмо, в котором писал, что он перебрался ближе к Эликчанскому перевалу, где прибывшая из Охотска группа рабочих «Союззолота» строит склад для грузов.

Более того, в письме говорилось, что Билибин вроде бы взял с собой на плот эвена в качестве проводника. Этот эвен до сих пор домой не вернулся...

Расспрашиваемые в районе Бахапчи охотники эвены не встречали отряда русских и считали, что они разбились на порогах и утонули.

...Собрав с невероятными усилиями шесть собачьих упряжек по десять собак в каждой в начале декабря отряд во главе с Цареградским выехал из Олы. Оленей набрать так и не удалось. Олений транспорт должен был тронуться днями позже, вместе с частью оставшихся рабочих во главе с известным старым проводником Михаилом Петровичем Александровым. Ждать, когда будет готов олений транспорт, было некогда.

Медов считал, что они доберутся до сплавной базы Билибина менее чем за неделю. Но всё равно надо было ох как торопиться...

Ольская администрация наконец-то подключилась к решению проблем, связанных с организацией доставки членов экспедиции к месту проведения разведочных работ. 17 ноября президиум Ольского райисполкома, заслушав доклад инженера В.А. Цареградского о работе геолого-поисковой экспедиции, принял постановление, в котором говорилось: «1. Констатировать полную неосведомлённость центров — как Москвы, так же и краевого, — о наличии связи в Ольском районе: дорогах, транспортных средствах и снабжении, вследствие чего заброшенная Кольимская геолого-разведочная экспедиция вынуждена была просидеть в с. Ола с 5 июля по декабрь месяц, то есть в течении пяти месяцев без дела за невозможностью выехать к месту назначения, чем причинён ущерб государству в сумме бесцельных больших затрат... 3. Считать недостаточным внимание со стороны администрации экспедиции к вопросу обеспечения таковой предметами первой необходимости, как то тёплой одеждой, бельём и другим...» Этим же постановлением уполномоченным «Союззолота» было рекомендовано «принять все меры к незамедлительной отправке экспедиции к месту назначения, выдав возможное количество тёплого обмундирования».

Когда в первых числах декабря по маршруту Билибина на собаках шесть собачьих упряжек двинулись в сторону Средне-

кана, следом пошли сорок оленьих нарт: всего сто оленей. Этот караван шёл очень долго. Виной тому была неудачная погода. Снег морозом не сковало, наст не выдерживал нарты...

...Движение по первопутку оказалось не из лёгких. Впереди повозок шли на лыжах люди, прокладывая дорогу. Собаки быстро выбивались из сил в рыхлом снегу. Добравшись до долины Малтана, отряд подошёл к строящейся перевалочной базе на Элекчане.

Отдохнув всего ночь, отряд двинулся дальше, вниз по Малтану. Наконец вот оно, то место, откуда в начале августа на плотах начала своё движение группа Билибина. Вот следы палатки, засыпанное снегом пепелище от костра. На нескольких деревьях светлеют свежие затеси. Одна из них свидетельствует:

«ВКГРЭ начала отсюда сплав по Малтану, Бахапче и Кольме 31 августа 1928 года». И подписи всех членов экспедиции.

Было решено повторить маршрут Билибина: спуститься на собаках по Малтану до впадения его в Бахапчу, осматривая берега, и, если не будет обнаружено признаков крушения и самих пропавших, двигаться по Бахапче, вниз по Кольме до Среднекана. Температура окружающего воздуха была ниже пятидесяти градусов Цельсия. Следующий день оказался удачным. Встретились охотники эвены. Один из них сказал, что сам русских не встречал, но слышал, что охотники из Таскана видели шестерых русских, два плота на Кольме у Среднекана. Что ушли они вверх по Среднекану. Билибин и его команда живы! Надо торопиться!

После переговоров с каюрами и по совету Медова решено было вернуться в Эликчан, через который должен был пройти большой олений транспорт Александрова. Цареградский вместе с Казанли и рабочими должны выехать на Среднекан!

Туда же днём раньше с первой партией оленей должны выехать Бертин и доктор Переяслов.

Голод

А на Среднекане в это время голодали. Обоза с продовольствием всё ещё не было. Стояли крепкие кольымские морозы.

Старатели ели собак, кожу, конские кишки. Геологи как могли делились с ними продуктами.

Из дневника С.Д. Раковского:

«1 декабря 1928 г. Суббота... Садимся на голодный паёк. Работу временно приостановили...

3 декабря. Двое ходили на охоту, двое на стан — доставать лыжи. Убили всего лишь шесть белок...

4 декабря. Ходили на охоту, убили всего лишь одну белку.

9 декабря... Чувствуется слабость и головокружение. На всякий случай составляю список. Нас 16, а всего на прииске 41 человек.

10 декабря. Сидим с Лунекой голодные... Старатели завтра принимаются за Собольку (собака)».

Вот как вспоминал это время Ю. Билибин:

«Наши разведочные и старательские добычные работы шли своим чередом. Но уже в ноябре во вновь прибывших артелях начал чувствоваться недостаток продовольствия. Приходилось кое-чем с ними делиться. Приближался декабрь. Работы понемногу останавливались. Продовольственное положение становилось всё хуже. Наименее обеспеченные артели уже перешли на собак, конские кишки и кожи. А одна предприимчивая компания, воспользовавшись тем, что в транспорте Оглобина пало несколько лошадей, не дойдя до Среднекана, уже давно, взяв палатку и печку, жила «на подножном корму», кочуя от одного конского трупа к другому. 1 декабря я и Оглобин в сопровождении Сафея Гайнулина вынуждены были идти за продовольственной помощью в якутское селение Сеймчан в 75 км от прииска. Однако сами сеймчанские якуты жили настолько бедно, что не могли нам оказать никакой существенной помощи. Может быть, известную роль здесь сыграло и то обстоятельство, что они ещё не знали, кто мы — друзья или враги, и как к нам следует относиться. Единственным результатом нашего похода было то, что мы привели на прииск двух наших экспедиционных коней, которых мы купили у старателей тотчас по прибытии на Среднекан и отдали их на зиму в Сеймчан для прокорма. Эти кони были тотчас застрелены и распределены между старателями и рабочими экспедиции.

Настало 15 декабря, крайний срок прихода продовольственного транспорта из Олы. Но его всё не было. Все работы давно прекратили, над прииском нависло мёртвое молчание. Люди сидели и лежали в бараках, лишь изредка то один, то другой

выходил из барака послушать, не скрипят ли нарты. Стояли шестидесятиградусные морозы, воздух был особенно восприимчив к звукам, и приближение транспорта можно было бы услышать за несколько километров. Но кругом стояла гнетущая тишина. С каждым днём положение становилось все напряжённее».

Из дневника С.Д. Раковского:

«Всё съедено, вывариваем лошадиные кости и кипятим чай из мха. Морозы снова усиливаются. 58 градусов. Часто пуржит».

26 декабря долгожданный обоз с продовольствием привёл Э.П. Бертин. А через неделю, 3 января, на собаках прибыл со своим отрядом В.А. Цареградский. Все участники Первой Колымской экспедиции были теперь вместе.

Легко понять всеобщую радость! И, конечно, крепких друзей по Алдану С. Раковского и Э. Бертина. Раковский постоянно находился рядом с Ю. Билибиным и своим опытом и будничным мужеством оказался незаменимым помощником. Эрнест Бертин был счастлив, что всё же в самый нужный момент пришёл на помощь с продовольствием.

* * *

...Наткнулся на страницах «Из дневников» «странного и замечательного» писателя Франца Кафки на фразу: «Безграничная притягательная сила России. Лучше, чем тройка Гоголя, её выражает картина великой необозримой реки с желтоватой водой, повсюду стремящей свои волны, волны не очень высокие. Пустынная растрёпанная степь вдоль берегов, поникшая трава.

Нет, ничего эта картина не выражает, скорее — всё гасит...»

Невольно задумался. Разве такова истинная суть России, в которой писатель никогда не был? А значит, не знал. Не знал и не понимал её народа, о котором не счёл необходимым даже упомянуть.

Не увидел человека в широкой степи...

Написал бы он так о нашей стране не до, а после мировых войн, обрушившихся на народы России, народы Земли в первой половине XX века?..

Но ведь были грандиозные события и раньше, в которых проявил себя русский характер? Проявлял... Не по своей

воле... Что-то мешает взглянуть с Запада на Восток незашоренным взглядом...

...Мысли о нашей общей судьбе не отпускают...

...Выхожу на берег Волги и вновь невольно слышу голоса тех, кто селился на её берегах, кто живёт сейчас...

Сколько их было?! Сколько смотрело в её воды! Немало грозных событий выдержала наша Волга. Сколько наш край дал великих людей, волжан! Среди них: Горький, Шалапин, Гончаров, Алексей Толстой, Гарин-Михайловский, Некрасов... Всех не перечесть! И звучит голос Владимира Даля: «Вы ещё полюбите эту степь: нигде более в России природа не красуется так, как здесь, в степях оренбургских...» Степь, Волга, Россия — всё едино, всё неотрывно от русского сердца... Сколько их, неизвестных миру, радовавшихся и страдавших, было на берегах Волги. Много умевших и немало вершивших не великого, но необходимого! Они как умели жили... И радовались жизни... Так и слышится голос другого, не нашего соотечественника, человека пронзительного ума, которого ценил и Блез Паскаль, и гениальный наш Пушкин, голос Мишеля Монтеня:

«Я видел на своём веку сотни ремесленников и пахарей (добавлю от себя: священников и учителей — как Цареградские и Михаил Некрасов, как вечные труженики Макар Медов, Степан Дураков, Вольдемар Бертин и другие), которые были более мудры и счастливы, чем ректоры университетов, и предпочёл бы походить на этих людей». Походить на многих первооткрывателей, о которых пишу сейчас я. Мне слышатся не только их голоса, я теперь вижу отчётливо их лица, чувствую дыхание, какой бы широченной и угрюмой ни была тайга, скрывающая их!..

* * *

Удивительная преданность однажды избранной профессии, своему делу на всю жизнь — отличительная черта Цареградских. Этот дар созидания, унаследованный от поколений прадедов и дедов, прекрасно проявится в трудовом подвиге первооткрывателя Колымского золота Валентине Цареградском и продолжится нынешними добытчиками «чёрного золота» — буровиками Цареградскими, о которых мне теперь постоянно напоминает нефтяник из Сургута Евгений Коныхов. Но об этом чуть позже...

Когда стоишь возле карты нашей огромной страны и смотришь на обширное неохватное пространство Сибири и Дальнего Востока, чувствуешь, как эта громадина притягивая к себе, поглощает. Готова растворить...

Похожее чувство возникает, когда летишь на самолёте над какой-либо незнакомой страной. Ты способен окинуть разом очень многое, в то же время как бы сохранить за собой некую автономию, в любую минуту остаёшься способным уйти от этой магии поглощения, остаться собой, сохраниться!.. Долететь до цели. А что чувствовала горстка плохо снаряжённых людей, оказавшихся непосредственно в объятиях дикой природы, будучи на тысячи километров оторванными от привычного?.. Ведь задача у геологов была не в том, чтобы просто выжить физически! Надо было свершить, наперекор всему, задуманное... Это был вызов!

...Так заманчиво прочувствовать, понять состояние отважных геологов.

Я длительное время активно работал в центре страны на нефтехимических заводах, в науке. Были поездки за границу. Кажется, немало повидал всего! «Как же так получилось, что я не видел и мало, так мало знаю об этом исполинском крае?» — спрашиваю я себя. И у меня нет вразумительного ответа...

Встреча на Среднеканской базе

Встреча В.А. Цареградского и Ю.А. Билибина описана у Е.К. Устиева. Часть этого эпизода приводит в своей книге и В.И. Оноприенко:

«У края шумного летом, а теперь насквозь промёрзшего ручья на трёхметровой террасе стоял небольшой плоскокрыший барак, срубленный из толстых лиственниц, проложенных ягелем и перекрытых накатником. Небольшие окна затянуты вместо стекла сильно обмёрзшей белой бязью. Из выведенной коленом трубы вьётся гостеприимный дымок. Это и было жилище, построенное Билибиным.

Опередивший оленей Цареградский увидел, что перед домом над чем-то копошатся сидящие на корточках люди. Тут

же стояла подпираемая деревянными распорками палатка — склад снаряжения. Люди заметили приближающийся транспорт и поднялись, всматриваясь: свои ли?

— Юрий Александрович, наши приехали! — радостно закричал молодой парень с засученными по локоть рукавами ватника.

Перед ним густым паром дымился оцинкованный таз с горячей водой, в которой лежал кусок рыжей конской шкуры. Двое рабочих только что оскабливали её блестящими охотничьими ножами.

— Валентин, наконец-то! — навстречу Цареградскому бросился выскочивший из барака Билибин. — Слава богу! Мы уже чёрт те что передумали. Ну, здравствуй, чёрт полосатый!

— Здравствуй, Юрий! — Цареградский протянул обе руки. — Мы уж второй раз из Олы выходим, в первый раз ничего не вышло!

Они обнялись.

— Товарищи, — крикнул Билибин, — помогайте разгружать!

— Здравствуйте, друзья! — он протянул руку Казанли и Александру. — Добро пожаловать!

— Что это у вас такое? — спросил Цареградский, показывая на таз с конской шкурой.

— Обед... Если бы вы не приехали, нам предстояло бы есть похлёбку из лошадиной шкуры. Ну, а теперь, братцы, — весело крикнул он, направляясь к бараку, — голодовке объявляется конец!

— Неужели голодали?!

— Всё начисто съели, — ответил Билибин. — Постреляли всех белок, куропаток и даже кедровок в округе. Покончили с кониной, а вчера впервые попробовали студень из конской шкуры. Дрянь, скажу я тебе, порядочная!

— Вовремя мы успели!

— Да уж куда лучше; прямо как у Джека Лондона — избавление в последний момент!

Несмотря на яркий снежный день, в бараке стоял полумрак. Полотняные окна покрылись слоем льда толщиной в два пальца, и день скупо сочился через них, освещая то край грубо обтёсанного стола с эмалированными кружками и стопкой книг, то длинный ряд нар, покрытых слоем веток, сена

и оленьими шкурами, поверх которых рядами вытянулись спальные мешки.

— Разместимся ли? — озабоченно спросил Цареградский, пройдясь по помещению.

— Ничего. Первое время потеснимся. Потом Раковский закончит шурфовку Безымянного и переберётся со своими рабочими в долину Среднекана. Да и Бертина пошлём с группой рабочих в Правый Среднекан. Вот и хватит вам места. Теперь, раз у нас появились одежда и продукты, мы развернёмся вовсю!

— Неужели продолжали работать на голодном пайке?

— А как же? Конечно, работали! Помалу, но работали. Иначе нельзя: цинга одолеет. Ребята сперва хотели бастовать, а потом сами убедились, что лежать хуже. Только последние две недели отменил шурфовку.

В это время в барак стали заносить ящики с продовольствием. Изголодавшиеся билибинцы восхищённо ахали при виде ящиков со сливочным маслом, макаронами, мясными консервами, сахаром, чаем, конфетами и сгущённым молоком. Они бегом таскали мешки с мукой и крупами. Один ящик, со спиртом в бутылках, внесли с особой осторожностью. Билибин тут же распорядился отнести его к изголовью своего грубо сколоченного топчана, который стоял в дальнем углу барака.

Наконец все нарты и вьюки были разобраны, а груз внесён в помещение. Дежурные, которые недавно возились у барака с лошадиной шкурой, с удовольствием отшвырнули её в сторону и, распечатав ящик с макаронами и мясной тушёнкой, принялись за приготовление настоящего обеда.

Через час длинный стол был ещё надставлен ящиками, посередине водрузили ведро с дымящейся густой похлёбкой, а на обоих концах стола стояло по бутылке со спиртом и по чайнику — с холодной водой.

— Итак, за радостную встречу! — поднял свою кружку с разведённым спиртом Билибин. — За встречу и большие успехи в будущем!

— За встречу, верную дружбу и Золотую Колыму! — воскликнул Цареградский. — Только найдя здесь золото, мы оправдаем возлагаемые на нас надежды!

— Я уже нашёл золото! — отозвался со своего места Раковский.

Он ещё не выпил своей порции, но его подвижное худое лицо с длинным носом и впалыми щеками уже покраснелось от вкусного запаха варева и крепкого спиртного духа.

— Это ещё не настоящее золото, Сергей, — прервал его Билибин. — Мы должны найти здесь более богатые россыпи!

Его красивое лицо с чётким профилем и высоким гладким лбом тоже порозовело, а светло-серые глаза, которые всегда казались холодными, сейчас сияли мягким блеском.

— Держу пари, что мы найдём такое золото! — продолжал он и, залпом опрокинув свой спирт, спешно запил его холодной водой. Затем он шумно выдохнул воздух и со стуком поставил кружку на стол.

Все рассмеялись. Привычка Билибина заключать пари и его любовь их выигрывать были общеизвестны...

...Послеобеденный вечер на среднеканской базе прошёл для участников экспедиции по-разному: одни возились с разборкой и размещением ящиков, другие прилаживались к своему новому жилью, третьи завалились переваривать необычно сытный обед, а четвёртые весело играли в дурачка.

Билибин и Цареградский уселись в дальнем углу барака и, прикрепив оплывающую свечу к пустому ящику из-под папирос, занялись экспедиционными делами. Цареградский подробно рассказал о том, что происходило в эти месяцы в Оле, о своём неудачном выходе сюда в сентябре, о возвращении и втором путешествии по зимнему снегу, о неудачных поисковых работах на золото в верховьях Олы, которые проводил Бертин, о найденной фауне и о Тальском источнике — словом, обо всём, что произошло с ним самим и его отрядом с того памятного дня, когда они расстались в Оле...

...Далеко за полночь продолжалась их беседа. Перед ними на ящике лежали карты их маршрутов, а также составленная Казанли общая географическая карта этой части Колымского бассейна. По Малтану, Бахапче, Колыме, Мякиту и Буюнде вдоль путей обоих отрядов тянулись узенькие, раскрашенные цветными карандашами полоски. Эти синие, зелёные и сиреневые полоски изображали распространённые вдоль их маршрута сланцы и песчаники юрского, мелового и триасового возраста, а ярко-красные пятна — выходы гранитных массивов. Так выглядели намётки геологической

карты края, на составление которой потом потребовались десятки лет...

...По низкому потолку из накатника бежали длинные, ломающиеся тени. Над жарко нагретой большой железной печкой гроздьями висели портянки, а на специальных козлах сушились валенки. То там, то здесь раздавалось залиvistое всхрапывание.

— Кстати, Юра, а что случилось с собакой? — спросил Цареградский, отворяя обитую мешковиной дверь.

— Она была на разбившемся плоту и, напугавшись, сбежала от нас обратно.

— Ну и наделала же она у нас беспокойства!»

На ручье Безымянный

После того как основной состав экспедиции оказался в сборе, на базе начал устанавливаться размеренный быт. Коллектив, состоящий почти из трёх десятков человек, объединило главное — работа. И основное в ней — проводимая Раковским разведка. Именно он по праву считается первым разведчиком золота на Колыме.

Он уже до приезда Цареградского опробовал всю долину ключа Безымянного.

Пересекающие ключ шурфы копались вручную. Только летом грунт оттаивает на полуметровую глубину, дальше мерзлота тянется на сотни метров вглубь. Приходилось разводить костры, от костра мёрзлые наносы оттаивали. Их долбили кайлом, ломом и выбирали лопатами. Одного прожога грунта костром иногда хватало до полутора метра, обычно на тридцать сантиметров. И это при температуре воздуха в пятьдесят градусов мороза и ниже. Порой морозы были за шестьдесят градусов Цельсия. Золотосодержащие пески промывались в плоской деревянной бадье, которая стояла на козлах в палатке, отапливаемой печкой. Для промывки использовались вырезанные из цельных брусков деревянные лотки. Начатые шурфы были ещё не глубоки. Воротов над ними пока не поставили.

Когда В. Цареградский прибыл на место разведки, добывалось на Безымянном не больше грамма золота на тонну. Работавшие рядом старатели брали золота несколько больше, но и

это были неутешительные результаты. Работы велись и у них наугад, хотя проводниками у них были двое бывших товарищей Бориски, а во главе группы стоял опытный уполномоченный «Союззолота» Оглоблин. Ниже устья он построил барак, наладил закупку золота и вёл обычное, бессистемное старательство.

Продолжение россыпи не обнаруживалось ни в одну сторону, хотя участок был ископан вдоль и поперёк.

Для успешной добычи надо знать источники золотоносности. Решение этой трудной задачи требовало, как показало время, несколько десятилетий. Но это было понятно и тогда, в 1928-1929 годах.

В январе разведку ключа Безымянного решили закончить. С октября 1928 года по январь 1929 года общими усилиями старателей и членов экспедиции добыли было 11,8 кг химически чистого золота. Расположенная в 50-70 км от прииска левая вершина Среднекана промышленного золота также не дала.

* * *

Ещё во время осеннего сплава Ю. Билибин заметил на берегах речки Утиной признаки золотоносности. Утиная впадает в Кольму в 106 километрах выше Среднекана. Сюда и направился С.Д. Раковский. После ледохода на Кольме ему предстояло сплавиться по ней от устья Таскана до Среднекана и исследовать все правые притоки. В.А. Цареградский зимним путём добрался до Буюнды и весной должен был, сплавившись по ней, заняться геологической съёмкой.

Сам Ю.А. Билибин с геодезистом Д.Н. Казанли ушли в верховья Малтана. Им надлежало повторить прошлогодний сплав, чтобы обеспечить экспедицию продовольствием.

К началу июля все группы намеревались вернуться на Среднекан к Раковскому и с прибытием лошадей начать планомерные поиски по всей долине.

Второй сплав Билибина

*А путь и далёк, и долог,
И нельзя повернуть назад.
Держись, геолог, крепись, геолог,
Ты ветра и солнца брат.*

Когда-то в 70-х годах популярная песенка тут не врала... И романтика, и невероятный напруг были рядом.

...Сплав сильно затруднился. Сооружённые для этого семь карбасов рассчитаны были каждый на 5 тонн. Им требовалась высокая вода, но паводок уже прошёл. Карбасы постоянно садились на мель. По Малтану их пришлось тащить более двух недель.

Ю.А. Билибин, вызвавшийся добровольно исправлять промахи Ф.Д. Оглоблина и Лежавы-Мюрата в обеспечении прииска продовольствием, для чего потребовалось повторить маршрут, потом писал:

«Ещё осенью я настаивал перед Ф.Д. Оглобиным на необходимости организовать весной сплав по Бахапче нескольких карбазов¹ с продовольственным грузом для прииска. Однако он и прибывший несколько позднее уполномоченный «Союззолото» Лежава-Мюрат от этого предложения отказались, надеясь полностью обеспечить прииск продовольствием гужевым транспортом. К весне выяснилось, что эти надежды их жестоко обманули. Завезённого продовольствия могло хватить лишь до конца лета, после чего надо было вывозить народ в Олу. Началась самая срочная подготовка к сплаву. Я согласился выделить на сплав в качестве главного лоцмана рабочего экспедиции С.С. Дуракова и передовой карбаз взялся провести сам с командой из рабочих экспедиции. Всего было построено 7 карбазов грузоподъёмностью по 300-350 пудов. Постройка их очень запоздала, и сплав начался, когда весенняя вода уже ушла.

Сплав протекал с громадными трудностями. Малтан страшно обмелел, и на каждом перекате карбаза садились на мель. Приходилось их или разгружать, или, собрав воедино всю команду, стяжками пропихивать через мели. Этот «стаск» или «спих» карбазов по Малтану продолжался две недели. Под конец команда настолько измучилась, что поднялся ропот и начались разговоры о прекращении сплава до начала дождей. Всё-таки через две недели с трудом удалось дотянуться до Бахапчи. Здесь сплав пошёл быстрее, но оказалось, что большинство команды первый раз на воде. Среди них было больше половины аборигенов, много стариков и калек. Поэтому через

¹ Здесь сохранён текст (карбазы) оригинала.

самые опасные пороги все карбаза проводили Дураков и я, и иногда ещё 1-2 лоцмана. Большинство команды обходило пороги берегом. Наконец карбазы выплыли на Колыму. В общем, сплав был проведён успешно, хотя часть груза оказалась подмоченной, но основная масса дошла благополучно, продовольственное положение приисков было спасено. Это был единственный год (вплоть до 1934 г.), когда запасов продовольствия без натяжки хватило до зимних транспортов».

* * *

Вот он, русский характер! Русский человек, которого не увидел Франц Кафка из своей дальней заграницы на обширной равнине...

«Сам погибай, а товарища выручай!..»

Надёжный человек

Юрий Билибин не зря взял с собой во второй сплав именно Степана Степановича Дуракова. В экспедиции он играл выдающуюся роль.

При первом сплаве участники остались живы благодаря Дуракову, его умению плотогона. Он более чем кто-либо из отряда Ю. Билибина мог бороться с дикой силой Бахапчи. В его честь будет назван один из её порогов: «Порог Степановский».

Тридцатипятилетний крепкий пермяк, кареглазый, смуглолицый, с длинными чёрными усами, был опытен во многом. Бывший рядовой лейб-гвардии гренадёрского полка, артиллерист-красноармеец успел пять лет до Первой Колымской экспедиции поработать старателем, поисковиком-разведчиком на Алдане. Возглавлял на прииске артель копачей.

Искусный промывальщик, плотник, плотогон. С таким набором специальностей при спокойном характере — он был бесценным членом команды. Мало говорил и много делал. Всегда доброжелательный. Со спокойной улыбкой. Бескорыстный помощник окружающим.

Замечательную характеристику С.С. Дуракову оставил С.Д. Раковский: «Именно Степан Степанович преподавал мне все необходимые азы, а потом и не только азы, походной поисковой науки: как пройти шурф, как разложить пожог, как управ-

латься с кайлой, с лотком... Никакой другой «техники» мы не располагали.

...Он был хороший охотник, прекрасный ходок. Образование — только писать умел. Зато делать мог всё решительно: золото разведать, зимовье срубить, печку сложить, сапоги выкרוить и сшить. Он научил меня многому, что необходимо делать в тайге. Надёжный был человек. Курит, бывало, вечную свою трубочку, невозмутим, ни в какой обстановке не теряется».

Строительство кунгасов на Малтане Степан Степанович продолжил и после Первой Колымской экспедиции, занимался проводкой судов по Бахапче, когда на Колыме широко развернулись поисковые работы по прокладке шоссейной дороги. Работал в геологических партиях, в том числе и на Индигирке.

Не стало Степана Степановича в 1942 году. Он умер там, где работал, в Якутии.

Начало Золотой Колымы

...Работы на Среднекане продолжались. Разведка здесь оказалась трудной. Несколько выше по долине старатели часто теряли направление золотоносной руды. Результаты были не из лучших.

Наносы были значительные, сама долина реки — широкой. Стало ясно: масштабная и планомерная разработка здесь не по силам. Но экспедиции повезло: она «зацепилась» за несколько россыпей. Тут позже были организованы прииски.

Ю. Билибин вспоминал:

«Так как было уже начало июля, я оставил сплавный караван на устье Бахапчи и, сев в лодку, через сутки был на устье Среднекана. По дороге заглянул на устье Утиной, где Раковский должен был оставить мне письмо о результате своих работ. Это письмо я нашёл в расщелине одного из деревьев. Оно гласило: «There is a very good gold in this river»¹. Дальше приводились цифровые данные. Подобная предосторожность была принята Раковским потому, что по району отправилось несколько человек вольных разведчиков. Уже на Среднекане я узнал от Раковского, что он со своим отрядом с котомками за плечами прошёл с опробованием всю Утиную (около 25 км), везде были хоро-

¹ В этой речке очень хорошее золото.

шие пробы, но на богатую промышленную россыпь они так и не наткнулись. Поздно вечером 12 июня отряд пришёл в левую вершину Утиной и остановился на ночёвку. Продовольствие кончалось. На другой день надо было без еды выходить на устье Утиной, к плавучей базе. Развели костёр, стали кипятить чай. В вечерней полутьме Раковский подошёл с лотком к подмытому борту и стал пробовать. Первый лоток дал 2 г. Раковский не поверил своим глазам, но следующие лотки тоже давали от 1 до 2 г. Когда отряд об этом узнал, все пришли в сильное волнение. Усталость и отсутствие продовольствия были забыты, никто не хотел ложиться спать. Но на утро надо было выходить на устье. Это открытие совпало с годовщиной нашего выезда из Владивостока. Ключ был назван Юбилейным».

«...В Утиную не верили, — пишет Ю. Билибин, — считая, что это отдельная богатая кочка, по которой никак нельзя судить о богатстве всего ключа».

...Раковский, вернувшись на Среднекан, чуть ниже устья Безьямняного взял в борту Среднекана хорошую пробу золота.

Оказалось, что здесь русло Среднекана пересекается дайкой¹ порфира с обильными кварцевыми прожилками с сульфидным оруденением. По просьбе Ю. Билибина В. Цареградский провёл опробование и обнаружил в ней богатое содержание золота. Эта Среднеканская дайка имела потом большое значение в освоении края. В ней оказалось золота до двухсот граммов на тонну руды.

...А впереди у экспедиции были замечательные события на реке Утиной, где С. Раковскому неожиданно крепко повезло.

Ему было поручено провести опробование всех правых потоков Кольмы от Таскана до Среднекана.

С. Раковский добрался успешно на оленях со спутниками до якутского поселения и приступил к сооружению лодки. Попутно он договорился об аренде пятнадцати лошадей для работы летом в долине Оротукана и для доставки грузов осенью на Охотское побережье.

Когда паводок спал, С. Раковский на сработанной к этому времени лодке направился из Таскана по намеченному маршруту.

---

¹ Дайка – пластообразная жила изверженной в давние геологические времена породы.

Из-за того что уровень воды был ещё высок, приходилось брать пробы не совсем так, как требовалось: вода закрывала косы в центре реки.

Удачные пробы были взяты сразу же в устье Утиной — притоке Колымы.

Природная бутара на Утиной

...Сергей Раковский поднимался по долине Утиной. Пробы были всё богаче и богаче. Вечером 21 июня, поднявшись дальше по долине реки, он набрёл на незначительный перекат. С рюкзаком за плечами медленно шёл по берегу, высматривая место для ночлега.

Его помощники были заняты рытьём закопушек. Он разжёт костёр и спустился к реке с чайником в руке.

Перед глазами был речной перекат. На мелководье легко просматривалось дно, освещённое заходящими лучами солнца. Плитки осадочных пород с речной галькой на дне омывались речным потоком поперёк, образуя сланцевую щётку, природную бутару для промывки золотин.

Раковский опустил руку в воду и черпанул сколько мог песка и гальки. Вода стекла меж пальцев, и он разжал ладонь. В пригоршне матово блестело золото.

Переложив удивительную пробу в левую руку, правой он выбрал из песка и гальки сначала одну золотину величиной с фасолину, затем другую — со спичечную головку...

...Вскоре С. Раковский и его четыре помощника с азартом заработали на перекате.

Крупные самородки были прямо на виду, под тонким слоем воды. Их выбирали руками и складывали в коробку.

Работали лихорадочно, неудержимо всю короткую ночь, опомнились только утром.

Когда коробка была полной, поступила команда Сергея Раковского:

— Хватит, ребята. Потом домоем! Пошли спать.

Золота оказалось на небольшой площадке так много, что пересчёт его на объём грунта терял реальный смысл.

Открытия и находки были и у Д.Н. Казанли. Он определил первые астрономические пункты в бассейне Кольмы.

Оказалось, что река Кольма в действительности расположена на 200 км ближе к побережью Охотского моря, в отличие от того, как её изображали на картах.

Новый план

...Обнаружив в устье реки Утиной затесь на дереве и шифрованную записку Раковского о богатом золоте, Ю. Билибин поторопился на базу.

Реки Малтан и Бахапча, как и Буюнда, оказались не золотосными. Пробы, взятые ниже по Кольме, начиная от устья Бахапчи, имели небольшое содержание (знаки) золота. Можно было полагать, что зона золотосности идёт выше устья Бахапчи. Было очевидно, что она не сплошная. Здесь участки с коренными месторождениями и россыпным золотом прерывались большими бесплодными массивами.

Обнаруженное С. Раковским золото на Утиной заставило Ю. Билибина отменить прежний план исследований, принятый весной. Теперь было два важных объекта исследования: Среднекан и Утиная. Надо было успеть опробовать оба района.

Дообследовать россыпь на Утиной и закартировать долину реки Ю. Билибин решил сам.

В. Цареградскому совместно с Билибиным и Раковским предстояло заснять всю долину Среднекана. А Казанли с двумя помощниками и каюром — заняться своими астрономическими исследованиями.

Разместив лишнее снаряжение и запас продовольствия, необходимые для возвращения осенью в Олу у Ф.Д. Оглоблина, геологи вышли по маршруту согласно новому плану.

Несколько человек на месяц остались со старателями артели Оглоблина.

Были условлено, что все члены экспедиции должны встретиться на базе до 20 августа. Затем отправиться в Олу. Откуда с последним пароходом, который придёт 16 сентября, плыть во Владивосток.

Характеры

Прослеживая принимаемые решения Ю. Билибина и В. Цареградского, многовариантность ходов и попыток продвижения к выполнению своих зачастую дерзких целей, невольно думаешь о счастливом даре Ю. Билибина глубоко оценивать ситуацию. Не на эмоциях, не на одном азарте и стремлении к успеху. Сильно было в его поисках решений интеллектуальное начало. Оно-то в соединении с мужеством, находчивостью и смелостью, когда надо многое уметь и решать самому, приводило к успеху.

В этом я утвердился ещё более, когда читал у В.А. Цареградского, как подбирались члены экспедиции.

Речь идёт о наборе уже во 2-ю экспедицию, но это в данном случае несущественно: подобное было и на Алдане перед броском на Колыму.

Задорный подросток

«...Новиков был коренным жителем Владивостока. Ещё будучи студентом, он дважды (в качестве коллектора и геолога) принимал участие в геологических экспедициях на Дальнем Востоке. Поисками золотых месторождений он практически ещё не занимался. Весной 1929 года Новиков окончил во Владивостоке геологическое отделение университета, но постоянной работы пока не имел. Однажды, проходя мимо гостиницы «Версаль», он увидел нас, когда мы, только что прибывшие с парохода, дружно перетаскивали набитые образцами и пробами вьючные ящики и брезентовые сумы с имуществом, и сразу догадался, что возвратилась какая-то экспедиция. Разузнав, что мы геологи, зашёл к нам вечером, представился и, показывая свой диплом, отзывы о работе в экспедициях, рассказал о себе. Затем попросил нас принять его геологом, если в будущем году экспедиция продолжит работу.

Уверенная и вместе с тем простая, свободная манера держаться и разговаривать, горячее стремление попасть в экспедицию и даже внешний вид Новикова как-то сразу расположили нас к нему. Мы пригласили его к столу и за чаем продолжили разговор.

Своим видом Сергей Владимирович напоминал задорного подростка. Он был низкого роста, коренастый, очень подвижный. Мягкая бесхитростная улыбка, придающая его лицу мальчишеский облик, вдруг сменялась серьёзным выражением, при этом как-то по-особому приподнимались брови. Сквозь натренированную сдержанность прорывалась юношеская порывистость. Даже тихий тенорок Сергея Владимировича казался по-мальчишески ломким. Но суждения его всегда были логичными, уверенными. В них чувствовалась не только начитанность, но и, несмотря на молодость, убеждённость взглядов. Высокий открытый лоб придавал ему вид умного, серьёзного человека.

Помню, в тот вечер, покончив с чаем, Новиков взглянул на стоявшую в сторонке шахматную доску с недоигранной партией и сказал, что чёрные проиграют. Билибин, любивший шахматы и страдавший от отсутствия достойных партнёров, тут же поинтересовался, не хочет ли Новиков сыграть партию. Тот охотно согласился, и партия довольно быстро закончилась победой Сергея Владимировича. Начали вторую. Мы заинтересованно следили за их поединком, так как Билибин редко проигрывал. Вторую и третью партии также выиграл Новиков.

Вскоре он распрощался с нами и ушёл. Мы обменялись адресами и обещали известить его сразу, как только выяснится судьба будущей экспедиции.

После его ухода Билибин произнёс удивившие меня тогда слова:

— Его стоит взять в экспедицию. Он, вероятно, станет хорошим геологом и разведчиком — очень хорошо и уверенно играет в шахматы.

Мне подумалось: «Разве можно судить о геологе только по игре в шахматы?»

А Билибин добавил:

— Есть ещё один геолог — якут Сивцев, которого можно взять начальником партии, если в следующей экспедиции у нас будет третья партия. На Алдане он проявил себя смышлённым разведчиком. Тоже очень хорошо играет в шахматы, часто меня обыгрывал.

Тут мы занялись чем-то спешным, и развить эту тему нам не удалось. Позднее, вспоминая эти слова Билибина, я увидел

в них здравый смысл. Действительно, человек, хорошо играющий в шахматы, должен обладать такими качествами, как внимание, сосредоточенность, находчивость, терпеливость и самодисциплина. Все эти качества вместе с целеустремлённостью, упорством и выносливостью необходимы геологам, ведущим исследования в отдалённых, неизведанных районах, где могут подстергать всякие неожиданности и многочисленные трудности, когда многое нужно уметь решать и делать самому». (В.А. Цареградский).

Известно, что критерий истины — практика, и она показывает, что без вышеперечисленных качеств настоящему геологу не обойтись. Умение строить разные комбинации, просчитывать варианты развития ситуации и видеть возможный исход событий для Ю. Билибина было важнейшим при оценке геолога... А однажды он сказал, что геолог должен уметь сочинять стихи. Это помогает писать отчёты.

Сам он, когда голодные геологи, чтобы не думать о еде, греясь у печки, сочиняли стихи, великодушно дарил им рифмы, а зачастую целые четверостишия с лёгкостью необыкновенной, озорно соединив в них то лирическое, а то вполне саркастическое начало, как свидетельствует П. Мельников.

Вот одно из таких стихотворений:

*В далёких сказочных краях,
В горах Якутии обширной,
Где гнус живому лютый враг,
Брусника где растёт обильно,
Где человек и не ступал,
Где хладом всё мертвит зима,
Среди угрюмых чёрных скал
Течёт спокойно Колыма,
Чертя изгибами узоры...
Ландшафт был дик, суров и прост:
Тайги безбрежные просторы
Раскинулись на сотни вёрст,
Раскинулись на колыметры,
Счастливицы их длину измеряют...
Поставив жизнь на карту риска,
Один, почти что нагишом,*

*Здесь царский дезертир Бориска
Случайно золото нашёл,
Но не успел уйти обратно
И умер там, где стал богат:
Тайга ему сказала внятно,
Что даром не отдаст свой клад.*

Трудно представить Первую Колымскую экспедицию без Юрия Александровича Билибина. Без его аналитики, без его смелых и неожиданных решений.

Как удачно соединились два таланта в этой экспедиции — дар аналитика учёного Ю. Билибина и надёжность, опытность В. Цареградского.

...За некоторой сдержанностью и внешней суровостью В. Цареградского таилась наблюдательная, крепко самоорганизованная натура. Он внимательно относился к людям и ценил в них добрые качества. Я не удержался и привожу воспоминания В. Цареградского о его ближайшем помощнике по Первой Колымской экспедиции:

«Раковский обладал довольно мягким, добрым и общительным характером. Правда общению с людьми ему мешала стеснительность. Скромный, немногословный, он больше слушал других, чем говорил сам. В разговорах редко раскрывался до конца. Обычно сдержанный и терпеливый, он проявлял настойчивость, когда касалось дела. Ему чужды были цинизм, грубость. Случайно вырвавшееся ругательство звучало у него непривычно и неумело. Всем становилось ясно, что оно вызвано лишь боязнью показаться слишком благовоспитанным.

Сергей Дмитриевич был исключительно честен. Его отношение к работе, к поручениям было всегда не просто добросовестным, но и заинтересованным. Задания Сергей Дмитриевич выполнял без промедления, всегда обстоятельно и аккуратно. По мере возможности он старался пополнить свои знания в геологии, в разведке золота, прислушивался к геологам, опытным старателям, всё примечал, запоминал, записывал и читал популярную и специальную литературу. Обладая хорошим слухом, он неплохо играл на мандолине и гитаре. Под настроение, набравшись храбрости, пускался в пляс, исполняя всё — от «барыни» до мазурки. Отношения со всеми у него были ров-

ные, товарищеские. Рабочие его уважали, многие привязывались к нему, как ученики к полюбившемуся учителю, многих соединяла с ним истинная многолетняя дружба.

Раковский любил мужественных, сильных и выносливых людей, не унывающих ни при каких невзгодах.

Он и сам был похож на героев своего любимого писателя Джека Лондона.

Внешность Раковского не была особенно примечательной. Среднего роста, слегка сутуловатый, с короткими, немного искривлёнными, «кавалерийскими», как он сам говорил, ногами. Правда обнажённое по пояс тело, натренированное, как у гимнаста-профессионала, было красиво, а равномерно развитые мышцы свидетельствовали о недюжинной силе. Лицо худощавое, узкое, удлинённый нос с большой горбинкой, красиво очерченные губы сразу же запоминались. Густая чёрная шевелюра Сергея Дмитриевича была всегда, даже в таёжных условиях, аккуратно подстрижена и причёсана. Лицо его оживляли довольно большие, немного выпуклые светло-карие с желтизной глаза. Их взгляд из-под густых чёрных бровей был очень живым и отражал настроение — то внимательно задумчивое, то глубоко серьёзное, то задорно-весёлое.

Сергей Раковский был лишь на три года старше меня. Он родился в 1899 году. Впервые с золотом встретился на Алдане, когда с группой старателей отправился туда в конце 1923 года из Иркутска, прямо со второго курса Института золота и платины, где успешно учился. Он намеревался заработать денег, чтобы продолжить образование. В первый же сезон им выпал «фарт»: артель намыла много золота, столько, что каждому хватило бы на два-три года безбедного существования. Но вернувшись «богачами» в Иркутск, старатели, как это часто бывает, ударились «в разгул». Быстро растратив все деньги, они, в том числе и Раковский, решили вернуться на Алдан. Чтобы перебраться туда, им пришлось продать все вещи, которые они успели купить по приезду. И всё же продовольствие они вынуждены были получить в тресте «Алданзолото» в кредит. Но — увы! На этот раз выделенный артели участок оказался очень бедным. Заработка едва хватило, чтобы расплатиться за продовольствие. Артель распалась. Раковскому пришлось по-

ступить на работу смотрителем разведки (так называлась тогда на приисках должность руководителя разведочного участка). Здесь он встретился с Билибиным...»

Вспомним, что в основном весь состав экспедиции составляли алданцы, приглашённые лично Ю. Билибиным. Они-то и определили результаты работы. И во многом успех Первой Колымской экспедиции зависел от С.Д. Раковского. И на сплаве, и в разведке золота его находчивость и неуёмная энергия были незаменимы.

«Сибирский говор, решительные движения, прямота и даже резкость в разговоре, в сочетании с нерусским, напоминающим индейца, волевым, с крупными чертами лицом делали чрезвычайно оригинальным, запоминающимся этого человека. Он был невысокого роста, на сильных ногах, доставивших ему славу лучшего ходока на Колыме. Уже в те годы ходили легенды о его таланте разведчика», — писал А. Зимкин.

Кроме сенсационного открытия на ключе Утином, «Длинный нос» весной 1929 года нашёл золото на ключе Радужном, у Борискиной ямы.

А каким был сам Цареградский? Многогранным!..

Мы знаем, что на склоне лет он напишет книгу «По экрану памяти». Эта книга воспоминаний, в основном о Второй Колымской экспедиции 1930-1931 годов. Память у автора завидная! И если говорить про её экран, он не чёрно-белый. Эта память инженера и художника, тонко чувствующего цвет, запахи и краски жизни. Ох уж это нелепое деление на «физиков» и «лириков», которое бытовало ещё до недавнего времени.

«Физик» В. Цареградский всё время в полевых условиях не расставался с фотоаппаратом¹. И рисовал! Составлял карты полудикого края. Вматриваюсь в его рисунки якутской девочки, Сергея Дмитриевича Раковского, замечательного проводника Макара Захаровича Медова... Они трогательны, эти рисунки. Исполнены романтиком! Это от потребности поэзии в жизни, которая, замечаем мы это или нет, движет человеком. Именно она! Такое многообразие навыков и опыта в 26-30 лет! Оно восхищает!

¹ На многих фотографиях той поры В.А. Цареградский отсутствует. Это объясняется тем, что большей частью снимки сделаны им самим. Он автор своеобразной фотолетописи. (Прим. автора)

Неутомимый ходок, находчивый рыбак, искусный фотограф, опытный охотник, наездник, рисовальщик... Пристрастие В. Цареградского к охоте, к рыбалке — это тоже оттуда, из романтического детства в Никольском-на-Черемшане, от деда Михаила, от школьного сторожа Медвежонкова... Роднички детства... Их ничем не заглушить. Они питают взрослеющую, зреющую душу... Сохраняют её чистоту...

...Вспоминается тут же брат его жены Катерины, Юрий Серпухов, в ковбойской шляпе, с мандолиной за спиной, с неизменным охотничьим ружьём, скакавший по пустынной дикой равнине... И погибший в годы войны...

Мечты, мечты...

Порой спохвачусь: всего познать нельзя. Но как не узнать больше о людях, о которых сейчас пишу?

Мало о них написано книг, а те, которые вышли, издавались не в центральных издательствах и редко попадались на глаза школьным учителям, их ученикам... На своей даче по огромной географической карте на стене я вновь заворожённо вожу рукой. Нахожу реки Алдан, Индигирку, другие совсем мелкие речушки и поселения. И поражаюсь: кто давал такие имена рекам? Они были на слуху со школы! Но получилось так, что только на слуху... Какие пространства! Дух захватывает. Каждый раз, когда я подхожу к карте, к этому голубовато-зелёному полотнищу, вернее пространству, Якутия, Дальний Восток растворяют меня в себе, я становлюсь десятилетним мальчишкой с крутящейся от любопытства и восторга головой. Куда подевался мой застарелый академизм!.. «Как получилось, что я не стал геологом?» — в который раз простодушно спрашиваю себя.

* * *

Вот бы пройти водным маршрутом Первой Колымской экспедиции! Добраться до самого сердца Колымского края — Среднекана! И Конюхов напирает:

«На байдарках вполне возможно, — пишет Евгений Васильевич. — Если Вы решитесь, будет здорово! У меня уже три человека желающих набралось. Надо только время отпусков утрясти, а так... Даже моя жена сдалась, отпускает».

Проводник Макар Медов

Как замечательно, что я с детства знаю Дерсу Узала из книжки Арсеньева «В дебрях Уссурийского края»!.. Без этой книжки детство многих мальчишек было бы беднее. У меня нет возможности приводить характеристики всех членов экспедиции, перечислять подробности снаряжения и быта геологов, как бы мне этого ни хотелось. Иначе мои записки превратятся в толстенный том.

...Всё-таки хочется сказать несколько слов о Макаре Захаровиче Медове — проводнике Первой Колымской. Если основных членов экспедиции геологов тщательно подбирали ещё на Алдане Вольдемар Бертин и Юрий Билибин, то с проводником экспедиции повезло в посёлке Ола. Для Ю. Билибина и в целом для экспедиции сопкчанский житель сделал очень многое.

М. Медов к тому времени уже жил тридцать пять лет в местечке Сопкчан на правом берегу Олы. Много лет проработал конюхом и каюром. Опытный проводник и таёжник. Лицо скуластое, изъедено оспой. Карие глаза смотрят зорко и умно. Высокий якут, отец двух славных каюров Ивана и Михаила. Было ему во время экспедиции около 60 лет.

Те, кто сопровождали караваны от Олы до Колымы, не соглашались идти в проводники. Тем более — на «бешеную» Бахапчу.

— Покойник будешь, — предупреждали Билибина.

Макар Медов согласился! Не побоялся угроз за это его убить.

Один из тунгусов передал Макару Медову приговор Элекчанского родового Совета. Эти Советы только вывеску имели советскую, а на самом деле в них главенствовали старорежимные князьки.

Князцы, которые были обычно оленехозяевами, распускали небылицы о русских, об экспедициях, о «Союззолоте».

Они протащили на собрании родового Совета наказ убить Медова за то, что он ведёт русских на тунгусскую землю.

— Чужаки без Макара не прошли бы. Если пройдут первые, пойдут другие пришлые люди. Тайгу запалят, ягель сожгут. Олень помрёт, а помрёт олень — тунгус не выживет, — говорили они.

Макара уже один раз предупреждали, теперь последнее решение: пусть уберётся за Элекчанский перевал — иначе убьют...

Он не испугался угроз...

Умный и деятельный Макар Медов! Следопыт, для которого не было тайн в тайге. Это он нашёл столь необходимую первую партию лошадей, он помог составить карту маршрута. А сколько было его подсказок, советов, помощи в пути следования!..

Благодарные геологи его именем назвали островерхий пик в нагорье Охотского побережья — «Пик Макара Медова». Его имя присвоено и одному из горных перевалов...

На Встречном

20 августа отряд Цареградского пришёл в лагерь в устье Безымянного ручья, где находились люди Раковского и Бертина.

Эти последние дни на Колыме — как вознаграждение за предыдущие неудачи и невзгоды. Ручей они обследовали сообща. Он оказался золотоносным. Геологи окрестили его Встречным в память о своей встрече.

Эта россыпь будет позднее успешно разрабатываться прииском, которому присвоят название «Встречный».

Предстояло готовиться к возвращению в Олу.

Раковский вынужден был взяться за финансово-материальные расчёты. Работоспособность и обязательность его удивительны. И трудолюбие! Делая так много для разведки золота, он был ещё и отличным штатным хлебопёком, обеспечивая своих коллег свежее испечённым хлебом.

Теперь обязательному Раковскому по просьбе Билибина предстояло рассчитать большинство рабочих, так как они не захотели возвращаться в Олу, а пожелали влиться в старательскую артель на Среднекане. Открытое золото манило. Надо было выплатить им заработную плату с вычетом стоимости питания, затрат на одежду и так далее. Помрачневший Раковский терпеливо сидел над длинными колонками цифр, вызывая в барак то одного, то другого рабочего. Либо для подписания ведомости, либо для уточнений...

Бертину предстояло провести учёт всего добытого золота.

— Чёрт бы его побрал, это золото! — расправляя ноющую спину, ворчал он.

Нудное и кропотливое занятие. Предстояло все пробы золота, которые подлежали дальнейшей обработке, взвесить на

точных весах, записать в соответствующую ведомость. Упаковав в обитый железом ящик, запереть его и опечатать. Другую часть проб, в которых было количество золота, превышающее лабораторное, надо было сдать по акту в приёмную контору Оглоблина.

Скучная работа. Никакого азарта. Красивое лицо жизнерадостного, страстного охотника и рыболова Эрнеста Бертина было унылым.

Его величество случай

Пока шли хлопоты по подготовке к возвращению, Цареградский решил дозаснять небольшой участок в нижнем течении Среднекана. Он надеялся с помощниками успеть завершить работу. На это потребовалось два дня. Обследуемый правый приток Среднекана оказался малоэффективным. Решили вернуться.

Лето подходило к концу.

...Отряд Цареградского, состоявший из промывальщика и каюра, 14 августа налегке отправился в долину Оротукана.

Заманчиво было исследовать хотя бы верховья Оротукана, где не ступала ещё нога геолога. Цареградский полагал, что там можно зацепиться за новую ниточку.

Бертин со своими рабочими и лошадьми остался на Среднекане. Надо было до конца экспедиции успеть опробовать несколько ключей у слияния левого и правого его истоков.

Цареградский, как обычно, с ружьём и фотоаппаратом шагал впереди. Каюр следовал за ним, ведя в поводу двух навьюченных лошадей. Промывальщик Игнатьев шёл последним. На плече у него — деревянный лоток, в руках — небольшая кирка и скребок.

...Первая же проба в долине Оротукана дала небогатое золото: на дне лотка осталось после промывки несколько золотинок размером до рисового зёрнышка.

До вечера взяли три пробы, все они оказались с золотом. Догадки подтверждались: очевидно, Оротукан входит в пояс золотоносности, как и соседние с ним долины Среднекана и Утиной.

Золотоносный пояс! Так много здесь предстоит ещё изучить. А пока он вёз всего лишь небольшие пакетики с золотишками в

своей походной сумке. Но они были как маленькие, крохотные семена-зародыши огромной будущности Колымы.

...Предстояло переночевать и с утра возвращаться на базу. Эта ночь завершала полевые работы экспедиции. Перед тем как двинуться на ночёвку, Цареградский сделал набросок, схеме видимой части Оротукана. Он наносил в своей планшетке контуры раскинувшейся перед ним долины, вовсе не думая, что пройдёт около года и здесь появится Вторая Колымская экспедиция, которую возглавит он. А потом по результатам экспедиций в этой голой долине задымят заводские трубы, протянутся шоссезные дороги, заработает прииск.

Думал ли он в тот момент, что находки двух колымских экспедиций станут столь решающими и судьбоносными для Колымского края?

* * *

Проснувшись ранним солнечным утром, Цареградский взял полотенце и вышел из палатки, стоявшей на галечной террасе с редкими кустами стланника и ивняка, направляясь к реке. Пробравшись через линию кустов, оказался на подмытом зеленоватым речным потоком крутом берегу Среднекана. Направившись вдоль берега, увидел удобную для спуска к воде у старой, с обнажёнными корнями лиственницы промоину. Он спустился к воде и разделся по пояс. Отдуваясь и охая от удовольствия, черпал пригоршнями обжигающе холодную воду. Потом с таким же удовольствием обтирался жёстким полотенцем.

...Одеваясь, повернулся к лиственнице и увидел меж валунов под свесившимися, обнажёнными водой корнями высокую, ещё дореволюционную фунтовую банку из-под какао. На фирменном ярлыке значилось: «Какао Эйнем».

Жестяная банка была плотно закрыта крышкой, из-под которой торчали лохмотья дерюжки. Он взял банку в руки. Она оказалась неожиданно тяжёлой. Мелькнула догадка: «Золото».

Присев на валун, вывернул крышку. Едва вытащив с усилием полотняный мешок, попытался развязать узел. Безуспешно. Он отрезал его.

Смешанное чувство владело геологом: и любопытство, и нетерпение, и неловкость из-за того, что ворвался в чужую тайну. Он уже наверняка знал, что нашёл.

В истлевшем мешочке весом не менее трёх килограммов, уплотнившись, лежало золото. И в таком количестве, какое пока экспедиция не находила. Металла было намного больше, чем Раковский привёз с Утиной. В плотной массе золотого песка лежал самородок, похожий на уродливую картофелину. Весил он около полутораста граммов. Найденный клад, как он прикинул, по весу с лихвой превосходил всю летнюю добычу экспедиции, включая находки на Утиной.

Его величество случай перекрыл все достижения экспедиции за сезон.

Золото явно не среднеканское, но кто и где его намыл?

Находку показали Оглоблину. По его мнению, золото добыто из разных россыпей, разной окатанности и различной пробыности. Его долго собирали.

Вернувшийся на Среднекан с Утиной, где он усиленно занимался разведкой и оконтуриванием россыпи, Ю. Билибин был доволен. Месторождение оказалось многообещающим. Было решено, что выяснением того, кто владелец золота, пусть занимается угрозыск. Составили по всей форме акт. Находкой Э. Бертин занимался почти весь рабочий день. Наконец сортировка, взвешивание найденного В. Цареградским золота, составление необходимых актов и протоколов было завершено. Всё передали управляющему Верхнеколымской конторой «Союззолота» В.Д. Оглоблину. Через него несколько килограммов золота, история добычи которого и его хозяин остались в неизвестности, стали принадлежностью государства.

Так утренняя прогулка В. Цареградского оказалась особо прибыльным достижением экспедиции.

Оно перекрыло все затраты на неё. Немало!

* * *

Юрий Александрович Билибин более всего обрадовался не этой находке. Он был потрясён, ознакомившись с пробами В. Цареградского из Среднеканской дайки.

Когда пересчитал содержание золота на тонну породы, как он потом не раз признавался, пришёл в священный ужас: двести граммов на тонну!

Такого ещё не было в золотой промышленности! Было ясно, что надо в Ленинграде тщательно подвергнуть пробы лабора-

торному анализу. А на месте провести более детальную разведку, пробить штольни...

Но экспедиция заканчивалась, это можно было сделать только в следующий раз... Последний пароход из Олы уходит через две недели. Если опоздаешь — придётся зимовать. Он решил каждому геологу вручить полевой отчёт, чтобы кто доберётся до материка, тот мог начать ратовать за Колыму.

Общими результатами экспедиции Ю. Билибин был доволен. Тут, на Среднекане, в заставленном образцами бараке, склонившись над первой, пока ещё начерно составленной Казанли картой, при свете стеариновой свечи своим уверенным крупным почерком писал он первый колымский полевой отчёт. Экспедиция нашла золото! Не нашла, правда, Гореловские жилы...

Нашли Борискину могилу, нашли амбар со снаряжением Розенфельда...

В отчёте Ю.А. Билибин подчёркивал: «Открыт новый золотоносный район по речке Утиной, впадающей в Колыму в 106 км выше Среднекана. Здесь промпробы получены по многим ключам, из которых наибольшего внимания заслуживает ключ Юбилейный, по которому уже поставлены старательские работы, давшие прекрасные результаты... Вероятный запас золота 1 000 кг».

...Было похоже, что его смелое предположение о существовании золотой пряжки на золотоносном Тихоокеанском поясе планеты Земля и её нахождении в районе Колымы начало подтверждаться!

Возвращение

Проведя больше года на северной земле в напряжённой геологической работе, 31 августа экспедиция отправилась в обратный путь. По пути в Олу Цареградский прошёл по рекам Гербе и Мятику, намереваясь обследовать старую брошенную тропу, о которой говорил ему проводник Медов. Она могла дать возможность в будущем добираться до приисков более коротким путём.

На одном из участков пути проводник-якут категорически отказался продолжать путь. Лёг на землю и заплакал. Утверж-

дал, что дальше идти нельзя, там нет корма и нельзя рисковать лошадьми.

Только настойчивость Цареградского и обещание уплатить полную стоимость лошадей, которые погибнут, заставили якута решиться на продолжение опасного пути. На удивление, на всём протяжении последующего пути оказались хорошие конские корма, а дорога намного короче. Это было неожиданным и для проводника.

Всё снабжение района приисков впоследствии обеспечивалось по этому пути. А потом он был использован для строительства шоссейной дороги.

Таким образом геологи оказались и разведчиками новых дорожных маршрутов на Колыме.

Ещё летом 1929 года в Нагаевской бухте возвели культбазу Комитета Севера (будущий Магадан), появилось агентство Совторгфлота. Все пароходы обязаны были заходить в эту бухту. В Олу заходили немногие. Основной поток пассажиров шёл через Нагаевскую бухту.

Экспедиция к последнему пароходу из Олы опоздала. Пришлось перебраться в Нагаево и долго ждать. За это время Дмитрий Казанли успел жениться на жительнице Олы Евдокии Якушковой.

Дело было так. Играли на Ольской погулянке местные в горелки. И Дмитрий вместе с ними. Догнав Дусю, схватил её за руку. Ему наставительно пояснили, что, если дотронулся до девицы, бери в жёны. Он назвал Дусю женой, и они пошли в сельсовет.

Теперь капитан парохода «Нэнси Мюллер» папаша Мюллер благосклонно предоставил молодым свою каюту. Такое вот свадебное путешествие!..

...Итак, на зафрахтованном Совторгфлотом грузовом пароходе «Нэнси Мюллер» члены экспедиции (кроме оставшегося в Нагаево Н. Коннова) отправились во Владивосток.

От Олы до Владивостока

На последнем этапе своего пути геологи столкнулись с непривычной для них морской стихией. Необузданной и непредсказуемой, способной в любой миг унести на морское дно и са-

мих членов экипажа дряхлого судёнышка, и пассажиров с их драгоценным тайным грузом.

Неотвратимо нарастал осенний шторм, крепчавший с каждым часом. Дело осложнялось тем, что судно было недогружено. Его подбрасывало так, что кормовой винт часто оказывался над водой. Работая вхолостую, он надсадно ревел. Судно сотрясалось, словно в лихорадке. Ударяясь о волны, винт мог в любой момент сломаться. К концу третьего дня ветер достиг десяти-двенадцатибалльной силы.

На десятый день такой болтанки у винта разрушилась лопасть, вскоре вышла из строя вторая. Следом отказало рулевое управление. Судно несло неведомо куда...

На вторую неделю капитан Мюллер сказал Цареградскому, что обязан дать сигнал бедствия. Но поскольку он понимает, что геологи везут что-то секретное, должен об этом их предупредить. Он не знает, где они находятся. Возможно, их несёт на Курилы или Японские острова.

Цареградский и Билибин, посоветовавшись, решили, что с таким грузом, какой они везут, попадать в чужие руки никак нельзя. Да и кто сможет в такой шторм подойти близко и бросить буксирный канат? Невольно вспомнилось решение Ю. Билибина снабдить геологов — членов экспедиции, каждого, текстом отчёта об итогах экспедиции.

Выслушав Цареградского, капитан согласился с его доводами, но заявил:

— Хорошо. Мы остановим машины и ляжем в дрейф до того, как стихнет. Я не могу рисковать «Нэнси».

На том и договорились.

Машины остановили, и пароходишко лёг в дрейф в штормовом море.

Только через двое суток ветер затих, и к вечеру на несколько минут проглянуло меж туч солнце. За это время штурман определил, где находится судно.

«Нэнси Мюллер» дрейфовал между южной оконченостью Сахалина и островом Итуруп.

После двухнедельного противостояния стихии судно было снесено к югу почти на две тысяч километров от курса.

...К окончанию вторых суток они добрались до небольшого порта на Южном Сахалине.

Далее пошли мытарства, связанные с загрузкой углём и заменой винта. Уголь команда дозагрузила с советского парохода «Кулу». Новый винт «Нэнси Мюллер» быстрые японцы поставили в Хакодате.

На двадцатый день после отплытия из бухты Нагаева члены экспедиции прибыли во Владивосток.

А в конце 1929 года они вернулись в Ленинград.

Бригантина

На Колыме в 1929 году пути напористого, деятельного Ю.А. Билибина и С.В. Обручева, заразившего когда-то его и В.А. Цареградского докладом о результатах путешествия в бассейн Индигирки и подвигнувшего их к поездке на Алдан, пересекутся. При обсуждении выяснилось, что их выводы о золотоносности огромной территории от верховья Колымы на Северо-Запад к среднему течению реки Индигирки совпадают. Это придало Ю.А. Билибину убеждённость в необходимости расширения поисков и в решительности при составлении своей докладной записки на самый высокий правительственный уровень.

* * *

...Теперь оказавшимся уже на громадном расстоянии от Колымы участникам экспедиции стало ещё более ясно: Колыма — это новая грандиозная металлогеническая, золотоносная провинция России. Промышленные перспективы её огромны!

Ещё во Владивостоке неудержимый Ю. Билибин сделал сообщение в местном отделении «Союззолота». В Иркутске и в Москве он информировал о результатах экспедиции и перспективах Колымы начальника «Востокзолота» Г.И. Пёрышкина и начальника «Союззолота» А.П. Серебровского.

Все заинтересованно слушали, но в выводы и оценки вносили значительные поправки с учётом «колымского патриотизма» Ю. Билибина.

Он не сдавался. Изучив все имевшиеся к тому времени данные, применив введённый им геолого-статистический метод оценки золотоносности, Ю. Билибин пришёл к поразительному результату. Полученную первую величину золотоносности он

уменьшил в два раза, затем — ещё в два раза. Но и после этого оставались огромные цифры. Получалось, что рядом с крупными россыпями должен находиться и соизмеримый с ними коренной источник. Им могла быть открытая Первой экспедицией Среднеканская золотоносная дайка. Ю.А. Билибин составил «План развития геолого-разведочных работ на Колыме», обосновав необходимость строительства 500-километровой дороги, соединяющей бухту Нагаева с районом Среднеканской дайки как с объектом будущего рудника. При выполнении предложенного плана уже в 1938 году добыча россыпного золота на Колыме должна была в несколько раз превзойти золотодобычу по Союзу в целом за весь 1930 год. Считая малоэффективным экспедиционное ведение геолого-поисковых работ, он настаивал теперь на создании постоянно действующего разведочного бюро.

Итог работы Первой Колымской экспедиции — смелый и уверенный прогноз новой золотоносной провинции на северо-востоке Азии. Билибин стал одним из создателей прогноза, основанного на довольно ограниченной информации об условиях образования и размещения золотого оруденения, собранной Первой Колымской экспедицией. Он выдвинул гипотезу о наличии в бассейне верхнего течения Колымы золотоносной зоны длиной в сотни километров. Прогноз Билибина оправдался. Колыма в скором будущем станет основным валютным источником страны.

Впоследствии неслучайно, став крупным учёным, он возглавит новое научное направление в отечественной геологии — «Металлогения», разработает основы методологии прогнозирования месторождений полезных ископаемых в недрах земной коры. День высадки на берегу Охотского моря у пос. Ола Первой Колымской экспедиции во главе с Ю. Билибиным позже будет считаться началом создания Государственной геологической службы на Северо-Востоке страны.

Из докладной записки бюро Далькрайкома ВКП(б) в ЦК ВКП(б) и Совет Труда и Обороне от 23 декабря 1930 года:

«Результаты проведённых в 1928-1929 гг. работ экспедицией тов. Билибина позволяют судить о районе Верхней Колымы как о месте, где уже организованы первые прииски и развернута добыча металла, поступление которого идёт во всё

нарастающих количествах, что свидетельствует о возможности не только полностью обеспечить закупки для проектируемой БАМ, но и другие нужды страны. Поэтому считаем целесообразным создать организацию специального назначения, которая наряду с добычей металла целиком взяла бы на себя обязанности по всестороннему освоению всего Охотско-Колымского района...»

13 ноября 1931 года был создан Государственный трест по промышленному и дорожному строительству «Дальстрой».

Итоги экспедиции Ю. Билибина дали предпосылки к созданию грандиозного по своей мощи государственного треста, преобразовавшего огромный край.

И свершила это, казалось бы, невероятное, горстка дерзких, неравнодушных молодых людей. Какая завидная удача в жизни!

...Не забылось, как в студенческом общежитии, томясь в смутном ожидании своего дела, своей причастности к важному и необычному, мы пели:

*Надоело говорить и спорить,
И любить усталые глаза.
В флибустьерском дальнем синем море
Бригантина поднимает паруса!*

*Пьём за яростных, за непохожих,
За презревших грошевый уют!..
Вьётся по ветру «Весёлый Роджер»,
Люди Флинта песенку поют...*

Не поют нынче такие песни... Давно не слышал. И наше поколение не сразу её запело. Написаны слова её Павлом Коганом, мелодия — его другом Георгием Лепским аж в 1937 году. Но зазвучала она в полный голос в мои студенческие годы, в 60-е...

Мы тогда уже знали, что автор песни не только романтик. Война застала его в геологической экспедиции. Вернувшись из неё, он, белобилетник по зрению, с хроническим бронхитом, добился, чтобы его отправили на фронт. И пал смертью храбрых в 24 года.

Не правда ли, похоже на то, как было с романтиком Юрием Серпуховым из воспоминаний его сестры Нины Михайловны?

Оба погибли на войне. Они — Юрий Серпухов, Юрий Билибин, Валентин Цареградский и многие-многие другие — были одной породы. Только Павел Коган чуть моложе... Тоже геолог!

...Возглавляемая Коганом разведгруппа под Новороссийском попала под перестрелку. Он поднялся в полный рост и пошёл на вражеские пули...

*Я патриот. Я воздух русский,
Я землю русскую люблю...
И где ещё найдёшь такие
Берёзы, как в моём краю...
Я б сдох, как пёс, от ностальгии
В любом кокосовом раю.*

Это тоже написал Павел Коган. Писал как жил. И жил как писал...

ГЛАВА 5

ТАЁЖНЫЕ МАРШРУТЫ

Вновь Оротукан и Среднекан

После того как Первой Колымской экспедицией в 1928-1929 годах на протяжении более ста километров в бассейне реки Утиной было открыто золото, Ю. Билибин предположил: обнаруженная золотоносность не локальная, связанная с отдельными участками, а представляет собой закономерные зоны. Для проверки этого первоначально наметили организовать пять геолого-поисковых партий. К моменту окончательного подбора специалистов по числу принятых профессионалов — начальников партий определился план геологических и разведочных работ экспедиции. Всего девять партий. Из них семь — геолого-поисковые, одна — рудно-разведочная и одна — астрономо-геодезическая. Масштабные замыслы!

10 января 1930 года недавно созданное Главное Колымское приисковое управление треста «Союззолотоплатина» снарядило экспедицию из одиннадцати человек во главе с Н.Ф. Ульбиным. Она отбыла из Иркутска на Невер. Затем должна была

через Алдан, Якутск, Утиную выйти на Среднекан. В начале мая она достигла Среднекана.

А ещё в 1926-1927 годах, затем в 1929-1930 годах Якутская комиссия Академии наук СССР направляла в эти районы экспедиции под руководством С.В. Обручева. Его первая экспедиция работала в районе Индигирки, затем С.В. Обручев прошёл от Якутска до Нижнеколымска.

В междуречье Индигирки и Момы С.В. Обручев обнаружил неизвестный до того горный хребет, названный им хребтом Черского. Он тянется от Яно-Индигирской низменности до Таскана, Дебина и Бахапчи. Горный массив, как описал его Обручев: «В 1 000 км длиной, 300 км шириной и до 3 000 м вышиною, по площади больше Кавказа и выше всех гор Северной Сибири».

Обручев, насколько смог, изучил прилегающую к маршруту экспедиции территорию и предположил высокую её золотоносность.

В сентябре 1929 года он направил руководству телеграмму: «Время работ текущего года мною пройден маршрут верховий Индигирки к верховьям Колымы кончая устьем Таскана... тчк Обнаружена золотоносность обильные признаки золота обнаружены в пределах хребта связи шестью его южными цепями в ряде пунктов Колымы её притоков особенно Берелёхе Дебине Таскане полный список послан почтой через Олу тчк... Можно утверждать золотоносность всего Средне-Черского нагорья между Индигиркой Колымским хребтом длиной 700 шириной 200 километров тчк Промышленное значение может быть установлено только детальными разведками тчк Наиболее благонадёжным является район юго-восточного конца реки Колымы её притоками между Берелёхом Сеймчаном...»

Результаты экспедиций С.В. Обручева совпадали с прогнозами Первой Колымской.

Проанализировав данные разных экспедиций, Билибин в 1930 году подаёт в Правительство записку о перспективах открытого золотоносного района в верхнем течении Колымы. Он отмечал огромное значение новых месторождений, наметил смелый и уверенный план развития золотодобычи при условии широкого развёртывания поисковых и разведочных работ. К 1938 году добычу россыпного золота на Колыме, по его мне-

нию, можно довести до такого размера, что она вчетверо будет больше объёма всей отечественной золотодобычи за 1930 год. Необходимы были новые экспедиции.

Сборы

Возглавить Вторую Колымскую экспедицию Ю. Билибин предложил Д. Вознесенскому. Но тот наотрез отказался. Тогда выбор пал с подачи Вознесенского на В. Цареградского¹.

Сам же Ю. Билибин остался в Ленинграде для детального изучения и обработки собранного материала Первой Колымской экспедиции. И для реализации своего грандиозного плана по созданию «Большой Колымы». Его не удовлетворяли экспедиционные исследования, он ратовал за создание постоянного «Индигирско-Колымского геолого-разведочного бюро» с широким охватом территорий.

Этим следовало заняться, не откладывая на потом. Для осуществления замысла надо быть в Ленинграде и в Москве. Иначе всё затянется!

Зимним путём 1930 г. выехал на Колыму заведующий геологическим бюро П.М. Шумилов, заведующий разведкой С.Д. Раковский и др.

В состав экспедиции вошли «старые колымчане»: Э.П. Бертин, Д.И. Казанли и другие², — а также молодые геологи Д.В. Вознесенский, Н.В. Новиков, Ф.К. Рабинович, И.Е. Вдовин, Д.А. Каузов. Они свяжут потом прочно свои судьбы с поиском золота.

Дмитрий Казанли окончил Ленинградский университет по специальности астронома-геодезиста. В Первой Колымской экспедиции он начал составление карты гидросети Северо-Востока. Теперь во Второй экспедиции намеревался продолжить начатую им работу.

...Вовсю шёл набор рабочих.

На Алдане, по сообщению заведующего Алданским геологоразведочным бюро Василия Ефимовича Пинаева, было ото-

¹ Все три экспедиции, о которых пойдёт речь в этой главе: Вторая Колымская, Верхне-Колымская (на Зырянку) и Индигирская — работали потом под руководством В.А. Цареградского.

² Работали с В. Цареградским в те годы и прорабы-поисковики Н.Н. Станкевич, И.И. Гальченко, Л.И. Кофф и др.

брано пятнадцать опытных промывателей.

Бывший промыватель Первой Колымской экспедиции Пётр Майоров по просьбе В. Цареградского столько же рабочих отобрал на Зее. Эти группы выехали во Владивосток, откуда вместе со всеми должны были отправиться в бухту Нагаева, где ожидал всех с группой рабочих (около сорока человек) Степан Степанович Дураков.

Надёжнее, чем в Первой экспедиции, было и с транспортом. В первой декаде мая из Сибири от Мельникова было получено известие, что закупка лошадей, сбруи и фуража закончена. Он отправляется со своим караваном во Владивосток.

Мы помним, какие трудности были у Первой экспедиции с набором лошадей и оленей на побережье. Теперь этот вопрос, кажется, решался успешнее.

Эта экспедиция по сравнению с предшествующей, состоявшей всего из двух партий, выглядела внушительно. И опыт работы на Колыме у неё уже был. Теперь для проведения поисков и разведки россыпей Билибиным, Раковским и Цареградским была по опыту 1-й экспедиции написана краткая инструкция.

* * *

...Предложение возглавить экспедицию для недавнего выпускника Ленинградского горного института В. Цареградского было полной неожиданностью. Он признался, что не готов к такому грузу ответственности.

Билибин слыл уже опытным геологом-золотоискателем. Он два года успешно работал на Алдане в конторе «Союззолото» геологом. Затем руководил Первой Колымской экспедицией.

Цареградский же был палеонтологом. Работал, как мы знаем, на кафедре палеонтологии Горного института у профессора Анатолия Николаевич Рябинина.

Ему поручили изучение крупных остатков скелетов морских ископаемых ящеров-мезозавров из коллекции Геолкома. Скелет из нового рода Доллозаурус он восстановил полностью, его поместили потом в музей Геолкома (ВСЕГЕИ)¹. Но

¹ ВСЕГЕИ – Всесоюзный геологический институт.

целиком В. Цареградского интересы палеонтология не поглощала... Привлекали закономерности геологического строения земли, тектонические и магматические процессы, пространственные и глубинные условия залегания полезных ископаемых.

А ещё была возникшая с детства страсть к путешествиям!..

И потом, к апрелю 1930 года он уже имел трёхлетний стаж золотоискателя. Два года (1926-1927), будучи ещё студентом, работал в Южно-Алданской экспедиции. После окончания института — 1-я Колымская экспедиция.

Всё так, но...

В Геолкоме такое ответственное дело столь молодым специалистам не поручалось...

Окончательное решение затянулось.

Неудержимо приближалась весна. Пора уже было заниматься снаряжением экспедиции, ибо путь до места работы предстоял неблизкий и непростой, как это стало ясно из Первой экспедиции.

Ни аэродромов, ни посадочных площадок с запасом горючего на всей огромной территории Северо-Востока не было.

Надо от Ленинграда до Владивостока ехать 10-11 дней поездом, потом — около десяти дней на грузовом японском или китайском пароходе плыть до бухты Нагаева. От побережья Охотского моря предстояло добираться несколько сот километров караваном вьючных лошадей через тайгу. Затем — сплавляться на плотах или лодках, которые предстояло изготовить самим. На это требовалось более трёх месяцев.

На первый год экспедиции оставалось времени не более полутора месяцев. Если же не успеть к весеннему пароходу из Владивостока, можно потерять целый год.

Беспокойство нарастало.

Не ахти было и материальное положение членов будущей экспедиции. После возвращения с Колымы они всю зиму оставались без работы.

Много на добровольных началах помогали Ю. Билибину в обработке привезённых с Колымы образцов. Эта работа не была предусмотрена сметой, потому не оплачивалась. Очень скоро личные сбережения иссякли. Чтобы как-то прожить, продавали личные вещи, книги. Хватило этого ненадолго.

Отказаться от возможности снова попасть на манящие просторы Колымы, изменить Юрию Билибину, устроившись куда-то работать, — не приходило в голову.

Необходимо было неординарное решение! И оно было найдено.

Они обратились за помощью к рабочим Первой Колымской экспедиции, оставшимся на Колыме в старательских артелях. К тем, с которыми работали совсем ещё недавно бок о бок.

На имя Степана Степановича Дуракова послали телеграмму. Сообщили, что организация экспедиции затягивается из-за отсутствия денег, просили выслать займы.

Алдано-Колымское братство не подвело.

Напомним, что Дураков работал когда-то на участке Раковского на Алдане шурфовщиком. Их артель «прогорела», они остались без золота.

Тогда-то Раковский и Дураков, пытаясь расплатиться по долгам за взятые в кредит продукты, поступили в геолого-разведочное бюро к Билибину.

Они оказались одними из лучших работников в экспедиции Билибина.

В.А. Цареградский вспоминал позже: «Всех нас объединяло содружество, где царил закон: один за всех — все за одного. Такое содружество рождается в трудных условиях спартанской жизни, вдали от родных и близких, от тех мест, где родился и вырос. Это содружество крепнет там, где человек окружён опасностями, где он зависит не только от себя, но и от каждого, кто находится рядом с ним. Ибо в тайге, когда ещё не было радиосвязи и самолётов, из беды мог выручить только очень надёжный и верный друг. Вот почему, пройдя испытания в экспедиции, поначалу чужие люди нередко становились очень близкими, почти родными.

Легко представить нашу радость, когда мы получили ответную телеграмму от Степана Дуракова и ещё нескольких товарищей, в которой они извещали, что деньги отправлены по почте, а сами они ждут нашего приезда.

Это была крепкая дружеская поддержка и большое доверие, которое нас взволновало и тронуло до глубины души. При бережном расходовании полученных денег вполне хватило бы каждому вплоть до отъезда, если бы решение вопроса об экс-

педиции всё ещё не задерживалось на неопределённый срок».

Теперь геологи старались предусмотреть многое из того, что в предыдущей экспедиции мешало работать.

Острая необходимость была во время работы в починочном материале. При ходьбе по острым обломкам камней обувь и одежда быстро изнашивались. Нужна была кожа, дратва, крепкие нитки, обрезки брезента. Всего этого в предыдущую экспедицию геологами взято не было. Дыры в обуви затыкали сухой травой, которая крошилась и вылезала.

Конюхам нечем было сшивать часто выходявшую из строя конскую сбрую. Не хватало обычных верёвок.

В марте, апреле и мае в 1-й экспедиции возникало от яркого света, отражённого от снега, воспаление глаз. Некоторым пострадавшим приходилось отсиживаться в тёмных палатках или бараке, выходить с защитной повязкой на глазах. Необходимо было закупить светозащитные очки.

Отсутствие запасных пуговиц приводило иногда к курьёзным случаям. Эти, казалось бы, мелкие заботы, а их набиралось немало, вдобавок к подготовке снаряжения, продовольствия, одежды, обуви, палаток, свечей, брезента, спичек. Всё это требовало и времени, и усердия.

По опыту Первой Колымской экспедиции необходимо было иметь некоторый материальный фонд для расчёта с местным населением за аренду лошадей, оленей, за покупку мяса, других продуктов. За деньги всё это у местного населения добыть не получалось. Деньги в обороте отсутствовали. Раз в год местные жители всё необходимое покупали за пушнину и оленину на ярмарке.

Работы много, а времени в обрез. Часть снаряжения получали со склада Инцветмета, но чаще всего приходилось покупать и заказывать в мастерских, включая зимнюю одежду. Зимнюю одежду как спецовку, не выделяли. Стёганые куртки, брюки, валенки надо было закупать для всех и выдавать в счёт зарплаты.

Так, в Первой экспедиции полагались только летняя роба, пара ичиг, две пары рукавиц на год. Это в условиях, когда морозы за пятьдесят градусов. В качестве заменителей денег использовались бисер, цветные ленты, разные колокольчики, бубенчики. В ходу у эвенков — серебряные бляхи, которые они готовили из серебряных рублей и полтинников, разбивая их на валунах

до тонких пластин, а потом вплетали в косы или пришивали к одежде. Значит, необходимо взять серебряные монеты.

Перечень ходовых материалов постоянно пополнялся. Желая ничего не упустить, В. Цареградский не раз обращался к тем, кто много скитался по тайге, вдали от населения, просил их вспомнить, в чём порой возникает острая необходимость в самых разных ситуациях.

...Комнатка сестры Дмитрия Казанли превратилась в склад, квартиру Вознесенских постигла та же участь. Складом и штабом стала квартира Ю. Билибина, ибо в здании Геолкома места для этого не нашлось.

Когда раздобыли необъятную бухту морского каната, закатали её в ту же комнатушку Ирины.

Молодой начальник экспедиции Цареградский признавался, что его так захватило желание прокладывать первые тропы, делать открытия, составлять первые географические и геологические карты, что ни о почестях, ни о славе он не думал, получив под своё начало экспедицию. Ощущение значимости пути в мир неизведанного не оставляло места для второстепенного. Начинало сбываться то, о чём мечталось с самого детства!

Под стать ему и вторая его жена Мария Яковлевна. Она была молода, к началу Второй экспедиции ей не исполнилось и двадцати одного года. Успела окончить только среднюю школу, любила литературу. И мечтала как раз о таких путешествиях, которые теперь полностью захватили В. Цареградского. Родство жизненных устремлений, прямота характера, доверительное общение с людьми, готовность нести тяготы и лишения, связанные с пребыванием в необжитых человеком полевых условиях, и объединило эти сильные личности. На всю их совместную, такую непростую жизнь.

Оба любили литературу. Писали стихи.

* * *

Наконец все приготовления закончены. В условиях постоянного опасения, что можно опоздать к отходу парохода из Владивостока в бухту Нагаева отъезд всё же приходится временно отложить. Оказалось, что взрывчатые вещества из Ленинграда везти невозможно, их надо получать во Владивосто-

ке. Необходимо там же заключить договор со взрывником. На всё это ушло ещё два дня.

16 мая 1930 года основная группа отправилась наконец во Владивосток. Бодрый стук колёс, как метроном, начал методично отсчитывать крохотные отрезки дороги до заветного пункта назначения.

Казалось бы, всё шло нормально. Но мысли о предстоящей работе там, на Колыме, неотвязно беспокоили молодого начальника экспедиции... Ему были доверены судьбы почти семидесяти рабочих, более десяти специалистов. Он отвечал за них. И отвечал за результаты экспедиции.

...Между тем многие члены экспедиции были мало или совсем не знакомы друг с другом. Неясно, кому можно довериться, до какой степени, тем более в глухих районах. Кому с кем будет комфортнее работать?

Психологическая и бытовая совместимость... Как с этим? Требуется знания и опыт — куда большие, чем у подчинённых... Держись, геолог!..

Разруха, нанесённая гражданской войной, последствия экономической блокады Советского Союза, предстоящая индустриализация требовали огромных затрат. И в этих условиях были выделены значительные средства на экспедицию (2 млн рублей).

Было о чём думать и волноваться 28-летнему геологу.

От него, молодого руководителя, требовались решительные действия. И результативные! Некоторая общая размагниченность в начале пути, обусловленная усталостью от спешной подготовки, к концу пути сменилась нетерпением, желанием скорее добраться до пункта назначения. Начать новый этап. Сутки тянулись теперь медленнее, поезд, казалось, неоправданно задерживался...

Хотелось действовать.

Тем более изучение и освоение края пошло полным ходом. Намечались грандиозные маршруты! Нужны были дороги. К 1930 году на Северо-Восток была направлена дорожная экспедиция для проведения изысканий.

Было куда торопиться молодым сердцам.

Владивосток

Понятны чувства геологов, когда после девятисуточного пребывания в замкнутом пространстве вагона они оказались во Владивостоке.

«...По-своему красивый портовый город, раскинувшийся на склонах гор, со стекающими к морю улицами, с трясущимися по каменным мостовым извозчиками, встречными потоками снующего делового и праздного люда, разноязычного и пёстро одетого — русские, китайцы, корейцы, японцы...» — таким увидел город В. Цареградский.

А вот каким в тот яркий солнечный день, когда пароход прибыл в порт, предстал Владивосток перед Ма (так называл свою вторую жену Марию Яковлевну Цареградский):

*Вьются лентой улицы по склонам
Каменных фундаментов кряжей.
Мачты шхун дрожат живым поклоном
Пред железным строем кораблей.*

*Ряд подъёмных кранов словно замер.
Заглянувши в уличную зыбь,
Волны ловят синими глазами
Сплав из золота и бирюзы.*

*Чайки, словно в силе крыльев споря,
Полосуют неба голубой платок.
Это ты раскинулся у моря,
С гор скатившийся Владивосток.*

Строки — как отпечаток на граните.

Я прочитал стихотворение, и мне захотелось что-нибудь обнаружить ещё из написанного Марией Яковлевной. Наверняка же что-то ещё было?

Не придуманные за столом стихи, выхваченные из ткани окружающего, — как лоскут добротной материи.

...Неужто где-то банально пылятся рукописи в домашнем заброшенном архиве? Исчезнут они, не увидев свет? Всего лишь как свидетельства давно отлетевшей и мало кому известной жизни? А вдруг в них своя, в дополнение ко всему, жизнь? Свидетельство не только увиденного, но фиксация внутренне-го мира, духа автора. Я всё, что мог, прочитал о Цареградских.

О Марии Яковлевне сказано очень мало. И противоречиво. Для меня она осталась тайной...

Домашний цветок цикламен

Из воспоминаний Н.И. Серпуховой: «Валентин (Цареградский) во время Первой Кольымской экспедиции встретился с «Ма» и сошёлся с ней. По возвращению в Ленинград с ним приехала и его новая «спутница», жила она на даче под Ленинградом у знакомых Валентина. Была вызвана телеграммой Мария Михайловна, мать Валентина из Никольского. Валентин жил у нас, но связь с «Ма» продолжалась. Отец мой в присутствии мамы и Марии Михайловны спросил у Валентина, что он намерен делать. Остаться с Катей и порвать с «Ма» или развестись с Катей и уйти от нас? Валентин ответил, что Катю ему жаль, но чувства его на стороне «Ма»... Катя лечилась, но занятий в Университете она не бросила. Работала в ботаническом саду, далее по окончанию вуза работала химиком на заводе «Красный треугольник». Несмотря на разрыв с Валентином, у Кати сохранились наилучшие отношения с его семьёй. Каждое лето Катя ездила с детьми в Никольское. Младший брат Валентина, Шура, помогал Кате материально, пока она не стала получать от Валентина хорошие алименты».

Нина Ивановна ещё несколько раз в своих воспоминаниях говорит о сестре Кате: «У Кати в комнате стоял большой шкаф, в котором хранилось бельё. Не знаю, зачем Рина¹ полезла в него, встала на нижнюю полку, шкаф упал на неё. Дома из взрослых была я одна и на крик Рины прибежала в комнату Кати. До сих пор не знаю, как у меня хватило силы приподнять шкаф — видимо, со страху. Рина выползла из-под шкафа. У неё оказалась сломанной нога. Я не помню, как пришла Катя, где накладывали Рине гипс. В памяти сохранилось только, как я держала шкаф и Рина ползла из-под него. Знаю, что детей Кати лечил доктор Николай Владимирович Макаров и другой доктор Николай Васильевич Чернов — муж старшей сестры Сони, Марии Фёдоровны. Соня была замужем за нашим Володей Серпуховым. Надо сказать, что из семьи только одна Катя сохранила

---

¹ Рина — дочь Цареградских.

дружеские отношения с Соней и часто бывала у Володи. Он же часто подпадал под влияние семьи Сони и совсем отошёл от нашей семьи. Помню, по совету Сони Катя в благодарность за лечение Рины сделала доктору Чернову роскошный подарок — оправленный в серебро, с серебряной крышечкой хрустальный кувшин для вина. Катя его купила в комиссионном магазине за очень дорогую цену. В семье Сони очень любили дорогие подарки. В 1929 г. на нашем курсе появился новый студент Коля Андриашев. Он был курсом старше нас, но заболел брюшным тифом и на год отстал от своего курса. Как вы знаете, Университет и Горный находятся на набережной Нивы. Я и Юра ездили в институт на трамвае. Студентов было много. Коля, попав на наш курс, стал у нас бригадиром. Тогда в институтах проводился «Дальтон-план». Дела решали студенты, зачёт сдавали бригадами, отвечал кто-нибудь один, а зачёт получали все. К концу 1929 года это безобразие кончилось, но бригада осталась. Наша бригада готовилась к экзаменам вместе. Мы часто собирались у нас. И здесь Коля увидел Катю. Он ещё не знал, что Катюша — моя сестра. Так начался роман Кати и Коли. Он стал бывать у Катюши. Они вместе ездили на каток и к Рине в больницу. Уже в Москве Рина, будучи взрослой, рассказывала мне, что, когда Коля приходил в больницу, она отворачивалась к стене и не разговаривала. Так продолжалось всю зиму. Весной, кажется, в начале марта, Катя и Коля поженились. По окончании института Коля как женатый был оставлен в Ленинграде и направлен работать в Геолком. Поехал начальником партии на р. Уду на Дальний Восток. Мой брат Владимир был консультантом всей группы партий, направленных в этот район. Осенью Катюша с нетерпением ждала возвращения Коли. Однажды она пришла встревоженная в мою комнату и сказала, что почему-то погиб цветок, цикламен, подаренный ей Колей в день свадьбы. Катя за этим цветком тщательно ухаживала. Я ей сказала: «Не расстраивайся, ты, верно, его залила. Коля скоро приедет и подарит тебе другой». Но Коля не вернулся. Его и его коллектора убили в тайге два уголовника, недавно выпущенные из тюрьмы. Как выяснилось позже, его убили из-за денег, которые он должен был получить на прииске, через который проходила партия. Денег для расчётов работников всей партии на этом прииске он не получал. И они зря его убили.

Умер Коля не сразу, но говорить он не мог, так как дробь пробила ему нижнюю челюсть и повредила гортань. Официальное извещение о смерти Коли получил раньше всех Володя, не как родственник, а как консультант экспедиции. Очень расстроенный, Володя приехал к нам. Это было вечером. Я в это время работала в Ленгеологтресте, а Катя — химиком в лаборатории «Треугольник». Папа сказал, что сразу Кате говорить не следует: пусть она сначала поест. Извещение положили в шкатулку, которая стояла у мамы на туалете. Дверь Кате открыл Вася¹. Помню, как Катя вошла в комнату, обвела всех глазами и, не поздоровавшись с Володей, точно кто её толкнул, подошла к туалету, открыла шкатулку, вынула извещение, прочла его и молча села на пол. Володя поднял её и посадил на диван. Катя долго сидела молча, молчали и мы. Она долго не могла поверить, что Коля умер. Раскладывала пасьянсы и всегда выходило, что он в дороге. Она получила от него последнее письмо, где Коля писал, что кончил работу и едет домой! Всё надеялась, что произошла ошибка. Но недели через две Кате пришло письмо, довольно объёмистый конверт. Вскрыв его, Катя увидела несколько фото Коли в гробу. Фотографии посыпались на пол, у Кати хлынула кровь горлом. Вскоре после его смерти Катя вышла на пенсию по инвалидности 1 группы. Валентин Цареградский — отец Вероники и Ирины работал в Магадане и высылал большие алименты, материально Катя была обеспечена. Возвращаясь к жизни Кати. Последний её роман был с Костей Мотыльковым, школьным товарищем брата Юрия. Брак с ним Катя не оформляла, и Костя у нас не жил. У меня есть несколько фото Кости. Школьниками Юра, Лёня Тимохин и Костя как-то играли на лестнице дома, в котором жил Костя. Дом был 5-этажный. Не знаю, что у них была за игра, но Костя свалился в пролёт лестницы с 5-го этажа. Спасло его от смерти, что пролёт был узкий и, падая, он цеплялся за лестницу, что смягчило удар от падения. Юра и Лёня перепугались, побежали вниз, думая, что Костя разбился насмерть. Как же они обрадовались, когда увидели, что Костя идёт к ним навстречу. Не знаю, сильно ли ушибся Костя, но после этого он стал заикаться. Костя окончил Лесной институт и работал на автозаводе,

---

¹ Вася — муж Нины Ивановны.

в цехе, производящем деревянные части самолётов. Когда нам Костя рассказал о втором своём полёте, мы долго потешались над ним, уверяя его, что у него вошло в привычку падать с 5-го этажа, и что он являлся живым подтверждением слов семинариста из известного анекдота. Листы фанеры на заводе испытывали с высоты примерно вышки 5-тиэтажного дома. Костя умудрился свалиться с этой вышки. Спасло его то, что у него в руках был большой лист фанеры и он спланировал.

В самом начале войны завод, на котором работал Костя, эвакуировали на Урал. Катя с детьми была в то время на даче под Москвой со своими подругами Ноной и Таней. Они уже жили постоянно к этому времени в Москве и сняли ей дачу там же, где отдыхали сами. Костя уехал из Ленинграда за несколько дней до возвращения Кати».

* * *

«Кажется, нигде в Советском Союзе нет города с таким красивым сочетанием бухты и гор, как во Владивостоке. Но приезжих из России он больше всего удивлял своим необычным населением, в значительной степени корейским и китайским. На улице иногда можно было видеть и хорошо одетых, солидно себя держащих японцев, сотрудников консульства, расположенного на одной из центральных улиц. Очень много было китайцев. Китайский базар, китайские бани, прачечные, парикмахерские, китайский театр, китайские джонки в бухте и китайские носильщики на вокзале, китайские фокусники на рынке. Город казался наполовину иностранным. Любопытное зрелище представлял собой китайский рынок. Он помещался вблизи центра, занимая громадное двухэтажное помещение, протянувшееся на целый квартал, с крытым проходом посередине, своего рода торговые ряды с множеством потайных комнат и коридорчиков, известных только хозяевам. Здесь скрывались запрещённые опиумокурильни и, вероятно, ещё многое из запрещённого». (Таким увидел город в те годы А. Зимкин — «У истоков Колымы».)

Владивосток!

Завидная удача — оказаться в таком уникальном городе! Ходить по нему, вглядываться в улочки, лица, слышать гомон разноязыкой толпы. Быть никому ненужным в нём, незаме-

емым, неизвестным. И в то же время сознавать, отдавать себе отчёт в том, что на тебя возложено сверхсерьёзное дело государственной важности. И результаты этого дела могут быть значительны для всей страны.

Было время или нет у Цареградского на подобные размышления?

...Едва расположившись в номерах гостиницы «Версаль», геологи приступили к насущным хлопотам.

В Северофлоте предстояло утрясти вопросы по погрузке фуража и лошадей, которым на палубе парохода соорудили своеобразное стойло.

Надо побывать Цареградскому и Горанскому в бухте Океанской, чтобы убедиться, всё ли нормально с доставленными из Сибири лошадьми. От транспорта зависела судьба экспедиции.

Необходимо было достать в Картографическом управлении карты береговых кромок Охотского побережья, Тауйской губы, бухты Нагаева и др.

А ещё проследить за погрузкой взрывчатых материалов.

* * *

Забот в городе оказалось немало. Но и они преодолены. Седьмого июня 1930 года члены Второй Колымской геологической экспедиции на пароходе «Нэнси Мюллер» (опять это затрапезное судёнышко) направились из Владивостока в бухту Нагаева. После Нагаева предстояло совершить значительный переход до Оротукана и Среднекана. Но и до Нагаева надо было ещё добраться...

Двенадцать дней понадобилось пароходу, чтобы достичь западного побережья Тауйской губы.

В бухте Нагаева

Шла вторая половина июня, в бухте моросил нудный редкий дождь со снегом. Было прохладно и сумрачно. Выгрузившись, члены экспедиции большей частью разместились в палаточном городке, раскинутом на берегу. Организовали кухню, столовую. Конюхи с лошадьми отправились в долину Магаданки для отдыха и откорма лошадей. К тому же надо было заказать

изготовление сёдел, которые не удалось приобрести ни в Ленинграде, ни в Сибири.

...Установились солнечные тёплые дни и... прозрачные белые ночи. Словно торопясь захватить в короткие летние дни как можно больше тепла и света, сочная зелень молодой листвы тополей, ивы, новой хвои стройных лиственниц окрашивала всё в зелёное. И рядом — цветущие на склонах гор, будто позванивающие колокольчики рододендрона, синева чистого высокого неба и спокойная гладь морской воды. Синее и зелёное! Вернее зелёное между синим, небесным и морским. Такими увидели окрестности бухты Нагаева В. Цареградский с группой геологов, занимаясь изучением геологического строения окрестностей, пока шли всевозможные приготовления.

Вторая Колымская экспедиция на всех этапах подготовки её отличалась основательностью. Касалось ли это снаряжения, аренды лошадей для перевозки грузов, работы в партиях либо набора оленей для зимней перевозки грузов из бухты Нагаева к устью реки Оротукан и Среднекан, во всём чувствовались планомерность и опытность В. Цареградского, побывавшего в Первой Колымской экспедиции. Которая по сравнению с предстоящей теперь — как прыжок с парашютом. Но тем по-своему и завораживающей!

* * *

Много надо было сделать и на временной базе перед отъездом партий в устье Оротукана и на Среднекан. В первый день члены экспедиции разместились в полупрозрачных бязевых и парусиновых палатках.

Палатки, кухню, столовую наполняли мебелью, посудой. Возводился временный склад для необходимых экспедиции грузов. В долине реки Марчекан соорудили надёжную землянку для хранения взрывчатки, склад для боеприпасов, палатку для охраны.

Сосредоточенно создавался надёжный тыл готовившимся к отъезду партиям.

В ожидании, когда закончится отдых прибывших лошадей и время их откорма перед предстоящим дальним переходом и пока не были готовы вьючные сёдла, шла подготовка членов экспедиции во всех направлениях. В том числе в обучении геологов

навыкам промывки проб из речных наносов и осадочного материала с помощью лотка. Это были своего рода практические занятия. В остававшуюся в лотке часть магнитного железняка намеренно подбрасывались дробинки. Надо было суметь не смывать зёрна магнетита и дробинки, оставить их в лотке. Это требовало скрупулёзности и усердия. Геологи осваивали искусство промывальщиков, что теперь было необходимо в первую очередь.

* * *

Наступило время обсуждения плана геолого-поисковых работ и распределения партий между начальниками.

Решили, что В. Цареградский займётся исследованием нижней половины долины реки Оротукан. Ведь участок полевых работ начальника экспедиции целесообразно выбрать поблизости от будущей основной базы экспедиции. Чтобы можно было быстрее до этого места добраться и организовать её строительство.

Новиков высказал желание исследовать верхнюю долину Оротукана. Д. Вознесенский выбрал левобережье Колымы.

Бассейн Оротукана и левые притоки Колымы, как тогда считал Цареградский, были наиболее перспективными в обнаружении россыпи золота.

Обе кандидатуры, Новикова и Вознесенского, начальник экспедиции считал удачными. Правобережье реки Малтан ниже устья Хеты предстояло обследовать Ф. Рабинович и Д. Каузову. Казанли получил назначение в астрономо-геодезическую партию, а Едовин — в Среднеканскую рудно-разведочную.

После распределения в каждую партию прорабов, промывальщиков и рабочих начались хлопоты с выдачей и получением продовольствия и снаряжения.

Настроение приподнятое. Все хотели оперативнее получить необходимое. Быть готовыми без промедления отправиться в места назначения.

Задачи у поисковиков были не только традиционно созерцательные: исследование местности, сбор некоторого объёма данных о геологическом строении участков с последующим во время камеральных работ заключением о результатах обнаруженного.

Цель экспедиции — на месте дать ответ: имеет или нет открытое ранее месторождение практическое значение, промышленную ценность? Для этого надо было провести значительный

объём физических работ, связанных с расчисткой, разведкой участков с помощью горных выработок, канав, шурфов. Величину россыпей предстояло определять опробованием речных долин. Работа эта требует и искусства, и физической подготовки. И физический труд, и романтика, и азарт, и молодое честолюбие! И жажда настоящего мужского дела! Всё здесь!

Понятно нетерпение начальников партий, получивших уже конкретные задания.

* * *

Было и другое... Выезд всё ещё откладывался из-за неприбытия лошадей, задержки изготовления вьючных сёдел, а также из-за отсутствия аренды оленей для зимней перевозки грузов из бухты Нагаева на Оротукан и Среднекан.

В. Цареградский вместе с верным своим помощником Степаном Дураковым выехал в Олу и окрестные посёлки. За три дня они успешно решили накопившиеся проблемы. Но их ждали новые заботы, теперь уже на временной базе, где томилось в ожидании отъезда значительное количество новичков — служащих и рабочих. В том числе и местных, и с Алдана. Народ молодой и, как оказалось, порой непредсказуемый...

Убийство на базе

Прибывший на смену дежурившему ночью охраннику Пожарову его сменщик Поедавших повёл себя необычно. Подойдя к Пожарову, он спросил, не было ли каких происшествий во время дежурства.

— Нет, не было, — ответил тот.

И тут Михаил Поедавших неожиданно, видимо, желая задорить товарища, спросил:

— Что бы ты сделал, если бы к тебе бесшумно подошёл незнакомый человек?

— Окликнул бы, скомандовал: «Ложись!» Позвал бы второго дежурного, мы бы его обыскали, связали до утра, — ответил Александр.

— А если бы вместо того, чтобы лечь, он бросился на тебя, оглушил палкой или камнем? Ты бы ни прицелиться, ни выстрелить не успел?!

— Ещё как бы успел!

— А ну, защищайся!

И тут Поедавших, стараясь выбить веслом из рук дежурного винтовку, бросился на него.

Пожаров передёрнул затвор и, не прицеливаясь, нажал на спуск.

Нападавший, оседая, свалился замертво в траву. Оцепеневший от ужаса Пожаров ошеломлённо смотрел на только что шутившего друга...

Этот эпизод, взятый почти дословно из воспоминаний В. Цареградского, показывает, с каким контингентом рабочих приходилось общаться в условиях почти полной изоляции от внешнего мира.

Ждала на базе В. Цареградского и ещё одна беда.

Незанятость расслабляет и подрывает дисциплину, а отъезды партий к месту работы затягивались. В отсутствие В. Цареградского, который вместе со Степаном Дураковым был в Оле, заведующий административно-хозяйственной частью Василий Иванович Серков и счетовод Чайковский потребовали от кладовщика выдать им спирт. Напились сами, затем освободили всех рабочих от работ и организовали коллективную пьянку. Серков и Чайковский были направлены в экспедицию Инцветметом перед самым отъездом. Большинство рабочих нанято на Алдане. К ним ко всем ещё надо было присматриваться...

Серков и Чайковский, будучи смирными и добродушными в трезвом состоянии, оказались во хмелю буйными.

Работа на базе по их вине была дезорганизована на два дня.

Вернувшемуся из поездки в Олу В. Цареградскому пришлось принимать, как в таких случаях говорят, соответствующие меры.

О случившемся на базе стало известно партийному руководству объединения. Была проинформирована и администрация Инцветмета. Партбюро посчитало необходимым Серкова отстранить от занимаемой должности.

«Держись, геолог», — так и слышится голос певицы Ирины Бржевской. Правда в песенке о геологах пелось о палящем солнце и нещадном ветре...

Но и другой «романтики», как видим, хватало...

Начало полевых работ

Прошло чуть больше недели, и партии отправились на свои территории.

В ожидании установления зимнего пути на базе оставались Антонина Пудинг с химической лабораторией и подрывник Николай Клоков с женой и с грузом взрывчатых материалов.

В задачу оставшихся на временной базе небольшой группы хозяйственников и рабочих входило главное — подготовка грузов для перевозки их на оленьих нартах на основную базу — в устье Оротукана и на Среднекан.

В этот период Цареградский много времени проводит в окрестностях Олы, Гадлю, Сопчакан, на ближайших летних пастбищах, беспокоясь о наличии и готовности оленей.

Обычно эти переезды верхом на лошадях он совершал со Степаном Дураковым и женой Марией Яковлевной.

* * *

Поражают в который раз зоркость, наблюдательность Валентина Цареградского при этих поездках.

Он и палеонтолог, и геолог, и романтик, и неторопливый наблюдатель незнакомой жизни, любознательный путешественник, старающийся как можно больше узнать из жизни эвенков, якутов, камчадалов и других народностей, поражаясь их приспособленности к суровой жизни на Севере. Восхищается их честностью и гостеприимством, удивляясь при этом суеверию и дикости некоторых обычаев.

Так, он вспоминал о якуте-конюхе — переводчике ещё Первой Колымской экспедиции, Михаиле Седалищеве, который никогда не купался, и чьё далеко не каждодневное умывание состояло лишь из смачивания середины лица и глаз.

Не купался конюх в реке или озере оттого, что не умел плавать, как и многие аборигены. Как же местные рыбаки не боятся рыбачить на своих лодках на реке и в море? Лодка может перевернуться? Утонут же?

— Утонут, — соглашался спокойно Михаил. — Значит, хозяин моря или реки так хочет...

Как рационально и просто местное население устраивает хранилища для продуктов, одежды, боеприпасов и оружия.

Оберегают они их только от россомахи и медведя. Для хранения строятся лабазы. На трёх столбах высотой около трёх метров, расположенных треугольником, сооружается настил из жердей. Он выступает на такую длину от опор, чтобы зверь, поднявшись по столбу, не мог дотянуться лапой до края настила и влезть наверх. Нехитрая, но замечательная конструкция, рождённая многовековым опытом.

А вот рассказ о том, какими В. Цареградский увидел эвенков в семейной обстановке. Я привожу его дословно, рискуя утомить читателя, но так хочется сохранить авторскую интонацию и подробности:

«Вечером мы с рабочим зашли в чум с намерением купить оленьего мяса. Посреди чума ярко горел костёр, дым струился в отверстие, оставленное в самом верху конусообразной крыши. Около очага на ветках, устилавших пол, сидели четверо мужчин эвенков и одна женщина с грудным ребёнком на руках. Над очагом висел котёл с варившимся мясом, а сбоку на углях стоял объёмистый бронзовый чайник.

Поздоровавшись с присутствующими, мы присели на свободное место и предложили хозяевам папиросы. Все эвенки, включая и хозяйку, степенно закурили. Зная их традицию не начинать сразу делового разговора, я спросил по-якутски (эвенского языка я тогда не знал):

— Как живёте, товарищи?

Старший из них довольно сносно ответил по-русски:

— Ничего живём. Охота хорошая. Промыслили лося. Рассказывай, кто ты, зачем приехал, чего промышляешь?

Я попытался как можно проще, доходчивее объяснить, что мы экспедиция, это слово они знали, приехали из Ленинграда, исследуем землю, ищем уголь, красивые камни, а также железо, золото. Составляем карту. Они закивали головами в знак того, что поняли, и почмокали губами.

Хозяйка отложила в сторону ребёнка, поднялась, поставила перед нами столик на очень низеньких ножках, на котором удобно есть, сидя на полу, и положила на его середину куски мяса из котла. Все эвенки быстро взяли по большому куску парящего мяса и начали есть. Ели они своеобразно — захватывали край куска ртом и ловким движением ножа снизу (от подбородка) вверх отрезали его, и, почти не прожёвывая, то-

ропливо проглатывали. Мы были поражены их сноровкой. Ни один из них не задевал ножом ни губ, ни кончика носа. Ели мясо без соли и хлеба. Опасаясь за целостность губ и носа, мы не рискнули следовать их примеру и начали есть, отрезая кусочки мяса на столе. Это вызвало добродушные улыбки и короткие реплики эвенков. Очевидно, для них был непривычен такой способ еды.

В это время рабочий поспешно вынул полбутылки разведённого спирта из кармана, попросил кружку и, налив немного, протянул мне. Я отказался. Он передал кружку и бутылку старшему эвенку и, показывая знаками, предложил ему разлить всем.

Старший долил в кружку, выпил и, глядя на бутылку и соизмеряя, чтобы хватило всем, стал наливать небольшими порциями и передавать кружку по кругу. Все неотрывно следили за бутылкой и за очередным пьющим. На долю женщины — ей протянули последней — осталась меньшая порция, но и её она всю не выпила, остаток осторожно, что-то тихо приговаривая, вылила в костёр.

— Хозяину чума дала, чтобы не сердился, не делал нам плохо, — объяснил старик, видя, с каким недоумением и интересом наблюдали мы эту сцену.

Я обратил внимание на чехлы, висевшие недалеко от входа.

— Что в них? — спросил я.

— Иконы. Давно дал поп, — пояснил старик. — Учил молиться. Велел: пусть всегда висят в чуме. Потом больше не приезжал. Мы положили их в мешки, боимся попортить, когда кочуем.

Между тем мясо было съедено. Тут же все достали из карманов трубки и, набив табаком, закурили. Один из молодых эвенков затяжно закашлялся.

— Грудь больной, кровь выходит. Совсем больной, — пояснил мне старик.

— Наверное, туберкулёз? — спросил я.

Старик согласно закивал головой».

Процент заболеваемости местного населения в некоторых районах был очень высок. И это неудивительно при жизни в чумах, при тесном общении, использовании порой вовсе немой посуды, почти поголовном курении (от детей до стариков

и женщин), когда передавали трубку по кругу... Многие были недоступны аборигенам. Многого просто не знали.

...Не знали местные жители и воровства. Если хозяин уходил или уезжал на время, то просто снаружи подпирал дверь палкой, давая знать: дома никого нет.

* * *

И в моей Утёвке многие жители поступали подобным образом. Так делала и моя мама. Замок был. Но обычно он висел сам по себе рядом на стене. А на скобу петлю набрасывали без него. Село жило довольно замкнутым, собственным миром. Так было до 60-х годов, пока не возник наплыв посторонних. В окрестностях развернулась нефтедобыча, стало намного больше автотехники, а потом начали приезжать неизвестные люди и на личном автотранспорте (появились автомобили Волжского автозавода). В селе, в его окрестностях, в лесу возник наплыв незнакомых людей, прохожих, проезжих — способных набедокурить и быстро исчезнуть. Раньше в лес ходили (именно ходили, редко ездили на лошадях) люди по необходимости: заготовка дров, сена... Встреча в лесу с односельчанином была не опасна, наоборот, доброжелательна.

...Теперь же, когда я приезжал из города, а родителей не было дома, на двери висел замок, правда ключ был тут же рядом на гвозде...

Потом мама стала класть его под половичок, потом — под тазик, лежавший рядом... Она всегда ждала меня...

...Пришло разбойное время 90-х. В сёлах начали грабить всё, что можно. Ночами вывозили имущество, скот со двора...

Родители мои не дожили до таких дней.

Не застали они и дни, когда я в городе поменял деревянную тощенькую входную дверь на железную, аж с двумя замками...

В мои далёкие детские годы, помню, на селе бытовала частушка, которую пели с гримасой на лице:

*Слава Богу, понемногу
Стал я разживаться.
Продал дом, купил ворота —
Буду запираяться.*

В наше теперешнее время эта припевка наполняется дополнительным и значительным содержанием.

Впрочем, теперь уж не поют на улицах. Ни песен, ни частушек...

* * *

Ещё во время Первой Колымской экспедиции был такой случай.

При перевозке грузов ослабли олени. Геологам пришлось оставить груз с продовольствием в тайге. Чтобы весной не подмок, его сложили на настил из брёвен, прикрыли сверху. И уехали.

Этим же маршрутом проезжал позднее местный оленевод-охотник, у которого закончились припасы. Он взял из импровизированного склада немного муки. Уезжая, затесал дерево, сделав расщеп, вставил щепу в виде указателя-стрелки в сторону своей юрты.

Прошло некоторое время, к геологам в барак пришёл эвенк узнать, почему никто не пришёл к нему в чум по указанному им знаку. Он, желая рассчитаться, теперь приехал сам. Но так как у него муки нет, привёз взамен оленьё мясо и рыбу.

Пачколин и находка Дзевановского

Достаточно длительное пребывание В. Цареградского на временной базе в Нагаево сблизило его с Александром Михайловичем Пачколиным — бывшим заведующим факторией АКО (акционерное камчатское общество). Жил А.М. Пачколин вместе с женой и двумя детьми в соседнем домике культбазы. Юрист по образованию, он прибыл в Нагаево из Владивостока, где совсем ещё недавно работал в должности прокурора. Вскоре по приезду в Нагаево он был избран секретарём объединённой партийной организации (культбазы, АКО, конторы «Союззолото»). Это он настоял, чтобы Цареградский остался на временной базе. С неё управлял и занимался организацией всех дел, связанных с работой геологических партий.

При общении Пачколин оказался человеком, живо интересующимся конкретным делом, выдержанным и собранным.

Здесь у Цареградских за чашкой чая они часто обсуждали общие дела. Так было и в тот вечер, накануне которого пришло первое долгожданное сообщение.

В Нагаево вернулся конный транспорт, с которым прибыл заболевший коллектор Юрий Дзевановский. Он привёз письма от начальников партий С.В. Новикова и Ф.К. Рабинович.

Рабинович сообщила, что результаты работ в долине Хаты и в долине Малтана — отрицательные. Зато во второй части письма Фаина Рабинович докладывала, что отрезок нового пути из бухты Нагаева по долинам рек Дукчи, Уптара, Хасыны в верховья Олы и далее в долину Малтана достаточно легко проходим, есть неплохие выпасы для лошадей.

Выходило, что можно было добираться до приисковых районов Колымы сразу из бухты Нагаева, если же его сделать морским портом, то открывался путь короче на 60–70 километров. Это было важно, в «Союззолото» давно обсуждался вопрос о срочном поиске вариантов строительства дороги, хотя бы временки-зимника для подвозки грузов на лошадях. Доставка грузов летом на вьючных лошадях, зимой — на оленьих нартах тормозила развитие золотодобычи. Необходимы были конные перевозки на санях. Эта дорога могла быть намного выгодней, если портом для морских перевозок будет не Тауйская коса, что около Олы, а бухта Нагаева.

Эту мысль В. Цареградский озвучивал уже давно. Теперь он ещё больше утвердился в правильности своих выводов.

* * *

Юрий Дзевановский вернулся на базу не только с письмами от Ф. Рабинович и С. Новикова.

Он вручил В. Цареградскому образцы чёрных глинистых сланцев, обнаруженных на косе реки Хасын. Они могли быть свидетельством месторождения угля.

Когда Цареградский рассказал об этом А.М. Пачколину, тот заинтересовался находками, осознавая, какое огромное значение имело бы обнаружение угля и сейчас, и при строительстве бухты в Нагаево. И для населения, и для судоходства.

Секретарь объединённой парторганизации А.М. Пачколин по сути надолго лишил В. Цареградского личного участия в поисковых работах на Оротукане, оставив его на базе. Причины,

конечно, были серьёзные: убийство, хотя и неумышленное, охранника, двухдневная пьянка рабочих. Оба случая произошли в отсутствии на базе В. Цареградского, но всё же...

Мне казались принятые меры к В. Цареградскому неоправданно жёсткими, перестраховкой партийного чиновника...

Но после находки Дзевановского Пачколин раскрылся по-иному.

Цареградский намеревался сообщить в Центр о находке, просить, чтобы на реку Хасын направили геологическую экспедицию специалистов-угольщиков. Но на рассмотрение этого вопроса, принятие решения, выделение Ленинградом средств, формирование экспедиции, приезд её потребовалось бы два-три года. А уголь нужен сегодня!

Кроме того, геологи разъехались и вернутся только зимой.

Пачколин оказался неожиданно инициативным. Он предложил В. Цареградскому своими силами организовать поиск каменного угля до отъезда на Кольму, убеждая, что, если удастся найти уголь, это будет столь же важно, как открытие других полезных ископаемых. Взятся обеспечить поиски угля снаряжением и продовольствием на месте, без запроса Москвы и Ленинграда.

Вечером того же дня А.М. Пачколин заявил, что персонально чете Цареградских даёт в дорогу двухместную палатку.

Вот это секретарь! Сказывались либо годы работы заведующим факторией, постоянные проблемы с отоплением, либо человек был такой...

К реке Хасын

На поиск угля к реке Хасын 19 сентября 1930 года отправилась группа из пяти человек: В. Цареградский, его жена Мария Яковлевна, Ю. Дзевановский и двое рабочих. Предполагалось пробыть в походе 2-3 недели.

На базе за начальника остался Л. Горанский.

* * *

Цепочка из пятерых поисковиков и семи лошадей (две вьючные и пять верховых) выглядела довольно необычно. На всех были кожаные либо брезентовые куртки, телогрейки.

На головах рыбацкие широкополые шляпы-зюйдвестки. И у каждого — предмет особой гордости поисковиков — резиновые до пояса сапоги. А. Пачколин своё обещание помочь со снаряжением держал основательно.

...Отряд, впереди которого ехал верхом В. Цареградский, всматриваясь в выходы горных пород, двигался к месту назначения. Туда, где на небольшой, покрытой низкой травой и опавшей хвоей, окружённой толстыми лиственницами площадке Дзевановский обнаружил образцы чёрных сланцев.

Часто соскакивали на землю, чтобы отбить геологическим молотком образцы. Упаковывали и регистрировали их.

Следом за Дзевановским двигался на лошади пожилой рабочий. К седлу его лошади была подвязана первая вьючная лошадь. К седлу этой лошади — вторая вьючная и так далее. В конце цепочки ехал молодой рабочий Н. Рябов. Таков был порядок движения.

Обязанности по организации стоянки, ночёвки были распределены заранее. И все старались их придерживаться.

Взяли с собой продукты, палатки, спальные принадлежности, печки для отопления палаток...

Разнуздывали и развьючивали лошадей, не снимая сёдел.

...В первые дни, увы, ни каменного угля, ни углистых аргиллитов обнаружено не было. Ни золотинок, ни других крупинок тяжёлых минералов в пробах тоже не было. Усердные поиски Цареградского, его жены и Дзевановского, уходивших со стана утром и возвращавшихся только к вечеру, не давали результатов. После составления карт местности, тщательного изучения её, фотографирования, зарисовок, отнимавших много времени, возвращались они с увесистым грузом образцов горных пород. Обследование 10-12-километрового участка долины реки дало отрицательный результат.

Шёл третий день поисков... Неудача омрачала настроение.

Было ясно, что необходима более основательная разведка, другими силами и другими методами. Их маломощная группа не могла вести большой объём расчисток. Не могла вести бурение...

Однако, чтобы быть уверенными в том, что сделано всё возможное в данной обстановке, решено было продолжить поиски ниже по долине реки Хасын...

Возвращаться в бухту Нагаева решили не прежним маршрутом, а спустившись вниз по реке, продолжая обследование долин и склонов. Это требовало ещё два-три дня, но зато будет изучен новый район.

И оставшийся путь можно одолеть быстро, так как в посёлок Армань в устье реки заходит катер культуры к рыбакам за рыбой и икрой.

В день перед отправкой в обратный путь случилось неожиданное. На обширной пойменной террасе, с пышной ещё зеленью, одна из лошадей оказалась мёртвой. Ни следа зверя, ни повреждений на теле не обнаружили. Если причиной явилось заражение сибирской язвой, тогда похожая участь ждёт и остальных! Опасность может быть и для членов экспедиции.

Встревоженная непонятной причиной гибели лошади и удручённая неудачным поиском угля, группа Цареградского отправилась в обратный путь.

Стояла тихая и ясная погода. Воздух прозрачен, как это бывает в пору бабьего лета в нашем светоносном Поволжье.

Радоваться бы замечательной поре, отмечая с лёгкой грустью её быстротечность и неизбежность наступающего ненастья, но...

Но не было главного. Не был найден уголь! К тому же долина реки расширилась, скрывая за залесёнными островами и террасой русло реки.

«Издали обнаружить, если они и есть, выходы горных пород вряд ли возможно», — думалось В. Цареградскому.

Долгожданная удача

Детское, незамутнённое восприятие мира и пронизательный пытливым взгляд учёного — не в этом ли уникальном соединении залог замечательных открытий и находок Цареградского?

Если Ю. Билибина друзья и коллеги называли «Золотым Моцартом», то В. Цареградского с его внешней сдержанностью, некоторой отстранённостью, безусловно, скрывающими натуру богатую, разностороннюю, тонко чувствующую звуки, краски и запахи окружающей жизненной стихии, можно назвать С. Аксаковым в геологии. Об этом я уже говорил ранее.

В который раз читаю его сдержанные воспоминания о том дне, когда было открыто промышленного значения месторождение угля:

«Поднялось и начало пригревать солнце. Неожиданно в синеве неба я увидел высоко и плавно парящего беркута. В пронизывающих лучах солнца крылья птицы становились золотисто-коричневыми. Его внезапное появление на фоне пустынного неба было столь неожиданным и так поразило меня, что я остановил лошадь и некоторое время следил за его парением. Широко распахнутые крылья его были почти неподвижны и лишь слегка кренились при поворотах внутрь плавного круга. Он то взмывал ввысь, подхваченный восходящим потоком воздуха, то опускался к вершинам деревьев, высматривая на полянах добычу. Полёт был необычайно красивым, лёгким, и потому, как в детстве, невольно возникала зависть: «А почему мы не умеем летать? Как легко и быстро можно было бы сейчас облететь все окрестности, высмотреть все обнажения горных пород, опуститься, где нужно, обследовать и спокойно вернуться в бухту Нагаева».

По аналогии возникли мысли о фотосъёмке с высоты. Я давно уже мечтал об использовании для этой цели небольших воздушных шаров. На них можно было бы поднимать на определённую высоту уравновешенный, направленный строго по вертикали один или несколько фотоаппаратов с часовым механизмом. Этот способ отлично мог служить для уточнения и детализации глазомерной съёмки, особенно если на земле оставить заметные с высоты знаки: палатку или квадраты брезента на промеренных лентой расстояниях. Это позволило бы потом определить масштаб. На фотографии были бы отражены изгибы рек, ручьёв, впадающих в них, холмы, склоны долин, выходы на поверхность горных пород и многие другие детали, которые невозможно отразить при помощи одной глазомерной съёмки. А нам так необходима была детальная карта. Однако даже такая примитивная аэрофотосъёмка в то время оставалась неосуществимой мечтой...

...Дробный топот копыт догонявшего каравана вернул меня к действительности. Надо было спешить. Пока ещё стояли погожие дни, необходимо было добраться до побережья Охотского моря как можно скорее.

С присущим геологам, географам, изыскателям дорог обострённым вниманием я продолжал наблюдать за малейшими изменениями местности... Сквозь прогалину между деревьями я сначала машинально зарегистрировал резкое изменение противоположного обрывистого берега. Всмотревшись, обратил внимание на его полосчатую окраску, а через бинокль уже отчётливо увидел, что относительно светлая рыжеватая стена обрыва пересекается параллельными чёрно-серыми полосами. Было ясно, что это обнажение слоистой толщи, сложенной либо осадочными, либо вулканическими породами. Но если это осадочные отложения, то чёрные слои могут быть и каменноугольными...

Как у охотника, внезапно увидевшего долгожданную дичь, у меня на миг замерло, а потом часто-часто забилось сердце в предчувствии удачи. Я оглянулся. Наш караван быстро приближался. Сделав знак Дзевановскому, чтобы следовал за мной, я спустился в пойму, пересёк реку и, поторапливая Сокола, подъехал к обрыву. Сомнений больше не оставалось. Обрыв слагался осадочной угленосной толщей. Чёрные, матовые и глянцево-блестящие полосы были пластами угля. Это подтверждали и обломки в осьпях у подножия обрыва. Спрыгнув с коня и торопливо разбив молотком несколько крупных камней, я положил куски в карман. Затем перешёл по мелкой узкой протоке на расположенный чуть ниже по течению остров. Место было удобным — ровная плотная полянка, рядом хорошее пастбище для лошадей с питательной травой — пыреем. Я подал знак подъехавшим товарищам, чтобы располагались здесь на стоянку.

Все недоумённо смотрели на меня, ожидая объяснения причины неожиданной остановки. Я осторожно вынул из кармана куски угля и торжественно сказал:

— Обнаружена угленосная толща!

...Вначале мы лазили по крутому обрыву торопливо, забыв об опасности, охваченные нетерпеливым желанием быстрее составить общее впечатление и дать месторождению предварительную оценку. Пласты угля по большей части матово-чёрные, плотные и, очевидно, многозольные, мощностью в несколько десятков сантиметров, в отдельных местах достигали почти метровой толщины. Внутри пластов встречались тонкие,

до 8-10 сантиметров, линзы и гнёзда лёгкого, очень блестящего чёрного угля, похожего на твёрдую смолу или чёрное стекло.

Когда несколько спал первый порыв, мы перешли к планомерному исследованию. Стали производить замеры, зарисовки, последовательное описание слоёв пород, слагающих этот обрывистый берег. Порой подобраться к нужному участку с обнажёнными слоями было очень трудно из-за крутизны или текучих осыпей щебёнки. Приходилось молотком или кайлом выбивать ямки — ступеньки, поддерживать и тащить друг друга. Бывало, что кто-то из нас срывался и скатывался вниз вместе с осыпью, но снова упорно карабкался вверх, стремясь не отстать от других. Ноги у всех были в ушибах, руки в ссадинах и порезах, но в азарте мы не замечали ни боли, ни усталости, ни времени.

Между тем проходил час за часом. Солнце склонялось к горизонту: дни были уже по-осеннему короткими. Дважды приходили из лагеря звать нас обедать, но мы не могли оторваться.

Только когда солнце скрылось за лесистыми горами и в долине сразу потемнело, мы нехотя и вместе с тем с радостным чувством облегчения разогнули спины. Ломило поясницу, ныли руки, ноги подкашивались. Постояв несколько минут и любовавшись закатом, занимавшим чуть не треть неба, и высветленной гладью широкой реки, мы медленно спустились с обрыва и побрели к стоянке. Хорошо, что она была совсем рядом».

В этот вечер по поводу открытия угленосной толщи у геологов на ужин был роскошный десерт. Они вскрыли две последние банки подаренного ещё Пачколиным абрикосового компота. Геологи заслужили это. В ту далёкую пору открытие месторождения угля значило для края много!

Организованная в 1931 году «Союззолотом» добыча угля Хасынского месторождения не менее десяти лет была потом одним из основных источников топлива для электростанции и котельных в Магадане и Нагаево.

Неожиданные потери

У удачи есть одно скверное свойство. Она не бывает постоянной.

«Чтобы не погибнуть, нельзя сплеховать». Этот девиз характерен для всего периода и всех экспедиций на Колыме. Потому

так ценен был приумножающийся на ходу опыт самих геологов и те навыки и умелость, которые присущи помощникам и проводникам золотоискателей.

Вживались в окружающую действительность не только люди. Доставленные издалека лошади приспособлялись как могли. Не обходилось без горестных потерь.

* * *

Высокий и статный тёмно-гнедой масти конь Сокол стал для В. Цареградского незаменимым помощником. Широко и легко на переходах шагал он рядом с хозяином. Привыкнув к нему, слушал малейшее движение поводов. Стоял терпеливо рядом при остановках. Послушно двигался около, когда это было надо, с закинутыми на шею поводьями.

...В ту ночь В. Цареградский внезапно проснулся. Кто-то стоял рядом с палаткой и дёргал за растяжки. Подумав, что лошадь запуталась в верёвках, он вышел из палатки, намереваясь помочь ей освободиться. Тронув рукой в темноте лошадь, почувствовал, что она мелко дрожит и покачивается. Это был его верный Сокол. Вёл он себя более чем странно. Не отвечал на приветствие хозяина. Не поднимал опущенной головы.

Полагая, что Сокол сильно замёрз, хозяин быстро разворошил костёр и подбросил сухих веток. Сокол продолжал дрожать. При свете костра видно было, как из глаз его текут слёзы. Через мгновение он зашатался на неловко расставленных передних ногах и... не дождавшись помощи человека, повалился на бок около палатки.

* * *

После гибели Сокола в группе В. Цареградского, добирющейся до посёлка Армань, осталось пять лошадей. Все они перемещали большие бьюки с грузом, значительно увеличившимся за счёт найденных образцов пород.

...Вот наконец-то и посёлок. Состоявший не более чем из двух десятков домов, он оказался почти безлюдным.

Председатель поссовета, камчадал, встретил гостей, приветливо здороваясь. Выяснилось, что последний катер приходил, но ушёл накануне днём. До весны его не будет.

Расположились в школе...

Безлюдье в посёлке, как оказалось, было связано с тем, что все школьники и их родители на путине. Ушли ловить мальму на Армань.

Председатель советовал добираться до Нагаево по долине речки, которая впадает в Армань слева, недалеко от её устья. Там через перевал надо спуститься в долину Оксы и вновь через следующий перевал — уже в долину реки Магадан. По просьбе В. Цареградского он, как мог, нарисовал карандашом при тусклом пламени свечи схему предстоящего перехода. Надо было идти по слабо обозначенной конским следом тропе.

Лица присутствующих в полутьме выглядели особо понуро. Нелёгким оказался пройденный маршрут, и вновь неясность впереди.

А тут новая беда. Рабочие привели с выпаса вместо пяти только трёх лошадей: две оказались мёртвыми.

Как и на Хасыне — никаких видимых внешних причин.

Принёсшие эту весть рабочие, пожилой дядя Ваня и совсем молодой Николай, опустившись на пол, молчали. В распоряжении партии остались только три лошади.

...Николай произнёс то, о чём думал в тот момент каждый:

— Как же мы отсюда с грузом выберемся?

* * *

Они выбрались благополучно! По тропе, о которой рассказывал председатель поссовета.

Дзевановский добрался пешком до бухты Нагаева и доложил о случившемся Горанскому...

Позже подтвердилось, что лошади отравились. В пойме реки их приманивала свежая зелень ядовитых куртинок хвоща.

Как оказалось, местные лошади это растение обходят стороной.

На оленях до Оротукана

...На временной базе в Нагаево закончились хлопоты по инвентаризации и упаковке имущества. Реки уже начали покрываться льдом. Но оленеводы терпеливо выжидали, когда он станет достаточно крепким.

Дня отъезда все ждали с нетерпением. Молодые геологи верили в свою удачу, в то, что их ждут новые открытия.

В страстной своей увлечённости делом они не щадили себя, более того, своей интеллигентностью, общей образованностью привлекали к себе людей, сплачивали их. Причём всё происходило самопроизвольно и органично.

В поздние вечерние или ночные часы, при свете керосиновой лампы либо оплывшей свечи, начальник экспедиции продолжает записывать свои дорожные наблюдения. Штудирует научную книгу Джона Джели, дающего новую трактовку развития земной коры, в отличие от гипотезы Канта-Лапласа. Цареградского интересовали глобальные закономерности развития земной коры, связь магматизма с тектоническими процессами и металлогении — с магматическими.

Для обоснования прогнозов на поиск и оценки запасов рудных месторождений знание этих закономерностей было очень важно. Эти вопросы только начали изучаться в учёном мире геологами, новые знания обещали дать свои результаты. Цареградский возил с собой литературу по геологии, геоморфологии, физической географии. Была постоянная необходимость в пополнении знаний.

...Нередко в бязевой палатке, обогреваемой сделанной самими геологами из кровельного железа печкой, звучали стихи. А сколько было спето песен!..

Ещё в бухте Нагаева, пока не разъехались партии, часто в беседах о литературе принимали участие Дмитрий Николаевич Казанли и Николай Владимирович Тупицын — сотрудник Культбазы.

Тупицын по образованию лингвист, окончил Иркутский институт внешних отношений. Казанли любил творчество Ильи Эренбурга, часто цитировал отрывки из его книг. Читал Маяковского. Хохоча вслух, читал отрывки из «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова.

Жена В. Цареградского Мария Яковлевна и Александр Михайлович Пачколин любили и знали классическую и современную литературу.

Мария Яковлевна читала и свои стихи.

Пытливость ума, страстную увлечённость, готовность прийти на помощь — эти качества в ней В. Цареградский ценил особо...

В пути

Наконец во второй декаде декабря было решено отправляться в путь. И тут В. Цареградский остаётся верным себе. Он решает одновременно несколько задач. Как геолог, как палеонтолог и как разработчик будущих трасс и направлений освоения края в будущем. Он постоянно искал более короткие пути передвижения, надёжные маршруты, пригодные для прокладки дорог и строительства опорных пунктов будущих исследований Колымы. В этом первом его помощником был проводник якут Макар Захарович Медов.

В. Цареградский намеревается двигаться не общим путём, по которому поедут с грузом рабочие, свернув со среднеканского зимника в верховье Оротукана, а по сплавным рекам Мартану, Бахапче и Колыме сразу к устью Оротукана. Цель и тактическая, и стратегическая: исследовать эти реки зимой и определить, где можно будет размещать в будущем базу для экспедиции в следующих сезонах, если на притоках Бахапчи будут обнаружены золотые месторождения.

В. Цареградский заботился о грядущих исследованиях. Это исходило из сути его характера, основательности, разумности, роднивших его во многом с Ю. Билибиньим. Государственное, масштабное мышление и поведение в сочетании с конкретным, детальным проникновением в суть дела присуща была им обоим.

...Предстояло проложить первый зимний путь длиной около 500 километров по снежной целине, где на сотни вёрст отсутствовали какие-либо поселения. Где-то там, на левом берегу Бахапчи, через 300-350 километров, была первая по ходу якутская хижина — единственное на всём пути жильё.

* * *

Чтобы олени постепенно втягивались в езду, первый день ехали недолго. Ещё засветло стали готовиться к ночёвке. Необходимо было заготовить шесты для палатки, площадку для её установки, набрать на всю ночь дров. Нехитрые операции, но они выполнялись на морозе и уже в наступающих сумерках.

Надо было застелить ветками лиственницы землю внутри палатки.

Дрова для костра заготавливались с вечера на всю ночь. Особые навыки требовались для растопки железной печки. Для этой цели использовались изготовленные из сухой палки «петушки». Палку застругивали своеобразным образом, оставляя на конце закрученные стружки. От этих «петушков» из сухих стружек дрова разгорались довольно быстро.

Раскалённая докрасна печка быстро прогревала пространство палатки.

...Кто-то доставал посуду, кто-то заполнял чайник и котелки снегом или льдом. В палатку вносят мешки с постелью, надо их прогреть к ночи.

Оленей выпрягают и отпускают на кормёжку ягелем, который животные добывают копытами из-под снега. Это одно из преимуществ оленей перед собаками, для которых надо возить с собой для корма запас рыбы.

...За ночь палатка выстывает так, что разница с температурой снаружи становится незначительной.

* * *

С каждым днём набираясь опыта преодоления маршрута на оленьих нартах, отряд уверенно приближался к Охотско-Колымскому водоразделу. Погода становилась ясной. За водоразделом морозы стали крепче, достигая пятидесяти пяти градусов. На таком морозе дыхание затруднено, сильно мёрзнет лицо. Дышать приходилось через натянутый на лицо шарф, шапку спускать на брови. Для глаз оставалась только узкая щель. Ресницы и брови от тепла выдыхаемого воздуха покрывались инеем, шарф внутри сырел, а снаружи обледеневал, покрываясь жёсткой коркой. Облегчение в одном — приближающаяся очередная ночёвка.

Невольно вспоминаются современные снегоходы, вертолёты! Вот бы их тогда иметь в арсенале. Но пока были олени нарты и собачьи упряжки...

Описываю эти картины преодоления снежного безмолвия не своевольно. Они и подобные им эпизоды сохранены в письменных воспоминаниях В. Цареградского, других геологов.

Вскоре, увеличивая время переходов, отряд передвигается уже по 50–60 километров в день. Установился некий ритм движения. Несмотря на все превратности в пути, осознавая себя первопроходцами в краю, где мало населения, где порой собственная жизнь зависит во многом от личной находчивости, геологи испытывали удовлетворение. Радость и азарт от того, что они способны преодолевать то, что переносят вместе с ними обогащённые вековыми навыками и опытом аборигены.

...Миновав устье Малтана, за малым поворотом Бахапчи, где на солнце засверкала небольшая равнина перед порогом Два медведя, путники увидели слабую светло-синюю струйку дыма. Это была стоянка, хижина Дмитрия Амосова, о которой рассказывал Макар Медов. О ней знали и каюры.

Половина пути была пройдена!

После вкусной еды, чая и разговоров В. Цареградский, пригостившись у стола, по своему обыкновению, начал записывать дорожные наблюдения, затем читать Джона Джоли...

Утром в приподнятом настроении Цареградский, Дмитрий Амосов и Степан Дураков вышли на лыжах в окрестности. Продвинувшись по долине Большого Мандычана на несколько километров, осмотрели обнажения в крутом обрыве.

Затем вернулись в долину Бахапчи, где из толщи глинистых сланцев отобрали несколько образцов и направились к месту стоянки.

Из разговора с Дмитрием Амосовым В. Цареградскому стало известно, что напротив горы Обо, на левобережье Колымы, живут три семьи якутов. У них имеются в хозяйстве лошади и олени. Рядом есть места выпаса для лошадей, выше в горах — корм для оленей. Здесь явно сложились условия для организации последующих развёрнутых геологических работ. Базу для будущей экспедиции можно было расположить в нижней части террасы Бахапчи. Заряжённый механизм наблюдения, анализа и принятия решений на сегодня и впрок на будущее действовал отлаженно и постоянно. Цареградский будто чувствовал, что последующие годы его жизни, включая начало пятидесятых, будут самым тесным образом связаны с геолого-разведочными работами, быстро приобретающими огромные

масштабы, под руководством гигантского треста «Дальстрой». Что он счастливо попал в русло своей судьбы. Раз и навсегда.

Вторую половину этого дня Цареградский уделил также исследованию долины Бахапчи, верхней её части.

Вернулись они в хижину Амосова уже в сумерках. Заканчивался последний день 1930 года. Наступал новый, 1931-й.

До базы на небольшой пойменной террасе на берегу Оротукана, которую было поручено построить С.В. Новикову, оставалось около шести дней ходу.

Шесть дней пути, в котором до ломоты зябнут руки и ноги. С шумным шуршанием вырывается изо рта на морозе ниже пятидесяти градусов воздух.

...Безмолвие белой пустыни, монотонная песнь полозьев, щёлканье оленьих копыт и звон колокольчиков на оленьих шеях сопровождали геологов...

* * *

Небо затянуто туманным пологом. Мутный серый день. Дневное светило пропало и, кажется, безнадежно... Все звуки мертвы, кроме всё того же шуршанья полозьев нарт и поскрипывания оленьих копыт. И так, кажется, до бесконечности...

Ориентиры исчезли. И в белёсой пустыне олени движутся, будто в неизвестность...

...6 января 1931 года зимний переход счастливо закончился. Все, кто оставался на Оротуканской базе, сбежались встречать приехавших.

На Оротуканской базе

Первый этап работы Второй Колымской экспедиции завершился.

Первоначальное подведение итогов работы показало, что партией С.В. Новикова установлена золотоносность средней части долины реки Оротокана и его притоков. Пробы порой содержали крупное, размером с фасоль, золото. Теперь здесь предстояла разведка россыпей шурфами.

Д.В. Вознесенский и Э.П. Бертин в устье реки Дебин получили неплохие пробы. В речках Бючаннах и Медвежья они оказались значительней.

На речке Бючаннах взятые пробы содержали крупное и богатое золото. Было очевидно, что продолжение золотоносности идёт на запад, на левый берег Колымы...

На недостроенной пока до конца базе по мере прибытия поисковых партий разворачивалась своя напряжённая жизнь. В ожидании транспорта и отъезда на разведочные участки В.А. Цареградский усиленно занимался изучением материалов геологических партий. Геологи с прорабами обрабатывали привезённые материалы, определяя первостепенной важности объекты для предстоящих зимних разведочных работ.

Дополнялись карты, изготавливались и описывались шлифы горных пород.

Рабочие достраивали здания конторы и столовой-клуба. На базу начал планомерно прибывать долгожданный транспорт с продовольствием и рабочими. Кроме централизованной доставки грузов, оленеводы привозили оленьё мясо, рукавицы, шапки.

Готовился надёжный тыл для обеспечения предстоящих поисковых работ.

Перед их началом важно было набраться сил. С учётом этого на базе установили постоянный шестидневный режим работы с 9 до 18 часов с часовым перерывом на обед. Воскресенье — выходной день. Отлаживался механизм функционирования базы.

...Конечно, всем хотелось быстрее узнать и удостовериться в масштабах уже открытых россыпей золота, чтобы как можно раньше передать их в эксплуатацию, разведать детально, бросив для этого всех рабочих на один самый перспективный объект. Все понимали, что значительная часть поставленной задачи экспедицией выполнена. Её результаты успешны. Но, обсудив положение дел, всё же решили продолжить поисковые работы шире, чтобы, выявляя конкретные золотоносные реки, определить контуры и масштаб будущих перспективных направлений геолого-поисковых и разведочных работ.

План разведки россыпей золота в районах, близких к базе, был разработан.

Учитывая полученные результаты и наличие рабочих, которых можно было привлечь к шурфовке, в него были включены в основном работы в долине Бюченнах, на правом притоке Оротукана — Пятилетка и левом притоке — речке Разведчик. Мало-

эффективные участки, где работали партии Р.К. Рабинович, Ю.К. Дзевановского и Д.А. Каузова, решено было покинуть.

Члены экспедиции, кроме того, ясно отдавали себе отчёт в необходимости выполнить задания по геолого-поисковым работам на россыпи и руды золота.

Но выполнение геолого-поисковых работ, тем более в сжатые сроки, требовало знания геологического строения исследуемой территории. У них же в запасе были лишь знания разнородных дисциплин вузовского курса обучения и незначительный опыт полевых исследований. Отдельные геологические явления концептивно были изложены в то время в публикациях В.А. Обручева и В.Н. Вебера, но экспедиция развернула свои работы на неведомой до того территории, вдалеке от научных центров, в отсутствии возможности вовремя получить консультацию.

Надо было едва ли не с азов начинать изучать геологическое строение никем ещё не исследованного обширного края. Вести тщательный сбор образцов и проб для последующего анализа. Геологи много времени уделяли именно геологическим исследованиям.

Оттого-то каждый геолог вёз с собой по две-три научной книги.

Но не только необходимость заставляла допоздна просиживать за чтением специальной литературы.

Геология была их увлечением, схожим с одержимостью. Это увлечение, как вспоминал В. Цареградский, было осознанным, резко отличающимся от тех смутных картин, которые рисовались детским воображением после рассказов о своих странствиях старого сторожа Медвежонкова, от прочитанных книг и от того, что представлялось в годы студенчества!..

* * *

Удивительно целеустремлённый С.В. Новиков, принятый Билибинным в экспедицию по его горячему желанию стать геологом, первым обнаружил повсеместную золотоносность бассейна реки Оротукан. Но став геологом, он преуспел не только в поисковых работах. Уже одно то, что он с рабочими построил базу на Среднекане, значило многое для поисковых партий. А потом... потом они с Фаиной Рабинович поженились. И их семейный союз длился долго, и был счастливым.

Закончилась подготовка геологических партий к полевым работам. Наступила пора отправки. Майские дни 1931 года настоящей весны не принесли. Снег местами просел, посерел, но держался, покрывшись ледяной коркой, малопригодной для поездки на оленях.

Отложить отъезд — значит рисковать попасть в распутицу и надолго задержаться.

Было решено отправляться.

К десятому мая с базы отбыли все партии: сначала Каузова, Вознесенского, потом Цареградского, за ними — Рабинович и Новикова.

С астроном-геодезической партией выехал ещё в апреле Казанли. Добираться предстояло по долине Колымы до притока Конго, впадающего в неё выше устья Бахапчи.

...Попроцавшись с участниками партии Вознесенского, группа, возглавляемая В. Цареградским, свернула в узкую долину Конго. Партия Вознесенского продолжала путь вверх по Колыме...

Ручей Золотинка

Первые же пробы, проведённые вскоре после ледохода, едва спала вода, принесли удачу. Это случилось, когда Степан Дураков и Валентин Цареградский взяли пробу из русла на изгибе ручья и в закопушках на низкой пойменной трассе. Этот безымянный ручей, берущий начало на северо-западе массива, стремится к руслу Малого Мандычана. В месте крутого изгиба на север промывальщик и взял пробу. Оказалось, что в крутом изгибе, в образовавшейся пойменной терраске наносы и содержат хорошее золото.

Находка оказалась очень удачной и важной.

Золотники, величиной превосходящие в два-три раза зёрна гречихи, имели необычный характер. В отличие от окатанной формы, они были кристаллическими, со свежим ярко-золотистым цветом, характерным для высокой пробыности. Но главное — стало очевидно, что коренной источник металла недалеко, размывание его произошло по геологическим меркам

относительно недавно. Эта находка позволяла предполагать наличие других золотоносных участков и распространение их в юго-западном направлении, где находилась партия Вознесенского, что потом подтвердилось.

Накануне, добираясь с базы на место стоянки партии, геологи крепко рисковали. Им пришлось преодолевать более чем стометровой ширины наледь, отделяющую путников от правого берега Колымы. объехать разлившуюся воду было невозможно из-за высоких берегов и торосов на реке.

Переправа по такой наледи грозила гибелью, ибо она могла быть многослойной — весь обоз с людьми рисковал провалиться. Если образовались промоины — и того хуже — утонуть. Каюр эвенк знал место, где летом якуты и эвены переправляют лошадей вброд по подводной узкой косе, идущей под углом с одного берега на другой. Он предложил на эту косу попробовать попасть. Ничего себе — задача!.. Эвенк сбросил с себя дошку, разулся. Скомандовал всем сесть на нарты. Сам, шагнув в воду, потянул за собой упирающихся оленей.

...Пришёл момент, когда настил на нартах полностью pokrылся водой. Пассажиры, чтобы не свалиться с нарт, вынуждены были балансировать, стоя на широко расставленных ногах. Наконец-то вот он, берег! Попали!

Каюру после такой переправы растёрли спиртом ноги, заставили выпить полкружки разбавленного спирта и дали возможность проспаться, закутав в тёплые одежды...

* * *

Это было всего несколько дней назад. А сегодня на безымянном ручье взяты богатые пробы!

Степан Степанович предложил ручей, на котором было сделано удачное открытие, назвать Золотинкой. Очевидно, из желания добавить окружающей природе, скупой на краски, больше тепла и света.

Так и сделали.

Удивительный край!

Каждый мог здесь сделать открытие. И дать имя обнаруженной речке, долине, перевалу...

Совсем небольшой эпизод из жизни В.А. Цареградского: ещё в период Первой Колымской экспедиции на реке Талая

он впервые взял на лабораторный анализ пробы вод и газа. Вместе с Д. Казанли они впервые обозначили географические координаты источника. Некоторое время В.А. Цареградский ежедневно принимал минеральные ванны. Определил дебит выходов. Здесь в 1940 году был открыт потом санаторий «Горячие ключи». А позже — курорт «Талая».¹

* * *

...У сурового края изменчивый характер.

«...Брезентовые плащи и куртки не спасают от промокания. Вскоре холодные струйки начинают стекать по спине. Намокшие полы плащей путаются под ногами, цепляются за кустарники, мешая шагу. Мокрые рубашки прилипают к телу, брюки липнут к коленям, по ним стекает и накапливается в обуви вода. Пальцы рук зябнут, неуверенно держат карандаш. Записывать наблюдаемое в книжку, вести глазомерную съёмку становится трудно. Взгляд теряет остроту, среди намокших потемневших обломков горных пород в осыпях можно пропустить важные детали.

Вот почему по добровольно установленному порядку в короткий летний сезон все ясные дни становятся рабочими, а выходные переносятся на дождливую погоду, непригодную для геолого-поисковых работ». (В.А. Цареградский).

Непригодные для геолого-поисковых работ дни приходилось терпеливо пережить. Непогода утомляла, но зато порой такие природа дарила денёчки... Как награду...

«...Наконец в разрывах посветлевших туч засияла голубизна ясного неба, на востоке, как через зашторенное окно, просвечивало солнце, готовое вот-вот брызнуть лучами и растопить остатки снега. Воздух благоухал пряным настоем разнолистной зелени, разогретой коры деревьев и оттаивающей земли. Распахнув широко полотнища палаток, мы высыпали на простор, любуясь преобразившейся природой.

Азартно щebetали и пели свои нехитрые песенки синицы и прилетевшие с юга зяблики. Рьяно токовали на полянах пе-

¹ К изучению открытия Цареградским источников на р. Талая подключился профессор, д.м.н. Воробьёв. Стали известны некоторые эпизоды из воспоминаний участников Первой экспедиции 1928 г.

тушки куропаток, успевшие сменить свой снежно-белый зимний наряд на серо-коричневый, в мелких крапинках, соответствующий окраске горных склонов. На косах и островах Бахапчи оживлённо посвистывали кулички. Утки почти исчезли: пролётные улетели на север, местные уже гнездились и, прячась в зарослях, высиживали утят.

Теперь солнце всходило всё раньше и всё позже, и медленнее опускалось к горизонту. Наступили белые ночи...» (В.А. Цареградский).

Письмо Евгения

...Пришло письмо от Евгения. Странно, мы часто думаем об одном и том же. Но он, нетерпеливее меня, опережает.

Пишет:

«...Читал воспоминания В. Цареградского о Второй Колымской экспедиции и наслаждался. Знаете, одно дело: читать писателя и видеть, что всё здорово написано, крепко завязано, но догадываться, что это всё придумано. И другое: брать в руки книгу человека, который участник этих событий, сам оказал влияние на них, многим пожертвовал ради конкретного дела. А потом взял и написал об этом! И если человек правдивый и основательный, тогда этому цены нет!

Цареградский — человек конкретного дела, за письменным столом он ценит суть, подробности, сопровождающие любое событие, случай...

Как он чувствует природу! И часто, что-либо наблюдая на Колыме, невольно сравнивает это с нашим Поволжьем. Это мне близко, я родился и до пятнадцати лет рос под Саратовом. Мои деды были самарскими купцами. Раньше я об этом молчал, вы расшевелили меня. На улице Куйбышева в теперешней Самаре, недалеко от площади Революции есть дом, принадлежавший когда-то одному из моих дедов. Постаревший, но крепкий ещё, зажатый с обеих сторон более поздними застройками. Приеду, покажу Вам...»

Далее рассуждает:

«...Чаще всего В. Цареградский пишет, как бы это сказать, протокольно, дозировано. Это у него не только в описании природы, где он не желает до конца раскрываться, не хочет по-

казаться сентиментальным. И в диалогах порой он не договаривает... Знает силу молчания...

Взять хотя бы эпизод, связанный с приездом Юрия Билибина на два дня на Оротуканскую базу во время уже окончания Второй Колымской экспедиции в 1931 году и подготовки к возвращению в Нагаево.

В. Цареградский отмечает, что состояние Ю. Билибина резко отличалось от того, каким его привыкли видеть. Проскальзывала в его поведении тень беспокойства и озабоченности.

И эта фраза, сказанная на прощанье В. Цареградскому Ю. Билибиным, когда он со своей группой отплывал на баркасе на Среднекан: «Приезжай поскорее обратно к нам».

Его беспокоило золото Среднекана. Вернее подтверждение собственного прогноза. И, конечно, удручала неразбериха в снабжении продовольствием, кадровая чехарда. Некомпетентность на всех уровнях могла испортить дело.

Ему нужны были такие помощники, как Цареградский. Его опасение скоро подтвердится, когда наступит драматическая развязка».

Я отложил в сторону письмо.

Кольнуло: «драматическая развязка»... Евгению кажется, что ошибка Билибина и Цареградского в оценке наличия рудного золота, которую они допустили после 1-й своей экспедиции, послужила главной причиной последующих за этим бед в жизни Ю. Билибина...

...Поймал себя на том, что невольно сравниваю Евгения с В. Цареградским. Они похожи. Даже в какой-то мере внешне. Бывает же такое... Раньше не замечал... И по годам они сверстники...

Время отъезда

Осень подходила к концу.

В бухту Нагаева Вознесенский, Каузов, Новиков и другие участники экспедиции выехали вовремя.

Цареградский, Горанский и счетовод Чайковский должны были сдать имущество базы представителю ГГРУ¹ и отправиться вслед за ними. Вот тут-то и началась странная сумятица.

¹ ГГРУ – Главное геолого-разведочное управление.

Сотрудник ГГРУ, прихватив их лошадей, которые были предназначены для переезда, отправился не к ним на базу, а с грузом продовольствия на Среднекан.

Наступал сезон бездорожья, геологи рисковали опоздать в Нагаево к отправлению последнего парохода.

С охотником-эвеном удалось послать в Нагаево одного из подсобных рабочих, чтобы тот попытался организовать транспорт. Они намеревались расплатиться за это остатками продовольствия.

Этот рабочий вернулся с двумя упряжками собак. От него стало известно, что заведующий базой ГГРУ К.М. Шура выехал в Усть-Среднекан. Вскоре другой рабочий привёз записку от Шура, в которой В. Цареградского срочно вызывали в Усть-Среднекан, где располагалась основная база ГГРУ.

Рушился напроочь не только установившийся планомерный порядок организации экспедиции, но и сам отъезд из Нагаева во Владивосток, а затем в Ленинград ставился под сомнение.

Надо было менять план. В. Цареградский распорядился, чтобы геологи ехали в Ленинград, поручив обработку материала и общее руководство до своего возвращения Дмитрию Вознесенскому. Сам же с Марией Яковлевной, взяв нарту, запряжённую собаками, без каюра отправился в Усть-Среднекан.

* * *

Совершив марш-бросок за двое с небольшим суток по заснеженной пустыне, на базе ГГРУ они обнаружили неуправляемую ситуацию. Здесь всё шло самотёком. Многое объяснялось неопределённостью. Стало известно, что все организации на Колыме переходят в полное подчинение вновь организованному тресту «Дальстрой». Совсем недавно прибывшие сотрудники ГГРУ треста ещё не успели организовать ни обустройство базы, ни работу его коллектива. Продовольствие было на исходе. Бездорожье грозило голодом. Ю. Билибин часто отлучался с базы в ГРБ приискового управления «Союззолото», целиком занимаясь своими прямыми обязанностями технического руководителя ГГРУ.

В подчинении начальника ГГРУ Карла Шура не было опытного хозяйственника. Сам он был бессилён наладить работу управления.

Вскоре от недоедания появились истощённые, больные цингой.

Заболел цингой и В. Цареградский.

У многих от цинги сильно сдавали нервы. Шелушилась сухая кожа, распухали дёсны, шатались зубы. Трудно становилось жевать пищу, разговаривать. Неприятно пахло изо рта. Отекали конечности, походка становилась старческой.

...В. Цареградский устоял против болезни.

В бухту Нагаева Цареградские выехали только во второй половине 1932 года.

Верхне-Колымская экспедиция

Пройдёт совсем немного времени, и В. Цареградский возглавит Верхне-Колымскую (на Зырянку) экспедицию, начавшую свою работу весной 1933 года и закончившую — в 1935-м. Задачей экспедиции было проведение геолого-поисковых, астрономо-геодезических и топографических работ с целью выявления коренных и россыпных месторождений золота, платины, олова, мышьяка, свинца, каменного угля. Особое значение имело составление топографической карты района, сводных геологической, поисковых карт.

Экспедиция должна была проверить полученные сведения о существовании месторождений золота, якобы открытых Поповым.

В это время старый приисковый район, наращивая золотоносные площади, интенсивно развивался. Партия С.В. Новикова, как мы уже знаем, в 1931 году открыла значительные россыпи золота в притоках реки Оротукан. Ф.К. Рабинович обнаружила золотоносность бассейна Гербы. Это месторождение оказалось тоже промышленным. Партия Д.В. Вознесенского открыла месторождение россыпного золота и оловянного камня в бассейне реки Тенька.

В.А. Цареградский обнаружил золотоносные месторождения на левых притоках Бахапчи.

Верхне-Колымская экспедиция была организована уже «Дальстрем».

Получив в свои руки солидную базу для разведочных и эксплуатационных работ на россыпное золото, только что создан-

ный трест «Дальстрой» не в состоянии пока был реально оценить открывшиеся возможности. Его руководство, кроме того, не до конца верило прогнозам Билибина. И проверяло любые слухи. Оно не прочь было погоняться за призраками. А тут подвернулись под руки письма Попова. Об этих письмах Ю. Билибин знал от горных смотрителей, работавших на Среднекане ещё в 1929 году.

Среднеколымский казачий пятидесятник Попов предлагал в 1914 году компании «Лена Голдфилдс» купить у него богатые золотом участки. В 1917 году он намеревался за солидные деньги показать свои золотоносные участки на Колыме уже Временному правительству.

На письма казачьего пятидесятника в адрес компании «Лена Голдфилдс» в иркутских архивах наткнулся всё тот же деятельный Ф.Д. Оглоблин. Он-то и передал их в 1927 году правлению Акционерного Камчатского общества. Оттуда они попали в «Дальстрой». Горные смотрители узнали о золоте Попова во время работы Первой Колымской экспедиции (1928-1929 гг.) от Оглоблина.

Билибину с его знанием природы образования колымского золота было ясно, что в области развития палеозойского известковистого комплекса пород, где нет верхнеюрских и нижнемеловых границ, с которыми и связано колымское золото, нельзя надеяться на значительную золотоносность пород.

Юрий Александрович не менее скептически относился к слухам о находках Попова, чем к записке Розенфельда.

«Опять теоретизирует... Академик», — раздавалось среди недоброжелателей.

Поиски поповского золота поручили В.А. Цареградскому.

В АКО считали большим достижением, что всё-таки удалось расшифровать записки Попова и определить истинное месторождение его находок.

И здесь срабатывал не научный, основанный на знании геологии, а «старательский» подход — вера в удачу, в миф.

Ю.А. Билибин оказался прав: промышленного золота, такого, как в приисковом Колымском районе, найдено не было. Сведения о находках Попова оказались мифом. На левобережье Колымы, в бассейнах рек Рассохи и Зырянки, поисковое опробование дало ясную картину бесперспективности на золото в этом районе.

Поповские ямы

Помог, как водится, его величество случай. Удалось найти в Верхнеколымске сподвижника Попова — его конюха, якута Данилова. Он согласился одного из лучших поисковиков Колымы Иннокентия Ивановича Гальченко привести туда, где Попов обнаружил когда-то золото. Разведчики опробовали долину реки Зырянка, устье которой находилось в пятнадцати километрах ниже Верхне-Колымска. Не было обнаружено даже знаков золота.

На десятиметровой речной террасе в долине речки Бочеры Данилов показал на неглубокие, около двадцати сантиметров, ямки:

— Тут золото Попова!

Проведённая шурфовка дала лишь ничтожные знаки золота. Данилов обратил внимание поисковиков на выброшенные вместе с породой при шурфовке кристаллы серного колчедана. Всё стало ясно. Казачий пятидесятник, как это случилось и с Розенфельдом, за золото принял пирит. Обычная ошибка малосведущих в золоте людей, принимающих серный колчедан из-за его цвета за золото...

Итоги Третьей Верхне-Колымской

Экспедиция не вполне оправдала надежды. Золотило только на правобережье Колымы. Но проведённая геологическая съёмка мест опробования — это тоже необходимая и полезная работа. И это результат. Одним «белым пятном» на Колыме стало меньше.

В первый год работы экспедиции удалось найти новые пласты хорошего каменного угля на Зырянке, дать прогнозные запасы его. Чуть позже там начали добычу угля для нужд Главсевморпути. Но это всё же не то, что ожидалось. Цареградскому, кроме того, удалось в бассейне ключа Белая Ночь обнаружить медное оруденение. Из штуфов прекрасной руды ему выплавили кубик меди, и теперь он украшал рабочий стол начальника «Дальстроя» Берзина. Но... и медь не золото...

Винить, казалось, было некого, но руководство экспедиции чувствовало себя так, словно не выполнило обещанного.

...Главное управление «Дальстроя» решило продолжить изучение районов реки Колымы, её правобережья. Руководителем экспедиции был назначен один из опытных поисковиков Сергей Дмитриевич Раковский.

...Опыт Верхне-Колымской экспедиции, занимавшейся поисками «золота Попова», оказался ценным при организации последующего освоения дальних «белых пятен» Колымы.

Исследования Третьей Верхне-Колымской экспедиции были оценены по достоинству только после двух лет камеральных работ в Ленинграде. Они вызвали большой интерес геологов Академии наук, Центрального научно-исследовательского геологического института.

Для камеральной обработки материалов, взятых в верховьях р. Омулёвки, Рассоху, левых притоках р. Зырянки и др. в Московское представительство «Дальстроя» были направлены начальник геолого-поисковой партии по р. Кулу К.Ф. Соколов и начальник Верхне-Колымской экспедиции В.А. Цареградский. В пробах выявили наличие исландского шпата, серы, гипса и медной руды.

Ю.А. Билибина и В.А. Цареградского порой упрекали, говоря, что трест «Дальстрой» не Академия наук и прочее, что нужны не теоретические изыскания и умопостроения, а реальные открытия. Но в итоге всё равно оказывалось, что практическая сторона дела — открытие месторождений — находится в прямой связи с познанием геологии края.

Собранный Верхне-Колымской экспедицией материал позволил разрешить важный и принципиальный вопрос: какую структуру представляет из себя территория. Результаты геологических наблюдений явились необходимым материалом при составлении геологических карт по Северо-Востоку.

Вновь «Гореловские жилы»

Итак, ни одна из Колымских экспедиций не обнаружила ни «Гореловские жилы» Ю.Я. Розенфельда, ни золота Попова.

Ю.Я. Розенфельд тем не менее продолжал верить в своё открытие.

...После встречи в Чите с начальником Московского представительства «Дальстроя» З.А. Алмазовым, разговоров с ним

Ю.Я. Розенфельд прибыл на Колыму. Узнав о результатах Первой Колымской экспедиции Ю.А. Билибина, он пишет в своём письме от 16 августа 1933 года, что надеется на приглашение его на работу в Дальстрой «для научно-исследовательских изысканий общесоюзного значения».

В конце ноября 1933 года Ю.Я. Розенфельд прибыл в бухту Нагаева. Дирекция «Дальстроя», обеспокоенная необходимостью расширения поисков коренных месторождений золота, поддержала его в поисках «Гореловских жил».

Ю.Я. Розенфельд летом 1934 года возглавил Дегдянскую рудо-поисковую партию. Нужно было рудное золото! Под него была заказана специальная техника, а среднеканская дайка оказалась не столь перспективной, как ожидалось.

Полевые работы Ю.Я. Розенфельда оказались удручающе безуспешными. «Гореловские жилы» найдены не были. Ю.Я. Розенфельд был арестован. В январе 1935 года его приговаривают к пяти годам исправительно-трудовых лагерей.

Из заключительного слова Ю.Я. Розенфельда:

«Я целиком признаю себя виновным в том, что обязался тресту «Дальстрой» показать «Гореловские» золотоносные жилы, которые впоследствии найдены не были, тем самым причинил материальный ущерб «Дальстрою» в создании поисковой партии для этой цели. Прошу суд обсудить все обстоятельства и дать мне возможность в дальнейшем честно работать в советском государстве».

Розенфельд был искренне обескуражен, не найдя спустя двадцать пять лет «открытое» им золото. Он не учёл природу образования золотоносных жил, их поведение в условиях колымского климата.

Кроме того, он мог принять пирит за золото: они очень похожи. Пирит блестит куда ярче золота...

Известно неоднократное высказывание Ю.А. Билибина, что богатого золота в предполагаемом районе «Гореловских жил» вообще не могло быть...

...Чего было больше в том, что привело Розенфельда к ошибке? Невежества, доверчивости, веры в чудо? Может, всё вместе?..

Может быть...

Но ведь и равнодушие — самое страшное для разведчика, для геолога, ступившего одним из первых на неисследуемую

землю... Так или иначе, но Ю.Я. Розенфельд первый во весь голос заговорил о золоте Колымы. Ему принадлежит выдающаяся заслуга в привлечении своими записками и старателей, и профессиональных геологов к бурному освоению золотоносного края.

Только начни читать дневник любого геолога, и станет понятно состояние, которое владеет им, когда он пытается прояснить то, что образовалось, сложилось за миллионы лет жизни Земли. Когда он со своими знаниями, опытом такой короткой, как высверк, собственной жизни в сравнении с этой чудовищной глыбой — миллионами лет жизни планеты стремится, как отважный рыцарь с картонным копьём, взять до сих пор никому недоступную крепость.

Тут всё: и раздражение, и мука, и смятение. И радость открытий!..

Все жертвы, утраты, все трудности окупаются сознанием того, что ты: «...первый ступаешь на новую, ещё никем не исследованную территорию, что ты первый имеешь возможность ознакомиться с ней и поведать о её богатствах другим. Именно это ни с чем не сравнимое ощущение первооткрывательства давало нам возможность легко переносить трудности, которые в других условиях казались бы почти непреодолимыми».

Так напишет много позже известный ещё по Алдану геолог, участник освоения Колымы, Борис Иванович Вронский.

Нечто похожее, конечно, в менее значительной степени, приходилось испытать и мне. Помнится то состояние окрылённости, когда я получил первое свидетельство на изобретение.

То, что удалось сделать, не существовало до того в технике. Не было аналога! И вот изобретение есть, оно работает!.. Оно тиражируется. Ни с чем не сравнимое чувство!..

* * *

До 1937 года неудачливый золотоискатель Ю.Я. Розенфельд отбывал наказание в Магадане в 10-м отдельном лагерном пункте Севвостлага. В 1935 году его назначили исполнять обязанности заведующего Охотско-Колымским краеведческим музеем, затем он занимался сбором материала по истории медицины Колымы и «Дальстроя». В 1937 году он вновь арестован, обвинён в шпионаже по заданиям иностранных разведок.

Такое обвинение подпадало под «расстрельную» статью. Его не успели расстрелять, так как в ноябре 1938 года внесудебные органы — тройки НКВД по «Дальстрою» были отменены.

Ю.Я. Розенфельд с апреля 1939 года работает в Усть-Утиной, в Юго-Западном горнопромышленном управлении старшим коллектором. В апреле 1940 года его находят убитым в кювете на 403 км Колымской трассы.

«Конкретные причины этого убийства не были установлены. Одни подозревали ограбление, другие — его имитацию после нападения с целью добыть сведения о будто бы спрятанном Ю.Я. Розенфельдом ещё в дореволюционные времена богатом золоте. Эти версии сохранились до настоящего времени и конечно же характеризуют Колыму 1930-1940 гг., которая сломала, искалечила судьбы многих людей». (А.Г. Козлов).

«Я жить решался на часы»

Желая как можно больше знать о Колыме, помня разговор с Евгением Конюховым, потянулся к «Колымским рассказам» Варлама Шаламова. Читал их теперь я уже не так, как в студенчестве.

В. Шаламову не было и двадцати лет, когда он 13 апреля 1927 года впервые вошёл в лагерные ворота.

Автор, прошедший в магаданских лагерях в условиях, «несовместимых с человеческой жизнью», семнадцать лет, знал то, о чём писал. Антироман «Вишера»... «Синяя тетрадь», «Левый берег», «Колымские рассказы». Книги — как открытые раны. Все они — страшное повествование о разрушении человека...

Сам он скажет о себе:

«...Не знаю, что такое счастье, — уцелеть после великих мук или умереть раньше страданий».

И в другой раз:

«Колымские рассказы» — это судьба мучеников, не бывших, не умевших и не ставших героями».

В стихах ещё отчаянней:

*Я ел, как зверь, рыча над пищей.
Казался чудом из чудес
Листок простой бумаги писчей,
С небес слетевшей в тёмный лес.*

*Я пил, как зверь, лакая воду,
Мочил отросшие усы.
Я жил не месяцем, не годом.
Я жить решался на часы.*

Один из первооткрывателей лагерной темы В. Шаламов сказал: «Я пишу о лагере не больше, чем Экзюпери о небе...»

* * *

...Я вернулся к рассказам. Дочитал до конца. И изнемог.

Придавили нечеловеческие испытания, выпавшие на долю обычных людей. Как же сохранилась среди этого ада живая душа писателя?

«Я очень боялся в молодости прожить жизнь напрасно, и вот по тем письмам, которые я получаю с Севера до сих пор, я имею право считать, что жизнь моя там не была совсем напрасной, что меня помянут добрым словом, и помянут люди хорошие...» — писал он, уже будучи на свободе. Слава богу!

Но куда деться вот от этого:

*Говорят, мы мелко пашем,
Оступаясь и скользя.
На природной почве нашей
Глубже и пахать нельзя.*

*Мы ведь пашем на погосте,
Разрыхляя верхний слой.
Мы задеть боимся кости,
Чуть прикрытые землёй.*

Проза Шаламова, его стихи... Ничего страшнее я не читал. Во мне произошёл разлом. Я потерял равновесие.

Молодая, брызжущая через край энергия! Торжество над стихией природы геологов, первых пришедших на Колыму! И эта — страшная, другая жизнь. Уже до них была она на этой земле. Как всё это соединить в себе? Это саднящее душу знание... Я долго не мог вернуться к своим «Запискам».

* * *

Придал мне силы Евгений. Пришла посылка от него.

«...Посылаю Вам две книжки о Колыме. Они Вам, как мне кажется, пригодятся. Завидую Вашему усердию...»

Он что? Ясновидящий, этот Евгений? Почувствовал моё состояние?

Не сразу я потянулся к книгам. Но доверие моего помощника обязывало. ...А в присланных книгах — сама жизнь! Давнишняя, отлетевшая, но такая заразительная.

* * *

Позвонила Жамиля. Оказывается, есть письма В. Цареградского к редактору Магаданского книжного издательства. Ей удалось получить копии их. Мы уже знали, что В.А. Цареградский не вёл дневников. Его письма потому особо интересны.

Кроме того, обнаружилось у родственников геолога подлинники трогательных писем Марии Яковлевны (Ма) в Самару к племянникам В.А. Цареградского. На следующий день письма были у меня.

Всё это случилось в течение последней недели.

...Потихоньку начал читать, делать выписки, закладки...

Так я вернулся в прежнее своё «русло»...

Золотая река — Индигирка!

Валентин Цареградский намеревался написать книгу воспоминаний об Индигирской экспедиции. От самого её начала и до отъезда его в Магадан на должность главного геолога «Дальстроя» и организации Геологического управления «Дальстроя» в 1938 году.

Как бы хотелось увидеть те далёкие события, отмеченные его взглядом.

При чтении книг В.А. Цареградского вспоминаются страницы великолепных повестей Сергея Тимофеевича Аксакова «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» и «Записки об ужении рыбы». Любимые книжки детства!

И, конечно, на первом плане «Детские годы Багрова-внука». Книга В. Цареградского «По экрану памяти» — словно рассказ выросшего Серёжи Багрова — героя книги Аксакова. Ставшего геологом и продолжающего жить слитно с природой, в глубоком понимании её, с годами усиленным знаниями геолога-первооткрывателя. Мы с Евгением Конюховым говорили об этом. У Цареградского, как у Аксакова, природа не просто

пейзаж, а сама жизнь, свободно дышащая. И человек в стихии природы — часть её. В отличие от Башкирии и Поволжья, где проходило детство Серёжи и Вали, природа Колымы часто совсем ещё дикая! Первозданная. От того завораживающая! Порой заставляющая замирать сердце от прикосновения с неожиданными глубинными её проявлениями. Геолог и художник — это сочетание плодотворно!

Цареградский осознал ценность своего опыта жизни в природе, потому так он нетороплив, обстоятелен. И в то же время как ёмок его рассказ, казалось бы, о заурядном, обыденном, повседневном, но несущем в себе поэзию жизни. Всю жизнь в нём не иссякал интерес к окружающему миру. С годами он только возрастал, достигал вселенского масштаба. Уже на склоне лет геолог изучает проблемы космоса, его интересуют источники энергии деформации поверхностной оболочки земли...

* * *

Признаки золотоносности района реки Индигирки впервые отметила ещё в 1926-1930 годах экспедиция С.В. Обручева. Уже в 1935-1937 годах в верховьях Индигирки вели работы поисковые партии И.Е. Исакова, И.И. Гальченко, Е.Е. Шаталова. После того как И.И. Гальченко обнаружил золотоносность долин, были открыты промышленные россыпи на Нюнча, Анка, Курун-Агалык, Сох и др. В течение последующих пяти лет будут открыты крупные месторождения россыпного золота по ручьям Туора-Тас, Таганья, Захаренко и другие.

Неутомимые в своих поисках энтузиасты-первопроходцы потом проложат свои тропы по долинам, сопкам, распадкам, открывая богатства края вечной мерзлоты, отыскивая ключи, из которых до сих пор бьёт золотой поток. Северяне-индигирцы с благодарностью помнят имена первооткрывателей Северного края: И.Е. Исакова, Д.П. Асеева, И.И. Гальченко, В.П. Лоот, В.М. Неганова, С.Д. Раковского, В.А. Цареградского, Е.Т. Шаталова и многих других.

Это будет потом. А как всё начиналось, впервые, в 1935 году, с момента организации Индигирской экспедиции во главе с В.А. Цареградским? Начиналась и проходила экспедиция, как и все остальные. Порой с риском для жизни, в невероятном

холоде... В преодолении непредсказуемых преград, в радости открытий...

Скажу не в первый уже раз: воистину многолетняя героическая повседневность жизни поисковиков-геологов заслуживает написания о ней эпоса. С упоминанием имени каждого!

Сколько было тех, кто совершал походы на Колыму, Индигирку, кто строил потом автотрассы через многочисленные перевалы, кто обеспечивал край продовольствием, энергетикой! Сколько таких сейчас! Их надо знать. И помнить. Память выстраивает нашу жизнь.

* * *

С окончанием работ Верхне-Колымской экспедиции в январе началось обсуждение полевых работ на лето 1935 года. И на первый план выступало исследование обширной территории, начинающейся от верховья Индигирки до самой северной части Охотского побережья.

...Из бассейна Индигирки — правого её притока Неры — Гальченко доставил обнаруженные им поисковые пробы с весовым золотом. Но дальние расстояния и отсутствие транспорта не давали возможности организовать зимние разведочные работы.

А с наступлением весны — в самый раз! В середине марта на базу «Дальстроя» пришли первые олени транспорты, столь необходимые для дальних партий, таких, как Верхне-Омулевская, Верхне-Рощинская. Значилась среди них и Индигирская партия. Районы, в которых предстояло работать поисковикам, отстояли от базы на расстоянии до четырёхсот километров. Туда предстояло добираться по бездорожью и с большим грузом.

Для меня Индигирская экспедиция так же увлекательна, как и Первая Колымская. Они обе по своей значимости для освоения края и разработки золота — бесценны! Обе были мечтой неудержимого и страстного первооткрывателя Вольдемара Бертина. Вспомним, как, заболев Колымой, не имея возможности самому отправиться с Алдана на поиски колымского золота, рассказал он о записках Ю. Розенфельда Ю. Билибину, заразив его Среднеканом. Манила его и Индигирка! Но... Золото Индигирки ждало своего часа...

Работа на Индигирке планировалась ещё основательней, чем при организации предыдущих экспедиций на Колыму. Чувствовалась возрастающая мощь треста «Дальстрой».

Пока летом обрабатывались материалы Верхне-Колымской экспедиции, Горное управление края послало на территорию, которую обследовал И. Гальченко, свою поисковую партию. Эта партия в составе 23 человек провела более детальную геологическую съёмку и подтвердила полученные ранее И. Гальченко поисковые данные. Было очевидно, что открытая Первой Колымской экспедицией рудоносная золотая зона простирается на бассейн реки Индигирки.

Предстояло теперь зимой создать две базы. Одну — на реке Берелёх, вторую — на Нере, притоке Индигирки.

На этих базах надо было оборудовать склады, подвезти туда необходимые грузы. Шёл уже 1937 год, и геологи начали использовать самолёты. Следовало подготовить зимние посадочные площадки для них, развернуть радиостанции.

Весной должны были перебраться на Индигирку геологи, летом — начать работать.

Всю организацию Нерской базы В. Цареградский, который уже был в штате «Дальстроя», поручил И. Гальченко. Сдав летом построенную базу, он должен был продолжить свои успешные поисковые работы. Строительные работы на Берелёхской базе были доверены Зайцеву.

Из воспоминаний И. Гальченко:

«...В сборах незаметно прошёл месяц.

В один из последних дней ноября мы, участники экспедиции, собрались в кабинете директора треста «Дальстрой» Эдуарда Петровича Берзина.

Высокий, крупный, одетый по-военному, он встречает нас вопросом: «Ну как, снабженцы вас теперь не обижают?..»

И, едва закончив разговор о значении Индигирской экспедиции и её организации, возвращается к вопросу о снабжении, о том, как надо беречь людей, заботиться о них.

— Не забывайте о тёплой одежде, — говорит он. — Всё, что нужно, заказывайте в нашем промкомбинате. Надо, чтобы у вас не получилось так, как со мною в первую зиму на Колыме. Тогда я решил: использую передовую технику, на вездеходе новой конструкции без дороги быстро проеду от бухты Нагаева

до прииска Среднекан. А техника-то подвела. Застрял мой вездеход в снегу. Мороз — под пятьдесят! Я со своими спутниками дрожу в обледеневшей кабине: все мы в одних шинелях. Даже печки железной и палатки горе-таёжники не захватили с собой. У костра от обмороживания спасались. Олени тогда вывезли нас из тайги... Теперь я сшил себе всю таёжную тёплую одежду: кухлянку, пыжиковые брюки, торбаза меховые — без них в тайгу ни шагу!

«Что-то нас ожидает в Индигирской экспедиции? — думаю я. — Там ведь трудности исключительные. Безлюдная, мало-снежная тайга, раскинувшаяся на сотни километров в районе северного полюса холода. Ежедневные поездки, ночёвки в бязевых палатках при жгучем морозе в 60 градусов и ниже! А наледи... Вода, выдавленная морозом на поверхность льда, бежит тебе навстречу, дымясь и искрясь. Вот, поди, преодолевай её!»

В пути

Через несколько дней геологи наконец попали в бассейн реки Берелёх, а затем к месту будущей базы, где на снегу лежит часть доставленных грузов, где нет даже захудалого домика.

Группе И. Гальченко пришлось несколько дней ждать, когда пригонят оленей.

Наконец сборы закончены. В транспорте, который отбывает дальше по маршруту, шестьдесят три нарты. Их ведут шесть каюров. В группе И. Гальченко — его жена Наташа, завхоз Воробьёв и восемь рабочих. Транспорту предстоит пройти триста километров по снежной целине в безлюдной тайге.

Передвигаются они на оленях с частыми задержками для ремонта нарт, которые выходят из строя, налетая на обмёрзшие кочки на болотах. Едут с ночёвками в бязевых палатках, в постоянном беспокойстве за оленей, которых порой трудно собрать. Часто животные гуськом идут на пологую сопку, где начинают энергично «копытить», разгребая снег. Достают себе белый мох — ягель.

Отпуская оленей кормиться, каюры привязывают особо диким из них на шею палки на верёвках — «ченгаи». Эти «ченгаи» бьют их по ногам, не давая далеко убежать.

Чтобы в палатке было теплее, на неё набрасывают в два слоя брезент. По бокам ставят листы фанеры.

Бывало так, что оленей трудно собрать. Иногда сбор их длится весь день. Связав два-три тонких ремня, устраивают среди деревьев загон. С криком: «Тать! Тать!» — каюры начинают гнать животных, обычно движущихся тесным табуном.

Порой несколько особо резвых оленей перескакивают через маут и стремглав несутся в лес. Всё надо терпеливо начинать сначала.

Часто оленей до наступления ночи собрать не удаётся и отъезд приходится переносить на другой день.

При морозе ниже пятидесяти градусов нарты, сделанные из сырого дерева, становятся хрупкими, как стекло. На таком морозе часто рвётся промёрзшая сбруя.

* * *

Уже через несколько суток двое каюров тяжело заболели. Лежат на нартах, стонут, кашляют и сморкаются.

Так проходят первые семь дней пути.

Неожиданно приходит помощь. Агент оленесовхоза, в котором взяты олени, Егор Винокуров, догоняет транспорт на лёгкой оленьей упряжке.

Обеспокоенный тем, что снегу мало и нарты ломаются, много больных, он отправился на разведку.

Винокуров уезжает, взяв с собой больных и пообещав вернуться с помощью.

...Группа продолжает двигаться вперёд. Трудней всего на открытом месте, где нет дров и корма для оленей. Бескрайняя долина вся покрыта застывшей наледью. Едва остановишься, потный, усталый, враз замёрзнешь.

Часто падают, выбившись из сил, олени... До намеченного места под базу дошла лишь половина транспорта И. Гальченко.

Три дня геологи обустриваются, выбирая место для базы и аэродрома.

Разгрузив нарты, транспорт порожняком отправляют в обратный путь. Прощаясь, штурман Иван Иванович заверяет:

— Ждите в начале апреля на самолётах. На трёх «антонах» забросаем грузами!

Дан приказ!

...Вечером явился посыльный Дмитрий Неустроев. Протянул Гальченко пакет. В нём письмо от заместителя начальника экспедиции Вронского:

«Привет. Сообщаю вам печальную новость. Индигирская экспедиция приказала долго жить. 29 декабря издан приказ о её ликвидации. Все грузы переданы в Северное горное управление... С получением сего вам надлежит оставить на Артыке продовольствие и часть снаряжения. Остальное верните. Для охраны оставьте двух человек. С остальным персоналом возвращайтесь обратно, для чего за вами послано сорок нарт».

На следующий день начинаются тоскливые сборы в обратный путь. Шестьсот километров бездорожья, в адские морозы. И всё напрасно. Полтора месяца потерянного времени.

...Казалось бы, какой смысл мне пересказывать воспомина-ния о досадных несогласованных решениях.

Но ведь их столько было. Они всегда есть в любом живом деле. А в таком!.. Неудивительно... Но цена их?..

* * *

Чуть позже всё же удалось отстоять продолжение исследований на Индигирке. Приказом по «Дальстрою» Цареградскому будет поручено вновь организовать экспедицию. Были отпущены необходимые средства.

А до того неудержимому И. Гальченко предстоит отправить-ся на Индигирку с одной рекогносцированной партией — Нерской. В этой партии он возглавит поисковый отряд под началом Ивана Ефимовича Исаева, работавшего ранее на Чукотке.

На вторую партию не хватило средств. Рабочих в партию не дали. ИТР: геолог Сергей Захаров, коллектор Александр Нестеренко. Разрешено взять сторожей, которые остались караулить груз на Артыке, и промывальщика Пятилетова. Вот и вся партия.

Основная задача партии: геологическая разведка. Но И. Гальченко без поисковых работ себя не мыслил.

Решено вести работу двумя отрядами: вниз по Нере и Индигирке на плоту плывут Исаев, Захаров, Нестеренко и Пятилетов. Местный житель Гаврила Кривошапкин пойдёт с ними лоцманом: он хорошо знает реку. Степан Лошкин поплывёт с

запасом продовольствия. И. Гальченко, Чистых и Адам на шести лошадях через перевал должны выйти к речке Тополевой.

Условлено, что отряды встретятся у дальней юрты Софрона Корякина.

Через перевал

Переход через перевал оказался не из лёгких.

«...Преодолен крутой подъём. Вот она, вершина! Но что это?.. Впереди отвесной трёхсотметровой стеной возвышается гребень, явно недоступный для лошадей.

Не пройти и здесь. Посоветовавшись, решаем: все, кроме меня, возвращаются в долину. Я же поднимусь на водораздел и посмотрю с высоты, где удобнее пройти. Попутно выясню, из каких пород сложена гряда.

Адам и Чистых с лошадьми начинают медленно, словно нехотя, обратный путь.

С трудом и риском взбираюсь на перевал. Панорама открывается великолепная. Стальной лентой извивается Индигирка, пробиваясь через цепи гор хребта Черского. Далеко внизу, возле устья речки Тополевой, серебряным гривенником блестит на солнце круглое озерко, около него бурыми кочками торчат две юрты. Пасётся скот — коричневые букашки. До юрты Софрона рукой подать. Но близок локоть, да не укусишь...

Придётся возвращаться и где-то в верховье Учугея искать перевал в Тополиную. День, а то и два потеряны.

Возвращаемся и в среднем течении речки Учугей находим место, где, пожалуй, можно перевалить через гору.

Начинаем подъём. Цепляясь за ветки стланика и выступы скал, впереди всех ловко преодолевает крутизну Адам. Лошади то и дело оступаются, падают на колени, рывками, с трудом карабкаются по откосу. Вьюки сползают, и нам всё время приходится их поправлять.

Упорно, зигзагами продвигаемся к гребню.

До водораздела остаётся всего полсотни метров. Тут становится ясно, что коням с вьюками здесь не пройти. Иван и Адам развьючивают их. С огромными усилиями, согнувшись под тяжестью, перетаскиваем наш груз на вершину. Лошади послушно следуют за нами.

И наконец водораздел. Грандиозная панорама цепей хребта Черского открывается перед нами. Видим заросшую лесом долину реки Тополевой.

Надо спускаться. Но спуск ещё труднее, чем подъём. Не может быть и речи о том, чтобы выючить лошадей. Как ни привычны к горам местные якутские коньки, навьюченными они спуститься здесь не смогут. А люди тем более.

— Перевяжем покрепче весь груз и столкнём вниз, — решаю я. — Другого выхода нет.

Один за другим тяжёлые тюки, подпрыгивая, исчезают за каменными выступами.

— Ну, а теперь и мы! — говорит Иван.

Начинаем опасный спуск. Под ногами — скользкий мох. Тонкий слой его прорывается, обнажая зеленоватые кристаллы льда вечной мерзлоты. Каждую секунду можно сорваться и покатиться вниз. Страшно за лошадей: не напоролись бы на сучья, не поломали бы ноги...

Вот и долина, берег реки. Лошади стоят с трясущимися ногами; у одной до крови расцарапана морда, у другой — бок.

Теперь до юрты Софрона, действительно, рукой подать. Интересно, там ли Исаев?» (И. Гальченко).

...Отряд Исаева прибыл вечером.

У юрты Софрона

Нет, не напрасно было проявлено такое упорство в желании вернуться на Индигирку.

Небольшая горстка поискового отряда И. Гальченко по сути оказалась таким же дерзким десантом в малоизвестное, как и Первая Колымская экспедиция. Обе они стёрли «белые пятна» с огромных, перспективнейших для промышленных разработок территорий.

Первая Колымская экспедиция это свершила на реке Колыме. Группа И. Гальченко — в долинах реки Индигирки.

Первое же опробование совсем недалеко от юрты Софрона дало положительные результаты. В лотке под полоской чёрного шлиха мелькнуло несколько блестящих чешуек... общим весом в два-три грамма... В смываемых Пятилетовым следующих трёх лотках — результат ещё лучше. В совке И. Гальчен-

ко круглая лепёшка — самородок размером в золотой червонец.

Старый якут, девяностопятилетний Софрон, получается, ходил весь свой век по золоту.

Послушаем голоса из далёкого прошлого, сохранённые И. Гальченко:

«— А как окрестим этот ключ? — спрашивает Пятилетов.

— Ручей назовём Пионер. Ведь пионер Илья¹ помог нам его найти. Да и уверен я: будет ручей пионером среди объектов, которые мы ещё откроем в этом сезоне.

— Дело! — соглашается Пятилетов. — А вот этот ключишко, на выносе которого мы брали пробу, назовём — ключ Ильи.

— Быть по сему! — соглашаюсь я, подхожу к одинокой лиственнице, делаю затёс и пишу карандашом: «Ручей Ильи». Ставлю дату и подписываюсь.

— А ниже ты, Илья, подпишись.

Продолжаем обрабатывать ручей Пионер, двигаясь вверх по его течению. Илья показывает нам места, где зимой ловил петлями зайцев и ловушками-плашками куропаток.

В верхнем течении ручья мы опять берём хорошую пробу. Пятилетов радуется:

— Самостоятельное золотишко! Третий лоток промываю, и в каждом, почитай, не менее грамма-двух металла. Не меньше четырёх километров прошли, и всё золото. На золоте, Илья, ваша юрта стоит!

Довольные, мы возвращаемся к юрте Софрона.

— Ну, друг, золото есть? — не без ехидства спрашивает он.

— Есть и много!

Старый якут перестаёт пить чай и настораживается. Видит, что мы не шутим, хмурится.

— Плохо, совсем плохо!

— Почему это плохо? — возмущается Пятилетов. — По-твоему, пусть металл лежит без пользы?

— Плохо будет, — твердит старик, — людей много будет! Тайга гореть будет! Шуму много будет! Зверь уйдёт. Другое место надо кочевать.

— Ничего, Софрон, жить ты станешь лучше и культурнее,

---

¹ Внук Софрона Илья указал тайком от деда, где надо искать золото.

будет работа, одежда, продукты, и никто тебя не тронет, — успокаиваю я его.

— А я, бабушка, поеду учиться в город. Геологом буду! — ликует Илья.

Поздно вечером возвращается со своей группой Иван Ефимович. Он похудел и загорел. Маршрут был тяжёлый.

— На самой вершине вот этого красивого гольца мы были, — сбросив тяжёлый рюкзак с плеч, рассказывает он. — Чуть ноги не переломали, пока добрались до его вершины. Высотомер показал 1 850 метров над уровнем моря. Ну, а как ваши успехи?

— Ног не ломали, а с добычей вернулись, — Пятилетов показывает капсюль с самой богатой пробой.

— Вот это да! Где это вы нашли? — восхищаются наши товарищи. Они и про усталость свою мгновенно забыли...

После ужина, рассматривая полевую карту, на которую я уже нанёс ручей Пионер, Иван Ефимович констатирует:

— Так, значит, Пионер берёт своё начало с гольца, на котором мы были. Теперь вокруг него надо искать рудные и россыпные месторождения золота и, возможно, олова».

Вниз по Индигирке

Спускаясь вниз по Индигирке, в долине Поперечной, у ручья Широкий, отряд И. Гальченко обнаруживает хорошее золото в виде продолговатых крупных золотин, похожих на жёлтых тараканов.

...Шаг за шагом двигаются они по золотым следам, открывая богатые, явно промышленного значения месторождения. За лето найдено несколько таких мест.

Зримо видится членам отряда, как года через два-три придут в эти дикие края разведчики, потом горняки, строители. Будут здесь дороги. Вырастут посёлки.

А они, геологи, пойдут дальше на Север: на Яну, за Полярный круг, вдоль Ледовитого океана, на Чукотку...

* * *

...Геологи продолжали спускаться вниз по Индигирке. С берега окликают. Они неспешно причаливают.

«...Молодой человек подходит к самой воде.

— Будем знакомы, начальник геологической партии Индигирской экспедиции. Десять дней тому назад прибыл сюда с Алдана. Скоро будет перебазироваться на самолётах вся экспедиция. Цареградский говорил мне про вас. Результаты ваших работ помогут нам эффективнее расставить полевые партии в бассейне Индигирки. Скоро прилетит самолёт. Садитесь на него, и через два часа вы увидите Валентина Александровича...

(В сравнении с условиями работы Колымских экспедиций — фантастическая оперативность. — Прим. автора.)

— Для пользы дела летаю, — соглашаюсь я.

В густом лесу, на крутом берегу реки мы поставили палатку. Только успели попить чаю с брусникой, собранной здесь же, прилетел самолёт.

Я лечу впервые. Взревел мотор. Рывок вперёд — и вот уже стремительно несутся мимо иллюминатора брызги, уплывают вниз река, перелески, маленькие, как спички, лиственницы. Вот промелькнули юрта Матрёны, стога сена, похожие на болотные кочки, река Собачья, сверху такая маленькая и безобидная.

Небольшими кажутся гранитные гольцы, покрытые белыми шапками снега. Изредка гидросамолёт бросает то вверх, то вниз. Мотор равномерно гудит. Подо мной знакомые реки и горы, по которым мы только что медленно и с таким трудом пробирались на лошадях.

Проплывает внизу хребет, огромной дугой уходящий к Ледовитому океану, пологий со стороны Индигирки, обрывистый и дикий — к Алдану. Под крыльями виднеются скалистые горы Верхоянья, каменистые русла рек с белыми пятнами тарынов. Блестит серебряными монетами цепочка озёр на водоразделах.

Позади остаётся редколесная заболоченная Алданская низменность.

Самолёт, накренившись, делает круг и садится на тихий многоводный Алдан. Как в сказке, путь, которым приходилось идти в течение месяца, покрыт нами за два часа.

Ко мне подходит начальник экспедиции Цареградский.

— Вот где встретились. Очень кстати прилетел. А то сейчас не знаем, куда в первую очередь направить геологов.

На собрании инженерно-технических работников Цареградский сообщает о решении послать четыре геологические партии в места, нами исхоженные. Особые надежды он возлагает на ручей Пионер, куда будут посланы два промывальщика.

— Надо форсировать работы, есть постановление партии и правительства в ближайшее пятилетие освоить Индигирку, — говорит в заключение Цареградский.

* * *

Через десять дней самолёт доставил два килограмма индигирского золота.

— Вот и отправим мы в Москву первый металл из вновь открытого валютного цеха нашей страны, — говорит Цареградский, подбрасывая на руке небольшой, но увесистый брезентовый мешочек.

На самолёте я возвращаюсь на место весновки и застаю в сборе всю партию.

Утром тринадцатого сентября, завьючив лошадей, тепло прощаемся с Иваном и Гаврилой. Всем немножко грустно. Трудные тропы, опасности, тревоги, радость находок роднят нас каким-то особым родством.

Мы сознаём, что «кусоч» беспокойной неуютной жизни прожит не без пользы. От этого маленького беспокойства и неуютности прибавится покоя и уюта в большой жизни, в жизни нашего народа». (И. Гальченко).

* * *

Экспедиция В.А. Цареградского в 1937 году на самолётах высадилась в устье реки Неры при впадении её в Индигирку. Индигирская экспедиция на этот раз заработала успешно. После обнаружения И.И. Гальченко богатых золотоносных долин были открыты первые промышленные россыпи: Нючча, Анка, Курун-Агалык, Сох и др.

Там, где стояла юрта Софрона

...Пройдёт время, и приказом начальника Главного управления строительства Дальнего Севера на базе семи приисков, обработывавших россыпи в бассейне р. Индигирки: «Победа»,

«Тирехтях», «Ольчан», «Маршальский» и «Имени Покрышкина» (после прииск Нелькан) — будет организовано Индигирское горно-обогатительное управление. Сбылись мечты первопроходцев.

Их рискованные маршруты помнятся доньне.

...Помнится и старый якут Софрон со своей одинокой юртой.

После того как недалеко от юрты Софрона было найдено золото, дела якута поправились. Ему построили бревенчатый дом...

Слух о том, что Софрон тоже намыл золото и теперь прячет деньги в трёх ящиках, разлетелся по округе. И беда пришла.

Его внук Илюша учился уже в Магадане на курсах прорабов.

...В тот раз он приехал в гости к деду. Пришёл с охоты и лёг спать. Софрон на реке промышлял рыбу. В юрте бабушка Варвара занималась своими делами.

Вдруг она громко закричала, зовя на помощь. Илюша выскакивает и видит, что её держат два человека. Третий, угрожая ножом, требует отдать деньги, которые припрятаны где-то в ящиках.

— Показывай где, а то убью!

Налётчики Илью не видят.

Внук схватил ружьё и выстрелил. Бандит с ножом упал запертво. Второй налётчик бросился с ножом на стрелявшего, но получил выстрел по ногам и тоже упал. Третий выскочил на улицу и побежал. Под окрик Ильи: «Стой, убью!» — вернулся. Его Илья заставил раненого своего подельника взвалить на спину и нести под конвоем до прииска. Там сдал в милицию. Вспомнилось, как говорил немногословный девяностопятилетний Софрон: «Будет золото, людей много будет, тайга гореть будет, шуму много будет...»

...Илья окончил успешно свои курсы. Начал работать прорабом на прииске. Корякин Софрон, не торопясь, старился, продолжая жить своей размеренной жизнью.

Каждому поколению своё.

* * *

Хочется знать, как дальше сложилась жизнь Ильи. Прошло около восьмидесяти лет. Были ли дети у него?

Что сделало из них наше время? Что потеряли они? И что передалось им от многоопытных их предков?..

Ради чего пионеры Колымы и Индигирки забирались в далёкие дебри?

Они не ждали милости от природы. И по-молодому, не колеблясь, отдавали здоровье и силы на обновление края...

Индигирское содружество

Многие первооткрыватели Колымы и Индигирки помнили потом всю оставшуюся жизнь, как в дикой глуши радостно и неожиданно раскрывались разнообразные их таланты, как обновлялась местная жизнь.

В посёлке Усть-Нера с появлением геологов возник малый симфонический оркестр. Обнаружились вокалисты. Целая группа!

На некогда угрюмых берегах Индигирки зазвучали меццо-сопрано Анны Петровны Раковской, колоратурное сопрано врача Клавдии Фёдоровны Камальян.

Зазвучали «Патетическая соната» Бетховена, «Времена года» Чайковского, «Я помню чудное мгновенье», «Жаворонок» Глинки.

Раздавались мелодии Грига, Моцарта, Бизе, Гуно...

И это в суровой обстановке, когда жили и трудились индигирцы по законам военного времени. Когда наряду с изношенной землеройной техникой широко использовался ручной труд заключённых...

...Юмор, искромётные шутки были характерны для среды первооткрывателей. Так бытовало уже на Алдане в то время, когда вокруг Ю. Билибина формировалась «могучая кучка» исследователей Северо-Востока. Потянулось это по всей Колыме. И дошло до Индигирки.

И как не дойти, если там появились такие яркие люди.

* * *

В 1943 году в должности начальника райГРУ в Усть-Нера начал работать Сергей Дмитриевич Раковский. Около десяти лет отдал он организации разведки уникальных россыпей Индигирки.

В том же году Евгений Трофимович Шаталов начинает в этом райГРУ работать главным геологом.

К этому времени Шаталов уже был известен в научных кругах своими серьёзными публикациями по геологии.

Опыта у обоих геологов не занимать. Энергии тоже.

Раковский и Шаталов резко развернули работы в сторону поиска золота.

Результаты были очевидны.

Появился целый ряд приисков.

То, что в первой половине сороковых годов добыча золота «Дальстроя» приближалась уже к 80 тоннам в год, — большой вклад приисков на Индигирке. Геологи понимали важность обеспечения разработчиков запасами россыпного золота. В этом направлении и шла основная работа. По результатам её С.Д. Раковскому и Е.Т. Шаталову в 1945 году будет присвоено звание лауреатов самой престижной на то время Сталинской премии.

Тяжёлые, напряжённые будни. И в то же время неиссякаемый юмор. Выпускалась своя стихотворная сатирическая газета. Жизнеутверждающий сарказм помогал переносить неурядицы и злоключения.

Удачные стихи ходили по рукам. С.Д. Раковский только приветствовал подобные походные вирши. Многие знал наизусть. Часто он становился одним из персонажей стихотворных повествований.

Его смуглое, иссечённое ветрами, обожжённое морозами лицо, несколько усталые глаза оживали при чтении стихотворных опусов его коллег.

Эпиграммы, стихи, отрывки из поэм, напечатанные в стихотворной газете «Динозавр», заучивались наизусть.

В одном из номеров «Динозавра» была напечатана поэма «Индигирка», посвящённая, казалось бы, заурядному событию — злополучной поездке геологов на конференцию. Но она говорит о большем. Стихотворные строчки свидетельствуют о духе товарищества, единодушия коллектива геологов, преданности, о живости характеров.

Приведём только часть задорного повествования, не лишённого талантливых строк.

Индигирка

Поэма

Пролог

*Индигирицы, есть такое племя,
Племя — это нечто вроде клана,
Говорят, такое было время,
Что им даже не спускали плана.
К индигирицам раньше добирались
На оленях или самолётах,
Но немало смельчаков терялось,
Погибая в реках и болотах.
Индигирицев отличить нетрудно,
Даже их ведущих инженеров.
Шьют себе одежду чудно,
Шапки сверхъестественных размеров.
Индигирицы любят поклониться
Идолу лесного бога — Пана,
Но сильнее всех чертей боятся
Спущенного им Главкомом плана.*

Приготовление

*Раковский, сидя в кабинете,
Писал размашисто на смете:
«Пересмотреть, ошибки есть,
Потом Шаталову прочесть».
Но в двери кабинета вдруг
Раздался дважды резкий стук:
— Пакет примите!
— Что так рано?
— Да «молния» из Магадана.
Возьмите, распишитесь тут.
— Вот, черти, в семь часов найдут!
Раковский чёрта вспоминает,
Берёт депешу и читает:
«Созвать на съезд решили мы
Геологов всей Колыммы,
Где мы послушать будем рады
И ваши мудрые доклады...»*

(Пиккель, г. Сусуман)

Далее описываются передрыги, в которые попадали делегаты, добираясь до цели. Существовали варианты продолжения этой поэмы.

Вирши передавались по рукам. Самопроизвольно, стихийно создавалась целая «Индигириада».

Появился и свой, родившийся в атмосфере товарищества и сердечности, единодушно принятый тост:

*Тише, товарищи! Кубки наполнить!
Встанем и выпьем все враз.
Эту совместную чару застольную
Выпьет пусть каждый из вас!
Выпьем, друзья, за просторы таёжные,
Выпьем за наши дела.
Выпьем за счастье, за стёжку дорожную,
Что вдоль тайги пролегла.
Выпьем за тесное наше содружество,
Дружной работы оплот.
Выпьем за счастье, за бодрость, за мужество,
Выпьем за слово «вперёд»!*

* * *

Они не могли представить свою жизнь без тесного трудового содружества, родившегося на Колыме и окрепшего на Инди-гирке. Никакой заслуженный пенсионный отдых и почести не в состоянии были заменить его.

Об этом — поэма Валентина Португалова «Человеку не спится», написанная за два года до того, как весной 1962 года С.Д. Раковского, человека, совершившего трудовой подвиг, не стало:

*Человеку не спится...
За окном — подмосковная ночь.
Человеку не спится. Человеку сегодня невмочь.
И не только — сегодня: и вчера, и позавчера
Человека тревожили эти ночи и вечера...
Ветки яблонь тычутся в окна, у забора сереет сирень,
Нюхотки и руббеки на цыпочках тянутся
в завтрашний день.
Человеку не спится. Не спится ему, не ложится:*

Неохота ни книгу читать, ни гулять, ни напиться,
Человеку не спится.

Большеносый, сутулый, нахохленный,
словно старая птица.

Человек раздражён, человеку сегодня не спится.
Он шагами неверными широкую комнату мерит.
Он глядит в подмосковную ночь и ничуть этой ночи
не верит.

Окна — настезь. Тёплый воздух потокой липнет
к лицу,
Георгины большеголовые подходят тихонько к крыльцу.
Где-то там, за рекою, выпть не может угомониться.
Человеку не спится.

Человеку не спится: у него и катар, и одышка.
В синих брюках, в кармане, лежит пенсионная книжка.
Орден и медалей колодки на новом горят пиджаке.
На плече — огнестрельная рана. И шрам от ножа —
на руке.

Что-то чаще и чаще сердце стало давать осечку...
Подмосковная дача смотрит окнами в сонную речку.
Там кувшинки цветут.
А ему ни на что не глядится.
Человеку не спится.

Почему? Почему? Почему человеку не спится?
Он не вор, не подлец, не пошляк, не тупица
Он привык днём и ночью трудиться, —
Почему ж человеку не спится?

Неспокойно ему, беспокойно ему и тоскливо.
Шебаршит у его изголовья горбатая старая ива.
Пахнет горькой таёжной травой одеяло на вате,
Рыщут волны Охотского моря у самой кровати,
Под дубовыми креслами родниковая плещет водица —
Эх, сейчас бы да этой водой ледяною умыться,
Да этой водицы напиться!
Человеку не спится.

*Тридцать лет пролетели, как сон, а сегодня не спится...
Без него, без него намечается план экспедиций.
Без него у холщовых палаток ещё с предрассветной поры
Мохноногих сибирских лошадок завьючивают каюры.
Без него по таёжным завалам проходят весёлые люди.
Те, что любят тайгу и чудесную Родину любят.
Без него там, над Санга-Кюель, полыхают зарницы...
Оттого и не спится.*

ГЛАВА 6

РУСЛО СУДЬБЫ

На геолого-разведочной базе

Инициатива Ю. Билибина по развитию широкомасштабных исследований Колымы, несмотря на исключительные результаты Первой и Второй Колымских экспедиций, почти везде сталкивалась с недоверием различных трестов и главков. Его «План развития геолого-разведочных работ на Колыме», в котором предусматривалось опережающее проведение именно поисковых и разведочных работ, остаётся всего лишь на бумаге. Тем не менее в 1931 году он отправляется на Колыму в устье Среднекана с большой экспедицией геологов. Участники этой экспедиции во главе с Ю. Билибиным явятся потом ядром Колымской геолого-разведочной базы Главного геолого-разведочного управления (ГГРУ). Для этой цели выделяется Правительством около 1 миллиона рублей. Среди этих геологов были: А.А. Арсеньев, В.Н. Берёзкин, Е.С. Бобин, В.П. Брусенкин, А.П. Васьковский, Б.И. Вронский, С.Е. Захаренко, Г.С. Киселёв, М.Т. Котов, М.М. Лагутин, Е.А. Нечаева, И.А. Пудовкина, П.И. Скорняков, Л.А. Снятков, Б.Л. Флеров, Е.Т. Шаталов и др.

Колымская геолого-разведочная база создаётся к весне 1931 года. До образования треста «Дальстрой» оставалось более полугода.

Билибин назначается её техническим руководителем. Под его началом теперь коллектив, насчитывающий 120 человек. Определённое достижение геолога! Но этого недостаточно!..

Мало для выполнения задуманного! Позже с созданием треста он будет назначен главным инженером-геологом производственно-технического сектора дирекции Дальстроя и начальником Элекчанской геологоразведочной партии.

Недостаточно, несмотря на то, что экспедиционное изучение Крайнего Северо-Востока велось в конце 30-х годов и геологами Главсевморпути. В это время на Чукотке работала Чаунская экспедиция, где главным геологом был Б.Н. Ерофеев. Экспедициями под руководством Б.Н. Ерофеева (в составе уже «Дальстроя») будут открыты месторождения олова, золота и вольфрама.

Колымская база ГГРУ предназначалась для проведения разведочных и геолого-поисковых работ в районе уже действующих приисков. Местоположение её определили в устье Среднекана, недалеко от Колымского приискового управления. Начальником базы был поставлен Карл Шур. Да, да! Тот самый Шур — некогда преподаватель черчения в Горном институте, потом — зам. директора по хозяйственной части во время реорганизации Инцветмета. Специалист в геологии ещё тот. Теперь любивший цитировать Л. Троцкого и усиленно радевший за экономию во всём, типичный чиновник «с партийным билетом в кармане», одобрявший все реорганизации, которые позволяли занимать хлебные должности, руководил здесь, на Колыме. Полностью все хозяйственные заботы и прочие дела он взвалил на плечи технического руководителя базы — Ю. Билибина. Товарищ Шур, с которым геологам пришлось помяться ещё на Алдане, не спешил заниматься своими непосредственными обязанностями. Руководить базой инициатору её создания Билибину — сыну бывшего белого офицера доверять не торопились.

После процесса «Промпартия» к специалистам с биографией, подобной той, какая была у Билибина, относились настороженно.

«Над всеми висел дамоклов меч, и над Юрием Александровичем тоже», — вспоминала Наталья Николаевна Трушкова.

«Как сыну царского полковника, беспартийному, ему не доверили быть начальником Колымской базы ГРУ, и он вынужден был подчиняться К.М. Шуру, полному профану в геологии». (Р. Седов).

* * *

Теперь в Нагаево на берегу бухты раскинулся обширный посёлок. Нагаево стал окружным центром Охотско-Эвенского округа.

Всё служило колымским приискам. Посёлок был перевалочным пунктом для доставки сотен пассажиров и тысяч тонн груза на прииски.

Уклад жизни поисковиков резко не изменился со времени проведения Первой Колымской экспедиции.

Пятьсот километров, которые отделяли Колыму от Нагаева, по-прежнему оставались непреодолимым препятствием для снабжения экспедиций всем необходимым.

Ю. Билибин писал по этому поводу: «...Нельзя сказать, чтобы это препятствие было действительно непреодолимым. Правда осваивать Колыму было трудно, но суть всё-таки заключалась не в этом, а в полном неумении руководителей снабжения организовать своё дело, в их абсолютном незнании условий тайги, в полной беспомощности и растерянности во всех затруднительных случаях. Достаточно сказать, что за две зимы 1931-32 г. и 1932-33 г. в транспорте, обслуживавшем снабжение приисков, пало свыше 2 000 коней. Все отрасли приискового хозяйства — и эксплуатация, и разведка, и особенно геолого-поисковые работы — неизменно были остро недоснабжены».

Удручающим для Ю. Билибина было и то, что явилось позже одной из причин его разлада с вышестоящим руководством.

Об этом он писал чуть позже так: «Для каждого производственника кажется совершенно естественным принцип, что геолого-поисковые работы должны направляться туда, где вероятнее всего ожидать золото, а снабжение должно забрасываться туда, где золото обнаружено. В начале 1931 г. на Колыме был провозглашён другой принцип: золото, независимо от геологических данных, надо искать прежде всего в тех районах, которые легко снабдить. Этот неправильный принцип чрезвычайно сильно повредил развитию Колымы».

* * *

До устья Среднекана, к месту строительства базы, добирались на кунгасах. Начальник базы вяло участвовал в подго-

товке к отъезду, делая слабые попытки решать необходимые вопросы с «Цветметзолото». А если и делал, то под нажимом своего технического заместителя Билибина.

В сентябре все полевые партии, проводя попутно геологические наблюдения и опробование на золото, сплавились до Среднекана. Даже беглое опробование на золото показало, что большая часть притоков Бахапчи золотоносна.

На базе геологи должны были зимовать, поэтому к строительству все приступили энергично. Даже женщины занимались заготовкой мха для пазовки стен будущих домов. Шур первую половину дня пытался включиться в общую работу, но во вторую скрылся в своей палатке. Дальнейший трудовой процесс вершился без него. И не только при постройке базы.

Бывший студент Ю. Билибин так отметил этот поступок своего учителя черчения:

*Совсем недавно мнилось Шуру,
Что Колыма ему под стать.
Он небольшую «авантюру»
Тогда задумал предпринять.*

*И вот, таща бревно к палатке,
Шур вспоминал Геометалл,
Там коридоры были гладки,
И Шур там брёвен не таскал.*

*И вспоминая Ленинград,
Он был готов скакать назад.
А небольшая «авантюра»
Уж больше не прельщала Шура.*

Поступки Шура были столь своеобразны, что они невольно привлекали острословов.

Вначале все как-то терпели неадекватные выходы Шура, пытаясь ради общего дела поверить, что всё встанет на свои места. Но вскоре, бессильные как-либо по-другому выразить протесты против неподражаемого в своей некомпетентности начальника, острословы отводили душу в посвящённых ему стихах. Сложился не один «Портрет Шура», не одна «Биография Шура».

Шаталов:

*В далёкой северной Пальмире
Сидел в НИГРИМе мудрый Шур,
Известный всем в Учёном Мире
Как образец карикатур.*

«Шур был очень низкого роста, с пузцом и лыс».
Вронский:

*Обличьем он Наполеон.
С боков и спереди, и сзади.
Умом? Кто гением рождён,
Тому ума совсем не надо.*

Билибин:

*...Но погуляла шевелюра
На голове Карлуши Шура.*

В одной из «биографий» Шура говорилось, что в прошлом, до Гражданской войны: «Шур — просто дамский был портной...»

Это самодетельное творчество нередко превращалось в коллективное.

Как-то Билибин за один вечер начертал на большом листе писчей бумаги около 110 рифм на имя Шур, они в дальнейшем широко были использованы основными творцами «Шуриады». Ю. Билибин увлекал всех своим азартом. Он умел и пошутить, и увлечь за собой. Отложит в сторону рукописи «Геология россыпей» и даст азартную команду: «Все в волейбол!»

В. Вронская пишет: «Можете себе представить (а мы были этому свидетелями), каково было Билибину — при его-то самолюбии! — находиться в административной зависимости от этого субъекта. Ведь вся организация экспедиции исходила от Билибина, но формально каждую свою заявку он должен был согласовывать с Шуром, получать от того санкции. А Шур «делал свои санкции» с полным сознанием ответственности, с доступным ему размахом «дамского портного».

Приведу только пару примеров.

Шур находил, что геолого-поисковой партии на весь полевой период достаточно выписать два карандаша — геологу и прорабу, по одному на каждого.

— Но ведь карандаши нужны и коллектору, и промывальщику, — возражали ему.

— Можно эти два карандаша распилить пополам: по пол-карандаша на лето вполне хватит, — и в доказательство сказанному он показывал карандашик в своей записной книжке, который служил ему уже три года...

— Но ведь в полевой партии приходится писать гораздо больше, чем вам. Наконец, карандаш в тех условиях может потеряться.

— А вот привяжите карандашик к вашей полевой книжке. И вообще, надо беречь государственное достояние, а не терять. Другой пример.

Билибин (ещё во Владивостоке, перед отплытием на север, в Нагаево) наметил покупку лошадей и перевозку их на место пароходом (мы ехали грузовым пароходом). Шуру представлялось это неоправданным расходом, и он предлагал перегонять лошадей по льду, когда замёрзнет Охотское море...

— Это невозможно, — втолковывали ему геологи.

— Тогда арендуем их в Нагаево у существующей там организации ЦМЗ («Цветметзолото»).

— Да им самим лошади нужны, а если они и сумеют выделить нам сколько-нибудь из имеющихся у них табунов, то дадут ведь не лучших, а отработанных — уже негодных, малосильных.

— А на то и глаза у вас, чтобы отобрать лучших, годных для работы...

И такие, в том же духе, разговоры происходили перед отъездом из Владивостока ежедневно».

Ю. Билибин не всегда ручался за себя во время таких «деловых» переговоров с Шуrom. А потому «выходил» на Шура не в одиночку, а вместе с группой старших геологов — Вронским, Захаренко, Шаталовым, обсудив предварительно с ними план беседы с Шуrom. Эти походы они называли «штурмом Версаля».

* * *

Налаживая быт на базе, Билибин был озабочен и технической подготовкой участников экспедиции.

Были организованы систематические лекции по кристаллографии, минералогии, по общей геологии. Кто-то учил иностранный язык, кто-то — математику.

Геолог Берёзкин, выросший в Якутии, обучал желающих якутскому языку.

Раз в неделю в один из выходных дней (вечером) все, вместе с Билибиным, проводили время в коллективных играх. Билибин был неистощим на выдумку. Заражал всех своей детскостью, изобретательностью. Мерились силой, разгорячённые вываливались на мороз, в снег.

Часто организовывали музыкальные вечера. Пели. Такие вечера всем очень нравились.

Каждый вечер геологи собирались в коллекторной (в большом бараке) для подсобных занятий.

Это насторожило бдительное око начальника базы. Мероприятия сомнительного свойства, неподвластные Шуру, показались подозрительными. Тем более в полутьме, в полярную ночь!

«...Однажды в часы занятий к нам в барак прибыл Шур (необычное явление!) и вежливо осведомился, можно ли ему послушать лекцию. Шуру кто-то ответил, что вход на лекцию свободен для всех желающих. Шур разулся и скромно уселся в дальнем полутёмном углу коллекторской, устроившись на чьём-то топчане.

Был час Билибина. Он читал главу о морфологии образований, возникающих в результате деятельности ледников. По сути это были части из его будущей книги о металлогении, которую писал он урывками от текущих дел.

У Ю. Билибина была превосходная черта. Он умел распределять чётко своё время. По свидетельству очевидцев, перед лекцией, докладом он, уточнив, в какое время ему следует уложиться, вынимал часы, клал их на стол и начинал лекцию. Говорил сжато и доходчиво. Находилась место и для шутки. Всегда укладывался в отведённое время.

На самые сложные вопросы он отвечал ясно и логично. В его речи не было заумных, наукообразных выражений.

...На этот раз по ходу изложения Билибин упомянул о происхождении так называемых «бараньих лбов» — характерных форм, образовавшихся в результате деятельности льдов.

По окончании лекции задавались вопросы. Шур проявил активность — поднял руку: дескать, и у него есть вопрос. Билибин, явно взбешённый присутствием Шура (контроль?), молча упёрся в него глазами — дескать, слушаю...

— А что, и на Колыме бараньи лбы есть? — спрашивает смиренно Шур.

Билибин, вцепившись рукой в край стола — так, что побелели на сгибах пальцы, чуть подавшись вперёд и глядя в упор на Шура, отвечает со свойственной ему чёткостью — раздельно и громко:

— На Ко-лы-ме ба-ра-ньи лбы есть!

Нужна была вся наша воспитанность, чтобы не разразиться гомерическим смехом. Мёртвое, длительное молчание, повисшее в аудитории, было весьма выразительно.

На том лекция окончилась. Торопливо собрав свои записи, мы поспешили покинуть лекционный зал. Больше Шур на лекциях не бывал». (В. Вронская).

«Шуриада» продолжалась. И в жизни базы, и на бумаге:

*Среди других больших фигур,
Вполне достойных изваянья,
Твоя фигура, мудрый Шур,
Стоит вне соцсоревнованья.*

Гримасы чиновничества и поэзия жизни вечны!

И в больших, и в малых делах Ю. Билибин был принципиален. Начальство его уважало, но не любило: он редко шёл на компромиссы.

Вот одно из таких «малых дел».

Профсоюзное руководство на Среднекане решило исключить геолога В.Н. Берёзкина (того самого, который учил коллег якутскому языку и который был неплохим геологом) из профсоюза. Причина: его отец до революции был исправником Якутской губернии. После революции он активно стал работать на советскую власть, обеспечивал грузоперевозки от Элачана до Среднекана, но... Уж больно Берёзкин-младший был резок нравом, часто конфликтовал с начальством.

Однажды он довольно резко поговорил с Улыбинным — начальником Среднеканской конторы, и профсоюзная организация решила исключить Берёзкина из профсоюза. Вспомнили прошлое отца его. Дело было явно неправомерное. Ю.А. Билибин возмутился и потребовал отменить решение и восстановить геолога в профсоюзе. Получив отказ, в знак протеста Ю. Билибин подал заявление о своём выходе из профсоюза. Возникла скандальная ситуация: видный геолог намерен выйти из профсоюза. Берёзкин был восстановлен.

Может показаться, что я привожу слишком пространные картины из жизни геологов.

Может быть...

Но это идёт от радостного ощущения молодости, свежести жизни и веры в успех, которые царили среди геологов.

Невольно слышится голос Александра Градского:

*Как молоды мы были,
Как молоды мы были.
Как верили в себя!..*

Супруги Вронские, которых я часто цитирую, заслуживают того, чтобы сказать о них подробнее.

Варсеник Месроповна родилась в 1902 году в Армении в семье сельского учителя Месропа Адаляна и араратской княгини Мариам.

В Полоцке она окончила с серебряной медалью гимназию. В 1919 году вступила в партию большевиков и ушла на фронт. Первым её мужем был Александр Заволокин, погибший в 1920 году на Украине. В конце Гражданской войны Варсеник Месроповна оказалась на родине Заволокина, в селе Михайловка Курской области. В местной школе она и директор, и преподаватель математики, русского языка. Здесь в 1922 году она встречает Бориса Ивановича Вронского.

Борис Иванович Вронский родился в семье актёров гастролирующей театральной труппы Павла Орленева. Получил среднее образование в реальном училище.

Учился на горном отделении Варшавского политехнического института, в Коммерческом институте в Киеве. Вступает в партию большевиков, оказывается в тюрьме, где едва не погибает от тифа.

В 1923 году поступает в Московскую горную академию, в этом же году Варсеник Месроповна становится студенткой геологического факультета МГУ.

«Полукочевница по происхождению... я как нельзя более была приспособлена к бродячей жизни геологов», — напишет она о себе. Она была последним живым свидетелем и участником Колымских экспедиций. Прожив сто два года, Варсеник Месроповна живо помнила свою романтическую пору жизни.

А Борис Иванович о себе напишет так:

*Когда на родину опять
Вернусь к подруге черноокой,
Я буду часто вспоминать
Простор Аркагалы широкой.
Немало здесь провёл я дней
Среди лесов, среди камней,
Душой сроднился крепко с ней,
И для меня она родней
Всегда — в ненастье, холод, зной,
Чем мой далёкий край родной.*

Вронский, начав работать на Алдане с Ю. Билибинным, С. Раковским, с обоими братьями Бертиными, продолжит свой путь по таёжным тропам до 1955 года. Колоритный и деятельный человек! Он откроет месторождения золота, олова. Обнаружит Аркагалинское месторождение каменного угля, которое долгие годы будет служить магаданцам. И зафиксирует в своих стихах:

*В тайге безлюдной и суровой
Недаром летом я бродил.
Вот пласт угля пятиметровый,
Который мной отыскан был.
Он не один, их очень много,
Недаром был затрачен труд.
Сейчас сюда идёт дорога,
И скоро копи будут тут.*

Оба они: и Борис Иванович, и Варсеник Месроповна — напишут не одну книгу за свою бурную, замечательную жизнь.

Борис Иванович будет участником десятка экспедиций от Академии наук СССР, от Комитета по метеоритам в бассейне Подкаменной Тунгуски. Напишет об этом книгу «Тропой Кулика». Она будет переиздаваться. Её издадут в Чехословакии и Польше.

В 2009 году издана подготовленная детьми и внуками книга его стихотворений.

В 1946 году труд Б. Вронского отмечен Сталинской премией Первой степени. Он был награждён орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени и медалями.

Что двигало им и его коллегами-геологами? Романтика? Да! Азарт? Да! И поэзия жизни! Без неё блёкнут её краски.

Ю. Билибина беспокоило положение с разведкой на Среднеканской жиле. Едва прибыв на место будущей базы, Ю. Билибин отправился к устью ручья Безымянный, туда, где зимой 1930-1931 гг. трудилась Вторая Колымская экспедиция В. Ца-реградского.

Разведка, проведённая геологом Едининым, показала, что большая часть проб дала низкое содержание золота. Единичные пробы фиксировали огромное содержание металла, но перспективы промышленной добычи на жиле не просматривалось.

Ю. Билибин тяжело переживал случившееся. Поспешные и неверные выводы о богатстве этой дайки явились ударом для него. Он отдавал себе отчёт в том, какая мощная административная машина после его докладов начала разворачиваться в Правительстве и выше. Он сам этого желал...

Теперь приходилось сосредоточиться на поиске и разведке россыпного золота и новых рудных месторождений.

А тут база передаётся в подчинение Колымского управления «Цветметзолота». Пришлось по команде сверху переселяться на общую базу.

Шур, к облегчению окружающих, немедленно вернулся в Ленинград. Васьковскому оставалось только с грустью констатировать:

*На яру стоят дома,
Течёт речка Колыма.
Как на этом на яру
Скончалась база ГГРУ.*

У нового начальства было своё отношение к широкомасштабным поискам россыпей золота.

Б.И. Вронский вспоминал: «Наш новый начальник Улыбин был, в отличие от горожанина Шура, старым, опытным таёжником-практиком, плохо разбиравшимся в теории, но хорошо знающим разведку россыпей золота. Стремление Билибина как можно шире развернуть геолого-поисковые работы в северо-западном направлении, чтобы выяснить и уточнить характер золотоносности и перспективы намечающегося золотоносного пояса, Улыбин считал блажью. С высоты своего кругозора он поучал Билибина:

— Не понимаю вас, Юрий Александрович. Вы всё стремитесь куда-то вдаль, а ведь скоро сюда будет проложена дорога! Почему бы вам не поставить поисковые вдоль этой будущей дороги?

Ответ Билибина, что золото надо искать там, где имеются соответствующие геологические предпосылки, а не там, где хочется, он воспринимал как чудачество. И всё же, чувствуя отменную эрудицию Билибина, он относился к нему с должным уважением».

Трест «Дальстрой»

...Когда «План» Ю.А. Билибина попал в Совет труда и обороны, возглавляемый В.М. Молотовым, к нему отнеслись по-иному. Многие к этому моменту изменилось...

...В ноябре для промышленного освоения Северо-Востока страны был создан государственный трест «Дальстрой» в соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1931 года и Совета труда и обороны от 13 ноября 1931 года.

Руководство «Дальстроа» должно было использовать все возможности, способы и средства для немедленной и максимальной добычи золота в нынешнем и последующих годах, с одновременной подготовкой базы для развёртывания капитальных работ по нормальной эксплуатации районов.

Этим же Постановлением предписывалось в частности немедленно передать в распоряжение Колымского треста ледокол «Литке», который в течение ноября должен быть направлен из Владивостока в Нагаево с людьми, которым надлежало выполнять задания.

Какое огромное значение придавалось организации этих работ на Колыме, видно из следующего:

«...Предложить т.т. Ягоде, Янсону и Бергавинову в 3-дневный срок выяснить возможность и целесообразность переброски ледокола «Ленин» из Архангельска во Владивосток, а также возможность использования для обслуживания нужд треста других ледоколов Тихоокеанского бассейна (ледокол «Добрыня Никитич» и т.п.).

Для обеспечения доставки грузов от Нагаева до приисков предложить СНК СССР выделить 100 грузовиков и 30 тракторов «Коммунар»...

...Ассигновать в распоряжение т. Ягоды из резервного фонда Совнаркома авансом на организационные расходы и подготовку, на приобретение и переброску оборудования и имущества — 20 млн рублей...

Всё завезённое Цветметзолотом на Колыму оборудование, инструменты и продовольственные промтовары списать со счёта Цветметзолота и передать на счёт Колымского треста».

Последний, двадцать пятый пункт гласил:

«Обязать ВСНХ, Наркоснаб, Наркомпочтель, НКПС все заявки Управляющего Колымского треста выполнять вне всякой очереди из любых контингентов и запасов, кроме мобзапаса и запаса Комитета Резервов...»

Это Постановление подписал Секретарь ЦК И. Сталин.

Уже к концу 1931 года «Дальстрой» должен был добыть две тонны золота. В 1932 году — 10 тонн, в 1933 году — 25 тонн. «Дальстрой» наделялся монопольным правом на промышленные и геолого-разведочные работы. Ему представлен ряд налоговых льгот и привилегий.

Руководство треста «Дальстрой» во главе с директором Э.П. Берзиным прибыло в бухту Нагаева на пароходе «Сахалин» в сопровождении ледореза «Литке» 4 апреля 1932 года. Кроме около трёх десятков работников треста, прибыли первые заключённые (не менее 100 человек), среди которых были специалисты и практики горнодобывающей промышленности, вскоре назначенные на инженерно-технические должности в «Дальстрое». Этап заключённых охраняли десять стрелков ВОХР. 8 апреля директор «Дальстроя» Э.П. Берзин издал 1-й приказ, в котором объявлялись цели и задачи треста, утверждалась его структура и пр.

В основу деятельности «Дальстроя» было положено широкомасштабное использование принудительного труда заключённых. Трест начинал свою работу не на пустом месте. Первой Колымской экспедицией было открыто месторождение золота на реках Среднекан, Утиная. Дан был прогноз о значительных запасах драгоценного металла в бассейне верховья реки Колымы¹.

---

¹ Работу «Дальстроя», жизнь и деятельность Э.П. Берзина изучали В.Г. Зеляк, К.Б. Николаев и многие др.

Кроме того, что немаловажно, была составлена уточнённая геолого-геоморфологическая схема строения Северо-Востока СССР. И были коллективы геологов, которые в поисковых партиях приобрели значительный опыт работы в условиях Севера и являлись потенциальной основой будущей геолого-разведочной службы треста.

В начале 1932 года Ю.А. Билибин был назначен главным геологом треста «Дальстрой».

И с лета 1932 года все геолого-разведочные работы передаются «Дальстрою».

Как отмечал в своё время Ю.А. Билибин, создание «Дальстроя» — решающий момент в истории развития всего Охотского побережья, включая Колымские прииски. Трест, располагавший огромными материальными ресурсами, дал толчок развитию и Нагаевской бухты, и более удалённым пунктам на побережье. В их числе Ола, Тауйск, Армань и др.

...Что касается самих приисков, то здесь ещё в течение двух лет — 1932 и 1933 годы — сохранялось примерно то же самое положение — неизменно острый недостаток снабжения и в связи с этим лишь очень постепенный темп развития приисков. Разрыв между побережьем и приисками, существовавший ещё до «Дальстроя», с его прибытием лишь усилился. Те 500 км, которые были трудно преодолимым препятствием для снабженцев «Союззолото», оказались ещё большим препятствием для снабженцев «Дальстроя».

Основные вехи в развитии Колымы были намечены ещё до прибытия «Дальстроя»: Нагаевская бухта — как основная снабженческая база на побережье; кратчайшее и наиболее удобное направление шоссейной дороги на прииски; Бахапча — как подсобный путь снабжения до проведения дороги; основные районы золотодобычи, дальнейшие перспективы протяжения золотоносности на северо-запад и пр., и пр. — всё это было выявлено до «Дальстроя». «Дальстрой» получил в наследство хотя и небольшое, но более или менее налаженное хозяйство на приисках, прекрасно подготовленный геолого-разведочный аппарат с многочисленным высококвалифицированным персоналом, по сей день составляющий основное ядро геологоразведочных кадров «Дальстроя», но он в течение двух лет не мог организовать того, что было слабо поставлено и до

его прибытия, — снабжения. Причина этого была всё та же — полное незнание северной тайги, пренебрежительное отношение к специфическим условиям приисковой работы и опыту старых таёжников. На этой почве «Дальстрой» совершил ряд ошибок, и смело можно утверждать, что если бы не эти ошибки «Дальстроя», Колыма была бы освоена им на полтора-два года раньше. Лишь через два года «обучения» работе в тайге «Дальстрой» смог правильно организовать свою работу, и результаты не замедлили сказаться. 1934-й год, год проведения шоссейной дороги на Колымские прииски, является поворотным моментом в их развитии.

С прибытием в Колымский край «Дальстроя» закончился первый — пионерский период в освоении края и наступил второй период — период крупного промышленного строительства».

Дальстрой отличался от других золотодобывающих трестов страны. Он не входил в систему Главного управления золотоплатиновой промышленности («Главзолото»), а подчинялся напрямую партийно-государственному руководству СССР. Имел значительные льготы и чрезвычайные полномочия на территории своей деятельности.

Трест «Дальстрой» широко использовал принудительный труд заключённых.

* * *

Уже в 1932 году на поиски и разведку полезных ископаемых было направлено 17 геологических партий. Шла планомерная работа по определению особенностей геологического строения Северо-Востока СССР.

В Охотско-Колымском районе к 1935 году проработало более 76 геологических, геолого-поисковых и рудно-поисковых партий, которые провели геологическую съёмку около 100 тысяч квадратных километров территории.

Северо-Восток страны в то время был сложным и опасным не только своими природными условиями, наличием диких животных, плохим продовольственным обеспечением. Опасность исходила и от беглых заключённых, часто вооружённых.

Так, в июле 1935 года сбежавшие заключённые из Тасканского горнопромышленного района напали на поисковую

партию, убили её руководителя — инженера-геолога Зверева, ограбили продовольственную базу и скрылись в тайге.

После длительного преследования, при активной помощи местного населения с привлечением авиации, бандиты были обнаружены и обезврежены, часть при перестрелке убита.

В это время «Дальстроем» уже используется авиация, что было, конечно, эффективно в условиях заболоченности и бездорожья. Аэрофотосъёмочные работы одного лётного экипажа могли равняться по результатам десяткам топографических партий.

«Я обеспечил вам нормальную жизнь, вы должны обеспечить мне план»¹

Несомненно, велика роль в становлении «Дальстроя» и развитии всего Северо-Востока первого директора Эдуарда Петровича Берзина.

Это, безусловно, сильная, незаурядная личность.

В детстве мечтавший быть художником, он стал чекистом и строителем, первым руководителем одного из печально известных «Островов архипелага ГУЛАГ». Он основатель столицы Колымы, знаменитой колымской трассы, промышленного и сельскохозяйственного производства на территории современной Магаданской области.

Обладатель нагрудного знака «Почётный работник ВЧК-ОГПУ». Кавалер ордена Ленина.

Э.П. Берзин (Берзиньш) по национальности латыш, родился в 1893 году в Старо-Пебальской волости Вольмарского уезда Лифляндской губернии (Латвия) в семье крестьянина.

С пяти лет с родителями жил на окраине Риги. Учился в городской школе, осваивал малярное дело. В семнадцать лет уехал в Германию, где окончил Берлинское королевское художественное училище. Живописец и архитектор, вернувшись потом в Латвию, с января 1915 года в составе стрелкового батальона воевал на фронтах Первой мировой войны.

Награждён серебряной нагрудной медалью на Станиславской ленте с надписью «За усердие», Георгиевским крестом 4-й степени.

---

¹ Из выступления Э.П. Берзина.

В 1917 году произведён в офицеры. После Октябрьской революции — командир 1-го лёгкого артдивизиона Латышской стрелковой дивизии, затем — командир дивизии. В 1918 году он со своими латышскими стрелками охранял Кремль.

Э.П. Берзин сыграл решающую роль в подавлении левозеровского мятежа в Москве. Он один из главных участников операции по разоблачению заговора Локкарта-Рейли (английская и французская разведки) с целью уничтожения В.И. Ленина и свержения советской власти в России. Берзин включился в опасную игру, дав согласие на участие в заговоре. Благодаря ему этот заговор удалось раскрыть.

Во время гражданской войны воевал против белогвардейцев на Западном, Юго-Западном, Восточном фронтах. Принимал участие в боях под Каховкой, Перекопом.

Был замечен и приближен Ф.Э. Дзержинским. С начала 1921 года Э.П. Берзин — сотрудник спецотдела ВЧК-ОГПУ.

Большое значение для него имела школа строительства Вишерского целлюлозно-бумажного комбината, проходившего в специфических условиях использования труда заключённых.

Строительство велось круглый год, зимой — при 35 градусах мороза, с широким использованием принудительного труда заключённых Вишерского отделения Соловецкого ИТЛ ОГПУ (позже Вишлаг).

За 18 месяцев в суровых условиях практически на пустом месте возвели завод-гигант, выпускавший 50 % всей бумаги высшего сорта, производимой тогда в СССР.

После строительства этого комбината на Северном Урале по рекомендации И.В. Сталина Берзина назначают директором «Дальстроя».

* * *

Здесь, на Колыме, в конце марта 1932 года и произошла первая встреча Э.П. Берзина и Ю.А. Билибина. Оба они обладали сильными характерами и разным жизненным опытом.

Эта встреча наложит свой отпечаток на судьбу каждого из них.

Конечно же, даже не будь результатов Первой колымской экспедиции, отчётов геологических экспедиций С. Обручева и Ю. Билибина, обещавших огромные запасы золота на Колыме,

волна мощной колонизации этого богатейшего края неминуемо бы началась. И с неменьшими темпами. К этому подталкивали многие причины. Но это случилось бы, можно полагать, на несколько лет позже. Результаты Первой Колымской экспедиции Ю.А. Билибина и В.А. Цареградского значительно подтолкнули, ускорили судьбоносные для молодой Республики Советов решения.

...Уже в 1932 году «Дальстрой» добыл 511 килограммов химически чистого золота, в 1933 г. — 791 кг. В 1935-м — 14,458 тонн, в 1936 г. — 33,360 тонн.

В 1936 году Колыма практически догонит один из самых продуктивных золотоносных районов Америки — Калифорнию. Добыча золота в Калифорнии составляла в 1934 г. 23 тонны, в 1935 году — 27,8 тонны.

И. Сталин 25 декабря 1933 года в «Нью-Йорк Таймс» отмечал в опубликованном интервью: «Наша продукция уже вдвое превысила продукцию царского времени и даёт сейчас более 100 миллионов рублей в год. Особенно за последние два года мы улучшили методы геолого-разведочной работы и нашли большие запасы золота».

В 1936 году газета «Правда» привела высказывание Э.П. Берзина о том, что за день Колыма добывает столько золота, что на эти деньги можно прокормить один день целый мир.

К этому времени было построено 600 километров колымской трассы, заработали десятки приисков, действовали электростанции, школы, больницы...

Но какой ценой?!

К концу 1932 года в Севвостлаге было 9 928 заключённых, а к концу 1933-го их стало 27 390. Количество вольнонаёмных работников «Дальстроя» составляло в 1932 г. — 3 125 человек, в 1933 году — 3 392 человека.

В 1932 году произошло объединение «Дальстроя» и Севвостлага. Во главе объединённого треста стоял Э. Берзин. Строительство колымской трассы — вот основная задача 1932-1934 годов.

Без хорошей грунтовой дороги, по которой можно было доставлять рабочую силу, технику, продовольствие в места, где уже действовали прииски, представлялось делом весьма ненадёжным.

Когда колымскую трассу в 1934 году довели до Колымы, на приисках уже работало до 4 тысяч заключённых и одна тысяча вольнонаёмных работников.

* * *

Я немало читал о первом пятилети деятельности «Дальстроя» и лично Эдуарда Петровича Берзина, заставляя себя яснее и глубже понять время и людей той эпохи.

Э.П. Берзин, будучи сыном советской эпохи, верно и стойко служил своим идеалами. Крупная и трагическая фигура.

«Почему колымские годы, с 1932 по 1937 год включительно, выпадают из летописи побегов? Это — время, когда там работал Эдуард Петрович Берзин... Он пытался, и весьма успешно, разрешить проблему колонизации сурового края и одновременно проблемы «перековки» и изоляции. Зачёты, позволявшие вернуться через два-три года десятилетникам. Отличное питание, одежда, рабочий день зимой — 4-6 часов, летом — 10 часов, колоссальные заработки для заключённых, позволяющие им помогать семьям и возвращаться после срока на материк обеспеченными людьми. В перековку блатарей Эдуард Петрович не верил, он слишком хорошо знал этот зыбкий и подлый человеческий материал. На Колыму первых лет вора́м было попасть трудно... Тогдашние кладбища заключённых настолько малочисленны, что можно было подумать, что колымчане — бессмертны. Бежать никто с Колымы и не бежал — это было бы бредом, чепухой...»

Так писал о годах, когда «Дальстроем» руководил Э. Берзин, автор «Колымских рассказов» Варлам Шаламов.

Свидетельство такого очевидца, как В. Шаламов, важно. Оно проливает дополнительный свет на сложную судьба недюжинного человека, прожившего всего-то чуть более 40 лет. Но так много свершившего разноречивого и судьбоносного за свою жизнь.

Вексель Билибина

Борис Иванович Вронский пишет: «В марте 1932 года на Среднекан приехал начальник «Дальстроя» Э.П. Берзин, с которым прибыла группа сотрудников, в том числе инженеры-эксплуатационники М.А. Эйдлин и П.Н. Рюмин. Берзин устро-

ил своего рода «пресс-конференцию», на которой доложил о задачах «Дальстроя», о намечающемся широком развороте геолого-поисковых и добычных работ на золото, о том, что основная рабочая сила будет состоять из лиц, отбывающих наказание за те или иные преступления. Значительная часть инженерно-технического персонала, в том числе руководящие инженеры, тоже относится к осуждённым. Он предупредил, чтобы к ним относились с должным уважением, выполняя их указания по служебной линии, но воздерживались от личных контактов во внеслужебное время. Затем попросил, чтобы ему доложили, как обстоят дела с поисками и разведкой золота, в частности что даёт в перспективе Среднеканская дайка.

Юрий Александрович доложил, что геолого-поисковыми работами в ряде мест обнаружены месторождения россыпного золота, что район Колымы весьма перспективен, но что о Среднеканской дайке пока ничего хорошего сказать нельзя. Надо продолжать поверхностные и подземные разведочные работы, но не обольщаться и быть готовым к тому, что эта дайка не оправдает возложенных на неё ожиданий.

Берзин нахмурился.

— Вы представляете, чем это пахнет? Государство затратило и затрачивает колоссальные средства на освоение этого края. Все эти затраты проводятся на основании вашей докладной записки о перспективах края и, в первую очередь, перспективах Среднеканской дайки. В ближайшее время придут пароходы с оборудованием для эксплуатации этой дайки и для создания здесь крупной обогатительной фабрики. Вы, товарищ Билибин, выдали вексель и обязаны оплатить его».

Начальник треста «Дальстрой» был одет в военную форму, на груди алел орден Боевого Красного Знамени. Его атлетическая фигура почти на голову возвышалась среди присутствующих.

Романтика первых Колымских экспедиций под руководством Ю. Билибина и В. Цареградского неизбежно столкнулась с тяжеловесным маховиком «Дальстроя», с жёсткими реалиями освоения золотоносного края.

Эти реалии по-разному, но определяющим образом скажутся на судьбах многих геологов, чьи открытия предопределили всю дальнейшую историю восточных районов нашей страны.

И только много позже, когда будет оценён масштаб свершённого, одни будут отмечены орденами и медалями, другие — самой престижной на то время Сталинской премией.

В 1933 году в «Дальстрое» уже работали 30 геологических партий, большую часть которых составляли геолого-рекогносцировочные и геолого-поисковые.

Пока ещё неоконченное строительство Колымской трассы до приисков значительно сдерживало исследования территории Колымы.

Ю.А. Билибин был сторонником расширения разведочных работ в отдалённых районах, целесообразность которых стала впоследствии очевидна. Руководство «Дальстроя» основывало свою деятельность на развитии Среднеканского приискового района. И немудрено, так как основные надежды возлагались на Среднеканскую дайку, открытую во время Первой Колымской экспедиции С.Д. Раковским. Эта дайка, когда решался вопрос об организации «Дальстроя», играла огромную роль. В прогнозе Ю.А. Билибина Среднеканское месторождение оценивалось как весьма перспективное, с колоссальным запасом богатых руд. Ему Билибин отводил ключевую роль. Оно должно было окупить огромнейшие затраты на освоение края. Да, это был своеобразный вексель Билибина, выданный им государству.

Но поскольку последующие исследования показывали непromышленный характер Среднеканской дайки, Билибин увидел большие перспективы в расширении разведки и эксплуатации россыпных месторождений золота. Они требовали значительных затрат и времени. А этого-то у «Дальстроя» как раз и не было. Был спущен план добычи золота по годам. Этот план мог быть выполнен на основе разработки именно рудного золота.

Руководство «Дальстроя» стало недоверчиво относиться к прогнозам Ю.А. Билибина.

В какой-то степени сложившаяся ситуация напоминала историю с Розенфельдом. Тогда были «Гореловские жилы», теперь — Среднеканская дайка.

С россыпным золотом положение дел было понятно. Но отсутствовала твёрдая уверенность, что затраты в этом случае окупятся. Ведь не подтвердилась же пока оценка Ю. Билибиным запасов рудного золота. Положение становилось более

чем критическим. Отношения с руководством «Дальстроя» у Ю. Билибина разладились.

Он продолжал настаивать на организации нескольких отдалённых разведочных баз, которые бы вели широким фронтом разведку именно россыпного золота.

По сути вошли в противоречие два подхода к разработке месторождений Колымы. Один — чисто хозяйственный, основанный на жёсткой необходимости выполнения установленного плана по добыче золота. И второй, базирующийся на планомерном научном изучении возможных ресурсов территории и их системном использовании. Оба подхода — оправданные, но требующие для себя конкретных условий.

Аналитик и учёный Ю. Билибин видел перспективы в разведке и эксплуатации россыпных месторождений золота. Э.П. Берзин как истинный хозяйственник продолжал настаивать на рудной его добыче, которая вселяла уверенность в выполнение спущенных сверху планов. Были у Ю.А. Билибина разногласия с руководством треста и в других вопросах. Свой последний полевой сезон на Колыме он провёл в качестве начальника Элекчанской партии.

Пополз шепоток:

«Стране нужен металл, а не теории о происхождении россыпей...»

«Билибин слишком академичен, это его главный недостаток. Пусть он покажет, где взять богатое золото сейчас, а не обещает журавля в небе...»

...В 1933 году Ю.А. Билибина отстраняют от должности главного геолога. По Магадану пошли слухи об ордере на его арест.

Когда участники Второй Колымской экспедиции вернулись в Магадан, всех геологов пригласил к себе директор «Дальстроя» Э.П. Берзин. Главный вопрос стоял о Среднеканском месторождении. Имеет ли оно промышленное значение? Работавший ещё недавно главным геологом Ю.А. Билибин приглашён не был.

И жилья ему, вернувшемуся из тайги, в Магадане не предусмотрели — пришлось ютиться у Д.В. Вознесенского.

Надо знать характер Ю.А. Билибина, не привыкшего к унижениям, чтобы понять его состояние. Он оказался не у дел...

...По городу шёл человек, у которого не было собственного ночлега, а идти к коллегам, подвергая их опасности, он не сразу решится.

Шёл одиноко человек, имя которого через несколько лет узнает огромная часть отечественного научного сообщества. В его труде «Основы геологии россыпей» впервые в мировой практике всесторонне будут освещены геологические особенности россыпных месторождений золота. Эта монография, большую часть которой он напишет в полевых условиях во время своих экспедиций, станет основным учебным пособием в вузах и руководством по поисково-разведочным работам. Именно за результаты работы на Северо-Востоке страны он получит Государственную Сталинскую премию СССР первой степени. Его имя будет носить одна из первых на Северо-Востоке атомных электростанций. Район и районный центр Магаданской области, улица на Алдане, в Усть-Среднекане. Откроют памятник в посёлке Билибино.

Память о нём будет увековечена в названии двух минералов — билибините и билибинските, в названии вулкана... Будет...

А пока?..

Отголоски событий тех лет глухо доносятся из рассказа жены Билибина, Натальи Николаевны Трушковой:

«По выходе из тайги в Магадане я стала искать своих коллег. Меня направили в палатку. Дежурный допрашивал меня: кто, откуда, каким образом? А сам всё за печку ходит — записывает. И вдруг:

— Вы у Юрия Александровича были?

— Так я и хочу узнать, где геологи.

— И не знаете, что вчера произошло? — подозрительно глядя на меня, выпалил дежурный.

За управлением «Дальстроя» стоял новый дом, где жил Вознесенский. Дверь заперта, звоню. Открывает Юрий Александрович, изумлённо смотрит на меня. Дело в том, что ещё в мае на Среднекане я его предупредила, что мы с ним разведемся и жить вместе больше не будем.

Юрий Александрович пригласил меня в дом.

— Пришла узнать, что произошло.

Он долго молчал. Рассказ его я восприняла тяжело.

Как водится, выпил и пошёл в столовую закусить. Скоро стол его был занят: вокруг Билибина всегда группировались геологи. От выпивки, тепла переполненной столовой, горячего супа он опьянел. Копившаяся за эти годы обида вышлеснулась наружу: его, открывателя кладовых края, не считают за человека. Своим громогласным голосом Юрий Александрович материл советскую власть, крепко, по-старательски. В ярком коротком спиче досталось и отцу народов.

Все отхлынули от своего кумира. Один Гриша Киселёв, из беспризорников, коллектор, которого Билибин учил, метался вокруг своего учителя:

— Юрий Александрович, пощадите, нас заберут, — рыдал парень.

Билибин замолчал.

Не знаю, как он провёл остаток дня, но Вознесенский, у которого он квартировал, не выгнал его. Я решила остаться, чтобы держать его «в рамках»: ЧП было страшным — расстрельная статья. В ожидании парохода мы держались вместе...

...Юрий Александрович захотел пойти на футбольный матч. Я не стала его раздражать, согласилась. Мы выбрали пустую скамью. К нам никто из знакомых не подошёл, больше того, скоро трибуны опустели, и матч прекратился. Вечером к нам зашли Борис Иванович Вронский, двое коллекторов. Посидели, Юрий Александрович угощал гостей водой. Как я была признательна этим людям!

Когда подошло время брать билеты на пароход, Юрия Александровича в списках пассажиров не оказалось. Он сразу вернулся и спросил, брать ли на меня билет. Я сказала:

— Нет. Вместе прибыли — вместе уедем.

Юрий Александрович пробыл дома минут двадцать и снова пошёл в кассу. Ему продали билет на пароход».

Ю.А. Билибин был отстранён от должности главного геолога в 1933 году. Вместо него назначат М.И. Коньчева. По окончании срока договора в начале 1934 года Ю.А. Билибин уволился из «Дальстроя», с которым у него были связаны мечты, открытия. И тяжёлый труд в течение семи лет, часто с риском для жизни. Что думал-передумал за долгую дорогу от Магадана до

Ленинграда, протянувшуюся по всей стране, отлучённый от дел своей жизни Ю.А. Билибин? Какие силы нужны были, чтобы превозмочь свершившееся?

...Ближайший сподвижник Билибина и Цареградского ещё со студенческой «Сибирской секции» в Ленинградском горном институте Дмитрий Владимирович Вознесенский (1904-1956 годы) будет арестован позже, в 1938 году.

Незадолго до тюремной камеры, награждённый орденом Трудового Красного Знамени, он напишет: «Пока я буду нужен Кольме, я её не покину. Я люблю её за то, что ей отданы лучшие годы моей жизни, за то, что она является редкой жемужиной в сокровищнице Советского Союза».

Можно думать, что отъезд Ю.А. Билибина из Магадана в известной степени уберёт его при чистке кадрового состава геологов «Дальстроя» от возможного ареста.

* * *

Кратко о жене Ю.А. Билибина Наталье Трушковой.

Наталья Николаевна Трушкова родилась в Екатеринбурге в семье горного инженера. Среднюю школу окончила в Томске, где её отец Николай Ильич Трушков был профессором Технологического института, затем, как уже знаем, в Ленинграде — заведующим кафедрой разработки рудных месторождений в Горном институте.

В 1925 году Н.Н. Трушкова поступила в Ленинградский университет. В 1931 году, не окончив последний курс университета, уехала в экспедицию на Кольму в составе Второй Кольымской экспедиции Ю.А. Билибина.

В 1929-1933 гг. была его женой.

В 1934-1943 гг. жила в Ленинграде, работала во ВСЕГЕИ.

В январе 1943 г. по вызову Наркомцветмета уехала работать в Среднюю Азию, затем — в Москву. В 1945-1948 гг. работала на Кольме (возглавляла геолого-поисковую партию Охотской экспедиции), на Индигирке (заведовала шлиховой лабораторией); была также старшим геологом научно-исследовательского отдела геолого-разведочного управления «Дальстрой». В 1948 г. вернулась в Ленинград и стала вновь работать во ВСЕГЕИ.

В 1957-1958 гг. работала в Монголии, в 1961-1962 гг. — в Воркуте.

Сведения о рудной золотоносности даек, полученные в 1928-1930 годах, хотя и были предварительными и неточными, в последующие годы (Среднеканское месторождение, понимаемое как большеобъёмное) оказались близкими к первоначальной оценке Ю.А. Билибина.

...Ещё в 1932 году партия И.Л. Соловейчика откроет золотоносную Утиную дайку, которая станет позже первым промышленным золоторудным месторождением на Колыме. Эта дайка будет обнаружена на левом борту долины р. Утиной, недалеко от эксплуатировавшихся россыпей ключей Юбилейный и Холодный, открытых в 1929 году С.Д. Раковским во время Первой Колымской экспедиции.

Промышленная оценка дайки рудного золота была подтверждена авторитетной экспертной комиссией. Будет развёрнуто строительство первого горнорудного предприятия Колымы. Но это будет позже.

Перед отъездом из Магадана Ю. Билибин дополнил своё заключение о запасах россыпного золота. Он указал в нём размеры добычи его по годам на десятилетие вперёд.

Однако признание этого заключения и прогноза наступит только через три года, в 1936-ом. Вопреки ожиданиям руководства «Дальстроя» план добычи россыпного золота будет перевыполнен вдвое и добыча его достигнет той величины, которая была намечена прозоривым учёным.

Этот факт не мог остаться незамеченным. Он требовал объективного анализа.

Среднеканская дайка

Мы помним, что эта дайка была открыта С.Д. Раковским. Самое первое заключение о ней было дано на основании крупных образцов из встреченных на поверхности жилы. Это было обусловлено тем, что разведки ещё не производились. Не было на это ни рабочих рук, ни средств. Поверхность жилы была вскрыта в немногих местах, то есть пробы оказались непредставительными для месторождения. Бедные рудным золотом или пустые участки остались неопробованными.

Подвёл и пробирный анализ, сильно завысивший содержание золота. Непроизвольно была допущена ошибка в квадрате.

При опробовании Ю. Билибин не присутствовал: он был в этот момент в Ленинграде.

Составляя записку в Правительство о перспективах Колымы, Ю. Билибин ради осторожности уменьшил в десять раз данные о запасах золота. Тем не менее эти запасы превосходили все ресурсы рудного золота в стране.

По возвращении на Колыму, получив новый фактический материал по Среднеканской жиле, он дал чёткую характеристику месторождения. Эту оценки поддержали потом все, занимавшиеся её изучением.

Но надежды, которые вселило это месторождение, были так велики, что никто не решался остановить запущенный в ход хозяйственный маховик.

...В конце 1933 года разведка рудного золота была закрыта. Отпущенные средства в связи с «ошибкой Билибина» не пропали. Они сработали на освоение Колымы, инициировали масштабное строительство дорог и жилищное строительство.

Смелый и подтвердившийся прогноз Ю. Билибина о больших промышленных запасах россыпного (не рудного) золота заработал, хотя не сразу, но эффективно.

В 1934 году ОГПУ внесло предложение об организации комиссии для проверки работы «Дальстрою». Политбюро ЦК ВКП(б) это предложение поддержало.

Можно думать, что одной из главных причин проверки комиссией работ на Колыме явились как раз противоречия в вопросах развития дальнейшей золотодобычи в регионе.

Комиссия в составе: Д.Я. Одинцова (председатель), профессор И.Ф. Григорьева и Н.И. Трушкова, инженера В.Н. Зверева — оценила Верхне-Колымский район «как один из крупнейших золотопромышленных районов Союза». Одновременно было рекомендовано выделить значительные капиталовложения на разведку золота «Дальстрою». На 1934 год они возросли вдвое по сравнению с 1933 годом.

Деньги, отметим, были выделены на работу поисковых партий. То есть именно на то направление, за которое так ратовал Ю. Билибин.

Теперь, к 1935 году, в Охотско-Колымском районе проработало более 75 партий. Оперативными разведками Северного горнопромышленного управления были обнаружены промышленные россыпи, по богатству во много превышающие запасы рудного золота Среднеканской дайки. Объём работ и будущее благополучие «Дальстроя» были вне сомнений.

В 1935 году за открытие месторождений золота на Колыме были награждены многие геологи. Среди награждённых Ю.А. Билибина не оказалось.

В 1936 году было добыто уже 33,3 тонн золота, то есть в шесть раз больше, чем в 1934 году.

Прогнозы Ю.А. Билибина оказались чрезвычайно верными. Обращает на себя невольно тот факт, что в предшествующие годы, до комиссии (1932-1933), планы по добыче золота не были выполнены, но никто не был наказан. Да и план 1934 года не был выполнен.

Здесь явно напрашивается вывод, что Правительство пошло на создание «Дальстроя» не только для организации структуры по добыче золота, но и для широкой разработки недр богатейшего края (были уже данные о наличии гипса, серы, медной руды, ртути, олова и т.д.). Нужен был плацдарм для рассчитанных на дальнюю перспективу работ. Всё пока давалось авансом «Дальстрою». И потом: на Востоке стране нужна была опора государственности. Нужны были дороги, школы, больницы... Необходима была инфраструктура. Нужен был нормальный порт. Требовался приток грамотных, образованных молодых людей, обживающих обширный край...

...Теперь, в 1937 году, только на одной Хатыннахской россыпи было добыто более 11 тонн золота.

* * *

Эвенки, якуты говорили о Д. Раковском, И. Гальченко, В. Цареградском и других, что они «умели слушать камни». Более всех этим недюжинным даром обладал Ю. Билибин. И дар этот крепко был основан на научном понимании закономерностей размещения полезных ископаемых.

«Ты сильный!..»

Юрий Билибин любил, когда это к месту, побалагурить в кругу друзей, попеть песни, побороться с друзьями геологами, с аборигенами. Один из них говорил ему: «С медведем бороться могу, с тобой нет. Ты сильный».

Он мог сочинять потешные стихи, предложить азартное рискованное пари. А мог, сидя в палатке, отстранившись на время, писать свою будущую научную книгу, ставшую классическим трудом по геологии.

Раскованность и рискованность. Он часто рисковал. Это было в его натуре.

Комиссия, инициированная ОГПУ в 1934 году, после проверок дала оправданные и своевременные выводы.

* * *

Билибин, уехав из Магадана, больше не вернётся на Колыму в качестве сотрудника «Дальстроя». Став доктором геолого-минералогических наук, членом-корреспондентом АН СССР, он возглавит новое научное направление в геологии — металлогению.

Основательно разработает то самое главное, без чего поиски и разработки недр малоэффективны. Заложит основы методологии проведения прогноза месторождений полезных ископаемых в недрах земной коры, опираясь на геологические закономерности её неоднородного развития.

...Эти его слова, о которых мне напомнил в письме Евгений Конюхов, сказанные В.А. Цареградскому, когда тот с окончанием работы Третьей Колымской экспедиции готовился к отъезду в Ленинград:

«Приезжай поскорее обратно к нам...»

Они были обронены в момент отплытия Ю.А. Билибина на Среднекан. Он уже устал от неорганизованности, неразберихи и, самое главное, от отсутствия обоснованного научного подхода в управлении «Дальстроем». Чувствовал, был уверен в необходимости перемен. Но у него не было на то полномочий.

Возможно, Ю.А. Билибин ещё не думал о своём окончательном уходе из «Дальстроя», возможно... Но он видел, какие люди нужны в первую очередь Колыме.

...Пройдёт совсем немного времени, и В. Цареградский, встав во главе большого коллектива геологов «Дальстроя», подтвердит на практике общий с Ю. Билибиным прогноз богатейшего региона страны.

Правота и прозорливость Ю. Билибина стали настолько очевидны, что на организованной по инициативе С.С. Смирнова Первой геологической конференции в Магадане в 1936 году, в отсутствие Ю. Билибина, Э.П. Берзин вынужден был в своём публичном выступлении признать, что вексель Билибина, выданный государству, полностью оплачен. Огромнейшая заслуга геолога была общепризнана.

Фраза Э.П. Берзина — «оплаченный вексель Билибина» — вошла в историю освоения Колымы.

Итоги работы «Дальстроя» уже за 1936 год поставили Колыму в ряд крупнейших золотодобывающих предприятий. Колыма обогнала все другие области Союза ССР, занимающиеся добычей золота.

* * *

Нелегко далось Ю.А. Билибину отстранение от работы на Колыме. Он был обойдён и вниманием, и наградами. Колыма потеряла геолога-практика. Но геологическая наука приобрела выдающегося учёного. Это станет очевидным особенно в послевоенные годы с появлением его классических трудов.

«Убываю в командировку и в отпуск...»

В начале декабря 1937 года в Магадан прибыло новое руководство треста «Дальстрой», которое должно было заменить большинство руководителей первого состава, выезжавших в отпуск.

3 декабря 1937 года Э.П. Берзин подписал приказ: «Сего числа убываю в командировку и отпуск. На время моего отсутствия временно исполняющим должность директора гостреста «Дальстрой» назначаю моего заместителя старшего майора государственной безопасности т. Павлова».

К.Б. Николаев в своей книге «Жизнь и смерть Эдуарда Берзина» так описывает дальнейшие события: «Берзина арестовали 18 декабря 1937 года по пути в Москву. Когда до столицы

оставалось около ста километров, поезд остановился на маленькой станции города Александров.

Секретарь Эсфирь Самойловна Лейзерова, ехавшая в том же вагоне, что и Эдуард Петрович, потом вспоминала:

«В 14 часов, когда у моей дочери был «мёртвый час», я была в купе у Э.П. и где сидели Евгеньевы, и, как всегда, мы играли в слова. Вдруг вошёл военный в форме майора НКВД.

— Кто Берзин? — спросил он.

— Берзин — это буду я, — с улыбкой ответил Эдуард Петрович.

— Нам надо с вами поговорить, остальные могут выйти, — сказал майор Гранков.

Из купе я вышла последней, медленно закрывая дверь, а глаза глядели во всё сужающееся дверное отверстие. И увидела я, что у Эдуарда Петровича обе руки подняты вверх, а уполномоченный вынимает из его кармана оружие.

Всё стало ясно.

— Поля, Эдуард Петрович арестован. Сейчас, видимо, придут за мной. Не будите дочку.

Я простилась с моими дорогими и ушла с пришедшим за мной Гранковым.

Мы шли втроём: Э.П. Евгеньев и я с Гранковым и ещё двумя «филёрами» в штатском, а из всех окон вагонов нас провожали большие, удивлённые человеческие глаза.

Это было 19/ХІІ-37 г. в 14 часов дня.

Привели нас в комнату дежурного. Уполномоченный Гранков¹ предложил Эдуарду Петровичу извлечь из карманов документы, бумаги, деньги, и всё это Эдуард Петрович выложил на стол...

После этого Гранков, предъявив какую-то бумагу, предложил Эдуарду Петровичу снять орден Ленина и почётный значок чекиста. Эдуард Петрович начал было расстёгивать гимнастёрку, но вдруг, как-то изменившись в лице, сказал:

— Нет, я этого не могу сделать. Снимайте сами, коль на это имеете право.

Когда Гранков бесцеремонно выполнил это, Эдуард Петрович как-то сразу поник, посмотрел в мою сторону глазами, полными страдания, развёл руками, пожал плечами:

¹ По другим источникам, фамилия уполномоченного — Гравин.

— Зефирь, — так называл он меня, — я ничего не понимаю, — и тяжело опустился на стул.

В 5 часов вечера нас посадили в почтовый вагон. Света в вагоне не было. Гранков достал из кармана свечу (какая предусмотрительность!) и поставил её на столик, отделявший меня от Берзина.

Нам было разрешено, если мы хотим, поговорить. Эдуард Петрович немедленно воспользовался «милостивым» разрешением:

— Я знаю, ты страдаешь за Воробьшка (так называли мою дочь Милочку), но ведь и у меня дети. Я сам ничего не понимаю. Я только прошу тебя: верь мне.

— Я верю вам, — ответила я.

Это вера в Эдуарда Петровича и держала меня в самые страшные годы испытания, а их на мою долю досталось больше, чем, казалось бы, мог вынести один человек, да ещё женщина. Я ни на миг не усомнилась в большевистско-ленинской сущности Эдуарда Петровича. Эта безусловная вера в него, в невозможность какого-либо преступления с его стороны помогла мне со спокойной совестью и гордо поднятой головой пройти через всё, отчего и сейчас — много лет спустя — просыпаешься в холодном поту.

...Привезли нас на Лубянку. Евгеньева увели тотчас же. Эдуард Петрович снял свою меховую шапку, и капли пота, крупные, как горох, катились со лба по его лицу.

Сдав дежурному ордера на арест, Гранков обратился к нам: — Можете проститься.

Эдуард Петрович подошёл ко мне, обнял и поцеловал в лоб.

Тут нас и развели по разным камерам. И больше никогда я его не видела».

Арестованный Э.П. Берзин содержался в Лефортовской тюрьме семь с лишним месяцев.

1 августа 1938 года Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила его к высшей мере уголовного наказания. В следственном деле зафиксированы последние слова Берзина перед казнью: «Партия и Правительство поручили «Дальстрою» освоение Колымы. Дальстроевцы не жалели сил и здоровья, чтобы выполнить задание. Не обошлось, конечно, без ошибок и недостатков, но за это дают выговор по службе, а не расстрел».

После расстрела Э.П. Берзина «Дальстрой» перешёл в ведение НКВД.

Осенью 1938 года арестовали и Эльзу Яновну Берзину. Она была приговорена к 8 годам ИТЛ — как жена изменника Родины.

Э.П. Берзин был реабилитирован 4 июля 1956 года.

После реабилитации Эльзе Берзиной назначили пенсию.

В 1989 году к 50-летию Магадана перед зданием мэрии города установлен бюст Эдуарду Берзину, а годом раньше на здании магаданской школы № 15 появилась мемориальная доска в честь Э.П. Берзина. Его именем названа улица в посёлке Ягодное.

«Ровно 5 лет, 10 месяцев и 15 дней было у Эдуарда Петровича на то, чтобы заложить город¹, построить первые причалы морского порта, промышленные предприятия, электростанцию.

При нём открылись первая школа и школы-интернаты для детей местного населения, библиотека, появились киноустановки в двух добротных клубах из рубленого леса для показа немых, а потом и звуковых фильмов. Уже в год его приезда в системе Управления Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей (УСВИТЛа) был создан небольшой театральный коллектив, с которого началась история Магаданского государственного музыкально-драматического театра. В центре будущего Магадана, по указанию Эдуарда Петровича, оставили нетронутым огромный таёжный массив, чтобы превратить его в городской парк культуры и отдыха. Глядя сегодня на фотографии 30-х годов, с удивлением узнаёшь в старых просеках парка современные асфальтовые дорожки, остатки строений тех лет и испытываешь чувство огромной благодарности к людям, которые ещё в те страшные годы думали о нас... А через два года после приезда первого директора «Дальстрою» Колыма стала ведущим валютным цехом страны!» (И.А. Паникаров).

В.И. Оноприенко, изучавший биографию Ю.А. Билибина, приводит выдержки, взятые из работ историка «Дальстрою» А.Г. Козлова: «14 июля 1938 г. сотрудники УНКВД по «Дальстрою» арестовали вторично приехавшего (за месяц до этого) на Колыму А.Н. Пемова, назначенного заместителем на-

¹ Имеется в виду город Магадан.

чальника ГУ СДС. Ю.А. Билибину довелось работать под его руководством, так как тот в 1932-1934 гг. возглавлял Управление по добыче полезных ископаемых «Дальстроя», а затем его Горное управление, весной 1935 г. был награждён орденом Ленина. О А.Н. Пемове как об очень деятельном руководителе отзывались многие колымские геологи, в том числе и Б.И. Вронский».

Далее В.И. Оноприенко пишет: «Однако, пожалуй, наиболее тяжёлым известием для Ю.А. Билибина стало то, что в июне-июле 1938 г. на Колыме были арестованы те, кого он не просто хорошо знал по совместной работе, но и уважал, и ценил за глубоко профессиональные знания, деловые и человеческие качества. К ним необходимо отнести участника Колымской геолого-разведочной экспедиции 1928-1929 гг. геодезиста Д.Н. Казанли, в последнее время являвшегося главным инженером прииска «Штурмовой», и главного геолога СГТГУ Д.В. Вознесенского...»

Кроме этого, уже во время приезда Ю.А. Билибина в Магадан, 13 августа 1938 г. арестовали целый ряд участников только что завершившейся Омолонской экспедиции. В их числе были её руководитель, талантливый геолог С.В. Новиков и его жена, первая женщина-геолог на Колыме Ф.К. Рабинович. В последующем, уже в 1939 г. С.В. Новиков и Ф.К. Рабинович были освобождены. С них сняли все обвинения, как, впрочем, с Д.Н. Казанли, Д.В. Вознесенского, П.В. Грунвальда, В.И. Серкова и др. А.Н. Пемов, к сожалению, был осуждён Особым Совещанием при НКВД СССР 30 декабря 1940 г. После этого его перевели в один из лагерей, где он и умер от порока сердца 4 июля 1944 г. в возрасте 49 лет. Позднее А.Н. Пемов был реабилитирован».

После «Дальстроя». Золото на сапогах

Нелегко было Билибину покидать Колыму. Горечь, связанная с отстранением от главного дела в жизни, давала о себе знать. Но он оставался чрезвычайно работоспособным и энергичным. Первое время он занимался написанием отчёта о результатах полевого сезона, только что проведённого в 1933 году (последнего его сезона), в устье Среднекана.

Драматизм ситуации глуховато прорывается между строк автографа, написанного им на одной из своих статей, подаренной в 1935 году колымским геологам:

«Вечным энтузиастам от остывшего пионера».

Но работоспособность и юмор его не покидали:

«Работали мы в только что построенном здании Геолкома на 19-й линии Васильевского острова. Юрий Александрович завёл тетрадь для учёта времени нашей работы, расписание было свободное. С.Е. Захаренко любил работать до позднего вечера и однажды в дневнике сделал такую запись: «Полночь. Ясно. Звёзды». Следующая запись, сделанная Ю.А. Билибиным, гласила: «10 часов утра. Ясно. Солнце. Ни одна звезда не явилась на работу». (Е.Т. Шаталов).

Работая с 1924 по 1934 год на Северо-Востоке, Ю.А. Билибин усовершенствовал методику геологоразведки, которую разработал ещё на Алдане. Несомненно, значительное влияние на развитие идей Ю.А. Билибина в области металлогении оказал основоположник этого учения в СССР академик С.С. Смирнов.

Итог его работы на Колыме: создание металлогенической схемы, которая охватывает огромную территорию золотоносных районов.

Он продолжает заниматься и геологией Алдана. Публикует статьи по этой теме.

В 1934 году он едет в Западное Верхоянье, в только что открытый Н.И. Зайцевым Аллах-Юньский золотоносный район. Он высказывает мысль о связи полезных ископаемых с металлогеническими зонами. Это подтвердилось открытием промышленного месторождения золота на Ыныкачан. Вернувшись из Аллах-Юньского района во Всесоюзный геологический институт (ВСЕГЕИ), учёный продолжил работу над монографией «Основы учения о россыпях». Эту работу он завершит в 1938 году.

Основное назначение книги — служить не теоретическим трактатом, а быть помощником геологам, поисковикам, разведчикам в их практической работе.

Важным эпизодом в жизни Ю. Билибина и деятельности «Дальстроя» явилась работа в составе Правительственной комиссии 1938 года, в которую он был включён по просьбе «Даль-

стройка». Ехать не хотелось: он знал, какие события вершились на Колыме.

Северное горнопромышленное управление было полностью обезглавлено. Арестованы начальник Левантович, главный инженер Эйдлин, главный геолог Вознесенский, главный маркшейдер Казанли. Находились ещё под следствием Ф.Я. Рабинович, С.В. Новиков. Ю. Билибин вывез собранные ими образцы, ещё раз проявив свою преданность профессии геолога-разведчика и практика по золоту.

Это была последняя его поездка в край своей романтической мечты.

Привожу описание встречи Ю. Билибина с Б.И. Вронским и другими его коллегами по работе в Колымских экспедициях. Уж больно она колоритна.

«...Приехал он и в наше Берелёхское РайГРУ вместе с профессором В.Н. Зверевым, тоже членом этой Комиссии. Остановились они, естественно, у Раковского, то есть у нас, поскольку мы жили одним хозяйством. Не могу удержаться, чтобы не передать сцену встречи Билибина с Вронским.

Они крепко заключили друг друга в объятия, перешедшие тут же в силовую борьбу, так часто практикуемую ими ещё в первые годы совместного пребывания на Колыме. Примерно равные по силе, они вкладывали в эту забаву много азарта, непременного стремления взять верх, не уступить сопернику. Так было и на этот раз. Рубашки на них трещали, стулья разлетались в стороны, но противники не разжимали своих могучих клещей-объятий. Раковский с деланным испугом (ему ли не знать, какую это обоим доставляло отраду) подбирал и отставлял подальше стулья, отодвинул с середины комнаты стол и вроде как бы пытался их разнять. Профессор Зверев, чуть отодвинувшись в безопасное место, с невозмутимым видом попивал свой чаёк. Я, конечно, как всегда в таких случаях, волновалась, но понимала, что вмешательство недопустимо. Вдруг они, не одолев друг друга, наскочили на препятствие в виде большого добротного топчана и рухнули, обрушив на него все свои 200 килограммов. Топчан затрещал и раскололся надвое.

Раковский с тем же выражением нарочитого перепуга подскочил к телефону и стал вызывать Мишу Лунеко, завхоза нашей экспедиции.

— Да вот... тут... Билибин с Вронским подрались и в результате проломили мне топчан. Б-бери инструмент и иди чинить, — говорил он в трубку телефона. Раковский иногда, когда шутил или волновался, не то чтобы заикался, а как-то запинаясь, хотя в обычной речи или даже в больших выступлениях говорил бегло и чисто.

Лунеко тут же не преминул явиться и восхищённо застыл в проёме дверей, явно любуясь представшей пред ним картиной. Мне даже показалось, что Раковский вызвал его не столько для починки топчана, а чтобы и его приобщить к происходящему.

Борьба ещё продолжалась, хотя уже затухала. Приход Миши Лунеко и вовсе положил конец схватке. Тут начались новые, правда не столь бурные объятия». (В. Вронская).

Жизнь вдали от Магадана, в Ленинграде так и не сделала из Ю.А. Билибина чиновника (пусть и от науки). Его жизнелюбие было заразительным по-прежнему.

И ещё один эпизод из того времени, когда «опальный» первооткрыватель Кольмы Ю.А. Билибин побывал в 1938 году в качестве члена Правительственной делегации на приисках вместе с академиком С.С. Смирновым для оценки перспектив наращивания добычи золота на Северо-Востоке:

«С особой и неповторимой наглядность он их увидел, когда мы пошли со старшим геологом прииска «Партизан» И.И. Масленниковым смотреть разработку россыпи в устье руч. Гольцовый. Налипшая на наши сапоги глинистая грязь озолотилась: крупинки золота обвораживающе сверкали в солнечных лучах. В тот день здесь было добыто 250 кг золота, и одноконная упряжка с трудом доставляла драгоценный песок в золотоприёмную кассу прииска. Я не видел, но чувствовал волнение Юрия Александровича, когда он взглянул на сапоги, облепленные грязью с крупинками драгоценного металла. Этого не могла придумать даже необузданная фантазия Джека Лондона. И правду говорят: жизнь всегда богаче любого вымысла». (Н.Л. Шило).

* * *

...Всесторонне проанализировав работу «Дальстроя», Ю.А. Билибин и В.Н. Зверев отмечали: несмотря на серьёзные успехи в открытии месторождений золота и других полезных

ископаемых, геолого-разведочные работы «Дальстроя» не обеспечивают обоснованный фонд разведанных запасов. Подготовка разведанных запасов на будущее отодвигается на задний план перед эксплуатацией разработанных месторождений.

Говорилось и о недостатках самой геологоразведки, о недостаточном внимании к методике работ, об отсутствии системного анализа технико-экономических показателей.

Рекомендации по результатам работы комиссии Ю.А. Билибина и В.Н. Зверева содержали 60 пунктов.

Важнейшим делом они считали создание в системе «Дальстроя» центрального геологического управления. Основные задачи управления: планирование всех геолого-разведочных работ «Дальстроя» в соответствии с основным планом работы треста, организация самостоятельных геолого-разведочных структур: баз, партий, экспедиций и так далее. Подчинение этих структур непосредственно создаваемому управлению, руководство их работой. Указывалось на необходимость объединения всех материалов по геолого-разведочным работам «Дальстроя», важность составления сводных геологических карт, сводных отчётов деятельности структур.

Аналитический ум Ю. Билибина не мог не проявиться и здесь.

Рекомендации будут приняты. Комиссия предложила и структуру Геологического управления.

Организовать и возглавить эту новую структуру «Дальстроя» будет поручено В.А. Цареградскому.

В 1938 году при тресте будет организован геолого-разведочный отдел. Этот отдел возглавят В.А. Цареградский и главный геолог М.И. Коньчев.

Через год руководителем созданного на базе отдела Геолого-разведочного управления станет В.А. Цареградский. Главным геологом будет назначен Г.А. Кечек.

Возглавив управление, В.А. Цареградский сделал очень много для развития геологоразведки.

Сразу же был создан научно-исследовательский отдел, который потом стал институтом. Для работы в этом институте привлекались и учёные, отбывавшие наказания.

Появился научно-производственный орган «Кольма». В «Дальстрое» образовали свои геологические фонды и хранилища. В 1948 году В.А. Цареградский получит повышение по

службе. Оставаясь во главе ГРУ¹, станет ещё заместителем начальника «Дальстроя». Начиная с 1938 года и до ухода на пенсию по болезни в 1955 году В.А. Цареградский бесценно руководил огромной армией геологов, поисковиков и разведчиков, работавших на территории, превышающей по своим размерам Западную Европу. Имена Цареградского, его помощников в эти годы: Кечек, Ерофеева, Шаталова и многих других, поднявших на своих плечах всю тяжесть организации гигантской исследовательской машины, — навсегда останутся в отечественной геологической науке.

25 февраля 1939 года выйдет приказ № 60 за подписью Наркома внутренних дел о создании специальной комиссии по разработке под председательством профессора С.П. Александрова пятилетнего плана работы «Дальстроя».

* * *

Переход в науку стал для Ю.А. Билибина новой формой реализации его талантов.

...Вторую свою монографию он закончит перед войной в 1941 году. Она выйдет в свет в 1947 году под названием «Петрология Ыльлымахского интрузива». В это же время учёный публикует ряд статей.

Во время войны Ю.А. Билибин до осени 1943 года работал главным геологом треста «Узбекзолоторедмет», позже — главным геологом «Главзолота», занимаясь месторождениями Средней Азии, Казахстана, Кавказа. Накапливал исследования для будущих научных работ. Осенью 1943 года он защитит докторскую диссертацию. Ещё перед войной в Казахстане он начнёт работать совместно с Татьяной Васильевной Плотноковой, которая станет его женой. В 1940 году она защитила во ВСЕГЕИ кандидатскую диссертацию. Включившись в металлургические и петрологические исследования, стала опорой своему мужу и продолжателем его дел. Она защитит докторскую диссертацию, воспитает двух детей.

Оставаясь по природе своей организатором, Ю.А. Билибин вовлекает в работу новые группы геологов, создавая следующую волну исследователей.

¹ ГРУ – геолого-разведочное управление.

В 1945–1946 годах формирует коллектив Тувинской экспедиции, в 1947-м — сектор геологов металлогении ВСЕГЕИ.

В это время рядом работали два выдающихся учёных — Ю.А. Билибин и С.С. Смирнов — крупнейшие исследователи рудных месторождений. Специалисты, заложившие основы отечественной металлогенической науки, были дружны.

С.С. Смирнов настойчиво рекомендовал Ю.А. Билибина в Академию наук. Говорил, что избрание Билибина — это «свежая кровь» для Академии.

Венгерский танец Брамса

Сергей Сергеевич Смирнов и Юрий Александрович Билибин. Их жизни — как молнии! И судьбы во многом схожи.

С. Смирнов был старше Ю. Билибина всего на шесть лет. Оба учились в реальных училищах и окончили их с отличием.

Оба приняты в Петербургский горный институт.

И тот, и другой учились с увлечением, имели по всем геологическим дисциплинам отличные оценки.

Для обоих город, связанный с Горным институтом, стал их второй родиной.

Во время их учёбы, а потом и работы в Горном институте лекции читали выдающиеся учёные, гордость российской науки: Г.С. Фёдоров, А.А. Борисьяк, П.И. Степанов. Лекции по геологии рудных месторождений читал лучший специалист в этом вопросе К.И. Богданович. В институте работали такие крупные деятели геологической отечественной науки, как А.Н. Рябинин, Д.И. Мушкетов, В.В. Никитин и др.

Как наиболее одарённый студент С.С. Смирнов вёл практические занятия по минералогии. Но всё равно приходилось подрабатывать частными уроками.

«Из дому денег не получаю, бесплатных обедов и бесплатной квартиры не имею. Отец не имеет возможность помогать мне, так как получает мало (не свыше 80 рублей), живёт на них с моей матерью и немного помогает брату, учащемуся в Москве».

Эти строки взяты из текста прошения С.С. Смирнова на имя директора института.

Не правда ли, ситуация, сходная с той, которая была в студенческие годы у Ю. Билибина и В. Цареградского, у многих других.

Откуда С. Смирнову было ждать поддержки? Отец — рабочий-гравёр текстильной фабрики в Иваново-Вознесенске много работал, но в семье было четверо сыновей...

Летом 1925 года Смирнов в должности коллектора уехал в первую свою экспедицию. И с той поры он всю свою жизнь связал со Всероссийским научно-исследовательским геологическим институтом им. Карпинского.

Сразу после окончания института его работа в геологии стала набирать стремительный темп. Он одновременно ведёт научные исследования в Горном институте и в Геолкоме. Приступив к работе в Восточной Сибири и Забайкалье, открыл оловянный камень в рудах Хапчерангинского месторождения. Так родилось первое крупное месторождение в стране.

Это стало подходом к написанию первых обобщающих трудов по металлогении данных районов.

Под его руководством решаются проблемы, связанные с созданием минерально-сырьевой базы олова в стране.

В 1933 году он откроет Имтаджинское месторождение олова в Якутии, предскажет наличие олова в Приморье.

В 1933 году С.С. Смирнов возглавит кафедру минералогии Ленинградского горного института. В 1935 году его утвердят в звании профессора, в 1936 году получит учёную степень доктора геолого-минералогических наук.

Обобщив огромный фактический материал по изучению им лично 300 с лишним месторождений, он напишет свою первую монографию «Полиметаллические месторождения Восточного Забайкалья». Этот титанический труд поныне является настольной книгой всех, кто изучает полиметаллические месторождения.

Для С.С. Смирнова и Ю.А. Билибина характерна тесная связь фундаментальных научных выводов с решением практических задач. Они оба давали в своих научных работах ответы на то, где надо искать месторождения металлов.

Их обоих трудно было удержать в кабинетах. С.С. Смирнов ежегодно (!) уезжал с экспедициями в Забайкалье и на Северо-Восток страны. Сам обрабатывал коллекции, учил этому сотрудников.

Из воспоминаний Нины Ивановны Серпуховой:

«Юра¹ очень любил лошадей и ещё подростком хорошо управлялся с ними. В Якутске у него была лошадь, которую он сильно любил и звал её Бесхвостая красавица. У меня есть фото Юры, где он снят на этой лошади. Юра говорил, что ему никогда не приходилось привязывать её. Он спокойно отпускал её пастись. Когда нужно было ехать дальше, лошадь сразу же прибежала на его свист. По утрам она просовывала голову в палатку и будила Юру, легонько толкая его головой до тех пор, пока не получала кусочек сахара.

Геологи Якутска прозвали Юру «Горный ковбой», потому что он носил ковбойскую шляпу, за плечами у него были двустволка и обязательно мандолина. Юра хорошо играл на гитаре и мандолине. Играл на пианино. У него был прекрасный слух, он с ходу подбирал любой мотив, но петь он не умел. Не мог передать голосом напев самой простой песни.

Помню случай, рассказанный академиком Сергеем Сергеевичем Смирновым. Он в бытность мою в институте читал нам курс минералогии, одновременно ведя практические занятия у половины нашей группы. Практические у второй половины группы вёл преподаватель, тоже Смирнов, но только Александр Александрович. Юра отрабатывал практические у Сергея Сергеевича, а я с другой половиной группы, чему искренне радовалась. Мы боялись С.С., как огня. Он был очень строгий и любил разносить студентов «в пух и прах». Редкому из нас от него не доставалось. Он мог во время лекции задать самый неожиданный вопрос первому попавшемуся студенту. Юра очень хорошо учился, и С.С. никогда его не распекал. Как-то на одной из лекций, когда Юра толково ответил на заданный ему вопрос, С.С. сказал: «Вот если бы у меня все студенты были такие, как Серпухов, я бы учил их с наслаждением».

Уже будучи академиком, С.С. поехал консультировать в Якутск. Он консультировал многие партии, в том числе и Юрину. Когда он добирался до лагеря Юры, его лошадь чего-то испугалась, понесла. Он не удержался в седле, упал и сильно расшиб ногу. Нога распухла, и С.С. не мог ступить на неё. Лошадь далеко не ушла, но в руки ему не давалась, из-за больной ноги С.С. не мог её поймать. Он с трудом развёл костёр. Растерялся,

¹ Юра — брат Владимира Ивановича и Нины Ивановны Серпуховых, геолог.

не знал, что делать: «Думал, что пропаду». В таком положении он провёл сутки: «Не так хотелось есть, как пить: горло совсем пересохло. И тут, к великой радости, я увидел сначала ковбойскую шляпу, затем ствол двустволки, мандолину, и, наконец, появился «Горный ковбой». Я понял, что спасён».

Так С.С. рассказал брату Володе, а Володя уже нам. Юра же, когда приехал, рассказывал так: «Я ехал, совсем не зная, что С.С. пробирается ко мне. Сначала почуял, а потом и увидел дым. Подумал, что начался лесной пожар, но затем понял, что это костёр и, стало быть, кто-то есть в тайге, и погнал Бесхвостую красавицу в направлении дыма. Подъехал к костру и увидел С.С. Я всегда беру с собой флягу с водой и несколько сухарей на случай, если задержусь в тайге и отъеду далеко от лагеря. Всё это пришлось очень кстати. Сначала С.С. жадно выпил из фляги всю воду и только потом поел. Тут же попросил меня поиграть на мандолине. Я сказал, что лучше поедем сейчас. В лагере я уложу вас и там вам поиграю. Но он сказал: «Сначала хоть немного поиграй». Я сыграл ему «Венгерский танец» Брамса. Его лошадь подошла к моей, и я легко поймал её и поправил подпругу. Уздечку она, к счастью, не потеряла. Я помог сесте С.С., и мы потихоньку поехали в лагерь».

Учёный не умещался в стенах своего кабинета, не оставался только в кругу научных интересов.

«Сергей Сергеевич был высокообразованным человеком, знал языки, следил за новинками зарубежной специальной литературы. Он собирал географические атласы и словари. Любил читать художественную классическую литературу, скорее её перечитывал. Хорошо знал стихи Пушкина и Лермонтова, портреты которых находились у него в кабинете. Даже в эвакуации в Иркутске в комнатке общежития, где он жил с семьёй, висели небольшие портреты этих поэтов». (А.Д. Щеглов. Академик).

А.Д. Щеглов, говоря о С.С. Смирнове, вспоминал, что уже к середине 30-х годов авторитет его был очень высок. Его признавали безусловным лидером в области рудной геологии и металлогении.

Когда кандидатура Смирнова выдвигалась на вакансию академика, то он категорически отказался, говоря, что есть более достойные.

На следующих выборах в академию в 1943 году он был избран действительным её членом. С.С. Смирнов стал самым молодым и самым деятельным из академиков-геологов.

Будучи назначенным в 1939 году заместителем председателя Комитета по делам геологии Совета Народных Комиссаров СССР, он предпринял все меры, чтобы уйти с этого поста и вернуться в Ленинград.

Сороковые годы характерны для С.С. Смирнова активной научной деятельностью, которая была оценена по достоинству. За значительные заслуги учёного в обеспечении надёжной сырьевой базы олова в 1946 году ему была присуждена Государственная премия СССР первой степени.

С.С. Смирнов практически никогда не отдыхал. Только раз в жизни взял отпуск.

Для учёного была характерна необыкновенная простота в общении с людьми. Ничего «профессорского и академического». Он походил скорее на обычного горного инженера, речь его была простой и ясной. В нём не было ничего показного.

«Он был бессеребреником, — пишет хорошо знавший его и его семью академик А.Д. Щеглов, — часто передавал деньги нуждающимся в поддержке людям. В военные годы в Иркутске у его семьи был огород, где все дружно сажали и убирали картошку, которая затем частично безвозмездно передавалась сотрудникам».

И далее он свидетельствует:

«Смирнов был смелым человеком, отстаивавшим свои взгляды, невзирая на то, что они могут не совпадать с мнением «начальства». Он проявлял гражданскую смелость и в более сложных вопросах, когда, например, боролся за освобождение талантливого геолога М.Н. Годлевского, который был арестован в 1945 г. после того, как вернулся из армии в Ленинград. Три года, вплоть до своей кончины, Сергей Сергеевич регулярно помогал семье Годлевского.

Для меня, только что окончившего Горный институт, неожиданно прозвучали слова вдовы Сергея Сергеевича — Ольги Платоновны, которая, тяжело вздохнув, сказала: «А может быть, хорошо, что Сергей Сергеевич ушёл вовремя; он со своим характером не смог бы перенести таких унижений». Это было сказано летом 1949 года, когда массовые репрессии затронули

учёных-геологов. Были арестованы многие члены Академии, профессора Ленинградского горного института и сотрудники ВСЕГЕИ».

Борьба продолжается

...Членом-корреспондентом АН СССР Билибин станет в 1946 году. В этом же году получит за работу на Северо-Востоке страны Государственную Сталинскую премию.

Заслуженное признание!

Но какой ценой оно далось...

Ещё в 1938 году вышел его фундаментальный труд «Основы геологии россыпей». И опять, какими усилиями?.. Это видно из текста письма в редакцию газеты «Индустрия»:

«Нижеподписавшаяся группа горных инженеров (геологов-разведчиков), работающих продолжительное время по поискам и разведкам золота в Якутии и на Дальнем Востоке, сочла необходимым обратиться к Вам со следующим:

Всем работающим в золотой промышленности известно, что только в годы Советской власти поиски и разведки на золото стали проводиться на научной геологической базе, и благодаря этому были открыты такие крупные золотопромышленные районы, как Колымский, Аллах-Юньский, Индигирский и рудный Алданский.

Впервые поиски золота на строгой научной базе стали применяться в 1926 году в Алданском районе горным инженером Ю.А. Билибиным. Методика поисков и разведок на золото, применяемая впервые Билибиным, в дальнейшем им же и рядом других инженеров и геологов была перенесена на Колымский, Аллах-Юньский, Индигирский и снова в Алданский районы.

...В конце 1935 года трест «Золоторазведка» предложил Билибину обобщить свои десятилетние работы в области геологии и поисков золота в виде книг «Геология россыпей» и «Поиски золота в условиях Северо-Востока Союза». Первая книга намечалась к выпуску из печати уже к осени 1936 года и была окончена Билибиным в срок — 1 мая 1936 года. Прошло уже более полутора лет, и до сего времени выход этого нужного и ценного для производства труда задерживается и, мы бы сказали, задерживается самым преступным образом.

Эта книга объёмом около 40 печатных листов имеет прекрасный отзыв лучшего специалиста по золоту — профессора В.И. Зверева. Производственники геолого-разведчики, которым пришлось познакомиться с трудом Билибина в рукописи, считают этот труд настольной книгой каждого геолога-разведчика и практика, работающего по золоту. Книга, несомненно, сыграет большую роль в повышении квалификации геологов, разведчиков и практиков по золоту, сотнями разбросанных по тайге, а также даст возможность по-другому подойти к методике работ, то есть построить работу на научной геологической и геоморфологической базе и благодаря этому переоценить известные золотопромышленные районы, найти новые, увеличить запасы золота и сделать всё это при минимальной затрате средств.

«Нигризолото» и «Золоторазведка» в системе «Главзолото», ведающие изданием рукописи Билибина, задерживают издание этой книги, ссылаясь друг на друга, на всяческие объективные причины.

...Или это какой-то недоучёт со стороны нового руководства по золоту, или повторение старого, то есть сознательное затормаживание нужного производству труда. Геологам и разведчикам, связанным непосредственно с производством, надоело уже ждать выхода книги Билибина в свет, и они обратились к Билибину с просьбой разрешить размножить рукопись хотя бы на пишущей машинке, что уже и делается.

Мы считаем совершенно необходимым, чтобы книга Билибина была напечатана в течение ближайшего времени, и чтобы вслед за ней была выпущена вторая часть книги — «Поиски золота в условиях Северо-Востока Союза», выпуск которой в настоящее время Билибиным отложен ввиду затяжки с изданием первой книги. Мы также считаем, что издательство «Главзолото» с его филиалом должно дать общественности ответ о причинах задержки выпуска книги Билибина.

Горные инженеры В.И. Серпухов. П.М. Шумилов, Б.И. Вронский, М.Г. Котов.

27 января 1938 года».

* * *

...Наступили сороковые года. Борьба усиливалась.
У Билибина инфаркт за инфарктом.

Ещё перед войной по Колыме прошёл слух: Ю.А. Билибин умер. В ответ на запрос обеспокоенного П.М. Шумилова 24 апреля 1941 года из Ленинграда пришла радиотелеграмма (почти по Марку Твену):

«Жизнеспособен как никогда. В мае собираюсь защитить диссертацию. Слухи о моей смерти несколько преувеличены. Интересуюсь подробностями. Шлю большой привет. Билибин».

Чуть позже вновь:

«Борьба продолжается», «Опять возобновляю войну», — телеграфировал Юрий Александрович.

Доктор геолого-минералогических наук В.Л. Флеров вспоминал: «При первой же встрече Билибин пленил меня. Моему воображению таким и представлялся покоритель дальних земель: ростом выше среднего, широкий в плечах, с волевыми крупными чертами лица, рыжеватой широкой бородкой, жёсткими голубыми глазами. Впрочем Юрий Александрович умел и улыбаться, и громко заразительно смеяться, и имел авторитет исключительно одарённого человека. (...) Работа под руководством Билибина способствовала нашему росту как геологов, развитию у нас смелости и ясности геологической мысли... У Билибина можно было учиться чёткости в работе. Им были составлены ясные инструкции для многих элементов комплекса геологических исследований... Юрий Александрович не составлял черновиков: он сначала обдумывал тему, а потом своим крупным чётким почерком писал сразу набело. С коллекторами Билибин охотно занимался вечерами, а нас, дипломированных инженеров, учил только своим стилем работы и примером».

Это было когда-то...

А вот уже другой Билибин.

А. Иванченко пишет:

«Интересной фигурой был Юрий Александрович Билибин. Теперь он ушёл в легенду и каждый пишет о нём по-своему. Все сходятся только на портрете: высокий, жилистый, с ястребиными ярко-голубыми глазами и огненно-рыжей окладистой бородой. Наверное, в молодости таким он был, но зримо представить его в таком облике мне трудно. Я запомнил его другим. Действительно, высокий, спортивно подтянут, но гладко выбрит, с глубокими залысынами и совершенно седой. Цвет и

выражение глаз за толстыми стёклами очков я бы определить не взялся. Помню только, что очки были в золотой оправе. Ещё запомнился крупный тяжёлый подбородок, который называть волевым, однако, вряд ли можно. Его мягко делила пополам продолговатая симпатичная долька, свидетельствующая больше о натуре поэтической, чем о жёсткой, хотя и с характером целеустремлённым».

* * *

Ю.А. Билибин тосковал по Магадану, по своим первым и новым спутникам колымской жизни.

Часто писал письма П.М. Шумилову.

Из письма от 6 апреля 1945 года:

«Жизнь вошла в норму, и злоключения первых лет войны уже отошли в область воспоминаний. Работаю сейчас по теме «Сводка по геологии золотых месторождений СССР» (за исключением Колымы, конечно), по совместительству являюсь штатным консультантом «Главзолота» по геолого-разведочным работам.

Для души работаю сейчас над проблемами металлогении и связи различных типов металлического оруденения с определёнными типами интрузивных пород. Мечтаю о создании курса металлогении. Пока выводы получаются очень интересные, особенно в части золота. Перед самой поездкой на Урал успел их изложить в письменном виде в довольно просторном отчёте. В недалёком будущем буду докладывать в Минералогическом обществе. Думаю, что встречу очень сильную критику и отпор со стороны многих геологов, т.к. даже С.С. (которого я, кстати, ещё не видел), прочтя в моё отсутствие мой отчёт, сказал моей жене: «Нельзя же так решительно крошить существующие воззрения».

Из письма от 4 октября 1945 года:

«В июне я ездил на Дальний Восток на геологическую конференцию золотой промышленности. В начале сентября выехал на Дальний Восток, но был пойман и задержан в Москве высокими начальниками. Дважды вызывался в Кремль. Настойчиво предлагали занять «высокий пост в правительственном аппарате». Обещали отдельную квартиру в 5 комнат в Москве, заграничный лимузин, поддержку моей кандидатуры в

членкоры на предстоящих выборах в Академию наук и прочие блага мира. Категорически не желая менять Ленинград на Москву и научную работу на организационно-административную, я решительно отказался...»

Вспомним, что подобное было и с С.С. Смирновым. Их обоих тяготила административная работа. Вне науки они себя не мыслили.

«...В отношении академиков занимаюсь тем же, чем и Вы на Колыме, — воюю, — сообщал Билибин Шумилову в марте 1949 года. — В последние годы я успешно занимаюсь разработкой вопросов металлогении, но не отвлечёнными вопросами, не бесплодным теоретизированием в стиле наших академиков, а сугубо насущными вопросами...»

Чуть раньше в письме к Д.Н. Казанли от 1 сентября 1946 года Ю.А. Билибин писал:

«На старости лет я задумал предпринять «вторую эпопею в своей жизни» и с целью проверки некоторых своих металлогенических построений соорудил довольно крупную экспедицию (5 партий) в Тувинскую автономную область. В июне мы с жёнами и детьми отправились в Туву и сейчас только что вернулись. Жили довольно хорошо, местность прекрасная. Геологически район оказался очень интересным. Мои металлогенические предположения подтвердились, сейчас работы сильно расширяются, и экспедиция действительно превращается в целую эпопею. В некоторых отношениях имеется сходство с Колымой: было выпито много водки, было достаточно склок, были и «Матицевы», и «завхозы», в перспективе имеются «Шуры» и другие».

Как не хватало порой в Ленинграде ему поддержки и помощи единомышленников. Многие из них были далеко от него.

Юрий Александрович всегда помнил свои студенческие годы, дух братства членов геологического кружка. По случаю четверти века со дня организации памятной Сибирской секции геологического кружка студентов Ленинградского горного института он писал:

«9 ноября текущего, 1948 г. исполняется четверть века со дня организации Сибирской секции геологического кружка студентов Ленинградского горного института. За истёкшее время наш коллектив немало потрудился над изучением геологиче-

ского строения и минеральных богатств той части Советского Союза, в геологической верности которой в своё время мы клялись со всей горячностью и легкомыслием молодости.

В более молодые годы у нас была хорошая традиция — ежегодно 9 ноября собираться в непринуждённой обстановке и подводить годовые итоги работ, проходя иногда весь стратиграфический разрез «от кембрия до кайнозоя». Правда сейчас силы уже не те, а сам разрез не без нашего участия детализирован настолько, что вряд ли его полное прохождение доступно даже геологам более молодым и крепким. Тем не менее дата «четверть века» звучит настолько убедительно, что было бы преступлением пройти мимо неё. Ведь следующую, полувековую дату, вряд ли смогут отметить двое-трое из нас».

Юбилей отмечался в Ленинграде. В память о нём осталась групповая фотография шести друзей-геологов (Ю.М. Шейнманн, Ю.А. Билибин, А.Л. Лисовский, С.А. Музылев, Д.В. Вознесенский, В.И. Серпухов).

Письмо от 15 августа 1949 года Шумилову было особенно тревожным:

«Мы с Вами только месяц назад расстались, а событий за это время было очень много. Одно время дела приняли настолько острый оборот, что я не чаял больше с Вами встретиться. Была пущена в ход самая беспощадная и нелепая клевета, но сейчас, кажется, вся эта кампания провалилась.

Съездил я очень хорошо (если не считать, что в вагоне спёрли чемодан со всеми вещами). Мои прогнозы по району полностью подтверждаются, и те, кто два с половиной года хоронили район и выступали моими обвинителями, сейчас попадают в роль обвиняемых, а я становлюсь обвинителем. Именно за счёт этого и отношу всю ту кампанию, которая была против меня поднята: складывается впечатление, что меня хотели любыми средствами и любыми способами устранить. В историю с похоронами района я посвятил местный обком партии, который возмущён и полностью меня поддерживает. Вероятно, по возвращении из Забайкалья мне придётся с секретарём обкома быть в ЦК. Всё рассказал заместителю нашего министра, который также был возмущён. На днях мне предстоит встреча с министром, будет генеральный бой. В общем, как видите, я перешёл в наступление».

И далее:

«...Имею за душой несколько прогнозов, менее крупных, чем Кольма, но достаточно актуальных и подтвердившихся с удивительной точностью. Пока прогнозы не подтверждаются, меня все ругают за их необоснованность, начиная от академиков и кончая последней мелкой сволочью. Как только прогноз подтверждается, каждая сволочь норовит к нему примазаться и затушевать мою же роль в моём прогнозе.

Мой конфликт с академиками отнюдь не является чем-то случайным или каким-то частным, личным делом. Корни его лежат очень глубоко, и он является отражением борьбы двух направлений, борьбы, которая ещё только начинается.

Мою связь с производством, практическую направленность всех моих построений, концепций, «рабочих гипотез», я думаю, Вы знаете прекрасно. И ту же целеустремлённую практическую направленность я принёс с собой в Академию наук. И должен сказать, что нашим академикам она не очень понравилась. Сейчас, когда перед нашей горной промышленностью стоит задача колоссального роста минерально-сырьевой базы, я считаю, что вся работа геологов-рудников и металлогенистов должна быть подчинена этой основной задаче.

Если «война солдат» ещё не началась, то «война учёных» в полном разгаре, и мы находимся на передовой линии фронта. И исход «войны учёных» в значительной мере предопределяет исход «войны солдат». Поэтому я считаю, что сейчас не время заниматься разработкой глубоких научных теорий, опирающихся на достаточное количество фактов, хорошо подобранных, систематизированных, обработанных, продуманных. Подбор фактов потребует нескольких лет, ещё нескольких лет — создание теории.

А тогда и война будет кончена. Таким научным творчеством могут сейчас заниматься лишь немногие одиночки, отсиживающиеся в «тылу науки».

Сейчас для нас гораздо важнее действенные, жизненные «рабочие гипотезы», на каждый день и на каждый час, подводящие итоги имеющемуся фактическому материалу и определяющие наиболее эффективное направление поисков и разведок по любым металлам, по любым ископаемым. Таковы требования передовой линии фронта науки.

Беда наших крупных учёных-геологов в том, что, попав в академики (а некоторые — только в членкоры), они тотчас уходят на покой, перестают работать или, в лучшем случае, работая потихоньку сами, перестают быть научными руководителями крупных коллективов геологов. Совершенно естественно, что они не могут приветствовать моё вторжение в их мирную жизнь, так как мои рабочие гипотезы, мои прогнозы накладывают определённые обязательства и на них, зовут их из «тыла науки» на «передовую линию фронта».

Выступая сами против моих концепций и прогнозов, они мобилизуют и всякую мелкую сволочь. Скоро Вы будете иметь удовольствие прочесть в печати одно из подобных выступлений против меня («Известия Академии наук», 1949 год, № 3). С этого выступления начнётся открытая и развёрнутая война между нами, но, надеюсь, до моего победного конца над «тыловиками».

Эти письма опубликовал П. Мельников в своей книге «Они придут завтра». Таких писем немало.

Каждое из них написано будто не учёным академического института, а пехотинцем из передового окопа. Таковой сложилась жизнь одного из романтиков, первооткрывателей Сибири.

Письма, отмечает П. Мельников, заключают в себе ровные строки, написанные крупным чётким почерком. Все буквы — как солдаты в атаке.

Далее Ю. Билибин пишет:

«Полевые мои работы прошли очень успешно. Последовательно применяя свою методику регионального металлогенического анализа, я вскрыл в существующих геологических картах Забайкалья прямо-таки скандальные погрешности, неправильности, искажения. Карты абсолютно негодны и нуждаются в полном пересоставлении на основе новых полевых работ. Эти ошибки накапливались в течение 25 лет, но, что особенно характерно, Академия наук, работавшая в Забайкалье достаточно долго, не могла их вскрыть. Недаром же эти карты были так малополезны производственным организациям: они их не ориентировали, а только путали.

Об этих результатах я докладывал в Чите. Читинский Обком поставил перед ЦК вопрос о расширении моих исследований в Забайкалье, но мудрецы из Академии наук ухитрились и на

этот раз дать отрицательное заключение по этому вопросу. Однако после того, как я об этом доложил на заседании дирекции ИГИ в Москве, среди них воцарилось явное смятение, и дирекция намеревалась пересмотреть своё прежнее заключение. Если мне и теперь не дадут по-настоящему работать, придётся устроить всесоюзный скандал, не останавливаясь перед тем, что кое-кто из моих противников может очень серьёзно пострадать...»

«...В Ленинграде состоялась теоретическая конференция, где я выступил с докладом «Пути и перспективы развития современной металлогенической науки»... Бой был жестокий... Второй мой доклад был в Академии наук в начале мая. Опять был жестокий бой...»

«...Перед президентом Академии наук Вавиловым они поставили вопрос об организации самостоятельной лаборатории металлогении — и лично от себя, и через партийную организацию ленинградских учреждений АН. Сейчас лёд сломан и президиум АН уже не возражает против того, чтобы расширить мой штат ещё до подписания постановления Правительства.

Самое основное изменение в моей жизни за это время — это то, что я перешёл на педагогическую работу. По объявленному конкурсу в ноябре с.г. я был избран заведующим кафедрой полезных ископаемых Ленинградского университета. Сейчас занимаюсь педагогической работой с наслаждением...

18 декабря 1950 года».

Это было в декабре. И вдруг приходят тревожные телеграммы в адрес Петра Михайловича Шумилина от Татьяны Васильевны — жены учёного о том, что у Ю. Билибина возникла гипертония, затем осложнение параличом.

1 апреля 1952 года ещё более тревожная телеграмма: «Здоровье резко ухудшилось положение тяжёлое Билибина».

4 мая 1952 года Юрия Александровича не стало. Он умер от инсульта.

Его похоронили на Литераторских мостках Волкова кладбища в Ленинграде. Рядом с могилой друга, академика Сергея Сергеевича Смирнова. Рядом с прахом Александра Блока.

Памятник Ю.А. Билибину установлен на средства колымских геологов. Он выложен квадратиками его любимого родонита, тёмно-розового орлеца...

Сын крепостных крестьян

Алдан, Колыма, Индигирка и совсем ещё недавно безымянные хребты и долины, хранящие отзвуки грандиозных событий, — всё это вместе представляется мне теперь единым руслом, руслиной, стержнем — соединившим, объединившим в себе множество человеческих судеб и событий.

И в этом могучем, неохватном потоке или русле трудно порой разглядеть отдельные судьбы людей... Но вдруг мелькнёт во тьме чей-то лик в суровом водовороте... И станет не по себе от отблеска чужой жизни, значительной и всегда неповторимой... Сколько их тут было, сколько осталось в вечной мерзлоте жизней? Всяких, разных!.. И разве только на Алдане, Колыме, Индигирке?..

* * *

Выдающийся кристаллограф, минеролог, геолог, педагог, доктор геолого-минералогических наук, профессор Ленинградского горного института, член-корреспондент АН СССР Анатолий Капитонович Болдырев не по своей воле оказался на Колыме.

Но и будучи заключённым, он внёс огромный вклад в становление геологической разведки и горной добычи.

В институте среди его студентов были многие, в последующем ставшие первооткрывателями месторождений Колымского края: Ю.А. Билибин, В.А. Цареградский, Д.В. Вознесенский, Б.Н. Владимиров, Л.А. Снятков, Г.А. Кечек, И.Е. Драбкин, Б.Н. Ерофеев, М.И. Рохлин, Е.Т. Шаталов, В.А. Тито...

Анатолий Капитонович родился 26 октября 1883 года в городе Грайвороне Курской губернии в семье купца II гильдии. Его родители, Капитон Лукич и Агриппина Григорьевна Болдыревы, до 1861 года были крепостными крестьянами. Он окончил грайворонскую церковно-приходскую школу, затем первым учеником — Харьковское реальное училище. В 1901 году поступил в Петербургский горный институт.

Из биографии, датированной 3 ноября 1943 года:

«Дошёл до 3-го курса быстро и беспрепятственно. С 1904 по 1910 гг. вследствие студенческих волнений наступил перерыв в учёбе. В конце 1910 г. за участие в студенческом движении

был арестован и административно сослан на три года в Пермскую губернию, сначала в Чердынский край, а потом (вскоре) переведён в Нижний Тагил, где служил всю ссылку геологом Нижнетагильского округа. По манифесту 300-летия Дома Романовых срок ссылки был немного сокращён.

Весной 1914 года уехал в Петербург и поступил гидрогеологом в отдел земельных улучшений; лето работал от этого учреждения в Средней Азии в бассейне реки Чу. По возвращении в Петроград был мобилизован как исключённый из горного института студент в ратники ополчения 1-го разряда. После недолгого обучения и работы санитаром попал как нестроевой в химическую лабораторию дымовых завес близ Колпино в качестве химика-лаборанта, пробыл там до демобилизации.

В 1917 году — рядовой 3-го железнодорожного батальона. Избирается в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. В марте 1917 г. вступил в партию эсеров, из которой вышел сразу после Октябрьской революции.

При советской власти арестовывался два раза: в 1921 и 1933 гг. Оба раза после двухмесячного следствия выпускался на свободу без всяких ограничений.

Специализироваться начал уже в 1903 г. по кристаллографии, минералогии, родственным наукам. Научный стаж — 40 лет, педагогический — с 1918 по 1938 гг. — 20 лет, профессорский — с 1919 г. — 19 лет. Имел свыше 80 печатных работ, из них 6 книг (курсы кристаллографии, минералогии и сводные работы)».

Жизнь А.К. Болдырева среди водоворота роковых исторических событий в стране наполнена опаснейшими моментами. Совсем молодым он побывал в ссылке, потом во многих экспедициях. Будучи первым учеником реального училища, Ленинградский горный институт окончил, когда ему было уже 36 лет.

Ещё будучи студентом, он вёл преподавательскую работу. А через полгода после окончания института (1919 г.) стал профессором и заведующим кафедрой минералогии и кристаллографии, сменил на этом посту своего учителя, основателя отечественной кристаллографии Е.С. Фёдорова.

Он автор научного труда «Основы геометрического учения о симметрии».

В Ленинградском горном институте А.К. Болдырев создаст первую и единственную в СССР кристалломоделльную мастерскую, две гониометрических и кристаллизационную лабораторию.

Он основатель Фёдоровского института кристаллографии, минералогии и петрографии. Этот институт станет научным центром кристаллографов Советского Союза. А.К. Болдырев разработает метод определения химического состава минералов на основании измерений их кристаллов. Придумает угловой циркуль, стереографический транспортёр.

Со своими учениками А.К. Болдырев составил «Определитель кристаллов». На это ушло десятилетие.

Высшая аттестационная комиссия в 1934 году присвоила ему учёную степень доктора геологических наук без защиты диссертации.

Анатолий Капитонович читал литературу на испанском, итальянском, голландском, шведском языках.

26 июля 1939-го он будет осуждён Особым Совещанием за якобы участие в антисоветской организации на пять лет колымских лагерей без поражения прав.

Исследователи жизни учёного полагают, что в основе сфабрикованных обвинений лежал «обыкновенный донос коллег Анатолия Капитоновича, завидовавших славе выдающегося учёного, который, по их мнению, очень высоко вознёсся». (А.Г. Козлов).

Этапом на Колыму учёный прибыл в бухту Нагаева 5 ноября 1939-го, неделю провёл в магаданской пересылке. Затем — на строительстве электростанции в Усть-Тасканском лагунке Севостлага, где его определили на рытьё котлована. Соприкоснувшийся с каторжным, изнуряюще бессмысленным трудом, 56-летний учёный написал самую настоящую научную статью. Он и здесь остаётся учёным. Название работы «О рациональных методах ручной снегоочистки».

Узнав о пребывании заключённого А.К. Болдырева в колымском лагере, его ученики, в том числе начальник Геолого-разведочного управления «Дальстроя» В.А. Цареградский, добились его перевода в Магадан.

Отбывая наказание, А.К. Болдырев работал в Геолого-разведочном управлении в должности инженера-геолога. С орга-

низацией Научно-исследовательского отдела в ГРУ он становится фактически его руководителем.

Открылась возможность продолжить научную деятельность.

В.А. Цареградский помог получить разрешение на приезд в Магадан его жены Анны Михайловны. Теперь она занималась исследованием состава руд и горных пород в минералого-петрографической лаборатории Геолого-разведочного управления.

В.А. Цареградский всячески старался облегчить жизнь профессора и воздать должное за его труд. Когда-то именно декан геологического факультета Болдырев помог Цареградскому вовремя защитить дипломный проект и войти в состав Кольмской экспедиции. Такова ирония судьбы. По ходатайству руководителя Геолого-разведочного управления (ГРУ) был поставлен вопрос о снятии судимости и награждении А.К. Болдырева.

В октябре 1943 года А.К. Болдырев освобождён из Севвостолага без права выезда с Кольмы «до особого распоряжения». Он продолжил работу в «Дальстрое» по вольному найму.

А.К. Болдырев вёл исследования и давал консультации по минералогии, кристаллографии, петрографии и т.д. Занимался переводами научных статей. Руководил созданием обобщающих материалов по региону («Каталог минералов Северо-Востока СССР», «Списки и систематизация горных пород Северо-Востока СССР»). Тогда же написал первую часть «Очерков высшей минералогии».

Приказом В.А. Цареградского от 5 ноября 1944 года А.К. Болдыреву была объявлена благодарность и выдана денежная премия в сумме 2 тысячи рублей «как способствовавшему открытию и разведке месторождений полезных ископаемых и направлению геолого-поисковых работ на открытие новых месторождений».

В 1944 году А.К. Болдырев в числе 160 делегатов принял участие во Второй конференции геологов «Дальстроя». Участники конференции заслушали и обсудили 18 докладов. Среди них был доклад А.К. Болдырева «Мировые месторождения золота».

Он был избран в действительные члены АН СССР. Среди рекомендуемых — всемирно известный В.И. Вернадский. Важность того, что сделал Анатолий Капитонович для Кольмского края и в целом для страны, отмечена орденом «Знак Почёта». Но душа его рвалась в Ленинград!

Его мечте не суждено было сбыться.

Изменчиво русло судьбы человека. Как часто жизнь оказывается под прямой угрозой неотвратимых событий глобального масштаба... А порой зависит от его величества несчастного случая, как это часто бывает у геологов. И только ли у них?

* * *

Чтобы ускорить процесс снятия судимости, А.К. Болдырев, помимо напряжённой работы в ГРУ «Дальстроя», вёл широкую лекторскую деятельность. Учёному в то время шёл уже седьмой десяток.

25 марта 1946 года он спешил в Олу читать лекцию. Автомобиль, в котором он ехал, провалился под лёд залива.

Известно, что А.К. Болдырева отговаривали от поездки в посёлок Ола, откуда была очередная заявка на лекцию, в связи с плохой погодой и ненадёжностью дороги. Но он добился разрешения на выезд у заместителя начальника ГРУ ДС Б.Н. Ерофеева. В.А. Цареградский был в эти дни в Москве, он, скорее всего, не дал бы разрешения на эту рискованную поездку.

А.К. Болдырев ехал в кабине открытого «пикапа», сидя рядом с шофёром. Подъехав к рыбакам вблизи устья реки Олы, А.К. Болдырев вышел и довольно долго наблюдал рыбную ловлю, затем сел в кузов машины. И вопреки советам рыбаков, указывавшим надёжный выезд к зимнику, поехали прямо к берегу, до которого было совсем близко. В следующий момент машина пошла под лёд. Пассажир выскочил, пытаясь помочь водителю. Потом побежал к берегу, очевидно, за помощью. Шофёр погиб. Подбежавшие рыбаки увидели только польню.

Анатолий Капитонович выбрался на берег. На бугре, оказавшемся бруствером окопа выносного поста пограничной заставы, упал. По медицинским данным смерть наступила от разрыва сердца.

Полная реабилитация Анатолия Капитоновича Болдырева состоялась лишь спустя 11 лет после трагедии. В справке, выданной 6 апреля 1957 года Ленинградским городским судом, значилось:

«Постановлением Президиума Ленинградского городского суда от 30 марта 1957 года Постановление Особого Сопределения

при НКВД СССР от 26 июля 1939 года в отношении Болдырева Анатолия Капитоновича, 1883 г.р., отменено, и дело производством прекращено за недоказанностью виновности. Гр. Болдырев Анатолий Капитонович по данному делу считается реабилитированным. И.о. председателя Ленгорсуда Барканов».

Лично А.К. Болдырев никогда не участвовал непосредственно в разведочных работах, сыгравших решающую роль в развитии Севера. Но его заслуги в изучении и развитии Колымы огромны. Им проведена работа по систематизации минералогических исследований, выполненных геологами, работавшими в районах Дальнего Севера. Это позволило более полно и эффективно вести работы по разработке минерально-сырьевой базы Северо-Востока...

Что может быть более значимо для учёного-аналитика?

...Теперь в Магадане имя А.К. Болдырева носят городской сквер и одна из улиц города.

* * *

«...Помнить о нём должны даже те, кто никогда не учился у Болдырева. Потому что по сути дела все советские геологи — его ученики», — так сказал об учёном председатель президиума Дальневосточного научного центра Академии наук академик Николай Алексеевич Шило.

Сказано давно и верно. И нам, живущим ныне, стоит поучиться жизнелюбию, преданности делу своей жизни у выдающегося учёного и первооткрывателя Анатолия Капитоновича Болдырева!

Времена не выбирают...

Жизнь своего бывшего декана А.К. Болдырева Цареградский сможет облегчить в условиях «Дальстроя», но не спасёт от смерти...

...Когда в 1937 году на его московской квартире по ложному доносу будет арестован и потом расстрелян его отец, Александр Михайлович Цареградский, потрясённая этим событием мать В. Цареградского уйдёт из дома и надолго стинет...

Первая жена В.А. Цареградского — Екатерина Ивановна Серпухова, долго болевшая туберкулёзом лёгких и гортани,

инвалид 2-й группы, с двумя детьми окажется в блокадном Ленинграде.

Что чувствовал в эти годы он, сын и внук служителей церкви, сын «врага народа»? В чём находил опору?

Нина Ивановна Серпухова вспоминала:

«...Теперь напишу о жизни Кати¹ в блокаду, её детей, моей мамы и Василия, моего мужа. Голодали они. Катя с детьми и мамой питались вместе. Вася — нет. А в общем, и питаться-то им было нечем. Вася рассказывал, что, когда пришёл приказ Сталина о том, что он должен быть переправлен за линию фронта на военном самолёте, т.к. Куйбышевским авиазаводам нужно было срочно увеличить подачу газа, он пытался хитростью добиться разрешения взять Катю и маму с собой. Помню, как Вася говорил мне: «Единственный раз в жизни врал, да и то неудачно». А врал он, что Катя его жена, а Рина и Ира — его дети. Катюша и мама сначала держались кое-как остатками продуктов, которые были у мамы, потом ели студень из столлярного клея. Изредка Лене² удавалось пробраться к ним из Лесного, где находились казармы, и принести жалкие крохи из своего пайка. Армию всё же кое-как снабжали. Рина, стоя в очереди за осьмушкой хлеба, отморозила ноги. Её положили в больницу и ампутировали пальцы обеих ног. Это поддержало Рину, т.к. в больнице хоть и очень скудно, но всё же кормили. Отапливались тем, что жгли мебель и книги в «буржуйке», саомоварная труба которой была выведена в форточку. Ира лазала на крышу за снегом. Снег таял, и получали, таким образом, воду для питья. Катюша крепилась из последних силёнок. Наконец и их не стало, и её положили в тубдиспансер. Лена рассказывала, что в ночь, когда Катя умерла, ей приснился сон, будто Катя в розовом платье очень весёлая входит к ней в комнату. Лена сразу же проснулась. Она говорила, что сон был настолько ярким, что она сразу не могла сообразить, что это сон. Но когда опомнилась, почувствовала, что Катя умерла. Утром, взяв увольнительную, она пошла пешком на Маяковскую. Транспорт не работал.

Предчувствие не обмануло Лену. Когда она пришла, у Иры

¹ Катя — сестра Н. Серпуховой, первая жена В.А. Цареградского.

² Лена — сестра Н. Серпуховой.

начались голодные судороги, которые, по словам Лены, обычно кончаются смертью. Хорошо, что Лена принесла с собой свой сахарный паёк и ещё какую-то еду. Она быстро сделала раствор сахара и влила его Ире в рот. Ирушку удалось спасти. Ира ходила каждый день к Катюше в больницу. Катя писала маме накануне смерти: «Я задыхаюсь, как рыба, вытасценная из воды». И в этот день, вернее утро, Ирочка, придя в больницу, не застала Катю в живых. Я не знаю, кто и каким образом сообщил Валентину о смерти Кати, но из Ленинграда выбрать помог им Валентин. Рина поехала к нему в Магадан. Ира ехать туда не захотела и вместе с мамой поехала к Мусеньке в Красноярск. Катюшу похоронили, как всех тогда хоронили, на Пескарёвском кладбище. Ни у кого не было сил проводить её в последний путь».

Случилось это 30 марта 1942 года.

«Шурочка Анфилова, подруга девочек Покровских, вырвалась из Ленинграда после смерти Катюши. Она случайно поступила работать на завод, на котором работал Костя. Она рассказала, что Костя, узнав от неё о смерти Катюши, потерял сознание. Я помню, как после войны Костя пришёл к нам. Мы были в то время в Ленинграде, а Вася — в Москве. Я попросила Костю поиграть на пианино. Костя мне сказал: «Не могу, Нина, не проси. Ведь пианино стояло в комнате Кати, и она играла на нём...»

* * *

Э.П. Берзин будет расстрелян, Ю.А. Билибин — чуть ли не смертельно раздавлен, но останется жить. Жить и работать. Творить! А.К. Болдырев погибнет. Будет арестован, но чудом уцелеет Д.В. Вознесенский. Преждевременно не станет С.С. Смирнова, Кати Серпуховой...

У каждого своё русло судьбы...

* * *

Девяностые годы прошлого века называют лихими. А 30-40-е годы того же века — какими у нас они были?

Как лаконично и жёстко войдёт драматизм русской жизни в стихотворную форму А. Кушнера: «Времена не выбирают, в них живут и умирают». И далее:

*...Что ни век, то век железный.
Но дымится сад чудесный,
Блещет тучка; обниму
Век мой, рок мой на прощанье.
Время — это испытанье.
Не завидуй никому.
Крепко тесное объятие.
Время — кожа, а не платье.
Глубока его печать.
Словно с пальцев отпечатки,
С нас — его черты и складки,
Приглядевшись, можно снять.*

«Металл № 2»

Вклад Ю.А. Билибина в развитие Северо-Востока соизмерим с вкладом С.С. Смирнова в развитие этой территории как оловянной. Они два гиганта в этой сфере деятельности.

Значение работ С.С. Смирнова по металлогении олова Ю.А. Билибин отмечал неоднократно. С.С. Смирнова захватила проблема геологии олова. Он не только дал классификацию месторождений олова, но и наметил районы поисковых работ. Это привело впоследствии к открытию крупных месторождений в Забайкалье, Верхоянье, Чукотке, Приморье. С ними было связано будущее оловянной промышленности страны.

Под его руководством была в 1937 году составлена специальная записка с прогнозной оценкой территории страны на олово. Она стала основой для определения всех поисковых работ.

Само возникновение нашей отечественной оловорудной промышленности крепко связано с именем С.С. Смирнова.

В статьях, написанных совместно с В.А. Цареградским по металлогении Северо-Востока Азии, впервые проведён глубокий анализ закономерностей размещения оловянных месторождений.

С.С. Смирнову принадлежит выдающееся теоретическое обобщение о Тихоокеанском рудном поясе.

Стройная теория о месторождениях золота дала толчок к поискам олова.

* * *

Нет большой необходимости перечислять подробно уникальные свойства этого серебристо-белого металла, лёгкого, пластичного и стойкого к химическим реагентам.

Олово — редкий металл. В земле его значительно меньше, чем железа, свинца, цинка, меди.

По своим единичным запасам месторождения его небольшие.

Олово — компонент многих сплавов, в том числе подшипниковых (баббиты).

В XIX веке, когда машиностроение стало широко развиваться, потребность в олове резко возросла. Широко применяется оно как припой, для лужения железа, для изготовления белой жести (консервные банки), сплавов с медью и цинком, медью и сурьмой...

В России издавна пользовались оловом и его сплавами.

Русские мастера были большими умельцами в искусстве бронзового литья (сплав меди с оловом). Всем известны наши Царь-пушка, отлитая мастером А. Чоховым в 1586 году, и Царь-колокол, изготовленный И.М. Моториным в 1735-м. Они — из бронзы.

Открытие олова и его применение означало в своё время начало в истории человечества развитие бронзового века.

В настоящее время найдены заменители олова, в том числе из пластмасс.

Но открываются всё новые области применения олова, недаром оно считается стратегическим металлом.

* * *

Горный инженер С.Д. Оводенко ещё в 1914 году привёз в Академию наук два обломка гальки оловянного камня. Один он обнаружил на мысе Чаплина, другой — около двадцати километров от первого. Геологическая экспедиция, работавшая на Чукотском полуострове в 1927-1928 годах, обнаружила в береговых обрывах прожилки охристой руды. Анализ показал, что в нём есть олово. Но следующая экспедиция этого прожилка уже не нашла.

Из выступления на III партийной конференции «Дальстроя» Э.П. Берзина:

«В части олова. Получил я телеграмму от тт. Сталина, Молотова, Ежова о том, что на «Дальстрой» возлагается задача найти и добыть олово на Колыме. Я ответил, что найдём и будем добывать, и, по-моему, поступил правильно... За границей нам его не продают, а если и продают, то в мизерных дозах. Всё сильнее чувствовался запах войны, а значит за олово ожидалась большая борьба. Мы уже умеем плавить олово... Все поисковые партии переключены на олово. Правительство запрашивало, сколько денег нужно на это дело. Если бы мы сказали, что нужно 100-200 млн р. — нам бы дали! Вы не удивляйтесь: для олова эта цифра небольшая. Но я попросил только 10 млн р. и считаю, что маленькими деньгами можно сделать большое дело. Надо найти такие месторождения на Колыме, которые бы разрешили эту проблему... В 1932 году мы о золоте знали только то, что оно есть, а где и сколько — не знали. Сейчас с оловом то же: мы знаем, что олово есть на Кинжале, Теньке, Сеймчане, а сколько его, не знаем. ...Есть где-то основное месторождение. В других местах Союза, где сейчас добывается олово, его так мало, что это слёзы. Стране нужно много олова, очень много, ибо олова в Союзе нет».

* * *

Уже в середине 1930-х годов в СССР обнаружили оловоносные месторождения — Хапчерагинское, Ононское, Шерловогорское в Читинской области, ряд залежей в Восточной Сибири, на Дальнем Востоке, в Якутии. В 1934 году заработала первая очередь Хапчерагинского рудника с обогатительной фабрикой. Позже, в 1937 году вступили в строй Ононское рудоуправление, Шерловогорский комбинат, ряд комбинатов в Казахстане.

За 1932-1937 годы был сделан целый ряд открытий залежей олова. Основные — в 1937 году: месторождение им. Лазо, оловорудная россыпь по р. Дерас-Юрега.

По следам касситерита

Поисковые партии «Дальстроя» параллельно с открытием месторождений золота шли по следам оловянного камня — касситерита. В 1931 году Второй Колымской экспедицией под руководством В.А. Цареградского была установлена принци-

пиальная оловеносность целого ряда ключей в бассейне реки Колымы. Оловодобыча — новое направление деятельности «Дальстроя» — возникла во второй половине 1930-х. Разработка собственной оловодобывающей базы давала возможность отказаться от закупок его за границей (Англия).

Оловорудность ряда ключей бассейна р. Колымы была установлена целым рядом геологов: В.Л. Флёров обнаружил оловорудные проявления в верховьях реки Оротукан; В.Т. Матвеевко — оловорудное месторождение Кинжал. Олово было найдено в районе Омсукчана Г.Г. Колтовским и И.Н. Зубаревым; В.А. Титовым — в бассейне реки Сеймчан...

По номенклатуре «Дальстроя» золото проходило под кодовым обозначением «металл № 1», олово — «металл № 2», вольфрам — № 3, кобальт — 4, уран — 5¹.

Распределение финансовых средств шло в основном на разведку золота, потом — олова. В среднем за пять лет (1932–1937 гг.) удельный вес капитальных вложений в разведку золота составлял 79 %, на разведку олова — 11 %. Десять процентов уходило на разведку редкоземельных металлов и на остальные виды ископаемых.

Уже упоминавшаяся комиссия экспертов (профессоры С.С. Смирнов, Н.И. Трушков и геолог И.И. Чупилин), посетившая в 1936 г. «Дальстрой», наделённая большими полномочиями Правительства, в результате экспертизы постановила считать важным на тот момент расширение разведок оловоносных месторождений.

На 1937 год в геологоразведку, по сравнению с 1936 годом, было выделено капитальных вложений в два раза больше.

На самой окраине Северо-Востока

Яркая и драматическая история связана с первой экспедицией геологов В. Серпухова и Д. Бойкова на Чукотку, на самую окраину Северо-Востока.

Владимир Иванович Серпухов — брат первой жены В.А. Цареградского Екатерины Серпуховой. Нина Ивановна писала о своём брате, мы вернёмся к её воспоминаниям.

¹ ГАМО, ф, Р-23 сс, Оп. 1, Д. 6, Л. 4.

Геологический Ленинградский сектор Всесоюзного арктического института в мае 1933 года предложил геологу Владимиру Ивановичу Серпухову работу на полярной станции мыса Шмидта.

Вначале ему ставилась задачей обследование прибрежной полосы к востоку и западу от мыса.

Но В.И. Серпухов предложил проложить маршрут не по побережью, о котором хоть какие-то, но были сведения до-революционных экспедиций, а отойти вглубь полуострова, чтобы провести площадную съёмку доступной территории. Эта внутренняя часть полуострова была на то время «белым пятном».

Своеобразная это была экспедиция. Она состояла всего из двух человек — В.И. Серпухова и геолога Дмитрия Фёдоровича Бойкова. Ранее они вместе уже работали. До поездки на Чукотку В.И. Серпухов служил добровольцем в Красной Армии, участвовал в экспедициях в таёжных районах Дальнего Востока.

О том, в каких условиях пришлось работать двум энтузиастам геологам, писал участник и начальник одной из последующих экспедиций на Чукотку Марк Исидорович Рохлин в своих книгах «Там, где были яранги», «Чукотское олово». Автор был хорошо знаком с В.И. Серпуховым, он один из первооткрывателей чукотского олова.

М.И. Рохлин пишет и о том, какой он увидел Чукотку в середине 30-х годов, уже много позже В.И. Серпухова и Д.Ф. Бойкова:

«Чукотка и Колыма! Часто я сравниваю эти окраины нашей земли, которые некоторым могут показаться почти одинаковыми по своему климату, природным условиям. Но это не так. Между Колымой и Чукоткой нет ничего похожего!

И, пожалуй, самое главное отличие в том, что в колымских районах бывает лето, хотя и короткое, но настоящее, жаркое, сухое лето с яркими солнечными днями. А лето на Чукотке — это время туманов и морозящих дождей. Редко бывает год, когда выпадает 2-3 солнечных дня. В заливе Креста среднелетняя температура едва достигает 10 градусов, на Иультине она в 2 раза ниже.

Летом в: колымской тайге ковры ягод. Много брусники, голубицы, красной смородины, таёжного винограда — охты. Нередко встречается дикая малина. Рачительный хозяин без

труда запасается ягодами на целый год. Много в тайге грибов, дичи. А вокруг посёлков — огороды. В открытом грунте хорошие урожаи приносят картофель, капуста, репа. В парниках вызревают помидоры, огурцы.

На Чукотке ничего этого нет. Здесь мало солнца. Вот почему в тундре из ягод растёт только водянистая шикша да грибы. Грибов много, главным образом подберёзовиков. Их правильнее было бы называть надберёзовиками, так как шляпки крупных грибов возвышаются над карликовыми, стелющимися по земле берёзками. Климат летом настолько суров, что в грибах даже черви не заводятся. Зато комаров тучи, и кажется, что они действительно могут до смерти искушать человека, как об этом рассказывается в чукотских сказках.

Только пожив на Чукотке, начинаешь понимать, что значит для человека отсутствие леса. Лес — это дрова, а дрова — это тепло, возможность обсушиться после утомительного похода по тундре, обогреться во время холодного ветра и дождя. Уголь, которым снабжены экспедиции, да жалкий кустарник вдоль русел рек не представляют геологам таких возможностей, не создают «уют».

Но особенно тяжела на Чукотке зима. Долго длится полярная ночь, 3-4 месяца солнце вообще не показывается над горизонтом. Часто дует пурга.

Конечно, очень суровая зима и на Колыме. Но здесь она всё же короче, да и полярная ночь не такая длинная. Колымские морозы, хотя и очень сильны, но переносятся легче чукотских пург».

Обычно в таёжных районах Приколымья для хранения продовольствия геологи строили специальные лабазы на деревьях. Так поступали геологи Первой и последующих колымских экспедиций, так поступали издавна и старатели, оберегая пропитание от животных, в первую очередь — медведей.

В Тундре, где часто нет даже мелкого кустарника, продукты обычно складывали в железные бочки. Днище бочки завязывали проволокой. Но это надёжно не гарантировало сохранность продуктов. Медведи скатывали бочки в долины и русла речек. Сорвав проволоку, вскрывали их. Прокусывали банки с консервами, муку и сахар разбрасывали вокруг. Голодающих по несколько дней геологов спасали лётчики. Благо, в то время самолёты уже у геологов имелись. У Серпухова и Бойкова

самолёта не было, не было ни собачьих упряжек, ни оленьих нарт. Карт Чукотки в то время тоже не было.

Готовясь на станции к полевым работам, В.И. Серпухов с помощью чукчи Уутыгина составил небольшой словарь из необходимых чукотских слов и выражений. По распросам местных жителей сделал зарисовку района, куда направлялись, нанёс на карте приблизительно реки, главные горные хребты, мыс Северный, Чаунскую губу и бухту Нольде.

...В августе, дойдя до места, где намечалось устроить одну из продовольственных баз, В. Серпухов и Д. Бойков отпустили сопровождавших их чукчей. И определились с маршрутом.

Тёмные островерхние горы высотой от 800 до 3,5 тысячи метров, горные речки с прозрачной водой. Горы геологи обходили по долинам рек. Часто приходилось в поисках брода преодолевать не один десяток километров. Переходя вброд, нередко оступаясь на скользких камнях, геологи попадали в воду. Мокрая одежда сразу превращалась в ледяной панцирь. Приходилось, чтобы не погибнуть, 10-15 километров бежать в такой одежде в лагерь. На месте развести костёр и высушить одежду не было возможности. В округе отсутствовало какое-либо горючее, используя которое, можно было развести костёр.

Тем не менее два человека, затерявшиеся в суровой пустыне, свершили за осенние месяцы огромную работу. В декабре во Всесоюзном арктическом институте с полярной станции на мысе Шмидта от Серпухова была получена телеграмма:

«Произведена топографическая и геологическая съёмка 8 000 квадратных километров южнее мыса Северного... Обнаружено коренное месторождение меди в виде обильных, богатых арсенопиритом жил в контакте гранита со сланцами, месторождения мышьяка, а возможно, и золота в виде кварцевых жил с арсенопиритом, месторождение никеля... Поиски и разведка россыпей затруднены при наличии мощных ледниковых наносов. Слухи о каменном угле западнее мыса Северного не подтвердились. Полевые работы возобновим в марте 1934 года. Транспорта нет, работаем пешком с котомкой. Выполнение плана гарантирую».

«В.И. Серпухову и его помощнику геологу Д.Ф. Бойкову приходилось работать в условиях необычайно трудных. Полярная

станция мыса Шмидта не имела транспорта, а чукотские собаки с февраля 1934 года почти все были заняты на работах по оказанию помощи челюскинцам. Осенью 1933 года ничего не оставалось другого, как выйти в первые походы пешком. Весной и летом 1934 года походы продолжались. Район работ лежал далеко за Полярным кругом. Здесь не было не только деревьев, но даже кустарника. Высоко вздымались горные хребты, достигавшие высоты двух тысяч и больше метров. Через горы вели труднейшие перевалы.

Кулаки и шаманы распространяли среди местного населения всякие небывлицы о геологах. Им нередко отказывали в помощи.

Несколько продовольственных баз в тундре были уничтожены.

Всё необходимое продовольствие, одежду, снаряжение, а затем и образцы пород, собранные в поле, геологи таскали на себе. Вначале вес такого груза не превышал двух — двух с половиной пудов на каждого, затем он увеличивался — за счёт камней — до четырёх-пяти пудов.

Сказать откровенно, многие, даже большинство моих друзей и знакомых, представляют работу геологов этакой романтикой на лоне природы. Охота! Рыбная ловля! Как это далеко от действительности! Романтики порой действительно бывает многовато, но главное — это труд, напряжённый, тяжёлый физический и умственный труд». (М.И. Рохлин).

А эти строки из предварительного отчёта В.И. Серпухова по результатам экспедиции:

«Бродить весной и осенью (март, апрель, май, июнь и октябрь) по колено в снегу, а коротким летом — по колено в воде или по каменной россыпи, по кручам и всё время с двухпудовой ношей на спине — больше чем тяжело!.. Мне не верится сейчас, что я и Бойков были способны на это... Но это сделано.

Нами исследована площадь в 30 000 квадратных километров. Это значит, что каждый из нас прошёл пешком во время полевых работ на Чукотском полуострове с двухпудовой ношей за плечами около 6 000 километров, то есть расстояние от Москвы до Иркутска... Вот что это значит!

За время нашего пребывания на Чукотском полуострове мы на полярной станции пробыли всего около двух с половиной месяцев. Остальное время были в тундре. И всё это время мы

впроголодь питались пресными лепёшками и чаем. Полярный паёк для нас не существовал».

В. Серпухов и Д. Бойков углубились на юг от мыса Шмидта более чем на 250 километров и исследовали полосу шириной от 60 до 100 километров.

И вот результат. Об этом В. Серпухов писал так, отмечая координаты (точки) своих находок:

«В среднем течении реки Баранихи, правого притока р. Телекай, в 12 километрах от устья реки Баранихи, в делювиальной россыпи на склоне левобережного увала, встречены глыбы мятого кварца с касситеритом. Кристаллы касситерита крупные (до 2-х сантиметров). Анализ руды показал: содержание олова — 22,04 %. Месторождение расположено в мощной зоне разломов, пересекающей Чукотский полуостров в широтном направлении».

...Чтобы успеть выполнить всё задуманное, В. Серпухов и Д. Бойков начали ходить по маршрутам в одиночку. Уходили обычно на несколько дней. Встречи с волками были нередки.

Из дневника В. Серпухова:

«Звериная опасность, может быть, и невелика, но беспокойство она причиняла большое. Жутко. Я посидел за время работы, а я не робкий человек. Всё время работа на нервах, голодный, всегда в напряжённом состоянии, никогда хорошо не выспишься».

В последние недели полевого сезона работать геологам становилось всё труднее. Причиной тому были накопившаяся физическая усталость, истощение организма от недостаточного питания.

На базу, где ими были приготовлены для доставки на станцию образцы пород и пробы, четверо чукчей-носильщиков, с которыми была договорённость, не явились.

Геологи решили перетаскать на ближайшую базу груз сами, в несколько приёмов. Оставляя ружьё как лишний груз добирались, рискуя, безоружными.

Еле добравшись до базы, они обнаружили, что жестяные банки с продовольствием прострелены, содержимое их растоптано.

До мыса Северного надо было одолеть около 200 километров по горным ручьям и зыбкой тундре.

Решив вернуться, они оставили на базе основной свой груз и направились на вторую базу, которая была в 100 километрах от первой. У них оставалось у каждого по пресной лепёшке и куску сахара, да те жалкие остатки, которые удалось собрать с земли на базе.

Вторая продовольственная база также оказалась разгромленной.

...Когда геологи с почерневшими лицами и воспалёнными глазами, поддерживая друг друга, словно призраки, возникли на полярной станции, за пазухой у В. Серпухова был завернутый в тряпицу единственный не брошенный в пути груз — образец кварца с крупными кристаллами оловянного камня, найденный недалеко от устья реки Баранихи.

* * *

По информации Евгения Конюхова, вроде бы открылась возможность опубликовать мои «Записки преподавателя». «Свежо предание»... Он настойчиво убеждает меня поменять название. Приводит разные доводы. Я не готов пока ни печатать свои записки, ни менять название их. Я свыкся с «Записками...»

Он же посеял сомнение, несколько раз возвращаясь к этой теме. Мне казалось сначала, что, меняя название, я отдаляюсь от тех, с кем сроднился. С кем стал моложе... С ними я пережил непонимание и горечь временных поражений... Во мне шла некая работа...

...И наступил момент, когда я, взяв заглавный лист моих записок, вывел с несвойственной мне теперешнему решительностью: «Сага о первооткрывателях». Пусть будет так!

...И стало как-то просторнее на душе. Светлее. Будто я вернул тем, о ком пишу, давно ими заслуженное, им принадлежавшее...

Мне стало свободнее писать...

* * *

Ворощу страницы воспоминаний Н.И. Серпуховой. Дав, как и ранее, отрывкам названия, привожу некоторые из них.

В ельнике

«...Володя, долго работавший в самых диких местах, совсем не любил стрелять и никогда не брал с собой ружьё. Однажды с Володей произошёл забавный случай. В кедровом ельнике он нос к носу столкнулся с медведем. Володя не раз слышал, что сибиряки при встрече с медведем издают какой-то особенный, очень звучный крик, и медведь тут же убегает, оставляя за собой «визитную карточку». Володя струхнул и попытался этот крик воспроизвести, но, как он рассказывал, у него вместо крика получился какой-то жалкий писк, от которого побежал не медведь от Володи, а Володя от медведя. Медведь же преспокойно остался объедать кедровые шишки»¹.

Найда

«Лошадьми Володя не увлекался, но очень любил собак. Мама рассказывала, что к Володе, когда ему было лет 5, пришла маленькая собачонка. Мы жили в то время на даче. Мама нам никогда не разрешала держать дома животных, считая, что они являются источниками всяческой заразы. Естественно, что и эта собачонка была изгнана. Но так как Володя очень плакал, то, чтобы утешить его, собачонку накормили.

Через неделю были Володины именины, и неожиданно-негаданно в сад на даче явилась эта собачонка. Володя страшно обрадовался и закричал: «Она пришла меня поздравить».

Работая в тайге, Володя всегда заводил себе собак, с которыми с великим сожалением расставался, уезжая в Ленинград. Только один раз он привёз с собой лайку Найду с большой примесью волчьей крови. Это было, когда Володя был уже женат. Соня рассказывала, что заходить в комнату, где находилась Найда, можно было только в присутствии Володи. Собака не лаяла, а, как зверь, подползала к вошедшему и хватала за ногу. Корм не принимала ни от кого, кроме Володи. Володя каждый день ходил на работу, и ему приходилось привязывать Найду на коротком поводке к роялю, но в комнату без него всё равно боялись входить. Когда Володя был дома, собака становилась

¹ Дело было на Дальнем Востоке, где В.И. Серпухов бывал в экспедициях до Чукотки.

ни для кого не опасной. Она лежала рядом со стулом Володи, положив голову ему на ноги. Утром и вечером Володя выводил её гулять, но Найда боялась города и жалась к ногам Володи. Так мы промучались с Найдой зиму. В тайге собака стала прежней Найдой — весёлой и подвижной, но Володя понял, что брать её в Ленинград больше нельзя. Собаки очень ценятся на Дальнем Востоке, и Найду у Володи с радостью взяли. Володя сам привязал её, после чего сел в автомобиль и уехал. Проехал уже значительное расстояние, когда Найда догнала машину и прыгнула, стараясь попасть к Володе в кабину. Оказалось, что она перегрызла поводок и убежала. Шофёр не успел затормозить. Найду отбросило от стекла, и она попала под машину. Помню, с какой болью об этом рассказывал Володя. Когда Володя подбежал к ней, она уже издыхала».

«Володя приехал!»

«Работал Володя всегда в очень трудных местах. Не помню, в каком году, он едва не погиб — заблудился в тайге вдвоём с прорабом Лёвой Магнушевским, и они вовремя не вышли к пароходу. Без продуктов, без тёплой одежды, а под конец и без спичек, они брели по тайге, питаясь брусникой, выкапывая её из-под снега, падали, поднимались и, поддерживая друг друга, брели дальше. Наконец, совсем обессилив, они легли на землю и решили, что всё кончено.

Володя рассказывал: «Не знаю, проснулся я или очнулся от того, что в горло мне лилась горячая оленья кровь». На их счастье, на них наткнулись ороchonы. Забили оленя и дали тёплую одежду — малицу и пимы. В этой одежде Володя приехал домой в феврале.

В газетах в разное время были напечатаны два сообщения: 1) Что начальник геологической партии В.И. Серпухов и его прораб Магнушевский не вышли к пароходу, который ждал их до последней возможности, но должен был уйти без них. 2) Что они, видимо, погибли, но будут организованы их поиски.

Дома очень беспокоились, но всё же не теряли надежды. Я сочинила в то время дурацкое стихотворение, можете прочесть этот беззастенчивый плагиат. Всё уворовано у Вертинского:

*Где вы теперь? В каких горах Сибири?
Иль, может быть, вас больше нет в живых?
Как пусто здесь без вас в большой квартире,
Как тихо в комнатах, и как мне жутко в них.
И неужель вы больше не вернётесь?
И навсегда останетесь вы там?
Не может быть. Я этому не верю.
И снится мне, что вы вернулись к нам.*

Вернулся Володя в феврале. На его звонок в дверь открыла я и в первую минуту не узнала его, обросшего бородой, в пимах и малице. И только когда он приподнял меня и поцеловал, я поняла, что это Володя, и завопила от радости на весь дом: «Володя приехал!» В прихожую сбежались все. Невозможно описать общую радость. В этой экспедиции Володя отморозил себе палец, началась гангрена, и он отрезал себе палец ножом в чуме у ороchon.

Ещё будучи гимназистом, Володя был влюблён в Мусину однокурсницу и подругу Софочку Корнилову.

После отъезда из Ленинграда мы долгое время не встречались с ней. Соня после революции уехала на свою родину в Казань, где вышла замуж за белогвардейского офицера Зерена. От него у Сони родилась дочь Ирина. Муж Сони бежал с белыми за границу. Соню с ребёнком он с собой не взял. Соня вернулась в Петроград и через своего двоюродного брата, который в то время работал в историко-бытовом отделе Русского музея, узнала о том, что мы в Питере, и пришла к нам вместе с дочкой. Володя в то время уже хорошо зарабатывал, а Соня была практична и приложила все усилия к тому, чтобы вернуть прежние чувства Володи. Ей это удалось не сразу.

Володя в то время был влюблён в Мусину подругу Ганю Усенину. Все звали её Собинкой — производное от слова «особенная». Так её прозвали сибиряки, когда она работала в Сибири. Собинка была очень красивая. Не хорошенькая, а именно красивая. Высокая, стройная. Густую длинную косу она, как корону, укладывала вокруг головы. В довершение ко всему она очень хорошо пела. Роман был серьёзный, и все мы, включая маму и папу, очень хотели, чтобы он закончился свадьбой, т.к. очень любили Собинку. Увы, этого не случилось. Соня перееха-

ла. Она почти ежедневно стала бывать у нас, часто оставалась ночевать и усиленно зазывала Володю к себе.

Однажды Соня пригласила Володю к себе на какой-то праздник. Володя обещал приехать, но не поехал. Он, конечно, понимал, к чему клонит Соня, но не торопился объясняться. Соня несколько раз звонила по телефону, вызывая его, а потом прислала за ним свою младшую сестру Дарью. Володя просил нас сказать, что его нет дома, а сам спрятался в шкаф. «Скажите ей, что я поехал к ним, тогда отстанут». В тот раз он так и не поехал, и Дарья уехала от нас ни с чем.

Но Соня своей атаки не прекратила. В один прекрасный вечер Володя пришёл домой и сообщил, что сделал Соне предложение. Мама была возмущена. Она совсем этого не хотела. Да и Володя был скорее растерян, чем счастлив. При новой встрече с Соней он сказал, что свадьбу лучше отложить и устроить её после того, как он вернётся из экспедиции, в которую он должен отправиться через 2 месяца. Это никак не входило в расчёты Сони. Она была неглупая женщина и понимала, что свадьба может не состояться совсем. Помню, что она приехала объясняться к маме и говорила: «Почему вы против нашего брака? Я уже не девочка и сумею быть Володе хорошей женой». Объяснение это закончилось ссорой. Соня настояла на своём, и свадьба состоялась.

На свадьбе никто из нас не был. Потом, конечно, помирились, но тёплых отношений с Соней не было. Детей у Володи и Сони не было. Володя удочерил Ирину¹.

В 1935 году Владимира Ивановича Серпухова назначили главным геологом отделения треста «Золоторазведка» Аллах-Юньского района Якутской АССР.

О том, какое огромное значение придавало руководство страны поисковым работам геологов, говорит следующий эпизод, о котором рассказывает сестра известного учёного.

Вызов к Сталину

«Не помню, в каком году Володя работал на Чукотке, которую в то время только начали осваивать. В этой экспедиции

---

¹ Ирина – дочь Сони.

было всего 2 человека. Володя и его прораб, мой однокурсник Митя Бойков. Работа эта, как и все работы Володи, была засекречена. Она заинтересовала Сталина, и он потребовал отчёт об экспедиции. Прочитав отчёт, он вызвал Володю к себе и спросил: «Почему вы пишете только о себе и своём прорабе? Были же у вас рабочие, назовите их!» Володя ответил: «Серпухов и Бойков». Сталин спросил: «Что же, и шурфы вы копали сами?» Володя ответил, что они всё делали сами. В конце разговора Сталин сказал, что Володя будет направлен в Китай на поиски урановых месторождений. Семья его должна поехать с ним. «Биография ваша и вашей жены проверены: в них нет ничего порочащего». Володе очень не хотелось ехать в Китай, но пришлось подчиниться приказу Сталина. Война застала Володю в Китае. Он послал Сталину письмо, где писал, что всю гражданскую войну он провёл на фронте и просит, чтобы его и сейчас отправили на фронт. Ответ получил из секретариата Сталина, где было сказано, что он нужен сейчас там, где работает. Вернулись Володя и Соня уже после войны. Меня в то время в Ленинграде не было.

Знаю, что много времени спустя Володя построил дачу в Соново. Мусенька и Иринка жили у него на даче уже после смерти Сони. Когда и от чего умерла Соня, я не знаю.

...Последние годы жизни Володя в экспедиции не ездил. Гангрена, начавшаяся с отмороженного пальца, возобновилась. Володя долго оттягивал, но в конце концов ногу пришлось ампутировать. Лекции в Горном он читать продолжал до самой смерти».

В Ленинградский горный институт В.И. Серпухов вернулся доктором геолого-минералогических наук, профессором. Одновременно он работал во ВСЕГЕИ.

В 1952 году возглавил кафедру общей геологии.

В 1950-1970 годах он один из ведущих учёных-геологов страны, автор учебников по общей и морской геологии. Читает курс по этим дисциплинам.

В 1975 году по состоянию здоровья оставляет кафедру, потом перестаёт преподавать, оставаясь на должности профессора-консультанта.

За время научной деятельности он написал более ста научных работ. Из них половина опубликована, часть была засекречена.

В Российском федеральном геологическом фонде хранятся, кроме диссертации, более сорока его рукописей, две из них написаны в соавторстве с В.А. Цареградским.

В.И. Серпухов неоднократно был отмечен государственными наградами, в том числе орденом Ленина. Ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки.

* * *

«...Последние годы жизни Володя жил со страшим сыном Ирины Владимиров, названным в честь него. Володя его очень любил... Я помню, что, когда Володя уже после смерти Сони приезжал в Москву и останавливался у нас, он мне говорил с такой нежностью: «Ведь я его ходить учил».

Когда Володя был у меня в Москве, нога у него ещё не была ампутирована.

Умер он ночью, когда его приёмный внук Владимир отсутствовал». (Н.И. Серпухова).

Точки Серпухова

Привезённая В.И. Серпуховым с Чукотки находка привлекла внимание геологов Главсевморпути.

На Чукотку в 1934 году отправляется несколько геологических партий.

Три партии: А.П. Никольского, М.И. Рабкина и А.В. Андрианова — исследовали восточную часть Чукотского полуострова. Они искали олово.

Две партии: одна из них под руководством С.В. Обручева работала на побережье Чаунской губы, другая — западнее и юго-западнее мыса Биллингса.

В конце 1935 года все пять партий вернулись, потерпев неудачу. Оловоносность Чукотки не подтвердилась. В районе, где был найден В.И. Серпуховым и С.Ф. Бойковым кусок кварца с кристаллами оловянного камня, оловянное оруденение обнаружить не удалось.

* * *

К зиме 1935 года была организована ещё одна экспедиция на поиски «Точек Серпухова».

В её составе были пять геологов, четыре топографа. В её распоряжение были выделены вездеходы и самолёты «У-2». Возглавил эту Вторую Чукотскую экспедицию начальник Горногеологического управления Главсевморпути М.Ф. Зяблов. Прибывшие в залив Креста на пароходе через Владивосток на самолётах и вездеходах добирались свободно до озера Якитики и бассейна Темкая, где они думали найти «Точки Серпухова».

Самолёты «У-2» провели в воздухе 260 лётных часов. Преодолевая хребты и уклоны до 25°, вездеходы помогли обследовать огромные площади.

Но «Точек Серпухова» так и не обнаружили. По возвращении в Ленинград на заседании учёного совета Арктического института в своём докладе М.Ф. Зяблов неудачу с поиском «Точек Серпухова» оправдать не мог.

В.И. Серпухов, который присутствовал на учёном совете, уверенно утверждал, что поиски велись не там, где нужно было...

* * *

Время шло. Как это часто бывает с открытием, информация копилась, рождались гипотезы... Это всё в конечном счёте рано или поздно выводит на новый уровень исследований.

Сергей Сергеевич Смирнов, опираясь на своё учение о рудных месторождениях, считал, что олово на Чукотке есть, его надо искать. Наука подпирала практиков-геологов. С.С. Смирнов подтолкнул геолога М.И. Рохлина к более тщательному исследованию коллекции С.В. Обручева, состоящей из Чаунских образцов. Они удивительно напоминали породы из оловоносных районов Забайкалья и Якутии. И действительно, при более внимательном исследовании в образцах, привезённых с Чукотки из района Чаунской губы, было обнаружено заметное количество оловянного камня-касситерита.

Штурм Чукотки

...Предложение об организации следующей экспедиции было поддержано С.С. Смирновым и руководством Арктического института.

Начальником её был назначен Н.И. Сафронов, старшим геологом — М.И. Рохлин, вторым геологом — М.Л. Молдавский.

Экспедиция была рассчитана на полтора года: с 1 мая 1936 г. по ноябрь 1937 г. с зимовкой в посёлке Певек. Численность работников экспедиции — 21 человек.

Эта экспедиция показала наличие на Певекском полуострове оловянного оруденения промышленного значения.

И Вторая Чаунская экспедиция подтвердила, что многие точки оловянного оруденения носят промышленный характер.

Главный вдохновитель первых Чукотских экспедиций С.С. Смирнов не принимал участие в обсуждении. Он в это время пробирался верхом на лошадях таёжными тропами из Восточного Верхоянья в Якутск. Семьсот километров пути, на это ушло около месяца. В который раз восхищаешься самоотверженностью учёных геологов, их активным образом жизни.

* * *

Уже в октябре 1937 года Вторая Чаунская экспедиция закончила постройку базы. Теперь разведочные работы развернулись на горе Певек.

Второй Чаунской экспедицией были открыты Календарные жилы, Прибрежные жилы.

В рыхлых отложениях рек Пыркакай, Кайнапанельвергин и Майна-панельвергин, которые исследовал геолог Малиновский, нашли Пыркакайскую россыпь олова.

Были явные подтверждения того, что исследуемый оловорудный район имеет промышленное значение, перспективность территории, отмеченная В.И. Серпуховым, уже не требовала дополнительных подтверждений: она стала реальностью.

* * *

В заливе Кресты в августе 1936 года высадилась ещё одна экспедиция. Начальником её был назначен Ю.А. Одинец, геологами — А.Г. Шпилько и В.Н. Миляев.

Отряды Шпилько и Одиноца в мае 1937 года прибыли самолётами на озеро Якитики. Группа Миляева добиралась на вездеходах до реки Амгуэмы.

Когда река Амгуэма вскрылась, Миляев с помощниками на лодках достигли устья Якитики. Здесь и начали поиски. Намер-

риваясь подыскать подходящее место для нового лагеря, Миляев с самолёта увидел огромные белые куски кварца. Когда на другой день он поднялся на сопку Иультин, он был поражён. Вершина сопки была покрыта обломками белого жильного кварца, крупными кристаллами вольфрамита и оловянного камня.

* * *

...Преодолев пешком более 200 километров через два перевала, болотистую тундру и бурные речки, группа Ю.А. Одинца вернулась в залив Креста, а потом выехала пароходом на «материк».

Продолжить разведочные работы приказом начальника Главсевморпути О.Ю. Шмидта было поручено геологам А.П. Никольскому и Г.Г. Володенкову.

В заливе Г.Г. Володенков организовал тракторный отряд для доставки людей и груза на Иультин. Впереди — путь в 400 километров через ледяную тундру без населённых пунктов, через горные хребты и речки.

Отряд прибыл в Иультин через два месяца.

Результаты работы геологов показали, что Иультин — одно из крупнейших месторождений олова на Чукотке.

Широким фронтом

С целью ускорения освоения Чукотки в сентябре 1938 года из подчинения Всесоюзного Арктического института Главсевморпути в «Дальстрой» были включены со всем имуществом и личным составом Чукотская и Чаунская геолого-разведочные экспедиции.

Летом 1938 года состоялось решение Правительства о передаче Дальстрою всех геологических работ на Чукотке.

В августе принимается решение начать геологическую съёмку, поиски и разведку олова на обширнейшей территории, простирающейся от реки Колымы на западе до Беренгова пролива на востоке, от побережья северных морей до рек Анюя и Анадырь на юге.

Чуть позже, в 1939 году, партия Б.Н. Ерофеева откроет месторождения Незаметный и Нагорный. Возникнет посёлок Смелый.

Будут открыты месторождения: Солнечное, Кекурное, Чанталъское, Ториэльское и др.

План по добыче оловянного концентрата на 1939 год «Дальстрой» выполнил досрочно 2 декабря.

Задание по оловодобыче на 1940 год превышало программу прошлого (1939) года в шесть раз.

Оно было выполнено. В 1940 году «Дальстрой» добыл 1 917 тонн оловянного концентрата, при рекордной добыче химически чистого золота за всё время своей работы — 80 тонн в год.

К 1941 году на Чукотке была подготовлена сырьевая база для создания первых горных предприятий по добыче олова. Для решения новых задач было организовано Чауно-Чукотское управление.

Срочно необходимы были оловообогатительные фабрики, на которых бы добытая порода доводилась до кондиционного состояния.

* * *

Кроме добычи олова, перед Дальстроем и его геолого-разведочным управлением, которое возглавлял В.А. Цареградский, стояли грандиозные задачи, включая поиск и добычу вольфрама, кобальта, придёт время — и урана (конец 1945 года).

Вольфрамовый концентрат производился в 1941-1944 гг., и в 1948 году была возобновлена его добыча на базе руд Аляскитового вольфрамового месторождения в верховьях р. Индигирки.

Попутная добыча вольфрама производилась на Иультинском оловянно-вольфрамовом месторождении на Чукотке.

Максимальная добыча кобальта в концентрате была в 1951 г.

Кроме месторождения, которое разрабатывалось «Верхне-Семчанским» горнорудным комбинатом, других значительных в промышленном плане месторождений кобальта в Дальстрое не было.

Урановые работы на Северо-Востоке начались в конце 1945 года.

В 1948 г. В.А. Цареградский дважды был приглашён И.В. Сталиным в свой кабинет в Кремле.

Возможно, разговор шёл о поисках и ходе добычи урана.

...Ураном Северо-Восток оказался небогат.

Последние уранодобывающие объекты Дальстроя на Чукотке были ликвидированы в 1956 году.

У истоков разработки теоретических основ металлогении и прогнозной оценки ураноносности крупных территорий стояли Ю.А. Билибин и целый ряд руководителей специального отдела ВСЕГЕИ.

Письмо от Евгения

Послал часть записок о В. Серпухове Евгению, ответ получил через пару недель. Пишет: «...удручён несправедливостью, допущенной по отношению к В.И. Серпухову. Я прочёл о нём всего лишь статью М. Вяхирева и то, что Вы написали. Книги М. Рохлина ищу пока, а вот отрывки из воспоминаний самого Серпухова в интернете нашёл. Мне кажется всё обидным и странным? Как могло получиться, что два человека, рискуя погибнуть, нашли месторождения олова, а экспедиции, посланные вслед с этой же целью на Чукотку, не смогли отыскать ни «Точки Серпухова», ни самого олова в этом районе? А ведь они уже имели зимой трактора для перевозки грузов, пользовались самолётами. Вторая Чаунская экспедиция определила, что многие точки проявления оловянного оруденения, которые были обнаружены в период её работы, имеют промышленный характер! А где же ссылки на В. Серпухова? Куда могло деться найденное им месторождение оловянной руды? Ведь он писал конкретно, где она. Серпухову и Бойкову будто не верили, а я бы с такими самоотверженными людьми в любую разведку пошёл. Такие характеры!

Можно ли не найти точки Серпухова? Допускаю, что он ошибся в чём-то при определении координат. Но все указанные приметы (в 12 километрах от устья реки Баранихи и так далее...) — они же на месте: речки, горы? Почему не дать чёткий ответ, есть ли там олово или нет?

А ведь он доставил в Ленинград целый кусок минерала, за тысячи вёрст.

Почему не участвовал в последующих экспедициях сам В. Серпухов? Он единственный оставшийся в живых свидетель открытия. Я прочёл, что Д. Бойков умер.

В. Серпухов, как и Ю. Билибин, дал сильнейший толчок к

освоению громадных территорий (Билибин — Кольмы, Серпухов — Чукотки)!

Обидно за Билибина! Но его великий труд и подвиг, хотя и с опозданием, но при жизни были признаны и оценены. А находка В. Серпухова и Д. Бойкова? Их затмили результаты последующих экспедиций. Они остались в тени...

Найденный геологом В.Н. Миляевым кристаллический касситерит на горе Иульгин далеко ли лежал от «Точек Серпухова»? Это же важно!

Бойцовскими качествами Билибина восхищаешься, перед «тихим героизмом» профессора Серпухова и Болдырева — склоняешь голову.

Я нашёл замечательную статью о Ю. Билибине, написал её В.И. Серпухов, вышлю на днях.

Через неделю мой друг Вадим летит в командировку в Ленинград. Мы решили, что он должен для начала побывать в Ленинградском горном институте. Оттуда пройти по цепочке: сектор Ленинградского арктического института (если он ещё существует), музей Арктики и т.д.

Надо начать глубокое изучение биографии В.И. Серпухова. Если «точки» нашли, хотя бы позже, узнал ли он об этом? И потом: не «точки» важны, а само олово, оно-то найдено! Сохранён ли приоритет открытия за ним и за Д. Бойковым?

P.S. Потихоньку готовимся к запланированному маршруту на байдарках по рекам Малтан, Бахапча, Кольма до Дебина. В команде: я, Вадим и два его приятеля москвича. Опытные ребята. Не переживайте сильно, что без Вас пойдём. Как только подлечите поясницу — повторим маршрут с Вами. Идея-то Ваша».

Что ж, успехов тебе, беспокойный мой друг Евгений! Во всём. Дерзай, куда есть молодые силы.

Он любил цветы...

Поисками и добычей олова на Чукотке заканчиваются эти мои неровные записки об исследовании геологами и освоении Северо-Востока нашей страны. Так много осталось за бортом, пока я плыл избранным мной руслом, добираясь до «берега письменного стола»...

* * *

...В.А. Цареградский закончил свою работу в Дальстрое в августе 1955 года, Дальстрой из МВД был передан в ведение гражданского Министерства металлургии, затем в Министерство цветной металлургии.

В мае 1957 года он был формально упразднён, став Магаданским Совнархозом.

Объёмы работ на Северо-Востоке в период с 1932-го по 1957 год выполнены прежде всего заключёнными. Они поражают своими масштабами. Результаты работ заключённых явились основанием экономики Магаданской области, созданной в 1953 году.

* * *

...Валентин Александрович написал две книги воспоминаний о первых двух Колымских экспедициях, закончив своё сдержанное повествование на событиях 1931 года. Проработав в геологоразведке до 1955 года, он много знал о последующих событиях в исследовании и освоении природных богатств Северо-Востока, в том числе и об оловодобыче на Чукотке, людях, работавших там.

...Свои воспоминания он закончил словами: «Конец второй книги». Читателю ли он давал обещание? Или себя настраивал на написание третьей? Он прожил 88 лет, но так и не написал её. Достойно замолчал. Посчитал ненужным? Или не успел?

* * *

Читаю строчки из письма Олега Александровича Цареградского — племянника знаменитого исследователя, живущего после долгой работы на нефтепромыслах Сибири в городе Отрадном.

«В.А. Цареградский появился в моём детстве как высокий стройный человек в генеральской форме с тёплым ясным взглядом. Он заезжал ненадолго во время отпуска к нам в Куйбышев. Увлечённо рассказывал о своей нелёгкой работе на далёкой Колыме. В годы начала его работы жизнь там была трудной. Однако жалоб не было. Был рассказ о мужестве геологов. Я не помню ни одного случая, чтобы он плохо отозвался

о своих соратниках. Уважительное отношение к людям прошло через всю его жизнь...

...В 16 лет родители отправили меня погостить в Москву. Жил я у дяди Вали.

Летом он жил на даче в деревне.

Добирались мы туда на электричке и ещё 20 минут на автобусе. Автобуса часто не было, и мы шли на дачу пешком. Шли обычно быстрым шагом с рюкзаками на плечах. Он любил цветы. Даже на Колыме он разводил розы, и сотрудники в конце рабочего дня просились полюбоваться этой красотой. Он привозил из отпуска на Колыму картошку и там сажал её. Это были одни из первых попыток по разведению картошки на Севере. После первого урожая он раздал сотрудникам по несколько своих картофелин для посадок. Так у них появилась настоящая картошка. Это было чудо в те далёкие годы.

...С цветами в те годы в Москве было туго. Ему очень хотелось восстановить розарий. С ним мы ходили за рассадой к бабушке цветоводу. Продать рассаду она категорически отказалась. Тогда он попросил продать ему цветущие розы. Она согласилась. Он решил, что как только розы отцветут он будет выращивать сам рассаду. И рассаду, и розы он вырастил. Проза жизни и дыхание поэзии в его судьбе всегда были рядом. Находясь на пенсии, он много работал над своими воспоминаниями о колымских экспедициях и над научными статьями.

...А на столе его жены постоянно в вазе стояли цветы.

Валентин¹, названный в его честь, всегда навещал дядю при поездках в Москву. Дядя с удовольствием рассказывал о своей общественной работе, вспоминал друзей. Большинство из них после выхода на пенсию жили в Москве. Они регулярно перезванивались по телефону. Иногда я заставал их в гостях у дяди. Все они были большими энтузиастами своей работы и с гордостью говорили о ней. Обсуждали новые книги. Обычно издания этих книг у них были.

Дядя мечтал создать в своей квартире музей Колымы. К сожалению, не успел...»

¹ Валентин — брат Олега, автора письма.

Труженик

Я всё надеялся, что обнаружатся дневники либо записки времён Колымских экспедиций В.А. Цареградского, но выяснилось, что ни того, ни другого он не писал.

...А тут нашлась часть переписки Валентина Александровича с сотрудниками Магаданского книжного издательства.

Привожу тексты писем в авторской редакции.

Письмо В.А. Цареградского Л.А. Савельевой. 30.12.1983 год:
«С Новым годом поздравляю Вас, дорогая, уважаемая Людмила Ананьевна! Шлю Вам самые добрые пожелания!

Вы, вероятно, знакомы с посланным мною письмом на имя директора книжного издательства Бориса Михайловича Черемных. Надеюсь, что Вы продолжите редактирование моих воспоминаний.

К сожалению, длительное время я не мог сколько-нибудь постоянно работать над рукописью из-за ряда обстоятельств, связанных с продолжительной тяжёлой болезнью. Только в последние четыре месяца сумел продолжить работу. Два последних из них, после возвращения из санатория, я работал очень интенсивно помногу часов. В настоящее время работа закончена, хотя в меньшем объёме, чем было бы нужно. Осталось недописанных два небольших периода: конец 1931 и 1932 гг., которые, мне думается, лучше было бы присоединить ко второй книге. А третью книгу начать с отъезда в апреле 1933 года в Верхне-Колымскую экспедицию (на Зарьянку) уже от Дальстроя и закончить её 1936 годом включительно. Четвёртая книга — описание Индигирской экспедиции и до отозвания меня в Магадан на должность главного геолога Дальстроя и организации Геолого-разведочного Управления (период с февраля 1938 г.).

Разрозненные материалы по последним двум экспедициям — Зырянской и Индигирской — я в достаточном объёме собрал, а об Индигирской экспедиции даже напечатан большой довольно очерк в газете после посещения моего Усть-Неры в 1974 году.

Так как посылаемая Вам рукопись сделана всё же ускоренно, мне кажется, целесообразнее было бы напечатать поглавно или целиком в журнале «На Севере Дальнем», а по получении отзывов, критики, предложений доработать и издать уже книгой. Но Вам виднее.

В посылаемой рукописи я частично уже учёл просьбы и предложения читателей — «больше рассказать о том, в чём заключается работа геологических партий, и хотя бы кратко и понятно изложить самые геологические процессы».

К сожалению, не сумел полностью сдержать обещание выслать рукопись в последних числах декабря, посылаю большую часть, а остальную часть и фотографии постараюсь выслать до 10-15 января. Помешало мне выполнить воспаление глазниц, оболочки самих глаз, полученное по заключению врача от перенапряжения в результате длительной работы в очках при электрическом свете. Обильное слезотечение, резь и зуд не позволяли совсем читать и писать. Врач настоял прервать работу на неделю минимум. Не читать, не писать, делать примочки, не включать яркого электричества. Вот и застрял. Сейчас ломота, слезотечение почти проходят, покраснение ещё держится. Стараюсь, по возможности, соблюдать, чтобы быстрее продолжить работу.

Сегодня, вместе с письмом к Вам, отправляю большую часть рукописи в издательство.

Ещё раз желаю Вам самое доброе и желаемое Вами. Прошу поздравить руководство издательства и всех помнящих меня и пожелать только доброе и хорошее.

Извините, что пишу каракулями: глаза ещё не пришли в норму, часто слезятся и раздражаются, приходится спешить писать и прерываться.

Письма от главного редактора я получил. Благодарю всех за тёплые, добрые пожелания. Очень прошу ещё раз всех поблагодарить, поздравить и взаимно пожелать успеха во всей Вашей нелёгкой работе.

С большим уважением В. Цареградский

P. S. Рукопись и письмо пришлось попросить отправить мою племянницу, она возьмёт от машинистки шестую и седьмую часть. Самому выходить нельзя.

В. Цареградский».

* * *

Письмо В.А. Цареградского Л.А. Савельевой. 14.01.1986 год.
«Уважаемая и дорогая Людмила Ананьевна!

Пожалуйста, извините меня за долгое молчание. Целый ряд обстоятельств, среди них довольно частые болезни и навалив-

шиеся спешные работы отвлекли меня на это время от работы — переделки предисловия, кое-какие небольшие исправления и дополнения к посланной Вам рукописи.

Очень жаль, что в прошлом году не удалось нам ещё раз встретиться, поговорить о деталях. За это время окончательно закончил в первом туре научную работу, с многочисленными вычислениями и уверен, что она будет очень полезна для геологов. Очень убедительно в ней доказан основной постоянный источник энергии для всех деформаций поверхностной оболочки земли для её изменений фигуры. Сейчас заканчиваю (шлифую) текст и отдаю в перепечатку.

Совсем понемногу работаю над рукописью для Вас и собираю материалы для Третьей геолого-разведочной экспедиции — третьей книжки. Отвлекают иногда встречи с журналом «Известий», который собирается написать рецензию на 3 «работы» А. Иванченко. Я сравнил все три его книги: 1) изданную Магад. книжным издательством «Золотой материк», 2) «Золото для БАМа» в «Новом мире» (№ 4, 1984) и 3) только что вышедшую «Земля пяти Солнц» (изд. М., «Советская Россия», 1985). Все они отличаются беззастенчивой фальсификацией... Бизнес на литературном поприще.

Журналиста поразила фальсификация, стоящая рядом с подлогом в псевдодокументальной повести в журнале «Новый мир». Ему будет легче сделать это, чем мне, так как я уже детально сравнил, что написано под вымышленными «моими дневниками» и «записями», которых фактически не существует. Все сколько-нибудь достоверные сведения взяты из моих очерков в: журнал «Кольма» (№ 4, 1936 г., Магадан), из журнала «Кольмский альманах» (книга первая и книга вторая, Магадан, «Дальстрой», 1940). К сожалению, я не мог нигде достать ещё одного очерка — третьего, изданного в этом же журнале в 1940 или 1941 г. Не мог достать его и Иванченко, очерк, изданный Хабаровским издательством под заглавием «Поверженный идол».

Почему в последней открытке Вы написали, что надеетесь быть будущим моим редактором? Меня это встревожило. Мне С.Г. Желнин сообщил, что с моей просьбой оставить Вас редактором рукописи о «Второй Кольмской экспедиции» главный редактор согласен. Очень прошу Вас сообщить, утверждены ли

Вы редактором или нет. Ещё раз прошу редакцию и Вас продолжать редактировать мои рукописи. Подобрал некоторые фотографии по времени. Перепечатаю и пошлю для Вашего выбора.

С Людмилой Никифоровной давно не встречался, только перезваниваемся иногда по телефону. Она тоже периодически болеет. Собиралась навестить меня, но, очевидно, помешало недомогание.

Бывшие колымчане-геологи тоже жалуются на частые недомогания, расслабленность, продолжительное сонное состояние целыми днями. Поэтому встречи с ними тоже поредели, больше обмениваемся телефонными звонками.

...Проходил, вернее начал быстро проходить диспансеризацию и едва-едва отговорился прямо из поликлиники отправиться в больницу на госпитализацию. Уговорил врача отложить окончательное решение...

Ничего особенного не случилось со мной, просто врачей, обследующих первый раз, пугает (до панической степени) очень низкий пульс у меня, хотя он не сопровождался никакими коликами, болями, даже одышками при довольно быстром хождении и пешем восхождении на четвёртый этаж или в уличных переходах.

Единственное, что радикально мне помогает, — это ежедневная нагрузка при прогулках на длительные расстояния и быстром темпе. А зима в этот раз такая непостоянная, с резкими изменениями погоды, перепадами атмосферного давления и непроходимости во многих местах то от заносов, то от гололёда, что мои походы в лесопарк и даже в городе резко сократились, и даже по несколько дней их не было. Теперь все меры принимаю восстановить режим жизни (движение, питание и проч.).

Извините за скороспелое письмо. Ещё раз прошу написать подробнее о делах в Магадане, издательстве. Крепко жму руку. В. Цареградский».

* * *

Письмо В.А. Цареградского Л.А. Савельевой, март 1986 г.
«Поздравляю Вас, дорогая, уважаемая Людмила Ананьевна с Вашим праздником женщин всего мира!

Шлю самые добрые пожелания. Успеха в выполнении всего задуманного.

Опровержение приписываемых мне слов, поступков и много другого, придуманного самим А.С. Иванченко, повторённого в четырёх изданных под разными заголовками книгах, отняло много времени, нервов, здоровья. Помешало вовремя закончить биографический очерк, предисловие ко второй книге. Буквально только 4 дня, как удалось продолжить эту наиболее важную для меня работу.

По заключению трёх врачей здоровье значительно улучшается. Почти восстановлен режим сна, питания. К сожалению, мешает погода так же успешно восстановить регулярные прогулки. Но постепенно наращиваю их время, длину. Возрастает работоспособность. Надеюсь на полное восстановление всего, тем более что близится тёплое весеннее время — можно будет ходить по-прежнему в лесопарк.

Меня встревожили слова в присланной поздравительной открытке: «Может быть, и в будущем останусь Вашим редактором». Разве изменилось что-нибудь? Мне С.Г. Желнин сообщил, что договорился по моей просьбе с руководством редакции оставить Вас редактором моей рукописи, да и Вы, будучи в Москве, подтвердили это. Так? А теперь высказывали неуверенность! Может, мне нужно написать официально в редакцию ещё раз просьбу оставить редактором рукописи (второй книги) Вас — Савельеву Людмилу Ананьевну?

Знакомились ли Вы, Людмила Ананьевна, хоть бегло с рукописью? Может, нужно что-то исправить? Буду с нетерпением ждать Вашего ответа.

Ещё раз поздравляю Вас с праздником и от всего сердца желаю Вам много хорошего.

Если это Вас не затруднит, прошу передать мой сердечный привет директору издательства Борису Михайловичу Черемных и главному редактору Василию Николаевичу Яковлеву.

С большим уважением к Вам В. Цареградский».

* * *

Письмо В.А. Цареградского Л.А. Савельевой. 16.06.1986 год.
«Уважаемая Людмила Ананьевна!

Наконец-то посылаю Вам подготовленную к изданию ру-

копись совместно с посланной ранее рукописью (продолжение воспоминаний о Второй экспедиции) для издания единой книгой с новым общим предисловием. Сделано общее единое оглавление. Прошу Вас проставить в нём страницы заново пронумерованной второй книги. Прошу также:

1. Пронумеровать все страницы в рукописи 2-й книги, продолжив нумерацию первой.
2. Пронумеровать все главы 2-й книги вслед за первой.
3. Перенумеровать все рисунки и, соответственно, подрисовочные подписи...»

* * *

Письмо В.А. Цареградского Л.А. Савельевой. 24.12.1986 год.
«С наступлением Нового юбилейного года поздравляю Вас, уважаемая и дорогая Людмила Ананьевна!

Самые добрые дружелюбные пожелания Вам. Никаких сколько-нибудь серьёзных огорчений в Новом году. Пусть они минуют Вас (мелкие, скоропроходящие не в счёт, без них не обойтись). Очень хотелось бы, чтобы это пожелание исполнилось.

Меня огорчило, что не удалось Вам побывать в Москве, посетить меня, чтоб поговорить. Нет! Не примите это, пожалуйста, за упрёк. Огорчение касается только меня. Это даже не обида.

Не получал от Вас давно сообщения: начали ли редактирование рукописи и Ваше впечатление. Пригодна ли она в том виде или нужны какие-либо исправления, дополнения, или, напротив, сокращения.

Дальнейшая работа — биографический очерк, рассказ о III экспедиции — почти застопорилась. Много мелких заметок, небольших статей к 70-летнему юбилею Октябрьской революции по партийному поручению от Совета ветеранов Северо-Востока в сборник отвлекали. Но, главное, мешало длительное болезненное состояние — запрет врачей работать. Да и сам я ощущал потерю работоспособности (в том числе и от резкого ухудшения зрения). Всеми своими силами (внутренним протестом) я боролся за то, чтобы сохранить, возобновить работоспособность. Восстановить хотя бы в большей степени «запас жизни» — по выражению акад. Амосова. Трудно это давалось, очень трудно. Но уже появились проблески и растёт надежда к

восстановлению. Пока очень понемногу начинаю читать и писать. Верю, что добьюсь успеха упорством.

Жаль, что нельзя осуществлять длинные пешие походы в лесопарке. Погода непрерывно бунтует. Но наихудший период проходит, ухудшение погоды, уменьшение светлых часов дня уже прошли минимальный рубеж, и скоро начнёт расти улучшение и того, и другого.

При возможности, пожалуйста, передайте мои пожелания тем, кто помнит меня. И в первую очередь (если только это удобно для Вас) прошу передать таковые поздравления и пожелания руководству книжного издательства — директору и главному редактору.

Ещё раз всего Вам доброго.

С уважением В. Цареградский

Р. С. Большая Вам благодарность за присланную книжку Р.В. Седова. Извините, что благодарю с опозданием».

* * *

Письмо В.А. Цареградского Л.А. Савельевой. 3.03.1987.

«Рад поздравить Вас, дорогая, уважаемая Людмила Ананьевна, с женским праздником, с искренней доброжелательностью пожелать Вам здоровья, заслуженных успехов в работе, благополучия и счастья!

Давно не имею от Вас никаких сведений, это беспокоит и даже тревожит. Не заболели ли Вы?

Я, кажется, заметно отделился от разных недугов. Упорно восстанавливаю тренированность и работоспособность. Длительный процесс восстановления дался нелегко. Медленно нарастает работоспособность, а также укрепляются мышцы, удлиняются пешие маршруты.

Научная работа закончена в отношении доказательств общей закономерности процессов деформаций земной коры, и начинают нарастать объяснения отклонений в результате неидеальной однородности поверхностной оболочки Земли.

К сожалению, могу уделять продолжению её очень ограниченное время. Начал продолжать воспоминания о Третьей экспедиции и биографический очерк, но и это в настоящее время несколько отодвигается. Меня «обязали» написать к семидесятилетнему юбилею победы Октябрьской революции

начальный период освоения Северо-Востока страны геологическими исследованиями, поисков и разведки полезных ископаемых.

Упорно занимаюсь всеми доступными способами, чтобы быстрее победить детренированность организма, восстановить здоровье. Появились уже заметные результаты.

Очень прошу Вас: напишите, пожалуйста, подробнее о себе, Ваших планах на поездку в отпускное время и, конечно, о судьбе моей рукописи. Нет ли каких-нибудь осложнений с редактированием и издательством её.

Ещё раз шлю пожелания всего Вам самого доброго, какое только можно пожелать.

С большим уважением и благодарностью В. Цареградский».

* * *

Письмо Л.А. Савельевой В.А Цареградскому. 16.03.1987.

125080, Москва

Волоколамское шоссе, 3, кв. 38

Цареградскому В.А.

«Здравствуйте, глубокоуважаемый Валентин Александрович!

Спасибо Вам за тёплые поздравления и пожелания. Восхищаюсь Вашей работоспособностью, и ведь темы-то все — глобальной масштабности! Здоровья Вам, отличной формы, за-калка Севером пусть ещё долго служит Вам.

Рада сообщить, Валентин Александрович, что приступила, а точнее уже завершаю редактирование Вашей рукописи (2-я часть). Вы уже знаете, что издать в этом году мы сможем только вторую книгу. Переиздавать целесообразнее сразу все три книги. Тем более что в темплане нам объём сократили, в том числе и Вашей рукописи — до 8 листов (а у Вас их 14 — это без первой книги!). Приходится «ужимать», но делать это разумно, однако кое-где сокращение просто целесообразно, дабы не отвлекать внимание читателя от главного, не утомлять. Но отредактированный экземпляр рукописи Вам будет выслан после перепечатки (вероятно, в апреле), и Вы ознакомитесь.

Теперь просьба к Вам, Валентин Александрович, если есть у Вас фото (чёрно-белое, глянцевая бумага не менее, чем 9x12), то, которое Вам больше нравится (только не то, что уже было

в 1-й книге), вышлите, пожалуйста, 1-3 на выбор любого возраста.

Редактор издательства Савельева Л.А.

* * *

Магадан Центр, Проспект Ленина, 2.

Книжное издательство, редактору Савельевой.

«Очень благодарен Вам, книжку получил подробнее письмом за поздравление благодарю и издателей Цареградский».

* * *

Из письма В.А. Цареградского Б.Н. Черемных. 08.06.1988 год.¹
«...Вместе с рукописью второй книги я послал в Ваше издательство около 70 фотографий. В книге 16 фотографий. Убедительно прошу Вас оригиналы неопубликованных фотографий вернуть мне. Они мне крайне необходимы для дальнейшей работы.

С уважением В. Цареградский».

На этом письме есть отметка:

«Передано через Журихину фотографии и II-й экз. рукописи «По экрану памяти» 1 и 2-й книг».

21.07. 88 г. А. Савельева.

* * *

Последнее письмо датировано 1988 годом.

Через два года Валентина Александровича не станет.

В своей квартире в Москве В.А. Цареградский создать музей не успел. В Магаданском областном краеведческом музее хранятся награды, личные вещи, фотографии, документы, картины выдающегося геолога, до конца жизни остававшегося вечным и добросовестным тружеником.

Его научная и инженерная деятельность в качестве руководителя ГРУ «Дальстроя» и долгая плодотворная жизнь остаются до настоящих дней по разным причинам малоизучёнными.

---

¹ Б.Н. Черемных – директор Магаданского книжного издательства.

ГЛАВА 7

В ПОИСКАХ «ЧЁРНОГО ЗОЛОТА»

Великие имена. И имена забытые...

Когда я думаю о первооткрывателях «чёрного золота», то невольно вспоминаю Виктора Григорьевича Васильева. Это он возглавлял экспедицию в Западную Сибирь. Экспедиция была внеплановой, её задача состояла в том, чтобы определиться, есть ли промышленные запасы «чёрного золота» — нефти в районе Остяко-Вогульского округа, откуда приходили сообщения местных жителей о нефтепроявлениях близ реки Большой Юган.

Я совсем недавно открыл для себя это имя — Виктор Васильев. И увлёкся новой темой. Новый, завораживающий голос, как и голоса покорителей Колымы, зазвучал мощно и отчётливо. Мой студент Евгений Васильевич, посылая добытые им сведения о новом поколении Цареградских в Сургуте, писал о Васильеве: «...Это сопутствующий материал, немного в стороне от нашей темы...»

Я не соглашался. Какое там — в стороне? Геолог Виктор Григорьевич Васильев — один из первооткрывателей ряда месторождений в Западной Сибири и у нас, в Поволжье. Линия судьбы самарских братьев Цареградских, безоглядно связавших свою жизнь с Севером, питается энергией первооткрывателей большой нефти.

...Теперь в моих записках соединились золотоискатели и нефтяники, посёлки, месторождения, города Самара, Москва, Ленинград, Сургут, Тюмень... И всему этому я обязан Валентину Александровичу Цареградскому-старшему, золотодобытчику. Он, как мощный локомотив, потянул цепочку судеб из безвестности, подтолкнул к поиску, заставил прислушаться и услышать. Самое молодое поколение Цареградских живёт и работает сейчас на суровой земле Западной Сибири.

* * *

История российской нефтегазодобывающей отрасли складывалась непросто. Столько имён и событий вобрала она в себя, ушедших когда-то с первого плана, а потом вдруг засветившихся новым светом...

Геологи, нефтяники, строители 1970-х годов свершили чудо! Они дали стране, миру нефть и газ Западной Сибири.

Назовём имена звёзд самой первой величины. Начиная с первых лет советской власти.

Жизнь — как легенда!

К началу 1920-х годов нефтяная промышленность страны представляла собой, по словам С.М. Кирова, «нефтяное кладбище».

16 апреля 1920 года Совет труда и обороны назначает уже знакомого нам Александра Павловича Серебровского¹ председателем Бакинского нефтяного комитета. Он получает мандат с чрезвычайными полномочиями, согласно которому все его распоряжения являются «обязательными для всех властей и учреждений — как гражданских, так военных и морских».

Прибыв в Баку, А.П. Серебровский сообщал: «Положение на нефтепромыслах катастрофическое. Не хватает ни оборудования, ни машин, ни одежды. Рабочие жилища развалились, так что в них немыслимо жить». Предстояла огромная организационная работа, опыт которой у Серебровского к этому моменту уже был. Мы знаем теперь, что он занимался до того вооружением Красной гвардии, работал в комиссариате торговли и промышленности. Был заместителем наркома путей сообщения, начальником Центрального правления артиллерийских заводов РСФСР.

27 мая 1920 года Азревком объявляет о национализации нефтяной промышленности республики.

Бакинский нефтяной комитет реорганизуют в трест «Азнефть». А.П. Серебровский назначается его председателем.

Создаётся по его инициативе первое высшее заведение нефтяного профиля в Баку — Бакинский политехнический институт². В этот период начинается морская добыча нефти, строятся новые нефтепереводы и нефтеперерабатывающие заводы.

¹ Позже А.П. Серебровский возглавит трест «Союззолото».

² В этом институте в 70-х годах прошлого века, тогда он назывался «Азербайджанский институт нефти и химии им. М. Азизбекова», некоторое время довелось учиться и мне (*прим. автора*).

Уже в 1924 году добыча нефти в Баку достигла 4,6 миллиона тонн, за три года увеличившись в полтора раза.

В деле восстановления и совершенствования отечественного нефтяного дела Серебровский ориентировался на передовой зарубежный опыт, для чего он совершает поездки за границу. Особые результаты дала его длительная командировка в США в 1924 году. По пути он должен быть в Финляндии, Швеции, Франции, Германии. Посетил ряд нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих заводов. Был он и в офисе компании «Стандарт ойл» в районе Манхэттена в Нью-Йорке. Глава американской компании Уолтер Тигл дал согласие на беспрепятственное посещение А.П. Серебровским всех промыслов и заводов компании. Надеясь на развитие деловых отношений, У. Тигл выразил готовность оказать помощь в закупках наиболее современного американского оборудования.

Но вопрос упирался в финансирование. Необходимы были долгосрочный кредит и скидка на покупку оборудования.

Для решения этих вопросов А.П. Серебровский встречается с Джоном Рокфеллером в его загородном имении.

Итог переговоров положителен. Позже в своих воспоминаниях («На нефтяном фронте») он рассказал о том, что было одной из причин быстрого согласия Рокфеллера на коммерческие предложения. Рокфеллеру понравилось, что на одном из ботинок директора «Азнефти» была небольшая заплата, и он сказал директору банка: «Этому человеку можно в долг поверить. Он не транжира, не пьёт вина, не курит и мне понравился».

А.П. Серебровский, находясь в Америке, смотрел заводы, изучал организацию технического снабжения, объехал «Нефтяную долину», осмотрел Ойл-Сити, Руэвилль, Петролеум-центр и другие районы.

На промыслах Лонг-Бича инженер Серебровский поработал некоторое время в составе буровой бригады, выполняя непростую работу, стремился научиться бурить как лучшие американские бурильщики.

В Нью-Йорке после изучения чертежей и инструкций, предложенных ему поставщиками, он сделал заказ на закупки необходимого оборудования. Здесь же, в Нью-Йорке, написал «Руководство по нефтяной промышленности», которое впоследствии стало настольной книгой многих советских нефтяников.

Он принял участие в работе Международного нефтяного конгресса в г. Туслу. Выступил на нём с докладом о состоянии и развитии советской нефтяной отрасли.

В период пребывания в Америке написал книгу «Нефтяная и газовая промышленность в Америке». Она несколько раз переиздавалась в Баку, в Москве.

Удивительная работоспособность и активность! В Азербайджанском политехническом институте в феврале 1925 года он перед многочисленным сообществом сделал большой доклад «О промышленности в Америке».

В октябре 1925 года был избран профессором кафедры нефти этого института. Разработал и читал курс лекций по нефтяному делу. Вокруг А.П. Серебровского в «Азнефти» образовался крепкий коллектив специалистов нефтяников. В нём выросли и окрепли М.В. Баринов, который станет начальником «Главнефти», К.А. Румянцев — будущий первый управляющий трестом «Уралнефть» и др.

А.П. Серебровский словно знал, полагал, какие грандиозные задачи предстоит решать, когда придёт время «Второго Баку», а там и «Третьего Баку» — нефти Западной Сибири... Какие нужны будут специалисты, и какие потребуются технологии. Занимался созданием геологических карт Бакинского нефтяного района, вёл исследования по проблемам обводнённости скважин и т.д.

Исключительная энергия и самоотверженность тех, кто были первыми, покоряют. Он поддерживал тесные контакты с учёными-геологами И.М. Губкиным, Д.В. Голубятниковым и другими.

...Уже велась усиленная разведка новых нефтяных месторождений в Куйбышевской области, Татарии, Башкирии...

Из воспоминаний дочери А.П. Серебровского, Инны Александровны:

«Он был среднего роста, крепкого телосложения. У него были серо-синие глаза, очень выразительные. Густые тёмно-русые волосы. Стремительная походка. Всегда был очень аккуратно одет. Он имел жизнерадостный, но очень волевой характер. Вспыльчивый, но самокритичный. Смеялся заразительно. Он любил детей, и они платили ему тем же. В доме у нас постоянно жили дети родственников, друзей и сослуживцев. Друзей и по-настоящему верных спутников всей его жизни и соратников по работе было много...

...В конце июля 1937 г. он вернулся из командировки больным, у него начался гнойный плеврит. Прямо с поезда попал в больницу, где сделали операцию, и здоровье папы начало улучшаться... Поздно ночью 22 сентября по вертушке в квартиру Серебровского позвонил И.В. Сталин, который поинтересовался здоровьем Серебровского, спросил у мамы, почему она не пользуется наркоматовской машиной, сказал, что хотел поздравить А.П. Серебровского с назначением на должность наркома тяжёлой промышленности СССР... А 26 сентября прямо из больницы на носилках его забрали в тюрьму, где и расстреляли 10 февраля 1938 года... Отца реабилитировали в 1956-м. Он был даже восстановлен в партии». (Э. Зайнетдинов. «Бельские просторы», № 8, 08.2013 г.).

Основатель нефтяной геологии в России

Идея «Второго Баку», необходимость активизации поисков «чёрного золота» между Волгой и Уральскими горами принадлежит Ивану Михайловичу Губкину.

Ещё в 1932 году он выдвигает гипотезу о наличии большой нефти в Западной Сибири.

И.М. Губкин родился в крестьянской семье под Владимиром. Окончил учительский институт. Долгое время преподавал на селе, но хотел стать... «землеведом».

В тридцать два года поступает в Петербургский горный институт. Будущий академик, окончив институт, устремляется к геологической экспедиционной работе. Результатом на Кавказе явилась разработка новой технологии поиска нефти. Вскоре он становится ведущим специалистом в области поиска нефти, членом комиссии нефтяного комитета ВСНХ, председателем секции прикладной геологии Совета труда и обороны.

Удивительная судьба. Нефть как таковую он увидел, когда ему было уже около сорока лет! И вдруг он прерывает налаженный порядок жизни. Берёт в котомку немудрящие, нужные вещи в дороге, сатиновую рубашку и... бежит навстречу своему призванию. Он ищет свою дорогу. Он знает, что она есть!

В интервью корреспонденту ТАСС 26 ноября 1934 года академик И.М. Губкин скажет, очевидно, жалея об упущенном времени: «...ещё в 1932 году я говорил о необходимости поисков

нефти в юрских отложениях восточного склона Урала на некотором расстоянии от выходов угля... Лично я обнаружению выходов нефти как в Сургутском, так и в Тавдинском районах, и в других местах Сибири придаю большое значение. ...Мы имели здесь дело с выходом природной жидкой нефти, происхождение которой совершенно неслучайно, как некоторые думают...»

Вопрос: «Где искать нефть?» — продолжал рождать споры, а для него ответ был очевидным.

* * *

Думая о призвании, таинстве дара Ивана Михайловича Губкина, вошедшего в науку «хозяином», невольно вспоминаешь другого русского гения Константина Эдуардовича Циолковского, тоже школьного учителя (полутлухого), самоучку-изобретателя, основоположника теоретической космонавтики. Неожиданное сравнение? Да. И для меня самого! Слишком различны они по характеру своей деятельности — затворник-педагог и активно действующий академик. Но дерзновенность мысли, космическое проникновение в неведомое!... Они завораживают!

Теперь имя Ивана Михайловича Губкина носит ведущий институт нефти и газа в России. Он по неоспоримому праву признан отцом-основателем нефтяной геологии в России. Как много он сделал в своё время для развития сланцедобычи и сланцепереработки в условиях дефицита нефти! Скажем об этом хотя бы бегло.

Когда будет открыто «Второе Баку», нефтедобыча и нефтепереработка выйдут на первый план в создании энергетической базы индустрии молодой Республики Советов. Но значение разработки сланцев тогда и огромное их значение в нашем будущем, в условиях падения добычи нефти, — велико!

Сланцы Кашпирского месторождения

За годы довоенных пятилеток в Куйбышевской области было организовано только два крупных химических предприятия. В 1935 году — Алексеевский серный завод и в 1932-1933 годах — Кашпирский (Сызранский) сланцеперерабатывающий в г. Сызрани, вырабатывавший ценные продукты, кото-

рые использовались в медицинских и ветеринарных целях: ихтиол, альбихтиол, тиокреолин и др.

Зарождение сланцевой промышленности в России началось с исследований в XVIII веке прибалтийских и поволжских горючих сланцев. Так, в 1830 году геологи Н.В. Широкий и А.В. Гурьев указывали на выходы горючего сланца на берегах Волги у Поливны: «...при с. Ундоры, отстоящем от Симбирска в 30 вёрст, пласты горючего шифера выходят на поверхность, занимая большую против прежнего высоту, и совершенно выклиниваются».

Вслед за этим ряд исследователей проводили изучение залежей сланцев в разные годы. Известный русский геолог Г.Ф. Романовский на страницах «Горного журнала» пишет о разработке Кашпирского месторождения. В 1867 году профессор И.Н. Еремеев осмотрел береговые обнажения Волги между деревней Городище и селом Большие Ундоры, провёл порядок напластования пород, указал мощность содержаний горючих сланцев в глинистой толще.

Начиная с 1910 года в связи с ростом цен на нефть горючим сланцам начинают уделять повышенное внимание. В январе 1916 года в Петрограде созывается Особое совещание по топливу (председатель П.А. Пальчинский) и организуется тепловая комиссия. Цель — найти возможность промышленного использования сланца в качестве местного топлива.

Вернувшийся из США в 1918 году И.М. Губкин был направлен для работы в Геологический комитет. В этом же году по его инициативе Геологическим комитетом и Главным нефтяным комитетом снаряжены две геологические партии: одна — для разведки ундорских сланцев, другая — в район г. Тетюши (Татарстан) для разведки Сюкеевского нефтяного месторождения. Весной 1919 года из Москвы на Волгу выехала особая экспедиция для разработки сланцев в сёла Ундоры и Кашпир.

А уже летом 1919 года на Волгу прибыли ответственные работники Главсланца во главе с И.М. Губкиным, а также председатель Высшего горного совета ВСНХ Ф.Ф. Сыромолотов и член Президиума ВСНХ В.П. Ногин. Была подготовлена программа работ по быстрейшему освоению Кашпирских сланцевых залежей. Для её выполнения советское правительство выделило 30 млн р. В октябре того же года в химической лабо-

ратории Главсланца из сланцев Кашпирского месторождения получены первые образцы керосина и других продуктов.

1920 год — отправной пункт нового периода работ по добыче, сланцев в Поволжье на Кашпирском месторождении, находящемся южнее города Сызрани, на правом берегу Волги. Запасы горючих сланцев в этом районе оценивались в 350-400 млн тонн.

До промышленной добычи нефти в Самарской губернии оставалось ещё полтора десятилетия. Страна остро нуждалась в топливе для электростанций и бензине для автомобилей. В связи с этим необходимо было решительно увеличивать объёмы добываемых сланцев и строить сланцеперерабатывающие заводы.

В пояснительной записке крайплана к пятилетнему плану развития сланцевой промышленности Средней Волги 1931 года указывалось: «Задача перед сланцевой промышленностью Средней Волги состоит в коренной перестройке всей промышленности этого края. Лишённый до сих пор собственного топлива и химического сырья край получает в настоящее время очень широкие перспективы развития. Наиболее важным месторождением Средне-Волжского края надо считать Общій Сырт, где мы имеем свыше 2 млрд тонн сланца очень высокого качества. Далее идёт Кашпир, месторождение, наиболее бедное по запасам, но занимающее второе место по качеству сланца (около 100 млн тонн), и последнее место занимает Ундорское месторождение (богатое по запасам, но бедное по качеству). В плане развёртывания приходится в первую очередь базироваться на Кашпирском месторождении, расположенном в 17 километрах от Сызрани, на самом берегу Волги и в непосредственной близости от Самары и прилегающих к Самаре промышленных центров. Кашпирское месторождение имеет все данные для быстрого развёртывания топливной и химической промышленности...»

* * *

Сызранский сланцеперерабатывающий завод вступил в строй действующих в 1932 году. Предполагалось, что он будет работать как опытный для освоения технологий химической переработки сланца. В рапорте строителей Кашпирского слан-

цеперегонного завода Сызранскому горкому партии говорилось: «Вчера, 25 апреля 1932 г., в 6 часов утра окончена полностью загрузка сланцем, зажжены топки двух паровых котлов, заканчивается испытание аппаратуры.

Первый в Советском Союзе опытный сланцевый завод вступил в число действующих предприятий. Опытное производство и работы организованного непосредственно на заводе отделения научно-исследовательского института открывают богатейшие перспективы использования горючих сланцев в качестве топлива, сырья для производства ценных химических продуктов, сырья для строительной промышленности.

Кашпирские сланцы открывают для Сызрани и всей Средней Волги грандиозные перспективы индустриального развития: из одного миллиона тонн кашпирских сланцев можно получить 45 тыс. тонн бензина, 30 тыс. тонн мазута, 45 тыс. тонн асфальта», — так писала в 1933 году газета «Средневожский комсомолец».

Сызранский сланцеперегонный завод стал первым предприятием сланцехимического профиля в СССР.

Пионером перегонки сланцев с целью производства сланцевой смолы и получения ихтиола был химик-самоучка Горохов, который ещё в 1916 году построил небольшой сланцевый перегонный завод за Спасской заставой в Москве.

Сланцевое дело в Поволжье, несмотря на колоссальные запасы сланцев, дальнейшего масштабного развития не получило. Этому способствовали открытие и разработка месторождений нефти в Поволжье, показавшие значительное преимущество новой сырьевой базы для получения топлива и химических продуктов. К концу 1960-х годов благодаря развитию нефтедобычи себестоимость одной тонны нефти в сравнении с получением тонны сланцевой смолы — сырья для химической продукции — оказалась в несколько раз меньше. Это обусловило бурное развитие нефтедобычи и нефтепереработки. Так, сланцы (с их огромными запасами на территории России) перешли в разряд одного из стратегических альтернативных резервных источников получения химических продуктов и синтетических жидких топлив.

По подсчётам специалистов, запасы промышленного сырья под Сызранью колоссальны.

В сравнении с ныне действующими гигантами химии Самарской области Сызранский сланцеперерабатывающий завод — небольшое предприятие, но в довоенный период ввод его в действие явился важным вкладом в развитие химической промышленности. Завод стал давать ценные продукты, ранее в стране не производившиеся. До ввода в действие Кашпирского сланцеперерабатывающего завода Советский Союз ввозил ихтиол из-за границы. С началом его производства наша страна стала экспортировать этот ценный продукт. Сызранский сланцеперерабатывающий завод — уникальное предприятие, производящее в России ценные лекарственные средства природного происхождения: ихтиол, натрий-ихтиол. На ОАО «Сланцеперерабатывающий завод» в г. Сызрани в 1998 году было произведено 115 тонн ихтиола. Из них 40 тонн пошло на экспорт. Запасы промышленного сырья этого производства не имеют аналогов в мире: по данным 1991 года, в отведённых для добычи границах вокруг рудника «Кашпирский» находится 11,3 млн тонн сланца, а на всём месторождении — свыше 5 млрд тонн.

Главный инженер

У истоков Сызранского сланцеперерабатывающего завода стояли незаурядные люди. Один из них — Александр Михайлович Маркин. Он родился в Сызрани в 1903 году в семье железнодорожника. Трудиться начал, как и многие тогда, рано — с 11 лет. Когда ему было 27, его командировали на учёбу в Самарский механический институт. Заметивший способного студента Николай Иванович Путохин, один из организаторов в Самаре химико-технологического института, предложил Александру перейти на химический факультет.

Своего учителя — так впоследствии Александр Михайлович будет называть Н.И. Путохина — он будет помнить всегда с благодарностью. Мне понятно такое отношение ученика к учителю, ибо и мне (уже в начале 60-х) на лекциях Николая Ивановича пришлось испытать на себе магию органической химии и личности самого профессора.

На Сызранском сланцеперерабатывающем заводе, куда направляется Маркин после окончания института, он через три

года становится директором, поработав до того начальником цеха и главным инженером.

В 1920-1930-х годах ихтиоловую мазь в молодую советскую республику завозили из Англии, покупая её за золото. Наладить собственное производство ихтиола было очень важно. И правительство ставило эту задачу. Но направленная экспертная комиссия через три месяца изучения местных образцов дала заключение о непригодности сланцев для получения ихтиола. Закончив работу, эксперты уехали, а Александр самостоятельно взялся за эксперименты. Опыты получились успешными. Сказались уроки Н.И. Путохина. Житель Сызрани получил сульфихтон, завоевавший вскоре широкую популярность у нас и за границей. Автор был премирован... каракулевой шубой для жены.

Экспорт сульфихтона осуществлялся в страны Европы и Азии. Талантливый специалист вскоре становится главным инженером треста «Союзсланец» (г. Москва), а потом — главным инженером «Главсланца» Министерства угольной промышленности.

Позже А.М. Маркин обнаружит в сланцах радиоактивное вещество (уран) и использует его в качестве катализатора в химических процессах окисления и полимеризации. В результате впервые в мире была получена искусственная олифа.

После войны Александр Михайлович Маркин работал в Госплане СССР.

* * *

Углубившись в тему, я немало прочитал архивных документов. Но были и живые встречи с ветеранами труда, с неравнодушными земляками.

Одна из таких встреч случилась на сызранской земле. Я тогда записал на скорую руку услышанное. Всё хотел как-то отредактировать текст, пригладить, а потом понял: он тем и хорош, что в нём звучит живой голос рассказчика, гордого за своего земляка-первооткрывателя.

Я назвал рассказ «Земляк»:

«Под Сызранью дело было. Отец мой на заводе работал. Там добывали и перерабатывали горючие сланцы. И сейчас ихтиол получают: мазь такая лечебная. Многие знают.

Отец сызмальства на заводе работал. А главным инженером на нём был друг его, дядя Саня, то есть Александр Маркин. Оба они с тысяча девятьсот третьего. Вместе росли на одной улице. Их отцы были осмотрщиками вагонов тогда. Только он окончил индустриальный институт и воспарил, стал главным инженером нашего завода, потом директором. А отец мой после училища всю жизнь, считай, на одной должности — в токарях. А он химик! Они продолжали знатья. Свои жа!

И вот перед войной забрали дядю Саню в Москву руководить сланцами всей страны. Ему и сорока ещё не было.

Потом ушёл на фронт. Отца-то забраковали: нога у него, вишь, с детства вывернута. А тут приезжает на побывку дядя Саня, значит, к своим, на родину. Изменился, конечно, а всё равно свой!..

Ну, родные, друзья... Всех дядя Саня обошёл, со многими, с кем хотел, повидался. И — на завод.

Два дня и со специалистами, и вообще со многими он встречался. Ходил, смотрел. Уж и не начальник теперь на заводе, а всё едино. Все уважительно к нему относятся.

Перед отъездом в Москву поехал он в Самару, в Куйбышев, значит. По делам каким-то. Он потом рассказывал так отцу моему, ну, примерно:

— Еду, — говорит, — кругом народ всякий, разный. И вши! Ползают с одного пассажира на другого. С чемоданов на узлы всякие. Некуда от них деться. Маются все. Цельный поезд вшей...

Думал, только в окопах так. Насмотрелся: на передовой вши заели нашего брата-солдатика. До крови расчёсывали себя. Зуд, немоготу. Иной, не стерпев, выскакивал из окопа, потеряв разум от зуда, и... попадал под пулю. Живые мишени.

— ...Сижу, — говорит, — в вагоне, наблюдаю, как вши копошатся, и... спохватываюсь: меня-то они не трогают! С чего бы это?

Вначале не понял, что к чему.

А поразмыслив, потом сообразил, что едет он прямо с завода в той же одежде, в которой был. А она пропахла ароматами заводской продукции. Её-то и боятся насекомые. Так получается!

Нашёл он стеклянную банку, набрал в неё вшей этих. Случай как с Ньютоном. Только тому яблоко упало на голову, а тут вша эта...

Вернулся на завод и проверил он свою догадку в заводской лаборатории. Всё подтвердилось: от мази, которую они там готовили с химиками, вши бегут. А какие околевают тут же.

Уехал в Москву. А вскоре завод стал в бочках грузить эту серную мазь на фронт. Целыми партиями. Стратегическое оружие, не иначе! Во спасение наших солдатиков. Во как! Какой молодчина, земля наш!

Опосля в каждом поезде стояла бочка с этой мазью. В обязательном порядке.

Вот поразмысли: Левша, конечно, великий талант! Аглицким мастерам нос утёр — блоху ихнюю подковал. Но всё же забава это!..

А тут дядя Саня столько народу нашего от мук спас.

Ты книжки пишешь. Вот и упомяни про эту историю. Чтоб знали... Не только Левшу... А и про нашего земляка из Сызрани, Александра Маркина!

Некоторые сочиняют. Шут с ними. А ты напиши дельное. Как было!»

* * *

Не удержался и привёл эти эпизоды из жизни талантливоего инженера Александра Михайловича Маркина. Не буду скрывать, сделал это из желания побудить, мотивировать молодых людей, начинающих свою трудовую жизнь, к труду в традициях наших русских инженеров. Об этом я думаю на всём протяжении последних лет. Про инженеров-геологов думаю, горных инженеров, инженеров, химиков-технологов (такая запись стоит у меня в моём дипломе), инженеров по бурению, про всех тех, кому дорого инженерное дело.

* * *

В наши дни, имея в виду возрастающий интерес к сланцевой нефти, к поиску альтернативных источников энергоресурсов, возрастает необходимость создания новых национальных проектов по энергетической безопасности.

Накопленный опыт и современные возможности геолого-разведывательных исследований, в том числе спутниковых работ по оценке мировых ресурсов, несомненно, приведут к

обновлению сведений о количестве и распространённости горючих сланцев, их качестве, способах добычи и технологии переработки. За использованием сланцев, возможно, большое будущее.

Залежи сланцев в основном сосредоточены в КНР, России, Бразилии, США, Швеции, Германии. Крупных месторождений в мире насчитывается более 560-ти.

Сведения о наличии сланцев в последнее время изменились в сторону их увеличения.

Более чем 1 340 трлн тонн — таков запас сланцев с содержанием органического вещества от 10 до 65 %.

Запасы сланцев превышают мировые ресурсы сырой нефти более чем в 30 раз. Они ждут своего часа¹.

А пока мы довольствуемся более доступным «чёрным золотом».

«Второе Баку»

Коснёмся хотя бы кратко истории создания «Второго Баку».

Ещё в XIX веке делались попытки получить нефть в районах Татарии и на Самарской Луке. С 1860 по 1914 годы отдельными нефтяными компаниями были пробурены неглубокие скважины в верховьях рек Сок и Шешма. Но они положительных результатов не давали. Неудачным было бурение на нефть, начатое на Волге в 1920 году, из-за несовершенства буровой техники и нехватки денежных средств. Эта неудачная попытка в Поволжье создала среди большинства геологов страны мнение, что район бесперспективен. И.М. Губкин придерживался другого мнения и вёл борьбу за продолжение разведки.

* * *

На западном склоне Урала, в районе Верхне-Чусовских городков, в 1929 году скважина, которую бурили в поисках калийных солей, с глубины 414 м дала нефтяной фонтан с дебетом до 20 тонн нефти в сутки. Это подтолкнуло интенсивное исследование районов между Волгой и Уралом, давшее начало

¹ В настоящее время разработана технология добычи сланцевого газа и сланцевой нефти. Но эффективность её пока невысока.

развитию нового нефтяного района СССР — «Второго Баку». Было признано необходимым развернуть разведочные работы по бурению в районе г. Стерлитамака, Самарской Луки. Заложили по одной разведочной скважине у г. Сызрани (в Яблоневом Овраге) и в Самарском Заволжье. В мае 1932 года из двух разведочных скважин, расположенных вблизи с. Ишимбаево, ударил первый нефтяной фонтан.

Уже к концу 1934 года на месторождении 27 скважин были сданы в эксплуатацию. Первая средневожжская нефть получена в апреле 1936 года бригадой бурового мастера Н.С. Солдатов. 1 октября 1936 года бригада мастера А.А. Аванесова в районе Сызрани получила приток нефти в количестве 1,5 тонны в сутки.

Так была добыта первая куйбышевская нефть.

* * *

Из сообщения газеты «Волжская коммуна» о добыче под Сызранью первой партии нефти:

«Нефть под Сызранью»

При пробном тартании скважины 402 разведка «Восток-нефть около гор. Сызрани получила 100 л жидкой нефти. В результате пробных испытаний полученная нефть из скважины № 402 имеет удельный вес 0,904, температура вспышки 300°, стуженных смол 4 %.

Пробная перегонка при 100°C без наличия нужной аппаратуры дала выход бензина 4 %.

Нефть имеет характерный сернистый запах, присущий уральской нефти.

Получение первой партии нефти из скважины № 402 подводит прочную базу для форсирования нефтеразведок на Самарской Луке. Геолог тов. Фрейде выехал с докладом в Москву»¹.

Исследование химического состава первой нефти Средне-Волжского края провёл профессор Самарского химико-технологического института (ныне СамГТУ) Я.И. Хисин. Но скважины № 401 и 402, на которые возлагались большие надежды, положительных результатов не дали.

¹ «Волжская коммуна», 1935. № 62, 16 марта. С. 1.

1 октября 1936 года под Сызранью в промышленную эксплуатацию была введена скважина № 8. В 1937 году было добыто уже 175 тыс. тонн волжской нефти. Существует несколько мнений о начале отсчёта добычи первых партий нефти и о том, какую скважину под Сызранью считать самой первой.

Этот вопрос подробно освещён в монографии «Становление нефтяного комплекса в Уральском и Поволжском регионах (30-50-е гг. XX века)». Её автор В.Н. Курятников — профессор Самарского государственного технического университета.

В резолюции XVIII съезда ВКП(б) по докладу о третьем пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР (1938-1942) «О создании «Второго Баку», развитии нефтяной, газовой и сланцевой промышленности на востоке СССР и развитии химической промышленности» ставилась задача: «Создать в районе между Волгой и Уралом новую нефтяную базу — «Второе Баку». Программу нефтедобычи и нефтепереработки обеспечить быстрым развитием геолого-разведочных работ и внедрением высокой техники во всех отраслях нефтяной промышленности».

Этим планом (включая Куйбышевскую область) предусматривалось создание заводов по первичной перегонке нефти. Общая мощность их должна была составить 6 млн тонн, крекинг-установок — 4,8 млн тонн.

Начинает функционировать первое в Куйбышевской области нефтедобывающее предприятие — трест «Сызраньнефть». В 1940 году добыча нефти составляла уже 208 тыс. тонн.

Послевоенные годы отмечены рекордными успехами: в 1958 году в области добывалось более 16 млн тонн, в 1965 году — 33,3 млн тонн. Добыча газа увеличилась в 1,9 раза. Нефтяники области опередили по добыче нефти старейший нефтяной район — Баку.

Становление нефтеперерабатывающей промышленности на территории Куйбышевской области начиналось в годы Великой Отечественной войны.

...Пройдёт совсем немного времени, и явятся другие люди. Другие будут масштабы освоения месторождений между Волгой и Уралом, а потом — в Сибири.

Сын фронтового фельдшера

...Нефть Поволжья и Западной Сибири прочно связана с именем истинного подвижника Виктора Ивановича Муравленко и его последователями и единомышленниками, в том числе братьями Цареградскими из Самары, линия судеб которых прошла, как на карте, по точкам, обозначенным буровыми вышками Поволжья и Сибири.

Родился В.И. Муравленко в кубанской станице Незамаевской, в семье фронтового фельдшера. После окончания школы в 1928 году пошёл работать помощником моториста в контору «Грознефтеразведка». Позднее стал студентом горного факультета Грозненского Нефтяного института. И одновременно трудился на буровой. После окончания в 1936 году института инженер по бурению был направлен в Баку, на буровую установку. Год служил в армии. С лейтенантскими «кубарями» в петлицах вернулся домой. В это время как раз начались работы по освоению нефтяных месторождений Средней Волги. Из старого Баку двадцатишестилетний Муравленко едет во «Второе Баку». В Сызранскую контору бурения начальником буровой установки.

Здесь он освоил и внедрил турбинное бурение. По его инициативе была построена первая в стране комплексно-механизованная буровая установка, где были собраны воедино все технические новинки в бурении. Со всех концов страны приезжали нефтяники посмотреть на эту буровую, которую называли «Муравленковской».

* * *

Благодаря самоотверженному труду нефтяников в 1942 году добыча нефти в Куйбышевской области возросла в 2,5 раза по сравнению с мирным 1940-м годом, а всего за время войны увеличилась в 5 раз.

За пять лет Великой Отечественной войны во всех нефтяных районах «Второго Баку» пробурено 956,5 тыс. м. против 764 тыс. м за пять предвоенных (1936-1940).

После окончания войны «Второе Баку» по своему народнохозяйственному значению выходило на первое место в стране, оно развивалось темпами, которых не знала нефтяная про-

мышленность за все годы своей истории. Куйбышевская область занимала одно из ведущих мест среди районов «Второго Баку».

Почти двадцать лет жизни отдал добыче нефти на территории Куйбышевской области В.И. Муравленко.

Ступеньку за ступенькой прошёл он здесь свои «буровые университеты» — от подсобного рабочего до руководителя крупнейшего в стране нефтяного главка. Вырос до руководителя треста, потом объединения «Куйбышевнефть», управления нефтяной промышленности Средне-Волжского совнархоза. Его имя прочно вошло в историю развития нефтедобывающих районов Среднего Поволжья и Западной Сибири, породнив их.

Именем Виктора Ивановича Муравленко названы города, корабли и месторождения. Тут, в Поволжье, окреп талант В.И. Муравленко. С 1965 года начальник главного Тюменского управления по нефтяной и газовой промышленности Совнархоза СССР активно создавал новую житницу страны в Западной Сибири. В памяти народной он остаётся как общепризнанный лидер в создании топливно-энергетической базы страны...

Результаты развития нефтяной фирмы «Главтюменнефтегаз» в Западной Сибири в годы руководства ею Героем Социалистического Труда Виктором Ивановичем Муравленко не имеют аналогов в России и в мире.

...Маленький штрих, который коснулся лично и моей жизни. Мне рассказывали старожилы, ветераны нефтеразведки, что место для закладки города Нефтегорска (тогда посёлка) в Куйбышевской области определил лично он начальник управления нефтяной промышленности Средневолжского региона Виктор Иванович Муравленко. Вопрос о месте расположения будущего города имел важное значение, ибо первоначально намеревались расположить его на территории моего села Утёвки. Старинному селу грозила участь либо раствориться в городской застройке, либо превратиться в пригород. И потерять своё лицо. Незавидной была бы участь и реки Самары (отрады нашего босоногого детства), которая течёт совсем близко от села. Этого не случилось благодаря Муравленко, который прислушался к опасениям утёвцев. Ему стала дорогой не толь-

ко огромная стройка, но и судьба села с 250-летней историей. Он определил городу место в полутора десятках километров в стороне от сельского районного центра. Многие жители села разных поколений благодарны ему за это. Имя его до сих пор на слуху в Нефтегорском районе.

Из породы людей, прославляемых в песнях

В Тюмени стоит памятник Юрию Эрвье, легендарному геологу, в период руководства которого управлением были открыты две с половиной сотни месторождений и ряд известных на весь мир уникальных, таких как Усть-Балькское, Самотлорское, Мамонтовское, месторождений нефти.

Тюмень чтит память замечательного геолога и человека, который основал в 1960-е годы и длительное время руководил Главным Тюменским геологическим управлением. Нефть и газ Западной Сибири были открыты благодаря поисковым работам, которые организовывал Эрвье и проводили геологи его управления.

В Сибири он оказался в начале 1950-х годов. Через несколько лет Ю.Эрвье создаст геолого-разведочный трест, в котором были объединены геологи, геофизики и буровики. У него много будет наград. Но по праву его личное обаяние, вручённое ему при рождении, — самое замечательное. В этом два первооткрывателя золота, один колымского — Ю.А. Билибин, другой чёрного — Ю.Г. Эрве, очень похожи.

Сын выходцев из Франции, он принадлежал к породе людей, которая прославляется бардами в песнях о геологах-романтиках середины и начала второй половины прошлого века. Свидетельствую: славное было время! На него счастливо пришлись мои незабываемые студенческие годы в Самаре.

Он сражался за свои убеждения до конца

Имя Фармана Салманова навечно занесено в книги почёта многих сибирских городов. Он один из первооткрывателей сибирской нефти. Герой Социалистического Труда, доктор геолого-минералогических наук, заслуженный геолог Российской Федерации.

Убедившись в бесперспективности поиска нефти в Кузбасе, где возглавлял разведочную экспедицию, он в 1957 году едва ли не тайком увёл свою геологическую партию в Сургут, туда, где работала «боевая дружина» Эрвье. Он был уверен: в Сургуте есть большая нефть! Рисковал. Вспоминал: «Шуму было много, мы же связь отключили. С должности хотели снять. Но в конце концов разрешили остаться. Сначала ютились на вокзале вместе с жёнами и детьми. А 21 марта 1961 года на мой любимый азербайджанский праздник — Навруз-Байрам — первая скважина в районе селения Мегион дала фонтан нефти». Потом Фарман Салманов принял участие в открытии и разведке более 100 месторождений нефти и газа в регионе. Счастливая жизнь!

Главный геолог, начальник Главного тюменского геологического управления («Главтюменьгеология»), первый заместитель министра геологии СССР является автором фундаментальных научных трудов, посвящённых формированию крупных месторождений нефти и газа.

«Премьер» нефтегазовой отрасли

Сияющему каскаду великих имён и знаменитых нефтяников принадлежит имя «премьера» нефтегазовой отрасли СССР Николая Константиновича Байбакова. Жизнь его содержит немало драматических событий.

Известно, что во время Второй мировой войны гитлеровцами были брошены к Тамани и далее к Баку и Грозному рвущиеся к нашей нефти войска вермахта.

В июле 1942 года на совещании штабов группы армий «Юг» Гитлер заявил: «Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, я должен покончить с этой войной».

Н.К. Байбаков с начала войны был назначен уполномоченным Госкомитета обороны по обеспечению фронта горючим. В 1944 году стал министром.

В своей книге «Нефтяной фронт» он потом напишет о том, как шла ликвидация скважинного фонда при приближении врага к промыслам, как поставляли и перебрасывали сырьё, как из ничего строили «Второе Баку» на пустом месте, как спасали «первое». Как ударными темпами внедряли бурение турбобуром, осваивали технологии наклонного бурения. Здесь

надо вспомнить, что, когда в 1938 году распалось геологическое предприятия «Востокнефть», было создано новое объединение «Востокнефтедобыча», задачей которого было не только разведка, но и добыча нефти на открытых недалеко от Куйбышева месторождениях. Начальником нового объединения тогда был назначен Н.К. Байбаков — будущий министр нефтяной промышленности, а потом — председатель Госплана СССР.

Размещалось объединение в Куйбышеве.

Трудно переоценить значение нефтедобычи в районе «Второго Баку» во время войны.

В июле 1942 года, когда Гитлер рвался к нефти Майкопа и Грозного, был пущен в работу Сызранский нефтеперерабатывающий завод. Первый эшелон бензина для фронта ушёл с завода в конце июля 1942 года.

Зарождение ведущей отрасли экономики Самарской области — нефтепереработки — началось именно с Сызранского нефтеперерабатывающего завода.

Потом, уже в сентябре 1945 года, вступят в строй действующих установки ЭЛОУ-1 и ККУ-1. Будет получена первая партия бензина А-56.

А в 1951 году начали действовать установки первичной переработки нефти Новокуйбышевского нефтеперерабатывающего завода. Неимоверный напор и энтузиазм первооткрывателей и нефтедобытчиков Поволжья и Сибири дали свой результат: на территории Куйбышевской области возник важнейший комплекс нефтедобывающей отрасли страны.

Много позже, когда в 1964 году в Тюменскую область прибыла группа ответственных работников ЦК КПСС и правительства во главе с Н.К. Байбаковым, председатель Государственного комитета нефтедобывающей промышленности, побывав на месторождениях, отметит: «Если по очередности мы этот нефтеносный район образно называем «Третьим Баку», то по значимости он является «Первым Баку». Огромную роль в освоении богатств Западной Сибири сыграло объединение «Тюменьнефтегаз». В середине шестидесятых статьи в местных газетах начинались часто со слова «впервые». Так оно и было!

В добыче нефти у страны были «шаги саженьи».

В 70-е годы прошлого столетия только годовой прирост нефти составлял более двадцати миллионов тонн.

Ученик Вернадского

Перечитывая воспоминания Нины Ивановны Серпуховой (в замужестве Савченко), касающиеся довоенной поры, много раз я встречал в них имя её мужа Василия Петровича Савченко, ставшего известным в стране геологом-газовиком, основоположником ряда направлений нефтяной и газовой геологии и геохимии. Он много сделает во благо земли Самарской, особенно во время войны, когда семья Савченко будет жить в наших краях.

Из воспоминаний Нины Ивановны Серпуховой:

«У нас с Василием Савченко было двое детей. Первенец — Вовка — родился 12.08.31 г. С Васей познакомилась в геологической экспедиции в 1930 г. Я только что окончила 3 курс Горного института, он учился на курс старше. Геохимиков перевели в Горный, и я его ранее не видела в институте. Жили мы у моих родителей, когда вернулись с экспедиции. Я развелась с Ионой и вышла замуж тут же за Васю. Тогда всё было просто: подала заявление в ЗАГС и в этот день оформила и развод, и новый брак. Второй сын Борис, когда ему было 1,5 года, умер осенью 1934 г. в Ленинграде, когда я была в экспедиции в Иркутске. Печальное сообщение узнала из письма от Василия и папы. По возвращению в Ленинград не застала в живых отца. Он умер в конце 1934 г. Семья моя всегда терпела нужду, средств было мало. Научно-исследовательская работа и экспедиции мало оплачивались. Помогала мне мама, Катя. Маме половину своей зарплаты высылал каждый месяц Юра, мой младший брат. Дочь Наталья родилась в сентябре 1940 г. В 1937 г. Василий ушёл из Радиевого института, где был аспирантом, затем научным сотрудником под руководством академика Вернадского. Перешёл на работу в геологическую разведку «Главнефтегаза» Наркомнефти и получал на тот период приличную зарплату. Перед рождением дочери я была депутатом райсовета, вела активную общественную работу. К началу войны Вася был зам. директора. Война застала нашу семью на даче под Ленинградом, которую сняли на лето. Тот год впервые Василий не поехал летом в экспедицию. Узнав о начале войны, Василий спешно уехал в Ленинград. В городе началась эвакуация заводов и жителей. Вскоре и я с детьми приехала домой, так как немцы наступали стремительно.

Гелиогазразведка, где работал Василий, была объявлена «военным учреждением специального назначения». Вася как зам. директора не мог уехать из города. Мама и Катя с детьми (Цареградские) не хотели уезжать. Катю война застала на даче под Москвой, где она со своими подругами и детьми намеревалась провести лето. Она вернулась в Ленинград. К этому времени у неё была 2-я группа инвалидности, туберкулёз.

Сестру Лену призвали в армию. Сестра Муся с Витенькой уехали из Ленинграда, я колебалась, не зная, что делать: остаться или уехать...

Вызвал председатель исполкома Добряков и сказал: «Не понимаешь, что ли, что тебе с двумя ребяташками, из которых одна грудная, оставаться в Ленинграде нельзя? Фашисты рядом. Уходят последние эшелоны. Устроим тебя в один из них». Позвонил Иона и предложил эвакуироваться с эшелоном вместе с сотрудниками его организации на Монетку, Урал. Уехала с детьми 12.08.41 г. в день рождения Володи, сыну исполнилось 10 лет. Вовке подарили в дорогу несколько красивых книг племянница Леля и её муж Дима. Ехали в вагоне по тем временам «с комфортом»: в теплушках были широкие нары и матрацы. В вагоне было сравнительно немного народа. В дороге видела теплушки, где взрослые стояли и строго соблюдали очередь на сидячие места. На Монетке поселились в 2-этажном доме, выделили отдельную комнату. Кухня была общая на три семьи. Купить что-либо было просто невозможно, разве что выменять. Паспортов в Монетке у населения не было, жили ссыльные, раскулаченные трудармейцы. Были они невыездными. Имели свои огороды и коров. Меняли мы на продукты одежду свою и детскую. Наталкины расшитые платки выручали и Вовкины детские красивые книги.

Были и хорошие воспоминания. Когда дочь, увидев блюдечко с красной клюквой, вдруг оторвалась от кровати и через всю комнату побежала к ягодам. До этого она ходила, только держась за стенки. Настал день, Вовка вбежал с телеграммой в руках и кричит: «Наш папа едет, он скоро приедет к нам». Вася дал телеграмму, как только его перевезли на военном самолёте через линию фронта. Он вскоре приехал на Монетку, побыл несколько дней. Договорились, что он вышлет вызов, как только сам устроится в Бугуруслане. Мы ждали вызов, так как по железной до-

роге проезд без особого на то разрешения запрещён. Наконец получили от Васи телеграмму, что он в Бугуруслане и на днях вышлет вызов. Иона проводил нас до Свердловска и отдал свой недельный хлебный паёк. Мой и детский паёк удалось получить за неделю. Кроме пайка, взяла с собой варёную картошку. В Свердловске дала Васе телеграмму, что выехала. Эту телеграмму Вася получил только тогда, когда я уже жила три дня в Бугуруслане. Дорога была тяжёлая, еды нам не хватило, и мы два дня с Вовкой были на воде. Дочь кормила грудью. Состав пассажиров теплушки постоянно менялся. Большой давки не было. Чем дальше мы отъезжали от Свердловска, тем сытнее становились люди, входившие в теплушки. Как ни тяжело мне было на Монетке, но если бы не помощь Ионы, вряд ли я и мои дети остались живы... Того же мнения придерживался и Василий.

...Наконец-то мы проехали Похвистнево, Волчьи ямы и прибыли в Бугуруслан. Я стала искать глазами Васю, но его не было. С ужасом узнала, что город находится в нескольких километрах от вокзала. Я спросила одного дядьку, как мне добраться до города. Он ответил, что дорога одна, не ошибёшься... Таким образом мы оказались в Бугуруслане».

Первый газовый фонтан

Академик И.М. Губкин ещё в 1930-х годах предположил наличие газовых месторождений в Саратовской и Волгоградской областях.

Начатые поиски газа в 1939 году под Саратовым при участии профессора Саратовского университета Б.А. Можаровского и заместителя начальника главнефтегаза В.М. Сенжова привели к открытию крупного месторождения. В 75 километрах от Саратова, в Теплове, в 1940 году ударил первый мощный газовый фонтан.

В октябре 1941 года у села Елшанка пробуренная скважина давала 800 000 кубометров газа в сутки.

Шла война. Уже в первые её месяцы «запасная столица СССР» остро почувствовала нехватку топлива. Из-за оккупации Донбасса на Куйбышевскую ГРЭС и БТЭЦ прекратилась поставка донецкого угля марки АШ, уголь, поступающий из Караганды, был плохого качества.

На Безымянке возводились крупные авиационные заводы и другие объекты оборонного значения. Нужен был газ для перевода на него Куйбышевской ГРЭС и Безымянской ТЭЦ.

Запасы газа к этому времени были разведаны на границе Куйбышевской и Оренбургской областей, около Похвистнево и Бугуруслана.

Для бесперебойного снабжения предприятий Безымянки топливом было решено в кратчайшие сроки проложить гигантский по тем временам газопровод, по которому можно было подавать в запасную столицу газ из районов Оренбургской области.

Секретное постановление № 1563 от 7 апреля 1942 года «О строительстве газопровода Бугуруслан-Куйбышев» подписал председатель Государственного Комитета обороны СССР Иосиф Сталин. Подача газа должна была начаться уже в декабре 1942 года.

В мае 1942 года организовали управление строительства газопровода Бугуруслан-Куйбышев. Длина основной магистрали газопровода — 144 километра, протяжённость газосборной сети — 45,5 километров.

Работы поручили вести тресту «Азнефтегазстрой».

Тогда-то (о чём пишет в своих воспоминаниях Нина Ивановна Серпухова), в апреле 1942 года, из блокадного Ленинграда в Бугуруслан на должность главного геолога треста «Бугуруслангаз» в связи с созданием центра газовой промышленности в Бугурусланском районе и строительством газопровода на Москву и был направлен Василий Иванович Савченко.

В это время ему было тридцать восемь. До этого, в 1925 году, когда ему шёл 21-й год, после окончания рабфака он поступил на геолого-разведочный факультет Ленинградского Горного института. В 1932 году его окончил. Обучение в аспирантуре под непосредственным руководством академика В.М. Вернадского оказало сильное влияние на мировоззрение В.П. Савченко. Руководство В.И. Вернадского определило направление и методологию исследований В.П. Савченко в области геохимии природных газов и образования газовых залежей. Он проводит полевые работы на нефтяных месторождениях Башкирии, Азербайджана, Северного Кавказа, Кубани.

С 1937 года В.П. Савченко работал в Гелиогазразведке «Главнефтегаза» Наркомнефти, руководил региональными ис-

следованиями газоносности подземных вод. Эти работы важны для оценки перспектив газоносности недр.

Прифронтовой город Саратов остро нуждался в топливе. В 1942 году Правительство принимает решение о строительстве газопровода от Елшанки до Саратовской электростанции. 28 октября 1942 года природный газ на Саратовскую электростанцию был принят.

У села Елшанка и деревни Курдюм было открыто второе месторождение газа. От него проложили второй газопровод. Позже газ обнаружат под Саратовым на Соколовой горе и Песчаном умете.

В 1942 году под Бугурусланом под руководством уже В.П. Савченко и В.М. Алешинского обнаружат крупное месторождение природного газа.

Не хватало труб. По решению Государственного Комитета обороны (ГКО) использовали бездействующие трубы газопровода в Ишимбае, газопровода Избербаш-Махачкала. Часть газопровода из-за нехватки и этих труб изготовили из асбоцемента. Впервые в СССР был смонтирован газопровод из асбоцементных труб длиной 21 километр.

Вторая нитка газопровода Бугуруслан-Куйбышев была сооружена полностью из металлических труб.

Бугурусланский газ поступил в Куйбышев в сентябре 1943 года. Куйбышев (Самара) и Саратов стали первыми городами Советского Союза, в которых природный газ стал широко использоваться в промышленных целях.

В 1970 году в сельских районах началось массовое строительство магистралей местного значения для подачи сетевого газа. Первым селом, куда пришло «голубое топливо», стали Белозёрки Волжского района. Это произошло 27 марта 1971 года.

Все сёла Волжского района подключили к сетевому газу уже в середине 70-х годов. Начались работы по прокладке местных газовых магистралей в Ставропольском, Красноярском, Безенчукском, Кинельском, Сергиевском и ряде других районов области. Обеспечение «голубым топливом» сёл и деревень ещё более улучшилось после того, как 17 февраля 1974 года был введён в эксплуатацию газопровод Оренбург — Куйбышев.

С конца 70-х годов началась массовая прокладка газовых магистралей к населённым пунктам Красноармейского, Не-

фтегорского, Приволжского, Кинель-Черкасского, Большеглушицкого, Шенталинского и других районов.

Газификация сёл имела грандиозное значение, особенно лесостепных и степных районов, где затраты жизненных сил, времени на заготовку топлива были столь велики, что определяли в значительной степени весь жизненный уклад сельского человека. Я жил в то время в селе, детство было связано с непростыми заботами по заготовке дров, кизяка на зиму. И это только часть неотложных дел, вереницей ждущих своей очереди...

...Семья Савченко проживёт несколько лет в нашем крае. В 1944-1950 годах Василий Петрович — главный геолог треста «Куйбышевгаз», директором которого был Н.В. Черский, в будущем академик и организатор Якутского отделения АН СССР.

В 1950-1956 гг. В.П. Савченко — главный геолог, заместитель начальника «Главнефтегаза» Министерства нефтяной промышленности СССР. С 1956 года — доктор геолого-минералогических наук, профессор, руководитель лаборатории гидрогеологии во ВНИИнефти. В 1957 году он создал лабораторию поисков и разведки газовых месторождений во ВНИИГАЗе, которой руководил до конца жизни.

Сын Нины Ивановны и Василия Петровича Савченко — Владимир Васильевич (в своих воспоминаниях Нина Ивановна зовёт его Вовкой) — также сделает немало в области разработки газовых и газоконденсатных месторождений. Станет доктором технических наук, профессором, лауреатом премии РФ.

Удивительная семья! Какое плодотворное участие всех Савченко и Серпуховых в нашей общей жизни!

* * *

И всё же назовём и самых-самых первых. Не маститых, не именитых. Тех, которых если и знаем, но помним ли?..

В 1864 году полковник А.Н. Новосельцев пробурил первую на Кубани нефтяную скважину. Потом, уже в советское время, эту дату основательно закрепят, и с 1964 года (через столетие) ежегодно будет отмечаться День работников нефтяной и газовой промышленности.

А Западная Сибирь? Первооткрыватели «чёрного золота» — нефти — в Сибири? Кто они?

Иван Михайлович Злыгостев

Бывший красноармеец Иван Михайлович Злыгостев. Это имя в наше время отчётливо прозвучало в сборнике «Западная Сибирь: история поиска»¹. Человек этот из числа подвижников. Откуда он родом, сколько ему было лет, какое имел образование? Всё это пока неизвестно. Члены творческой группы проекта сборника, работая с архивными материалами в фондах Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа, потрудились немало.

* * *

В октябре 1933 года И.М. Злыгостев по заданию научно-исследовательской экспедиции Северо-Уральского треста отправляется в село Цингалы. Прибыл он туда 8 октября 1933 года, добираясь четыре дня вверх по течению на лодке.

Начальник экспедиции Н.И. Смецкий просит его перед отправкой «обследовать месторождение нефти»...

Основным заданием для Злыгостева был поиск следов забытой экспедиции Спиридона Николаевича Пуртова, первого, кто предпринял попытку найти нефть ещё накануне Первой мировой войны.

Иван Михайлович Злыгостев задание выполнил, представил в конце 1933 года отчёт о своей работе.

Он пишет:

«...Мной были вызваны через посредство нарочных участвующие в работе экспедиции по изысканию нефти в довоенное время Пуртов Максим Николаевич из д. Цингалы и Куклин Михаил Осипович (с рыбалки за 20 км). Пуртов пояснил следующее. Его двоюродный брат Пуртов Спиридон Николаевич, проживающий в Омске, служил на солеваренном заводе одного из предпринимателей Христофора Абрамовича. Сюда он приезжал для изыскания нефти.

...10 октября 1933 года вызванный мной Куклин М.О. пояснил: в середине июля 1912 года приезжал из Омска Пуртов Спиридон Николаевич и с ним два человека. В урочище Превесный Сор — около 6 км от Цингалов — находился ключ, из которого вытекала маслянистая вода, цветом похожая на

¹ Авторский коллектив: В.В. Патранова, О.А. Соляр, Л.В. Цареградская.

нефть. Они взяли её в бутылки и отправили в Тобольск или Омск — точно не знают. Через три недели приехали инженеры — человек восемь, они привезли на пароходе трубы и всевозможные буровые приспособления.

Куклин слышал от них, что работу хотели продолжить и в следующем году. Инструмент и трубы остались в д. Цингалы, потом их увезли, но часть осталась в земле».

Злыгостев всё же обследовал место, где Спиридон Пуртов искал нефть. Указал координаты. Была высокая вода, и обнаружить нефтеносные ключи не удалось.

...Но он отыскал рыбака Салтыкова, который когда-то видел, как бурили скважину на нефть люди Пуртова. Тот пояснил, что наткнулся на яму, труб не обнаружил, но слышал, что верхние трубы якобы сняли, а остальные остались в земле.

Увы, ключи, которые обследовал Пуртов в 1912 году, оказались на дне пруда, где рыбаки поставили плотину.

Местные жители говорили, что в районе плотины рыба не живёт, не живёт она и там, где сам Злыгостев набрал в бутылку пробы воды из обнаруженных ключей «с оттенками синемасляничными, плавающими на воде и похожими цветом на нефть».

Он оказался добросовестным и скрупулёзным человеком, благодаря ему известны детали первой экспедиции, которая пыталась найти нефть в Западной Сибири.

И.М. Злыгостев выяснил, где живёт Пуртов, и пишет начальнику экспедиции Смецкому, пославшему его в Цингалы:

«По частным сведениям, Пуртов Спиридон Николаевич проживает в городе Павлодаре на Иртыше, имеет двух сыновей — Александра и Сергея, будто бы один в Барнауле, другой в Павлодаре или в Семипалатинске. Необходимо сейчас же принять меры к розыску Пуртова и его сыновей, так как Пуртов мог бы дать ценные материалы об изыскательских работах на нефть, в которых сам принимал участие. Меры к розыску Пуртова, полагаю, можно предпринять через органы ГПУ на местах или милицию».

Были ли сделаны какие шаги для поиска Пуртова, остаётся неизвестным.

Энтузиаст стучался во многие двери, добываясь основательной проверки и своих проб, которые он передал через геолога

Скворцова в трест «Востокнефть», и организации новой экспедиции.

Наконец в августе 1934 года трест снарядил экспедицию в округ во главе с геологом В.Г. Васильевым. Васильев с экспедицией «Востокнефть» побывал в Цингалах, потом на Югане.

...Злыгостев 29 сентября получил телеграмму из окрисполкома: «Геологоразведка Цингалах закончилась тчк Результат отрицательный тчк Ваше присутствие не требуется». Увы. Таков исход. Менее трагичная история, но чем-то похожая на усилия Розенфельда и Бориса Шафигулина в поисках золота на Колыме, безуспешных в их время, но давших масштабные результаты впоследствии...

* * *

Осенью 1932 года в долине реки Юган, в 50 километрах от посёлка, у подножия гор, техник кирпичного завода «Обьгосрыбтреста» административно-ссылный А.Г. Косолапов обнаружил выход нефти в районе реки Большой Юган. Он писал:

«Летом 1932 года в июле и августе при самом низком уровне воды в реке Юган я наблюдал выход нефти на поверхность. В самом фарватере реки, метрах в 5-ти от высокого левого берега, периодически, приблизительно минут через 15 появлялась нефть. В одних и тех же двух точках поверхности воды (глубина до 6 метров) фонтанообразно выплывала нефть — каждый раз в количестве до стакана в каждой точке и в характерной форме жировых пятен уносилась течением...»

Докладная записка техника Косолапова попала на стол первого секретаря Остяко-Вогульского окружкома партии Артура Яновича Сирсона. Он поручил проверить сведения о выходе нефти на реке Юган Платону Ильичу Лопарёву — уроженцу села Самарова, изветному герою гражданской войны.

Авторы сборника приводят отчёт, составленный П.И. Лопарёвым и обнаруженный ими в Государственном архиве Ханты-Мансийского автономного округа:

«...Не имея возможности получить документальные материалы (пробы), я собрал имеющиеся у населения сведения по данному вопросу и мобилизовал внимание общественности и актива села Юган к продолжению наблюдения за жировыми

пятнами на реке Юган, указал способы взятия проб для анализа и порядок отправки их в лабораторию станции, — сообщал Лопарёв. — Суммируя полученные материалы, я делаю следующие обобщения. Жировые пятна (круги, полосы разного размера, длины и ширины) наблюдались местным населением давно у возвышенного берега реки Юган, у самого села Юган, а теперь и у самого кирпичного завода «Обьтреста»...

...С появлением на Югане катеров местное население обратило внимание на исключительную схожесть пятен на Югане с нефтью, выбрасываемой катером.

...Опросив местных товарищей-активистов, трёх административно-ссылных, я пришёл к убеждению, что собранный материал даёт мне право на следующее заключение: наблюдаемые при низких горизонтах воды пятна на р. Юган необычно для севера происхождения, и, что более всего вероятно, мы действительно имеем естественный выход нефти...

...Если имеющиеся в округе сведения о признаках нефти... подтвердятся, то область будет иметь колоссальную нефтеносную территорию, расположенную на исключительно мощных и экономически удобных водных магистралях Оби и Иртыша». (Там же).

* * *

...Поиски нефти в Западной Сибири, организованные И.М. Губкиным, основывались не только на научных представлениях об особенностях строения Западно-Сибирской геологической провинции, но и на свидетельствах (письменных и устных) о нефтепроявлениях в этих районах людей пытливых и деятельных. Вот где смыкаются воедино предвидения учёных-первопроходцев и подвижнический труд обычных старателей.

То же происходило при поисках и открытиях месторождений золота в Сибири. Я написал: «обычных старателей». А так ли это? В их судьбах столько интересного и поучительного...

Проведение поисковых работ в условиях, далёких от обычной жизни, уже само по себе требует мобилизации сил, навыков, умения, смекалки, находчивости. Всё это заслуживает особого внимания!

Выпускник Московского нефтяного института

...В середине 30-х годов, когда Виктор Григорьевич Васильев возглавил первую экспедицию по поиску нефти в Западной Сибири, ему было чуть больше 24 лет. Тот же практически возраст, что и у Билибина, и Цареградского в период их Первой Колымской экспедиции. Их экспедиции проводятся почти в одно и то же время. Только Васильев искал нефть, Билибин с Цареградским — золото.

В 1934 году, окончив обучение в Московском нефтяном институте и получив диплом инженера-геолога, он приехал работать в Уфу в трест «Востокнефть». До этого практику проходил в Восточной Сибири, участвовал в экспедициях по реке Лене, в верховьях Нижней Тунгуски, Ньюи, Чоны... И влюбился в Сибирь!

2 октября 1934 года на внеплановом бюро окружкома партии Васильев сделал доклад по материалам 1-й экспедиции о результатах изыскания нефти в округе. Встал вопрос: либо бурение, либо продолжить геологические работы. Постановили: просить т. Васильева максимально сократить сроки окончательной обработки материалов о юганской нефти...

В статье «К вопросу о нефтеносности Обско-Иртышской области» Васильев писал: «Если два года тому назад мы только говорили о возможности нефтепроявлений в обширных пространствах Сибири, то в результате работ этого года они стали реальным фактом».

Чуть позже, в конце 1934 года, его приглашают в Москву для доклада. На заседании, проводимом в Главном геологическом управлении Наркомтяжпрома, которым руководил академик И.М. Губкин, было принято решение о выделении внеплановых средств на две (летнюю и зимнюю) экспедиции в Западную Сибирь в 1935 году.

Экспедиция получила название «Обь-Иртышской». Возглавил её Виктор Григорьевич Васильев, заместителем он предложил быть Родиону Гугалю. Они вместе учились в Московском нефтяном институте, но у Р. Гугаля не было ещё защиты диплома. Он защитит его по результатам экспедиции на тему «Проект разведки нефти в районе рек Малого и Большого Югана». И вновь удивляешься похожести этого союза двух геологов на

тот, который чуть раньше возник между Билибиным и Цареградским во время их первой совместной экспедиции.

На основе материалов Обь-Иртышской экспедиции Васильев написал книгу «Геологическое строение северо-западной части Западно-Сибирской низменности и её нефтеносность».

Молодой учёный предвидел нефтеносность Ханты-Мансийского округа.

* * *

...Наступят новые времена, придут другие люди, будет другое оборудование, другие ресурсы.

В 70-е годы прошлого столетия только в освоенных нефтегазовых регионах планировалось добывать до 355 миллионов тонн нефти и около 220-240 миллиардов кубометров газа. «Планов громадьё» захватывало дух.

На открытые месторождения в российской глубинке возлагались большие надежды, тем более в несколько пошатнувшемся положении страны на мировом рынке экспорта нефти и газа. Возникали возможности значительных финансовых вливаний в экономику страны. Не за счёт традиционно национальных источников, а с помощью продажи на экспорт нефти. Тогда уже появилась эта пресловутая «нефтегазовая игла», на которую подседа страна...

* * *

...Так получилось, что в 60-х — начале 70-х годов, в пик больших открытий нефти в этом регионе, имя начальника первой геологической экспедиции особо не звучало. Хотя в Восточной Сибири у него было много единомышленников, которые помнили о его заслугах.

* * *

...Пришло время, и трест «Востокнефть» прекратил работы в Западной Сибири, а результаты исследований Васильева надолго будут забыты. Поиск нефти переместился в другие районы.

...Трест в 1936 году переезжает из Уфы в Куйбышев (теперь Самара). Вместе с трестом прибыл и В.Г. Васильев.

Он ещё побывает в те годы в Западной Сибири. Но, как было сказано ранее, в Поволжье будет открыто Сызранское месторождение нефти. Начнётся не только разведка, но и бурение.

...При геолого-поисковой партии треста «Востокнефть» будет создана центральная научно-исследовательская лаборатория (ЦНИЛ). Васильев становится её директором. Это было его дело. Он всегда стремился к исследовательской деятельности. Ещё во время экспедиций в Западную Сибирь он брал с собой походную лабораторию и сам проводил необходимые опыты и анализы.

Теперь, став директором ЦНИЛ, он с энтузиазмом берётся за изучение огромного количества тем. Решение намеченных задач сулит большую экономию средств на бурение. Его работы дают весомые результаты.

В 1941 году, в возрасте 31 года, В.Васильев назначается руководителем Всесоюзного научно-исследовательского геологического института. Через год становится главным геологом «Куйбышевнефтекомбината».

С 1943 по 1948 год он управляющий трестом «Союзгазразведка», начальник главка.

После разгрома немцев под Сталинградом В.Васильев занимается поиском газа в Поволжье. Результат — открытие Арчдинского газового месторождения.

Масштаб и разносторонность деятельности В.Г. Васильева восхищают. После служебной командировки в Соединённые Штаты Америки, в 1945 году он напишет книгу «Разведка и бурение на газ и нефть в США», возглавит закупку оборудования для страны. (Вспомним другого волжанина А.П. Серебровского.)

В этот период постоянным местом его жительства были Москва и наш Куйбышев (ныне Самара).

В качестве управляющего трестом «Монголнефть» с 1948 года в течение пяти лет он работает в Монголии.

В пятидесятых годах пошли слухи, что геологи допустили ошибку в оценке перспектив нефтяных запасов в Монголии, под которые был построен нефтеперерабатывающий завод. Комбинат работал не на полную мощность. Виктора Григорьевича пригласили в ЦК партии на беседу. Результатом её стал первый инфаркт. Потом будут ещё инфаркты.

Но сын череповецкого кузнеца и трепальщицы льна — Виктор Григорьевич Васильев успеет сделать много и в науке. По вопросам нефтяной и газовой геологии и разведки нефтяных и газовых месторождений им опубликовано около 380 статей, брошюр и книг объёмом более 300 авторских листов.

Он постоянно участвует в экспертизах по вопросам развития газовой и нефтяной промышленности.

Опубликованные на протяжении многих лет труды легли в основу докторской диссертации «Научное обоснование методики оценки перспектив нефтегазоносности Сибири и пути повышения эффективности поисков разведочных работ на газ».

Диссертация была защищена в Москве в 1970 году в институте геологии и разработки полезных ископаемых.

С 1964 года В.Васильев трудится в Государственном комитете по газовой промышленности (в 1965 году преобразован в Министерство газовой промышленности СССР), возглавляет Геологическое управление, становится членом коллегии Мингазпрома.

В.Васильев был одним из авторов Генеральной схемы развития газовой отрасли, всячески способствовал ускоренной разведке месторождений. Являлся автором комплексных проектов освоения Западной Сибири.

В 1967-70-х годах он разрабатывал программу развития газовой отрасли до 2000 года. Прогнозы его подтвердились.

При смене руководства газовой промышленности В.Г. Васильев оказался... на пенсии. Ему было чуть больше шестидесяти. При такой энергии, разносторонности дел и нереализованных замыслах остаётся за бортом активной жизни!

Виктор Григорьевич серьёзно заболел.

...В сборнике «Западная Сибирь: история поиска» приводится воспоминание участницы встречи ветеранов нефтяной и газовой промышленности 23 апреля 1973 года в Москве Татьяны Германовны Овчинниковой:

«...Всё шло своим чередом, пока на сцену не вышел гость из Тюмени, по её словам, то ли журналист, то ли писатель. Не скрывая удивления, он произнёс: «Я только что узнал, что в этом зале находится Виктор Григорьевич Васильев, а мы в Тюмени думали, что он давно умер. Я бы хотел пригласить его на сцену и попросить рассказать о том, как он искал нефть в Западной Сибири».

На сцену поднялся бледный седовласый мужчина. Было видно, что он очень взволнован. Произнеся первую фразу, стал медленно оседать. Устроители вечера поспешили закрыть занавес и пригласили на сцену врача. Но тот уже ничем не мог помочь, он констатировал смерть. Виктору Григорьевичу Васильеву через пять дней исполнилось бы 63 года».

Сердце геолога, привыкшее переносить огромные перегрузки в экспедициях, на этот раз не выдержало.

Моменты жизни, когда он 24-летним геологом возглавлял первую успешную экспедицию по поиску нефти, были бесконечно дороги ему.

Вести из Сургута

Читаю письмо от Евгения Васильевича, теперь уже мастера буровой бригады. Пишет: «...Книжки Цареградского о его экспедициях получил. Спасибо за ксерокопии статей. Всё очень интересно. И мне, и моему пятикласснику сыну. Читали по очереди. Он рассказал о геологах в школе своим ребятам. И началось! Неделю назад его класс пригласил меня на встречу. Я не ожидал, что мой рассказ о золотоискателях, о далёкой Колыме встретят с таким интересом.

Завуч просил рассказать ещё и старшекласникам. Я обещал. Но два раза уже откладывал: не хватает на всё времени. Вы говорили, что у Вас есть видеокассеты на эту тему? Вот бы ребятам показать! «Записки» свои пишите, невзирая на обрушившиеся болячки. Вы затеяли хорошее и нужное дело...»

«Бедняга» Евгений, он попал в такую же ситуацию, как и я, — подумалось мне, — ребятки не оставят в покое».

Далее он пишет:

«...Вы просили узнать что-либо о Викторе Григорьевиче Васильеве. Есть кое-что.

Мы с вами отстали. Ещё в 2006 году на мемориале «Звёзды Югры» в Ханты-Мансийске появилось новое имя — Виктор Григорьевич Васильев, а 26 сентября 2012 (я уточнял даты) администрацией Сургутского района в деревне Юган, на ул. Центральной, был установлен памятный знак в честь геологов-первопроходцев — участников Обь-Иртышской геологической экспедиции треста «Востокнефть» (1934-1935 годы). Авторы

проекта: Александр Груздев и Лилия Цареградская — жена старшего из Цареградских в Сургуте, Юрия. Её жизнь с 1970-го была связана с округом. С музеем геологии, нефти и газа начала сотрудничать с момента его открытия, с 2003 года, и эта связь продолжалась до последних дней жизни...

...Мне обещали ксерокопию статьи о Лилии Цареградской. Как получу её, тут же вышлю. Успехов!»

Дом с яблоневым садом

Усилия геологов, нефтяников, старателей, энергетиков, работников разных уровней в начале 70-х годов прошлого века встряхнули сибирскую тайгу, да так, что мир изумился!

Это время легко потом назовут застойным.

По силам ли нам в наше время, спустя 40-45 лет, свершить такое?

Вернёмся к семейству Цареградских. К братьям Юрию, Олегу и Валентину, положившим начало одной из династии буровиков Сургутской нефти, к истории жизни племянников Валентина Александровича Цареградского. Узы дружбы, дух землячества — они так много значат порой в жизни. Скажут мне, что эти понятия в теперешнее время, эгоистичное и чёрствое, утратили свою ценность? Я не тороплюсь соглашаться...

Город Самара, Днепростроевская, 7. По этому адресу совсем недавно ещё стоял деревянный дом. Дом без присмотра недавно сгорел, а вот яблони в саду этой весной цвели буйно.

Здесь — родовое гнездо братьев-нефтяников Цареградских в городе Куйбышеве. Начнём рассказ с истории этого дома.

Дом был куплен на средства родителей Александра Михайловича и Марии Михайловны Цареградских, когда те уехали из села Никольское жить в Москву, в квартиру своего старшего сына Валентина.

Александр Александрович, или, как с детства его звали все Цареградские, Шур Шурыч, был дважды женат.

Первая жена его, Александра Ивановна Хайдарова, родом из Ульяновской области, 1904 года рождения. Она окончила Ульяновский педагогический институт, затем Самарский медицинский институт. Работала фармацевтом и заведующей аптекой на площади Революции в Самаре.

Познакомились они в Ульяновске, когда там Александр Александрович работал изыскателем.

Брак распался.

Хайдарова растила дочь одна, жила с мамой и дочкой Лией. Замуж более не выходила. Жили они на ул. Коммунистической. В период Великой Отечественной войны работала с 1941-го по 1945 год в эвакогоспитале в с. Рачейка в Сызранском районе, находившемся на базе отдыха. В это время Лия Цареградская жила с бабушкой в Куйбышеве. Когда ей исполнилось 7 лет, пошла в 28-ю школу. Учились, по рассказам самой Лии Александровны, по два часа в день. За период обучения с 1-4 класс поменяла шесть школ. С продовольствием было плохо, и бабушка попросила дочь забрать к себе внучку, так как не могла её прокормить. Лия стала помогать маме в госпитале. После войны она учится в 24-й школе г. Куйбышева.

Окончив её на «хорошо», поступила в 1950 г. в Куйбышевский медицинский институт. После окончания института молодого врача терапевта направляют в Свердловскую область, в Тугульскую районную больницу. Там она знакомится с будущим мужем Николаем Хирновым, акушером-гинекологом из Грозного, чеченцем по национальности. Выходит замуж и переезжает вместе с мужем на его родину. В 1958–1965 годах работают в городской больнице Грозного. С 1965 года Лия Александровна живёт в Адлере. В 1961 году у них рождается дочь Наталья. После окончания школы Наталья едет в Куйбышев, поступает в мединститут. В студенческие годы выходит замуж. После окончания вуза вместе с мужем, педагогом Анатолием Беликовым, приезжает в Адлер.

Хайдарова Александра Ивановна работала в аптеке до 58 лет. Умерла в феврале 1992 года после продолжительной болезни. Похоронена в Самаре.

У Натальи двое детей — сын Никита и дочь Кристина Беликовы. Они окончили самарские вузы. Живут и работают в Самаре. Он инженер, Кристина преподаёт английский язык в одной из самарских школ.

Лия Александровна всегда тепло отзывается о своём отце. Бабушка наставляла её непременно общаться с ним. Лия часто бывала в доме отца на Днепростроевской и знала всех его родных. Бывала в гостях в Москве у тёти Гали Кулигиной (Ца-

реградской) в 1954 году, у тётки Тани Цареградской в Златоусте. Отец её отправлял гостить к своим сёстрам вместе с сыном Олегом. По мере взросления она общалась с братьями. Юрий, Олег, Валя¹ и Тамара бывали у неё в Адлере частыми гостями.

Лия Александровна, выйдя второй раз замуж, поменяла фамилию. Сейчас она Заславская. Ей теперь 85 лет, она ещё работает на полставки врачом терапевтом в Сочи.

Брак между Александрой Ивановной Хайдаровой и Александром Александровичем Цареградским распался после того, как Александр Александрович встретил Гудкову Евгению.

Он часто пропадал по долгу службы в выездных партиях, дома бывал редко.

В одной из поездок Александр познакомился с Е.Гудковой. Она только что окончила гидромелиоративный техникум в Оренбурге, откуда родом. Отец её в то время — начальник Оренбургской железной дороги. Они стали встречаться. Дружба переросла в любовь. Ему к этому времени было 31, ей 21 год. 21 мая 1935 года родился первый сын в семье Александра Александровича и Евгении Александровны Цареградских, Юрий — в будущем родоначальник династии нефтяников Цареградских. В помощь молодой семье в Куйбышев приехала тётка матери Александра Праша (Прасковья Гавриловна Гуцина) из Ульяновской области. Праша прожила в семье Александра Александровича до 1946 года. Потом жила в семье старшей сестры Галины Кулигиной (Цареградской) в Волгограде, затем в Москве.

В 1940 году в семье Александра и Евгении Цареградских рождается второй сын — Олег, в 1946 — третий сын — Валентин, названный в честь старшего брата отца, геолога.

Все три брата будут всю свою трудовую жизнь связаны с буровыми работами, с разведкой нефти и её крупномасштабной добычей. То есть с той тяжелейшей работой, без которой все усилия именитых учёных-первооткрывателей и порой безвестных азартных самоучек так бы и не достигли тех масштабных результатов, какими они оказались сегодня благодаря многотысячной армии буровиков.

---

¹ Юрий, Олег, Валентин — сыновья от второго брака Александра Александровича.

Евгения Александровна с рождением детей не работала. Трудился один Александр Александрович, успевая присматривать и за домом, и за садом.

Сюда, в дом на улицу Днепростроевскую, часто приезжали родители Шурыча: так называла своего хлопотливого мужа Евгения Александровна, брат Валентин со второй женой Марией Яковлевной, сестра Галина с мужем Николаем Кулигиным, сестра Татьяна из Читы. Имеется несколько фотографий того периода. Семья и весь род Цареградских отличался радушием и гостеприимством. Хозяин дома ценил домашний уют. Писал трогательные стихи, часто посвящая их своей жене Евгении. Посылал свои стихи и своей дочери Лии (дочери от первого брака) в Грозный, в Сочи. Евгения Александровна постоянно писала письма родственникам мужа. Стараясь, чтобы родственные отношения не прерывались. У Лии до сих пор хранятся её письма и стихи отца. Склонность писать стихи у Цареградских — черта наследственная. Стихи писал и отец его Александр Михайлович. Сохранились самодельные открытки с трогательными рисунками и любовными стихами, посвящёнными Марии Михайловне. Их автор — её муж Александр Михайлович.

Велико было влияние на детей атмосферы дома Цареградских, всего окружения. И, конечно, именитого дяди-геолога Валентина Александровича Цареградского.

Они часто слышали на кухне чтение стихов отца, посвящённых то жене, то брату Валентину.

Александр Александрович детей любил, но не баловал. Учил их трудиться. Они следили за порядком в саду, занимались посадкой картофеля, помогали в строительстве дома. В частном доме с большим садом дела всегда найдутся. На старшем, Юре, лежала обязанность следить за младшими братьями везде: на улице, в школе, на рыбалке. Они подчиняться должны были беспрекословно. Такова была установка отца. Это потом в известной мере перешло и во взрослую жизнь: «старшой» всегда был опорой двум своим младшим братьям.

Велико было влияние матери, Евгении Александровны, на сыновей. Да и на их отца. Дом сиял от добрых глаз.

Сыновья старались ничем не огорчать мать. Учились они все хорошо. Юрий и Олег самостоятельно овладели игрой на баяне. Юрий здорово играл на гармошке. Это так по-русски.

Младший Валентин находил время для занятий в техническом кружке. Он увлекался радиотехникой...

Дети росли трудолюбивыми и честными. Родной их дядя Валентин Александрович был Юрию, Олегу, Валентину ещё и за деда. Дети своего деда Александра Михайловича не знали. Он, как мы знаем, в июле 37-го был арестован и вскоре расстрелян.

Конечно, брат отца — генерал, Герой Социалистического Труда Валентин Александрович Цареградский был кумиром для ребят. Когда он гостил у них, то часто рассказывал об экспедициях в Якутию, Чукотку. О поисках золота, олова, меди, об удивительной природе Севера. Младший из братьев был назван в его честь. Как не зародиться тут желанию быть достойными знаменитого родственника!

Кто знает, возможно, рассказывая ребятам о своих экспедициях, знаменитый геолог вспоминал те замечательные дни своего детства, когда в Никольском старый сторож, завзятый охотник, рыбак и путешественник Иван Васильевич Медвежонков, повествовал о своих приключениях. Зародив тем самым в них дух первопроходцев. Вполне возможно, что Юрий и Олег поступили на факультет бурения с одобрения дяди. Разведка недр — это так близко к делу его жизни. Замечателен его подарок — книга «Планетарная геология» с авторской научной статьёй своему тёзке — племяннику младшего из братьев Цареградских Валентину с надписью: «...Пусть эта работа будет служить тебе напоминанием о необходимости совершенствования постоянно твоих знаний и о том, что тебе самому нужно оставить след в науке. Всегда помни, что мы смогли получить образование на народные средства и мы в долгу у народа. Валентин Цареградский-старший. 8 февраля 1969 г., г. Москва».

У кого из нас был в детстве такой замечательный наставник?!

Выбирай, что по душе!

Вспомнился мой выбор профессии. В школе, мне сейчас это кажется странным: никаких разговоров с учителями о выборе профессии не было. Родители имели по одному классу образо-

вания. Жили трудно. Может, потому были мудры и немногословны.

На вопрос, не поступить ли мне учиться на учителя литературы, мама ответила:

— Хочется тебе вечерами, как наша соседка, квартирантка Галина Николаевна, сидеть за проверкой школьных тетрадок — иди на учителя. Сам думай!

В другой раз, раздумывая, я пошёл к отцу:

— Пап, а если я пойду в военные? В военное училище?

— Готов служить двадцать пять лет, поступай. У тебя своя голова на плечах.

Отец даже не спросил, в какое училище. Да я и сам толком не знал.

— Выбери сам — для чего учился-то?

Я и выбрал. Просто и удачно. Одиннадцатый класс окончил в 1962 году. Все вокруг, в том числе по радио и в газетах, только и говорили о химизации народного хозяйства. Страна жила небогато, народ тоже. А тут намечался такой подъём! Химия обещала многое и в быту, и в технике, и в науке. Передовой край! Кто тогда из нас, молодых, не хотел оказаться там, где многое впервые! Поколение было целеустремлённым, спортивным, отзывчивым на призывы. В Поволжье осваивалось «Второе Баку». Масштабы грандиозные! Прямо за нашей Утёвкой с разных сторон появлялись нефтяные вышки, зримо подтверждая огромные изменения в крае. Здесь «становились на крыло» многие выпускники нефтяного факультета Куйбышевского индустриального института. Конечно, мы видели только внешнюю картину происходящего, многого тогда не знали. Но всё равно!..

На этом фоне всеобщего энтузиазма я и подал документы в индустриальный институт (ныне — технический университет), на химико-технологический факультет.

Когда наш дальний родственник, живший напротив нас в синеньком домике с резными наличниками, конюх Михаил Горбачёв (это было в 1962 году, тогда мы знали только этого одного Горбачёва) прослышал о моём решении, то отреагировал по-своему:

— Э... э... Паря, это ж как прыжок с парашютом! В химии! Ты сам-то знаешь, что это такое? Нефтяники вон всё

вокруг села перепахали... А ты что будешь делать? И поступишь ли? Из наших-то никто туда не решается. Жидковаты. Конфуз бы не вышел?.. Вместо прыжка, того... кувырок бы не вышел, а?..

...Был момент колебания. Но чуть позже. В приёмной комиссии столы химико-технологического факультета и нефтяного были рядом. Я подал свои документы на химико-технологический. И тут вдруг заколебался. Манила химия, но не было представления: что же всё-таки означает профессия химикотехнолога? Это заводы? Если это так, то далеко от земли. А вот нефтяной факультет выпускает буровиков. Работа на земле, добыча нефти! Всё зримо, всё ясно! И конкурс среди школьников — два человека на место, в три раза меньше, чем у нефтехимиков! Я хотел было забрать свои документы со стола приёмной комиссии химико-технологического факультета. Уйти к нефтяникам! Но не тут-то было! Мне их просто не отдали. Дамы из комиссии так убедительно начали отговаривать, окружили меня! А у меня и доводов особых нет. Вспомнилась ухмылка Горбачёва: «Э... э... Паря!» Я сконфузился и не стал настаивать на своём.

* * *

И закружилась студенческая жизнь! Учёба. Занятие на кафедре, тяжёлая атлетика, доклады в студенческом научном обществе. Практические и лабораторные работы — плановые и дополнительные.

И всё без школьной опеки, без надзора. Только умей сдавать экзамены. Как дорог был особый студенческий дух! Жили в общежитии на ул. Ново-Садовой. Вечерние купания на Волге, непреременные походы на Молодецкий курган и летом, и зимой. Самое лучшее время в жизни! Эти слова, кроме меня, произнесены тысячами выпускников, но от этого воспоминания о студенческих годах не тускнеют.

Учёба достойна особых слов. Всё впервые! Курс по органической химии нам читал профессор Николай Иванович Путохин — основатель и первый заведующий кафедрой «Органическая химия». Профессор Путохин особенно много тогда занимался химией гетероциклов, химией тиофенов. Мы учились по его книге «Органическая химия».

Он тогда был уже стар. Говорил глухо, порой невнятно, но мы слушали его, затаив дыхание. Понимали, что перед нами — корифей! Да и всегда можно было уточнить непонятное по его книге, она на лекциях всегда лежала передо мной раскрытой на нужной странице.

...Замечательны были лекции Дмитрия Николаевича Андриевского — основателя и первого заведующего кафедрой технологии основного и нефтехимического синтеза, главы научной школы термодинамики, признанной в СССР и за рубежом.

Он читал нам химическую термодинамику.

Одна из картинок его замечательных лекций.

Мы сидим, слушаем, едва ли не раскрыв рты. Размашисто, словно из рукава своего просторного светлого костюма, низвергает он на доску серпантин длинных формул, которые срываются с кончика мелка. Профессору не хватает места на доске. Левой рукой он тут же стирает за собой написанное, правой продолжает своё стремительное действие.

Мы не успеваем записывать. Но никто не ропщет. Все смотрят на происходящее зачарованно, как на фейерверк!

Ещё бы: светило науки!

Остановившись на миг, профессор вопрошает:

— Сам процесс понятен? Суть его?...

Мы не успеваем ответить, он машет левой рукой с зажатой тряпкой:

— Проще сейчас объясню! Автомобильный карбюратор! Знаете, что это такое?

И, не дожидаясь ответа, начинает подробно излагать принцип работы карбюратора.

— Уловили главное? — уверенно восклицает лектор. — Молодцы!

Когда лекция закончилась, профессор ушёл, мы обступили Владьку Серова, работавшего по совместительству у профессора на кафедре лаборантом — признанного всеми безоговорочно на нашем потоке восходящей звездой химической термодинамики:

— Влад, послушай, причём всё-таки здесь карбюратор?

— Вот чудачки! Что вы хотите? Мы два последних выходных с профессором занимались ремонтом его «Волги». Карбюратор

еле отрегулировали! Профессор вначале всё не мог понять, как он работает. Я несколько раз объяснял. Когда он разобрался, что к чему, понял, был сильно рад! А сегодня рассказал вам.

* * *

Решающую роль в моей судьбе сыграл декан нашего химико-технологического факультета, заведующий кафедрой «Общая и неорганическая химия» Иван Григорьевич Григорьев. Он занимался в основном химией лантанидов¹.

Иван Григорьевич принял меня на учёбу, хотя я не набрал необходимого числа баллов. Проходной балл был — 14. Я же имел — 13. По химии — «отлично», по физике и математике — «хорошо». В списках поступивших меня не оказалось.

Я был зачислен с условием, что сдам первую сессию без троек. У меня это получилось. Обязывал выданный аванс доверия.

Потом И.Г. Григорьев несколько раз настойчиво приглашал меня работать к себе на кафедру с прицелом на аспирантуру. Усмотрел во мне какие-то задатки успешной работы в науке. Но меня не привлекала неорганическая химия. И потом: я не мог на долгое время представить себя в узких стенах лаборатории, когда в Поволжье начался такой размах заводской нефтехимии. С чувством вины я отказался и уехал работать на завод, смутно чувствуя, что в отраслевой науке могу пригодиться больше. И только там через пять лет начал заниматься наукой. Но Ивану Григорьевичу Григорьеву обязан, как отцу. Поверившему в меня. Благодаря ему я неразрывно связан с нефтехимией вот уже более сорока лет.

* * *

Любили Цареградские и родную тётю Таню, которая приезжала погостить из далёкой Иркутской области, потом из Читы. Они знали, что Татьяна Александровна Цареградская — кандидат сельскохозяйственных наук, автор научных трудов. И удивлялись, как смогла их добрая, всегда спокойная, даже немного стеснительная тётя вывести особый сорт пшеницы! Как не гордиться и не равняться на такую родню!

¹ Лантаниды — семейство химических элементов, входящих в группу редкоземельных.

Старший брат

Юрий Александрович Цареградский после средней школы поступил на нефтяной факультет Куйбышевского индустриального института. Окончив институт, за последующие пять лет вырос до технолога, а затем — до главного инженера Отраденской конторы бурения.

Результаты работы бригады мастера первой конторы бурения треста «Первомайбурнефть» были известны не только в Куйбышевской области. О них знала вся страна. Отрадный в то время был самым передовым регионом нефтедобычи. Трест входил в пятёрку сильнейших управлений страны. Самый крупный в Поволжье...

Держу в руках небольшую брошюру «Скоростная проводка глубинной скважины». Автор — мастер бригады бурильщиков Юрий Цареградский. Издана она Куйбышевским книжным издательством в 1962 году тиражом 3 000 экземпляров. В ней всего двадцать страниц. Но каких!

В тоненькой книжице дан сконцентрированный опыт бурения целого треста «Первомайбурнефть». Вникнем в суть: «...Бригада мастера первой конторы бурения треста добилась выдающегося производственного успеха. Она закончила проводку девонской скважины № 149 глубиной в 2 983 метра за 75 дней. При этом скорость проходки составила 1 188 м на станко-месяц вместо нормативных 768 метров.

Высокие показатели достигнуты благодаря чёткой организации труда и творческой инициативе коллектива, эффективного использования новой техники. Впервые в Советском Союзе бригада использовала в едином комплексе: 53-метровую А-образную вышку ВАС-53, автоматическую установку для спускоподъёмных операций АСП-III, легкосплавные бурильные трубы и др.».

Часто ли молодым специалистам в первые же годы своей работы после института удаётся добиваться таких успехов на производстве? Это о многом говорит. Для того чтобы использовать что-то впервые и результативно, нужна изобретательность. А она даётся людям пытливого ума и сильной воли. Об опыте знаменитой бригады писали газеты, но Ю. Цареградский горит желанием увидеть широкое внедрение его на промыс-

лах. Дело в том, что в Куйбышевской области, и в частности в Кинель-Черкасском газонефтеносном районе, в то время бурили преимущественно девонские скважины на глубину до 3 тысяч метров и больше. При этом возникало немало серьёзных осложнений, таких как обрушение сыпучих мягких пород, проникновение пластовых вод и др. Отрадинские буровики совместно с учёными создали прогрессивную технологию проводки глубоких скважин. Научились бурить с меньшими затратами труда и времени. В брошюре автор подробно рассматривает все тонкости использования нового метода. Ищет пути его совершенствования.

В августе 1962 года сообщение Ю. Цареградского обсуждалось на заседаниях Государственного комитета Совета Министров СССР по топливной промышленности и президиума ВСНХ СССР.

Инициатива Куйбышевского совнархоза по комплексному внедрению новой техники и умелое её использование бригадой буровиков была оценена положительно. Бригады мастеров Ю.А. Цареградского и А.С. Симонова первыми опрокинули старые нормы в проводке глубоких скважин. Сократили сроки работ до 45-60 дней. Было признано необходимым создать при одном из буровых трестов Куйбышевского совнархоза специальную контору по скоростной проводке глубоких скважин.

Принято решение о распространении опыта Куйбышевских новаторов во всех нефтяных районах страны, где бурят глубокие девонские скважины. Новый метод давал значительную экономию средств. Как известно, в 1962 году были введены в действие первые участки трансевропейского нефтепровода «Дружба». «Нефтяная река» брала начало как раз в окрестностях Куйбышева. Нефть Поволжья подавалась в Польшу, Чехословакию, Венгрию, ГДР... В 1975 году вступила в строй вторая очередь этого сооружения.

Бригада Ю.А. Цареградского первой в Куйбышевской области начала соревнование за то, чтобы каждую пятую-шестую скважину бурить на сэкономленные средства. Напряжённые рабочие будни. И признание заслуг — орден «Знак Почёта». И ощущение собственного пути! Как это необходимо в молодости!

Предложение Муравленко

А в это время поднимался другой, гигантский нефтегазоносный комплекс страны.

Спустя год после пробной добычи нефти в Западной Сибири создаётся в 1965 г. главное производственное управление по добыче нефти и газа с местом расположения Главка в г. Тюмени. Начальником Главка назначается В.И. Муравленко, так много сделавший в своё время в Куйбышевской области. Возглавляя управление нефтяной промышленности Средне-Волжского совнархоза, В.И. Муравленко часто посещал промыслы, видел и хорошо знал напрямую перспективных специалистов, которые могли стать опорой в период создания структур Главка.

Среди лучших специалистов треста «Первомайбурнефть», приглашённых В.И. Муравленко в Западную Сибирь, был и 33-летний Ю.А. Цареградский. Ему предложили возглавить буровое предприятие в Сургуте Тюменской области.

Нужны были азартные и уже опытные буровики.

Север с первых дней покорил волжанина.

Какой здесь размах работ и какие перспективы!

...И сложностей было достаточно. Главное препятствие для расширения буровых работ — большая заболоченность и обводнение территорий. Иногда разбуривания болот достигали глубины шести метров. В Западной Сибири огромное количество малых и больших рек. В весенний паводок они полностью или частично заполняют водой нефтяные площади.

Что же делать?

Некоторый опыт тогда имелся в Канаде. Но там буровые работы велись только зимой. Российских нефтяников это не устраивало.

Выход нашли: кустовое бурение нескольких наклонно-направленных скважин с одного основания на сухом месте или с насыпных оснований, построенных на болотах. Бурение наклонных скважин значительно сложнее вертикальных. Традиционный опыт бурения играл роль, но в известной мере приходилось всё начинать с нуля. Постепенно разрыв между скоростями бурения наклонных и вертикальных стволов сокращался. В этом огромная заслуга буровиков, они определили судьбу большой нефти.

Рождение скважины можно сравнить с рождением ребёнка.

Буровики — люди особые. Они первыми вскрывают артерии Земли. Недаром буровиков так любил и выделял В.И. Муравленко. Это ему принадлежит крылатая фраза: «Добыча нефти — на острие долота!»

Бывший генеральный директор объединения «Ноябрьскнефтегаз» Виктор Андреевич Городилов вспоминал: «Мы, руководители, знали, что любой буровик может позвонить начальнику Главка Виктору Ивановичу Муравленко в любое время дня и ночи по прямому телефону. Никогда нельзя было знать наверняка, на что буровики могут пожаловаться, что наговорить».

Стране нужна была нефть! Много решалось «с колёс». Такое было время!

Стержень его жизни

Юрий Александрович Цареградский был влюблён в бурение. Это отмечали многие, знавшие его.

С первых дней работы на буровой, ещё в Отрадном, это переросло из профессии в смысл, в стержень его жизни.

«Когда Юрий Александрович Цареградский принимал у меня обязанности начальника конторы бурения, — вспоминает Викентий Константинович Кордиалик, — и мы с ним поехали по буровым, я обратил внимание, как он увлечён бурением. Он искренне, неподдельно восхищался и буровым оборудованием, и циркуляционной системой. Юрий Александрович очень нравился мне как профессионал в бурении. Он был не только замечательный специалист, но и прекрасный человек, друг.

Возможно, что для занимаемой им должности начальника бурового управления он был несколько мягковат. Хотя лично я считаю, что жёсткость не является обязательным атрибутом руководителя».

«Достаточно быть смелым, доводить начатое дело до конца. И сказать можно очень тихим голосом, но так, что тебя услышат. Кнутом он никогда не погонял, но всегда умел так поговорить, убедить и добиться, чтобы человек понял, как нужно трудиться, и чего от него требуют». (Е.П. Коваленко).

Юрий Александрович смог на новом месте за относительно короткий срок сплотить крепкие буровые бригады и технически их оснастить. Вот где проявились главные черты характера волжанина: открытость, общительность и... покоряющая сила воли. И жизнелюбие широкой русской души!

Те, кто работал рядом с ним, ценили его открытость и врождённое тонкое чувство юмора. Организованные им праздники, коллективные выезды на природу многие помнят и поныне.

Лихая смелость и какая-то бесшабашность, как пишет Е.П. Коваленко, были тоже присущи натуре начальника Сургутского управления буровых работ.

* * *

Ю.А. Цареградский считал, что если что-то делается для людей и результат приносит пользу всем, то методы могут быть самыми разными.

Исходя из этого в управлении числилось невероятное число «подснежников». Это и музыканты, и спортсмены, и журналисты, и т.д.

Даже здание управления УБР-1, одно из красивейших тогда в Сургуте, было построено по большому счёту незаконно. Строительство по всем документам проходило как сооружение промышленного объекта.

К слову сказать, эта примета того времени. У нас, в г. Новокуйбышевске, на заводе, где я тогда работал, в городе — нередко было то же самое. Но для того чтобы так поступать, нужен был определённый характер руководителя. Не у каждого хватало умения и смелости на это, прямо скажем.

* * *

В середине шестидесятых было положено великое начало создания топливно-энергетического комплекса Западной Сибири.

Стране необходимы были нефть, газ. Время романтиков! Оно породило масштабные стройки.

Небольшой Сибирский город Сургут становится энергетическим сердцем России. Круг славных тружеников, стоявших у истоков большой нефти, огромен.

...Именно в семидесятые годы в СУБР-1 сформируется коллектив руководителей и главных специалистов, чьи имена

станут легендарными: начальник Ю.А. Цареградский, главный инженер Ю. Скворцов, начальник центральной инженерно-технологической службы Н. Кузнецов, главный технолог В. Кордиолик, главный технолог А.И. Мурзенко.

Вырастет целая плеяда буровых мастеров.

Показательна работа бригады буровиков В.И. Коренного. Это она начала эксплуатационное бурение на крупнейшем нефтяном Фёдоровском месторождении на скважине № 470. Вслед за ним сюда пришли бригады Е. Бондарева, В. Агафонова, Г. Ерёмкина. Начальником НГДУ «Сургутнефть» И.И. Шидловским и начальником УБР-1 Юрием Александровичем Цареградским была организована работа по определению возможности ускоренного выхода среди сплошных болот и озёр, с бурением экспедиционных скважин. Так начиналось освоение крупнейшего Фёдоровского месторождения нефти.

Все участники этих событий достойны, чтобы о них было написано более подробно. Но мы пока ограничимся в своих записках первоначальным замыслом и будем следовать за династикой Цареградских.

Младший брат Валентин

В 1974 году Юрий Александрович пригласил на работу своего младшего брата Валентина Александровича (1946–2014), который окончил Куйбышевский институт связи и намеревался остаться в аспирантуре. Он подавал большие надежды в научной работе.

Из воспоминаний Тамары Цареградской — жены Валентина: «Юрий хорошо готовил и был прекрасным помощником по дому. Чем отличался от своего отца и Валентина, моего мужа. В семье Александра Александровича Цареградского вся работа делилась на мужскую и женскую. Отец не помогал по дому. Юрий как старший сын помогал матери и приучал своих братьев к этому. В Сургуте он нас учил готовить борщи, второе. Работе отдавался весь. Буровики его любили. И руководство тоже. Он устраивал приятные и запоминающиеся встречи своим мастерам, рабочим. Приглашал с концертами творческие группы. Устраивал вечера со знаменитыми артистами театра и кино. Помню, как все рады были встрече с любимой артисткой

кино Нонной Мордюковой. Лиля, его третья жена, реализовалась благодаря ему. И при его жизни, и после. Да и в судьбе брата Олега, и в нашей с Валеёй он сыграл большую роль. Пригласил, убедил, как здорово живётся на севере. Какие перспективы у молодой семьи. И действительно, мы никогда не жалели, что доверились ему. Он был первым. И крышу над головой, и работу мы вначале имели благодаря ему».

На Север младшие Цареградские приехали с двумя чемоданами и годовалым ребёнком, поселились в семье брата. Собирались здесь прожить некоторое время, подкопить денег. Валентина, специалиста в области связи, ждала новая и, как показало время, захватывающая работа. Он оказался у истоков внедрения электронно-информационной системы связи на буровых, был одним из лучших рационализаторов в Сургутском УБР-1. В те годы на территории Западной Сибири научно-технический прогресс наступал стремительно. Талантливому молодому специалисту было где реализовать свои творческие технические задумки.

В 1984 году В.А. Цареградского назначили главным энергетиком треста «Сургутнефтеспецстрой» управления по бурению объединения «Сургутнефтегаз». Он мотался по месторождениям, где с нуля начиналась отсыпка кустовых оснований под строительство новых буровых вышек, куда срочно нужно было провести линии электропередач. Приходилось что-то придумывать на ходу, совершенствовать, внедрять в производство.

Об одном из таких эпизодов рассказано на страницах книги «Всегда первые». Её авторы — уже знакомые нам, известные в Ханты-Мансийском автономном округе журналисты Валентина Патранова и Лилия Цареградская. Приведу отрывок, посвящённый сооружению линии электропередач, почти полностью, ибо он показывает характер работ нефтяников. И ещё потому, что тираж книги невелик, наверняка многие читатели Самарской области, средней полосы России не читали этих строк:

«В связи с резким увеличением поисково-разведочных работ, которые из сезонных должны были стать круглогодичными, нужны были надёжные ЛЭП. Раньше трест сооружал временки, но служили они всего несколько месяцев в зимний период. Ни один из существовавших проектов не соответство-

вал такой конструкции опоры, которая бы легко собиралась, демонтировалась и надёжно крепилась.

Энергетики перепробовали много вариантов, в том числе и с металлическим основанием. Когда подсчитали, выяснилось, что в год потребуется несколько эшелонов труб. И остановились на... древесине. Сваи из дерева нужно было опускать на глубину 5-6 метров. Встал вопрос о сваебойной технике. Та, что существовала на строительстве зданий, не подходила — была слишком тяжёлой, не годилась для частых переездов. Поэтому в тресте разработали оригинальный сваебойный агрегат, а на заводе в городе Асбесте его изготовили. Получился универсальный агрегат: он может и бурить, и забивать сваи.

Учились этому целый месяц. Загоняли технику на болото и практиковались. Со временем пришла сноровка, появились специалисты.

Деревянными были не только сваи, но и сами опоры. Дерево как раз выдерживает два-три года, что и требуется при разведочных работах. Проектный институт подготовил конструкцию опоры к утверждению. С поставленной задачей служба главного энергетика справилась успешно. А руководитель проекта В.А. Цареградский запатентовал данное изобретение...

...Ю. Цареградского всегда привлекали люди творческие, думающие, как он сам. С большим уважением относился он к знатному бригадиру Владимиру Васильевичу Яркину. Когда тот ушёл на пенсию, коллектив возглавил опытный, инициативный специалист Иван Петрович Пушкин. Именно с ним и членами его бригады Д.И. Максимовым, Аникановым, Ю.Н. Антоновым, В.И. Баталовым, другими внедрял новую конструкцию опоры временных линий электропередач В.А. Цареградский».

* * *

Я уже написал эти строки о Валентине Цареградском, когда пришло письмо от Евгения: «...Станиславович, я тут узнал, что ещё один из братьев Цареградских, Олег, также работал у нас в Сургуте. Он здоровствует! Живёт теперь у вас в Самарской области в г. Отрадном. Я не сразу сообщил, ждал подтверждения. Вы меня приучили к точности. Всё так и есть. Он давно на пенсии. Но его хорошо помнят наши ветераны. Мне обещали найти номер его домашнего телефона. Не выдержал, пишу. Как

только номер получу, я Вам его пришлю. Можете встретиться! Вот так, потихонечку...»

Письмо меня порадовало, хотя и адрес, и номер телефона Олега Александровича мне был уже известен. Более того, по нашей с Жамилёй Кульчуновой просьбе он прислал небольшие воспоминания о своём дяде Валентине Александровиче Цареградском, часть их я привёл ранее.

Кроме того, Жамиля завершила меня, что договорилась с Олегом Александровичем о нашей с ним встрече, вот только жара спадёт.

Так что мне предстояла, возможно, вскоре замечательная встреча.

Средний брат

Да, я уже знал, что Олег Александрович Цареградский после окончания школы поступил, как его старший брат, в Политехнический институт. После института распределился в г. Отрадный Куйбышевской области. Был буровым мастером, работал по контракту в Ираке, его прочили в главные инженеры бурового управления. Но в 1978 году он отправился вслед за братьями на Север.

Олег Александрович с семьёй вначале, как и младший брат, жил у Юрия Александровича.

...ВУБР-3, работу которого сильно лихорадило, в мае 1986 года создаётся новая буровая бригада, мастером которой назначается Олег Александрович Цареградский, буровик с большим опытом. Успех новой бригады был высок. Работы велись на достаточно перспективных месторождениях, сильным составом буровиков. За полтора десятка лет на Солкинском, Быстринском, Западно-Сургутском, Вачимском, Яун-Лорском и Лянторском месторождениях бригада набурила 1 129 091 метр горных пород.

Было время, когда начальники ПТО в управлении часто менялись. Отдел был укомплектован наполовину. С приходом на эту должность опытного инженера, в прошлом бурового мастера, Олега Александровича Цареградского многое изменилось. Олег Александрович для многих служил образцом преданности выбранной профессии и профессионализма. Когда он получил второе высшее образование, его назначили заместителем гене-

рального директора по экономическим вопросам объединения «Сургутнефтегаз». Тогда в стране на правительственном уровне появился новый прогрессивный лозунг: «Экономика должна быть экономной», — что дало существенные изменения в бюрократической планово-управленческой советской системе организации производства. Олег Александрович внёс большой вклад в становление планово-экономической службы на предприятиях «Сургутнефтегаза» в новых условиях. С 1989 по 2004 год, когда он возглавлял производственно-технический отдел УБР-3, его называли «мозговым центром».

Жена его, Галина Константиновна, приехавшая с ним и дочерью Татьяной из города Отрадного, более двадцати лет проработала в сметном отделе Сургутского УБР-1.

Все братья Цареградские были общительны и коммуникабельны. Пользовались уважением среди подчинённых и доверием у руководства.

Председатель совета директоров ОАО «Сургутнефтегаз», известный в стране буровик А.В. Усольцев высоко ценил профессиональные качества Юрия Цареградского. Считал его образцом бурового мастера ещё с тех пор, когда оба они работали на буровых в Куйбышевской области. Узнав в Сургуте других братьев, Олега и Валентина, он подчёркивал, что именно такие, преданные делу, талантливые, с крепкими семейными традициями специалисты — основа любого производства.

* * *

В 1975 году коллектив Сургутского УБР-1 отмечал десятилетний юбилей. В юбилейной статье начальник управления Юрий Цареградский подчёркивал: «Конечно же измерять пройденный путь следует не годами. Критерием сделанного служат, в первую очередь, наши дела. От первого забитого кольшка на причале под жилой дом на улице Энтузиастов — до первой буровой 544 на Солкино, от рекордной проходки бурового мастера Георгия Петровича Ерёмкина до новой бригады Сергея Ивановича Пономарёва. Стремление взять новую высоту и никоим образом не останавливаться на достигнутом — в этом я вижу главный смысл становления коллектива. Какие же замечательные события ждут нас с вами впереди, какие свершения и открытия!»

Полярная экспедиция в Надыме

Вторая половина семидесятых принесла Юрию Александровичу непростые испытания. И ему, и всему коллективу СУБР-1. В 1976 году создаётся Управление буровых работ № 2 (УБР-2). Много специалистов перешло в это управления. Развернулась конкурентная борьба двух проходческих коллективов. Новое поколение имело своё право быть первыми. Новые люди пришли на смену романтикам 1960-1970-х годов.

Возглавлявший в течение 12 лет КРБ-4, а с 1971 года — Сургутское управление буровых работ № 1 Юрий Александрович Цареградский, возможно, был последним из романтиков от бурения тех лет.

Объединение было полностью на стороне нового управления, которое шло на невероятные рекорды. И они были достигнуты! Это были сложные годы жизни Юрия Александровича.

В 1980 году он ушёл с занимаемой должности начальника управления.

И четыре года трудился заместителем начальника по производству в тресте «Сургунефтеспецстрой», да так, что его вклад в общее дело помнится ветеранами и поныне.

* * *

Ю.А. Цареградский сразу согласился на предложение возглавить Полярную экспедицию глубокого бурения в Надыме. Куда угодно, хоть на край света, но чтобы снова быть в бурении. Заниматься тем, что любишь делать! И умеешь! Что может быть радостнее в жизни?! Это было как испытательный полёт.

...Ямал не жаловал своих покорителей.

Полтора года, наполненных ежедневным упорным трудом в условиях Полярного круга. Всего полтора! В пятьдесят лет, в 1985 году, Юрия Александровича не стало.

...Я смотрю на его фотографии, думаю о делах его и невольно сравниваю с другим, дерзким, прорывным, неудержимым волжанином — Валерием Чкаловым. Оба из породы испытателей. Испытателей техники, человеческих возможностей. Рано, но так деятельно проявивших свой талант, ярко вспыхнувших. И внезапно ушедших, успев показать, на что способен человек.

Тихая гавань

...А на улице Днепростроевской, 7, в доме, окружённом яблоневым садом, лишившаяся сначала любимого мужа, а потом старшего сына Юрия, совсем недавно ещё жила, тоскуя длинными одинокими ночами, Евгения Александровна...

Дом, ставший тихим, ночью иногда вдруг вздыхал своими старыми половицами, но не так, как тогда, когда под его крышей собиралось четверо крепких мужчин, а то и пятеро, если приезжал старший Цареградский. Она вздрагивала вместе с домом и в который раз шла к столу, где лежали не раз уже читанные «самодельные», как говорил её тихий муж Шур Шурыч, стихи, посвящённые ей. Глядя на пожелтевшие листки, светло улыбалась. Трогала письма сыновей, фотокарточки разных лет. Наткнувшись на фотокарточку своего отца, вспомнила то далёкое время, когда была ещё Гудковой Женей, дочкой железнодорожника из Оренбурга. Увидела отчётливо улыбчивое лицо своего отца и недоумевала: как она жила тогда без мужа? Без тех, кто потом стал ей дороже всего? И как жить теперь дальше? Когда их нет?. Как к этому привыкнуть?.. Жила-то ради них...

Казалось, совсем недавно, в марте семьдесят третьего, читал Шур Шурыч свои стихи, посвящённые младшей будущей снохе Тамаре — невесте сына Вали — накануне их свадьбы 8 марта:

*...И жить аж до «золотой»!
Побольше народив сынков,
Здоровых, умных пареньков!*

...Я полистал странички и прочёл ещё раз это стихотворение, невольно остановившись на последних строчках, которые он адресовал уже своей жене:

*Жене же хвори все изжить
И долго-долго без них жить.
Счастьем деток наслаждаясь...
И внукам передать его стараясь.*

Так писал её негромкий, хлопотливый муж, построивший этот их дом, вырастивший вместе с ней троих сыновей, яблоневый сад. И всю жизнь, будучи гидрологом, искавший для людей воду.

Не золото искал в земле, не нефть, а обычную пресную воду — источник жизни, дефицит которой, по прогнозам наи-

более пессимистично настроенной части экологов, грозит человечеству мировыми войнами... Всю жизнь вершил негромко для всех необходимое дело. Небольшая деталь: в первые годы, когда старший брат ушёл из семьи, он каждый месяц посылал его бывшей жене Кате в Ленинград деньги.

...Последние свои годы Евгения Александровна жила в Сургуте.

Подрастали внуки, появились правнуки. Всё вроде бы как и должно быть... Как завещал в стихах её муж Шурыч...

...Она ушла из жизни в 86 лет, окружённая вниманием и заботой большого семейства Цареградских.

Была она простой домохозяйкой, посвятившей мужу и сыновьям всю свою жизнь. Ушла без высоких почестей и наград, тихо и достойно.

Как огромное число наших российских матерей...

Память

Младший брат Юрия Александровича, Валентин, любил Самару. После выхода на пенсию он вернулся на свою малую родину, обустроивал новую квартиру на улице Александра Матросова, строил гараж и дачу. Любил футбол, собирал семейный архив рода Цареградских. Мечтал снять документальный фильм вместе с Лилей Васильевной Цареградской о своём роде Цареградских, дяде Валентине-старшем. К сожалению, сделать этого не успел. Его жена Тамара Ивановна стала связующим звеном между создаваемым Фондом и Цареградскими. Передала все собранные мужем Валентином материалы, свой семейный архив рода Цареградских в Самаре, Сургуте в безвозмездный дар будущему фонду.

...Мне не привелось лично встретиться с Тамарой Ивановной. Она часто болела, лежала в больницах. Жамиля встречалась с ней несколько раз, приняла на себя часть забот в жизни больной женщины.

Тамара Ивановна много лет проработала начальником отдела организации труда Сургутского управления буровых работ (УБР-3). Приехав из Самары в 1974 году, она знала многих и многое. Практически досконально изучила весь процесс возведения нефтяных и газовых скважин. Не ограничивала себя только ка-

бинетной работой, будучи начальником отдела организации труда. За красивую внешность её называли царицей Тамарой.

Она интересовалась жизнью округа и судьбами людей. Когда потом жила в Самаре, часто рассказывала о непростой судьбе своих родителей, о труде нефтяников-буровиков на Севере, о Цареградских. Валентин с Тамарой взяли заботы о Евгении Александровне. После смерти Шур Шурыча перевезли её в Сургут. Олег и Валентин оказывали постоянную материальную помощь и уделяли внимание своей родной тётке Татьяне, которая никак не хотела уезжать из Читы в Сургут. В сложные 90-е годы они помогали многим устроиться на работу в Сургуте.

Жамиля, бывая у неё дома, кое-что записала из бесед с Тамарой Ивановной:

«Как Юрий познакомился со своей будущей женой — Лилией Васильевной? Просто!

Лилия Васильевна — журналистка. Она много ездила по разным управлениям буровых работ. И не осталась незамеченной Юрием Цареградским. Он тогда был хорошо известен, его авторитет был в кругу нефтяников большой. Когда Лилия попросила его помочь в её проектах осветить жизнь и будни буровиков, он охотно согласился. Так у них завязались отношения. Вскоре они поженились. Это было в 1976 году. К этому времени Юрий развёлся со второй женой Зоей. Юрию хотелось иметь жену, подругу, товарища, друга, которая разделяла бы его любовь к профессии нефтяника. Казалось бы, и Изабелла, и Зоя одной с ним специальности, учились в одном вузе, но браки распались. И вот в его жизни появляется такой же неутомимый человек, который умеет слушать, пишет и говорит с ним на любые темы, особенно что касаются труда нефтяников. Он ей помогал реализовать все её задумки профессионального журналиста. Потом она стала членом Союза журналистов России, директором Северо-Сибирского издательства, главным редактором газеты «Читающая Югра». Много занималась, помню, с музеями. Была составителем и автором, редактором многих книг по истории Ханты-Мансийского округа.

Рождение их сына Александра в 1978 году, преемника его профессии, для Юрия было важно. И старшего сына Бориса он пригласил в Сургут из Прибалтики. Поработать в Сургуте, посмотреть и затем уже учиться в Москве в институте нефти и

газа им. Губкина. Борис так и поступил. Приехал в Сургут после смерти отца в 1986 г. Поработал год и поступил в Московский вуз. Выбрал профессию отца. Лиля очень хорошо приняла в семью Бориса. Боря внезапно умер: остановилось сердце. Общаюсь со всеми Цареградскими, Лилия Васильевна выросла в своей профессиональной сфере и сделала в журналистике немало.

Руководство «Сургутнефтегаза» и администрация Сургута всегда поддерживали её инициативы. После смерти Юрия мой муж Валентин, Олег и управление УБР-1 всегда приходили ей на помощь. Если она обращалась за поддержкой, то она её получала. В воспитании сына Саши (сын Юрия и Лилии. — прим. автора) Валентин как дядя всегда старался найти время для общения. Саше было 7 лет, когда не стало отца в 1985 г. Мать часто была в разъездах, и он обычно был с моими сыновьями. Они и сейчас очень дружны. Валентин научил парней многому, всему тому, что сам умел и делал по дому. Нефтяники чтут память Юрия. Сын Александр пошёл по его стопам. К выходу на пенсию Валентин часто разговаривал с Лилей, и были попытки создать семейную историю рода Цареградских. Но как-то всё не хватало времени. Лилия в последние годы чаще болела и энергии поубавилось. Мы уехали в Самару. Каждый был занят своим делом. Возможно, в помощниках вашего Фонда будет Эльвира, её дочь и внучка Валерия. Они многому научились в профессиональном плане у Лилии Васильевны. Я прожила в счастливом браке с мужем Валентином 42 года. Лилия, прожив яркую, не столь долгую жизнь в браке с Юрием, была и останется Цареградской».

В другой раз, уже в больничке, отягощённая болезнью, светлея лицом, как бы подводя некий итог и будто поглаживая своей, уже не очень послушной рукой и малых, и старых по головке, всех любя, говорила:

«После смерти Юры, когда родился у нас второй сын, мы его назвали в его честь — Юрием. В новый музей нефти и газа, который был открыт в Ханты-Мансийске по инициативе его жены, журналистки Лилии Васильевны, мы передали много вещей, документов. Там есть экспозиция, посвящённая Юрию Цареградскому.

На Рубежном кладбище в Самаре, когда мы рядом с их отцом похоронили моего мужа в 2014 году, я решила сделать па-

мятник не только мужу, но и обновить памятники его брату и отцу. Дети мои, Дмитрий и Юра, и сын Юрия Александр меня поддержали финансово. Мы установили новый единый мемориальный комплекс Цареградским, отцу Александру Александровичу и его двум сыновьям Юрию и Вале...

Такая вот траектория полёта: от дома с яблоневым садом на Волге до Полярного круга... И назад».

* * *

Красивая женщина, яркая представительница семейной династии нефтяников Цареградских, Тамара Цареградская ушла из жизни в феврале 2016 года в Самаре, пережив своего любимого мужа на год и семь месяцев.

Компания «Сургутнефтегаз», руководители её структурных подразделений, дети, внуки, племянники Цареградские, её родственники, друзья, сослуживцы проводили свою царицу в последний путь в Сургуте.

Трудовая династия в действии

Дом в Самаре, в котором выросли братья Цареградские, где их окружал домашний уют, наполненный бесхитростными радостями их родителей и их собственными заботами, куда они возвращались порой, чтобы отогреть душу, ещё долго, как тихая гавань, хранил память об ушедших в большое плавание...

Потом такой «гаванью» или пристанью для Цареградских в Сургуте станет квартира старшего из братьев. В ней были свои традиционные сборы, чаще всего совпадающие, связанные с официальными праздничными датами.

Юрий Александрович любил своих многочисленных родственников. И всегда заранее готовился к встречам. Так хотелось почувствовать домовитость, единение, родство близких людей, унаследованные от родителей.

* * *

Сейчас на слуху в Сургуте другие имена. Время идёт. От Евгения периодически мне приходят новости.

В апреле 2015-го состоялся слёт буровых мастеров. На нём по традиции награждали победителей соревнования между бу-

ровыми бригадами премией имени Александра Викторовича Усольцева. Это имя мне теперь тоже хорошо известно.

И имена победителей конкурса: мастера Евгения Корлякова, Василия Кондрашова — тоже теперь знают у нас в Самаре. Среди них и Александр Юрьевич Цареградский — сын основателя династии буровиков Юрия Цареградского и известной журналистки Лилии Васильевны Цареградской. Он получил высшее образование, окончив заочно Тюменский нефтегазовый университет. Начинал помбуром в Сургутском УБР-1 после демобилизации в армии. Продолжил — инженером по бурению. Работал заместителем главного технолога предприятия, начальником технологического отдела.

Не усидел в кабинетах. Ушёл в буровую бригаду. Снова начал с должности помощника мастера, вскоре стал мастером буровой бригады. Александр Юрьевич — основатель и организатор конкурса «Лучший инженер по бурению ОАО «Сургутнефтегаз», обладатель звания «Лучший по профессии». В отца!

Коллективу бригады бурового мастера А.Ю. Цареградского в 2014 году были поставлены задачи по обеспечению качественного строительства скважин. Необходимо было апробировать новые рецептуры тампонажных, буровых растворов. Подготовить внедрение совершенных методик, дающих качественное цементирование. Требовалась чёткая организация работ и крепкая дисциплина. Задачи были выполнены.

* * *

Младший сын Валентина Александровича, Юрий Валентинович, окончил в 2006 году Сургутский нефтяной техникум, заочно — институт и успешно работает в ПТО ведущим инженером.

Трудовая династия продолжается!

Старший сын Валентина Александровича Цареградского, Дмитрий, и его супруга, Марьям, — профессиональные программисты. Окончили институт в Москве и приехали в Сургут.

Сейчас Дмитрий возглавляет информационно-аналитический отдел в городской Думе.

Дочь Юрия Александровича, Эльвира, с 1998 года успешно возглавляет издательский отдел РИИЦ «Нефть Приобья» ОАО «Сургутнефтегаз».

Я не берусь называть всех потомков Цареградских. Их немало. Они молоды. У них многое впереди. И о них ещё будет сказано.

Продолжателям сургутской династии нефтяников есть чем дорожить. Трудовой её стаж — более 200 лет. Это без учёта работы старших Цареградских на месторождениях нефти в Поволжье.

На таких трудовых династиях, сцементированных десятилетиями совместной работы, держится очень многое. И сегодня успех «Сургутнефтегаза» очевиден. «Сургутнефтегаз» — лидер в России по дивидендной доходности. Акционерное общество является одним из крупнейших налогоплательщиков в стране. За последние пять лет компания запустила 15 месторождений, ещё 19 месторождений в Западной Сибири и Восточной Сибири собирается запустить в следующую пятилетку.

В 2015 году стотысячный коллектив компании добыл 61,6 млн тонн нефти и 9,5 млрд кубометров газа. «Сургутнефтегаз» по итогам года — одна из самых доходных нефтяных компаний в мире.

Создание в Западной Сибири северного «Третьего Баку» по своему масштабу, напору физических и моральных сил, по числу вовлечённых судеб людей после победы в Великой Отечественной войне, во второй половине XX века не имеет себе равных.

И потому так важно знать и помнить имена тех, чей приход в далёкий северный край преобразил «медвежий угол» России, превратив его в колоссальный нефтегазовый комплекс страны.

Птица-Тройка

Я отодвинул чуть в сторону на своём рабочем столе только что законченную мной рукопись и... вздрогнул, едва закрыв глаза. Словно прозвучал какой-то щелчок... И включился некий аппарат...

Перед моими глазами вновь, как «на экране памяти», чередой пошли один за другим в замедленном темпе чёрно-белые кадры...

Замелькали силуэты, лица людей, с которыми я сроднился, сидя в архивах, в библиотеке, музее. Сроднился, когда писал о них. Ни разу, пока писал, не заговорили они моим голосом. Не оттого, что я чувствовал своё художественное бессилие, а по-

тому, что этого мне было не нужно. Бесконечно дороги были, как и раньше, именно их голоса, прорывающиеся из далёкого времени...

...Слышался мне под стук колёс поезда голос слесаря из Сызрани, имя которого уже уплыло из моей памяти. Как он был горд за дела своего земляка-инженера: «Некоторые сочиняют. Шут с ними. А ты напиши дельное. Как было».

Он будто меня закодировал.

И я писал, всё больше радуясь за людей пытливей мысли, удивляясь и досадуя, как мало сам знаю и не всё сделал, что задумал. Отмечал, как много значит удачное соединение научной мысли и инженерной практики. Как важна обоюдная связь: учитель — ученик! Если они единомышленники! Как много когда-то стояло за званием «инженер»! Сага моя в первую голову о них... инженерах.

Вернём ли мы первородную суть инженерному труду?

И как важен дух романтики, первооткрывательства!..

— Откуда бралась такая энергия созидания? — не в первый раз задавал я себе вопрос.

...Тёмно-серые силуэты жителей сёл Никольское, Кондаковки с исчезающими их родовыми гнёздами в неумолимых волнах рукотворного моря, до этого таявшие в пучине революций и гражданской войны соотечественники...

...Ушедшее поколение потомков, которое в предвоенные и военные годы осваивало богатства Сибири, дало такое приращение мощи, что страна выстояла. И поднялась!

...Пошли в памяти кадры ещё недавно малознакомых мне Алдана, Индигирки, Магадана... Широкоформатные картины природы, притягательные лица северян... Одухотворённые лица Цареградского, Билибина, Серпухова, Смирнова...

Десятки, сотни лиц. Тех, кто не попал в мою рукопись...

Я не хотел с ними расставаться. Они стали частью меня, не только частью нашей общей истории.

...В который раз казалось мне, что я не всё сказал, что мог. Не так внятно и убедительно. Не сказал о военном лихолетье... Но о нём особый разговор, об этом времени должна быть отдельная книга, хватило бы сил. Удерживал себя, чтобы не начать вновь делать добавления, расставлять акценты в своей рукописи. «Это только начало, — успокаивал я себя. — Я теперь,

после приобретённых знаний и пережитого, стал иным, в том числе и более подготовленным к продолжению повествования. И потом — другие, которые усерднее меня, найдут и факты, и нужные слова, чтобы воздать должное. Нельзя всё сразу...»

...Лица людей поколения 30-40-х, 60-70-х годов... Я вновь был с ними... Пошли перед глазами кадры с силуэтами буровиков Поволжья, Сургута. И среди них лица братьев Цареградских. Третье поколение известного мне теперь рода.

Как много свершено в эти годы!

Многие из того поколения ушли раньше срока. Мы знаем, как сгорали их жизни на ветру...

Но есть четвертое поколение. Оно живёт и действует. Молодое и азартное!

* * *

Вновь вспомнились дневниковые записи Франца Кафки о России: «...Лучше, чем тройка Гоголя, её выражает картина великой необозримой реки с желтоватой водой, повсюду стремящей свои волны, волны не очень высокие. Пустынная расрёпанная степь вдоль берегов, поникшая трава...»

Я живу на берегу Волги. Это сказано и обо мне? О нашей жизни. Так сказал человек, которого причисляют то к авангардистам, то к консерваторам. Третьи называют его пророком...

...Это написано человеком, не выезжавшим за пределы Европы, не бывавшим в России. Так меня взволновавшие совсем ещё недавно, когда я начал знакомиться с жизнью Цареградских, строки сейчас не притягивали к себе... Я столько передумал... Ну, сказал писатель и сказал. Написал же он в том же своём дневнике в 1914 году: «23 мая. Сегодня вечером от скуки три раза подряд мыл руки в ванной». Всякое бывает...

Слишком далёкой для многих казалась Россия. Неохватной! Вместившая столько в себе, не каждому видна она с дальнего расстояния такой, какая она есть...

Успокойсь, но ненадолго. А если всё же она — птица-тройка, Россия?! То куда она мчится?.. Во что превратятся труд, стремления, отвага, подвижничество и усердие славных её сынов! Знаменитых и безвестных, но так преданных ей! Веривших в неё!

Самара, 2014-2017 гг.

**О творчестве
Александра
Малиновского**

ПОСЛЕДНЯЯ САГА ПРОФЕССОРА МАЛИНОВСКОГО

Успокоюсь, но ненадолго. А если всё же она — птица-тройка, Россия?! То куда она мчится?.. Во что превратятся труд, стремления, отвага, подвижничество и усердие славных её сынов! Знаменитых и безвестных, но так преданных ей! Веривших в неё!

Финальные строки книги «Сага о первооткрывателях»

Долгие годы стену над моим столом украшала карта Магаданской области. Самый большой регион Советского Союза, включавший тогда и Чукотку, по площади перекрывал совокупные территории Франции, Испании, Бельгии и Болгарии. С карты той, как звёздочки, загадками манили чудные слова: Билибино, Сусуман, Сейчман, Оротукан, Дебин, Мякит, Анадарь, Певек, Провидения, Уэлен, Ола, Талая, Мыс Шмидта... Извилистым пунктиром стелилась там «зловещая» Колымская трасса. Зловещая? Ха-ха...

Это для жителей «материка» Колыма с Магаданом олицетворяли ГУЛАГ, каторгу и несносный климат: «Колыма ты, Колыма, чудная планета — 12 месяцев зима, остальное лето...» Или — как в «Бриллиантовой руке»: «Приезжайте к нам на Колыму». — «Нет уж, лучше вы к нам...»

Но я-то провёл на Колыме 5 лет (1974-79), самых лучших лет жизни — с 5-го по 10-й класс. И для меня, и моих сверстников Колыма — лучшая «планета» с 30-градусным летом, удивительной природой, первозданной тайгой, весёлыми и горными ручьями меж уютных сопок и сахарных хребтов. А ещё это жизнерадостные лайки с пушистыми бубликами вместо хвостов, бескрайние ковры ягод и грибов, добротные и тёплые домики на сваях, в которых двери не запираются, а продукты в вёдрах и кастрюлях «охлаждаются» прямо в подъезде. И конечно же отличные люди со всего великого и дружного Союза. Такая вот была она, планета Колыма 70-х.

Это сегодня каждое слово с той карты — как забытый пароль, как заветное заклинание к утраченному сокровищу двух сказочных планет:

Страна Детства и Страна Советов. А тогда мы мирно жили и счастливо росли в посёлке гидростроителей Синегорье — живописной долине среди заснеженных зимой и летом вершин. Осваивая леса и доли, мы, мальчишки, нет-нет да наткнёмся на заброшенный прииск с обтерханым вашгердом. А что, обычное дело. Колыма же — это Золото. Валютный цех страны. Такой была она почти век назад, такова и сейчас.

Промчалось 40 лет, и дивные «звёздочки» с той советской карты 1970-х всё больше напоминают руины необитаемой старательской артели. Метель забвенья гасит память. Так и у меня. Как вдруг...

Инженер Малиновский открывает...

Как вдруг всё разом ожило и засверкало с новой силой. Месяц с хвостиком назад мой старший товарищ Александр Станиславович Малиновский прислал для ознакомления книгу «Сага о первооткрывателях». Ещё не изданную — pdf-вариант. Но уже после первых листанных страниц я твёрдо знал — откликнусь. Причём на тот момент мною скорее руководила нахлынувшая волной ностальгия. Среднекан, Бохача, Талая — никогда не бывший на Севере Малиновский писал о моей Колыме, о «звёздочках моей карты»! Увы, писатель властен только над своей книгой. Линии его собственной судьбы безжалостно редактирует Жизнь. И месяц спустя я делаю отзыв на совсем другой ноте...

26 ноября Александра Станиславовича не стало. И «Сага о первооткрывателях» невольно превратилась в реквием не только её героям, но и вдохновенному создателю. Руководитель самарской областной организации СП России Александр Громов предварил «Сагу» авторским портретом: *«Удивительный человек — Александр Станиславович Малиновский. Казалось бы, столько уже всего пройдено и пережито, столько открытий, столько достижений... Ну, посмотрите: он прошёл путь от рядового рабочего до генерального директора и руководил несколькими крупными нефтехимическими предприятиями почти четверть века, он заслуженный изобретатель России, академик Российской инженерной академии, он член Союза писателей России, издавший более двадцати книг (причём весьма разноплановых), отмеченных несколькими всероссийскими литературными премиями, он профессор университета, проплывший на резиновой одноместной безмоторной лодке от истоков реки Самарки до её устья, он всю жизнь открывает миру своего земляка иконописца Григория Журавлёва, родившегося без рук и ног и писавшего иконы, зажав кисть зубами, он... Слово «открывает», наверное, определяющее в Малиновском. Он действительно всю жизнь делает открытия и тут же стремится поделиться ими. Будь то открытия научные и про-*

изводственные, будь — литературные или открытия в судьбах людей. И, наверное, книгу о первооткрывателях должен был написать именно он, потому что Малиновский и его герои близки по духу».

Писано при жизни. Теперь же, после ухода Александра Малиновского, слова эти, став достоянием вечности, обретают почти сакральное значение. И, наверное, правильнее будет поговорить не столько о сюжете, литературных достоинствах книги, сколько о сути, попытавшись понять, зачем автор взялся за это, что хотел сказать? А сказать ему хотелось очень много. Ибо реквием в прозе, как и в музыке, целиком зависит от неуловимо завораживающей мелодии-интонации, что незримо выплёскивается в магистральный лейтмотив о смысле жизни, призвания и результата.

Хочется верить, у Малиновского это получилось. Его «Сага» не классический роман, но захватывает и (без сложносочинённых интриг) не отпускает. Почти любой беллетристики мозаично-объёмная панорама реальных лиц, непридуманных судеб и живых голосов находит благодарное эхо в душе читающего. Подобный опыт хроникального реализма (или «летописи по голосам») Малиновский уже преемственно опробовал в своей автобиографической прозе: «Дом над Волгой», «Радостная встреча», «В плену светоносном» и «Голоса на обочине». Но именно в «Саге» он ещё осознанней — по максимуму — отделился от повествовательной беллетристики...

И на этот раз перед нами совсем уже далёкие голоса людей науки. Не знакомых автора и не кабинетных книжников, а уникальных учёных — бесстрашных дальнеходов, неисправимых романтиков, ставших при этом академическими тяжеловесами, основоположниками научных направлений и пионерами неоткрытых трасс. Или — говоря словами автора: *«Много умевших и немало вершивших не великого, но необходимого! Они жили как умели... И радовались жизни... Так и слышится голос... Мишеля Монтеня: «Я видел на своём веку сотни ремесленников и пахарей, которые были более мудры и счастливы, чем ректоры университетов, и предпочёл бы походить на этих людей». Походить на многих первооткрывателей, о которых пишу сейчас я. Мне слышатся не только их голоса, я теперь вижу отчётливо их лица, чувствую дыхание, какой бы широченной и угрюмой ни была тайга, скрывающая их».*

До этой книги мне казалось, что последние зёрна того неудержимого и массового «порыва» геологов-романтиков давно уж осели в тучной ниве советской литературы. И более того — лет сорок-пятьдесят, как взошли блистательными колосьями в книгах Григория Федосеева, Олега Куваева, Юрия Рытхэу, Альберта Мифтахутдинова. А потом — лишь лунная по-

зёмка и прах забвенья по выцветшей степи с пожухлыми обсевками и сонной повителью... Так нет же. Александр Малиновский решительно восстаёт, чтоб доказать: «Не может быть!» И делает книгу на свой «макар». Не о мальках и головастиках теперешней — гашёной — зыби, а о волне первооткрывателей.

Русские волны первопроходцев

— *Массовые волны первооткрывателей в России случались трижды. Первая началась на рубеже XVI-XVII веков с освоения Дона, Волги, Севера и Сибири казаками Ермака, купцами Мангазеи, поморскими мореходами и знаменитыми землепроходцами Бекетовым и Москвитинным, Поярковым и Хабаровым, Атласовым и Дежнёвым. Волна эта катилась где-то до середины XVII века. Её появление объяснимо, наверное, тем, что староверы, землепашцы, ремесленники и рыбаки бежали от царских и барских поборов, от церковной кабалы и крепостной неволи, что накладывала на них Москва. Бежали в поисках лучшей доли, вольной воли и свободной земли. В XVIII и XIX веках эти народные выплески стали единичными. Снаряжённые или поддержанные правительством экспедиции — Беринга, Беллинсгаузена, Крузенштерна, Палласа, Лепёхина, Шелихова, Резанова, Челюскина, Литке, Анжу, Врангеля, Черского, Невельского, Семёнова-Тянь-Шанского, Миклухо-Маклая, Пржевальского — это уже не совсем то. Не столько зов вольной души. Хотя дух пионеров влёт и эти великие сердца — вперёд, к новым землям. А вот в 20-е годы XX века социальный взрыв Великой октябрьской социалистической революции вздыбил невиданные пласты дремавших в простом народе, особенно на селе, потенциально уже готовых сил, устремив их к открытию нового. Это и была вторая, чрезвычайно концентрированная — менее 20 лет — волна первопроходцев. Мощный вал 1920-30-х годов мог быть обусловлен, конечно, только социальным освобождением. Бессчётные легионы «освобождённого труда» из стомиллионной деревни и городских низов, вчерашних же крестьян, сотворили всё то лучшее, что потом способствовало нашей победе в Великой Отечественной войне. При помощи оставшейся верной Отчизне интеллигенции эти пионеры создали идейно-моральные скрепы и материально-техническую базу новой державы. Следующая волна — это 60-е и 70-е годы прошлого века вплоть до начала 80-х — те, что оскорбили «застоем». На самом деле это была третья и последняя волна героев-пассионариев, которые усилили возрождённую из пепла страну. Но, к сожалению, уже к началу 1960-х силы и соки деревни иссякли. Деревня при Хрущёве поч-*

ти вся перелилась в город. А город почему-то не даёт той энергетики, которая питала и подвигала деревенских мечтателей. Наоборот, город обладает страшным свойством унифицировать, нивелировать и строить в шеренги. Так оно всё и выдохлось, захлебнулось к концу 80-х. А тут мы и идеологическую войну продули. Однако я не поверил и решил проверить, решил понять и доказать: это не так. Так не может быть... на Руси!

Прологом к «Саге» послужила биография нашего самарского учёного-универсала Валентина Александровича Цареградского (1902-1990), сына дьякона из старинного села Никольское-на-Черемшане. По окончании Ленинградского горного института Валентин Цареградский участвовал в Первой геологоразведочной экспедиции на Колыму (1928-29), после чего руководил Второй (1930-1931) и Третьей (1933-1935) Колымскими экспедициями, а в 1937-1938 годах — Индигирской экспедицией. Потом более 15 лет возглавлял Геологоразведывательное управление Дальстроя НКВД-МВД СССР. В 1948 году его дважды приглашал на приём сам Сталин. «За особые заслуги в деле промышленного освоения Дальнего Севера и обеспечение в трудных условиях военного времени успешного выполнения планов добычи редких и цветных металлов» в 1944 году ему присвоили звание Героя Социалистического Труда. А за открытие и исследование новых месторождений золота на Северо-Востоке в 1946 году генерал-майор инженерно-технической службы В.А. Цареградский был удостоен Сталинской премии первой степени. Он составил первые обзорные геологические карты Северо-Востока, позволившие открыть множество месторождений полезных ископаемых, а в соавторстве с академиком С.С. Смирновым написал ряд важных научных работ.

Судьба выдающегося учёного и государственника, как и всей его незаурядной семьи, настолько захватила Александра Малиновского, что он углубил свои изыскания, подстёгнутые невежественным равнодушием нынешних инженеров «политеха»: *«В группах студентов, среди будущих*

¹ Это слова из последнего разговора с А.С. Малиновским. 20 ноября он позвонил мне, когда я возвращался домой в автобусе, и говорил долго, сбивчиво, но при этом с неким напором, который не хотелось, да и невозможно было прервать. Это был скорее монолог буквально по минутам слабеющего, ужасно торопящегося человека, который хочет донести, прокричать что-то крайне важное... Я уже вышел из транспорта и слушал, слушал, всё реже вставляя успокаивающие междометия. И так где-то час с лишним. Ни сном, ни духом, я не соображал, что это последний монолог писателя Малиновского, отчего-то адресованный лично мне. На следующий день узнал, что Александра Станиславовича срочно отправили в Германию — на роковую операцию. Так что теперь его предсмертные тезисы обретают иной масштаб, другой акцент. Последняя воля, писательское завещание, которое я и стараюсь максимально точно и полно воспроизвести.

нефтяников, механиков, нефтехимиков не оказалось знающих что-либо о замечательных выпускниках Цареградских. Ничего, говорил я себе, не в первый раз такое. Ведь на мои вопросы: кто такой Гарин-Михайловский? Что они знают о селе Гундоровке? Что знают о другом нашем земляке, известном писателе, который написал сказку «Аленький цветочек»? — студенты отвечают чаще всего, только заглянув в компьютеры. Подумал: вина здесь не столько их. Корни её в нас, во взрослых, больше всего. Они дети перестроечных 90-х годов. Занятые выживанием, мы не дали им того, что надо было... Стране же сейчас необходимы созидатели. Во всех сферах нашей жизни. Такие как В.А. Цареградский, И.М. Губкин, В.Г. Шухов, Н.К. Байбаков, В.И. Муравленко и другие. Инженеры своими талантами всегда крепили основы нашей страны. России нужны люди, объединяющие свой народ. И их мы должны знать!»

К слову, сам создатель «Саги» регулярно возникает в авторских отступлениях, комментирует дубль-ситуации, но только тогда, когда не может удержаться, ведь он из той же породы. Это сейчас всё и вся поразил вирус «комфорт-конформизма», множащий ряды изнеженных профанаторов и имитаторов. Породу первооткрывателей собирал и цементировал негласный девиз: **«Мне интересно, я не устаю удивляться и хочу делать это всю жизнь»**. Отсюда и стиль: факт и только факт, поскольку именно «его величество факт — вещь в жизни часто фантастическая! Особенно когда человек сталкивается с неизведанным. Мне интересен человек не придуманный, а живой, конкретный».

Карта залежей и судеб

— *Моя сага — это не кельтское сказание о героях-небожителях. Менее всего сегодня я расположен к сказительству. Мне больше по сердцу неспешная дума-размышление о самых обыкновенных людях, по некоей причине поднявшихся во весь рост, заглянувших за тучи и увидевших звёзды, так и ставших героями. Это вместе с тем и документально-художественное осмысление нерасторжимой связки прошлого-настоящего, но сквозь призму авторского опыта. Рассуждая о мною и не мною прожитом, я включаю авторский подстрочник, приглашая читателя к диалогу на равных. Только в таком контексте можно пробудить его интерес, сделать книгу работающей на самые разные аудитории. Это, так сказать, мировоззренческая программа-максимум. Есть и сугубо литературно-прикладная программа-минимум, возникающая из авторской мечты «возродить престиж инженера», помочь молодым осмыслить значения жизни отдельного человека в судьбе своей страны, «заразить» его собственными побу-*

дательными мотивами. А из них главный — удивление перед выплеском, высверком созидательной энергии первооткрывателей. Ведь почему я с такой любовью писал об этих людях? Да потому что Царегородский — это копия мой дядя. И наша деревня Утёвка всегда была полна таких самородков. Поначалу я недоумевал: откуда они берутся? Потом понял: да веками он накапливался, вот этот потенциал. Сельская община ковала этих людей, которые, пребывая веками во тьме невежества, от природы были талантливы, любознательны и при любой возможности искали место для выброса своей энергии. Они всегда мечтали узнать, найти, получить ответ на вопрос, открыть что-то новое. Эти импульсы и толкали их сначала покорять университеты, а потом — неведомые просторы Вселенной. Или вот мой дедушка. Он абсолютно, даже чисто внешне, был похож на того же Степана Дуракова — скромнейшего, немногословного героя экспедиций Билибина и Царегородского. Вопрос: почему я взялся за эту форму? Перед нами не столько художественное произведение, сколько биографически-документальная, что ли, хроника... даже не хроника, а некая мозаика фактов и портретов. Казалось бы, тут сама тема столь благодатна, что я мог замахнуться на пятитомную эпопею, полную приключений и интриг. Не стал и теперь рискну вступить в спор с моими коллегами — сторонниками классических форм, писанных законов жанра. А я против. Почему? Дело в том, что, преподавая в Самарском техническом университете, вот уже 20 лет я наблюдаю за современными студентами и вижу: они всё скептичнее относятся к литературе завиральной, высосанным из пальца героям, даже если эти герои реальны и списаны как бы с живого прообраза, даже носят историческое имя. Студент думает: вот писатель, он лет на 10 старше меня, накропал чего-то там по неким литературным формулам: завязка, кульминация, развязка. Уверен: уже из-за этих навязанных нам классических законов и правил студент не верит такому продукту. Жизнь-то другая. Зато, видя строго написанную книгу про конкретных людей, он понимает: этот писатель не врёт, он всё строит на живых свидетельствах и проверенных источниках. А значит, не уходит от правды, не пытается заморочить мне голову своими придумками, навязать свою мудрость. Так, с годами я всё больше склонялся к мысли, что надо писать не сюжетные вещи, а правду. Последние мои книги сделаны именно в таком ключе. И построение их придерживается такой концепции: вырванные из жизни, правдивые голоса, то хор, то соло, то а капелла. В «Саге о первооткрывателях» я сделал этот приём центровым.

На несколько лет инженер и профессор погрузился в архивы. Подобно записному старателю слова и добытчику факта, перерывая горы «пустой породы», он скрупулёзно намывал золотые крупинки будущих самородных глыб-судеб героев своей последней «Саги». Скоро к поискам удалось подключить родственников замечательного геолога: родовые цепочки и «их величества факты» потянулись со всех концов страны. Точно драгоценная карта, книга обрастала бриллиантовой вязью судеб. Среди её героев...

Юрий Янович Розенфельд (1874-1940). Эстонский геолог и первый колымский дореволюционный золотоискатель. Автор записки «Поиски и эксплуатация горных богатств Охотско-Колымского края», вдохновившей целое поколение учёных и золотодобытчиков, в том числе организаторов Первой Колымской экспедиции. Отсидев 4 года (1935-39) по обвинению в «мистификации и злостной утайке «богатого» Гореловского золоторудного месторождения», был досрочно освобождён, но в 1940 году найден убитым на 403-м км Колымской трассы.

Анатолий Капитонович Болдырев (1883-1946). Доктор геолого-минералогических наук, ведущий российский учёный-минералог. Основатель Фёдоровского института кристаллографии, минералогии и петрографии. Наставник Ю.А. Билибина, В.А. Цареградского, Д.В. Вознесенского. Осужденный в 1939 году по доносу завистника на 5 лет и сосланный на Колыму, работал на строительстве Усть-Тасканской электростанции и в системе геологоразведочного управления Дальстроя. «Рыл котлованы и писал статьи», а «походя» заложил основы для сводных работ по обобщению материалов многолетнего геологического изучения Северо-Востока, составил бесценный «Каталог минералов Северо-Востока СССР» и подсчитал мировые запасы золотых месторождений. Во время выездной комиссии АН СССР его доклад и научный подвиг привели в восторг самого В.И. Вернадского, рекомендовавшего его в АН, но профессор Болдырев трагически-нелепо погиб во время командировки.

Александр Павлович Серебровский (1884-1938). Начальник Главного управления по цветным металлам, золоту и платине ВСНХ СССР («Главзолото»). Заместитель наркома тяжёлой промышленности (1931-37) и организатор советской промышленной золотодобычи.

Эдуард Петрович Берзин (Берзинь, 1894-1938). Знаменитый латышский революционер, виднейший чекист, подавивший левозсеровский мятеж в Москве и раскрывший заговор Локкарта, крупный хозяйственник, директор великолепно отлаженного треста «Дальстрой» (Колымлаг), куда мечтали попасть ээки других «островов ГУЛАГа». Основатель

Магадана, колымского аграрного сектора и 600-километровой колымской трассы, его человеческие и организаторские качества высоко ценил Варлам Шаламов.

Сергей Дмитриевич Раковский (1899-1962). Прораб 1-ой и зам-начальника 2-ой Колымской экспедиций, один из первооткрывателей золотоносных районов Севера, организатор геологической службы и горнодобывающей промышленности на Северо-востоке СССР, лауреат Сталинской премии 1 степени.

Владимир Иванович Серпухов (1899-1977). Выдающийся геолог-теоретик и самоотверженный полевой практик. В конце 1930-х с товарищем в невыносимых условиях голода и стужи месяцами исследовал тундру, сам себе ампутировал отмороженный палец (позже отняли заражённую гангреной ногу). Профессор Горного института.

Вольдемар Петрович Бертин (1888-1964). Первооткрыватель Алданского золотоносного района, блестящий старатель, глава трудовой артели, начальник экспедиций «Союззолото» на Чукотку (1928) и Дервенской в Таджикистан (1949), директор золотых приисков и контор «Золоторазведки» (Якутской, Забайкальской).

Эрнест Петрович Бертин. Брат Вольдемара, прораб Эльконской партии в составе Первой Колымской экспедиции, «душа компании».

Степан Степанович Дураков. Искусный промывальщик, плотник, лоцман-плотогон, мастер на все руки, герой 1-ой Колымской экспедиции.

Макар Захарович Медов. Отважный якут-проводник 1-ой Колымской экспедиции, советский «Дерсу Узала», не убоавшийся «чёрной метки»: «Покойник будешь» — от Элекчанского родового Совета, где главенствовали старорежимные тунгусские князьки.

И далее: Вронский, Вознесенский, Казанли, Рабинович... Судьба каждого и каждой достойны хорошей книги и первоклассного сериала...

«Оплаченный вексель Билибина»

Ну, а увенчал «карту Малиновского» бриллиант по имени **Юрий Александрович Билибин** (1901-52) — тот самый, чьим именем назван город на «моей детской карте», а также первая советская АЭС на Крайнем Севере. Могучая фигура Билибина, приравненного к величайшим корифеям советской науки, до сих пор мало изучена и тем более изображена во всём блеске и изобилии талантов. Ну, разве что — россыпь оцифрованных крупинок на Северных сайтах, как, например, опубликованная аккурат к 50-летию Первой Колымской экспедиции (1928-29) Магаданским книжным издательством занимательная повесть *Германа Вол-*

кова «Вексель Билибина» (1978), через 6 лет переизданная под заголовком «Золотая Колыма». Плюс ей же посвящённая книга *Евгения Устиева «У истоков Золотой реки»* (Москва, 1976).

И вот ровно 40 лет спустя самарец Александр Малиновский взялся по новой воссоздать масштабный образ Юрия Билибина во всей полноте его неординарной личности. Так кем же он был, этот атлет и интеллектуал, искатель и учёный, боец и наставник, аристократ и трудяга?

Потомственный дворянин, сын полковника царской армии, Юрий Билибин в детстве учился в самарском реальном училище, вместе с отцом добровольно до 1921 года служил в штабе 16-й армии. Демобилизовавшись из Красной армии, решил посвятить себя геологии. В стенах Петроградского горного института звезда фортуны и свела двух «перспективных» студентов: Валентина Цареградского и Юрия Билибина.

Но «есть только миг между прошлым и будущим». Строки из всеми любимой песни к кинофильму «Земля Санникова». Не поверите, но многих героев книги Малиновского этим «мигом» на всю оставшуюся жизнь «пленил» автор «*Земли Санникова*», настольной книги первооткрывателей, великий геолог Владимир Обручев, а затем и его не менее славный сын: «*Их легко воспламенявшееся воображение было однажды поражено интересным докладом Сергея Владимировича Обручева, который только что возвратился из длительного путешествия в бассейн Индигирки и привёз оттуда массу новых геологических и географических сведений, — пишет Евгений Устиев: «Послушай, Юра, — воскликнул после обручевского доклада Валентин, — ведь это новая Америка! Там можно ждать чего угодно!»*

Будущий академик **Владимир Афанасьевич Обручев**, на ту пору консультировавший трест «Алданзолото», и порекомендовал своего выпускника Юру Билибина на Алдан «геологом с явными задатками разработчика научных методов поисков золотых месторождений». Автор «Плутонии» не ошибся. Очень скоро Алдан, Индигирка и Колыма навеки свяжут судьбы Билибина и Цареградского. Это случится во время Первой Колымской экспедиции (1928-29), которая докажет повышенную золотоносность Колымского региона. А золото на тот момент для Страны Советов означало не меньше, чем воздух. Станки, заводы, хлеб и кадра — всё это имело общий синоним «золото».

Головокружительная эпопея следовавших геологических экспедиций и открытий для тесных рамок нашего повествования неподъёмна. Важен результат. Имя ему — Золото Колымы, плюс новый город Магадан. Авторы результата — Билибин и Цареградский, их верные друзья и сподвижники.

Вот лишь избранные пункты той золотоискательской одиссеи: Самара, Москва, Ленинград, Владивосток, Ола, Оймякон, Нагаево (Магадан). А ведь самолетов ещё не было! До Владивостока — недели тряски в вагонах, чтоб вовремя успеть на пароход до бухты Нагаево. А там на собачьих упряжках, лошадях и плоту — сотни вёрст по бешеным рекам или лютому морозу. То же самое обратно. Был случай, когда «дезертировавшая» со сплава лайка закошмарила весь посёлок с Управлением: это всё, что осталось от экспедиции!

Как и водится в этом мире, Билибин, на десятилетия опередивший современников в своих прогнозах и новаторских методах полевых работ, едва не поплатился за это карьерой и даже жизнью. Это сейчас Золото Колымы — аксиома и, кажется, вечная данность. Билибину свою правду приходилось отстаивать научно на фоне дремучего невежества кондовых старателей и захолустных бюрократов, строгой теории предпочитавших мифы и побасёнки. О золоте Колымы много говорили, но мало кто мог похвастать хотя бы золотинкой. В таких условиях Билибину приходилось снаряжать Вторую экспедицию на Колыму, которую ему в итоге так и не доверили.

В отличие от других золотодобывающих предприятий, Дальстрой не входил в структуру «Главзолота», а подчинялся непосредственному руководству СССР, что давало и льготы, и чрезвычайные полномочия, в том числе на использование труда заключённых. А это был не самый дружелюбный контингент: в июле 1935 года сбежавшие зэки из Тасканского горнопромышленного района убили инженера-геолога поисковой партии Зверева и, ограбив продовольственную базу, скрылись в тайге. Остаться без продуктов на безлюдных просторах Колымы в те годы означало почти гарантированную смерть от голода.

Но стужа и цинга, зеки и звери — ничто в сравнении с косностью коллег и тем более безбашенностью руководства.

Сосредоточению работ на потенциально-золотоносных участках, гениально предугаданных и определённых Билибиным, изрядно мешали ненаучные, подчас мифические слухи о так называемом «золоте казачьего пятидесятника Попова». Билибин с его уникальной научной интуицией с ходу их опроверг. Однако «подход академика» желчно высмеивали, по старинке предпочитая ему «старательское чутьё» и слепую веру в удачу. Это крайне дезориентировало людей и затягивало дело. Разумеется, «Блеф Попова» будет разоблачён: казачий пятидесятник спутал золото с пиритом...

Но как же геологу да без её «благородия госпожи удачи»? Когда уже казалось, что экспедиция вернётся с весьма скромными результатами, фортуна улыбнулась ей шире, чем героям Хаггарда и Буссенара?

Итоги Третьей Верхне-Колымской экспедиции превзошли все ожидания и прогнозы: помимо золота, на правобережье Колымы были обнаружены богатые залежи угля и меди. Наконец, везунчик Цареградский открыл для всех и минеральный источник, донныне питающий всесоюзную здравницу — бальнео-грязевый курорт «Талая». Между прочим, автор этих строк ровно 40 лет назад целый месяц вкушал там целительно-талую водицу.

Но это три года спустя, а тогда — в 33-м — Юрий Александрович просто крепко напился в кругу товарищей и послал «по матушке раз-этакую власть». К счастью, свои не сдали, и «опальный» первооткрыватель Золота Колымы в сиротливом одиночестве убыл в Ленинград, что, очень может быть, избавило его от участи старших товарищей Берзина и Серебровского (оба были расстреляны в 1938-ом). Яркие деятели той сложной эпохи, они были сотканы из противоречий, обусловленных безжалостной кройкой по имени Революция.

Оставшиеся годы Билибин целиком посвятит большой науке, где открывает целое научное направление — региональную металлогению — и детально разработает вопросы образования россыпных месторождений золота. В годы Великой Отечественной войны Юрий Билибин защитит докторскую диссертацию (1944). Впрочем академическое поприще немногим отличалось от диких просторов Севера. Скорее наоборот.

Его громадный вклад в открытие золотonosных районов на Северо-востоке СССР уже отмечен Сталинской премией СССР (1946). В том же году Билибина избрали членом-корреспондентом Академии наук СССР. А ещё через 5 лет случится роковой инсульт, который осиротит Отчизну на одного академика, которым Билибин стопроцентно стал бы в ближайшие годы. Не сломленный колымскою стихией витязь науки не выдержал укусов «столичных комаров».

Жизнь геолога — отпечаток на граните

— Многие могут сказать, что вот, мол, Малиновский на старости лет изменил своему призванию писать о деревне, ударившись в сагу об инженерах, геологах — технарях. Да нет же, я сам инженер, профессор, автор 26 изобретений, не имеющих аналогов в мире. Да, родом я из села Утёвка, душой — простой крестьянин, по складу был и есть деревенский мужик. Когда полвека назад я поступил в Куйбышевский «политех», один весь такой лощёненький однокашник обозвал меня крестьянином. Я ему тут же врезал. Не за то, что мне было обидно звание «крестьянин», я им горжусь. А за то его пренебрежение к великому сословию крестьянскому, которое на протяжении тысячелетий

кормило Русь, вынося на своём горбу тяготы самых страшных войн и нашествий, даруя ей лучших сынов в науке, мысли, слове — русской культуре. Так вот, я настаиваю: «Деревенщики в литературе — это хорошо. Но нельзя всю жизнь вариться в собственном соку. Без инженерного рывка, без технического прогресса, без средств связи деревенская Русь закиснет, не сумеет ответить на вызовы времени. Без современных военных сил, новейших коммуникаций, передовой медицины не совладеет обороняться — противостоять отменно вооружённым недругам. Поэтому мой роман — это гимн инженерной мысли, подвигу геологов — самоотверженных первооткрывателей». Только в прочном сплаве лучших представителей деревни, городских трудящихся, учёных, военных, врачей — через их волю и силу — выстоит Россия. А это возможно при созидательной идее, которая увлечёт к новым высотам, дальним горизонтам. Развитие всегда требует новых идей и людей, новых целей и стимулов для будущих продолжателей — пассионарных личностей. Сейчас у нас ничего этого нет, вот потенциальные пассионарии и прозябают в одиночестве, чаще всего даже не догадываясь о своём предназначении. Сегодня весь ассортимент статусных, востребованных профессий напрочь исключает романтику. На виду — банкиры, финансисты, клерки, программисты, юристы, менеджеры, пожизненные депутаты — «белые воротнички». При этом до вершины айсберга большинству никогда не дотянуться. А значит, остаётся что? Правильно, «офисный планктон». Какие тут могут быть дальние горизонты и высоты мысли? Вместо человеческих качеств в цене то, что называется «отрицательный отбор». Робкий серый отстой царствует всюду — во власти, в культуре, в мысли и в слове. Горький вопрос: так отчего угас могучий запал пионеров 1920-30-х, да и позднейшей генерации конца 1960—начала 80-х? Всё дело — в замесе чистой, здоровой, земной и солнечной энергии интеллектуального пробуждения. Веками копясь на селе, в общине, она переполняла его и редко взрывалась ползуновско-ломоносовскими протуберанцами или коллективной боевой смекалкой, как в Отечественную войну 1812 года, когда барские колодки на время отлетели прочь. Стягиваемый в веках словно-местническими цепями, после революций 1917 года освобождённый космос крестьянской России жадно потянулся к знаниям, открытиям, вершинам, засверкал бесконечной лавой самородков...

«Держись, геолог»... Популярная «оттепельная» песенка в исполнении Ирины Бржевской породила «жанровый набор» представлений о профессии геолога: рюкзак, ружьё, палатка, байдарка, костёр, ну и чуток «палящего солнца и нещадного ветра»...

У геологов даже любовь тесно переплетается с разлукой, а то и гибелью любимого. Пропадали всяко. Гибли и от злодейской руки, но, что особенно обидно, за просто так: *«Осенью Катюша с нетерпением ждала возвращения Коли. Однажды она пришла встревоженная в мою комнату и сказала, что почему-то погиб цветок, цикломен, подаренный ей Колей в день свадьбы... Коля не вернулся. Его и его коллектора убили в тайге два уголовника, недавно вышедшие из тюрьмы, убили из-за денег, которые он должен был получить на прииске. Денег для расчётов работников всей партии на этом прииске он не получал».*

Такие свидетельские факты и дневниковые строки — «как опечаток на граните», полагает Малиновский.

Золото и «самородки»: «Моцарт и Аксаков русской геологии»

Универсальность личности Билибина, как и его друзей-единомышленников, камня на камне не оставляет от «диспута», противопоставившего физиков лирикам. «Диспут» навязали «шестидесятники», что зафиксировали фильмы Шукшина и Хуциева, где «утончённые интеллектуалы» — будущие «нувориши бомонда» — потешались над «картошкой», над «колхозанами», «дерёвней» вообще.

Генерации Цареградских и Билибиных такое пренебрежение было чуждо, при всём благородстве происхождения. Каждый участник экспедиции, будь то эвенк Мёдов или еврейка Рабинович, ценили товарища не за род, а за дар. А даров у искателей золота были «жилы и россыпи». Каждый был самородком. У писателя Малиновского ни разу не возникло и нужды придумывать какие-то изящные сравнения. Всё сделали сами герои. Наверное, поэтому «Сага» пестрит живописными фрагментами из дневников геологов, чему не стоит удивляться. Любой участник экспедиции Билибина-Цареградского брал с собой по 2-3 книги — изучал теорию на ходу и... на основе практики! Не потому ли, невзирая на разность фамильных корешков, все они были настоящими эрудитами, наизусть читали сотни стихов? Так, в колымской глуши, веселя и разнообразя рутинный быт местных добытчиков, неожиданно раскрывались и цвели талантливые самородки!

В глухом посёлке Усть-Нера с появлением геологов возник даже малый симфонический оркестр, который моментально поддержали не менее приличные вокалисты. Аж целая группа! А на вчера ещё угрюмых берегах Индигирки вдруг зазвучали меццо-сопрано *Анны Петровны Раковской* с колоратурным сопрано врача *Клавдии Фёдоровны Камальян*.

И пролился божественный мелос: «Патетическая соната» Бетховена, «Времена года» Чайковского, «Я помню чудное мгновенье» и «Жаворонок» Глинки... Григ, Моцарт, Бизе, Гуно... *«И это в суровой обстановке, когда жили и трудились индигирцы по законам военного времени. Когда наряду с изношенной землеройной техникой широко использовался ручной труд заключённых».*

Характерно, что такие вот творческие выходные летом устраивали строго в непогожие дни, когда нормально работать на земле было просто невозможно. В такие часы, помимо песен и танцев, первооткрыватели искрили юмором, экспромтами и бенефисами. А генератором был опять же Билибин. Вокруг начальника формировалась «могучая кучка» исследователей Северо-Востока и... художников-артистов. *Мария Цареградская* декламировала свои стихи. Лирика зажигала сердца. Не только на работу. Именно в экспедициях многие находили и вторую свою половинку. Так оно и потянулось по всей Колыме. Билибинский задел, он же завет: *«труд, творчество и смех»* — стал традицией колымских геологов.

Разумеется, дирижёрский и режиссёрский тон задавали лидеры компании: *«Если Билибина друзья и коллеги называли «Золотым Моцартом», то Цареградского, с его внешней сдержанностью, некоторой отстранённостью, безусловно, скрывающими натуру богатую, разностороннюю, тонко чувствующую звуки, краски и запахи окружающей жизненной стихии, можно назвать Сергеем Аксаковым в геологии».*

Эпилог, или Песнь об отважных рыцарях с золотыми копьями

— Я задаю себе и читателю мучительный вопрос: а есть ли Цареградские сегодня? Этим ответом и призвана стать «Сага о первооткрывателях». Есть! Современная молодёжь ничуть не глупее той, что была раньше. В ней не меньше романтики. Она бы так же хотела путешествовать — ей просто не дано эти качества в себе выявить и развить. Молодые люди даже не догадываются, что это в них заложено! Условия диктует другая — техногенная — кибер-идеология. Молодёжь зажата в виртуальных рамках гаджетов, компьютеров, кислотных дискотек, тепличного прозябания. Её ориентируют на карьеру «офисного планктона». А как может быть иначе у тех, кто никогда не играл в уличную «войнушку», не ходил в ночное, на рыбалку, не скакал на лошадях, не вязал снопы, не заготовливал сено. Другого трудно ждать от такого поколения. Тем не менее, буду-

чи потенциально заряжены той же пассионарной энергетикой, что и Цареградский, и Билибин, они терзаются от внутренней неудовлетворённости. В них зреет, не может не зреть, неосознаваемый бунт, который, к сожалению, и проявляет себя совсем в других настроениях, формах и акциях. Ребята то бездумно скачут на флешмобах, то хлопают Навальному, то обрекают себя на какие-нибудь лимоновские выходы. У них просто нет тех ориентиров, флажков. А самое дикое: никто и не требует от них новых путешествий или открытий. Путешественник в наше время — это дорогое удовольствие, которое под силу не бескорыстному романтику, а богатенькому эгоисту, соскучившемуся по остренькому. Такой может позволить себя яхту, покорить Килиманджаро, поохотиться на льва, устроить дайвинг или даже полететь на воздушном шаре и собственном планере. Но это всего лишь экстремальный туризм, суррогат путешествия. Есть совсем уж редкие экземпляры-одиночки типа Конюхова и Шпаро. Но они скорее исключения из правил. Вдвойне печально: молодёжь на них тоже не ориентируется, скорее реагируя на тупые или совершенно сумасшедшие лайки в ютубе, которые не имеют ничего общего с созидательной романтикой первооткрывателей. Всё зависит, повторяю, от правящей идеологии, от поколенческого заказа, либо целеустремляющего миллионы далеко и надолго, либо гасящего волны искателей. То есть при огромном внутреннем замахе молодых ребят существует чрезвычайно зауженный горизонт обозначенных возможностей и запросов общества (читай: власти) — сейчас крайне жалких.

Александр Малиновской своею книгой решил встряхнуть молодёжь, особенно техническую, заразить её искательской энергией геологов, повысить престиж инженера — конструктора и изобретателя. Он ничего не придумывал — лишь из первых уст героев формулировал цели и задачи геолога, первооткрывателя. Для этого требуется ведь не так уж и много: «Молодой начальник экспедиции Цареградский признавался, что его так охватило желание прокладывать первые тропы, делать открытия, составлять первые географические и геологические карты, что ни о почестях, ни о славе он не думал, получив под своё начало экспедицию. Ощущение значимости пути в мир неизведанного не оставляло места для второстепенного. Начинало сбываться то, о чём мечталось с самого детства!»

— *Долететь до цели!* — с азартом подхватывает Малиновский. — *А что чувствовала горстка плохо снаряжённых людей, оказавшихся непосредственно в объятиях дикой природы, будучи на тысячи ки-*

лометров оторванными от привычного? Ведь задача у геологов была не в том, чтобы просто выжить физически! Надо было свершить, наперекор всему, задуманное... Это был вызов! Так заманчиво почувствовать, понять состояние отважных геологов... Каким был сам Цареградский? Многогранным!.. На склоне лет он напишет книгу «По экрану памяти». Память у автора завидная! И если говорить про её экран, он не чёрно-белый. Это память инженера и художника, тонко чувствующего цвет, запахи и краски жизни. Ох уж это нелепое деление на «физиков» и «лириков», которое бытовало ещё до недавнего времени. «Физик» Цареградский всё время в полевых условиях не расставался с фотоаппаратом. И рисовал! Составлял карты полудикого края. В моих записках тоже соединились золотоискатели и нефтяники, посёлки, месторождения, города Самара, Москва, Ленинград, Сургут, Тюмень... И всему этому я обязан Валентину Александровичу Цареградскому-старшему, золотодобытчику. Он, как мощный локомотив, потянул цепочку судеб из неизвестности, подтолкнул к поиску, заставил прислушаться и услышать. Самое молодое поколение Цареградских живёт и работает сейчас на суровой земле Западной Сибири. Геологи, нефтяники, строители 1970-х годов свершили чудо! Они дали стране, миру нефть и газ Западной Сибири.

— Только начни читать дневник любого геолога, и станет понятно состояние, которое владеет им, когда он пытается прояснить то, что образовалось, сложилось за миллионы лет жизни Земли, — во вневременную переключку «врывается» ещё один легендарный колымский геолог **Борис Иванович Вронский**. — Когда он со своими знаниями, опытом такой короткой, как выскерк, собственной жизни в сравнении с этой чудовищной глыбой — миллионами лет жизни планеты — стремится, как отважный рыцарь с картонным копьём, взять до сих пор никому недоступную крепость. Тут всё: и раздражение, и мука, и смятение. И радость открытий!.. Все жертвы, утраты, все трудности окупаются сознанием того, что ты: первый ступаешь на новую, ещё никем не исследованную территорию, что ты первый имеешь возможность ознакомиться с ней и поведать о её богатствах другим. Именно это, ни с чем не сравнимое ощущение первооткрывательства давало нам возможность легко переносить трудности, которые в других условиях казались бы почти непреодолимыми!

— Нечто похожее, конечно, в менее значительной степени, приходилось испытать и мне, — соглашается Малиновский. — Помнится то состояние окрылённости, когда я получил первое свидетельство

на изобретение. То, что удалось сделать, не существовало до того в технике. Не было аналога! И вот изобретение есть, оно работает!.. Оно тиражируется. Ни с чем не сравнимое чувство...

* * *

И вот он оборвался, этот диалог.. сквозь времена и судьбы...

...Билибин, Царегородский, Серебровский, Вронский, Раковский, Берзин, Серпухов, Болдырев, братья Бертины...

Строй доблестных «рыцарей с золотыми копьями» величаво и безвозвратно ушёл за горизонт, оставив по себе освоенным гигантский и неисчерпаемо богатый край, стёр с земной карты миллионы квадратных километров «белых пятен», совершил фундаментальные открытия и двинул вперёд мировую науку. Они ушли...

А теперь нет с нами и замечательного певца их, коллеги по колену, соратника по стати — профессора, писателя и первооткрывателя Александра Малиновского. Нет его. Но в этой своей, увы, последней книге Александр Станиславович не просто попытался разобраться, в чём секрет научной удачи. Он здесь воздал — за нас за всех — дань благодарной памяти этим подвижникам науки, чьё забвение преступно, непростимо!

Что двигало им и ими? Мысль-озарение. Неугасимое горение. Смысл как поиск и поиск смысла. Осознанная целеустремлённость. Удивительная цельность. Железная самодисциплина. Воля и разум. Плюс безмерная и бескорыстная любовь к родной стране, которую они хотели обогатить своими находками, открытиями и самородками: отдавая ей всё бескорыстно и безвозвратно, вкупе со здоровьем и судьбой, кои без того нещадно ломала, вознося до звёзд и вечности, Великая эпоха.

«Сага» закончена. Отзыв на неё я озаглавил: *«Памяти писателя, первооткрывателя»*. В первом слове допустима поправка: *«Памятник»*... Ибо уверен: будет ему памятник — в именных уличных и институтских табличках, в фамильном музее и в бюсте писателя-инженера на родине его — в славной патриархальной Утёвке...

«ДОРОГА ПРАВДЫ И ДОБРА»

Большой конференц-зал Самарской областной научной библиотеки полон. Добрые, интеллигентные лица. В зале — писатели, краеведы, ученые, обычные любители словесности. На стенде — полтора десятка книг. А над ними слова: «Дорога правды и добра». У людей, собравшихся в зале, праздник. Праздником для них стали книги писателя Александра Малиновского, на чей творческий вечер они собрались. А приурочен он к 65-летию писателя и выходу в свет его четырехтомника, который выпустило одно из самых авторитетных отечественных издательств «Русский писатель».

Малиновский — личность многогранная. Выходец из села Утёвка, он прошел путь от рабочего до директора крупнейших нефтехимических заводов. Стал доктором технических наук, академиком Российской инженерной академии, заслуженным изобретателем России, профессором Самарского технического университета. «Во всем мне хочется дойти до самой сути...» — это и о нем, о Малиновском. И к литературе у него тот же подход. Может быть, поэтому и здесь он достиг высот, став лауреатом Всероссийских премий «Русская повесть», имени Э. Володина, А. Толстого, П. Ершова, И. Шмелёва.

«Мать подарила целый мир»

Для первой книги он сначала хотел взять псевдоним. Фамилию Малиновский, казалось ему, читатель может посчитать нарочитой, придуманной. К счастью, его тогда отговорили. Но откуда у деревенского парня такая нетипичная для самарской глубинки фамилия? Все дело в отце-варшавянине, который накануне Великой Отечественной вместе с сотней других поляков оказался в Самаре. Трое из них — в Утёвке. «Говорят, отец был красивым, голубоглазым, черноволосым. По деревне ходил в белой рубашке, пуловере, шляпе. Разговаривать мог на нескольких языках. Что было, конечно, необычно». Здесь, в Утёвке, Станислав Малиновский и нашел себе жену. Но в конце 1943 года, за четыре месяца до рождения Александра, был призван в Войско Польское. Отца Александр так никогда и не увидел. Загадка его судьбы притягивала к себе. Около сорока лет сын искал своего отца. И не напрасно. Не так давно Малиновский по-

бывал в Польше, на родине отца, который в звании капрала участвовал в освобождении своего родного города. Был в Варшаве на его могиле. «От отца мне остались фамилия и, видимо, в какой-то степени гены. Понимая, что я деревенский, в то же время смотрел на сельскую свою жизнь порой как бы со стороны». Верно сказал на вечере маститый самарский писатель Иван Никульшин: «Александр Малиновский начинается с детства, с клена под окном, с песни матери. Вот так и литература начинается с простого искреннего слова. То, что искренне, то правдиво». «Я люблю деревню, её быт, — говорит Александр Станиславович. — Мать у меня была крестьянкой с одним классом образования. По дедовой линии все мои предки — крестьяне. Быт был связан с лошадьми, с охотой, рыбалкой, землей».

Дед был конюхом. А ещё — рыбаком, охотником, бондарем, печником, скорняком. Когда накатил в Поволжье голод, уехал в Сибирь вместе с семьей. Из девяти детей в живых остались лишь трое. В Сибири он сколотил немного денег; вернувшись в Утёвку, построил на Центральной улице бревенчатый дом.

Александр родился в доме деда. Роды принимала старая повитуха. А потом жил то в дедовом доме, то в избе матери своей и отчима. «Это была саманная изба, — вспоминает Малиновский. — Потолка не было, сразу крыша. Поднимешь голову: наверху хворост, а на нем — солома. Дед обслуживал в райбольнице, в райкоме выездных лошадей. Огромный мерин Карий заскочил и в мою повесть «Под открытым небом». Норовистый был. Помню, падал я с него два раза. К старости Карий ослеп на один глаз. Лошадей нужно было кормить, а значит — заготовливать сено. И я с двенадцати лет участвовал в сенокосе. Его обычно поэтизируют. А это и тяжелая работа. К середине дня все плывет перед глазами. В детстве, когда ещё не мог на лошадь с земли залезть, забирался с колеса рыдвана. И — в галоп. Часто уезжали с дедом в лес либо в степь недели на две траву косить. Дед едет за продуктами, я остаюсь один. Утром проснусь — лошадь стреноженная рядом, птички поют. А я лежу себе под тулупом. Хорошо! Знаю, вокруг на десяток километров никого нет. Но вовсе не страшно. Золотая пора!»... Ощущения сельского быта остались в нем на всю жизнь. «Мать родит не писателя, не инженера или кого-то ещё, — размышляет он. — Матери дарят нам весь мир сразу. И в нем ты можешь стать кем угодно. Но ощущение большого мира приходит через малую родину. У неграмотного крестьянина — огромная вековая тяга к культуре, желание учиться. Многие мои односельчане рисовали, играли на музыкальных инструментах. Мои родные — дед, бабка — были людьми малограмотными. Но они боготворили книгу. Это и мне передалось. Я помню свои яркие детские впечатления от книг. От Конан Дойля, от Элизы Ожешко — там такие срасти,

мурашки по коже. А «Дерзу Узала» Арсеньева! И когда сам стал писать, было такое ощущение, что пишу за них всех, за всех моих родных, которые не знали грамоты, но чувствовали, может быть, ещё глубже, чем я. Берешь в руки произведение иного писателя — и не ощущаешь его корней. Как будто он в пробирке родился. Он мне такой неинтересен. По сути, писательство — это сохранение духа и образа жизни поколения».

В кабинете А. Малиновского висит картина с видом родной Утёвки. На первом плане — разноцветье трав. И бабочки! Автор картины — двоюродный брат Малиновского, тоже уроженец Утёвки Владимир Рябцев. Он окончил Строгановское училище. Когда Александр Малиновский писал повесть «Под открытым небом», наполненную детскими впечатлениями, эта картина все время была перед его рабочим столом.

«Копать в полный заступ»

На творческом вечере Малиновского Александр Громов, председатель Самарского отделения Союза писателей, сказал так: «К литературе Александр Станиславович относится трепетно». Точно сказано.

«Чем отличается писатель от других людей? — размышляет Александр Малиновский. — Он тоньше чувствует и зорче видит. Но нужно, чтобы читатель чувствовал: автор не все сказал, он знает ещё многое. Чтобы читателю захотелось вновь и вновь возвращаться к книге. Начинаешь писать, и будто открывается дополнительный канал. В такие мгновения ты более всего приближаешься к самому себе. Порою пишешь и не понимаешь ещё себя. Не знаешь, что с тобой произойдет через две-три страницы. «Пробираешься» к этому пониманию. Шаманить, заниматься словесным украшательством — не по мне. Когда нечего сказать — вот тогда шаманство и начинается». Малиновскому есть что сказать. Жизнь его так богата событиями, встречами, размышлениями, что даже если только маленькую часть их отразить на бумаге, это будет уже немало для читателя.

Валерий Ганичев, председатель Союза писателей России, однажды сказал так: «Читая Малиновского, ещё раз убеждаешься: не бывает чистого писательского таланта, писатель по-настоящему интересен только тогда, когда он сам является яркой, незаурядной личностью».

В предисловии к четырехтомнику известный прозаик, секретарь Союза писателей России, директор издательства «Российский писатель» Николай Дорошенко написал: «Александр Малиновский — писатель глубоко народный. И по степени близости его авторских эстетических и этических идеалов к многовековой русской традиции, и по мере адекватности его художественных образов не только народному идеалу, но и народному миропониманию».

А старейшина самарских писателей Михаил Толкач, выступая на творческом вечере, сказал: «На литературном огороде Малиновский копает лопатой в полный заступ. Оттого и урожай богатый». Самый большой участок на этом «огороде» — цикл повестей, которые составили две первые книги четырехтомника. Сорок лет российской жизни, начиная с 1957 года, вместились в эту эпопею, которую открывает повесть «Под открытым небом».

Это целый срез сельской и городской жизни, попытка разобраться, как и почему менялось сознание людей в последние десятилетия. Главный герой цикла — Шурка Ковальский. «Сельский паренек Сашка Ковальский, — пишет Николай Дорошенко в предисловии к четырехтомнику, — как и многие его ровесники, становится студентом, затем крупным ученым, организатором производства. Но... не утрачивает народности своего характера, все его ответы на вызовы стремительно меняющегося времени — это ответы умного, рачительного, с развитым чувством ответственности русского крестьянина».

Составной частью в эпопею вошла повесть «Черный ящик». Это тот случай, когда дневниковые записи одного человека вырастают до уровня обобщения, портрета целого поколения. «Я 37 лет проработал на заводах, — говорит Малиновский. — И в моем поколении столько директоров, воспитанных в державном духе... Людей, которые несли на своих плечах огромный груз... Когда у директора в подчинении четыре-пять тысяч человек, он действует через подчиненных. Он должен создать механизм, который мог бы работать и без него. Но в этом механизме есть люди, которые что-то недопоняли, есть лентяи, есть неумехи. И вот дело сделано, окружающие говорят: «Это задумка нашего генерального». А ты недоумеваешь: «Мать честная! Это же не я! Это все — испорченное!» Думают иногда: руководитель — самый свободный человек. Нет, он зависимый человек, закабаленный».

Из статьи московского литературного критика Капитолины Кокшеновой: ««Чёрный ящик» потому написан, чтобы сохранить (и докричаться до будущих историков) тот простой опыт, который переживал так называемый «директорский корпус»... Конечно же, принцип переустройства всех оснований нашей жизни работал на разрыв, на потери, на разлад. Но, пожалуй, самым ценным в «Черном ящике» является описание такого человеческого типа (в лице директора Стражникова), который не позволил разорвать времена...»

Из книжки жизнь должна выпирать, считает Малиновский. «Меня особо тронула с самого начала чтения Малиновского предельная ответственность его повествования, — заметил как-то известный писатель,

лауреат Государственной премии Семен Шуртаков. — Ничего не придумывается. Течет словно бы сама река жизни, и роднички бьют. Здесь свободное течение жизни... У нас сейчас очень много опытных литераторов, которые умеют что-то крепко завернуть, но не показать так, как в жизни. Ухо через голову почесать. Ошеломить... Малиновский далек от этого. Он как родник, который дает живую воду».

А вот что сказал писатель Николай Коняев: «В литературе все так устроено, что не надо обязательно быть размером с Шолохова. Надо быть только настоящим. Как Малиновский».

Конечно, не только из личных воспоминаний строил свою эпопею писатель. Случайно услышанная где-то фраза порою так точно ложилась к месту, что лучше не придумаешь. «Тогда я писал роман «Противостояние», — вспоминает Малиновский. — Там есть русская женщина, крестьянка Аксюта. Красивая в молодости. Но судьба её не сложилась: муж спился, и с детьми не все, как хотелось... И в конце романа она — битая жизнью, но все равно не теряет жизнелюбия. Я долго думал: как закончить? Чтобы было емко и лаконично. Какими словами? А тут зуб разболелся. Пошел в поликлинику. Стоматолог, изящная горожанка, рассуждая о жизни, говорит: «А что жизнь? Бабы маются, а девки замуж собираются». Откуда она взяла эту фразу? Не знаю. Может быть, генетически заложено. Вот эти слова и произносит у меня Аксюта в конце романа. Это ведь не только о женской доле сказано — о всей нашей жизни, и горькой, и сладкой...»

По своей неутомимой натуре Малиновский — изобретатель. Около пятидесяти научных работ, два с половиной десятка изобретений, многие из них внедрены. Идти по чужому следу ему неинтересно. И в литературе он тоже изобретатель, хоть и отвержен традициям великой русской словесности.

«Радостная встреча»

Писатель — человек, который делает открытие, так считает Малиновский. И он хочет, чтобы каждая его литературная вещь была открытием. По сути, он открыл нам уникального иконописца Григория Журавлёва. Своего земляка, жившего столетие назад. Родившегося без рук и без ног и писавшего картины и иконы, держа кисть в зубах. Ещё лет сорок назад он начал собирать сведения о нем. Писатель провел настоящее исследование, разузнав все, что только было возможно, о своём земляке.

«Как рассказать о художнике, человеке, жившем простой и бесхитростной жизнью? Я решил написать документальную повесть о том, как разыскивал материал. А удалось найти немало. Нашел иконы со

словами: «Писано Григорием Журавлёвым», фотографию художника с братом Афанасием, где Григорий изображен в полный рост. Беседовал со стариком, который видел художника, записал его воспоминания. Никаких легенд, никаких фантазий. Зачем? Жизнь Григория Журавлёва и так фантастична...» Так появилась повесть «Радостная встреча», ставшая для многих читателей потрясением.

До сих пор в судьбе Журавлёва остается много загадочного. Малиновский — человек упорный. Он наверняка не оставит свои поиски, и читателей, я думаю, ждут новые открытия, связанные с именем живописца из Утёвки. Кстати, недавно вышел в свет XIX том «Православной энциклопедии», где есть статья о Григории Журавлёве. Написал её Александр Малиновский. Книга об утёвском художнике выдержала пять изданий.

«Работа над повестью многому меня научила, — говорит писатель. — Главное — не надо врать».

Глазами Симы

Вот с этим посылом и ещё с желанием сказать своё, нечто новое Малиновский приступал к одной из лучших, на мой взгляд, своих вещей — повести «Сергеич и Сима». В ней переплетаются судьбы человека и кошки, которая, в конце концов, спасает его от смерти.

«Я много наблюдал за поведением кошек. У нас всегда был полный двор и кошек, и собак. Сколько времени я писал про Симу? Можно сказать — месяц, а можно — тридцать лет. Потому что первый толчок к повести был давно, когда я проходил по одной из улиц в Баку. Я увидел убегающих мальчишек и у забора — маленького желтенького котенка, которого они пришибли кирпичом. Тогда я был потрясен этим, хотя к тому времени видел в жизни всякое. Я пришел в общежитие и стал писать рассказ. Но работа не шла. И только потом, с годами, я понял, что надо писать не только о гибели котенка. Надо писать о том, что мы убиваем природу, её способность к самовосстановлению. Вот река течет — там турбулентное движение, слои воды перемешиваются, насыщаются кислородом. А нет этого — река начинает зеленеть, загнивать. Надо дать реке жизни течь свободно. И тогда природа, нас породившая, спасет, как спасла Сима Сергея Сергеевича. Сима — это сама природа. Это не умозрительный образ. Когда я писал повесть, перед глазами был тот желтенький котенок. Некоторые жизненные ситуации я додумал. Но, тем не менее, там все — правда. Я так проникся ощущениями кошки... Почему отказался от трагического финала? Литература, по моему убеждению, должна усиливать желание жить. В конце туннеля должен быть свет».

«В плену светоносном»

Лет до тридцати Малиновский был заядлым охотником. А потом как отрезало. Пожалуй, его отношение к природе определяется названием одной из книг — «В плену светоносном». Это путевые очерки, написанные под впечатлением путешествия на резиновой лодке вниз по реке Самаре — от её истоков до устья. «С детства для меня было всего желаннее пойти на рыбалку, — вспоминает писатель. — Сейчас вырвешься к реке Самаре — никого нет. А раньше обязательно три-четыре плоскодонки было видно. Это бригада плыла веники вязать. И продавали их потом. Или кто-нибудь ракушки собирал, ими кормили свиней... Природа была частью быта». Проплыть на лодке по всей реке — давняя мечта Малиновского, которую он воплотил вместе с друзьями, когда ему было уже около шестидесяти. Повесть насыщена размышлениями о природе, о жизни и полна примет самарского степного пейзажа, с его «терпким настоем запахов каленого желтого самарского песочка, развесистых лопухов, ивняка, ольхи, осинника по берегам у воды...». Очарование этому путешествию придали незапланированные, порожденные природной стихией «лирические отступления». Не случись на Сорочинском водохранилище шторма, где ещё и когда довелось бы увидеть на заброшенном понтоне гнездовые белокрылых крачек?.. Непредвиденные остановки дали возможность автору вместе с читателями книги оглядеться вокруг, подумать, вспомнить былое, подышать степным простором... И эта повесть-путешествие, как и книга об иконописце Журавлёве, тоже была открытием. Многие читатели так и говорили: «Вы открыли нам Самарку заново». В книге была ещё и любовно составленная автором карта Самарского края, с помощью которой можно мысленно вместе с ним совершить путешествие по реке.

Нет одной правды на всех

Другое путешествие — в мир детства — в повести «Под старыми кленами», удостоенной премии «Лучшая книга России». И это тоже книга — открытие. На презентацию четырехтомника Малиновского в Самару приехал известный московский критик и поэт, секретарь Союза писателей Алексей Шорохов. Любопытно было узнать, чем ему интересен самарский писатель. «Малиновскому, — сказал Алексей Шорохов, — хорошо удаются произведения в редком в сегодняшней литературе жанре — жанре повести. Мне нравятся его детские вещи, особенно «Под старыми кленами». Они живые. Ну, нельзя же, чтобы целое поколение воспитывалось только на «Гарри Поттере» и подражаниях ему. В своей повести, как

и в других, Малиновский предельно честен. У него своя, непридуманная интонация. Он открыт, распахнут перед читателем. Хороший писатель не может быть плохим человеком. «Гений и злодейство — две вещи несовместные». Своим опытом Малиновский подтверждает эту пушкинскую формулу».

...Писатель даже придумал свой жанр — колки, это такие прозаические миниатюры, вошедшие в четвертый том его собрания сочинений. Колки — так называют небольшие лесные островки. И писатель вместе с читателем путешествует от одного к другому. От одного воспоминания — к другому... Говорит о событиях, больших и маленьких, которые формировали его как личность. О людях, известных и незаметных, которые оставили след в его жизни.

«Что больше всего отталкивает в людях?» — однажды спросил я его. Ответ был неожиданным: «Категоричность. В людях, мне кажется, надо поддерживать терпимость, чувство меры. Единой правды, правды для всех — нет. Я это понял ещё в школе, когда мне было лет четырнадцать. Когда смотрел на своих учителей, которые говорили часто менторским тоном. Я вспоминаю разговор своего деда с приятелем. Они едут на возу с сеном и беседуют. Дед рассказывал, как во время Гражданской в Царицыне убежал от белых, не хотел воевать. А приятель деда, Михаил, удрал от красных. «А чего ты удрал? — спрашивает дед. — Может, командиром стал бы». А тот отвечает: «А что толку? Побыл бы в командирах, а потом — голова в кустах. А так еду сейчас — смотрю в небо, звезды над головой». Не нужна нашим дедам была война. Они были её пленниками. А я пионером тогда был, мне доверяли пионерские костры разжигать. А тут такое слышу. Не мог не доверять своему деду и его приятелю. Тогда ещё начал догадываться, что в жизни правды мало. Нужна истина. Но вот идешь, идешь к ней — и до сих пор никак не дойдешь».

Стихи как голос природы

Сейчас Александр Станиславович преподает в Самарском техническом университете. Он много общается с молодежью, пытается привить студентам экологическое мышление. Задача почти неподъемная. «Начав читать лекции, я понял: ни твой опыт, ни твои знания, ни твоё умение видеть главное и частности не способны изменить поток жизни, который проходит мимо тебя. И самой природой заложено: истину молодые будут постигать через собственные ошибки. Это давно известно. Но когда видишь подобное зримо... У нынешних студентов — своя правда. И свои заблуждения, которые связаны и с материальными ценностями. Я убежден: материальные потребности ограничены, а духовные — без-

граничны. Надо, чтобы дела вершились во имя чего-то главного. Третьяков, поняв это, собирал картины. Однажды вижу на лекции — студенты устали, говорю: «Давайте свои стихи почитаю». Прочитал — они неожиданно мне овацию устроили. Был у меня экологический цикл, два стихотворения из него опубликованы в журнале «Наш современник». Вот такое, например, стихотворение. Называется оно «С ружьём»:

*Вскрикнет ли выть на болоте заросшем,
Или кукушка прольет свою грусть —
Все-то мне кажется, будто о прошлом,
Будто о давнем грустит моя Русь.
Руку кладу на цевье замираю,
Но не стреляю, молчу. Отчего?
Словно боюсь, что сейчас расстреляю
Себя самого, себя самого...*

Стихи Малиновского певучи, мелодичны. Кажется, они сами ложатся на музыку. И песен на его стихи немало. Каждая из них, по словам дирижера Самарского академического симфонического оркестра Георгия Клементьева, «родилась с такой простотой и естественностью, как рождается трогательный и безыскусный напев в голосах природы...».

Стихи как голос природы... Может, оттого и в прозе его герои часто поют старые задушевные песни? А автор задается вопросом: какие песни мы будем петь через десять, пятнадцать лет? И этот вопрос тянет за собой другой: что останется после нас? Не дело писателя давать однозначные ответы. «Человеческий мозг не в силах ответить на многие вопросы», — размышляет Малиновский. — И все же он всю жизнь мучается «вечными вопросами». И, может быть, прав главный библиограф Самарской областной научной библиотеки Александр Завальный, сказавший на презентации книг Малиновского: «Этого писателя люди будут читать и через сто лет. И будут удивляться ему...»

Вадим Карасёв,
член Союза писателей России

АЛЕКСАНДР МАЛИНОВСКИЙ И СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Мало у кого из самарских писателей, да и не только самарских, такая большая библиография, как у Александра Станиславовича Малиновского. Вот далеко не полный список публикаций в газетах и журналах его статей, рассказов, очерков, публикаций о его в творчестве и интервью с ним. В нём 154 названия. И это без учёта многих других публикаций. Наиболее часто публикации появлялись в газетах «Волжская коммуна» и «Российский писатель». Обзор всего написанного Малиновским и о нём в средствах массовой информации занял бы очень много времени. Ограничусь лишь несколькими тематическими разделами, на которые можно было бы условно разделить публикации, связанные с его творческим наследием. Эти разделы отражают многогранность личности Александра Станиславовича.

Деятельность Малиновского — учёного и производственника, директора крупнейших новокуйбышевских предприятий представлена в газете «Большая химия», «Нефтехимик», «Самарская газета», «Вестник», «Суббота», «Рабочая трибуна», «Российская промышленная газета», в журналах «Босс», «Самара и губерния», «Дело». «Панорама нефтехимии» — в публикациях с 1993 по 2000 годы.

Малиновский много занимался экологическими проблемами, считая, что они могут стать разрушительными для нашей цивилизации. И более того, он говорил в своих публикациях и научных докладах об экологии человеческой души. Эта его деятельность нашла отклик, например, в газете «Волжская коммуна».

Многочисленные очерки, рассказы и стихи Малиновского появляются в газете «Волжский комсомолец» в семидесятые годы, в нефтегорской газете «Ленинский луч» — в восьмидесятые годы и девяностые, когда газета стала называться «Луч», и в те же годы его произведения часто печатались в газете «Волжская коммуна». С 2000-ых годов прощественные произведения писателя охотно печатали ведущие российские литературные издания: журналы «Москва», «Наш современник», «Русское эхо», «Роман-журнал. XXI век», газеты «День литературы», «Московский литератор», «Российский писатель», а также газета «Волжская заря».

Литературное творчество писателя находит отклик в обзорах критиков и литературоведов в «Литературной газете», в газетах «Известия», «Книжное обозрение», «Литературная Россия» «Российский писатель», «Луч», «Волжская заря», «Волжская коммуна». Писатель часто встречался с читателями, в том числе и юными. На его родине в Нефтегорском районе проходят Малиновские чтения, и это нашло отражение в публикациях — например, в статье в «Волжской коммуне» «Путешествие в страну Играрию».

Особая страница — публикации Малиновского, связанные с его замечательным земляком — художником и иконописцем из Утёвки Григорием Журавлёвым, творчество которого он открыл широкой публике. Серия статей Малиновского «Утёвские находки» печаталась в «Волжской коммуне» в 1992 году. Позднее он писал о художнике в журналах «Аз есмь гражданин», «Духовный собеседник» и других изданиях. И каждое из шести изданий его книги о Журавлёве «Радостная встреча» находило отклик в печати. Об этом писали и «Волжская коммуна», и «Литературная Россия», и «Ленинский луч».

В ряде публикаций Малиновский предстаёт перед читателем как многогранная личность, объединяющая в себе и изобретателя, и мыслителя, и учёного, и поэта, и краеведа. Так, статья в журнале с научным названием «Панорама нефтехимии» от 1999 года называлась так: «Александр Малиновский: поэт на Волге больше, чем поэт». Этот же журнал в том же году напечатал отрывки из книги «Чёрный ящик» — честную исповедальную документальную прозу директора завода Малиновского.

Объёмные творческие портреты Малиновского во всей его многогранности в начале нашего века публикуются в журналах «Самарские судьбы» и «Самара». Одна из публикаций в этом журнале называлась «Человек, определяющий лицо планеты, или Открытое небо Александра Малиновского».

Когда публикации появлялись в тех или иных печатных изданиях, это вызывало интерес и у многих интернет-изданий, которые тут же перепечатывали у себя эти тексты. Так, материалы о Малиновском появлялись, например, на сайтах «Самарские судьбы», «Российский писатель», «Волга ньюс».

Сам Малиновский очень трепетно относился к печатному слову, понимая, что это тоже дело, тоже поступок, порою не менее значимый, чем те или иные действия руководителя предприятия. Я помню, как при подготовке публикаций мы подолгу с ним обсуждали нюансы значений тех или иных слов. Для него очень важна была отдача от

его произведений. Ему нужно было знать, как примут их читатели. Как расходятся круги по воде от брошенного в неё камня, его книги и публикации имели свои живительные последствия. Это можно, например, сказать о книгах и публикациях о Григории Журавлёве, которые создавались параллельно с поиском его работ и документов о нём. При непосредственном участии Малиновского был создан музей Григория Журавлёва в Утёвке. После выхода книги «Радостная встреча» в этом селе были проложены туристические маршруты. А главное, очень многие люди заинтересовались жизнью Григория Журавлёва. Он стал для них символом стойкости, нестигаемого таланта. Малиновский принял живое участие в судьбе Утёвского храма, который в своё время расписывал Григорий Журавлёв.

Живительные последствия имел и выход книги «В плену светоносном» о реке Самаре и путешествии по ней: здесь писатель поднял важные экологические проблемы, он писал о том, что нарушилось равновесие человека и природы. От впечатлений от путешествий по реке он идёт дальше — к размышлениям о том, куда движется общество, каким образом «покорённая» человеком природа выражает свой протест, способны ли мы спасти реку, питающую великую Волгу, а значит — спасти и себя. Ему было больно, что Самара обмелела, а берега её во многих местах захламлены. Потом это беспокойство проявилось в публикациях в газете «Живая вода». Следствием этого стало создание экологической программы — сначала в Нефтегорском районе, а затем она захватила и другие районы области. Действует эта программа и по сей день, благодаря чему многое в экологической ситуации меняется к лучшему.

Журналисты любили брать у Малиновского интервью. В них виден человек пытливого ума, разносторонний, человек государственного мышления и при этом деликатный человек, уважительно относившийся к людям независимо от их социального положения. Человек, не потерявший в себе детского начала, которое не позволяло ему успокаиваться, забронзоветь. Заставляло задумываться о сути простых, казалось бы, вещей. В одном из интервью он сказал так: «Я думаю, что в каждом большом писателе сидит ребёнок».

Мне часто приходилось брать у Александра Станиславовича интервью и писать о нём. И каждый раз он открывался с новой стороны.

Вадим Карасёв,
член Союза писателей России

ОТ НАЧАЛА КРУГА

Все возвращается... Возвращается на круги... На круги своя. Так сказано...

20 февраля 1944 года в селе Утёвка Куйбышевской области родился внешне обычный мальчик. Он ничем не отличался от прочих новорожденных. Сразу же громким плачем подал голос. Засучил маленькими красными от долгого пребывания в материнском чреве ножками. Странно поморгал веками, неуловимо показав глазки, неспособные пока воспринимать предметы, и цвет которых нельзя было определить. Малыш как малыш.

...Новорожденный был передан его матери Катерине повитухой (роды принимала повитуха), наречен Александром. И пошел отчет только ему предопределенных на линии жизненного круга фактов и событий, они же с годами стали все отчетливее выявлять не обычность его, а особенность — всестороннюю природную одаренность и разные таланты.

Новый жилец появился на свет в доме отца Катерины Ивана Дмитриевича. Известие тут же облетело село. Потому как в самом этом факте содержалось для Утёвки неожиданное. Роженица была молода. Однако находилась уже во втором замужестве. И первого мужа, и второго успела проводить на фронт. Первого — в самом начале войны, второго — незадолго до рождения Александра. Причем был второй, в отличие от первого, не коренным жителем, да ещё не из русских, каковыми почти поголовно являлись утевские, а из поляков. Его звали Станислав, он появился в Утёвке после 1939 года, когда произошло присоединение к Советскому Союзу Западной Украины и последовали определенного рода события, в частности, интернирование (переселение) из западных мест части населения в центральную Россию. Станислав женился на Катерине, когда ей сообщили о гибели первого мужа (это была ошибка, позже первый муж в Утёвку вернулся, но в тот момент об ошибке никто не знал). Вскоре Станислав тоже был призван в армию — Войско Польское... Катерина рожала сына уже без Станислава.

До восемнадцатилетнего возраста Александр в Утёвке жил и рос, окончил среднюю школу. Затем поступил учиться, стал работать в го-

роде. Однако все годы постоянно на малую свою родину приезжал и сейчас приезжает. В родной дом к матери и отцу, пока они были живы. К своим родственникам, которые и сейчас ещё в немалом количестве здесь живут. К многочисленным друзьям, знакомым. ... На отдых у любимой с детства реки Самарки, что под селом протекает, на бесконечные местные озера с колоритно характерными названиями Бобровое, Лещевое, Осиновое, Латинское, Тяглое, Песчаное... Поохотиться на уток, порыбачить на карася, на леща (с юных лет ещё увлекся охотой и рыбалкой, не мог не увлечься — места такие, и дед был охотник да рыбак). В общем, всю свою жизнь самой пуповиной связан Александр с Утёвкой. «Есть в нашем лесу деревья, с которыми я знаком десятки лет и которым всегда рад при встрече, они — мои товарищи», — говорит он сегодня, почти как герой Василия Макаровича Шукшина в фильме «Калина красная», где тот называет молодые березки «подружками». Но чувство Александра не заемное, не показное — вот, мол, и я такой же, как Шукшин, тонкий мужик, а глубоко своё, поскольку дальше он признается в том ещё, что только ему ведомо: «Есть и такие (деревья), о существовании которых вообще никто, кроме меня, не знает». «Я поехал по белу свету. Видел, как растут кокосовые пальмы. Срывал бананы и, срывая их, вспоминал, как растет наш арбуз, как можно босыми ногами, балуясь, катить его по влажному песку дороги до самой речки, навстречу ожидающим тебя таким же, как и ты, загорелым и веселым ребятам.

На Центральной улице в моем селе стоят два дома: один — деревянный, покрашенный в светло-голубое, другой — саманный, кирпичного цвета. Деревянный — дом моего деда Ивана Дмитриевича и бабушки Груни. В нем я родился. Время было военное, зимнее, метельное, до больницы не добраться. Да и вообще в те времена детей принимала повитуха...

...У первого дома в палисаднике всегда росла желтая акация — поставица самодельных многоголосых свистулек для ребятни.

В палисаднике у саманного дома растут карагач и клен, посаженные мной ещё в том возрасте, когда собственная жизнь казалась вечной, а мир за околицей села и там, вдали, в больших городах — манящим и завораживающим».

* * *

Мы давно собирались съездить вместе на его, как он говорит, отчину. И вот 13 октября 2011 года он заехал за мной на личном автомобиле, и мы отправились в Утёвку. Он за рулем, я — рядом.

День был свободным от работы. А он, замечу, доныне работает, преподает в Самарском государственном политехническом университете (знаменитом с давних пор политехе). Доктор наук, профессор... И для поездки день выдался хорошим. Кончилась первая занудная полоса дождей, что обычно приносят в наши места поздний сентябрь и начало октября. Заблестало опять на небе солнышко. Оно будто раздвинуло его ввысь и вширь, освободив от серого одеяла низких осенних облаков, сделало по-особому голубым, прозрачным до неведомой глубины. Дул, правда, восточный ветер. Прохладный, почти холодный. Но при солнышке и голубом небе он только бодрил.

В машине справа от водительского сиденья увидел большую банку, полную ярких красных цветов. Кому и для чего? Спросить постеснялся. Но вскоре объяснилось все само собой. У ближней со стороны большака травянистой околицы Утёвки Александр поворотил направо, и все сразу стало понятно. Мы приехали на утевский погост, старое, широко раскинувшееся кладбище...

Обошли места упокоения его близких — родителей, деда и бабушки, брата, дяди: им-то и предназначались яркие красные цветы в знак неослабной памяти и любви. Аккуратно положили цветы на поросшие погостовской муравой холмики у крестов и памятников. Как положено, помолчали при этом.

Отсюда поехали по знаковым для него местам в селе. Вот он — тот самый «крашенный светло-голубой дом» деда и бабушки по улице Центральной, другое место на том же порядке, только подальше, где стоял родительский дом — «коричневый саманный». В первом живут теперь чужие люди. А «саман» давно заменен новым строением, которое поставил племянник по материнской линии Сергей Никитин.

На другой улице Утёвки, Дачной, живет дядя Александра по матери Сергей Иванович Рябцев. Недалеко от него — близкий Александру человек Сергей Дмитриевич Лобачев.

— Можем к ним заскочить, — предложил он. — Нескучные люди. На многих инструментах играют.

Ко второму Сергею мы, однако, не попали. В этот день хлопоты унесли его в Самару.

К первому же завернули — так вышло — в самом конце дня. И он все время терпеливо ждал нас, как дорогих гостей, приготовив стол и подарки. Стол мужик (он долго жил в городе, переселился в Утёвку лишь под старость и живет здесь сейчас один), должен заметить, накрыл в его положении просто «королевский». Например, было тушеное с кабачками мясо. А на дорожку положил нам по овощу, каких ни на одном

огороде прежде не видел. Кабачки с большущую тыкву — едва в кабине уместились.

Сергей Иванович с Александром не похожи. Дядька высокий, жилистый, по-городскому свободен в поведении и манерах, но по-деревенски прост и естествен. Племянник приземист, плотен в теле, а в поведении и манерах дядьке противоположность. Не то чтобы не свободен или не прост и неестествен, а вот другой. Он будто насквозь пропитан интеллигентностью, что не позволяет ему быть совсем уж свободным, простым и естественным где надо и не надо.

И все же бесспорное сходство между ними есть. ... Впрочем, сначала ещё о самой поездке по селу.

Сразу после утевского кладбища Александр предложил посетить в Утёвке местный храм Святой Троицы, встретиться с его настоятелем отцом Анатолием. Храм особенный. В годы воинствующего при советской власти атеизма, ещё до Отечественной войны, он был закрыт. Но крепкое, построенное в конце XIX века на годы и годы, здание сохранилось до наших дней. А когда православная вера в изменяющейся России начала возвращаться к народу, его отремонтировали, сделали реставрацию фресок и росписей, и в сентябре 1989 года храм был снова открыт для верующих. С этим храмом связана судьба крестьянского художника-иконописца Григория Николаевича Журавлева, который писал свои работы кистью, зажатой зубами, потому что родился без рук и без ног. Александр приложил руку к возвращению памяти уникального утевского самородка.

Отец Анатолий несет службу в храме с первых дней восстановления его действия. Много сделал для ремонта здания и приведения в порядок территории вокруг него своими руками. И сейчас мы застали его не в одеянии настоятеля, а в рабочей одежде, хлопочущем в ограде храма. Отец Анатолий отложил хлопоты, они с Александром приобнялись. Затем он показал внутреннее убранство храма, рассказал о Журавлеве и его иконах.

* * *

— И э-эх! Нельзя сегодня на речку — дорогу развезло, не проедем. Зато можно на озеро — на Бобровое. Едем?! — предложил Александр, когда мы распрощались с отцом Анатолием, объехали места, о которых уже говорил.

— Конечно!

— Бобры на озере, правда, уже не водятся. Название, однако, сохранилось. Озеро, между прочим, непростое. Бывшее русло Самарки — старица.

Бобровое почти за селом, близко. Мы вышли на его берег через какие-то минуты езды.

— Теперь рыбу да раков здесь ловим, а раньше... — Александр стал рассказывать о местных озерах. А я слушал его и любовался старицей. Бобровое и сейчас почти речка — озеро неширокое, но очень длинное, ни вправо ни влево не видно края. Полоса воды окружена зеленым ивняком, ветлами. На той стороне желтая камышовая поросль, из которой торчат останки какого-то большого дерева (похоже — осокоря) в виде острых обломов кряжа. Вода прозрачная, все, что Бобровое окружает и что прямо над ним — зеленые кусты и деревья, голубое небо, в озеро отражением опрокинуто, как в большом зеркале.

...Только после Бобрового мы оказались в гостях у дядьки Сергея Ивановича. Для пущей важности немного поплутав по утесским переулкам (показалось, что водитель куда надо нарочно повернул не сразу, чтобы я больше сельских порядков увидел), машина, наконец, подкатила к дому с кряжем клена невиданного размера перед ним и просторным двором. Дядька, как уже говорил, оказался и не похож на племянника и... похож. Но чем? Понял не сразу.

Мы приняли с Сергеем Ивановичем по стопочке (Александр за рулем), по другой, «королевским» блюдом хозяина угостились, и тут из дадьки «поперло». Сначала он рассказал байку: «Дед тут у нас был из дальней родни, а у него внук, который рано пристрастился к куреву — пацаном совсем. Где уж курево находил, не знаю, но находил. Может, окурки подбирал — чинарики... И вот пошли они с дедом на рыбалку. Сидят в лодке, не клюет, и так захотелось мальчишке хоть одну затяжку, смерть как. Но деду-то не скажешь — уши отвернет.

— Дед! Сил нет, до ветру хочу, — говорит он тогда старику (придумал). — Можно в кусты?!

Что деду ответить? Поплыли к берегу.

Внук, довольный, возвращается, а дед головой качает:

— Да, внучек! Много на свете повидал я, но чтобы из задницы кольцами дым валил, когда нужду справляешь, — такое первый раз...»

...Сергей Иванович достал мандолину, заиграл на ней лихо, уверенно тренькая по струнам. Запел. Мотив был неизвестный, слова неожиданные, но хорошие. И мелодия, и слова ладно друг с другом скроенные. Оказалось, сам сочинил. Дядька Малиновского, как оказалось, имеет свои склонности к творческому самовыражению. И в этом-то они с племянником и похожи.

* * *

Полно Александра зовут — Александр Станиславович Малиновский. Уже говорил, что он — известный человек в научной среде. Не менее, однако, Малиновский известен среди промышленников — около пятнадцати лет был директором крупного нефтехимического комплекса — завода синтетического спирта в Новокуйбышевске. Там же затем возглавлял нефтехимический комбинат. Руководил химическим заводом в Чапаевске. А кроме этого имя Малиновского теснейшим образом связано с литературой, литературными кругами. Он — автор более двух десятков книг стихов и прозы — романов, повестей, рассказов. Член Союза писателей России. Принят в 1994 году. Его повести и рассказы сегодня размещены на сайте Союза писателей России. Рядом с прозой таких знаменитых российских авторов, как Валентин Распутин, Виктор Лихоносов, Владимир Крупин, Евгений Носов...

В разговоре Малиновский заметил:

— Дед и бабка мои едва умели читать. Мать имела один класс образования. Но настали другие времена. Мой двоюродный брат Володя окончил Высшее Строгановское художественное училище, теперь член Союза художников России. Ещё один двоюродный брат, другой Володя, летал на больших гражданских самолетах, получил звание Героя Социалистического Труда. Брат бабушки по матери Дмитрий был председателем колхоза. Его сын Василий, мой крестный, стал военным летчиком, дослужился до полковника.

* * *

Впервые имя Малиновского услышал, когда перебрался из села в город, стал работать в областной газете «Волжская коммуна». Рассказал о нем Иван Никульшин, который будучи уже известным писателем тоже трудился в газете. Мы подружались. Сколько, замечу, замечательных встреч и знакомств подарено «Коммуной»!

...Рассказал, а потом предложил:

— Давай-ка возьмем у Малиновского интервью. У него скоро юбилей (пятидесятилетие). Хороший повод. Главное же, он столько уже наворочал... Когда только успеваешь?!

Иван Ефимович поведал обо всех ипостасях Малиновского, добавив, что он ещё и писатель.

Интервью было взято, опубликовано. И пошло с тех пор наше знакомство, а в какой-то момент — сближение. Знакомству теперь уже лет пятнадцать.

...Во младенчестве после болезни корью из-за ошибки медицинского работника Александр потерял зрение. Из больницы его выписали незрячим. Мать понесла сына крестить. В село Мало-Малышевку, где была действующая, одна из немногих тогда в области, церковь. За пятнадцать километров. Вброд через Самарку. Не страхась попасть в глубину реки и утонуть — она не умела плавать. И втайне от всех, потому как совершенные любых церковных обрядов в то время серьезно осуждалось — из-за того самого воинствующего атеизма.

Крещение ли помогло, рецепт ли, полученный от знахаря (к кому только Катерина не обращалась за помощью, пока ей не посоветовали промывать глаза мальчика настоем из дождевых червей по рецепту великого врача Востока, целителя Ибн Сины, или Авиценны). Зрение удалось вернуть.

Зачем я рассказываю, спросите, об этом? А затем, что поступок (хождение в церковь через Самарку) и борьба матери за зрение сына важны для понимания натуры самого Малиновского, поскольку выпукло являются сильные материнские качества, и их Александр унаследовал.

То же самое со стороны отцов. Да, отцов, а не отца — не оговариваюсь. Малиновский сам считает, что у него два отца. История же такая. Катерина вышла замуж за Станислава Малиновского после того, как в село с фронта пришло печальное известие о гибели её первого мужа Василия Шадрина. Однако Василий не погиб, он долго находился в плену. Только в конце войны был освобожден и из Германии возвратился домой. Но такой покалеченный, что первые годы подолгу лежал в военном госпитале в Куйбышеве, на Молодогвардейской.

— У него после побоев в плену открылся туберкулез костей. Позвонки в пояснице и суставы левой ноги срослись только после длительного нахождения в гипсе. Прямая негибающаяся спина и нога не позволяли нагибаться. Потому утром даже штаны надеть было для него проблемой, надевали то мама моя, то я. Но он нашел выход. Стал бросать штаны на пол, наступал сначала в одну штанину, подтягивал её бадиком, потом надевал вторую. И так всю последующую жизнь. Потом отец, преодолевая болезнь, много чего стал по-мужски делать как здоровый. Косил траву, изготовил особенную косу... плотничал, шорничал. В общем, ещё тот характер! — размышлял Малиновский. — А не будь характера, он и в семью нашу, может, не вернулся бы. Ему ведь второй раз пришлось матери добиваться. Она с фронта ждала Станислава, от которого меня родила. ...Через годы только я узнал, что отец Станислав в Войске Польском служил капралом, освобождал от немцев Варшаву. Остался на во-

йне живым... После ранения был в 1946 году уволен. Жил в Варшаве... Это удалось выяснить в результате долгих моих поисков только в 2000 году. В Варшаве нашел его дочь, которая по отцу Станиславу мне сестра. Но самого его уже не было в живых. Похоронен отец в столице Польши на Брудновском кладбище.

В послевоенные годы в Утёвку несколько раз наведывались люди из Куйбышева: рассматривали меня, говорили с бабушкой. Бабушка потом объяснила, что они были от отца Станислава.

Почему он не вернулся? Бабушка ему передавала через тех людей, что мать снова за Шадриным, и от него есть дети. Родила, к слову, троих. Потом Станислав Малиновский был все-таки иностранец. В общем, видимо, хватило ума и характера, чтобы не нарушать спокойствие семьи Катерины и Василия.

— Далось это ему, наверное, нелегко, — сказал Александр Станиславович, — но он нашел в себе силы.

— И потом, — Малиновский продолжил, — было ещё одно обстоятельство. Боевого капрала, освобождавшего Варшаву, в 1967 году на автобусной остановке сбила машина с пьяным водителем за рулем (это я узнал в том же 2000 году). Отец получил множественные переломы обеих ног. После операции, став инвалидом I группы, ходил всю оставшуюся жизнь с костылями.

От родного отца сильные качества Малиновскому достались через гены, от отца неродного, но ставшего родным, он впитал качества, помогавшие ему в его крестьянских мужицких заботах. Видел, как подчас надо себя превозмочь, чтобы чего-то добиться.

* * *

Позже в повести «Под открытым небом» Малиновский напишет: «С отца сняли в сених тулуп. При свете коптишки перед Шуркой стоял невысокий человек, которого до этого Шурка помнил только лежащим на больничной кровати в казенном халате. Сейчас он был одет в бекешу. Костыли под мышками делали его похожим на большую раненую птицу. Левую ногу он волочил.

— Принимай гостечка, хозяйка! — задорно сказал отец.

Мать широко раскрыла дверь, чтобы не мешать костылям, и он, подерживаемый дедом, вошел в дом.

— Ну вот, а говорили: волки съедят! Подавятся, верно, Шурка?

Шурке стало радостно от таких его слов, от морозного воздуха, от того, что все теперь вместе. Он помогал матери снимать с отца бекешу. Отец, проведя пятерней по Шуркиной голове, добавил:

— С такими помощниками нас не возьмешь.

Шурка опять порадовался тому, как отец просто и ясно все говорит и делает. Под бекешей у него оказалась гимнастерка и галифе. Гимнастерка задралась на поясе, и Шурка увидел глянцевою упругую кожу корсета. «Ещё не сняли? А как же...»

Когда укладывали отца на кровать, чтобы поменять бинты, Шурка заметил гипс на левой ноге выше коленки до ступни. Пока мать с бабушкой занимались бинтами, Шурка с дедом вышли, и внук спросил:

— Деда, а как же его такого отпустили?

— Василий настоял: выписывайте — и все тут! Железный человек, одно слово. Да и бабка Груня твоя чего стоит!»

Произведение художественное, но его герои не придуманные, а из настоящей живой жизни. Автор даже имена сохранил настоящие: мальчик Шурка — это сам Александр, отец Василий — это его отец, Шадрин.

* * *

В 1962 году Александр поступил в Куйбышевский индустриальный институт, вскоре ставший политехническим, на химико-технологический факультет. Этому выбору его удивились даже учителя. У сельских юношей в те годы на первом месте были профессии военных — моряков, летчиков. Особенно грезили ими ребята с характером. Малиновский же по части характера был ещё тот. Не характер, а норов просто. Однажды, не стерпев обиды от учительницы географии, отказался отвечать ей уроки, хотя и знал материал. Один кол получил за это, второй, третий. И неизвестно, чем бы упрямство его обернулось, если бы после третьего случая его не вызвали в учительскую и там хорошо не проработали. Только после этого он на уроках географии снова «заговорил». На три пятерки подряд.

И вот такой — не в моряки и не в летчики, а в профессию, смысла которой сельскому человеку тогда даже понять-то было сложно. Кто он: химик-технолог?

Тайны же в решении Александра никакой не было. На военные профессии его все равно не взяли бы. Из-за зрения — последствий детской болезни. И куда же тогда?

В стране начинался этап развития, связанный с «большой химией». Обновленно гремел повсюду ленинский лозунг: «Коммунизм — есть советская власть плюс электрификация всей страны». С дополнением после слов «плюс электрификация» словами «и плюс химизация».

Позже в повести «Совмещение» он напишет:

«В прошлую субботу в читальном зале областной библиотеки... сделал выписку, которая показалась очень важной. Она безоговорочно оправдывала... выбор профессии:

«Производство искусственного и синтетического волокна по сравнению с волокнами естественного происхождения требует меньших затрат.

1 т натурального шелка стоимостью 550 тыс. руб. можно заменить синтетическим волокном стоимостью всего 50 тыс. руб. за тонну. Костюм из чистшерстяной ткани «Люкс», «Метро», «Ударник» стоит 1900-2000 руб., а из штапельной костюмной ткани — 600-700 руб.

Шапка-ушанка из натурального каракуля стоит 367 руб., а из искусственного каракуля — 60 руб.; шуба, пошитая из овчины, стоит около 1600 руб., а шуба, пошитая из искусственного меха, не уступающего по своему внешнему виду и по прочности натуральному меху, будет примерно 1000 руб. Затраты на сырье, из которого изготавливается искусственный мех, в четыре раза ниже стоимости натурального меха, а срок службы в 4-5 раз дольше. Цены на натуральные волокна за последние 35-40 лет выросли в 2-3 раза. На искусственный шелк понизились примерно в 3-4 раза...»

«Деду Ивану, приеду, покажу, ясно будет, какая у меня в будущем профессия. И разноцветных гранул полиэтилена надо привезти. Никто же не видел никогда такого»...

Сейчас, в век возврата или стремления к этому возврату, к предметам и вещам натуральным, пусть они дороже, эта сентенция вызывает улыбку. Однако напомним: дело-то было в 60-е годы, когда предметы и вещи из искусственного, химического сырья, из полиэтилена только-только начали появляться и представляли из себя достаточную редкость, становились очень модными. И не только модными. Покрывали нехватку традиционных.

* * *

Учился Малиновский хорошо. Защитил диплом с отличием. Направление получил на молодое, но перспективное предприятие «Нитрон», что открылось в Саратове и начало выпускать химические продукты, обещавшие революцию на многих производствах и в быту. Из них должны были делать полиэтиленовые, пластмассовые изделия.

Поехал, однако, в Новокуйбышевск. Об этом рассказал так:

— «Виноват» Валентин Семенович Сафронов. Он был заместителем главного инженера на Куйбышевском заводе синтетического спирта, и как известный промышленник являлся председателем дипломной ко-

миссии в институте. Ещё до защиты обо мне, как одном из перспективных дипломников, прошла заметка в «Волжской коммуне». А тут он обратил на меня внимание ещё на защите. Темой моего дипломного проекта гидрирование ацетилена в пирогазе. Пирогаз — это смесь газов, а гидрирование в данном случае — процесс очистки. Разработал я в дипломном проекте что-то подобное заводской установке для этого. Поскольку успешно работающих таких в стране не было. Спустя годы, к слову, та студенческая работа легла в основу моей кандидатской диссертации: «Гидрирование ацетиленистых соединений в пирогазе на металлокомплексных катализаторах». В процессе этой работы были получены авторские свидетельства на изобретение кластерных катализаторов. Ими тогда в основном занимался французский институт нефти.

...После защиты диплома руководство завода предложило мне поработать в Новокуйбышевске. Мне помогли разрешить вопрос открепления с «Нитрона», хотя это было непросто — для перераспределения в те годы требовалось решение министерства. Вместо меня на «Нитрон» направили другого выпускника.

* * *

Шел 1968 год. Малиновскому только 24, и все главные события в жизни у него ещё впереди. Однако факт устройства его на Новокуйбышевский завод, а не на Саратовский «Нитрон», сыграл роль столь же значительную, как факт рождения не в городе, а в селе. Тоже стал своеобразным началом важного жизненного круга, составившего линию судьбы промышленника, которая впоследствии усилилась жирной полосой научной деятельностью, неразрывно связанной с нефтехимическим производством.

* * *

Малиновского сосватали в Новокуйбышевск как новоявленного специалиста инженера, а поставили... аппаратчиком и по совместительству... слесарем. Так что начал молодой человек с дипломом о высшем образовании трудовую биографию обыкновенным работягой. Но он был к этому готов и не огорчился. Во-первых, с детства был приучен к труду. Во-вторых, это была известная практика советских лет, когда начинающего специалиста на производстве обкатывают сначала на рядовых рабочих местах. Между прочим, её без натяжки и сегодня следует признать мудрой. Инженер, через руки которого производственные процессы прошли непосредственно, — специалист несравнимого качества относительно того, кто знает об этих процессах только по лекциям, понаслышке.

Аппаратчиком и слесарем Александр работал полтора года, пока не получил первую инженерную должность. Его назначили начальником смены, а уже через двенадцать лет он стал директором завода. От пульта аппаратчика и слесарки поднялся до высшей на заводе должности. Пройдя перед тем все ступени заводского роста: начальник смены, начальник отделения, заместитель начальника цеха, начальник цеха, начальник производства, заместитель главного инженера, заместитель директора по производству, первый заместитель директора.

Завод, на который он поступил и на котором стал руководителем, был химической машиной. Новокуйбышевский завод синтетического спирта — «Синтезспирт». Около 30 цехов. 5000 работников. Таких в Советском Союзе было всего три. Он стал его директором в 1984 году в 40-летнем возрасте.

— Вся автотехника в стране «ходила» тогда на «нашем спирте», — заметил Александр Станиславович. — Из нашего спирта делали дивинил, из дивинила — каучук, из каучука — автомобильные шины.

А вот как он объяснил быстрый подъем по лестнице заводской иерархии на самый её верх:

— Был здоровый, труда не боялся, потому что в селе с 12 лет уже сам зарабатывал на хлеб, косил летом в совхозе со взрослыми траву на сено, плел из краснотала на общем колхозном дворе большие кошелки для скотины, помогал копать колодцы, погребя. Даже сусликов (их было после войны очень много) промышлял. За их выделанные шкурки в заготовивосырье (была такая контора) давали деньги. Кажется, шесть копеек за штуку, выдавали муку. И ещё. Инвалидам войны обычно давали для заготовки дров и сена на зиму делянки. Эти делянки лесничество всегда умудрялось выделять на неудобьях. Сколачивались артели инвалидов. Кто без руки, кто без ноги на костылях. Работали: косили, пилили. Вместо отца Василия в артелях работала моя мама — маленькая и маломощная в такой работе. Я к ней был, как «довесок» в работе. Но чтобы оправдать замену отца — куда деваться, проявлял проворство — брался за все самое тяжелое. Пилить и ворочать бревна для 14-летнего возраста — тут накачаешь силушку. Либо надорвешься.

В общем, с детства привык братья за комель, за самое тяжелое то есть. И в Новокуйбышевске брался так же, как в Утёвке. Потому и двигали. С наукой дружил. Вернее: не мыслил производства без науки.

Но согласитесь: мужиков, сызмальства привыкших «братья за комель», немало, и среди городских они водятся. Да кто заводскими директорами стали? Единицы.

...Уже рассказывал школьную историю, случившуюся с Александром на уроках географии. Ещё расскажу. В 50-е годы в Утёвке был отличный хор, он занимал высокие места в смотрах художественной самодеятельности и в какой-то момент получил право выступить в Москве на ВДНХ (Выставка достижений народного хозяйства, сейчас — Всероссийский выставочный центр (ВВЦ)). В хор привлекли старшеклассников. Александр в хоре танцевал. И вот заметил, что все девочки, которые с ним танцевали, — на полголовы его выше. Ему показалось это обидным. И он бросил ходить на занятия. Перед самым районным смотром строптивного ученика повели к директору.

— Ты, говорят, зазнался?! — задал в лоб неожиданный вопрос директор.

— Не зазнался, — смутился юноша.

— Давай тогда, как мужик мужику: в чем дело? Ведь всех же подводишь!

— Надо мной смеются, я ниже девчонок.

— И когда же ты теперь в хор вернешься?

— А когда вырасту...

— Думаешь, маленький рост — это трагедия? А знаешь, что Наполеон был маленький? Наполеон!

— Вот вырасту с Наполеона ...

Директор раскатисто захохотал, чуть не упал со стула:

— А говорят, что ты зазнался. Во мужик!.. Ладно, давай по рукам, — он протянул Александру руку. — Только ты уж, пожалуйста, меня выручи. На смотре выступи, а там — решай.

Что оставалось юноше?

...А вот случай на заводе. Малиновский — начальник смены в цехе. Идет разбор с подчиненными нарушений на производстве за очередной месяц. Пришел на разбор и начальник цеха.

— А в целом удовлетворительно, нормально, — Александр подводит итог.

— А вот и ненормально, — слышится вдруг голос начальника цеха. — У вас вчера в операторной не было аппаратчика на месте. Это безобразие!

Голос у начальника резкий, грубый, интонация категоричная. Ему лучше не перечить. Однако нашла коса на камень.

— Рабочему стало плохо, я сам отправил его в заводской здравпункт. Надо бы сначала разобраться, — объясняет Малиновский.

— Нечего разбираться. Порядок есть порядок, — также грубо, как начал, обрывает его начальник, — и нечего заниматься объяснениями.

Малиновский вспыхивает. Это все происходит на глазах целой смены.

— А вам нечего троюковщину разводите, — бухает он в ответ.

Начальник багровеет. Все от неожиданности замирают. Одна мысль: все, сегодня Малиновскому «крышка». В цехе ему не работать.

— Зайдете ко мне в кабинет, — начальник демонстративно встает и уходит.

Делать нечего. Малиновский идет в кабинет с готовым внутренним решением, в ответ на выволочку положить на стол заявление об уходе.

— Что, Александр Станиславович? — слышит он от начальника в кабинете. Другой тон, другая интонация. Отечественая, можно сказать. А потому обезоруживающая. Потом оказалось, начальник только что другого строптивного успел перед приходом Александра отчитать. И получил от того заявление, на котором в верхнем углу, где ставится резолюция, написал размашисто: «Хочешь жить, умей вертеться!» Хоть и грубый был мужик, но мудрый. Не хуже директора школы, от которого Александр ещё в юности имел урок жизни и жизненных отношений.

— Да ничего, — только и ответил он.

— Ну и хорошо. Иди, давай, на рабочее место. И работай, работай, работай... Что ещё нам делать?

... — А ведь в какой-то мере начальник цеха был тогда прав, — оценивает сегодня ту историю Малиновский. — Незадолго до того у нас на заводе цех взорвался (производства нефтехимии из категории повышенной опасности). И как раз в тот момент, когда аппаратчик в том цехе покинул рабочее место... Некому было оперативно принять меры против возникшей угрозы.

Спустя некоторое время этот начальник сам подошел ко мне: «Ты того, не обижайся. У тебя все впереди: мы под твоим руководством ещё нарабатываемся». И «накаркал» ведь...

— Перечить старшим, начальству — себе дороже. Но как не перечить, когда глубоко переживаешь и прав по сути? Сам, став директором, попадал в ситуации, когда мне начинали перечить. Один начальник всего знать не может, будь он хоть семи пядей во лбу. Кто по существу перечит, тот не дурак. Дурак — начальник, который не желает толкового слушать, дескать, что это я буду опускаться? А тут не опускаться надо, а, наоборот, подниматься. До уровня понимания дела толковым подчиненным.

* * *

Без малого пятнадцать лет отдал Малиновский «Синтезспирту» на посту директора. Пока не был переведен на Новокуйбышевский химический комбинат. Крупнейшее тогда по объему продукции производство в Европе. 7000 человек только рабочих. К сожалению, в начале 90-х вследствие известных перемен в российской экономике комбинат начал приходить в упадок. Осталось на нем только 3000 работников. Падение требовалось остановить, и ответственное дело взвалили на плечи Малиновского.

Он принял комбинат с убытками, добился вывода на прибыльный уровень, после чего оказался на... третьем директорском посту — уже в Чапаевске. Тоже в роли «спасателя». Опять в лице Малиновского нашли директора, имеющего опыт преодоления кризисных ситуаций. А он, в свою очередь, снова выполнил задачу — менее чем за год.

Опытный промышленник в годы перемен оказался в роли этакой Валентины Гагановой директорского корпуса. Была в советское время такая ткачиха, Герой Социалистического Труда, которая несколько раз переходила бригадиром из передовой бригады в отстающую и выводила её из прорыва. Одну за одной.

К сожалению, сегодня завод и комбинаты, которыми когда-то он руководил, значительно утратили прежние позиции. Они работают, но на пониженных нагрузках. Настолько все изменилось в промышленности.

* * *

Малиновский, оставив последнее директорское кресло, ушел с производства в 2000 году, целиком переключился на сферы деятельности, которыми прежде занимался, совмещая с работой первого руководителя.

* * *

Сферы эти, как уже говорил, — наука и литература. И в той, и в этой Малиновский добился не менее значительного, чем в промышленности. А в чем-то, может, и более.

— Не стал бы я заниматься наукой, если бы работа на производстве не была постоянно связана с технологией. У меня после института была возможность заняться наукой — предлагали остаться на кафедре химической технологии. Но я выбрал завод, производство. Всерьез и, как думал, надолго. Имея в виду, что только им будет посвящено все мое время, все труды и хлопоты. Да не тут-то было! Стал вдруг каждый день сталкиваться с вопросами, для решения которых необходимо проникать в самую суть химических процессов. Мне было мало работать по принци-

пу «чего изволите...» А потом... такое положение... пошла череда взрывов. Когда принял цех пиролиза, где до меня одного за другим сменили троих начальников, окончательно понял: проблемы кардинально можно решать только с помощью науки. Зачастую плохо в цехе не потому, что люди не умеют работать, а потому, что несовершенна технология, морально устарело оборудование.

* * *

...Но что же в Утёвке похожее у Малиновского на то, что в родовом селе у Ивана Никульшина?

Мы подъехали к опрятному дворику за оградой из штакетника с небольшим аккуратным домиком справа от калитки. За домиком уклоном к лугу и речке Утевочке, отороченными порослью ивняка и ветел, огород с крупными бледно-зелеными головами ещё не убранной капустой в углу, черными пятнами уже вскопанной, где все убрано, земли.

Оказалось, это у Александра Станиславовича некое подобие дачи, на задах бывшего родительского огорода.

Он отпер дверь, мы вошли и расположились за продолговатым столом: он на длинной деревянной лавочке, я — напротив на скромном диване. Стол, лавочка и диван представляли всю мебель и внутреннее убранство домика. Он говорил, то и дело бросая на меня внимательный взгляд, понимаю ли, как ему бы этого хотелось, его слова?

...Ещё до защиты докторской диссертации Александр опубликовал около 40 статей по вопросам химической технологии. Получил авторские свидетельства на 30 с лишним изобретений. Новейшие разработки были внедрены на сотне установок Советского Союза. Например, ультразвуковая горелка. Патент на это изобретение впоследствии купила американская фирма Джон Зинг. Другая американская фирма — Юнион Карбайд — купила лицензию на разработанную технологию пиролиза в условиях ингибирования коксоотложений.

— Почему ты не пишешь докторскую? — начали удивляться друзья и коллеги. — У тебя же все, можно сказать, готово?.. За внедренные разработки стал лауреатом премии Совета Министров СССР...

Он отмахивался, вспоминая свои печальные попытки вхождения в академическую науку.

Пообвыкнув на производстве, Александр тогда решил, что хорошо бы ещё и в экономических вопросах поднатореть, для чего решил поступить в заочную аспирантуру планового института. Год готовился. Приехал на собеседование. И услышал, что собеседования... не будет.

— Почему? — удивился соискатель аспирантского места.

— У вас техническая специальность, а у технарей мышление не то.

— Да вы хоть поговорите со мной...

— Нет... — последовал холодный отказ — вам следует закончить экономический факультет нашего института, а уж потом...

Малиновский развернулся и вышел: «А стоит ли вообще у людей с такими представлениями учиться?!»

...И все же за докторскую он однажды засел. За год её написал. Название: «Теоретические основы и технологические принципы совершенствования производства низких олефинов». С блеском защитился в Москве. Производство олефинов — исходных продуктов для получения современных синтетических материалов — одно из самых необходимых в химической индустрии.

Говорил уже, что Александр Станиславович Малиновский сегодня является профессором Самарского политехнического университета. А ещё он — член Государственной комиссии университета по защите дипломных проектов, член совета по защите кандидатских и докторских диссертаций. Кроме того — академик Российской инженерной академии. Имеет звания «Заслуженный инженер России», «Заслуженный изобретатель России».

В Самарском отделении Российского государственного архива научно-технической документации хранятся и экспонируются наряду с работами инженеров, которые были ещё и классиками отечественной литературы, Н.Г. Гарина-Михайловского, А.П. Платонова, а также инженера-изобретателя А.Л. Чижевского, оригиналы и копии авторских свидетельств на изобретения Александра Станиславовича Малиновского, его научных статей, которых более полусотни.

* * *

То одно уже, что сделал и чего достиг Малиновский как промышленник и как ученый, свидетельствует о необычности дарований мальчика, который 20 февраля 1944 года появился на свет в селе Утёвка в семье Катерины Рябцевой и Станислава Малиновского. А ведь он теперь ещё и один из наиболее известных самарских писателей. Писатель с российским именем. Является дипломантом престижного Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы имени А.Н. Толстого (за книгу «В плену светосном», выпущена издательством «Русский писатель» в 2002 году), лауреатом нескольких столь же престижных Всероссийских премий: «Русская повесть»-2000 (за книгу «Под открытым небом», издана Са-

марским отделением Литературного фонда России, 1997 год), «Имперская культура имени Эдуарда Володина» (за книгу «Под старыми клемами», «Издательский дом «Российский писатель», Москва, 2004 год), литературного конкурса имени П.П. Ершова (за книгу «Приключения трех смельчаков», издательство «Просветительский Центр «Пересвет», Москва, 2010 год).

В 2001 году Самарский межрегиональный литературный центр Василия Шукшина отметил премией его повесть «Радостная встреча» (Самарское отделение Литературного фонда России, 1997 год).

В 2008 году он стал лауреатом губернской премии в области художественной литературы.

В 2010 году — лауреатом литературного журнала «Русское эхо» (издается в Самаре) в номинации (разделе) «Проза» за повесть «Дом над Волгой».

Три года назад, в 2009-м, Московское издательство «Российский писатель» выпустило в свет собрание сочинений Александра Малиновского в четырех томах. В предисловии к изданию говорится: «Послевоенное село, село и город второй половины прошлого века, индустриализация и химизация народного хозяйства. Взлеты и падения. Перестройка. Все это нашло своё отражение в двух (первых) томах, охватывающих сорок лет (1957-1997 гг.) жизни героев повествования. Писались эти книги в течение десяти лет. Так сложилось это эпическое полотно.

Книги 3-го и 4-го томов состоят из повестей, рассказов и стихов, написанных в разные годы.

Выход в свет уже первых повестей А.Малиновского показал, что в русскую литературу пришел серьезный реалистический писатель».

Здесь же, предваряя первый том, секретарь правления Союза писателей России, директор издательства «Российский писатель» Николай Дорошенко пишет:

«Александр Малиновский — писатель глубоко народный... Даже в глубоко лирическом цикле «Колки мои и перелесья» из частных авторских наблюдений, размышлений и переживаний выстраивается не столько внутренний мир автора, сколько общая картина мира, в котором автор живет, органичной частью которого является... Точно также и в стихах он наше мироздание не использует как некую первозаданную глину для собственного самоутверждения, а всего лишь наполняет новым светом, новыми ощущениями извечной русской красоты и гармонии...

То есть Малиновский, как поэт и прозаик, являет нам собою именно тот классический тип творца, которого подразумевал А.М. Горький, ког-

да утверждал: «Народ создал Зевса, а Фидий воплотил его во мрамор...» Современному типу читателя, привыкшему искать в литературе не правду жизни, а возможность от жизни отвлечься, о жизни хоть ненадолго забыть, Малиновский может показаться несвободным в своих творческих фантазиях. Но в том-то и дело, что неправды много, а правда одна... Он ничего не придумывает, он за правдой следует».

До четырехтомного собрания сочинений ещё в 2003 году в том же Московском издательстве «Российский писатель» увидел свет двухтомник Малиновского под названием «Избранное». Тому и этому событию в Большом конференц-зале правления Союза писателей России в Москве были посвящены вечера, в которых участвовали многие известные писатели и критики во главе с Председателем союза писателей России Валерием Николаевичем Ганичевым. Немалая, надо сказать, честь для самарского автора!

О творчестве Александра Малиновского высказались и посвятили ему серьезные аналитические работы, многие известные люди из российской литературной среды: например, Председатель Союза писателей России Валерий Ганичев, первый секретарь правления Союза Игорь Ляпин, секретарь правления Николай Перемыслов, московские писатели Владимир Крупин, Семен Шуртаков, литературные критики Капитолина Кокшенева, Вадим Дементьев, Алексей Шорохов, самарские писатели Иван Никульшин, Михаил Толкач. Руководитель Самарского отделения Союза писателей России Александр Громов написал об Александре Малиновском большую статью под названием «Свидетельство эпохи». Она вышла в сборнике «Творческий портрет писателя», который был издан в Москве «Российским писателем» в 2004 году. Все материалы его целиком посвящены судьбе и творчеству Малиновского. Две его книги изданы за рубежом: «Горница» во Франции, «Под старыми кленами» — в Польше.

Его произведения, кроме региональных журналов, печатают московские «Наш современник», «Москва», «Роман-журнал XXI век», «Всероссийский собор»...

Так что за Александра Малиновского можно только порадоваться. Заслужил!

* * *

Более всеохватного автора у нас в Самаре, на мой взгляд, нет. По широте тем и сюжетов, по глубине знания того, о чем пишет, по приближенности крепко художественного к прямой документальности... Ни у кого не встречал я такого яркого переплетения художественного с документальным. Его герои не являются собирательными образами, они

абсолютно не придуманные. Это самые настоящие живые люди. Кто-то уже ушел из жизни, а многие донныне здравствуют. И вот всех их он хорошо знает или знал. С одними вместе рос, учился, с другими работал, «щи одним лаптем хлебал». Только отдельные имена и фамилии в книгах изменены. Его герои при этом помещены в реально существовавшую и существующую среду, в центр живых фактов и событий, произошедших или происходящих вокруг. Эту среду, эти факты и события автор не хуже своих героев знает изнутри, потому что сам их вместе с ними пережил и переживает. Одновременно то тут, то там у него мелькают лица и с именами и фамилиями всамделишными, описывается то, чему и читатель тоже свидетель. Например, встретил имя Рэма Вяхирева, одного из первых руководителей могучего российского «Газпрома» — он некогда начинал работать в Утевском районе (Утёвка в прошлые 50-е годы была райцентром).

Или вот факт перевода предприятия, описанный им в повести «Черный ящик», с центрального отопления на автономное, который позволил разрешить непростую экономическую ситуацию, что возникла на нем из-за резкого вздутия тарифов на электроэнергию. Совершенно реальная история. И произошла она на заводе синтетического спирта в бытность Малиновского на нем директором. Он рассказывал о ней нам с Иваном Никульшиным в том самом интервью для «Волжской коммуны», о котором упоминал.

...Так Малиновский пишет о селе и сельских людях, так — о народе рабочем городском, инженерно-технических кадрах и промышленных историях, так — об ученых и делах в научной среде. Но не документалистом и простым летописцем являет себя в своих произведениях, а истинным художником. Потому что видит в живой жизни то, что видеть дано не каждому, а саму живую жизнь рассматривает со всех сторон.

«Сотри случайные черты, и ты увидишь — мир прекрасен», — сказал известный поэт. — «Хороший камень — уже скульптура, только стеша лишнее», — утверждают монументалисты. «Музыку сочиняет народ, мы её только аранжируем», — заметил знаменитый композитор.

Малиновский стирает с реальности, фактов и событий, характеров случайные черты, стесывает с «камня» лишнее и «аранжирует» музыку, которой живет и дышит народ. И у него получаются впечатляющие произведения.

Но как это серьезный промышленник, большой ученый сумел стать ещё и известным писателем? Необычность виновата? Откуда в нем это и что двигает творчеством? Где находит на сочинение стихов, рассказов и повестей время?

* * *

Разговор на эту тему мы начали с ним в начале прошлого лета на юбилейном обеде у Ивана Никульшина. Иван Ефимович собрал родных и близких, коллег и друзей на своё 75-летие в родовое село Сосновку, что в Кинельском районе. Здесь у него жив ещё родительский дом. Хотя и побитый временем, состарившийся, но от холодов до холодов, с теплых дней весны до первых морозающих осени, в нем хорошо. Поэтому на лето, часть весны и осени Никульшин с женой Галиной Сергеевной в этот дом из города съезжает.

В какой-то момент застолья мы с Малиновским отправились размять косточки к концу небольшого огорода, где у хозяев травянистая поляна перед дворовыми постройками и старенькой баней под ветлами.

— У меня похожее в Утёвке, — сказал Александр Станиславович. А потом добавил, что село, родные места, где бы сельский человек потом в жизни ни оказался, кем бы ни стал, больше всего направляют, постоянно питают его силы. А за перо он взялся, почувствовав в писательском труде начало чего-то необычного — нового и важного для себя.

...В домике в Утёвке Малиновский вернулся к этой мысли.

— И тут меня что-то будто толкнуло. Никто ведь то, что я знаю, и так, как я знаю, о ней, о сельской жизни, ещё не сказал. А ведь вся Россия отсюда. Ну, не завидую я писателю, который утверждает, что он село знает, а сам ни одного стоящего рассказа про речку, про степь, про... лошадь не написал. А ведь и такие есть. Согласен? — он пытливо глянул мне в глаза.

— Так не все же при речке-то росли, — возразил ему. — В родных мне Челно-Вершинах, например, такой речки, как Самарка в Утёвке, нет.

— Вот-вот. А я-то на Самарке рос. Значит, кто же кроме меня пишет?

* * *

Первые книги Малиновского увидели свет в 1992 году. Только они были не о Самарке. Это сборники стихов «Светлый берег» и рассказов на сельские темы «Степной чай». Целиком речке своей он посвятит работу позже, совершив уже в зрелом возрасте путешествие по ней (тоже своеобразное возвращение на круги своя), и напишет о нем в 2005 году в той самой книге «В плену светоносном»... Побывав более чем в двадцати странах мира, повидав немало рек, а по некоторым сплавившись на плотах.

...У него был достаточно уже зрелый возраст — 46 лет. Но писать он начал много раньше. Книга «Под открытым небом», например, написана

им к 30 годам, просто он её никому раньше не показывал. Стремительно поднимался по ступенькам инженерной лестницы и, казалось, что занятий писательским трудом могут не понять. Где же он брал время для такого труда? Времени впрямь было мало, зато были здоровье, молодая энергия, неотступное желание запечатлеть на бумаге пережитое и переживаемое. А главное, внутренняя организация, способность строго распределять и рационально тратить время. За ним трудно поспевать. Мне же он объяснил просто:

— Писал и сейчас пишу по ночам. Нету у меня для этого лучшего часа. Все дома, но уже легли спать. Тихо вокруг. Значит, можно закрыть дверь комнаты, положить на стол чистый лист бумаги, взять ручку... И никакого компьютера. Он мне помощник, только когда ещё готовлю рукопись к печати. До сих пор ложусь спать около 12 ночи и позже. А могу и до 4-х писать.

Со временем Малиновский стал понимать, что написанное им достойно опубликования. Много, как в школьные годы, продолжал читать классиков, местных авторов, сравнивал труды последних с тем, что у него, и укреплялся в мысли, что тоже может, а значит, и должен писать и публиковаться.

Толчком же к непосредственным действиям, направленным на обнародование писательских трудов, послужила работа по изучению жизни и судьбы Григория Николаевича Журавлева. Того самого крестьянского художника-иконописца. Малиновский в силу характера и склонностей к всестороннему рассмотрению жизни, прежде всего необычных её проявлений, никак не мог не заинтересоваться судьбой Журавлева, а потом не увлечься исследованием. В итоге после более чем тридцатилетних поисков и сбора материалов он написал книгу. Ту самую — «Радостная встреча», за которую получил премию межрегионального фонда Василия Шукшина. «Радостную встречу» стоит, полагаю, вообще поставить отдельно. И не по причине присуждения премии, к слову, первой у писателя. А по тому, что именно в ней оказались заложены важные принципы и подходы Малиновского к писательскому труду. Обязательное использование фактов действительности при описании явлений жизни, верность в следовании за реальными событиями, а не безудержное фантазирование по их поводу.

— Написал о Журавлеве, чтобы возродить его имя. — Александр Станиславович поделился соображениями на сей счет. — Очистить имя от легенд. Теперь, десятилетия спустя после выхода книги, много понаписано, ничего общего с личностью и судьбой Григория Николаевича иногда не имеющего. И в Интернете черт-те что пишут: имя матери придумали,

и родила она его в бане, хотя как её звали, где она родила, никто пока точно не знает; отец же, дескать, воевал и погиб на кавказской войне, хотя он благополучно после войны жил и лично возил картины сына губернатору. Григорий Николаевич без рук и без ног, держа кисть зубами, писал такие картины, которые были удостоены даже внимания наследника цесаревича — самарский губернатор Свербеев передал тому написанную Журавлевым икону святого Николая Чудотворца. За что цесаревич жаловал утевского мастера солидной суммой в 100 рублей. Картины Журавлева стали явлением российской живописи, как произведения искусства. И Самарское земское собрание назначило Журавлеву за его труды годовую пенсию в 60 рублей.

Мы долго говорили с Александром Станиславовичем о начале его писательского круга.

* * *

Ещё до первых изданий, в 1969-м аж году, Александр подумывал о поступлении в Литературный институт. Поехать, показать свои первые работы... Но медлил: допустим, поступит, выучится, корочки получит, а дальше-то что? В многотиражку идти? А он уже в жизнь врывается, с наукоемким производством дело имеет, кругом неординарные люди, нестандартные характеры. Разве может учеба в Литературном институте сравниться со школой жизни, которую для писательства надо бы основательно пройти? Ну, узнает в этом институте, как правильно писать о жизни, а жизнь-то тем временем самой гущей своей мимо пройдет. А если, наоборот: в гуще жизни останется, внутри её, в центре явлений, событий и фактов? Что лучше? Какой человек больше сможет, занявшись литературой? С корочками, дающими право называться литератором? Или без корочек, но несущий своё знание жизни, да ещё и нашедший способ об этом серьезно и верно, по-своему сказать.

— Сомнений, что меня не примут, не было. И потом я ведь уже работал — на хорошем предприятии и ничего бы не потерял от попытки. Однако вот подумал и не поехал, — ответил Малиновский на вопрос о возможности провала в творческом конкурсе.

* * *

В какой-то момент у меня сложилось двойное впечатление о творчестве Малиновского. Близкими, по душе оказались его книги о селе, о сельских людях, об Утёвке и её жителях, тем более что среди его героев оказались даже знакомые мне, и не только по имени, как, скажем, Рэм Вяхирев. Столь же по душе его стихи о природе, о красоте наших

мест, а он, как все уважающие себя молодые люди, некогда ещё начал с сочинения именно стихов. У него есть отдельные поэтические сборники. Также по душе мне песни, написанные на его стихи. И самодельных, и профессиональных авторов, например, самарского композитора Гилария Беляева. Песни на стихи Малиновского, к слову, изданы в 2000 году отдельным сборником под названием «Окошко с геранью» в Самарском издательстве «Парус». Под таким же названием в исполнении солистки самарской филармонии Марии Кургановой выпущен диск.

Но вот открыл подписанную мне повесть «Черный ящик», полистал для начала, пробежал ряд коротких, из двух-трех абзацев главков, начинающихся выделенными буквами, и там, и тут по книге разбросанных, и разочарованно захлопнул. Почему? Вот одна из выдержек: «Беда, очевидно, в том, что, поднимая цены на сырье и энергетику до мирового уровня, мы забыли, что в производстве сырья, энергетики и продукции, которую мы можем реализовывать в России либо за границей, есть технологии старые или новые, но не соответствующие мировым уровням»... Сухо, тяжело, не вызывает переживания. А коль скоро слово не вызывает переживаний, читать скучно, неинтересно.

Невольно вспомнилась нашумевшая некогда книга знаменитого Киевского хирурга Николая Амосова «Мысли и сердце». Кроме блестящего занятия хирургией, тот преуспел в кибернетике, которую с успехом ставил хирургии на службу. И вот об этом он в той книге написал. Не бесталанно, но... На меня художественного впечатления она не произвела, волноваться и трепетать не заставила. Так и тут...

Сказал Александру Станиславовичу об этом, подумав, что, наверное, обидится... Нет, он просто попросил книгу внимательнее прочитать, потому что сознательно написал её в форме некоего дневника, в котором зафиксировал реальные события очень острого периода в жизни страны, когда начался печальный развал промышленности, и честно выразил своё отношение к этим событиям. Написана она (дневник) рукой главного персонажа — директора завода, потому-то профессиональные сдержанность и сухость соседствуют с искренностью чувств. И назвал повесть так — «Черный ящик» — неслучайно. Имея в виду «черноту» произошедшего в тот период, и некий буквальный смысл, а именно — способ создания дневника. В целях экономии времени он фиксировал факты и события, наговаривая текст на диктофон черного цвета. Из него же потом и извлек его на бумагу.

— Главное, в «Черном ящике» — правда, — сказал он мне по телефону уже после поездки в Утёвку. — Какой писатель в дни разрушения про-

мышленности руководил промышленным предприятием? Тем более вел такой вот дневник?

Открыл «Черный ящик» вновь. Прочитал предисловие к повести председателя Самарского отделения союза писателей России Александра Громова, где он утверждает, что у Малиновского в этой работе «получился уникальный документ эпохи. Точный срез состояния человека нашего времени». И дальше.. Ему «удалось соединить в своей повести несколько жанров: романную прозу со своим сюжетом и героями и — мемуарную, исповедальную, которая стоит скорее на небольших обрывках, связанных не столько между собой, сколько непосредственно со временем. Получился гармоничный сплав художественной и документальной прозы».

Взялся тут же за первую главу. «Январь».

«Вчера ехал в одной машине с генеральным соседнего нефтехимического завода. Заговорили о работе.

— С утра поехал в цеха, — рассказывает он. — Практически все остановлены. Компрессоры, огромные колонные агрегаты, отключены. И это зимой, когда нам и летом-то внепланово останавливаться опасно. Зашел в два цеха и больше не смог, заплакал и возвратился в кабинет, — он махнул рукой».

Взялся за чтение и уже не смог остановиться. Настолько захватил честный, неравнодушный, больше того, сострадающий взгляд печальнейших дней начала и середины 90-х со стороны их живого и непосредственного участника и свидетеля-очевидца. Пока не перевернул последнюю страницу, не покидало чувство откровения, глубокой правды и искреннего переживания автора, передаваемые в повести точными, выверенными словами.

«Черный ящик» — это и бортовой самописец на борту терпящего бедствие самолета.

Совершенно необычная работа. По простоте замысла, по естественности его воплощения, по силе воздействия. И я вдруг поймал себя на мысли: а ведь вот точно также мною читались знаменитые дневники Ивана Бунина о событиях периода Октябрьской революции и гражданской войны «Окаянные дни». Иван Алексеевич вел свои записи не для того, чтобы когда-нибудь их опубликовать как свидетельство сложной эпохи. Вряд ли даже думал, что они таким свидетельством будут... Они стали, и в результате были опубликованы.

«Окаянные дни» читать сегодня невозможно без глубокого сочувствия к автору записей, к тем людям, которые упомянуты и описаны им, как переживающие величайшую трагедию разломленной жизни и раз-

битой судьбы. Даже знаменитая повесть Бунина «Жизнь Арсеньева», за которую он был удостоен Нобелевской премии, воспринимается мною с меньшим чувством, чем «Окаянные дни».

«Черный ящик» Малиновского и «Окаянные дни» Бунина как свидетельства переломных периодов в жизни страны очень схожи. Слог, конечно, разный. У классика утонченный, у нашего современника иной, проще и от того не менее пронзительный. Но можно, мне кажется, не сомневаться, что судьба «Черного ящика», с точки зрения широкого читательского интереса и признания, ждет не менее достойная, чем «Окайнных дней».

После поездки в Утёвку 13 октября 2011 года и случившегося там разговора с Александром Станиславовичем многое переменялось во мне. Прежде всего по отношению к нему как к писателю. Двойственное впечатление от его творчества развеялось. И я уже без сомнения утверждаю: Малиновский — автор удивительно разносторонний. О чем бы не написал, а написал он о многом и в разных жанрах, например, отдельно сочиняет для детей — он во всех творческих проявлениях, как художник, мастер слова, по-настоящему крепкий и сильный, цельный и ни на кого, что важно, непохожий.

* * *

В одной из глав того же «Черного ящика» у него можно прочитать:

«В своё время я был влюблен в прозу Василия Макаровича Шукшина. Мне, родившемуся в селе, очень близко его творчество. И я полагал, пока не появился прозаик Никульшин, что так и надо писать о селе. Но с самых первых книг и рассказов Ивана Ефимовича во мне появилась какая-то раздвоенность. Я очень любил Шукшина, но не мог не любить и Никульшина. Мне кажется, что я знаю Заволжье, его быт. Конечно, мне трудно говорить об укладе сел близ Барнаула, я не был в Сростках — родном селе Шукшина, но мне много слышится общего даже в звучании фамилий: Шукшин... Никульшин... Много общего, но различный подход к изображению деревни...

...Многие из рассказов Василия Макаровича как бы основаны на анекдоте. Часто повествование идет о человеке-чудаке. Я по своей деревне знаю: на каждой улице был свой блаженный, свой чудик. Без этого деревня как бы не деревня. На каждой улице есть такой острослов, сев с которым за стол, обязательно поперхнешься от веселья и от горчинки.

Это все есть, но не на чудиках деревня держится. Деревня держалась и держится на людях степенных, немногословных, точных в своем поведе-

нии, в своем повседневном труде. Для них главное создать семью, иметь детей, обеспечить нормальную жизнь, быть справедливыми и праведными в своем немногословии».

Именно о таких деревенских жителях пишет Иван Никульшин. О таких же пишет и Александр Малиновский, но только по-своему. С меньшей долей художественной фантазии, но с большим приближением к реальному, имевшему место в непосредственной жизни, с той открытостью правды, которая-то, как утверждал Василий Макарович Шукшин, и есть нравственность.

* * *

Все возвращается на круги своя. Рано или поздно. Так или эдак, но туда — к началу круга. Чтобы подпитаться у этого начала свежими силами для нового витка, уже не круга, а спирали. Размышляя после Утёвки о судьбе Малиновского, о его творчестве, читая и перечитывая его книги, в сборнике рассказов «Колки мои и перелесья» с удовольствием обнаружил вещь давно уже знакомую — называется она «Тень от ветлы». Рассказанное в ней лишний раз укрепило в мысли о «возвращении на круги», как незаменимом средстве подпитки в жизни и творчестве.

Малиновский рассказывает, как, отдыхая в известном подмосковном местечке Переделкино, в Переделкинском Доме писателей, он гулял с московской поэтессой, и имел странную беседу.

Она спросила:

«— А сейчас что-нибудь пишете? Ведь здесь самое то место, где можно забытья в рукописи.

— Да, — отвечаю, — пишу потихоньку.

— Что?

— «Колки мои и перелесья».

— Что-что?

— Повесть.

— Нет, вот это — колки и там что-то ещё...

Я объяснил, что такое колки и перелесья.

— И зачем это вам?

— Зачем вам, современному человеку, доктору наук, профессору, это?

— Что это?

— Вы же ученый, генеральный директор завода, вы знаете мир промышленников, ученых, были депутатом высших уровней...

— И что же?

— Пишите об этом... Зачем вам снова в деревню? Вы там были с рож-

дения всего-то восемнадцать лет, пока не уехали в институт учиться. Слава Богу, что вырвались за околицу...

— ...Вы же интеллигент по складу ума. Я вас не могу даже представить с вашей профессорской внешностью в сельской грязище. Боже мой, я, наверное, нехорошо говорю. Но это так.

— ...Вы неоригинальны. Есенин прикидывался чуть ли не старовером, вначале расхаживая по Москве в валенках. Горький называл себя босяком, а сам в то же время знал чуть ли не всего Флобера и Ницше...»

Тот разговор заканчивается размышлениями автора повести, то есть самого Александра Малиновского, навеянными не только этим его содержанием, но и недоумением, вызванным у него прочтением по возвращении с прогулки книжечки стихов его спутницы. Где родился их автор, откуда он, где его корни, кто за ним и что стоит? Будто автор инкубаторский, будто из прибирки...

И Малиновский пишет: «Моя повесть... о детстве, а без привычных с детства слов, без рыдвана (спутница спрашивала о значении отдельных слов в его книгах, и он вынужден был ей объяснять), останки которого и до сих пор лежат на наших задах на гати, без кривой ветлы, у которой мой дед всегда делал стан в сенокосную пору, где мы обедали, пили аряну, спали, разморенные полуденной жарой — кто я? Тень от мощной ветлы нас спасала, она давала надежное укрытие от палящего солнца — без всего этого я просто не представлял себя. Если вообразить, что всего этого не было и нет, тогда я и сам как бы придуманный, меня тоже нет».

А потом ещё:

«Размышляя так, я достал свою рукопись, ещё раз прочел милое сердцу название и, взяв карандаш, жирно и твердо несколько раз обвел буквы... Когда клал рукопись в стол, поймал себя на мысли, что веду себя, как в детстве, когда, взяв большую кисть, голубой краской на самом большом тесовом заборе у сельского клуба написал назло всем завистникам и дразнилам: «Я все равно люблю тебя!» Я знал, для кого писал. И она, живущая в соседнем переулочке, в крепеньком домике с красивыми резными наличниками, — хрупкая и синеглазая, догадывалась, кому это писано и почему...»

Знали бы вы, как же понятно, дорого и близко рассказанное Малиновским в «Тени от ветлы» мне. Такому же, как он, сельскому человеку. Потому что и у меня все оттуда, из села, от малой моей родины, от начала круга идет. От того начала, куда и я возвращаюсь в поисках ответов на главные вопросы жизни. Ответов, которых в городе не нахожу.

Хорошо бы на этом поставить точку. Но нет. Это лучше, полагаю, делает сам Малиновский. Своим стихотворением.

*Как намокла рубашка!
Путь проселком нелегкий.
За спиною Домашка —
Полчаса до Утёвки.*

*Путь проселком нелегкий,
Да не надо мне легких.
Путь один из Утёвки,
Остальные — в Утёвку!*

Всё возвращается на круги своя.

Анатолий Окружнов,
член Союза журналистов России

О ЖИЗНИ И СУДЬБЕ СВОЕГО ПОКОЛЕНИЯ **Беседа Николая Дорошенко с писателем** **Александром Малиновским**

Н. Дорошенко: У критиков сложилось о Вас, как о прозаике, такое мнение: вы следуете толстовской и шолоховской традиции. Для Вас важно, чтобы характеры и судьбы Ваших героев имели не только художественную, но и историческую достоверность. По большому счету, Вас, как художника, привлекает то, что Вы пережили лично. Поэтому, наверное, главным героем многих Ваших повествований, написанных как самостоятельные произведения и имеющих собственные художественные параметры, является Ваш ровесник Ковальский. И, соответственно, каждый период его жизни — от деревенского детства, до руководства крупнейшим наукоёмким предприятием — это одна из живых страниц истории нашей страны. Вы согласны с таким о Вас впечатлением?

А. Малиновский: Я очень ценю гениальный роман Шолохова «Тихий Дон» не только за его высочайшие художественные качества, но и за правдивость. Но следовать чьей-либо дорогой — дело рискованное.

И потом, жизнь всегда шире каких-либо традиций, тем более литературных.

Я же попытался отобразить художественными средствами ту жизнь, свидетелем и участником которой был с малолетнего возраста и до сего дня. Что получилось, судить читателю.

Н.Д.: Герой Ваших повестей — Ковальский — это Вы?

А.М.: Да, в повествовании много из пережитого лично. Но это не значит, что Ковальский — это я. Он скорее просто мой ровесник, человек моего поколения. Поэтому после того как повести стали выходить отдельными книгами, многие читатели узнавали в Ковальском себя или, хотя бы, какую-то часть своей жизни.

Меня это только радует. Ведь Ковальский мне дорог, тем, что в нем есть ещё и моя судьба и в тоже время, и судьба моей страны...

Н.Д.: Послевоенные годы были весьма разносторонне исследованы русской литературой. И сельский паренек, отправляющийся в большой мир науки и индустрии с деревянным чемоданчиком, это, вобщем-то хорошо знакомый нам даже по кинематографу образ. Что заставило Вас взяться за написание собственной картины жизни России во второй половине XX века?

Что, на Ваш взгляд, нового Вы рассказали о судьбе Вашего поколения?

А.М.: Вы, Николай Иванович, говорите о послевоенной поре. А как мы жили в последние десятилетия XX века? Достаточно ли об этом сказано? Мы в середине века шагали под торжественные звуки гимна нашей страны и совершили многое. Были и свои беды, и свои назревающие проблемы, но о них скажу чуть позже.

А потом? Потом оказались в стране, которая не имела уже не своего гимна, не своего герба. В другой стране оказались. Началась иная жизнь. На наших глазах произошло крушение великой державы. Ковальский стал, как и я, как и все мое поколение, свидетелем двух совершенно не схожих эпох.

А детство его пришлось на те годы, когда восстанавливалась жизнь после войны. От самых западных границ до моей Волги все было сметено этой войной. И городам досталось, и деревням.

Я помню, как мальчишкой пришлось работать в бригадах по заготовке сена, дров на делянках, выделяемых сельсоветом инвалидам войны, пришедшим с фронта. Мой отчим был инвалидом войны 1 группы. Вот его-то в работе мы с мамой и заменяли. Я был довеском к маме, она была маленькая и слабосильная, а дома две маленькие сестренки и братишка.

Мужики, кто без руки, кто без ноги, все кто мог передвигаться, косили сено, пилили лес. Как могли. Всего насмотришься и наслушаешься. Всего.

Но, конечно, основная тяжесть лежала на женщинах. И выстояли ведь! Не пропали! На их, «бабих», плечах возрождались деревня.

Но потом: укрупнение сел. И начали исчезать деревни с лица земли.

А потом — пьянство потокаемое государством.

А столько моих ровесников шагнуло с чемоданчиками в город, оторвавшись от земли. И страна стала иной, нежели она была в послевоенные годы. Со своими достижениями и назревающими бедами. Когда же мои ровесники — сельчане, вертикально поднявшись было вверх, став летчиками, моряками, заводчанами, учеными, активно прожили всего-то около 25-30 лет и вынуждены были совершить резкую посадку. И значительная их часть оказалась не у дел. Вернулись в никуда или в саманные разрушенные избы. Ковальский до поры удержался в полете, но какой ценой? И надолго ли?

Вот эта жизнь, жизнь этих людей, должна была проявиться на страницах художественной литературы.

Ковальский со своим «чемоданчиком» прошел свой путь достойно. Но его судьба, как и судьба его ровесников, в обновляющейся России складывается весьма трагично.

Вот вопиющие факты: по данным управления Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков по Самарской области, за последний год «из незаконного оборота изъято 194 кг наркотиков. Из них 48 кг героина, свыше 48 кг опия, около 1 кг синтетических наркотиков и порядка 100 кг наркотиков растительного происхождения». Медики продолжают печальную статистику: в губернии зарегистрировано около 30 тысяч наркоманов, но реально эта цифра как минимум втрое выше и в основном это молодежь. Социологи пугают исследованиями: один наркозависимый приобщает к пагубному пороку 10-15 человек. Вывод взрослых: скоро все молодое поколение окажется на игле.

Что тут комментировать?

Взрослое население уселось на нефтегазовую иглу, молодежи осталась только наркоигла. Чем теперь живет и о чем думает тот парнишка 60-х годов, владелец драгоценного для него деревянного чемоданчика? Разве нам безразлична судьба одного из нас?

Н.Д.: Не появилось ли у Вас ощущение, что для нашего времени свойственно мифологизированное представление как о прошлом, так и о будущем?

А.М.: Реализм литературы относительно молод. Ведь ещё Лев Толстой говорил, что «Придет время, когда не будут сочинять литературу, а будут писать её с жизни». Может быть, на-

ступит такое время, когда мифология уступит факту. Но сам по себе факт — вещь фантастическая. И ещё грандиознее, когда являлся к читателю художественно оживленным! Тогда рождается истинное искусство.

Магия реальности и мифологическое ощущение грядущей жизни — может в этом будущее нашей подуставшей нынешней литературы, сторонящейся больших и содержательных форм. Без большого содержательного романа я не мыслю литературу. Кто будет жить во второй половине XXI века, возможно, ответит на этот вопрос более определеннее. Меня что-то удерживает.

Н.Д.: На сколько цельным Вам, автору, кажется созданное Вами художественное полотно?

А.М.: Я поставил точку, почувствовав, что добавить к уже сказанному вряд ли что смогу.

Давно не терпится попробовать написать пьесу (есть наброски), сказки. Внуку пообещал написать вторую детскую книжку. Но, кто знает, придет время и, возможно, Ковальский вновь позовет к себе, а если не он, то другой его сверстник... Сейчас так важно и для писателя, и для читателя сохранить искреннее отношение к жизни.

Верю, что на русской земле есть её истинный художник, который сумеет выразить всю глубину пережитой нашей страной трагедии, сказать всю «неподъемную правду». Есть потребность в русском национальном писателе, способном художественно закрепить национальный дух своего народа, сохранить его душу.

Н.Д.: Насколько предсказуемыми оказались в Вашем художественном полотне трагические события развала страны, нынешней нашей экономической и духовной деградации?

А.М.: Я начал писать вошедший в двухтомник роман «Противостояние» ещё в 1987 году, будучи на учебе в Ленинградском технологическом институте. И продолжил в начале 1991-го, остро чувствуя, что народ сбит с толку, дезориентирован.

Я полагал, что напишу только «Противостояние», но появилась необходимость вернуться к истокам судьбы главного героя, написал ещё три вещи о его детстве, юности и прочих «белых пятнах». Ведь о нас, русских, за границей (да и у нас) написано столько глупостей, столько о нас наговорено... А я был молод и горяч...

Вот так и получилось это некое «пятикнижие» о моих ровесниках. Да и не только о них.

Н.Д.: Случайным ли является то, что Ковальский, которого многие из его друзей и подавляющее большинство окружающих людей (например, рабочий возглавляемого им предприятия) продолжают уважать и даже любить, тем не менее, как фигура историческая, оказывается в одиночестве? Какой смысл Вы вкладываете в это его историческое одиночество? Или Вы верите в непобедимое значение «последнего праведника»?

А.М.: Ковальский не «последний праведник». Он всего лишь привык подчиняться нравственному выбору, который и в свое время и на своем месте делали его родители, все его предки. И именно он, такой, какой есть, ещё недавно был нужен стране, обществу. Затем все устои в жизни очень уж быстро поменялись на противоположные. А нормальный человек может жить только в соответствии со своим внутренним ритмом развития. Вот так сильный и деятельный человек вдруг становится совершенно беспомощным. В этом заключается трагедия нашего времени.

Но Ковальский с достоинством принимает неизбежное. В том числе и некое свое одиночество. Хотя для него это не просто. С другой стороны, именно способность оставаться самим собой, привычка оглядываться на родителей (а вдруг какой-то его шаг они не одобрили бы), помогает Ковальскому находить силы, не терять своего человеческого достоинства.

Н.Д.: Какова природа такого характера?

А.М.: Ковальский дорог мне тем, что он, кажется, давно понял (в отличие, например, от другого героя — Владимира Сулова), что все эти бесконечные блуждания, поиски, жажда перемен, столь характерные для интеллигенции, должны уступить место отстаиванию, сохранению тех ценностей, которые наши предки собирали по крупицам, чтобы занять свое достойное место в мировой истории. «Надо делать конкретное дело», — по-крестьянски рассуждает он, будучи уже технарём, организатором наукоемкого производства. То есть природа этого характера — крестьянская.

Я не писал историю одной жизни, как это вынесено в подзаголовок моего двухтомника, а попытался дать возможность

самой жизни рассказать о себе. Может быть, это удалось в самой большой части двухтомника — в «Черном ящике», где Ковальский пытается писать о себе сам. Ковальский человек творческий, поэтому он способен на страдание, а его вера в себя постоянно проверяется на прочность. Но ему удастся выстоять. Хотя в этом противостоянии, как и всякая творческая личность, он обречен на одиночество.

Последняя книга, пятая. Так и называется «Противостояние». И там столько ещё стихий, готовых сбить с ног... Так что жизнь Ковальского не легка. А кто сказал, что сохранение достоинства дается легко?

Научно-технический прогресс, над которым часто размышляет Ковальский и который увлек его из села, так стремительно развивается, что человек не успевает перестраивать свое сознание под изменившиеся обстоятельства. То же и в общественной жизни, в переустройстве общества.

Не один Ковальский, по большому счету, оказывается не вписанным в систему ценностей либерального толка. И слава Богу! Ибо эта самая система — явный симптом кризиса нынешней западной цивилизации. Для русского она как дурмантрава. Потому это одиночество Ковальского временное. Сам он пока этого четко не осознает. У него, кажется, это заложено на иррациональном уровне.

А есть и более глубокое одиночество. В историческом плане технический прогресс так повлиял на окружающий мир в планетарном масштабе, так его изменил, и сделал таким хрупким, уязвимым, что природа потеряла способность самовосстанавливаться. И речь уже идет не о толерантности в отношениях «человек-природа», а о спасении природы. Но где это есть? И когда это будет? Человек, как это не парадоксально, стал в условиях технического нашего прогресса более близок к гибели. При шести с половиной миллиардном населении планеты каждый человек стал более одинок перед лицом катастрофы. Теперь природа ему уже не помощник. Она сама гибнет. Человек остается в одиночестве со своим столь агрессивным разумом. Спасет ли он его? Человеческий разум оказался бесконтролен.

Ковальский остро это понимает и, кажется, переживает, взяв на себя, на свою совесть часть нашей общей вины. Трагедия

дия нашего времени и в том, что международный терроризм и внутренние нескончаемые реформы, нестабильность режимов во многих странах не дают возможности заниматься сохранением среды обитания, обустройством — планеты Земля. Либо мы объединимся все и спасемся, либо погибнем все разом. Это не миф о нашем будущем, но жестокая реальность.

Н.Д.: Не кажется ли Вам, что Ваши дед Проняй похож на Шолоховского деда Щукаря?

А.М.: Не кажется. Был такой у нас дед. Я его не придумал. Как и Мазилина, и многих других.

Меня уже окликали уже подобным образом, не в литературе, в жизни — на базарной площади один из приезжих городских позвал:

— Эй, казачок, подойди поближе!

Я не сразу сообразил, что зовут меня. Оказывается, его заинтересовала кубанка на моей голове. Дед выдeldывал овчины, вот и сшил её мне. С красным верхом. У нас и нарядная бекеша была. Когда дед её надевал, я замирал от восторга.

Был и огромный тулуп, который дед, когда зимой отправлялся в степь, обязательно одевал поверх бекеши или шубника. Но с тулупом случилась одна загвоздка, и я не мог до конца понять тогда, в двенадцать лет, кто больше прав — Пушкин или мой дед?

Я жил с дедом на бахчах, которые он сторожил. Мама привезла мне из библиотеки «Капитанскую дочку» Пушкина. Начав читать, я тут же споткнулся о некоторые несоответствия. В книжке Петю Гринева, когда провожали его в Оренбург на службу, одели в заячий тулуп, а потом сверху — в лисью шубу. У деда был тулуп. Огромный, из овчин. Тулуп всегда у нас надевали поверх шубника либо чего ещё. А в книжке было по-другому — на тулуп надевали шубу.

Я прочитал деду те несколько строк из книжки, что касались тулупа. Он тоже подтвердил, что так не бывает: «Тулуп — он и есть тулуп, хотя там, в книжке, баре, у них может по-другому», — рассуждал он вслух. Но я-то верил — дед всегда знал, что и как надо делать. Таким был наш быт. В книжке своя правда, в жизни своя. Это засело в голову ещё с детства.

Дед Щукарь был принят нашими оттого, что он был похож на нашенских.

А что мне делать с Миней Горбачевым — моим дальним сельским родственником, жившим на одной улице, напротив нашего дома? Непотопляемый мужичок. Проняй его хотя и не любил, а я его в книжку «вставил».

Н.Д.: Читал рукопись двухтомника и постоянно чувствовал боль автора за судьбу своих героев. Вы уверены, что выстоим, выживем?

А.М.: Да, мне трудно было остаться «за кадром». И стоило ли? Жил вместе с теми, о ком писал.

Выживем! Но какой ценой? Ценой жизней части нашего народа. Этот вопрос не дает покоя. Русский народ последние сто лет только и делает, что выживает.

Сошлюсь на примеры из своей биографии. Лишь для того, чтоб быть не голословным. Первый сын моей мамы, Саша, умер в начале войны. Когда родился я, меня называли тем же именем — Саша. Мама как бы интуитивно сопротивлялась обстоятельствам жестокого военного времени. Как вызов!

А если заглянуть в другую войну — гражданскую?

У первого мужа моей мамы, Василия Федоровича Шадрина, был брат, «человек с ружьем» — Шадрин Василий Федорович, полный тезка. Оба дожили до 70 лет.

А получились так. Сына-чапаевца ранило под Белебеем в легкое. Привезли восемнадцатилетнего парня Василия умирать в село к матери. А она на сносях. Когда разродилась, решено было, коли старший умирает, родившегося назвать Василием. Назвали. Как бы некоторую гарантию продолжения жизни закладывали. Сын-чапаевец не умер. Выжил. И жил всю жизнь с пулей в легком. И младший не подвел. Так два сына Василия в России в одной семье и выросли. Двойной тягой свой род тянули. А отец их, Федор, умер через пару лет после рождения второго Василия в бескрайней Оренбургской степи, поехав на Урал за солью... Его и похоронили в степи. Потом и могилку никто отыскать не смог.

Я в детстве всегда молча плакал, когда пели про ямщика, умирающего в степи. Деда Федора, которого никогда не видел, жалко было.

...А маму мою, Екатерину Ивановну, родила моя бабушка Груня досрочно, с перепугу, под винтовочные выстрелы, возвращаясь в воскресенье с базара. За их огородами, под горой, карательный отряд белых расстреливал двух местных боль-

шевииков. На обелиске, который теперь там стоит, дата расстрела: двадцать первое августа тысяча девятьсот восемнадцатого года. Это и дата рождения моей мамы.

Выживем, есть, увы, у нас такой национальный опыт.

Н.Д.: Ваши Ковальский часто приезжает в родные края, где никого уж нет из родных. Что главного в этом?

А.М.: «И познаем мы свой край и Родину свою настолько, насколько любим», — так гласит мудрость. И себя понимаем яснее там, где произошло таинство нашего появления на свет — на Отчизне. Там сила, которая питает нас. Ковальскому это дано чувствовать.

Н.Д.: А что Вы можете сказать о руководителях, специалистах прежней закалки?

А.М.: Прежние руководители? Они были державниками! Другими не могли быть. Это благодаря им моему поколению удалось пожить без войн, получить образование, достойно потрудиться. Они крепили мощь державы. На этом все и держалось. И теперь вот, дай Бог понять всем, что без самоотверженного труда, преданности избранному делу, ничего в жизни путного не сделаешь.

«Не одни же Раскольниковы и Печорины были в жизни?» — простовато недоумевал я в юности. Были люди, которые переносили беды, личные драмы, но ещё и строили мосты, железные дороги, ходили в экспедиции. Люди, которые делали жизнь. Где они в литературе? Таких книг было мало. И став взрослым, я думал об этом... Была крайность, если книга о производственниках, то в ней только сплошные битвы за урожай, за сроки, за объемы. Масштабы и объемы вершимого поглощали, растворяли человека — от директора до рабочего.

Но были замечательные самородки. Вопрос в том: теряется или нет интерес к человеку при огромных масштабах дела, которое возглавляешь?..

Н.Д.: Во втором томе мощно звучит тема труда. Что Вы думаете в этом плане о Ковальском?

А.М.: Драматизм таких, как у Ковальского, судеб в том, что, будучи натурами одаренными, заряженными на системную деятельность, на созидательную работу, являясь натурами цельными, они попадают в обстоятельства, заставляющие полагаться, порой, на наше извечное «авось».

На то «авось», которое порой определяет не одну человеческую жизнь, а судьбу целого общества... Так уж повелось у нас.

Ковальский трудоголик. Он не может существовать без плодотворного труда. А действительность е7го этого лишает. Куда ему деваться? Ка быть! Это его драма. Выходит, и его судьба. Сделанная во многом им самим, и его дело стали фатально зависеть от этого «авось», которым кончается вторая книга. Смирится ли он?

Н.Д.: Скоро в издательстве «Российский писатель» Ваш многолетний труд выйдет двухтомным изданием с общим названием «Под открытым небом». Что бы Вы хотели сказать своим читателям?

А.М.: Самое главное я уже сказал на страницах двухтомника.

Хотелось бы, чтобы мои книги прочитало как можно больше читателей. И разного возраста. Мой Ковальский в прозаическом цикле вырастает из 12-ти летнего мальчика в 53-летнего человека. И все это на фоне порой оглушительных событий, которые выпали на долю его поколения.

Наступает время, когда не по силам переживать в одиночку, тогда хочется писать.

Чем больше читателей откликнутся на боль моих героев, тем больше будет надежды на доброе и светлое в нашей общей жизни.

Год за годом известный русский писатель Александр Малиновский создавал живую и весьма объемную, начиная с послевоенных лет, картину жизни своего поколения. И вот завершена работа над повестью «Противостояние» — последним произведением из прозаического цикла, в котором героям А. Малиновского теперь уже приходится отвечать на вызовы сегодняшнего дня. И в результате получилось эпическое полотно, где причудливые узоры отдельных человеческих судеб и историческая судьба всего народа обретают свое трагическое единство.

«Под открытым небом» — под таким общим названием в ближайшее время выйдет в издательстве «Российский писатель» этот многолетний труд А. Малиновского.

Основные даты жизни и деятельности А.С. Малиновского

- 1944, 20 февраля — родился в селе Утевка Нефтегорского района Куйбышевской области.
- 1962 — окончил Утевскую среднюю школу и поступил в Куйбышевский политехнический институт (КПТИ) на химико-технологический факультет. В связи с совмещенной формой обучения работал учеником аппаратчика, аппаратчиком цеха № 201 (полимеризация этилена) Куйбышевского завода синтетического спирта. Уволился в 1964 после окончания практики и продолжил обучение в очной форме.
- 1967 — окончил КПТИ и получил диплом инженера-технолога по специальности «Технология основного органического нефтехимического синтеза».
- 1967 — принят инженером-стажером цеха №2 Куйбышевского завода синтетического спирта. В сентябре того же года переведен на должность начальника смены цеха №6 (гидратация этанола). До 1975 работал в цехе начальником отделения и заместителем начальника цеха.
- 1969 — в газете «Волжский комсомолец» опубликовано первое стихотворение А.С. Малиновского.
- 1975 — назначен начальником цеха № 2 (пиролиз углеводородов нефти и компилирования).
- 1977 — назначен заместителем главного инженера завода.
- 1984 — назначен директором Куйбышевского (Самарского) завода синтетического спирта.
- 1985 — избран депутатом Новокуйбышевского Городского совета народных депутатов от коллектива КЗСС.
- 1985 — без отрыва от производства защитил кандидатскую диссертацию по теме «Селективное гидрирование ацетиленов в пирогазе на металлокомплексном катализаторе».
- 1985–2003 — председатель государственной экзаменационной комиссии СамГТУ по специальности «Технология основного органического и нефтехимического синтеза».

- 1988 — избран академиком Инженерной Академии РФ.
- 1990 — стал лауреатом премии Совета Министров СССР.
- 1990 — переизбран депутатом Новокуйбышевского Городского совета народных депутатов от коллектива КЗСС.
- 1991 — награжден знаком «Отличник химической и нефтехимической промышленности СССР».
- 1992 — вышли первые сборники рассказов А.С. Малиновского «Разговор с сыном» и «Степной чай».
- 1992 — присвоено звание «Почетный нефтехимик».
- 1992 — без отрыва от производства защитил докторскую диссертацию по теме «Научные основы и технологические принципы процесса производства низших олефинов».
- 1993 — награжден знаком Алексия Митрополита Московского «За труды во благо Святой Православной Церкви».
- 1993 — присвоено звание «Почетный профессор СамГТУ».
- 1994 — присвоено звание «Заслуженный изобретатель РФ».
- 1996 — принят в члены Союза писателей России.
- 1996 — лауреат литературного конкурса Самарской региональной организации Союза литераторов России (первая премия по разделу «Художественная проза» за повесть «Черный ящик»).
- 1997 — вышли документальная повесть А.С. Малиновского о Григории Журавлеве «Радостная встреча» и повесть «Под открытым небом».
- 1997–1999 — генеральный директор ОАО «Самарский завод Этанол».
- 1998–1999 — генеральный директор ОАО «Новокуйбышевский нефтехимический комбинат».
- 1999–2001 — генеральный директор ЗАО «Новокуйбышевская нефтехимическая компания».
- 1999 — награжден знаком «Почетный химик РФ».
- 2000 — удостоен звания «Заслуженный инженер России».
- 2000 — награжден медалью Преподобного Сергия Радонежского I степени Русской Православной Церкви.
- 2000 — лауреат Всероссийской литературной премии «Русская повесть» (за повесть «Под открытым небом»).
- 2001–2007 — занимал руководящие должности в структурах ООО «Волгопромхим».
- 2002 — лауреат премии В.М. Шукшина Самарского межрегионального центра В.М. Шукшина (за повесть «Радостная встреча»).
- 2004 — лауреат премии имени Эдуарда Володина «Имперская культура» в номинации «Детская книга» (за книгу «Под старыми кленами»).

- 2007–2016 — профессор кафедры «Химическая технология и промышленная экология» СамГТУ.
- 2008 — лауреат Губернской премии в области культура и искусства.
- 2009 — вышло четырехтомное собрание сочинений А.С. Малиновского.
- 2009 — удостоен Почетного диплома III Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы имени А.Н. Толстого (за книгу «В плену светоносном»).
- 2010 — лауреат литературно-художественного журнала «Русское эхо» в номинации «Проза».
- 2011 — лауреат VI Всероссийского конкурса имени П.П. Ершова за произведения для детей и юношества (за книгу «Приключения трех смельчаков и их друзей»).
- 2011 — финалист Всероссийского конкурса современной прозы имени И.С. Шмелева (за повесть «Дом над Волгой»).
- 2012 — лауреат премии IV Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы имени А.Н. Толстого (за книгу «Дом над Волгой»).
- 2014 — награжден Почетным знаком губернатора «За труд во благо земли Самарской».
- 2016 — вышла книга А.С. Малиновского «Голоса на обочине»
- 2016 — лауреат творческого конкурса Союза журналистов и Администрации города Самары имени Эдуарда Кондратова.
- 2017 — вышел роман А.С. Малиновского «Сага о первооткрывателях».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Александр Малиновский: учёный, писатель, краевед

Литература о А.С. Малиновском

См. также №№ 116, 117, 118, 188, 210, 243, 386, 388, 389

Общие работы

1. Молько, А.В. «Нету мне в жизни покоя...»: судьба и творчество Александра Малиновского / А.В. Молько. — Самара: Издательский дом «Агни», 2001. — 176 с.
О кн.: Сохрина, А. Тайна Малиновского / А. Сохрина // Волж. заря. — 2001. — 20 нояб. — С. 6; Толкач, М. На стремнину могучей реки / М. Толкач // Волж. коммуна. — 2001. — 25 дек. — С. 3; Толкач, М. К тайнам человеческой души / М. Толкач // Самар. изв. — 2002. — 24 янв. — С. 15; Солодовников, В. В разъединенном единенье... / В. Солодовников // Суббота. — 2002. — 9 февр. — С. 14.
2. Александр Малиновский: творческий портрет писателя: [сборник] / сост. Н. Дорошенко. — Москва: Российский писатель, 2004. — 155, [1] с.
3. Бердникова, А.Д. Светоносный плен: [очерки о жизни и творчестве А.С. Малиновского] / А.Д. Бердникова. — Самара: Русское эхо, 2014. — 208 с.

* * *

4. Малиновский, Александр Станиславович // Историко-культурная энциклопедия Самарского края: персоналии: М-Р. — Самара, 1995. — С. 37-38.
5. Малиновский Александр Станиславович // Профессора Самарского государственного технического университета: справочник. — Самара, 1995. — С. 133.
6. Малиновский Александр Станиславович: генеральный директор АО «Самарский завод синтетического спирта» / подгот. С. Матвеева // Лидеры Самарской губернии'98. — Самара, 1998. — С. 134-141.

7. Замечательная биография: (Малиновский Александр Станиславович) // Я люблю эту землю: очерки о людях Нефтегор. р-на. — Самара, 2002. — С. 36–44.
8. Малиновский Александр Станиславович // Энциклопедический словарь биографий современников «Вся Россия - XXI век»: Самарская область. — Самара, 2002. — Кн. 1. — С. 178.
9. Александр Малиновский: «Тем, кто трудится, никогда не бывает легко» // Иванов В.С. Драгоценные нити: в 2 т. — Самара, 2007. — Т. 1. — С. 268–272.
10. Малиновский Александр Станиславович // Писатели Самарского края: лит. антол. — Самара, 2009. — С. 194–197.
11. Малиновский Александр Станиславович // Самарская областная универсальная научная библиотека: энциклопедия. — Самара, 2009. — С. 210.
12. Александр Малиновский: писатель, ученый, руководитель производства // Самарские судьбы: биогр. энцикл. 2010. — Самара, 2011. — С. 226–227.
13. Малиновский Александр Станиславович // Энциклопедия Самарской области. — Самара, 2011. — Т. 3: К - М. — С. 276.
14. От начала круга // Окружнов А. Живет родник: рассказы о самар. писателях. — Самара, 2012. — С. 66–91.
15. Малиновский Александр Станиславович // Знаменитые выпускники Самарского государственного технического университета: 1914–2014. — Самара, 2014. — С. 134–136.
16. Малиновский Александр Станиславович // Самарская областная универсальная научная библиотека: энциклопедия. — Самара, 2014. — С. 288.
17. Малиновский Александр Станиславович // Нефтегорский район. 50 лет. — [Самара], 2015. — С. 15–16.

Интервью и публикации в периодической печати

См. также №№ 124, 125, 131, 137, 145, 149, 155–158, 160–163, 166, 168, 169, 171, 172, 174, 176, 179, 184, 187

18. Наши депутаты: депутаты, избранные в [Новокуйбышевский] городской совет народных депутатов от коллектива КЗСС // Большая химия. — 1985. — 5 марта. — С. 1.
19. Выборы: [информация об избрании А.С. Малиновского в Новокуйбышевский городской Совет по округу №158] // Большая химия. — 1990. — 8 мая. — С. 1.

20. Жизнь богаче наших представлений...: диалог писателя Ивана Никульшина с директором Куйбышевского завода синтетического спирта, доктором технических наук Александром Станиславовичем Малиновским // Волж. коммуна. — 1993. — 12 февр. — С. 1,2.
21. Нашему генеральному директору 50 лет. Поздравляем, Александр Станиславович!: [страница газеты посвящена А.С. Малиновскому] // Большая химия. — 1994. — 23 февр. — С. 1.
Содерж.: Юбилейная ода на директора завода / В. Долгинин; Мы верим в Вас / А. Помещикова; Умеет выслушать, помочь / М. Ашихмин; Талант — видеть перспективу / В. Кондратьев.
22. Умнова, Е. А корни — прохладной земле: [о А.С. Малиновском] / Е. Умнова // Культура. — 1994. — 26 февр. — С. 8.
23. Малиновский, А.С.: [биографическая справка и предвыборная программа кандидата в депутаты Новокуйбышевской городской думы] // Нефтехимик. — 1994. — 18 марта. — С. 1.
24. Костин, Г. Истоки: [о А.С. Малиновском и его книге «Горница»] / Г. Костин // Самар. изв. — 1995. — 17 февр. — С. 7.
25. Карасев, В. Александр Малиновский: «Сшибить меня трудно»: [интервью] / В. Карасев // Моя газ. — 1995. — 30 мая. — С. 2.
26. Карасев, В. Люблю и помню запахи родной земли: [беседа] / В. Карасев // Луч [Нефтегорский р-н]. — 1995. — 4 июля. — С. 2,3.
27. Малиновский, А. Александр Малиновский, продолжение следует / А. Малиновский // Панорама нефтехимии. — 1997. — № 2. — С. 56–59.
28. Александр Малиновский: поэт на Волге больше чем поэт // Панорама нефтехимии. — 1997. — № 1. — С. 80–90.
29. Александр Малиновский: поэт и гражданин // Аз емь Гражданин. — 1998. — № 2. — С. 102–107.
30. Никульшин, И. Александр Малиновский: я не капиталист, я менеджер: [интервью] / И. Никульшин // Босс. — 1998. — № 8. — С. 24–27.
31. Силантьев, В. Александр Малиновский, который каждые три года меняет свою жизнь: [беседа] / В. Силантьев // Дело. — 1999. — 9 февр. — С. 24–27.
32. «Я любить не устану...» // Самар. газ. — 1999. — 17 марта. — С. 5.
33. Музеем быть: и к этому уже сделаны первые шаги // Луч [Нефтегорский р-н]. — 1999. — 10 июля. — С. 3.
О вкладе А.С. Малиновского в создание краеведческого музея Нефтегорского района.
34. «Я любить не устану...»: самарскому писателю, нашему земляку Александру Малиновскому — 55 лет // Луч [Нефтегорский р-н]. — 1999. — 7 авг. — С. 6.

35. Музеем быть, музеем жить // Луч [Нефтегорский р-н]. — 1999. — 23 дек. — С. 1.
Об открытии Детского музея краеведения в Нефтегорске, среди почетных гостей — А.С. Малиновский.
36. Лучшая книга еще впереди: [беседа с А.С. Малиновским о его творчестве и увлечениях] / беседовала Е. Пестова // Самара и губерния. — 2000. — № 4. — С. 24–25.
37. Жоголев, Е. Случай с Малиновским / Е. Жоголев // Самар. изв. — 2000. — 7 апр. — С. 13.
38. Переяслов, Н. Родом из Утевки: [к биографии А.С. Малиновского] / Н. Переяслов // Поэзия. — 2000. — № 1. — С. 80–81.
39. Сохрина, А. «Коль мог бы я сто раз на свет родиться...»: [беседа] / А. Сохрина // Волж. заря. — 2002. — 4 апр. — С. 1,8.
40. Михайлова, Н. Человек, определяющий лицо планеты, или Открытое небо Александра Малиновского / Н. Михайлова // Самара. Журн. столицы региона. — 2002. — № 2. — С. 22–23.
41. Михайлова, Н. На Самарке в воду падает звезда...: [беседа с А.С. Малиновским о его творчестве и путешествии по р. Самарке] / Н. Михайлова // Самара и губерния. — № 5'2002 — № 1'2003. — С. 80–81.
42. Кокшенева, К. Стальная стружка. Хлебная корка: [писателю А.С. Малиновскому — 60 лет] / К. Кокшенева // Волж. коммуна. — 2004. — 20 февр. — С. 3.
43. Александр Малиновский: «Тем, кто трудится, никогда не бывает легко»: [интервью к 60-летию писателя] // Луч [Нефтегорский р-н]. — 2004. — 27 февр. — С. 3.
44. Михайлова, Н. Повесть о любви и смерти: эта история могла бы стать сюжетом для сериала / Н. Михайлова // Струков. сад. — 2004. — № 28 (24-30 нояб.). — С. 6.
45. Радостная встреча: [о А.С. Малиновском говорят его коллеги-писатели Д. Кан, В. Ганичев, В. Крупин, Н. Дорошенко, И. Ляпин] // Вечер. Самара. — 2007. — 18 авг. — С. 5.
46. Кан, Д. Открытое небо Александра Малиновского / Д. Кан // Волж. заря. — 2008. — 8 апр. — С. 11.
47. Тополян, А. Александр Малиновский: главная книга еще не написана, она впереди / А. Тополян // Самара. Журн. столицы региона. — 2008. — Июль–авг. (№ 7). — С. 77–80.
48. В оппозиции к пошлости: [беседа] / записала Д. Кан // Вечер. Самара. — 2008. — 6 сент. — С. 6.

49. Карасев, В. «Дорога правды и добра»: [о А.С. Малиновском — биография и творчество] / В. Карасев // Самар. судьбы. — 2009. — № 5. — С. 80–93.
50. Писатель Александр Малиновский: [беседа] / записала Д. Кан // Волж. заря. — 2010. — 28 дек. — С. 6.
51. Карасев, В. Александр Малиновский: «Я думаю, что в каждом большом писателе сидит ребенок» / В. Карасев // Волж. коммуна. — 2012. — 5 июля. — С. 7.
52. Вдова поручика: [воспоминания А.С. Малиновского о своей семье] / записала Н. Апрелева // Самар. газ. — 2012. — 24 авг. — С. 11.
53. Окружнов, А. От начала Круга: об Александре Станиславовиче Малиновском / А. Окружнов // Рус. эхо. — 2012. — № 10 (69). — С. 208–234.
54. Унитаз в читальне: [беседа] / записала С. Еременко // Аргументы и факты — Самара. — 2013. — Апр. (№ 14). — С. 3.
55. Громов, А. Александр Малиновский: «Жизнь сводится к простым вещам...» / А. Громов // Свежая газ. Культура. — 2014. — № 3. — С. 14.
56. Бердникова, А. Миг между прошлым и будущим: [к 70-летию А.С. Малиновского] / А. Бердникова // Луч [Нефтегорский р-н]. — 2014. — 21 февр. — С. 2.
57. Вселенная по имени «Малиновский»: [некролог] // Луч [Нефтегорский р-н]. — 2017. — 29 нояб. — С. 4.
58. [Малиновский Александр Станиславович]: [некролог] // Свежая газ. Культура. — 2017. — № 20. — С. 3.
59. Карасев, В. Человек, услышавший голоса времени: памяти Александра Малиновского / В. Карасев // Волж. коммуна. — 2017. — 29 нояб. — С. 13.
60. Страница памяти Александра Малиновского: [воспоминания] / М. Хаустова [и др.] // Луч [Нефтегорский р-н]. — 2018. — 10 янв. — С. 2.
61. Карасев, В. Памяти писателя и ученого / В. Карасев // Волж. коммуна. — 2018. — 23 нояб. — С. 18.
О выставке в Самарском епархиальном церковно-историческом музее «Малиновский А.С. — инженер, ученый, писатель, открывший миру Журавлева Г.Н.».
62. Гринева, М. О человеке, открывшем Григория Журавлева: как директор химических заводов, доктор наук поведал миру о трудах уникального иконописца / М. Гринева // Самар. газ. — 2018. — 24 нояб. — С. 7.
О выставке «Малиновский А.С. — инженер, ученый, писатель, открывший миру Журавлева Г.Н.».

63. Бердникова, А. На свидание к Малиновским / А. Бердникова // Луч [Нефтегорский р-н]. — 2018. — 24 окт. — С. 3.
О закладке аллеи памяти А.С. Малиновского в Утевке.
64. Малиновский, А.С. Наброски к автобиографии / А.С. Малиновский // Рус. эхо. — 2018. — № 1 (132). — С. 4–15.
65. Плотников, В. Дорогой правды и добра: [о Малиновских чтениях] / В. Плотников // Свежая газ. Культура. — 2018. — № 4. — С. 3.
66. Владимиров, П. Дорогой правды и добра: [о Малиновских чтениях] / П. Владимиров // Рус. эхо. — 2018. — № 2 (133). — С. 289–293.
67. Козырь, О. Мыслеворот: штрихи к портрету замечательного человека / О. Козырь // Технополис Поволжья. — 2018. — № 18. — С. 54–57.

Награды и премии

68. Награды лучшим // Волж. комсомолец. — 1974. — 10 марта. — С. 3.
Информация о награждении нештатного корреспондента А.С. Малиновского грамотой Всероссийского общества охраны природы.
69. Поздравляем!: [информация о присуждении Премии Совета Министров СССР в области науки и техники А.С. Малиновскому] // Большая химия. — 1990. — 8 мая. — С. 1.
70. Телеграмма из Москвы: [об избрании А.С. Малиновского членом-корреспондентом Инженерной академии РФ] // Большая химия. — 1993. — 12 мая. — С. 1.
71. Указ Президента Российской Федерации о присвоении почетного звания «Заслуженный изобретатель Российской Федерации» // Собрание законодательства Рос. Федерации. — 1994. — № 4. — Ст. 330. — С. 437–438.
72. Картамышева, Л. Событие в культурной и духовной жизни / Л. Картамышева, Г. Мудрик // Нефтехимик. — 1998. — 8 дек. — С. 1.
О вручении медали «Меценат искусств» А.С. Малиновскому за вклад в открытие центра В. Шукшина в Самаре.
73. Награждения в Женеве // Вестник [Новокуйбышевск]. — 2000. — 8 февр. — С. 2.
А.С. Малиновскому вручена персональная международная награда «Эртсмейкер-2000» в номинации «За динамику и прогресс экономического развития в условиях посткризисной экономики».
74. О предоставлении губернских премий в области культуры и искусства за 2008 год: распоряжение от 2 апреля 2009 г. № 92-р // Волж. коммуна. — 2009. — 7 апр. — С. 11.
А.С. Малиновский удостоен премии за создание книги «Под открытым небом».

75. Знай наших!: [А.С. Малиновский удостоен губернской премии за книгу «Под открытым небом»] // Живая вода. — 2009. — № 10 (июль). — С. 3.
76. О награждении Почетной грамотой Думы городского округа Самара: решение от 5 декабря 2013 г. № 387 // Самар. газ. — 2013. — 7 дек. — С. 5.
77. О награждении Почетным знаком Губернатора Самарской области «За труд во благо земли Самарской»: постановление Губернатора Самарской области от 7 февраля 2014 г. № 26 // Волж. коммуна. — 2014. — 12 февр. (№ 36). — С. 1.
78. Дорожкина, Д. «Важно нести высокую культуру в районы и малые города»: [о вручении почетного знака «За труд во благо земли Самарской»] / Д. Дорожкина // Волж. коммуна. — 2014. — 26 марта. — С. 1,3.
79. Черных, А. Труд во благо земли Самарской / А. Черных // Самар. газ. — 2014. — 27 марта. — С. 2.

* * *

80. Иногда заводами руководят поэты: [премия «Лучшая повесть-2000» присуждена А.С. Малиновскому за повесть «Под открытым небом»] // Самар. газ. — 2000. — 4 апр. — С. 3.
81. Острый, В. Он «отравляет» воздух, но пишет «экологически чистым языком»: [премия «Лучшая повесть-2000» присуждена А.С. Малиновскому за повесть «Под открытым небом»] / В. Острый // Волж. заря. — 2000. — 4 апр. — С. 1.
82. Новая русская книга-2004: [А.С. Малиновский получил литературную премию «Имперская культура» им. Э. Володина за книгу для детей «Под старыми кленами»] // Новая книга России. — 2005. — № 1. — С. 32–33.
83. Карасев, В. Боря, Тишка и Сережа: [А.С. Малиновский стал лауреатом VI Всероссийского литературной премии им. П.П. Ершова произведений для детей и юношества] / В. Карасев // Волж. коммуна. — 2011. — 18 марта. — С. 7.
84. Жанры, которые нас выбирают: [беседа с лауреатом VI Всероссийской литературной премии им. П.П. Ершова произведений для детей и юношества А.С. Малиновским] / записала Д. Кан // Волж. заря. — 2011. — 15 марта. — С. 7.
85. Самарский писатель получил премию им. Алексея Толстого: [А.С. Малиновский за повесть «Дом над Волгой» награжден премией за лучшее произведение для детей и юношества] // Волж. коммуна. — 2012. — 16 мая. — С. 7.

А.С. Малиновский — ученый

Труды и публикации

86. Малиновский, А.С. Нефтехимия Самарской области: годы, люди, производства: исторические очерки / А.С. Малиновский, В.Н. Курятников, А.А. Гидаспов; Самар. отд-ние общерос. обществ. орг. «Рос. хим. о-во им. Д.И. Менделеева». — Самара: Ас Гард, 2013. — 338 с.

* * *

87. Селективное гидрирование ацетилен в пирогазе и этиленовой фракции на металлокомплексном катализаторе / А.С. Малиновский [и др.] // Получение низших олефинов (пиролиз и газоразделение). — Москва, 1979.
88. Селективное гидрирование этилена в пирогазе / А.С. Малиновский [и др.] // Нефтепереработка и нефтехимия. — 1980. — № 5. — С. 29–31.
89. Реконструкция печей пиролиза / А.С. Малиновский [и др.] // Эксплуатация, модернизация и ремонт оборудования в нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности. — 1980. — № 3. — С. 23–24.
90. Модернизация трубчатых печей / А.С. Малиновский [и др.] // Науч.-техн. реф. сб. ЦИНТИхимнефтемаш, Хим. машиностроение. — 1980. — № 6.
91. Совершенствование и повышение эффективности производства синтетического этилового спирта // Нефтепереработка и нефтехимия. — 1982. — № 11. — С. 7–9.
92. Реактивация кластеров палладия, отравленных сернистыми соединениями, в процессе гидрирования непредельных углеводородов / А.С. Малиновский [и др.] // Изв. АН СССР. Серия химическая. — 1983. — № 8. — С. 1926–1927.
93. Взаимодействие серосодержащих соединений с кластерами палладия: отравление катализаторов и их каталитическая реактивация / А.С. Малиновский [и др.] // XVI Конференция по химии и технологии органических соединений серы и сернистых нефтей, Рига, 22-25 окт., 1984: тез. докл. — Рига, 1984. — С. 266–267.
94. Реконструкция печей пиролиза на Куйбышевском заводе синтез-спирта / А.С. Малиновский [и др.] // Пути интенсификации процессов производства низших олефинов. — Москва, 1985. — С. 27–30.
95. Исследование процесса гидрирования ацетилен в пирогазе в присутствии кластера палладия / А.С. Малиновский [и др.] // Про-

- блемы эксплуатации этиленовых производств: [сб. ст.]. — Москва, 1986. — (Сборник научных трудов / ВНИИ органического синтеза (ВНИИОС); вып. 20).
96. Снижение вредных выбросов при использовании горелок типа АГГ на печных агрегатах пиролиза / А.С. Малиновский [и др.] // Нефтепереработка и нефтехимия. — 1991. — № 6. — С. 46–48.
  97. Использование клиноптилолита при осушке газов пиролиза на Куйбышевском заводе синтезспирта / А.С. Малиновский [и др.] // Вопросы технологии производства низших олефинов: [сб. ст.]. — Москва, 1991. — С. 20–26. — (Сборник научных трудов / ВНИИ органического синтеза; вып. 30).
  98. Исследование процесса каталитического пиролиза углеводородного сырья на опытно-промышленной установке / А.С. Малиновский [и др.] // Нефтепереработка и нефтехимия. — 1991. — № 6. — С. 30–37.
  99. Опыт перевода печи термического пиролиза на каталитический / А.С. Малиновский [и др.] // Нефтепереработка и нефтехимия. — 1991. — № 7. — С. 29–33.
  100. Разработка и реализация топливной системы печных агрегатов пиролиза с использованием акустических газовых горелок / А.С. Малиновский [и др.] // Хим. пром-сть. — 1991. — № 7. — С. 396–398.
  101. Теплотехническое обследование модернизированной печи Куйбышевского завода синтетического спирта / А.С. Малиновский [и др.] // Сборник научных трудов ВНИИ органического синтеза. — Москва, 1991. — № 29. — С. 48–53.
  102. Слуп-вокс как источник жидкого сырья пиролиза / А.С. Малиновский [и др.] // Химия и технология топлив и масел. — 1992. — № 6. — С. 12–13.
  103. Этанол-добавка к бензинам // Окружающая среда для нас и будущих поколений: тез. докл. II Междунар. конгр., Самара — Астрахань — Самара, 12-19 сент. 1997. — Самара, 1997. — С. 226.
  104. Совершенствование технологии получения пара-трет-бутилфенола с целью повышения его качественных показателей / А.С. Малиновский [и др.] // Изв. Самар. науч. центра РАН. — Самара, 2004. — Спец. вып.: Химия и химическая технология: к 90-летию СГТУ. — С. 224–229.
  105. Развитие технологии производства ихтиола в России / А.С. Малиновский [и др.] // Нефтепереработка и нефтехимия. — 2004. — № 8. — С. 54–59.
  106. Малиновский, А.С. Исторические этапы и современное состояние сланцеперерабатывающей промышленности в России / А.С. Мали-

- новский, Ю.А. Стрижакова // Изв. Самар. науч. центра РАН. — Самара, 2004. — Спец. вып.: Химия и химическая технология: к 90-летию СГТУ. — С. 243–247.
107. Технология переработки горючих сланцев: этапы становления и перспективы развития / А.С. Малиновский [и др.] // Изв. вузов. Химия и химическая технология. — 2007. — Т. 50, № 6. — С. 9–14.
108. Вопросы экологии добычи и переработки горючих сланцев / А.С. Малиновский [и др.] // Изв. Акад. промышл. экологии. — 2007. — № 2. — С. 34–37.
109. Рекультивация накопителей углеводородсодержащих отходов / А.С. Малиновский [и др.] // Экология и пром-сть России. — 2008. — № 6. — С. 16–18.
110. Утилизация осадков сточных вод на объектах размещения отходов / А.С. Малиновский [и др.] // Экология и пром-сть России. — 2008. — № 5. — С. 36–40.
111. Переработка горючих сланцев в химические продукты: исторические аспекты и перспективы развития / А.С. Малиновский [и др.] // Современные проблемы истории естествознания в области химии, химической технологии и нефтяного дела: материалы XI Междунар. науч. конф. — Уфа, 2010. — С. 212–215.
112. Исторические аспекты и перспективы развития переработки горючих сланцев в химические продукты / А.С. Малиновский [и др.] // История науки и техники. — 2011. — № 3, спец. вып. № 1. — С. 9–21.
113. Обработка осадков сточных вод нефтяного комплекса / А.С. Малиновский [и др.] // Регион. архитектура и стр-во. — 2012. — № 2. — С. 159–166.
114. Малиновский, А.С. Истоки формирования химического и нефтехимического промышленных комплексов в Самарской губернии / А.С. Малиновский, Ю.А. Стрижакова // Вестн. Самар. гос. техн. ун-та. Сер.: Техн. науки. — 2012. — № 1. — С. 203–213.
115. Синтез алифатических углеводородов из продуктов газификации горючих сланцев Ленинградского и Кашпирского месторождений / А.С. Малиновский [и др.] // Химия твердого топлива. — 2012. — № 3. — С. 34.

* * *

116. Сазонова, А. Профессор в мантии — настоящий профессор: [о вручении профессорской мантии ученым К.С. Колесникову и А.С. Малиновскому] / А. Сазонова // Самар. газ. — 1999. — 21 апр. — С. 2; Большая химия. — 1999. — 27 мая. — С. 1.

117. Богданова, Е.С. Техническое и художественное творчество выдающихся деятелей науки и техники и тема искусства в документах архива / Е.С. Богданова // История науки и техники. — 2016. — № 11. — С. 47–58.

Результаты работы по сбору информации об увлечениях деятелей науки и техники, среди которых А.С. Малиновский.

А.С. Малиновский — руководитель производства

118. Первенец большой химии: страницы истории Самарского завода синтетического спирта / В.М. Шарлот. — Самара: Самарский Дом печати, 1997. — 303 с.
О А.С. Малиновском см.: с. 70–71, 91, 94, 105, 107.

* * *

119. Из доклада директора завода А.С. Малиновского: [доклад на конференции представителей трудовых коллективов по итогам 1984 г.] // Большая химия. — 1985. — 8 янв. — С. 2.
120. Малиновский, А.С. Когда не подводят партнеры: [о выполнении договорных обязательств, технологической дисциплине, контроле и отношениях между предприятиями] / А.С. Малиновский // Знамя коммунизма [Новокуйбышевск]. — 1984. — 11 сент. — С. 3; Большая химия. — 1984. — 11 сент. — С. 1.
121. Малиновский, А.С. В условиях перестройки: [о работе завода в новых условиях хозяйствования] / А.С. Малиновский // Большая химия. — 1986. — 14 окт. — С. 1.
122. Малиновский, А.С. Нужны сосредоточенность и деловитость: [о работе завода в 1987 г.] / А.С. Малиновский // Большая химия. — 1987. — 31 марта. — С. 1.
123. Малиновский, А.С. Верю в наш успех: [о задачах завода после выделения из состава производственного объединения «КНОС»] / А.С. Малиновский // Большая химия. — 1987. — 26 мая. — С. 1.
124. В практическую плоскость переведены вопросы по внедрению нового механизма хозяйствования на нашем заводе: [интервью с директором А.С. Малиновским о переводе завода на полный хозрасчет и самофинансирование] // Большая химия. — 1987. — 29 сент. — С. 1.
125. Власть советская — власть народная: интервью третье [с А.С. Малиновским о реализации социальной программы на заводе] // Большая химия. — 1987. — 3 нояб. — С. 1.

126. Малиновский, А.С. Сегодняшние достижения — фундамент будущих успехов: [очерк к 30-летию завода] / А.С. Малиновский // Большая химия. — 1987. — 22 дек. — С. 1.
127. Малиновский, А.С. Открытое письмо: председателю Совета министров СССР товарищу Рыжкову Н.И. / А.С. Малиновский, А.Д. Афанасьев, А.Д. Сорокин // Большая химия. — 1988. — 1 марта. — С. 1,2.
128. Малиновский, А.С. Здоровье в наших руках: [о природоохранных мероприятиях и улучшениях условий труда] / А.С. Малиновский // Большая химия. — 1988. — 5 апр. — С. 1.
129. Малиновский, А.С. Предложения завода поддержаны: [заседание совета трудового коллектива по решению вопросов, поставленных в письме к Н.И. Рыжкову] / А.С. Малиновский // Большая химия. — 1988. — 19 апр. — С. 2.
130. Малиновский, А.С. Выполняя коллективный договор: [итоги выполнения мероприятий коллективного договора за 1-е полугодие 1988 г.] / А.С. Малиновский, В.С. Смолянкин // Большая химия. — 1988. — 7 июня. — С. 1.
131. Малиновский, А.С. Обновлять методы руководства: [о работе завода в условиях хозрасчета] / А.С. Малиновский // Большая химия. — 1988. — 11 окт. — С. 1.
132. Верить в успех: [интервью с директором завода А.С. Малиновским] // Большая химия. — 1988. — 27 дек. — С. 1-2.
133. Малиновский, А.С. Продовольственная программа: ступени развития / А.С. Малиновский // Большая химия. — 1989. — 27 июня. — С. 2.
134. Учимся работать по-новому: [интервью с директором завода А.С. Малиновским о рабочей поездке в США] // Большая химия. — 1989. — 22 авг. — С. 1.
135. Малиновский, А.С. Нужна реальная самостоятельность: [мнение о путях расширения самостоятельности завода] / А.С. Малиновский // Большая химия. — 1989. — 19 сент. — С. 1,2.
136. Из объединения — в ассоциацию!: [запись выступления А.С. Малиновского на конференции представителей трудовых коллективов по поводу решения выхода завода из состава ПО КНОС и о вступлении в ассоциацию «Синтезкаучук»] // Большая химия. — 1989. — 12 дек. — С. 1,2.
137. На острие технического прогресса: [интервью с директором завода А.С. Малиновским о командировке в США и заключении контракта с американской фирмой «Луммус»] // Большая химия. — 1990. — 9 янв. — С. 1.

138. В договоре — взаимные обязательства: из доклада директора завода А.С. Малиновского [о реализации коллективного договора на 1989 г. и трудовой дисциплине] // Большая химия. — 1990. — 20 февр. — С. 1.
139. Малиновский, А.С. Обращение: Премьер-министру СССР товарищу Павлову В.С. / А.С. Малиновский, Л.И. Трифанова // Большая химия. — 1991. — 26 февр. — С. 1.
140. Наш девиз: «В любой ситуации завод должен работать»: [о «прямой линии» с А.С. Малиновским] // Большая химия. — 1991. — 19 нояб. — С. 1.
141. Малиновский, А.С. Наши итоги работы за 1990 год: (из отчетного доклада на предстоящей конференции по коллективному договору) / А.С. Малиновский // Большая химия. — 1991. — 12 февр. — С. 1.
142. Яшина, Т. «Прямая линия» о трудностях и перспективе: [«прямая линия» с директором завода А.С. Малиновским] / Т. Яшина // Большая химия. — 1991. — 12 февр. — С. 2.
143. Четкая позиция: [фрагменты доклада директора завода А.С. Малиновского на отчетной профсоюзной конференции] // Большая химия. — 1991. — 26 нояб. — С. 1.
144. Отчет о выполнении коллективного договора: [изложение выступления директора А.С. Малиновского по итогам 1991 г.] // Большая химия. — 1992. — 24 марта. — С. 1.
145. Ерисанов, Ю. Вопреки и наперекор: [интервью с директором А.С. Малиновским о проблемах незавершенного строительства производства ЭП-300] / Ю. Ерисанов // Большая химия. — 1992. — 2 июня. — С. 1.
146. Степаненко, Ю. «Достигнутым мы вправе гордиться» — сказал на «прямой линии» директор завода А.С. Малиновский / Ю. Степаненко // Большая химия. — 1992. — 15 июля. — С. 1.
147. Малиновский, А.С. Все мероприятия выполнены: [о деятельности завода в 1992 г.] / А.С. Малиновский // Большая химия. — 1992. — 30 сент. — С. 1.
148. Малиновский, А.С. Второе дыхание: [о Куйбышевском заводе синтетического спирта в честь его 35-летия] / А.С. Малиновский // Волж. коммуна. — 1992. — 16 дек. — С. 2.
149. «Завод для меня значит очень многое...»: интервью директора завода А.С. Малиновского // Большая химия. — 1992. — 16 дек. — С. 1.
150. Малиновский, А.С. «Я от души приветствую Вас...»: [поздравление с 35-летием завода] / А.С. Малиновский // Большая химия. — 1992. — 30 дек. — С. 1.

151. Малиновский, А.С. Испытание на прочность: [об итогах работы завода за 1993 г.] / А.С. Малиновский // Большая химия. — 1994. — 2 февр. — С. 1,2.
152. Степаненко, Ю. Проведена первая конференция акционеров: [А.С. Малиновский единогласно избран генеральным директором акционерного общества «Самарский завод синтетического спирта»] / Ю. Степаненко // Большая химия. — 1994. — 2 марта. — С. 1.
153. Малиновский, А.С. «Сегодня очень важна четкая работа всех и каждого»: [итоги работы АО «СЗСС» за первый финансовый год] / А.С. Малиновский // Большая химия. — 1994. — 25 мая. — С. 1.
154. Малиновский, А.С. «Несмотря на сложные условия, мы видим выход из трудного положения»: конференция по подведению итогов колдоговора за 1995 год / А.С. Малиновский // Большая химия. — 1996. — 21 февр. — С. 1,2.
155. Шарлот, В. Еще одна реконструкция: генеральный директор А.С. Малиновский о политике и экономике / В. Шарлот // Большая химия. — 1996. — 31 мая. — С. 1.
156. Ерисанов, Ю. Актуальное интервью генерального директора А.С. Малиновского: [о положении завода] / Ю. Ерисанов // Большая химия. — 1996. — 18 нояб. — С. 1.
157. Малиновский, А.С. «Завод дал мне многое...»: [интервью] / А.С. Малиновский; беседу вел В. Левин // Вестник [Новокуйбышевск]. — 1997. — 14 июня. — С. 1.
158. Никульшин, И. Время собирать камни: [беседа с директором АО «Самарский завод синтетического спирта» А.С. Малиновским] / И. Никульшин // Волж. коммуна. — 1997. — 16 июля. — С. 2.
159. Малиновский, А.С. Пил ли Хрущев синтетический спирт из рук Малиновского?: [заметки] / А.С. Малиновский // Панорама нефтехимии. — 1997. — № 4. — С. 94–96; Луч [Нефтегорский р-н]. — 1998. — 28 июля. — С. 3.
160. Малиновский, А.С. «Работаем с удавкой на шее завода — то акцизы введут, то тарифы повысят»: [генеральный директор АО «СЗСС» о работе предприятия] / А.С. Малиновский // Большая химия. — 1997. — 29 июля. — С. 1.
161. Ерисанов, Ю. Разговор о главном: [интервью с генеральным директором А.С. Малиновским] / Ю. Ерисанов // Большая химия. — 1997. — 13 авг. — С. 1.
162. Елистратов, Ю. В поисках выхода: интервью с генеральным директором АО «СЗСС» А.С. Малиновским / Ю. Елистратов // Вестник [Новокуйбышевск]. — 1997. — 16 авг. — С. 2.

163. Малиновский, А.С. С удавкой на шее — то акцизы, то тарифы: [о работе завода синтетического спирта] / А.С. Малиновский // Рос. промышл. газ. — 1997. — № 11. — С. 3.
164. Малиновский, А.С. Губернатору Самарской области Титову К.А.: заключение на проект Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об акцизах» / А.С. Малиновский // Большая химия. — 1997. — 28 нояб. — С. 2,3.
165. Малиновский, А.С. Верить в успех: [к 40-летию Самарского завода синтетического спирта] / А.С. Малиновский // Большая химия. — 1997. — 18 дек. — С. 1.
166. Бабенков, В. Поэзия химических формул: [интервью с А.С. Малиновским] / В. Бабенков // Рабочая трибуна. — 1997. — 19 дек. — С. 5.
167. Смолянкин, К.В. Итоги внеочередного общего собрания АООТ «Самарский завод синтетического спирта»: [13 декабря 1997 г. А.С. Малиновский назначен генеральным директором АО «Самарский завод «Этанол», выделенного из состава АО «СЗСС»] / К.В. Смолянкин // Большая химия. — 1998. — 16 янв. — С. 1.
168. Шарлот, В. Интеграция — новый поворот: [интервью с генеральным директором АО «СЗСС» и НХК А.С. Малиновским] / В. Шарлот // Вестник [Новокуйбышевск]. — 1998. — 12 марта. — С. 1.
169. Мудрик, Г. Сделать можно многое: интервью с генеральным директором АО «НК НХК» А.С. Малиновским / Г. Мудрик // Нефтехимик. — 1998. — 19 марта. — С. 2.
170. Сотрудничество с нами вас не огорчит: [информация об избрании нового Совета директоров комбината, А.С. Малиновский назначен генеральным директором] // Нефтехимик. — 1998. — 19 марта. — С. 1.
171. Шарлот, В. Интеграция — новый поворот: [интервью с генеральным директором АО «СЗСС» и нефтехимического комбината А.С. Малиновским] / В. Шарлот // Большая химия. — 1998. — 26 марта. — С. 1.
172. Мудрик, Г. Генеральный директор А.С. Малиновский: «Я буду рад, если меня услышат»: [интервью с директором АО «Самарский завод «Этанол» и нефтехимического комбината] / Г. Мудрик // Большая химия. — 1998. — 8 апр. — С. 1.
173. Мудрик, Г. Коллективный договор на 1998 год принят и вступил в силу: [отрывок из выступления А.С. Малиновского] / Г. Мудрик // Нефтехимик. — 1998. — 23 апр. — С. 1.
174. Ерисанов, Ю. «Нам нужна результативная работа»: [интервью с генеральным директором А.С. Малиновским] / Ю. Ерисанов, Г. Мудрик // Большая химия. — 1998. — 28 мая. — С. 1; Нефтехимик. — 1998. — 29 мая. — С. 1.

175. Итоги общего годового собрания акционеров: [А.С. Малиновский избран в состав Совета директоров ОАО «Самарский завод «Этанол»] // Большая химия. — 1998. — 30 июня. — С. 1.
176. Никульшин, И. Синтетический спирт как спаситель отрасли: [беседа с директором завода А.С. Малиновским] / И. Никульшин // Самар. экон. обозрение: прил. к газ. «Волжская коммуна». — 1998. — 5 авг. — С. 1.
177. Поздравляем!: [поздравление коллектива с избранием А.С. Малиновского академиком инженерной академии РФ] // Нефтехимик. — 1998. — 8 дек. — С. 1.
178. Малиновский, А.С. Правильно ставить задачи и правильно их решать: [об итогах работы химкомбината в 1998 г.] / А.С. Малиновский // Нефтехимик. — 1998. — 30 дек. — С. 1.
179. Мудрик, Г. Это наша история: интервью с генеральным директором НХК А.С. Малиновским / Г. Мудрик // Вестник [Новокуйбышевск]. — 1999. — 11 февр. — С. 3.
180. Малиновский А.С. На сегодня ситуация сложная: [фрагмент выступления А.С. Малиновского на пресс-конференции] / А.С. Малиновский // Большая химия. — 1999. — 27 мая. — С. 1.
181. «Экономику нашего завода выправим основательно»: выступление генерального директора А.С. Малиновского на конференции трудового коллектива по заключению колдоговора на 1999–2000 гг. // Нефтехимик. — 1999. — 28 мая. — С. 1.
182. Степаненко, Ю. Я признателен коллективу: [выступление А.С. Малиновского на отчетно-перевыборном профсоюзном собрании завода] / Ю. Степаненко // Большая химия. — 1999. — 30 нояб. — С. 1.
183. Борисова, Л. Это был выбор самого Малиновского: [об уходе А.С. Малиновского с поста генерального директора ОАО «Этанол»] / Л. Борисова // Большая химия. — 2000. — 8 февр. — С. 2.
184. Нефтехимикам надо объединяться: [интервью с директором ЗАО «Новокуйбышевская нефтехимическая компания» А.С. Малиновским о создании холдинга] / беседу вел Д. Бегун // Самар. обозрение. — 2000. — 24 апр. — С. 10.
185. Иванов, В. Даешь бутифенол!: [об открытии цеха № 42 на Новокуйбышевском нефтехимическом комбинате с участием директора А.С. Малиновского] / В. Иванов // Суббота. — 2000. — 29 апр. — С. 11.
186. ННК — стабильность, качество, перспектива: [директор ЗАО «Новокуйбышевская нефтехимическая компания» А.С. Малиновский и технический директор А.А. Петряев о работе предприятия и его

проблемах] / Е. Пестова // Самара и губерния. — 2000. — № 3. — С. 34–35.

187. Малиновский, А.С. Один год из жизни директора: один год из жизни директора, или Как мы выходили из коммунизма... / А.С. Малиновский // Наш современник. — 2011. — № 11. — С. 161–189.
Записки А.С. Малиновского о событиях 1994 г. в России и о положении завода синтетического спирта.

Литературное творчество

См. также №№ 364–375

Книги

188. Собрание сочинений: в 4 т. / предисл. Н. Дорошенко. — Москва: Российский писатель, 2009.
Т. 1. — 534 с. — Содерж.: Под открытым небом; Зеленый чемодан; Совмещение.
Т. 2. — 602 с. — Содерж.: Встречный ветер; Противостояние.
Т. 3. — 530 с. — Содерж.: Радостная встреча; Отклонение; В плену светоносном; Под старыми кленами; Однажды в зимние каникулы; Планета Любви; Свидетельство эпохи / А. Громов.
Т. 4. — 518 с. — Библиогр. указ.: с. 513–515. — Содерж.: Степной чай; Философ; Сергеич и Сима; Окошко с геранью: стихи; Верность; А я бы такое сказал; Колки мои и перелесья; Об авторе [из сборника «Александр Малиновский: творческий портрет писателя»] / Н. Дорошенко.
189. Избранное: в 2 т. — Москва: Российский писатель, 2003.
Т. 1. — 488 с. — Содерж.: Радостная встреча; Черный ящик; Отклонение; Философ; Степной чай; Колки мои и перелесья.
Т. 2. — 486 с. — Содерж.: Под открытым небом; Зеленый чемодан; Совмещение; Свидетельство эпохи / А. Громов.
Рец.: Кокшенева, К. Хлебная корка / К. Кокшенева // Рос. писатель. — 2003. — № 5 (56). — С. 6.

* * *

190. В плену светоносном: повесть / вступ. ст. Н. Дорошенко. — Москва: Российский писатель, 2005. — 148 с.
Рец.: Переяслов, Н. Слово по Закону и по Благодати / Н. Переяслов // Москва. — 2006. — № 4. — С. 224–226; Анашкин, Э. Светоносный плен самарской глубинки / Э. Анашкин // Рус. эхо. — 2006. — № 1(30). — С. 366–371.

191. Голоса на обочине: избранная проза: [повести] / предисл. В. Крупина. — Самара: [Русское эхо], 2016. — 446 с.
Содерж. Голоса на обочине; За тучами чистое небо; Сергей Сергеевич и Сима; Планета Любви; Свирель запела на мосту. О творчестве А. Малиновского: Свидетельство эпохи / А. Громов; «Дорога правды и добра» / В. Карасев; «Молчание стало прорываться» / В. Дементьев; «Он как родник...» / С. Шуртаков; У Малиновского нет случайных тем / Н. Коняев; «Россию можно понять по книгам Малиновского» / Н. Дорошенко; Обретение детства / А. Шорохов.
192. Горница. — Б. м.: SorArt ed., Б. г. — 219 с.
Содерж.: На тропинках моего детства: лирические миниатюры; Радостная встреча: рассказы, очерк; Утренний свет: стихи.
193. Даль без края: стихи для среднего и старшего школьного возраста / авт. предисл. Е. Чепурных. — Москва: Российский писатель; [Самара: Русское эхо], 2011. — 56 с.
Содерж.: Циклы: Верба расцвела; Это я вернулся, я!
194. Дом над Волгой: избранная проза. — Самара: [Русское эхо], 2014. — 558, [1] с.
Содерж.: Самарские родники Александра Малиновского / С. Казначеев; Под открытым небом; Колки мои и перелесья; Дом над Волгой; Красносамарские родники; Об авторе этой книги.
195. Звездное коромысло: [сборник стихов] / предисл. Е. Семичева. — Самара: Самарское отделение Литературного фонда России, 1998. — 159 с.
Содерж.: Циклы: Колодезь; Современнику; Родине; Другу-садоводу; Вино; Ученому мудрецу; В музее Алексея Николаевича Толстого.
196. Не так живем: поэтическая книга / предисл. Н. Переясллова. — Москва: Поэзия, 2000. — 63 с. — (Библиотека современной русской поэзии; вып. 9).
Содерж. Циклы: Комочек Отчизны; Озеро песчаное; Итог наблюдений; Поговори со мной; Верность.
Рец.: Баранов, Ю. Что жаждет душа // Роман-журн. XXI век. — 2000. — № 6 (18).
197. Новое имя: повесть. — Самара: Самарское отделение Литературного фонда России, 2006. — 55, [1] с.
198. Окошко с геранью: песни на стихи А. Малиновского. — Самара: Парус, 2000. — 89, [1] с.
199. Окошко с геранью: песни (для голоса с фп.) / стихи А.С. Малиновский. — Самара: [б. и.], 2003. — 107 с.

200. Окошко с геранью: стихи разных лет. — Самара: Самарское отделение Литературного фонда России, 2006. — 176 с.
Содерж.: Циклы: Верность; А я такое бы сказал...
201. Повести: проза. — Самара: Самарское отделение Литературного фонда России, 2000. — 480 с.
202. Под открытым небом: повесть; рассказы. — Самара: Самарское отделение Литературного фонда России, 1997. — 224 с.
Содерж.: Неуспокоенная память: [о повести «Под открытым небом»] / И. Никульшин; Под открытым небом: повесть; Рассказы: Как резали поросенка; По одной тропинке ходить; Истоки; Разговор с сыном; Жажда общения; Дедова хитрость; Пронькин осокорь; Скворцы; Погоня; Степной чай; Журавли; Кривая ветла.
203. Под открытым небом; Черный ящик; Отклонение: повести / предисл. В. Крупина. — Самара: Самарское отделение Литературного фонда России, 1999. — 454, [1] с.
204. Под открытым небом: история одной жизни: в 2 т. — Москва: Российский писатель, 2007.
Т. 1. — 534 с. — Содерж.: Под открытым небом; Зеленый чемодан; Совмещение.
Т. 2. — 608 с. — Содерж.: Встречный ветер; Противостояние; Об авторе.
Рец.: Дорошенко, Н. «Хватит ли нам общей боли?..» / Н. Дорошенко // Рус. эхо. — 2007. — № 3 (36). — С. 302–304.
205. Под старыми кленами: повесть. — Москва: Российский писатель, 2004. — 88 с.
206. Под старыми кленами: повести для детей и взрослых / М-во культуры и молодеж. политики Самар. обл., Самар. обл. писат. орг. — Самара: Русское эхо, 2009. — 142, [2] с. — (Народная библиотека Самарской губернии).
Содерж.: Под старыми кленами; Однажды в зимние каникулы; Сергеевич и Сима; Обретение детства / А. Шорохов.
207. Под старыми кленами; Однажды в зимние каникулы: повести / [худож. С. Репьев]. — Москва: Аквилегия-М, 2012. — 237, [2] с.
208. Приключения трех смельчаков: повесть-сказка: [для младшего и среднего школьного возраста] / ил. М.С. Александровой. — Самара: Просветительский центр «Пересвет»: Самарское отделение Литфонда, 2010. — 48 с.
209. Принесу вам хлебных крошек: [стихи: для дошкольного и младшего школьного возраста] / ил. А.Е. Киселевой; АНО «Просвет. центр «Пересвет». — Самара: Самарское отделение Литфонда, 2012. — 56 с.

210. Радостная встреча: [сборник]. — Москва: Палая–Мишин, 2001. — 372 с. — (Золотая серия «Отчизна — даль без края»).
- Содерж.: Написано с натуры / И. Ляпин; Радостная встреча; Отклонение; Колки мои и перелесье; Об авторе / А. Громов.
211. Разговор с сыном: рассказы. — Самара: INDEX: АртМакет, 1992. — 92, (1) с.
- Содерж.: По одной тропинке ходить; Утро у Красной Самарки; Бабка Мариша; Погоня; Дорога на сенокос; Мишкина песня; Память; Разговор с сыном; Любка; Моя синяя папка; На пепелище.
212. Репьева, И.В. Настя-травяная кукла, или Тайны Деда Мороза: сказочная повесть / И.В. Репьева; Дом под старыми кленами. Однажды в зимние каникулы: [повести] / А.С. Малиновский: произведения лауреатов Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы им. А.Н. Толстого: сказочные повести. — Москва: Аквилегия-М, 2012. — 238 с.
213. Сага о первооткрывателях: [документально-художественный роман]. — Самара: Русское эхо, 2017. — 431 с.
- Из содерж.: Книга открытий / А. Громов; Золотые страницы нашей истории / Д. Воробьев; Радость первооткрывательства / Н. Тагирова.
214. Светлый берег: стихи. — Самара: Издательская группа INDEX, 1992. — 22 с.
215. Степной чай: лирические миниатюры. — Самара: Книжное изд-во, 1992. — 63, (1) с.
- Содерж.: На тропинках моего детства; Нестеркин колодец; Дневник учителя; Память; Свидетели живые; Вылитый Гришка...; Дикая яблоня; Березовая удочка; Лист семижильника; Истоки; Государственный человек; Скворцы; Жажда общения; Картина; Дедова хитрость; Дорога на сенокос; Степной чай; Мишкина песня; Память и... совесть; Бабка Мариша; Выпь; Любка; Яблоко Победы; Пронькин осокорь; Журавли.
216. Хромоножка и другие: повесть и рассказы для детей. — Самара: [Русское эхо], 2016. — 62, [1] с.
- Содерж.: Хромоножка: повесть; Рассказы: Одиннадцать и одна; Серая Сонька; Нечаянная радость; Черепаха и муравей; Как мы ловили раков; Ласточки и кот; Редкая птица — козодой; Голубь и вороны; Птичка на ниточке; «Сплю в оркестре»; Рыбачка Настя.
217. Черный ящик: повесть; Любка: рассказ; Мишка: рассказ; На пепелище: документальная повесть. — Самара: Самарское отделение Литературного фонда России, 1996. — 224 с.
218. Я любить не устану: стихи. — Самара: Книжное изд-во, 1994. — 125 с.
- Содерж.: Циклы: Ищу слова; Сердце мое; Движение; Ручей.

Произведения, опубликованные в периодической печати

219. Благородный лист семижилыника: лирическая новелла // Волж. комсомолец. — 1971. — 9 окт. — С. 4.
220. В плену светоносном: повесть // Рус. эхо. — 2004. — № 1 (18). — С. 96–154; № 2 (19). — С. 117–174; № 3 (20). — С. 137–191.
221. В плену светоносном: [повесть] // Наш современник. — 2005. — № 2. — С. 55–103.
222. В плену светоносном: главы из повести // Рус. эхо. — 2010. — № 3 (50). — С. 175–183.
223. Ветла: [стихотворение] // Луч [Нефтегорский р-н]. — 1994. — 5 нояб. — С. 2.
224. Встречный ветер: повесть // Молодая гвардия. — 2007. — № 11–12. — С. 116–170; 2008. — № 1–2. — С. 141–194.
225. Гармонист; С ружьем: [стихи] // Молодая гвардия. — 2007. — № 1/2. — С. 151–152.
226. Голоса на обочине: отрывки из повести // Рус. эхо. — 2014. — № 2 (85). — С. 15–80; 2015. — № 1 (96). — С. 86–155.
227. Голубенький платочек: рассказ // Наш современник. — 2014. — № 2. — С. 106–108.
228. Город Самара; Окошко с геранью: [стихи] // Волж. коммуна: суббот. вып. — 2006. — 27 мая. — С. 8.
229. Далекое и близкое: очерк // Роман-журн. XXI век. — 2008. — № 1 (107). — С. 103–109.
230. Даль без края: стихи // Рус. эхо. — 2011. — № 3 (56). — С. 45–48.
231. Два Василия: [рассказ] // О русская земля: русские писатели о нашей Родине: журн. для детей и подростков. — Москва, 2006. — № 3 (44). — С. 8–9.
232. Дедова хитрость: [рассказ-быль] // Ленин. луч [Нефтегорский р-н]. — 1988. — 6 дек. — С. 4.
233. Дикая яблоня // Волж. комсомолец. — 1973. — 3 марта. — С. 3.
234. Дом над Волгой // Наш современник. — 2010. — № 10. — С. 191–216.
235. Дом над Волгой: повесть // Рус. эхо. — 2010. — № 5 (52). — С. 23–105.
236. Дом над Волгой: повесть // Восстани, что спиши: сб. прозы. — Нижний Новгород, 2012. — С. 199–131.
237. Дорога: [стихи] // Ленин. луч [Нефтегорский р-н]. — 1989. — 1 июля. — С. 4.
238. Дорога на сенокос: рассказ // Лит. Самара: прил. к газ. «Волжская коммуна». — 1993. — 26 февр. — С. 9.

239. Журавли: лирическая новелла // Волж. комсомолец. — 1972. — 26 февр. — С. 3.
240. За тучами чистое небо: повесть // Рус. эхо. — 2014. — № 5 (88). — С. 40–87.
241. Зеленый чемодан: повесть // Рус. эхо. — 2002. — № 9. — С. 170–205; № 10. — С. 123–195.
242. Колки и перелесье: главы из романа // Рус. эхо. — 2000. — № 6. — С. 91–106; 2010. — № 3 (50). — С. 49–52.
243. Колки и перелесье: рассказы // Москва. — 2001. — № 4. — С. 66–75.
Содерж.: Миражи; Опыты; Родительские прививки; Дружба; Человек из прошлого; В осокорях. Заметка о Малиновском / В. Крупин. 244. Колки и перелесье: [главы из повести] // Луч [Нефтегорский р-н]. — 2002. — 5 янв. — С. 3.
245. Корзина, полная яблок: друзьям утевского детства посвящая // Луч [Нефтегорский р-н]. — 1995. — 12 сент. — С. 3.
246. Красносамарские родники: [повесть] // Рус. эхо. — 2012. — № 9 (68). — С. 89–232.
247. Красносамарские родники // Наш современник. — 2013. — № 11. — С. 186–203.
248. Ласточки и кот: [короткие рассказы] // Луч [Нефтегорский р-н]. — 2003. — 20 нояб. — С. 3.
Содерж.: Ласточки и кот; Птичка на ниточке; Про китов и их детенышей.
249. Любка: [рассказ] // Священная война: спец. вып. лит.-художеств. журн. «Русское эхо»: 1945–2010. — Самара, 2010. — С. 165–168.
250. Мишкина песня: рассказ // Лит. Самара: прил. к газ. «Волжская коммуна». — 1993. — 26 февр. — С. 10–11.
251. «Мы — эхо России. Нам с нею из праха восстать!»: [стихи, в т.ч. А. Малиновского] // Самар. газ. — 2007. — 7 февр. — С. 6.
252. «Мысли на ходу»: [заметки] // Луч [Нефтегорский р-н]. — 2018. — 24 окт. — С. 3–4; 26 окт. — С. 3; 2 нояб. — С. 3.
253. На тропинках детства: лирическая новелла // Волж. комсомолец. — 1972. — 16 янв. — С. 3.
254. Один билет на мелодраму: (отрывок из романа) // Моя Самара: лит. альм. — Самара, 2015. — С. 68–127.
255. Окошко с геранью: [стихи] // Рус. эхо. — 2006. — № 2–3 (31–32). — С. 99–102.
256. Отклонение: [отрывок из повести] // Луч [Нефтегорский р-н]. — 2000. — 29 янв. — С. 2.

257. Отклонение: повесть // Молодая гвардия. — 2001. — № 1–2. — С. 232–287; № 3. — С. 265–288.
258. Отклонение: отрывок из романа // Самара — любимый город: рассказы, картины и песни о Самаре. — [Самара, 2012]. — С. 64–68.
259. Планета любви: повесть // Рус. эхо. — 2008. — № 3 (40). — С. 25–50.
260. Планета любви: повесть // Наш современник. — 2009. — № 3. — С. 109–118.
261. Планета любви: отрывки из повести // Рус. эхо. — 2010. — № 3 (50). — С. 404–410.
262. По одной тропинке ходить: [из ранних рассказов] // Луч [Нефтегорский р-н]. — 2000. — 27 июля. — С. 3.
263. Погоня: [новелла] // Волж. комсомолец. — 1973. — 27 мая. — С. 3.
264. Никульшин, И. А. Малиновский: Под открытым небом: [отрывки из книги «Под открытым небом»] / И. Никульшин // Волж. коммуна. — 1997. — 24 сент. — С. 4.
265. Под открытым небом: [главы из повести] // Луч [Нефтегорский р-н]. — 1997. — 21 окт. — С. 4.
266. Под открытым небом: повесть // Молодая гвардия. — 2001. — № 5–6. — С. 206–286; № 7–8. — С. 228–287.
267. «Под открытым синим небом...»: стихи // Поэзия. — 2000. — № 1. — С. 82–84.
268. Под старыми кленами: [отрывки из повести] // Волж. коммуна. — 2006. — 17 янв. — С. 3.
269. Противостояние: отрывок из романа // Рус. эхо. — 2007. — № 1 (34). — С. 149–295.
270. Противостояние: главы из романа // Рус. эхо. — 2010. — № 3 (50). — С. 321–323.
271. Пять рассказов // Рос. писатель. — 2009. — № 4 (200). — С. 10–11.
Содерж.: Человек из прошлого; Рыжая и красивая; Был такой случай; Утевский почтмейстер; Дальнобойщик.
272. [Рассказы]: [Яблоко Победы; Лист семижилыника; Пронькин осокорь] // Вечер. Самара. — 2008. — 26 июля. — С. 7.
273. Рассказы: [Сплю в оркестре; Черепаха и муравей] // Вечер. Самара. — 2008. — 13 сент. — С. 7.
274. Рассказы: [Тень от ветлы; Встреча в клубе] // Отчий дом: лит.-художеств. и культур.-просвет. альм. для семейного чтения. — Самара, 2010. — № 1, 2010 год: Славя весну и победу. — С. 67–69.
275. Родительские прививки: рассказ // Волж. коммуна. — 2002. — 30 мая. — С. 3.

276. Рязанское лето: [стихи из одноименного цикла] // Ленин. луч [Нефтегорский р-н]. — 1989. — 21 янв. — С. 4.
277. С ружьем: [стихотворение] // Ленин. луч [Нефтегорский р-н]. — 1988. — 13 дек. — С. 4.
278. Сага о первооткрывателях: главы из книги // Рус. эхо. — 2018. — № 1 (132). — С. 42–153.
279. Свирель запела на мосту: повесть // Рус. эхо. — 2016. — № 2 (109). — С. 129–221.
280. Сергей Сергеич и Сима: повесть // Наш современник. — 2007. — № 4. — С. 77–98.
281. Скворцы: лирическая новелла // Волж. комсомолец. — 1973. — 6 янв. — С. 3.
282. Степной чай: лирическая новелла // Волж. комсомолец. — 1972. — 17 июня. — С. 3.
283. Стихи // Рус. эхо. — 2010. — № 3 (50). — С. 288.
284. [Стихи]: [Окошко с геранью; С ружьем] // Наш современник. — 2007. — № 2. — С. 148; № 6. — С. 110.
285. [Стихи] // День поэзии. Самарская область. 2010: спец. вып. лит.-художеств. журн. «Русское эхо». — Самара, 2010. — С. 69.
286. Тайны «Зеленого чемодана»: [главы из книги] // Луч [Нефтегорский р-н]. — 2005. — 28 окт. — С. 4.
287. Тень от ветлы: рассказ // Вечер. Самара. — 2007. — 18 авг. — С. 5.
288. Транспорт: (главы из повести «Под открытым небом») // Отчий дом: лит. сб. писателей г. Новокуйбышевска. — Самара, 1998. — С. 47–49.
289. Три рассказа: [Косуля на красном снегу; Дальнобойщик; Сомятник] // Рус. эхо. — 2009. — № 1 (42). — С. 44–52.
290. Утевка: [стихотворение] // Околица: лит. альм. — 2004. — С. 38.
291. Хромоножка: повесть // Рус. эхо. — 2013. — № 4 (75). — С. 82–108.
292. Черный бес из скважины: [главы из книги «Зеленый чемодан»] // Луч [Нефтегорский р-н]. — 2005. — 10 июня. — С. 4.
293. Четвертая высота Шурки: [о герое повестей «Под открытым небом» и «Зеленый чемодан» Ш. Ковальском] // Луч [Нефтегорский р-н]. — 2003. — 20 нояб. — С. 3.

Публикации о творчестве А.С. Малиновского

Рецензии

См. также №№ 188-191, 194, 196, 202, 204, 206, 213, 384, 387

294. По какой дороге нам идти?: (А.С. Малиновский) // Шарлот В.М. Мы — из Доброграда: страницы истории Новокуйбышев. гор. лит. об-ния. — Самара, 2005. — С. 141–146.
Заметки В. Шарлота о творчестве Малиновского, опубликованные в 1993 г. в новокуйбышевской газете «Вестник».

* * *

295. Шарлот, В. Хозяйственник. Ученый. Поэт: [заметка о выходе сборника стихов «Светлый берег»] / В. Шарлот // Большая химия. — 1992. — 14 окт. — С. 1.
296. Светлый берег: [о выпуске сборника стихов «Светлый берег»] // Волж. коммуна. — 1992. — 27 нояб. — С. 1.
297. Бережнова, Л. Строки, сердцем выстраданные: к презентации книги «Я любить не устану» [интервью] / Л. Бережнова // Луч [Нефтегорский р-н]. — 1994. — 3 нояб. — С. 2.
298. Тимошенко, В. «Я любить не устану»: [о стихах А.С. Малиновского] / В. Тимошенко // Луч [Нефтегорский р-н]. — 1994. — 2 июля. — С. 3.
299. Кто ищет. Тот находит: [о рассказах и книге стихов «Я любить не устану»] // Луч [Нефтегорский р-н]. — 1994. — 3 нояб. — С. 2.
300. Вятский, А. В этой горнице чистой: [о сборнике стихов «Светлый берег»] / А. Вятский // Волж. коммуна. — 1996. — 13 февр. — С. 3.
301. Молько, А. «Здесь многое еще надо понять...»: заметки о книге прозы «Черный ящик» / А. Молько // Волж. коммуна. — 1996. — 27 сент. — С. 3.
302. Бердникова, А. Созвучие: [автор пишет о влиянии творчества А.С. Малиновского на свое творчество] / А. Бердникова // Луч [Нефтегорский р-н]. — 1997. — 11 нояб. — С. 2.
303. И жизни новой снова удивиться // Луч [Нефтегорский р-н]. — 1998. — 11 июня. — С. 2.
Письмо А.С. Малиновского к автору статьи «Созвучие» Антонине Дмитриевне Бердниковой.
304. Переяслов, Н. Душа России не погибла: [о книгах А. Малиновского] / Н. Переяслов // Луч [Нефтегорский р-н]. — 2000. — 8 апр. — С. 1.
305. Хаустова, М. Мелодия сердечных слов: [о сборнике песен «Окошко с геранью» на стихи А. Малиновского] / М. Хаустова // Весточка [Нефтегорский р-н]. — 2000. — 12 янв. — С. 3.

306. Попов, Д. «Окошко» песен с видом на Самару: [о презентации сборника песен на стихи А. Малиновского «Окошко с геранью»] / Д. Попов // Самар. неделя. — 2001. — 12 мая. — С. 2.
307. Иванов, В. Счастливый человек: [заметки о творчестве А. Малиновского] / В. Иванов // Самар. изв. — 2002. — 15 марта. — С. 10.
308. Дорин, А. Время «тихого героизма»: [репортаж об обсуждении двухтомника «Избранное» в Союзе писателей России] / А. Дорин // Рос. писатель. — 2003. — № 21. — С. 10–11.
309. Молько, А. На разных материках: издательский дом «Российский писатель» выпустил книгу самарского автора [А.С. Малиновского «Избранное» в 2-х томах] / А. Молько // Известия. — 2003. — 1 апр. — С. 7.
310. Бердникова, А. «Неповторимость жизни не дает мне покоя»: [о творчестве А.С. Малиновского] / А. Бердникова // Луч [Нефтегорский р-н]. — 2003. — 8 апр. — С. 3.
311. Хасанова, А. Душа России: [презентация двухтомника «Избранное» в Утевке] / А. Хасанова // Луч [Нефтегорский р-н]. — 2003. — 4 дек. — С. 2.
312. Кокшенева, К. Хлебная корка: [о творчестве А.С. Малиновского] / К. Кокшенева // Рус. эхо. — 2004. — № 1 (18). — С. 91–95.
313. Молько, А. Под кленами детства: [о книге «Под старыми кленами»] / А. Молько // Известия. — 2004. — 16 июля. — С. 7.
314. Толкач, М. Новые книги земляков: [о книге «В плену светоносном»] / М. Толкач // Волж. коммуна: суббот. вып. — 2005. — 9 апр. — С. 18.
315. Иванов, В. Речные будни Александра Малиновского: [в издательстве «Российский писатель» вышла повесть «В плену светоносном»] / В. Иванов // Самар. изв. — 2005. — 30 сент. — С. 10.
316. Анашкин, Э. Светоносный плен самарской глубинки: [о книге «В плену светоносном»] / Э. Анашкин // Волж. коммуна: суббот. вып. — 2006. — 4 марта. — С. 4.
317. Дорошенко, Н. «В плену светоносном»: [о книге «В плену светоносном»] / Н. Дорошенко // Самар. газ. — 2006. — 22 марта. — С. 6.
318. Иванов, В. «Окошко с геранью»: [о поэтическом сборнике] / В. Иванов // Самар. изв. — 2006. — 19 мая. — С. 10.
319. Иванов, В. «Новое имя»: [о повести] / В. Иванов // Самар. изв. — 2006. — 29 авг. — С. 11.
320. Михайлова, Н. «Красота в чистом виде»: [о книге «Новое имя»] / Н. Михайлова // Живая вода. — 2006. — № 10. — С. 11.
321. Молько, А. Дорогой правды и добра: о прозе Александра Малиновского / А. Молько // Рус. эхо. — 2009. — № 1 (42). — С. 58–73.

322. Карасев, В. «В плену светозарном»: [о выходящем четырехтомнике избранной прозы] / В. Карасев // Волж. коммуна. — 2009. — 3 марта. — С. 7.
323. Карасик, В. Александр Малиновский: «Важно, чтобы читатель не видел грань между реальностью и вымыслом»: [интервью о повести «Дом над Волгой»] / В. Карасик // Волж. коммуна. — 2010. — 4 дек. — С. 27.
324. Чепурных, Е. Даль, которая близка: о книге стихов «Даль без края» / Е. Чепурных // Рус. эхо. — 2011. — № 3 (56). — С. 49–50.
325. Молько, А. В середине неба: национальное — глобальное — локальное в прозе Александра Малиновского / А. Молько // «В моей душе — одна любовь...»: итоги всероссийского конкурса литературной критики «Русское эхо». — Самара, 2012. — С. 167–200.
326. Шорохов, А. Проза Малиновского: обретение человечности / А. Шорохов // «В моей душе — одна любовь...»: итоги всероссийского конкурса литературной критики «Русское эхо». — Самара, 2012. — С. 385–387.
327. Карасев, В. Вышла в свет книга Александра Малиновского «Дом над Волгой» / В. Карасев // Волж. коммуна. — 2014. — 6 нояб. — С. 13.
328. Крупин, В. Портрет России: о творчестве Александра Малиновского / В. Крупин // Рус. эхо. — 2015. — № 4 (99). — С. 215–217.
329. Фирсов, П. Об этом надо писать — чтобы не забывали: [о книге «Голоса на обочине»] / П. Фирсов // Волж. коммуна. — 2016. — 6 мая. — С. 17.
330. Синюкова, Е. «Голоса на обочине»: [презентация книги] / Е. Синюкова // Луч [Нефтегорский р-н]. — 2016. — 7 окт. — С. 2.
331. Шорохов, А. Малиновский: на бесконечном мосту...: о новых книгах Александра Малиновского / А. Шорохов // Рус. эхо. — 2016. — № 12 (119). — С. 209–214.
332. Плотников, В. Последняя сага профессора Малиновского: памяти писателя, первооткрывателя, подвижника / В. Плотников // Наш современник. — 2018. — № 11. — С. 121–135; Рус. эхо. — 2018. — № 1 (132). — С. 16–41.
О последней книге «Сага о первооткрывателях».

Презентации книг и творческие вечера

333. Елуферьева, Г. «Сердце мое разрывает одежды»: [о творческом вечере в самарском Доме актера, посвященном презентации книги «Повести»] / Г. Елуферьева // Луч [Нефтегорский р-н]. — 2000. — 11 марта. — С. 2; Восточка [Нефтегорский р-н]. — 2000. — 3 марта. — С. 6.

334. Бердникова, А. «По тропинкам нашего детства»: [творческий вечер в ДК «Нефтяник»] / А. Бердникова // Луч [Нефтегорский р-н]. — 2001. — 5 мая. — С. 2.
335. Краснов, Н. Радостные встречи: [впечатления автора о встрече с А.С. Малиновским в библиотеке Самарской сельскохозяйственной академии] / Н. Краснов // Луч [Нефтегорский р-н]. — 2002. — 13 авг. — С. 3.
336. Академик Малиновский пишет стихи и прозу: [о творческом вечере в Окружном Доме офицеров] // Суббота. — 2002. — 16 марта. — С. 2.
337. Молько, А. Возможность невозможного: [о творческом вечере в Окружном Доме офицеров] / А. Молько, П. Игошин // Рос. писатель. — 2002. — № 8 (35). — С. 13.
338. Бердникова, А. «Отзывалась голосом певучим в синий свет влюбленная душа»: [о творческом вечере в Окружном Доме офицеров] / А. Бердникова // Луч [Нефтегорский р-н]. — 2002. — 9 апр. — С. 2.
339. Бердникова, А. «Путь мой не скорым домой оказался...»: [о встрече с учащимися в Нефтегорском детском музее] / А. Бердникова // Луч [Нефтегорский р-н]. — 2004. — 20 февр. — С. 5.
340. Иванов, В. «Радостная встреча»: [юбилейный вечер в ДК Железнодорожников им. А.С. Пушкина] / В. Иванов // Луч [Нефтегорский р-н]. — 2004. — 12 марта — С. 3.
341. Бердникова, А. Малиновские чтения: [творческий вечер в Утевке] / А. Бердников // Луч [Нефтегорский р-н]. — 2004. — 5 нояб. — С. 3.
342. Иванов, В. На лирической войне: [о литературно-музыкальном вечере, посвященном творчеству А.С. Малиновского] / В. Иванов // Самар. изв. — 2005. — 13 мая. — С. 23.
343. Иванов, В. Оставаться самим собой: [о вечере-встрече, посвященном представлению двухтомника «Под открытым небом»] / В. Иванов // Самар. изв. — 2008. — 22 апр. — С. 10.
344. Карасев, В. Дорога правды и добра: [о творческом вечере в Самарской областной научной библиотеке] / В. Карасев // Рос. писатель. — 2009. — № 7–8. — С. 22–23.
345. Карасев, В. Родом из Утевки: [о творческой встрече в Утевке] / В. Карасев // Волж. коммуна. — 2010. — 11 марта. — С. 7.
346. Карасев, В. Писатель с детской душой: в Москве прошел творческий вечер Александра Малиновского / В. Карасев // Волж. коммуна. — 2010. — 13 мая. — С. 7.

347. Карасев, В. Александр Малиновский родом из Утевки: на родине писателя проходит творческая встреча с ним / В. Карасев // Волж. коммуна. — 2010. — 11 марта. — С. 7.
348. Краснослободцева, М. «Мое творчество — это проявление любви к Родине»: [встреча с в Межпоселенческой библиотеке] / М. Краснослободцева // Луч [Нефтегорский р-н]. — 2011. — 29 апр. — С. 3.
349. Карасев, В. Путешествие в страну Играрию: [о встрече в Зуевской библиотеке] / В. Карасев // Волж. коммуна. — 2012. — 20 окт. — С. 29.
350. Марченко, Д. «А мы вас читали!»: [о встрече с писателями в Самарской областной детской библиотеке, в т.ч. с А.С. Малиновским] / Д. Марченко // Самар. газ. — 2013. — 2 апр. — С. 8.
351. Карасев, В. «Важно быть искренним, тогда то, что сделано, останется после нас»: [о творческом вечере Самарской областной научной библиотеке] / В. Карасев // Волж. коммуна. — 2014. — 4 марта. — С. 13.
352. Хаустова, М. «Мы гордимся Вами!»: [творческие встречи писателей с А.С. Малиновским в библиотеках Нефтегорского района] / М. Хаустова // Луч [Нефтегорский р-н]. — 2014. — 23 апр. — С. 2.
353. Карасев, В. В Нефтегорске отметили юбилей Александра Малиновского / В. Карасев // Волж. коммуна. — 2014. — 22 апр. — С. 13.
О литературном празднике «И снова радостная встреча», прошедшем в честь 70-летия А.С. Малиновского.
354. Доркина, А. Событие для всего села: [творческая встреча в Утевке] / А. Доркина // Луч [Нефтегорский р-н]. — 2016. — 14 окт. — С. 6.
355. Карасев, В. Многоголосье хора и прозы: в Новокуйбышевске прошел творческий вечер писателя Александра Малиновского / В. Карасев // Волж. коммуна. — 2017. — 10 марта. — С. 20.
356. Ильдюганова, Г. От сельского колодца в большой мир: [встреча с А.С. Малиновским] / Г. Ильдюганова // Наше время [Новокуйбышевск]. — 2017. — 24 марта. — С. 14.
357. Хаустова, М. Родина, запечатленная в книгах: [о мероприятии, посвященном А.С. Малиновскому, в Нефтегорской Межпоселенческой библиотеке] / М. Хаустова // Луч [Нефтегорский р-н]. — 2018. — 23 марта. — С. 3.
358. Чернецова, Л. Воспоминания земляков: [в с. Утевка состоялось мероприятие с музейной экспозицией, посвященной А.С. Малиновскому] / Л. Чернецова // Луч [Нефтегорский р-н]. — 2018. — 23 марта. — С. 3.

А.С. Малиновский — краевед

359. Малиновский, А.С. Незамутненная душа: [о книге А.М. Ильина «Вдали от войны»] / А.С. Малиновский // Луч [Нефтегорский р-н]. — 2005. — 25 мая — С. 3.
360. Малиновский, А.С. Тихое мужество: [о книгах В.И. Петрушина и А.В. Плаксина] / А.С. Малиновский // Луч [Нефтегорский р-н]. — 2007. — 7 февр. — С. 4.
361. Дневники губернатора Свербеева: [об архиве самарского губернатора А.Д. Свербеева в Российском государственном архиве литературы и искусства] // Малиновский А.С. Радостная встреча. — Самара, 2007. — С. 80–85.
362. Малиновский, А.С. «А избы горят и горят...»: памяти [саратовского писателя] Михаила Алексеева / А.С. Малиновский // Рус. эхо. — 2008. — № 1 (38). — С. 313–328.
363. Малиновский, А.С. Маэстро: очерк о Гиларии Валерьевиче Беляеве / А.С. Малиновский // Самара — любимый город: рассказы, картины и песни о Самаре. — [Самара, 2012]. — С. 118–124.

А.С. Малиновский о Г.Н. Журавлеве

364. Радостная встреча: документальная повесть об Утевском художнике-иконописце Григории Журавлеве. — Самара: Самарское отделение Литературного фонда России, 1997. — 46, (1) с.
Рец.: Переяслова, М. Писал, зажав кисть зубами / М. Переяслова // Лит. Россия. — 1997. — 31 окт. (№44). — С. 10; «Писал, зажав кисть зубами» // Вестн. Союза писателей России. — 1998. — Апр.
365. Радостная встреча: документальная повесть. — [2-е изд., доп.]. — [Самара]: Самарское отделение Литфонда, 2004. — 47 с.
366. Радостная встреча: документальная повесть. — [4-е изд., доп.]. — Самара: Самарское отделение Литературного фонда России, 2007. — 96 с.
367. Радостная встреча: документальная повесть. [5-е изд., доп.]. — Самара: Самарское отделение Литфонда России, 2013. — 124 с.
368. Радостная встреча: документальная повесть. — [6-е изд., доп.]. — Самара: [«Русское эхо»], 2018. — 208 с. — Текст парал. на англ. и рус. яз.
369. Храм Святой Троицы в Утевке / А. Малиновский, А. Копач. — Самара: Русское эхо, 2009. — 39 с.

* * *

370. Радостная встреча: повесть // Роман-журн. XXI век. — 2002. — № 3. — С. 8–21.
371. Радостная встреча: документальная повесть // Рус. эхо. — 2007. — № 3 (36). — С. 37–105.
372. Радостная встреча: повесть // Всерус. собор. — 2007. — № 2–3. — С. 210–274.
373. С Божьей помощью: отрывок из документальной повести // Рус. эхо. — 2010. — № 3 (50). — С. 22–23.
374. Художник: [поэма в сокращенном варианте] // Ленин. луч [Нефтегорский р-н]. — 1988. — 6 сент. — С. 2.
375. Художник: [стихи о Г. Журавлеве] // Бурлак. — 1993. — № 17–18. — С. 9–10.

* * *

376. Журавлев Григорий Николаевич // Православная энциклопедия. — Москва, 2008. — Т. 19: Ефесеям послание — Зверев. — С. 385–387.
377. Иконописец // Аз есмь Гражданин. — 1999. — № 3. — С. 144–153.
378. История Григория Журавлева // Луч [Нефтегорский р-н]. — 2008. — 23 янв. — С. 4.
379. На пепелище: [о Г. Журавлеве и храме Святой Троицы] // Бурлак. — 1993. — № 9–10. — С. 5–9; № 11–12. — С. 4–8; № 13–14. — С. 10–15; № 19–20. — С. 10–13.
380. Радостная встреча: к 100-летию со дня кончины Григория Журавлева // Духов. собеседник. — 2016. — № 2. — С. 104–117.
381. «С Божьей помощью...»: [о Г. Журавлеве, его работах и поиске материалов о нем] // Рус. эхо. — 1995. — № 2. — С. 198–214.
382. Утевские находки // Волж. коммуна. — 1992. — 15 сент. — С. 3; 16 сент. — С. 3; 18 сент. — С. 3; 19 сент. — С. 7.
Содерж.: 1. Письмо с берегов Адриатики; 2. Дом Журавлевых; 3. В гостях у старика Корнева; 4. Заботы отца Анатолия.
383. Ученик иконописца Григория Журавлева: [о Василии Григорьевиче Попове] / А. Малиновский, Т. Конякина // Рус. эхо. — 2016. — № 6 (113). — С. 230–235.

* * *

384. Игнашов, А. И вновь — «Радостная встреча»: о повести Александра Малиновского / А. Игнашов // Рос. писатель. — 2007. — № 17–18 (165–266).

385. Карасик, В. Тайны Утевского храма: расследовал писатель Александр Малиновский [книга, посвященная с. Утевка и храму Святой Троицы, вышла в издательстве «Русское эхо»] / В. Карасик // Волж. коммуна. — 2009. — 15 окт. — С. 7.
386. Карасев, В. Александр Малиновский: «Книга о Журавлеве завершится, когда я найду еще две иконы»: [интервью с А.С. Малиновским об исследовании жизни и творчества Григория Журавлева] / В. Карасев // Волж. коммуна. — 2012. — 8 дек. — С. 29.
387. Новая встреча с утевским иконописцем: [о пятом издании книги «Радостная встреча»] // Волж. коммуна. — 2013. — 23 апр. — С. 7.
388. В поисках утевской Мадонны: [беседа с А.С. Малиновским] / записал Г. Коноплев // Аргументы и факты — Самара. — 2015. — Авг. (№ 32). — С. 3.
389. Белова, Н. Сказки и были Нефтегорской земли / Н. Белова // Волж. коммуна. — 2016. — 2 сент. — С. 21.
- О Нефтегорском городском детском музее, в экспозиции которого есть зал памяти художника Г. Журавлева с портретом А.С. Малиновского.

Содержание

САГА О ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЯХ. Роман.....	5
<i>Владимир Плотников. Последняя сага</i> профессора Малиновского	402
<i>Вадим Карасёв. «Дорога правды и добра».....</i>	420
<i>Вадим Карасёв. Александр Малиновский</i> и средства массовой информации	429
<i>Анатолий Окружнов. От начала круга .....</i>	432
О жизни и судьбе своего поколения. Беседа Николая Дорошенко с писателем Александром Малиновским	461
Основные даты жизни и деятельности А.С. Малиновского	471
Библиографический указатель. Александр Малиновский — учёный, писатель, краевед	474

*Проект «Издание Собрания сочинений
Александра Малиновского в 7-ми томах»
реализован при грантовой поддержке
Правительства Самарской области
и грантовой поддержке Администрации г. Самара.*

*Финансовую поддержку изданию оказали
Администрация муниципального района Нефтегорский
(глава муниципального района
Александр Викторович Баландин),
ООО ГК «ИНФОПРО» (генеральный директор
Павел Владимирович Сергиенко),
Сергей Анатольевич Тишин, Леонид Иванович Пешков,
Дмитрий Владимирович Сергиенко,
Василий Владиславович Никонов,
Евгения Сергеевна Попова, Владимир Иванович Петрушин,
Алла Николаевна Горборукова, Борис Фёдорович Ремезенцев,
Юрий Михайлович Тулупников, Юрий Минович Ример,
Дмитрий Сергеевич Колмыков, Андрей Евгеньевич Дорфман,
Дмитрий Владимирович Кошаев,
Владимир Александрович Тыщенко.*

*Подписались на один экземпляр издания:
Виктор Алексеевич Бесперстов, Татьяна Николаевна Иоффе,
Галина Васильевна Плотникова, Людмила Петровна Горюхина,
Василий Алексеевич Серебряков, Ольга Кузьминична Говорухина,
Владимир Дмитриевич Самсонов, Людмила Васильевна Чернецова,
Дмитрий Александрович Кузнецов и другие.*

**Малиновский
Александр Станиславович**

**Собрание сочинений в 7-ми томах
том 7**

Вёрстка — *А.В. Громов*
Дизайн обложки — *В.А. Лисина*

Издание подготовлено
Издательским домом «Российский писатель» (г. Москва),
Центром поддержки и развития творческих инициатив
им. А.С. Малиновского Самарского государственного
технического университета
и творческим объединением «РУССКОЕ ЭХО» (г. Самара)
443001, г. Самара, ул. Самарская, 179,
телефон: (846) 333-48-01
www.litsamara.com
e-mail: litsamara@yandex.ru

Подписано в печать 10.06.2019 г. Формат 60x90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Exselsior.
Печать офсетная. Печ. л. 31,75.
Тираж 350 экз. Цена договорная.

Отпечатано в типографии ООО «Слово»
443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1;
тел.: (846) 267-36-82
e-mail: izdatkniga@yandex.ru